

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова

4

2016

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 4
Июль – Август

V E S T N I K
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 4
July – August

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVIKH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,

Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),

Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,

Linguistic Investigations Institute

of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVIH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Майоров А.А.**
Миграционные процессы
в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII–XII вв.
- 13 Лукоянова М.А.**
Планировка и застройка уездных городов
Саратовской губернии в период
с конца XVIII в. по 70-е гг. XIX в.
- 17 Сафронов С.А.**
А.А. Кофод – один из идеологов
стольпинской аграрной реформы
- 22 Четвериков С.А.**
Польские политические ссыльные 1863 года
в Оренбургской губернии
- 27 Кидяров А.Е.**
Муромское восстание 1918 г.
- 31 Князев А.С.**
Финансовое обеспечение служащих
губернских архивных бюро Верхнего Поволжья:
1918–1922 гг.
- 33 Неровный А.В.**
Участие австралийского военного контингента
в интервенции на Русском Севере в 1918–1919 гг.
- 39 Петровичева Е.М., Тряхов И.С.**
Демографическая ситуация во Владимирской
и Ивановской областях в 1939–1945 гг.:
динамика и характер изменений
- 43 Аристов С.В.**
Концентрационный лагерь Клоога:
центральный филиал в системе Вайвары
- 46 Рыжков Е.Н.**
А. Улам и другие американские историки о некоторых
аспектах внешней политики СССР после
Второй мировой войны и об истоках холодной войны
- 51 Макеева Е.Д.**
Характерные особенности управления охраной
природы в регионах РСФСР в 1960–1980-е гг.
(исторический аспект)
- 56 Бочко В.Ю.**
Политические партии Соединенных Штатов Америки
на территории Техаса, как элемент интеграции
(1845–1861 годы)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 59 Лебедев Ю.В.**
Христианские и фольклорные мотивы
в поэзии Н.А. Некрасова
- 65 Шашкова Е.В., Талашов Г.П.**
Основные этапы некрасоведческой деятельности
В.Е. Евгеньева-Максимова
- 72 Володина Н.В.**
Роман Л.Н. Толстого «Война и мир»
в оценке Н.Д. Ахшарумова (статья первая)
- 75 Алферова О.А.**
Л.Н. Толстой и Эрнест Кросби
- 79 Едошина И.А., Афанасьева Е.А.**
Пути и перепутья крылатых слов:
А.Н. Островский, С.В. Максимов, Н.С. Ашукин
- 85 Козьмина Е.Ю.**
Проблема типологии
географического романа приключений
- 89 Белякова Е.Н.**
Особенности интерпретации романа
Ф.М. Достоевского «Идиот» в разборах О. Миллера
(к вопросу о становлении научного метода
в отечественном литературоведении)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 A.A. Mayorov**
Migratory processes in Verkhovye (the Upper Oka) area
in the 8th–12th centuries
- 13 M.A. Lukoyanova**
Planning and construction
of district towns of Saratov Province
in the late 18th century—1870s
- 17 S.A. Safronov**
Carl Andreas Koefoed, one of the ideologists
of Pyotr Stolypin's agrarian reform
- 22 S.A. Chetverikov**
Polish political exiles of 1863
in Orenburg Province
- 27 A.Ye. Kidyarov**
Murom anti-Soviet riot in 1918
- 31 A.S. Knyazev**
Financial provision of employees
of provincial archive bureaus of the Upper Volga:
1918—1922
- 33 A.V. Nerovnyi**
The participation of Australian troops
in the North Russia intervention 1918-1919
- 39 E.M. Petrovicheva, I.S. Tryakhov**
Demographic situation in Vladimir
and Ivanovo Regions in 1939—1945:
dynamics and changing characteristic
- 43 S.V. Aristov**
Klooga concentration camp:
the central branch in Vaivara system
- 46 E.N. Ryzhkov**
Adam Bruno Ulam and other American historians
on some aspects of Soviet foreign policy after World War II
and the origins of the Cold war
- 51 E.D. Makeeva**
Characteristic features of management of nature protection
in the regions of the RSFSR in the 1960—1980s
(historical aspect)
- 56 V.Yu. Bochko**
Political parties of the United States of America
on Texas territory as an element of integration
(1845–1861)

SCIENCE OF LITERATURE

- 59 Yu.V. Lebedev**
Christian and Russian folklore motifs
in Nikolay Nekrasov's poetry
- 65 E.V. Shashkova, G.P. Talashov**
The main stages of studying Nikolay Nekrasov's life
and literary works by Vladislav Yevgen'yev-Maksimov
- 72 N.V. Volodina**
Leo Tolstoy's novel «War and Peace» in the evaluation
of Nikolay Akhsharumov (article one)
- 75 O.A. Alferova**
Leo Tolstoy and Ernest Howard Crosby
- 79 I.A. Yedoshina, E.A. Afanasyeva**
Odyssey of winged words (popular maxims):
Alexander Ostrovsky, Sergey Maksimov, Nikolay Ashukin
- 85 E.Yu. Kozmina**
The problem of the typology
of geographical adventure novel
- 89 E.N. Belyakova**
Peculiarities of interpretation of Fyodor Dostoyevsky's
novel "The Idiot" in critiques by Orest Miller
(Russian literature studies'
scientific method in the making)

- 94 Горобец Е.В.**
Выражение глубинных сущностей мира
через образы звучания в лирике К.Д. Бальмонта
- 97 Стрельникова Л.Ю.**
Идея «вечного возвращения» как игра
с ценностями жизни в романе В. Набокова «Машенька»
- 102 Марфина В.А.**
Категория цвета в графике и новеллах Туве Янссон
- 107 Плютова М.И.**
Оживающие изображения в новелле
Александра Грина «Искатель приключений»
- 111 Егоров М.Ю.**
Метаповествовательные функции эпистолярного
нарратива в повести «Зона» С. Довлатова
- 116 Ашурбеков А.А.**
Предпосылки зарождения табасаранской прозы
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 121 Разумов Р.В.**
Типология моделей урбанонимических систем
Российской Федерации
- 125 Поляков А.С.**
К вопросу о содержании понятия «этноним»
- 130 Лебединская В.Г.**
Диалектология – регионимика:
смена парадигм в условиях поликультурного региона
- 134 Крюкова К.С.**
Особенности выражения контраста
в трансформированных вариантах пословиц
- 137 Окуловская С.В.**
Произведения И.М. Касаткина как источник изучения
диалектной лексики Верхнего Поунжья
(этнолингвистический аспект)
- 141 Попова Т.Г., Мингалева О.В., Аникеева И.Г.**
Метафора как ассоциативный механизм
и объект интерпретации и восприятия речи
- 144 Попова Т.Г., Сачкова Е.В.**
Метафора во многостилевом аспекте
- 148 Путятина Е.И.**
Контекстуальная синонимия
в тексте и его дискурсе
- 152 Попова И.С.**
Виды чужой речи в немецком
устнопорождаемом дискурсе
- 156 Архипов К.В., Каменева В.А.**
Концепция адресата и адресанта
сайтов правительств англоязычных стран
- 160 Добровольская О.Я.**
Фонографическая вариативность среднеанглийской
агентивно-профессиональной лексики
- 166 Ермакова Л.В.**
Аргументация как вид речевого воздействия
в медиадискурсе
- 170 Даминова С.О.**
Лингвостилистические особенности названий
научно-популярных статей по химии
в английском языке
- 175 Копцов А.Н.**
Языковая эклектика как жанровая черта
современного «русского шансона»: на материале
песенно-поэтического творчества Елены Ваенги
(статья вторая)
- 180 Алексеев А.В.**
Кодирование информации с помощью аббревиации
в виртуальном пространстве (на примере англоязычно-
го и немецкоязычного текстинга)
- 184 Пашкова Татьяна Владимировна**
Феномен «сглаза»
в народной медицине карел

- 94 E.V. Gorobets**
Depiction of the fundamental nature of the world through
images of sound in Konstantin Balmont's lyrics
- 97 L.Yu. Strel'nikova**
The idea of "eternal return" as a game with
the values of life in the novel "Mary"
- 102 V.A. Marfina**
Colour category in graphics and novellas by Tove Jansson
- 107 M.I. Plyutova**
The reviving images in the novel «The Adventurer»
by Alexander Grin
- 111 M.Yu. Yegorov**
Metafictional functions of the epistolary narrative
in «The Zone» by Sergei Dovlatov
- 116 A.A. Ashurbekov**
Preconditions of origin of Tabasaran prose
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 121 R.V. Razumov**
Urbanonymic systems of the Russian Federation:
typology of models
- 125 A.S. Polyakov**
Revisiting the content of concept "Ethnonym"
- 130 V.G. Lebedinskaya**
Dialectology, regionymics: change of paradigms
in the conditions of the polycultural region
- 134 K.S. Kryukova**
Features of contrast expression
in the transformed versions of proverbs
- 137 S.V. Okulovskaya**
Works by Ivan Kasatkin as
a source of studying dialect lexis of the Upper Unzha area
(ethnolinguistic aspect)
- 141 T.G. Popova, O.V. Mingaleva, I.G. Anikeyeva**
Metaphor as associative tool and the object
of interpretation and speech perception
- 144 T.G. Popova, E.V. Sachkova**
Metaphor in poly-style aspect
- 148 E.I. Putyatina**
The contextual synonymy functioning
in a text and in its discourse
- 152 I.S. Popova**
Types of oral speech
in German speech discourse
- 156 K.V. Arhipov, V.A. Kameneva**
The addressee and addresser conception of the
governmental web sites of the English-speaking countries
- 160 O.Ya. Dobrovolskaja**
Phonographic variability
of the Middle English occupational terms
- 166 L.V. Ermakova**
Argumentation as a type of speech impact
in mass media discourse
- 170 S.O. Daminova**
Linguostylistic peculiarities
of titles of popular science chemistry papers
in English
- 175 A.N. Koptsov**
Language eclecticism as a feature marking
the modern genre of "Russian Chanson"
as reflected in the creative song poetics
of Elena Vaenga
- 180 A.V. Alekseyev**
Information encoding by means
of abbreviation in the virtual space
(in English and German texting)
- 184 T.V. Pashkova**
«Evil eye» phenomenon
in the folkish medicine of the Karelians

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

188 Неверов А.Я.

К вопросу о необходимости определения вектора дальнейшего развития современного российского общества

192 Мартынова Т.Н., Сгибнева О.В.

Правовое регулирование гарантийных и компенсационных выплат работникам в трудовом праве Российской Федерации

196 Солнцев А.М.

Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права

199 Круглов Д.А.

Международно-правовые основы обеспечения права человека на здоровье в условиях бедствий

205 Бушнев В.В.

К вопросу о некоторых аспектах мирового опыта регулирования инновационной деятельности

207 Ляпин И.Ф.

Проблема децентрализации государственной власти сквозь призму решений Конституционного суда Российской Федерации

212 Михеева И.В., Логинова А.С.

Запреты пропускного режима закрытого административно-территориального образования: «нарушения и наказания» в практике нормотворчества

218 Ивашкина А.В.

К вопросу о классификации мер административного принуждения

221 Гаджиев А.К.

Региональные коллегии федеральных органов исполнительной власти: актуальные вопросы правового статуса

225 Пантюхина И.В.

Роль сочетания несовершеннолетнего возраста субъекта и потерпевшего в половых преступлениях

229 Широков А.М.

К вопросу о системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере жилищно-коммунального хозяйства

232 Назарова Н.Л., Семенченко О.Д.

Уголовно-правовая квалификация деятельности финансовых пирамид

236 Эндерс А.И.

Проблема адаптации правоохранительной структуры к современному уровню развития преступной методологии (на примере сокрытия следов пожаров)

239 Кожокаръ И.П.

Сущность и классификация дефектов в механизме гражданско-правового регулирования: отдельные методологические замечания

243 Коваленко Т.С.

Новый подход к формированию модели носителя судебной власти

249 Азорнов Г.А.

Объекты залога в теории отечественной цивилистики и законодательстве XVIII – начала XX веков

252 Олексенко А.С.

Мирное сосуществование различных конфессий на территории СССР в период усиления атеистической пропаганды

256 SUMMARY

273 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

JURAL SCIENCES

188 A.Ya. Neverov

On the question of the need to define the vector of further development of the modern Russian society

192 T.N. Martynova, O.V. Sgibneva

Legal regulation of the guarantee and compensation payments to employees in labour law of the Russian Federation

196 A.M. Solntsev

Protection of environmental human rights in the context of the internationalisation of constitutional law

199 D.A. Kruglov

International legal bases of providing a human right on health in the conditions of disasters

205 V.V. Bushnev

On the question of some aspects of the world experience of innovation activity regulation

207 I.F. Lyapin

The problem of decentralisation of state power through the prism of decisions of the constitutional court of the Russian Federation

212 I.V. Mikheeva, A.S. Loginova

Prohibitions of the closed administrative-territorial entity admission regime: «offences and penalties» in the practice of rulemaking

218 A.V. Ivashkina

On the question of the classification of administrative coercive measures

221 A.K. Gadzhiev

Regional boards of federal organs of the executive authority: topical issues of legal status

225 I.V. Pantyuhina

The role of a combination of minor age of the subject and the victim in sexual crimes

229 A.M. Shirokov

On the issue of system of circumstances subject to a proof, concerning cases of infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence in the scope of housing and communal services

232 N.L. Nazarova, O.D. Semenchenko

Legal qualification of the activity of financial pyramids in criminal law

236 A.I. Enders

Problem of adaptation of law-enforcement structure to a modern level of development of criminal methodology

239 I.P. Kozhokar'

On the issue of the need to study defects of the civil regulation mechanism

243 T.S. Kovalenko

A new approach to the formation of the model support of the judiciary

249 G.A. Azornov

The objects of the pledge in the theory of Russian civil law and legislation of the 18th—early 20th centuries

252 A.S. Oleksenko

Different confessions' peaceful coexistence in the USSR territory in the period of atheistic propaganda aggravation

256 SUMMARY

273 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 94(470)“8/12”

Майоров Анатолий Александрович
кандидат исторических наук
Орловский государственный институт культуры
aamajorov@rambler.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕРХОВСКОМ (ВЕРХНЕОКСКОМ) РЕГИОНЕ В VIII–XII ВВ.

Вопросы миграций населения на территории Верховской историко-географической провинции в течение VIII–XII вв. практически не попадали в сферу внимания крупных исследователей. В то же время территория Верховской историко-географической провинции в данный период была местом пересечения нескольких разнонаправленных и хронологически разделенных миграционных маршрутов. Большая часть мигрантов этнически относилась к славянам, принадлежавшим к роменско-боршевской и древнерусской культурам. Возможным представляется моравское и дунайское культурное влияние. Миграционные процессы, протекавшие в рассматриваемый период, отличались сложностью и динамичностью, являлись результатом взаимодействия ряда внутренних и внешних политических, экономических и социальных процессов. В данной статье содержится первый опыт разработки и систематизации единой хронологии миграционных процессов, протекавших на указанной территории, обосновываются характерные признаки и последствия влияния процессов миграции на демографическое и культурное состояние региона.

Ключевые слова: Верховская историко-географическая провинция, вятичи, расселение, миграционные процессы, роменская археологическая культура, Древняя Русь.

Включение восточнославянских этнических объединений, традиционно именуемых в исторической литературе «племенами», в состав Древнерусского государства отнюдь не предполагало немедленной культурной ассимиляции. Политическое инкорпорирование сопровождалось весьма длительным сохранением и даже порой приумножением ряда специфических черт исторического развития отдельных этнических общностей. Сам процесс «вхождения» в состав Русского государства иногда растягивался на весьма продолжительный период времени. Пожалуй, в наибольшей степени такого рода особенности проявились в истории вятичского этнополитического объединения, занимавшего первоначально территорию бассейна Верхней Оки и, по всей видимости, дольше других сохранившего высокую степень самостоятельности. Российская история зафиксировала сохранение идентичности этого «племени» вплоть до XIII в.

Занимаемые ими территории были ограничены на севере широтным течением реки Оки, на западе – границей бассейна реки Десна, на востоке – верховьями реки Дон, на юге – бассейном реки Сейм. Автор настоящей статьи разрабатывается тематика, касающаяся существования на указанной территории отдельного историко-географического региона, который можно назвать Верховской историко-географической провинцией. Регион характеризовался наличием общего комплекса политико-экономических и социально-географических особенностей, способствовавших продолжительному существованию сначала автономного вятичского племенного союза, а впоследствии автономных Верховских княжеств в окружении более сильных в экономическом, военном и политическом планах соседей [8]. Наряду с комплексом иных обстоятельств одной

из важнейших причин отмеченного своеобразия верховских земель была, безусловно, специфика процессов их славянской колонизации – сложное переплетение направлений и особенностей региональных миграционных процессов.

Вопросы движения населения на территории Верховской историко-географической провинции в VIII–XII вв. весьма долго не попадали в сферу внимания крупных исследователей. В течение XIX–XX вв. сформировалась определенная традиция цитирования летописных сообщений о «дикости» вятичей, рассказа об уплачивавшейся ими хазарской дани и о походах на них князя Святослава. Такая ситуация объясняется тем, что единственным доступным фактическим материалом об истории этих земель длительное время были лишь летописи, в малой степени уделявшие внимание событиям на верхней Оке.

Большой объем объективной информации по верховской истории конца первого тысячелетия нашей эры был собран учеными-археологами. Исследования А.В. Арциховского, А.Л. Монгайта, В.В. Седова, Т.Н. Никольской заложили прочную основу для начала систематизации имеющегося массива исторических данных. Большой вклад для его превращения в стройную непротиворечивую систему внесли работы И.И. Ляпушкина, Е.А. Шинакова, А.М. Обломского, А.В. Григорьева, ряда других исследователей. К настоящему времени собранная и систематизированная историческая информация позволяет сделать определенные выводы о ходе, времени и качественных характеристиках миграций, протекавших в рассматриваемый период на территории Верховской историко-географической провинции.

Миграционные процессы на территории верхней Оки в VIII–XI вв. ранее рассматривались

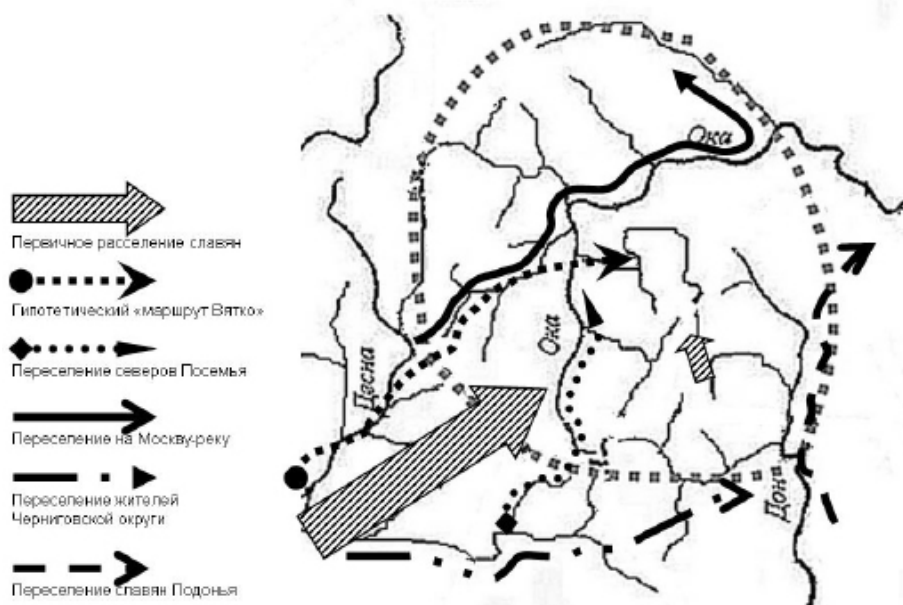

Рисунок 1. Миграционные процессы Верховии в VIII–XII вв.

в рамках общей славянской колонизации Восточной Европы, упрощенно сводимой к непрерывному процессу «расселения» неких усредненных «славян». Такая позиция создавала впечатление о равномерном потоке культурно и этнически однородных переселенцев. Вопросы качественных различий между разными группами славянского населения, расселившихся в Верховии, фактически не рассматривались.

Безусловно, существовали разные точки зрения на исходную территорию, с которой происходила колонизация бассейна Верхней Оки. В частности, В.В. Седов выделил два этапа расселения славян на Верхней Оке, первый из которых он датировал периодом, последовавшим вслед за гуннским разгромом ерняховской культуры в 376 г. н. э., что привело к заметному изменению бытовой культуры и характера расселения носителей балтской мощинской культуры. Второй этап славянской колонизации он отнес к VIII в., показывая, что «сложившаяся здесь культура по основным показателям сопоставима с синхронными древностями южной зоны Восточной Европы» [14, с. 155]. Определение «материнской» исходной территории для вятичей и маршрутов колонизационных потоков, по его мнению, не представлялось возможным.

Помимо прочего, изучение движения населения на верховской территории затруднялось попытками включить в земли вятичей, наряду с верхним, также и среднее течение Оки [1, с. 135]. Основанием для этого служили списки летописей, в которых вятичи были отождествлены с рязанцами. Такие сведения содержат Тверская (1534 г.), Львовская (начало XVI в.) и Ермолинская (конец XV в.) летописи, составленные на основании Ростовского компилятивного свода XV в. [2, с. 157; 14, с. 77,

136–137]. Т.Н. Никольская вслед за В.В. Седовым, располагавшим прародину радимичей в Верхнем Поднестровье, полагает местом исхода предков вятичей некие юго-западные территории, усматривая в их материальной культуре «много общего с раннеславянской культурой типа Корчак (или пражского типа)» [11, с. 12].

Переселение крупных людских масс в VIII–XI вв. было очень сложным делом. Смена места жительства со всем имуществом, включавшим сельскохозяйственный, ремесленный, охотничий и иной инвентарь, домашний скот с запасом кормов, осуществление разведки маршрута и вооруженного обеспечения безопасности на всем протяжении путешествия, финальное обустройство на новом месте было организационно сложной и материально затратной задачей. Вряд ли массовое переселение было желанным для всех его участников. В этой связи представляется обоснованным полагать, что необходимость перемещения значительных масс населения была обусловлена очень важными и серьезными побудительными социальными, политическими, военными или экономическими причинами. Данное обстоятельство необходимо постоянно учитывать при рассмотрении всех примеров миграций в пределах Верховского историко-географического региона.

Переселенческие процессы в земле вятичей в VIII–XI вв. в их исторической последовательности целесообразно представить в виде пяти конкретных примеров.

Первым достоверно известным миграционным процессом следует считать расселение ранних славян по территории бассейна Верхней Оки. Нижней хронологической его границей является VIII в. Именно к тому периоду относятся самые ранние

поселения роменской культуры, обнаруженные археологами. В VIII в. в Верховском регионе произошло взаимодействие древних вятичей с сохранившимися по берегам вторичных окских притоков балтами, носителями мощинской археологической культуры. Такое взаимодействие отразилось в ряде характерных признаков, отличавших местных славян от их южных и юго-западных родичей. В то же время особенности погребального ритуала (кремация) не позволяют надеяться на выявление, помимо культурного, генетического единства обитателей бассейнов верхней Оки, верхнего Дона, Десны, Сейма и Сожа [14, с. 155].

Первичное заселение земли вятичей осуществлялось, вероятно, по двум маршрутам: по юго-западному (основному) со стороны Десны и Днепра, а также (в значительно меньшей степени) по юго-восточному со стороны Дона. В качестве транспортных магистралей использовались речные пути. Количество атрибутированных поселений той эпохи на Верхней Оке не превышает ста. Это число представляется автору явно недостаточным для складывания полноценной и единой этнополитической структуры на означенной территории. По всей видимости, какая-то часть небольших мощинских поселений, до сих пор не прошедших инструментальную датировку, могут претендовать на синхронность и параллельность существования со славянскими поселениями роменской (боршевской) культуры.

Вторым крупным миграционным процессом явился приход переселенцев, которые, по всей видимости, ассоциировались с приходом на Оку легендарного Вятко. Летописный рассказ предполагает отнесение датировки этого события ко второй половине IX в., хотя, безусловно, не может служить абсолютно достоверным источником. [9, с. 101–104]. Вполне возможна и несколько более поздняя датировка. К числу подтверждающих аргументов следует отнести то обстоятельство, что археологические исследования свидетельствуют о том, что в верховском регионе «в начале IX в. не только резко возросло количество населения, но и произошли заметные изменения в его материальной культуре. Коснулись эти перемены не только вновь освоенных территорий, но и земель, освоенных славянами в предшествующем столетии» [4, с. 100]. Характер найденных археологами предметов материальной культуры позволил предположить, что новые поселенцы происходили из районов, культурно относимых к Подунавью [4, с. 100]. На этом основании нельзя, конечно, точно локализовать зону «исхода» новых переселенцев как моравские либо нижнедунайские территории. Тем не менее во второй и третьей четвертях IX в. именно р. Дунай выступала в качестве южной границы Великоморавской державы, а позднее, во времена Святополка I (871–894 гг.) это государство расши-

рилось весьма значительно, так что его население, с учётом весьма высокого культурного и технологического уровня, вполне могло выступать в качестве носителей именно «дунайских» традиций [13, с. 84–85]. Последующие события, связанные с постепенным разорением и уничтожением Великой Моравии мадьярами на юге, а предками поляков – на севере, вполне могли стать побудительной причиной для активизации миграционных процессов из Моравии в восточном направлении.

Третий пример миграционного процесса в верховском регионе стал следствием военных походов Святослава 960-х гг., которые сами по себе не оказали заметного прямого влияния на демографическую ситуацию на рассматриваемой территории. Первый поход 964 г. закончился не очень удачно. Второй поход 966 г. завершился подчинением вятичей и наложением на них дани. Разгром Святославом Хазарского каганата лишил вятичей номинальной метрополии и нанес удар по их благосостоянию из-за сокращения товарных потоков по донскому и окскому торговым путям.

К тому времени на Верхнем Дону сформировалась крупная славянская группировка. Ее основу составили восточные славяне, имевшие прямое отношение к вятичской традиции. Датировка начала поселенческих процессов в данном регионе относится к периоду не позднее VIII в. [3, с. 130–131]. Вероятным следствием военных походов Святослава в вятичскую землю стало значительное ослабление многочисленных поселений родственных вятичам донских славян.

Продолжением киевской политики в отношении вятичей стали походы князя Владимира Святославовича на вятичей в 981 г. и в 982 г. В результате победы Владимира над восточными северянами была уничтожена большая часть их городов и крепостей, а также фактически был положен конец роменской археологической культуре. В результате этого завоевания и последующей русской колонизации восточно-северское славянское сообщество Посемья перестало существовать [6, с. 275]. Количество сохранившихся поселений, по данным археологии, на этой территории сократилось вдвое. Часть северского населения была уничтожена, часть уцелела и вошла в состав единой древнерусской народности. Именно в это время среди вятичских находок появляются вещи, указывающие на появление в вятичских землях значительного числа северов с их роменскими традициями [6, с. 288, 305].

Вятичские земли в конце X в. приняли множество беженцев и переселенцев из разгромленной земли северян. В пределах Верховского региона примерно в 400 километрах к северу от прежней родины смогла сформироваться общность потомков северских беженцев, сохранивших свои обычаи и привычки [6, с. 305–306]. Удивительная для тех времен высокая плотность населения от-

дельных вятичских территорий была, возможно, вызвана размещением на них северских беженцев с территории Посеймья, разгромленного киевскими князьями. Об этом говорят многочисленные находки предметов материальной культуры, более характерных для Посеймья, обнаруженные во время археологических исследований на верховской территории. Современные исследования также свидетельствуют о прекращении функционирования славянских поселений на реках Дон и Воронеж в первой половине XI в. [3, с. 132].

Помимо прочего, походы киевских князей, по всей видимости, явились одним из значимых факторов активной вятичской колонизации будущей Рязанской земли, которая, хоть и находится вне пределов рассматриваемого региона, но, в силу определенной близости исторических судеб, может быть справочно рассмотрена в данной статье. Именно в X в., согласно А.Л. Монгайту, происходила активная вятичская колонизация территории Средней Оки, что, учитывая высокую вероятность вынужденного характера данной миграции, прекрасно сочетается в хронологическом отношении с походами Святослава и Владимира против вятичей. Более того, становится понятен достаточно быстрый (менее чем через сто лет) «...расцвет городской культуры, ярким примером которого является развитие Старой Рязани» [10, с. 255].

Весьма важным маркером, указывающим на влияние идущих миграционных процессов, являются результаты археологических изысканий, которые отмечают, помимо прочего, постепенное и неуклонное увеличение числа древнерусских предметов среди материальных находок на местах собственно верховских или соседних населенных пунктов применительно к X–XI вв. Стратиграфические исследования на поселении у села Горбово позволили выделить четыре строительных периода в пределах X в. и начала XI в. На основе данных, полученных при раскопках этого в настоящее время наиболее исследованного в Подесенье поселения, возникла возможность разделить третий этап существования роменской культуры на три хронологических периода [5, с. 67–73]. Безусловно, данный населенный пункт размещался вне пределов Верховского региона, тем не менее единство первоначальной культуры и признаки наличия упомянутой миграционной волны делает его данные весьма показательными.

Основным критерием, определяющим эти периоды, явилось количественное соотношение в керамическом комплексе роменских и древнерусских материалов. Для первого периода (конец IX – первая четверть X в.) характерно присутствие круговой керамики в количестве, не превышающем 20 %. В материалах второго периода (вторая и третья четверти X в.) роменская и древнерусская керамика встречаются примерно в равных соот-

ношениях. Третий период (последняя четверть X – начало XI в.) характеризуется полным количественным превосходством круговой керамики (более 70–80 %). Для определения периодов могут также служить некоторые типы венчиков круговой керамики [5]. Хорошо видно, что к началу XI в. древнерусские материалы стали полностью преобладать на региональном уровне, что могло стать, в том числе, и следствием состоявшихся миграций.

Следующим примером явной миграции местного населения за пределы Верхнеокского региона являются данные исследований, свидетельствующие о начале активного освоения славянами бассейна Москвы-реки примерно во второй половине XI в. Именно в этот период началась массированная славянская колонизация региона. Во второй половине XI в. долина среднего течения Москвы-реки и долина ее правого притока р. Пахры (нижнее течение) были колонизованы населением, пришедшим туда с юга, из-за Оки. Отдаленной исходной точкой колонизационного движения являлся ареал проживания северян и вятичей. Первая волна переселенцев равнялась 2–3 тысячам человек, причем эта группа подразделялась на довольно крупные коллективы, не менее нескольких десятков человек в каждом [7].

Применительно к XI–XII вв. направление движения переселенцев демонстрируют географические названия, перенесенные из центра Черниговского княжества на некоторые части верховских и соседних с ними земель. Приведем некоторые примеры переноса названий из района Чернигова в бассейн верхнего Дона: река Снов – река Снова; Елецкий монастырь – город Елец; село Свишня – река Свишня; река Воргол – река Воргол. Эти совпадения подтверждают гипотезу о миграции значительного количества переселенцев из Черниговских земель. Это могло быть как переселение восточных северов, бегущих от захвата «русскими» дружинами в IX–X вв., так и организованное освоение из центра княжества в более позднее время [12, с. 7–12]. В русле этой гипотезы вполне вероятным является предположение, что своему заселению новыми жителями земли вдоль реки Сосны обязаны «прорубанию» торгового пути в Волжскую Булгарию, осуществленную князем Владимиром в конце X в.

Совокупность рассмотренных материалов позволяет подтвердить общую гипотезу о том, что территория Верховской историко-географической провинции в VIII–XII вв. была местом пересечения нескольких разнонаправленных и хронологически разделенных миграционных маршрутов. Большая часть мигрантов этнически относилась к славянам. Культурная принадлежность, определяемая данными, полученными в результате археологических исследований, может быть определена как славянская мультикультурная: роменско-боршевская

и древнерусская (с вероятностью дунайского и моравского влияния). Миграционные процессы, протекавшие в рассматриваемый период, отличались сложностью и динамичностью, являлись результатом взаимодействия ряда сложных внутренних и внешних политических, экономических и социальных процессов.

Основываясь на результатах доступных в настоящее время исторических и археологических исследований, можно выделить по меньшей мере пять значительных миграционных потоков, оставивших наиболее значительный след в истории Верховской историко-географической провинции.

В качестве первой значимой славянской миграции на территории бассейна Верхней Оки следует указать первичное расселение славян в течение VIII–IX вв. Их принадлежность к романо-боршевской археологической культуре указывает как минимум на культурную близость (вплоть до единства) северам (северянам), проживавшим южнее и имевшим тесные связи с волынцевской и салто-маяцкой культурой.

Вторым значимым эпизодом, по всей видимости, является отмеченное археологами переселение в регион с западного направления некоторого количества носителей дунайских и, вероятно, великоморавских культурно-бытовых традиций. В исторической памяти этот период, вероятно, отразился в виде зафиксированного летописями прихода, или «призвания», легендарного Вятко. Результатом этого процесса стал заметный рост численности населения и постепенный отход от более «степных» бытовых традиций роменской культуры. Хронологические рамки этой миграции, вероятно, ограничены концом IX – серединой X в.

Третьим зафиксированным миграционным процессом следует полагать бегство северских и вятчских жителей Посемья и Верхнего Подонья от киевского завоевания в княжение Владимира Святославовича в самом конце X в. Результатом его стало увеличение числа носителей роменской культурной традиции среди жителей Верховской историко-географической провинции и, вероятно, активизация прежде вялой вятчской колонизации Средней Оки.

Четвертый эпизод, по всей видимости, связан с продолжением экспансии Рюриковичей на сохранявшие высокую степень автономности вятчские земли и прямо зафиксирован археологами в виде крупной организованной миграции носителей вятчской и северской культурных традиций в бассейн рек Москвы и Пахры во второй половине XI в.

В качестве пятой значимой миграции следует указать расселение жителей черниговской округи по территории вятичей, что получило свое отражение в распространении явно черниговской топонимики в восточной и южной части рассматриваемой территории. Процесс этот шел, по всей видимости,

непрерывно и может быть хронологически обозначен XI–XII вв.

При всем разнообразии миграционных потоков, затрагивавших землю вятичей, в них просматривается общность основного направления переселенческого движения населения. Таким направлением было перемещение древних славян в наибольшей степени по линии с юго-запада на северо-восток. Об этом свидетельствуют письменные, археологические и лингвистические данные. Они показывают, что оформившееся направление продолжало оставаться дорогой для переселенцев и в последующие века.

Основными путями миграций крупных групп населения оставались, по всей видимости, речные транспортные маршруты, находившиеся вне конкуренции с иными вариантами по объемам и грузоподъемности перевозимого.

Подавляющее большинство переселенцев относилось к славянским этническим группам, что обеспечило относительно высокую степень культурного и демографического взаимодействия прежних жителей территорий и пришлых мигрантов.

Итогом указанных миграционных процессов стало полное славянское освоение территории и формирование относительно однородного славянского населения Верховского региона.

Библиографический список

1. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. – М.: РАНИОН, 1930. – 224с.
2. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. – Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. – 374 с.
3. *Винников А.З.* Основные итоги исследования памятников донских славян (конец VIII – начало XI вв.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы междунар. конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968) / сост., ред. О.А. Щеглова, науч. ред. В.М. Горюнова – СПб.: СОЛО, 2012. – С. 129–132.
4. *Григорьев А.В.* О «второй волне» славянской колонизации // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. – СПб.: СОЛО, 2012. – С. 99–100.
5. *Григорьев А.В.* Поселение у села Горбово // Средневековая археология Восточной Европы. Вып. 175. – М.: Наука, 1983. – С. 67–73.
6. *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей: монография. – Курск: Учитель, 2005. – 352 с.
7. *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2014. – 50 с.
8. *Майоров А.А.* «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная ло-

кализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2016. – Т. 21, вып. 2 (154). – С. 67–75.

9. Майоров А.А. Призвание Вятки (к вопросу о создании вятчского племенного союза) // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3 (26). – С. 101–104.

10. Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.

11. Никольская Т.Н. Земля вятчей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1981. – 296 с.

12. Прохоров В.А. Липецкая топонимия. – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1981. – 160 с.

13. Раткош П. Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, её историческое и культурное значение. – М.: Наука, 1985. – С. 81–95.

14. Седов В.В. Освоение славянами Восточно-европейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. – М.: Научный мир, 2002. – С. 153–159.

15. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб.: Тип-я М.А. Александрова, 1908. – 707 с.

УДК 711

Лукоянова Мария Александровна

Саратовский государственный национальный
исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского
lukoyanova-rus@yandex.ru

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД С КОНЦА XVIII В. ПО 70-Е ГГ. XIX В.

Статья посвящена градостроительству в уездных городах Саратовской губернии от образования наместничества до 1870-х гг. Автор рассматривает застройку и планировку каждого уездного города региона, выявляя различия и сходства данных процессов в различных населенных пунктах. Застройка в некотором роде отображала социально-экономическое развитие города, поскольку число домов росло пропорционально увеличению количества жителей. С течением времени в городах появлялись новые типы зданий. Разработанные для уездных городов Саратовской губернии планы застройки редко исполнялись из-за несоответствия рельефу местности и бедности горожан, которые не могли себе позволить каменное строительство. Капитальная застройка городов региона началась в основном только в конце XIX столетия. Гражданское каменное строительство в Саратовской губернии развивалось медленными темпами из-за высоких цен на кирпич и камень. В то же время строевой лес был доступен для бедных слоев городского населения. Государство не оказывало помощь городским беднякам при реализации запланированного регулярного строительства. Несмотря на все эти проблемы, местные власти пытались осуществлять застройку согласно утверждённым планам, используя дорогостоящие строительные материалы.

Ключевые слова: Саратовская губерния, градостроительство, планировка, застройка, уездные города, гражданская архитектура, церковная архитектура

Конец XVIII – первая половина XIX в. – это время переустройства русских городов на регулярных началах. В эти годы города получали планы застройки, на местах создавались организации, контролирующее строительство. Хронологические рамки связаны с эпохами реформ Екатерины II и Александра II, поскольку и те и другие существенно повлияли на городскую жизнь.

План застройки Аткарска был утверждён императором Александром I 21 июня 1810 г. Его разработчики хотели превратить хаотично расположенные вдоль Волги и других водоёмов улицы в кварталы правильных геометрических форм. Сам город при этом предполагалось ограничить с помощью вала и рва, внутри разбить несколько прямоугольных площадей, самой большой из которых должна была стать Дегтярная. В начале XIX в. в Аткарске было 378 обывательских и десять дворянских домов, но материал, из которого они были построены, в источнике не упоминается. Среди других строений имелись: деревянные церкви (количество не указано), духовное прав-

ление, соляной магазин, магистрат и денежная кладовая [14, с. 101]. К 1825 г. каменных домов в городе не появилось, деревянных насчитывалось 596. В то время в Аткарске было четыре питейных дома, три церкви, трактир и богоугодное заведение (какое именно, в источнике не указано) [12, с. 4–5]. К 1842 г. в городе насчитывалось два каменных и 666 деревянных домов, пять лавок, два трактира, четыре питейных дома и одно исправительное заведение [10, с. 34–35]. К 1864 г. в городе стало 753 деревянных и один каменный частный дом, одна деревянная и три каменных казённых постройки. К этому времени здесь появилось здание присутственных мест, а количество церквей осталось прежним [8, с. 42–43].

В конце XVIII в. в Балашове было десять домов дворян и чиновников, которые после упразднения города в 1797 г. отвезли эти постройки в свои деревни (к сожалению, описания данной процедуры в источнике не имеется). В начале XIX в. в Балашове насчитывалось 228 частных домов, десять соляных амбаров, церковь, освящённая в честь архистратига Михаила, бывший корпус присутственных мест

(очевидно, не служивший по своему назначению из-за ветхости), кладовая для хранения денежной казны, винный выход (все деревянные), здания полиции и магистрата [14, с. 106–107]. В 1825 г. в Балашове имелось 144 деревянных дома (каменных не было), две церкви, одно богоугодное заведение и три питейных дома [12, с. 4–5]. 12 января 1825 г. был утверждён план застройки Балашова с одной площадью (Торговой), к которой вело несколько прямоугольных кварталов. Архитекторы определили места для расположения церквей, присутственных мест, торговых лавок, магазинов и кузниц. К 1842 г. в Балашове было шесть каменных и 396 деревянных домов, одно светское учебное заведение, 11 фабрик и заводов, 46 лавок, один трактир и пять питейных домов [10, с. 34–35]. К 1864 г. число каменных церквей в Балашове увеличилось до четырёх, существовало уже два училища, два каменных и четыре деревянных казённых дома. Число частных каменных домов в городе составило 20, деревянных – 682 [8, с. 43].

К концу XVIII в. большая часть «публичных строений» Вольска были деревянными [11, с. 146]. В 1792 г. здесь произошёл пожар, после которого был составлен план застройки города. К началу XIX столетия в Вольске имелись две каменные церкви и одна деревянная, старообрядческая часовня. Частных деревянных домов было 1 296, каменных – 23; также было семь питейных домов, пять соляных магазинов, денежная кладовая, цейхгауз, магистрат, присутственные места и некая «выставка» (её назначение в источнике не указано). Городнический дом, тюрьма и бывшее здание полиции находились в ветхом состоянии [14, с. 53]. К 1825 г. в Вольске имелось 165 каменных и 1 147 деревянных домов, три трактира, семь питейных домов, богоугодное заведение, две церкви и два учебных заведения [12, с. 14–15]. План Вольска был утверждён в один день с балашовским, 12 января 1826 г. На нём отведены места под несколько небольших площадей, предприятия и фруктовые сады. Город планировалось сделать прямоугольным, исключая ту его часть, которая прилегает к Волге; такими же прямыми, за редким исключением, должны были быть и улицы Вольска. К 1842 г. в городе насчитывалось 122 каменных и 1 732 деревянных дома, светское учебное заведение, 112 лавок, четыре трактира, шесть питейных домов и исправительное заведение [10, с. 34–35]. К 1864 г. частных домов в Вольске насчитывалось 2 764 (158 каменных и 2 606 деревянных), казённых — 12 (четыре каменных и восемь деревянных) [8, с. 41–42].

По сведениям А.М. Щекатова, в конце XVIII в. в Дубовке насчитывалось «несколько сот» домов и две церкви – каменная и деревянная. Достопримечательностью посада он назвал дом покойного атамана Порзицкого, построенный «весь из тёсаного камня весьма прочным и пространым, хотя

совсем на готический вкус» [15, с. 299]. К началу XIX в. помимо двух деревянных общественных зданий в посаде насчитывалось 14 дворянских (2 каменных и 12 деревянных), 258 купеческих и мещанских (из них четыре каменных), пять священнических, 50 казачьих и 254 крестьянских дома [14, с. 79]. 18 июня 1820 г. Александром I был утверждён план Дубовки. Его разработчики разметили несколько площадей, определили места для 227 дворов, церквей, торговых лавок, провиантских магазинов, порохового погреба, денежной кладовой, сараев, ратуши, кузниц. В 1825 г. в Дубовке было 620 деревянных и 18 каменных домов, одна церковь и четыре питейных дома [12, с. 22–23]. К 1864 г. число частных каменных домов в посаде выросло до 265, деревянных – до 1 362. Также здесь находились две каменные казённых постройки, деревянный тюремный замок и четыре каменные православные церкви [8, с. 43].

В конце XVIII в. в Камышине насчитывалось 79 деревянных и 31 каменная лавка [11, с. 146]. В 1776 г. город получил план, по которому производилось «очень изрядное строение». В начале XIX столетия здесь сохранялась крепость с четырьмя бастионами, насчитывалось пять каменных церквей, 29 каменных и 429 деревянных частных домов, дом городничего, гауптвахта, три тюрьмы, духовное правление, денежная кладовая, провиантский магазин, магистрат, гостиный ряд и винный выход, построенные из камня [14, с. 63, 66–67]. В 1825 г. в Камышине насчитывалось 28 каменных и 474 деревянных дома, четыре церкви, два учебных заведения, пять питейных домов, трактир и богоугодное заведение [12, с. 30–31]. 12 января 1826 г. был утверждён план Камышина, судя по которому помимо церквей в городе тогда имелись: дума, ратуша, торговые лавки, мясные ряды и соляные магазины. К 1842 г. здесь было 30 каменных и 526 деревянных домов, два учебных заведения, 13 фабрик и заводов, 155 лавок, четыре трактира, пять питейных домов и исправительное заведение [10, с. 34–35]. В 1861 г. в Камышине было 857 деревянных и 63 каменные церкви, 30 каменных и 40 деревянных лавок, четыре завода [6, с. 439].

В начале XIX в. в Кузнецке насчитывалось 553 частных дома, из которых 17 принадлежали дворянам и чиновникам. В городе находились две деревянные церкви, уездный и земский суды, полиция, магистрат, почтовая экспедиция, кладовая при казначействе, винный выход, мелочный и восемь соляных амбаров [14, с. 89–90.]. 18 июня 1820 г. Кузнецк получил план застройки, на котором видно, что к тому времени большую часть площади города занимали кожевенные заводы. Архитекторы отвели места для церквей, присутственных мест, торговых лавок, соляных магазинов и кузниц. В 1825 г. в Кузнецке имелось: 1 212 деревянных и один каменный дом, четыре церкви, богоугодное

заведение, трактир и четыре питейных дома [12, с. 38–39]. К 1864 г. в городе было девять казённых построек (шесть деревянных и три каменных), 2 319 деревянных и 15 каменных частных домов, четыре церкви и тюремный замок [8, с. 42].

Строительство Петровска началось в конце XVII в. при сооружении новых укреплений для защиты южных и юго-восточных городов. В начале XIX в. в городе находились пять каменных и четыре деревянных церкви, две деревянные часовни, мужской монастырь и 501 частный дом [14, с. 84]. К 1825 г. в Петровске насчитывалось 695 деревянных и пять каменных домов, девять церквей и один монастырь, учебное и богоугодное заведения, два трактира и пять питейных домов [12, с. 58–59]. 12 января 1826 г. был утверждён план Петровска, на котором на кривые улицы были наложены прямоугольные кварталы примерно одинаковой величины, изредка перемежающиеся с площадями. К 1864 г. в Петровске насчитывалось: четыре казённых постройки (одна деревянная и три каменных), 1 135 деревянных и 16 каменных частных домов, а также деревянный тюремный замок [18, с. 42].

В Сердобске в начале XIX в. насчитывалось четыре церкви, из которых одна была построена из камня. В собственных зданиях располагались присутственные места, полиция, денежная кладовая, 12 соляных амбаров, два питейных дома и винный магазин; имелись 87 жилых зданий [14, с. 95]. К 1825 г. в Сердобске не было построено ни одного каменного дома, число деревянных увеличилось до 406. При этом в городе насчитывалось шесть церквей, богоугодное заведение, три питейных дома и два трактира [12, с. 70–71]. 12 января 1826 г. император Николай I утвердил план Сердобска, которым предполагалось сооружение на берегу реки Сердоба прямоугольных кварталов, ограниченных валом и рвом. В 1864 г. в Сердобске было пять казённых построек (четыре каменных и одна деревянная), 642 деревянных и десять каменных домов, пять церквей и тюремный замок [8, с. 42].

В начале XIX в. в Хвалынске было 544 частных дома и одна деревянная церковь; различные учреждения располагались в зданиях, «купленных гражданским обществом». Кроме того, в городе насчитывалось семь магазинов и пять питейных домов [14, с. 42]. В 1825 г. в Хвалынске было 545 деревянных и пять каменных домов, две церкви, четыре питейных дома, два трактира и богоугодное заведение [12, с. 84–85]. 12 января 1826 г. император утвердил план застройки, предполагавший устройство прямых кварталов вместо существующих кривых. По утверждению В.И. Беккера, в середине XIX столетия в Хвалынске было около 1 тыс. домов, «в числе их несколько каменных» и пять церквей [2, с. 31]. К 1864 г. в городе было десять казённых построек, 1551 деревянный и 35 каменных частных домов, пять православных

церквей, мечеть, раскольнический молитвенный дом и тюремный замок [8, с. 42].

Царицынская крепость была построена на одноимённом острове в 1589 г. и имела несколько названий. В конце XVIII в. от неё остались земляной вал, ров и восемь бастий [4]. В ту пору в Царицыне насчитывалось 28 каменных и 15 деревянных лавок [11, с. 146]. В результате пожаров 1791 и 1793 гг. сгорели 62 лавки, 23 амбара и 64 дома [3, с. 47]. Тогда же инженерная команда разработала план, по которому стал застраиваться Царицын. К началу XIX в. в Царицыне насчитывалось 639 домов, из которых два были каменными [14, с. 75–76].

18 июня 1820 г. император Александр I утвердил план застройки Царицына. Архитекторы предложили разбить город на прямоугольные кварталы, которые были запланированы и внутри крепости. Только несколько старых улиц не должны были быть, по замыслу авторов проекта, выпрямлены. Из плана видно, что к 1820 г. в городе помимо церквей имелись торговые лавки, магистрат, комендантский дом и военно-сиротское отделение. Архитекторы отвели места для новых храмов и торговых лавок, кузниц, присутственных мест, сараев для хранения товаров и для кладбища. К 1825 г. в Царицыне имелось 717 деревянных и девять каменных домов, восемь церквей, два учебных заведения, четыре богоугодных заведения, трактирное заведение, шесть питейных домов, баня [12, с. 86–87].

К 1842 г. в Царицыне было десять каменных и 800 деревянных домов, светское учебное заведение, пять фабрик и заводов, 40 лавок, два трактира, шесть питейных домов и исправительное заведение [10, с. 34–35]. Главные улицы города, по наблюдению статского советника, были «довольно широки». В 1861 г. в городе насчитывалось 907 деревянных и десять каменных домов, шесть каменных и две деревянные церкви, 135 ремесленных заведений, девять фабрик и заводов, 68 лавок, шесть гостиниц, магазин, семь постоялых дворов, 40 складов [1, с. 46]. А.И. Осятинский отметил, что планировочная структура Царицына имела существенные отличия от других поволжских городов. Изначально она повторяла типичную схему городов-крепостей, но после не следовала общей тенденции. Исследователь полагает, что в некоторой степени этому поспособствовали местные географические условия [7, с. 107].

XVIII – первая половина XIX в. стали временем зарождения нового города – на регулярной основе. Основанные в это время города, включая Петербург, строились по планам, которыми предусматривались широкие прямые улицы, «образцовые» строения, грандиозные архитектурные ансамбли и т. д. Реализация новых принципов столкнулась с массой трудностей, самой сложной из которых оказалась бедность городских жителей, которые не могли себе позволить возводить каменные дома.

И по сию пору эту проблему трудно решить: на улицах городов посреди каменной застройки повсеместно встречаются деревянные строения. Также нельзя сказать, что деятельность по регулированию городской застройки была целенаправленной: напротив, у неё был хаотичный характер, и охватывала она немногие города огромной империи. При изучении соответствующих источников остро чувствуется, что уездные города в XVIII – первой половине XIX в. нуждались в едином документе, содержащем единые для всех принципы застройки. Нужны были и мощные организации, которые бы оказывали помощь в строительстве для погорельцев и простой бедноты, а также следили за соблюдением регулярности в застройке.

Судя по изученным источникам, кажется, что развитие каменного строительства шло замедленными темпами, причём развитие именно гражданского каменного строительства. Скорее всего, это связано именно с высокими ценами на камень и кирпич во многих уездных городах Саратовской губернии и доступностью строевого леса. Очевидно, что бедные слои городского населения для осуществления запланированного регулярного строительства нуждались в серьёзной помощи государства, которая им оказана не была. В итоге даже на примере исторических центров современных городов (там, где они ещё остались) мы наблюдаем прекрасные памятники культового зодчества, солидные здания государственных учреждений, а жилища бедняков представлены скособочившимися, наполовину ушедшими под землю деревянными (редко – на каменном подклете) домами.

Застройку можно назвать своеобразным отражением социально-экономического развития уездных городов. Количество домов увеличивалось пропорционально росту населения. С развитием городской экономики появлялись здания, приспособленные под новые нужды (предприятия, социальные учреждения, гостиницы, архив, склады). Гостиницы, социальные учреждения и архивы – здания, характерные именно для городских, а не для сельских поселений, поскольку нужда в них имела у жителей и гостей городов, а не у сельчан. С.О. Терёхин отметил, что в Петровске, Хвалынске и Царицыне «была проведена лишь разбивка улиц и площадей и выстроены отдельные здания, в которых обозначилось влияние стиля». В остальных городах «едва успели к концу XIX столетия осуществить основные планировочные мероприятия из тех, что предполагались в проектах» [13, с. 15], и капитальное строительство здесь началось только в последние годы XIX в.

Застройку также можно рассматривать в качестве одного из аспектов урбанизационного процесса, суть которого заключается в повышении роли городов в развитии общества. Известно, что одним из отличий сельского поселения от городского яв-

ляется порядок застройки: хаотичный в первом случае и регулируемый во втором. В городах строительство в целом подчинялось правительственным правилам. Несмотря на вышеперечисленные трудности, в уездных городах и посаде Саратовской губернии застройку в изучаемый период старались осуществлять согласно утверждённым планам. При этом современники, упоминая различные градостроительные проблемы этих населённых пунктов региона, всё же называли их застройку городской [5, с. 110; 9, с. 160, 121].

Библиографический список

1. Волгоград. Четыре века истории. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. – 416 с.
2. Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. – М.: Типография Т.Т. Волкова и Комп., 1852. – 76 с.
3. Дьяченко З.А. О начале заведения города Царицына и о древних случайностях онаго по изустному уверению старожилов, получивших сведения от их отцов и дедов // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928). – Волгоград: Издатель, 2010. – С. 45–49.
4. Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющее оное / под ред. М.С. Полубоярова // Официальный сайт администрации города Кузнецка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorodkuzneck.ru/download/%20%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%201783.pdf> (дата обращения: 11.07.2015).
5. Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии: в 2-х ч. – СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1839. – Ч. 2. – 143 с.
6. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. — Саратов: Типография губернского земства, 1900. – Т. 1: Д – К. – 555 с.
7. Осятинский А.И. Строительство городов на Волге. – Саратов: Саратовский университет, 1965. – 192 с.
8. Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год. – Саратов: Типография Губернского правления, 1864. – Ч. 1. – 92 с.
9. Рюппель С.Э. Военнопленный в сердце России. 1812–1814 гг. Воспоминания гусарского лейтенанта вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эббардом // Волжские пленники (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии): к 200-летию Отечественной войны 1812 года. – Саратов: Приволжское издательство, 2012. – С. 155–177.
10. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные

в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1842. – 76 с.

11. Статистический журнал. Т. 1. – СПб.: Императорская академия наук, 1806. – Ч. 1. – 301 с.

12. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. – СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1829. – 95 с.

13. Терёхин С.О. Века и камни: Памятники архитектуры Саратовской области. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1990. – 152 с.

14. Топографическое и историческое описание Саратовской губернии (1807) / под ред. И.О. Тюменцева. – Волгоград: Издатель, 2011. – 240 с.

15. Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, яшашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч.: в 7 ч. – М.: Издательство Московского университета, 1804. – Ч. 2. – 874 с.

УДК 94(470)“19/20”

Сафронов Сергей Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
Safronow63@mail.ru

А.А. КОФОД – ОДИН ИЗ ИДЕОЛОГОВ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В статье рассматривается формирование взглядов одного из государственных деятелей Российской империи А.А. Кофода по вопросу разверстания русской крестьянской поземельной общины. В период до аграрной реформы П.А. Столыпина крестьянская община считалась одним из столпов русской государственности, и необходимость ее существования не подвергалась сомнению. А.А. Кофод на собственные средства предпринял исследования на тех территориях, где самостоятельно шло образование хуторов, считая такие экономические единицы более целесообразными для ведения сельского хозяйства. В ходе исследований А.А. Кофоду удалось найти научные труды Д.А. Столыпина (дяди П.А. Столыпина), который также был сторонником разрушения русской поземельной общины и образования на ее месте хуторов. Долгое время А.А. Кофод не встречал понимания со стороны правящего класса Российской империи. С приходом на пост премьер-министра П.А. Столыпина ситуация изменилась, и началась аграрная реформа. А.А. Кофод активно включился в ее реализацию, продолжая активно разрабатывать идеологию нового землеустройства и непосредственно руководя разверстанием крестьянской общины. После 1917 г. А.А. Кофод вернулся в Данию и находился на дипломатической работе.

Ключевые слова: А.А. Кофод, столыпинская аграрная реформа, крестьянская община, хутора.

Огромное влияние на аграрную реформу П.А. Столыпина имели труды и деятельность одного из главных идеологов столыпинской аграрной реформы датчанина Андрея Андреевича (Карла Андреаса) Кофода (1855–1948 гг.). Роль и личность А.А. Кофода в реформах П.А. Столыпина в России начала раскрываться только в последнее время, при этом каких-либо серьезных работ по этому вопросу пока нет. Между тем реформы 1906–1917 гг. не должны связываться только с именем главного реформатора – П.А. Столыпина, так как в их разработке и реализации участвовало много людей и о них необходимо знать. В их числе был и А.А. Кофод.

А.А. Кофод прибыл в Россию в 1878 г., когда ему было 23 года, после окончания Высшей Королевской сельскохозяйственной школы в г. Копенгагене. Сначала он разместился в небольшой колонии, существовавшей недалеко от Великих Лук. В 1880–1886 гг. А.А. Кофод работал управляющим в имении Титово в Калужской губернии (находилось в 200 км южнее Москвы). К тому времени А.А. Кофод выучил русский язык и в 1887 г. женился на дочери русского помещика Елизавете

Объедковой. В 1887 г. он устроился оценщиком в Общество взаимного поземельного кредита, а в 1889 г. – в Дворянский земельный банк.

Проживая в России, А.А. Кофод начал интересоваться вопросом разверстания крестьянских общинных земель. Нужно отметить, что в то время эта проблема мало кого занимала. Официальная пресса отказывалась признать само существование крестьянского вопроса, который она объявила «раз и навсегда» решенным Положением 19 февраля 1861 г. Статьи по крестьянскому делу в охранительной журналистике носили преимущественно публицистический характер и писались представителями высшей бюрократии, чиновничества, помещиков. Закон 14 декабря 1893 г. практически законсервировал крестьянскую общину. Крестьянину разрешалось требовать выдела из общины в случае досрочного внесения всей суммы выкупных платежей, а для досрочного выкупа было необходимо согласие $\frac{2}{3}$ сельского общества с последующим утверждением такого решения земским начальником. Кроме того, разверстание было несовместимо с традиционным общинным землевладением – община считалась истинно русским явлением, поэто-

му она была вне всяких дискуссий, чем-то святым. Также считалось, что община защищает сельское население от пролетаризации.

Между тем А.А. Кофод был убежден, что только с выделением из общины в крестьянском земледелии начнется прогресс. Трудность заключалась в том, что крестьяне, относившиеся с подозрением к любым инициативам сверху, должны были убедиться в том, что это новшество является благом для них. В связи с этим А.А. Кофод решил детально изучить этот феномен: историю разверстания общины на хутора и отруба, сильные и слабые стороны этого процесса, современное (на тот момент) положение дел.

Свою деятельность в данном направлении А.А. Кофод начал в 1900–1905 гг. Проблема была одна – финансы. Значительные размеры территории России не позволяла простому оценщику, к тому же имевшему семью, путешествовать за свой счет. Тогда А.А. Кофод обратился к главному-управляющему Дворянским и Крестьянским банком графу В.В. Мусину-Пушкину. Идея состояла в том, чтобы Дворянский и Крестьянский банк профинансировали данные поездки. А.А. Кофод считал, что для этих банков было бы интересно как можно больше узнать об одном из способов решения аграрного вопроса в России – разверстании крестьянской поземельной общины на хутора и отруба. Однако, к удивлению А.А. Кофода, В.В. Мусин-Пушкин не проявил к этой проблеме никакого интереса и ответил ему с высокомерной улыбкой: «Есть так много других интересных задач, решение которых имеет более важное значение, чем решение этой». Тогда А.А. Кофод попросил дать ему хотя бы документ о том, что он является представителем Крестьянского банка. На это В.В. Мусин-Пушкин предложил А.А. Кофоду ездить по стране как частное лицо. Тем не менее эта встреча носила поворотный характер в судьбе А.А. Кофода, так как в конце встречи В.В. Мусин-Пушкин неожиданно вспомнил, что когда-то существовал «некий Столыпин» (Д.А. Столыпин – дядя будущего реформатора П.А. Столыпина), который «написал ряд брошюр о мелких хозяйствах на выделенных участках земли» [1, с. 143–144].

После данной встречи А.А. Кофод начал разыскивать эти брошюры и нашел их в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Позднее (самые главные) ему даже удалось приобрести. Категорически отрицая, что крестьянская поземельная община является самобытной формой крестьянского землевладения, Д.А. Столыпин утверждал, что Древняя Русь держалась «на самостоятельных семьях». Поэтому община «есть прямой плод внешнего ошибочного действия». Не признавал П.А. Столыпин и этическую составляющую общины, которая основывалась «на равенстве людей», так как, по его мнению, общинные порядки приводили к разо-

рению населения [10]. Ошибкой считал Д.А. Столыпин признание Редакционной комиссией при выработке проекта отмены крепостного права «за точку отправления своих трудов... не личной мелкой крестьянской собственности», а «крепостной общины». Все это в конечном итоге привело к установлению выкупных платежей, для выплаты которых крестьянам пришлось закладывать свои участки. Д.А. Столыпин полагал, что только когда «земля свободна, то есть доступна каждому по его состоянию и способностям», можно добиться «общего народного благосостояния» [8].

Также Д.А. Столыпин считал, что «самоуправление и община несовместны» и что только в тех обществах, где было создано подворное владение, «самоуправление оказалось благодетельным учреждением». Поддержание же общины, по его мнению, требовало «суровых мер», без которых она просто разваливалась. «Дарование неподходящего самоуправления общинам (в 1861 г. – С. А.), – писал он, – принесло много вреда народу». В качестве примера Д.А. Столыпин привел случай из истории одной крестьянской общины в Новороссии, где после предоставления крестьянам свободы вдруг исчезло шоссе. Впоследствии оказалось, что это произошло после «снятия суровой опеки», то есть власти перестали заставлять крестьян поддерживать его в рабочем состоянии. После шоссе стали исчезать огромные общественные плодовые сады, посадка которых по распоряжению окружных начальников стоила местному населению «много слез и даже крови». После упразднения института окружных начальников данные сады были заброшены. В результате из «больших производств» сохранились лишь казенные учреждения: почта, телеграф, железные дороги [9].

Для падения крестьянской общины, по мнению Д.А. Столыпина, необходимо было немного – отмена 165-й статьи о личном выкупе и круговой поруки. Для того, чтобы разрушить крестьянскую общину в России, необходимо было пропагандировать индивидуализм, то есть, согласно Д.А. Столыпину, «перейти от стадного, бесформенного состояния... к признанию прав личности» [7].

Теперь на руках у А.А. Кофода были доказательства того, что и в России есть сторонники разрушения крестьянской общины. Вдохновленный этим, он сделал доклад в Русском географическом обществе, посвященный этой проблеме. Данный доклад вызвал определенное внимание в заинтересованных кругах, но не более. В Императорском московском обществе сельского хозяйства, где и были изданы брошюры Д.А. Столыпина, о них вообще ничего не слышали, сверх того их не интересовал вопрос образования хуторов. Однако неутомимый датчанин не унывал. В Могилевской губернии ему удалось познакомиться с местным помещиком, который оказался братом товарища

министра внутренних дел В.К. Плеве и командира Отдельного корпуса жандармов В.В. фон Валя. Последний выразил сочувствие идеям А.А. Кофода разрушить общину в России, мотивируя это тем, что является немцем из Лифляндии, но дать ему разрешение ездить по всем губерниям отказался. Вместо этого В.В. фон Валь предоставил А.А. Кофоду свои личные рекомендации.

Между тем бурная деятельность А.А. Кофода начинала давать свои результаты. Так, его статья была напечатана в еженедельнике Министерства финансов и ее начали цитировать газеты. Более того, ее использовал в своей книге тогда еще не слишком известный выходец из лифляндского дворянского рода, делопроизводитель Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством С.Ю. Витте – А.А. Риттих [6]. Впоследствии А.А. Риттих стал управляющим делами Комитета по землеустроительным делам и товарищем (заместителем) главноуправляющего земледелием и землеустройством А.В. Кривошеина, непосредственным начальником А.А. Кофода во время всего периода столыпинской аграрной реформы.

Решающий аргумент появится у А.А. Кофода только тогда, когда он обнаружит «деревни, разверставшиеся по собственной инициативе крестьян». Поездки стоили дорого, но он без усталости ездил по губерниям, спорил с оппонентами и начальством, организовывал обучение землемеров. А еще ему поручали знакомить с положением дел иностранцев, которые вдруг проявили интерес к аграрной реформе в России. Всего им было обнаружено 947 деревень с 22,2 тыс. дворов, перешедших на хуторское землевладение. Положительный опыт и отдельные недостатки организации хуторов он описал в двухтомном труде [4]. Собранный материал был обобщен и прочитан в лекции 1 апреля 1904 г. в Русском географическом обществе, куда С.Ю. Витте прислал в качестве слушателей А.А. Риттиха и В.И. Гурко (начальника Земского отдела в Министерстве внутренних дел, одного из разработчиков Указа от 9 ноября 1906 г. и заместителя на посту министра внутренних дел П.А. Столыпина). После доклада А.А. Риттих спросил у А.А. Кофода о том, какую помощь мог бы оказать ему С.Ю. Витте. А.А. Кофод попросил выделить ему средства на продолжение исследований. Вместо этого С.Ю. Витте прислал А.А. Кофоду циркуляр, разрешавший осматривать необходимые губернии, но за свой счет. Посоветовавшись с женой, А.А. Кофод продал свою мебель, заложил столовое серебро и продолжил поездки.

Между тем ситуация в России начала резко меняться. В 1905 г. началась первая российская революция. Крестьянский вопрос стоял наиболее остро. С ноября 1905 г. А.А. Кофод стал исправляющим должность чиновника особых поручений

при Главноуправляющем землеустройством и земледелием (утвержден в этой должности в 1907 г.). В 1905–1906 гг. А.А. Кофоду на средства Земского отдела Министерства внутренних дел удалось побывать за границей, где он также изучал аграрную проблему. А.А. Кофод посетил Данию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Австрию, Францию и Германию. Немецкий опыт разверстания общины ему не понравился. Выделены из общины были только польские крестьяне (часть Польши входила тогда в состав Германской империи), немцев же, по мнению А.А. Кофода, «явно хотели оставить жить вместе». А.А. Кофод посчитал, что на это решение повлияла политическая, а не экономическая целесообразность, которая имела целью ослабить польское население в имущественном плане.

8 июля 1906 г. Председателем Совета министров был назначен Петр Аркадьевич Столыпин. 10 октября 1906 г., примерно за месяц до Указа от 9 ноября, под председательством П.А. Столыпина состоялось заседание Совета министров, на котором присутствовало 11 человек. На нем было рассмотрено 11 вопросов, в том числе и «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». П.А. Столыпин и большинство присутствовавших министров (8 против 3) высказались за проведение этой меры в порядке 87-й статьи Основных законов.

Через несколько дней П.А. Столыпин созвал «около полусотни более или менее влиятельных персон», в числе которых был и сам А.А. Кофод. В своем выступлении премьер-министр возвестил о начале земельной реформы и призвал немедленно приступить к делу. После этого последовали замечания от каждого участника совещания. П.А. Столыпин их внимательно выслушал и ответил на каждое. В конце он сказал, что здесь присутствует цвет русской интеллигенции (по его определению – «генералы землеустройства») и что невозможно найти других, более подходящих для выполнения возложенной на них миссии. Затем всех разделили на 10 групп по 2–3 человека в каждой, после этого группам выделили по 2–4 губернии, которые они должны были объехать и «подготовить в нужном направлении». Схема действий была такой: в каждой губернии должно было созываться совещание, подобное тому, которое организовал П.А. Столыпин, где присланные из Санкт-Петербурга инструкторы доложили бы о «намерениях правительства в области земельного вопроса, объяснили, какие реформы будут проводиться и цели этих реформ» [1, с. 194].

Группе, в которую входил А.А. Кофод (помимо него в ней были тайный советник С.И. Куколь-Яснопольский и помощник управляющего Земским отделом Министерства внутренних дел Н.Н. Купреянов), досталась Могилевская, Витеб-

ская, Псковская и Курская губернии. Не везде прибывших встретили хорошо (особенно в русских губерниях). Так, в Пскове газеты их назвали «наемными генералами» (в пику столыпинскому термину «генералы землеустройства»). В Курске в одном из печатных органов правых А.А. Кофода охарактеризовали «бродячим датчанином, подмастерьем шорника», который не смог честно добывать средства к существованию у себя на родине и поэтому приехал в Россию, где хочет учить русских крестьян, как они должны делить землю между собой, о чем они, конечно же, не имеют никакого понятия. С курскими крестьянами поладить также не удалось: единственное, чего они хотели, так это помещичьей земли. Другие группы, по утверждению А.А. Кофода, были встречены еще хуже. Однако «все мы все-таки вернулись невредимыми в Санкт-Петербург, – писал впоследствии он, – ни на кого из нас не было совершено покушение, и мы определенно внесли какой-то вклад в успокоение возбужденных умов» [1, с. 196].

С февраля 1908 г. А.А. Кофод в должности ревизора землеустройства возглавлял инструкторскую часть Комитета по землеустроительным делам. В 1912 г. по ходатайству А.В. Кривошеина он был назначен членом этого комитета. А.А. Кофод лично укомплектовал штат инструкторов, много ездил по стране, контролируя ход землеустроительных работ в различных регионах, устраивал экскурсии для крестьян, сомневающихся в нужности разверстания. После таких поездок крестьяне, убедившись в радующей глаз «справности» единоличных хозяйств, часто становились убежденными сторонниками разверстывания.

В 1906–1914 гг. А.А. Кофод много ездил по тем губерниям, где шла реформа (бывал он и в Сибири). Под его руководством за десять лет была разверстана пятая часть крестьянских земель, а книга «Хуторское расселение» была выпущена колоссальным по тем временам полумиллионным тиражом. Свою задачу при разверстании общинных земель А.А. Кофод видел в том, чтобы преодолеть чересполосицу, крайне неудобную для землепользования. Передел принадлежащей деревням земли стремились проводить так, чтобы каждому двору достался компактный, удобный для обработки участок. Важно было, чтобы владельцы переселились туда, что, по его мнению, заметно увеличивало продуктивность хозяйств. Итоги знакомства и ревизии проводимых работ он опубликовал в нескольких книгах и статьях [2; 4; 5].

В книге «Хуторское расселение» А.А. Кофод, рекламируя расселение, писал о том, что данная реформа началась за границей давно и «чем лучше округлены земли отдельных дворов... тем богаче живут крестьяне. Есть такие страны, где лет полтора тому назад народ умирал тысячами и где теперь, благодаря переходу крестьян на хутора,

тройное против прежнего народонаселение живет в полном довольствии, не имея посторонних заработков; в таком довольствии, что последний сельский батрак живет лучше, чем богатый русский крестьянин». Выгоды хуторского расселения, по его мнению, состояли в следующем: 1) уничтожении чересполосицы и общего выпаса скота; 2) устранении диктата крестьянской общины; 3) избавлении от «деревенской суеты» и приучении «к уединенной жизни среди поля лицом к лицу со своим хозяйством»; 4) развитию уважения к своей и чужой собственности; 5) улучшении приемов хозяйствования. При этом он признавал, что «такая коренная ломка привычек деревни отражается, конечно, на всех сторонах крестьянской жизни». Правда в основном в положительную сторону. Так, коровы начинают давать вдвое или втрое больше молока, лошади всегда находятся «в отличном теле». Количество же мелкого скота уменьшается, так как имеется корм для крупного скота, который откармливать выгоднее. Увеличивается и количество пашни, так как под нее разрабатываются «плохие сенокосы и кочковатые пастбища с кустарниками». В результате растет объем зимних кормов. Уменьшается количество пожаров. Сам крестьянин «делается как будто более сосредоточенным, менее общительным, особенно в первое время, когда ему туго приходится, когда нужно напрягать все силы и средства, чтобы достроить усадьбу, разработать и осушить все вошедшие в его участок необработанные земли... Ему как бы нет дела до того, что творится за пределами его участка. Однако это только временное состояние... в странах, где крестьяне давно уже расселились на хутора, общественная жизнь процветает как нигде» [5, с. 9–11].

Крестьяне, по свидетельству А.А. Кофода, приводили следующие аргументы против хуторского расселения: 1) общая пастьба всего деревенского стада лучше для скота и обходится гораздо дешевле, чем для каждого хозяина в отдельности; 2) у одного хозяина легче выбить градом все посеы, чем при чересполосном распределении земли; 3) хутора выгодны для многоземельных, а для малоземельных они разорительны; 4) на хуторах крестьяне «дичают»: детей в школу не посылают, сами в церковь не ходят, в общественных делах участия не принимают, среди хуторян сильно развивается воровство; 5) хуторского хозяйства надолго не хватит, так как, с одной стороны, будут скупать участки богачи, а с другой – землю придется делить между сыновьями и все опять пойдет по-старому [5, с. 15].

А.А. Кофод отвечал на это следующее: 1) при общей пастьбе пастбище вытаптывается всем стадом, между тем на хуторах каждый хозяин бережно расходует принадлежащий ему подножный корм; 2) при единоличном владении град действительно может легче выбить все посеы, чем при череспо-

лосном, но их можно застраховать и это обойдется дешевле, чем переезды с одной полосы на другую; 3) малоземельным крестьянам в местностях, где шло разверстание и цены на землю поднимались, А.А. Кофод советовал продавать свои участки и переселяться на те территории, где образование хуторов не началось и земля была еще дешевой, поэтому можно было купить больше земли. Бывали случаи, когда крестьяне продавали свой надел, но новой земли не покупали. Идеолог столыпинской аграрной реформы считал, что такие случаи были единичными («Не купит земли разве какой-нибудь крестьянин-ремесленник или другой, давно уже от земли отбившийся»). При этом он признал, что «часть малоземельных все-таки останется малоземельными»; 4) насчет «одичания» крестьян на хуторах А.А. Кофод высказался так: «зажиточные родители более заботятся об образовании своих детей, чем бедняки, у которых на первом месте мысль о насущном хлебе, на хуторах же почти все хозяева зажиточны». Воровство, по его мнению, наоборот снижалось, так как труднее увести украденную лошадь, когда по полю разбросаны хутора; 5) самого дробления хуторов он не отрицал, подчеркивая, что они делились не на другие (более мелкие) хутора, а на отруба. При этом А.А. Кофод считал, что любой зажиточный хозяин мог бы купить своим сыновьям новые хутора, вместо того чтобы делить старый [5, с. 16–17].

В 1914 г. А.А. Кофод получил чин статского советника, пожалованный ему за труд по реформированию сельского хозяйства России. С началом Первой мировой войны А.А. Кофод осенью 1914 г. был командирован в занятую русскими войсками Галицию для изучения состояния сельского хозяйства. С созданием Министерства земледелия России стал членом совета при данном министерстве. После отречения Николая II, в 1917 г., А.А. Кофод перешел на службу в дипломатических и международных гуманитарных организациях. С сентября 1917 г. он служил в московском отделении посольства Дании; занимался помощью австро-венгерским военнопленным по линии датского Красного Креста. С этой целью в 1918–1920 гг. А.А. Кофод совершил поездку в Сибирь, после чего возвратил-

ся в Данию, сохраняя датское подданство. После революции долго находился на дипломатической службе. В 1945 г. он опубликовал книгу «50 лет в России». Умер в 1948 г.

А.А. Кофод, безусловно, проделал значительную работу в деле разработки и претворения в жизнь аграрной реформы П.А. Столыпина. Конечно же, идеи разрушения крестьянской общины начали проникать в Россию задолго до приезда А.А. Кофода. Так, среди сторонников этой идеи был и Председатель Совета министров и министр финансов Н.Х. Бунге, Д.А. Столыпин, А.И. Васильчиков, С.Ю. Витте и сам Николай II. Однако именно А.А. Кофода можно назвать одним из главных теоретиков и непримиримых идеологических врагов русской поземельной общины. Именно он никогда не колебался (в отличие, например, от С.Ю. Витте) по этому вопросу и истово верил в приоритет хуторского хозяйства над общинным.

Библиографический список

1. Кофод А.А. 50 лет в России (1878–1930 гг.). – СПб., 2009. – 456 с.
2. Кофод А.А. К вопросу о практическом обучении крестьян сельскому хозяйству. – СПб., 1912. – 11 с.
3. Кофод А.А. Крестьянские хутора на наделной земле: в 2 т. – СПб., 1905.
4. Кофод А.А. Русское землеустройство. – СПб., 1914. – 123 с.
5. Кофод А.А. Хуторское расселение. – СПб., 1907. – 72 с.
6. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. – 216 с.
7. Столыпин Д. К вопросу философии права. – М.: Тип. В.А. Гатцук (Д. Чернышевского), 1893. – С. 6.
8. Столыпин Д.А. Очерки философии и науки. Наш земледельческий кризис. – М.: Тип. А. Гатцука, 1891. – С. 65.
9. Столыпин Д. О несовместимости общинной формы с нормальным сельским самоуправлением. – М.: Тип. В.А. Гатцука, 1893. – С. 5–8.
10. Столыпин Д.А. Положение 19 февраля об освобождении крестьян. – М.: Тип. А. Гатцука, 1890. – С. 5–10.

ПОЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ 1863 ГОДА
В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье анализируется численный состав, социальное и экономическое положение польских политических преступников, высланных в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции за причастность к событиям 1863 года. В рассматриваемый период под «поляками» понимались не только жители царства Польского, но и уроженцы Северо-Западного края. Основной причиной массовой высылки из западных губерний империи лиц, неблагонадежных в политическом отношении, стало желание правительства оградить спокойствие в крае от их «вредного влияния». Приговоры по политическим делам выносились военно-судными комиссиями и утверждались начальником Северо-Западного края 28 мая 1863 года Оренбургская губерния была определена в качестве места для ссылки уроженцев Западного края, имевших вредные политические стремления. Тогда же был определен порядок отправления политических преступников в ссылку и утверждены особые инструкции по надзору за ними.

Первоначально в Оренбургской губернии предполагалось разместить 148 польских ссыльных, однако к началу июня 1864 года в губернию на жительство под надзор полиции были присланы 278 человек, а к середине 1865 года – 506 человек. Кроме того, к водворению на казенных землях Оренбургского и Челябинского уездов был определен 831 человек, из которых в Уфу на распределение прибыли 754 человека. В результате большинство политических преступников (51 %) впервые составили лица из «простого» сословия.

С начала 1864 года постепенно ужесточаются правила содержания высланных под надзор полиции по политическим причинам. Данной категории лиц было запрещено покидать местности, определенные для их пребывания; обучать детей, в том числе польскому языку; поступать на гражданскую и государственную службу. Они были лишены права на неприкосновенность личной переписки, а наказание за совершенные ими преступления распространялось на членов семей, отправившихся вместе с ними в ссылку.

Ключевые слова: политическая ссылка, Российская империя, поляки, полицейский надзор, принудительное водворение.

Появление на территории Оренбургской губернии во второй трети 1860-х годов большого числа политических ссыльных явилось следствием восстания, начавшегося на территории царства Польского в ночь с 10 на 11 января 1863 года. Подавление восстания было возложено на Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора, которому 14 января было предоставлено право принимать «особые меры, необходимые к охранению спокойствия в крае» [13].

О назначении Оренбургской губернии местом ссылки для уроженцев Северо-Западного края, «имевших вредные политические стремления», Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку было сообщено 28 мая 1863 года в циркуляре Министерства внутренних дел № 79 [12, л. 20].

Датированный этим же числом циркуляр Министерства внутренних дел № 80 определил порядок отправления политических преступников в ссылку. Так, высылка политического преступника должна была сопровождаться уведомлением о его сословной принадлежности, один ли он отправляется или с семейством, имеет ли он собственные средства к существованию или должен пользоваться пособием от казны [1, л. 65].

Надзор за ссыльными поручался начальникам губерний, которые должны были разделить все населенные пункты, предназначенные для жительства ссыльных, на два разряда в зависимости от их «населенности, климатических условий, топо-

графического положения и материальных удобств жизни». Основанием назначения ссыльного на жительство в том или другом разряде местности служили их поведение и нравственность. Начальники губерний обязаны были следить, чтобы полицейский надзор, «удовлетворяя нуждам общественной безопасности, не был стеснительным или обременительным для высланных лиц» [2, л. 7].

Начальники полиции должны были: выделить ссыльным помещения, соответствующие их званию и средствам; «постоянно облегчать те затруднения, которые встречаются для лица, поселяющегося в чужой и незнакомой местности, тем самым стараясь внушить к себе не только его уважение, но и самое доверие»; наблюдать за поведением, занятиями, а также образом жизни политических ссыльных; знать круг их знакомств; следить, чтобы у них не образовывались с кем-либо из местных жителей «особые связи и отношения»; докладывать о том, каково влияние политических ссыльных на местное общество и какое впечатление они производят на местных жителей. Особое внимание полицмейстеры должны были обращать на отношения ссыльных с проезжающими местность людьми. Почтовые конторы обязаны были сообщать по требованию начальника полиции, куда и кому посылаются письма ссыльных [12, л. 8].

Все полицейские чины, осуществлявшие надзор за политическими ссыльными, подчинялись начальнику губернии. Местная полиция должна была быть усилена нижними чинами, обязанности которых заключались в надзоре за безотлучным

пребыванием политических ссыльных в уездных городах Оренбургской губернии. В целях борьбы с распространением вредных политических стремлений от начальников губерний требовалось пресекать связи, установленные ссыльными в местах водворения, путем их перевода в другие города губернии [2, л. 10 об.]. Тем самым местным властям впервые были даны подробные инструкции, регулировавшие правила содержания политических преступников.

Первоначально на территорию Оренбургской губернии для жительства под надзором полиции предполагалось выслать 148 человек: 65 – в Уфу; 39 – в Челябину (Челябинск); 26 – в Стерлитамак; 15 – в Мензелинск; 13 – в Бирск; 10 – в Белебей [2, л. 5 об.].

Штат полицейских служителей, предназначенных для надзора за лицами, высылаемыми за вредные политические стремления, был определен в 30 человек. В Уфу были назначены 10 нижних чинов, в Челябинск – 8, в Стерлитамак – 4, в Мензелинск и Бирск – по 3, в Белебей – 2 [2, л. 3 об.].

После получения рапорта от гражданского губернатора Г.С. Аксакова, 29 июля 1863 года Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.П. Безак уведомил Министерство внутренних дел, что включение Мензелинска в число местностей, предназначенных для размещения ссыльных, «представляется весьма неудобным», так как он расположен вблизи реки Камы, что создает возможности для побега. Вместо этого А.П. Безак предложил: 1) назначить местностью размещения ссыльных город Верхнеуральск, с сохранением того же числа высылаемых; 2) сократить число высылаемых в Челябинск до 20 человек, с уменьшением числа нижних полицейских чинов до четырех; 3) разрешить размещать ссыльных в Оренбурге и Троицке, так как Оренбург по условиям жизни и по устройству полиции, а Троицк по отдаленности своей удобны для этой цели; 4) разделить города Оренбургской губернии на два разряда: к первому из них отнести Уфу, Оренбург, Стерлитамак и Бирск, который должен был стать местом ссылки ксендзов, ко второму разряду отнести Верхнеуральск, Челябинск, Троицк и Белебей [2, л. 8–10].

10 октября 1863 года министр внутренних дел П.А. Валуев одобрил данное предложение. Всего к 9 декабря 1863 г. в Оренбургскую губернию под надзор полиции за причастность к мятежу прибыли 140 человек. Из них в Уфе были размещены 46 человек, в Стерлитамаке – 23 человека, в Челябинске и Бирске по 13 человек, в Оренбурге и Троицке по 12 человек, в Верхнеуральске – 11 человек, в Белебее 10 человек. Кроме того, ожидалось прибытие еще 50 человек [4, л. 31].

8 февраля 1864 года Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку было доставлено уведомление Министерства внутренних

дел № 833 [4, л. 37], в котором сообщалось об удвоении предельного числа уроженцев царства Польского и западных губерний, которые будут присланы на жительство в Оренбургскую губернию. При этом имеющиеся средства предписывалось расходовать «только в случаях особенной важности и экстренности, во избежание излишних издержек казны». В результате ссыльные в ожидании отправки по городам губернии размещались в Уфе в задании упразднённой земской конюшни [6, л. 1]. К 28 апреля 1864 года их число достигло 187 человек [7, л. 73].

13 июня 1864 года число прибывших в Оренбургскую губернию польских ссыльных достигло 278 человек [4, л. 60]. Гражданский губернатор Г.С. Аксаков обратился к министру внутренних дел с просьбой временно приостановить высылку политических преступников. Однако 5 сентября 1864 года его просьба была отклонена. Всего к концу 1864 года в Оренбургскую губернию под надзор полиции было прислано 430 человек. Из них 122 находились в Уфе; по 63 – в Оренбурге и Стерлитамаке; 43 – в Челябине; 40 – в Троицке; по 34 – в Верхнеуральске и Бирске; 31 – в Белебее [4, л. 70].

Польские политические преступники, отправлявшиеся в ссылку за собственный счет, могли следовать в почтовых каретах. Лица, не имевшие собственных средств на покрытие издержек по перевозке, отправлялись под конвоем внутренней стражи, этапным порядком. На пропитание лицам привилегированных сословий во время пересылки было назначено по 15 копеек в сутки, прочим – по 10 копеек в сутки на человека [12, л. 71–72]. По прибытии на места ссылки политическим преступникам, не владевшим недвижимым имуществом, выплачивалось казенное содержание, размер которого был установлен Комитетом министров 7 февраля 1864 года: 1 рубль 50 копеек в месяц за наем квартиры и 15 копеек в сутки за пропитание на каждого взрослого члена семьи. Всего на выплату содержания каждому взрослому ссыльному полагалось по 6 рублей в месяц или по 72 рубля в год. Детям выплачивалась половина этой суммы [14].

3 декабря 1864 года гражданский губернатор Г.С. Аксаков обратился к министру внутренних дел с просьбой увеличить размер содержания, выплачиваемого лицам, высланным в Оренбургскую губернию, на покупку продовольствия до 7 рублей в месяц, или 84 рублей в год [3, л. 4–5]. Необходимость этого он видел в том, что сосредоточение большого числа лиц, высланных под надзор полиции в небольшом числе местностей, привело, с одной стороны, к повышению минимального размера платы за квартиру, а с другой – к сокращению возможностей приобретать средства к существованию. Число лиц, искавших работу, намного превышало надобность в них. Однако его просьба была вновь оставлена без внимания [12, л. 94].

Всего содержание от казны получали 313 человек, или 62 % политических преступников, высланных в Оренбургскую губернию. При этом $\frac{1}{4}$ часть всех обратившихся за получением пособия было отказано в этом по причине наличия у членов их семей на родине недвижимого имущества.

С начала 1864 года постепенно ужесточаются правила содержания политических ссыльных. Так, в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 61 от 6 января 1864 года все письма, приходящие на имя лиц, состоящих под надзором полиции, должны были предоставляться для предварительного просмотра начальнику губернии, а в уездах – уездным исправникам. Таким же правилам подлежала и корреспонденция, отправляемая ссыльными [2, л. 12].

5 февраля 1864 года Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку было предписано подчинить контролю корреспонденцию всех лиц, присланных за политические преступления, «за исключением людей малограмотных, из простого звания» [2, л. 32], что нарушало закон о неприкосновенности личной переписки. Поэтому 22 марта 1864 года последовало разъяснение, позволявшее просматривать письма не всех лиц, высланных по политической неблагонадежности, «но лишь тех, особенное наблюдение за перепиской которых будет признано необходимым начальством» [5, л. 6].

В целях прекращения случаев передачи ссыльным записок в пакетах с деньгами с 7 июня 1864 года чиновникам дозволялось в присутствии полицмейстера вскрывать адресованные ссыльным пакеты и вынимать из них только письма, при которых пересылаются деньги. Сами же деньги должны были выдаваться в прежних конвертах, с печатями чиновника, которым было вынута письмо для прочтения [12, л. 77].

29 мая 1864 года на основании циркуляра Министерства внутренних дел № 105 дети политических ссыльных, находящиеся добровольно при родителях, лишались права отлучек из мест проживания и помещались под строгий надзор полиции [11, л. 148].

С 25 июня 1864 года, согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 205, жены и дети лиц, высылаемых под надзор полиции без лишения прав состояния, последовавшие за ними в ссылку, лишались права менять место жительства и помещались под строгий надзор полиции [12, л. 80]. Таким образом, к началу 1865 года лицам, высланным за причастность к Польскому восстанию, запрещалось покидать определенные местности, обучать детей, поступать на гражданскую и государственную службу. Они были лишены права на неприкосновенность личной переписки, а в нарушение именного указа № 5032 от 22 декабря 1831 года наказание за совершенные ими преступления рас-

пространялось на членов семей, отправившихся вместе с ними в ссылку.

Всего к середине 1865 года в Оренбургскую губернию за причастность к «произшедшим политическим беспорядкам» из царства Польского и Западного края под надзор полиции были доставлены 506 человек, из которых: 279 человек (55 %) – по конфирмации Виленского военного, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора; 141 человек (28 %) – по конфирмации Министра внутренних дел; 52 человека (10 %) – по конфирмации наместника царства Польского; 19 человек (4 %) – по конфирмации Киевского военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора.

По сословной принадлежности лица, высланные на жительство под надзор полиции, распределились следующим образом. Дворянами являлись 298 человек, или 60 % ссыльных; мещанами – 96 человек, или 20 %; помещиками – 55 человек, или 11 %; ксендзами – 25 человек, или 5 %; представителями шляхты – 12 человек, или 2 %; крестьянами и однодворцами – менее 1 % (8 и 6 человек соответственно). Чиновниками являлись 78 человек, или 15 % ссыльных, военнослужащими, уволенными за свои политические взгляды – 24 человека, или 5 %, врачами – 18 человек, или 4 %, воспитанниками учебных заведений, отправившимися в царство Польское для участия в восстании – 18 человек, или 4 %.

Женщины составляли 5 % от общего числа политических ссыльных.

Сведения о месте происхождения имеются у 417 человек, или 82 % от числа лиц, высланных на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию. Из них 22 % (91 человек) были уроженцами Варшавской губернии, 20 % (82 человека) являлись уроженцами Виленской губернии, 14 % (60 человек) были уроженцами Ковенской губернии, 12 % (49 человек) – уроженцами Гродненской губернии, 6 % (23 человека) – уроженцами Минской губернии, 5 % (22 человека) – уроженцами Могилевской губернии, 4 % (18 человек) – уроженцами Витебской губернии. Также по 4 % были уроженцами Люблинской губернии (16 человек), Плоцкой губернии (15 человек). По 2 % были выходцами из Волынской губернии (10 человек), из Подольской губернии (9 человек), из Радомской губернии (9 человек). 5 человек были уроженцами Киевской губернии; 4 – уроженцами Августовской губернии. По одному человеку были уроженцами Херсонской, Полтавской, Черниговской и Калишской губерний.

Под секретным полицейским надзором состояли 210 человек, или 55 %; под гласным надзором – 93 человека (24 %); под строгим секретным надзором – 65 человек (17 %); под строгим гласным надзором – 16 человек, или 4 % от общего числа ссыльных.

Большим разнообразием отличался список «преступлений», считавшихся политическими. Так, за неблагонадежность в политическом отношении под надзор полиции в Оренбургскую губернию были высланы 135 человек, или 26,7 % от общего числа ссыльных; за участие в мятеже – 58 человек, или 11,5 %; за нахождение в шайке мятежников – 57 человек, или 11,3 %; за доставку в шайки мятежников оружия, корреспонденции, провианта и теплых вещей – 33 человека, или 6,5 %; за принадлежность к революционным организациям – 19 человек; за хранение у себя в доме припасов, оружия и запрещенных сочинений – 17 человек; за политические преступления – 13 человек; за подговор крестьян к восстанию и недонесение начальству на мятежников были высланы по 12 человек; за вредное влияние на общественное спокойствие – 11 человек; за принятие у себя в доме мятежников – 10 человек.

Кроме того, 42 человека, или 8 % от общего числа ссыльных, были присланы на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию без объяснения причины.

Приведенные в перечнях сведения позволяют сделать следующие выводы:

1. Большинство (83 %) польских уроженцев были присланы в Оренбургскую губернию под надзор полиции по конфирмациям наместника Северо-Западного края и министра внутренних дел.

2. Большинство (390 человек, или 78 %) из высланных под надзор полиции участников восстания 1863 года составляли представители привилегированных сословий.

3. Большинство политических преступников (276 человек, или 66 %) были уроженцами Западного края.

4. Максимальное количество политических ссыльных (91 человек, или 22 %) являлись уроженцами Варшавской губернии.

5. Основным видом преступления польских ссыльных в 1863–1865 годах являлась неблагонадежность в политическом отношении.

6. Большинство (288 человек, или 57 %) политических ссыльных в 1863–1865 годах составляли лица, обвиненные в пособничестве «мятежникам».

7. Более половины из находившихся под надзором полиции политических преступников получали содержание от казны.

8. Основным видом надзора являлся секретный полицейский надзор.

9. У каждого пятого ссыльного отсутствовали сведения либо о сословной принадлежности, либо о происхождении.

Лица, лишенные всех прав состояния за участие в восстании 1863 года, и политические преступники из «простого сословия» водворялись на казенных землях во внутренних губерниях империи. На расположенном в Пскове сборном пункте данной

категории преступников выдавалась арестантская одежда, после чего партия ссыльных, назначенных к водворению в Оренбургскую губернию, отправлялась пешим этапом в Уфу для распределения по селениям Оренбургского и Челябинского уездов. При этом в соответствии с распоряжением Министерства государственных имуществ № 4292 от 10 июля 1864 года начальнику губернии запрещалось водворять ссыльных в деревнях, населенных татарами, так как они на время, когда жители деревень отправляются для кочевки, остаются в них безо всякого присмотра [7, л. 87].

С 30 мая 1864 года в соответствии с предписанием Департамента окладных сборов № 1372 польским поселенцам выплачивалось по 55 рублей серебром на «домообзаведение» [8, л. 82]. Лицам, не достигшим совершеннолетия, выплачивалось по 10 рублей в год «на призрение» [9, л. 6 об.]. В целях «прочного устройства крестьянского хозяйства» лицам, водворенным на казенных землях Оренбургской губернии, разрешалось обращаться с просьбой прислать к ним их семейства [10, л. 1].

Всего к водворению на казенных землях Оренбургского и Челябинского уездов был определен 831 человек, из которых в Уфу на распределение прибыли 754 человека [7].

По сословной принадлежности политические преступники, водворенные на казенных землях Оренбургской губернии, распределились следующим образом. Крестьянами являлись 342 человека, или 47 % от общего числа водворенных лиц; мещанами – 214 человек (29 %); однодворцами – 79 человек (11 %); лишенными дворянского достоинства по приговору суда – 51 человек (7 %); представителями польской шляхты – 47 человек (6 %) от общего числа водворенных в губернии лиц.

Сведения о происхождении имеются у 529 человек, или 70 % водворенных. Из них 175 человек, или 33 %, являлись уроженцами Виленской губернии; 101 человек (19 %) – уроженцами Варшавской губернии; 70 человек (13 %) – уроженцами Ковенской губернии. Уроженцами Августовской губернии являлись 64 человека (12 %); уроженцами Люблинской губернии – 60 человек (11 %); уроженцами Гродненской губернии – 30 человек (5,7 %); уроженцами Радомской губернии – 14 человек (2,6 %); уроженцами Плоцкой губернии – 9 человек (1,7 %); уроженцами Киевской губернии – 3 человека. Двое были выходцами из Волынской губернии, один – из Калишской губернии.

Сведения о совершенных преступлениях имеются у 668 водворенных лиц. Из них 271 человек, или 40,5 %, были отправлены на поселение за отказ общества поручиться в их благонадежности после возвращения их из мятежнических шаек; 134 человека (20 %) – за участие в политических беспорядках; 125 человек (19 %) – за участие в мятеже; 102 человека (15 %) – за политические

преступления; 26 человек (4 %) – за нахождение в шайке мятежников.

Приведенные перечни показывают, что:

1. 635 человек, или 87 % польских политических преступников, водворенных на казенных землях Оренбургской губернии в 1863–1864 годах, принадлежали к «простому» сословию.

2. Большинство из назначенных к водворению на казенных землях лиц (280 человек) являлись уроженцами Западного края.

3. 65 % политических преступников, водворенных в 1863–1864 годах на казенных землях Оренбургской губернии, находились в отрядах мятежников.

В общей сложности за причастность к восстанию 1863 года в Оренбургскую губернию были высланы 1 307 человек. Причем 33 % (404 человека) составляли дворяне; 28 % (350 человек) были мещанами; 25 % (310 человек) – крестьянами; 7 % (85 человек) – однодворцами; 5 % (59 человек) относились к польской шляхте и 2 % (25 человек) являлись ксендзами. Тем самым представители привилегированных сословий впервые перестали составлять абсолютное большинство политических преступников. 59 % польских ссыльных, доставленных в Оренбургскую губернию, являлись уроженцами Западного края.

Основными видами наказаний являлись: высылка на жительство под надзор полиции (для представителей привилегированных сословий)

и принудительное водворение на казенных землях во внутренних губерниях империи (для лиц простого сословия). При этом все высылаемые без надления землей лица были отнесены к разряду административных ссыльных.

Библиографический список

1. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 212.
2. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 461.
3. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 466.
4. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 474.
5. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 502.
6. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 18. – Д. 504.
7. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 74.
8. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 82.
9. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 167.
10. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 174.
11. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 359.
12. ГАОО. – Ф. 10. – Оп. 7. – Д. 361.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг.: в 55 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. – Т. 38. – Ч. 1. – С. 60–61.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг.: в 55 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. – Т. 39. – Ч. 1. – С. 90–91.

МУРОМСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 Г.

В статье рассматривается подготовка и ход антибольшевистского восстания, организованного в июле 1918 г. в Муроме отделением «Союза защиты Родины и свободы». Муромское восстание до сих пор не получило детального освещения в историографии. Значение Мурома в планах Союза определялось тем, что он был связан с Москвой железной дорогой, а водным путем по Оке и Волге – с очагами антибольшевистских волнений. После октября 1917 г. среди торгово-промышленных кругов Мурома, духовенства и офицерства отмечалось недовольство приходом к власти большевиков. С весны 1918 г. советским органам стало известно о деятельности в Муроме подпольной офицерской организации, готовившей вооруженное выступление. Руководителем июльского восстания в Муроме был полковник Н.П. Сахаров, прибывший в город во главе группы офицеров. К восставшим примкнули представители местного купечества, интеллигенции, бывшие офицеры. Поддержку восстанию оказало духовенство. Восставшие выпустили четыре воззвания к населению, в которых говорилось об отмене распоряжений органов советской власти, введении свободной торговли хлебом, предлагалось спасти Россию от большевиков и содержались призывы к созданию вооруженных отрядов. Восставшим удалось сформировать три небольших отряда, но все они были разбиты красноармейскими и рабочими отрядами. Часть восставших попали в плен и были расстреляны. Другая группа была расстреляна позже по приговору ВЧК. Поражение восстания способствовало провалу антибольшевистских восстаний на территории Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: «Союз защиты Родины и свободы», восстание, Муром, Б.В. Савинков, Н.П. Сахаров, Митрофан (Загорский).

Муромское восстание июля 1918 г. являлось одним из вооруженных выступлений против советской власти, подготовленных «Союзом защиты Родины и свободы». Несмотря на то, что муромские события упоминаются во многих работах, посвященных Гражданской войне, восстание в Муроме до сих пор крайне редко становилось предметом специального исследования. Подготовка восстания, ход событий, его подавление почти не освещались в историографии. Отчасти это объясняется фрагментарностью источников, исходящих, главным образом, из советского лагеря. Свидетельства непосредственных участников восстания содержатся в основном в протоколах допросов, проводившихся ЧК. В то же время Муромское восстание было тесно связано с другими антибольшевистскими выступлениями – в Ярославле и Рыбинске. Поэтому его изучение способствует воссозданию более целостной картины событий начала Гражданской войны.

Стратегические идеи руководства «Союза защиты Родины и свободы» и причины, по которым для вооруженного выступления им были избраны именно Ярославль, Рыбинск и Муром, до сих пор продолжают оставаться малоизученными и до конца не проясненными. Организатор Союза Б.В. Савинков вспоминал, что стремился «отрезать Москву от Архангельска, где должен был происходить союзный десант». «...Союзники, высадившись в Архангельске, могли бы без труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москве, – характеризует Савинков план предполагавшихся действий. – Кроме Рыбинска и Ярославля, предполагалось также завладеть Муромом (Владимирской губернии), где была большевистская ставка, и, если возможно, Владими-

ром на востоке от Москвы и Калугой на юге» [7, с. 168]. Таким образом, предполагалось «окружить столицу восставшими городами и, пользуясь поддержкой союзников на севере и чехословаков, взявших только что Самару¹, на Волге, поставить большевиков в затруднительное в военном смысле положение» [4, с. 283]. Руководитель Ярославского мятежа А.П. Перхуров не анализирует мотивов выбора района Верхнего Поволжья, упомянув лишь о подготовке восстаний в Рыбинске, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Ростове и Муроме. Член «Союза защиты Родины и свободы» капитан В.Ф. Клементьев приводит следующий список городов: Ярославль, Рыбинск, Владимир, Муром, Арзамас, Казань, Калуга.

Муром имел для членов Союза важное военно-оперативное значение. С Москвой его связывала железная дорога, а водный путь по Оке и Волге – с очагами антибольшевистских волнений. Руководителем июльского восстания в Муроме был полковник Николай Павлович Сахаров. Участник Первой мировой войны, заслуживший семь боевых орденов, в том числе орден Св. Георгия IV степени, он сумел в трудной обстановке самостоятельно создать подпольную группу. Мать полковника, Антонина Васильевна, была родственницей муромского епископа Митрофана (Загорского) [4, с. 284].

После Октябрьской революции в Муроме среди местных торгово-предпринимательских слоев и интеллигенции, а также духовенства и бывшего офицерства отмечалось недовольство переходом власти в руки большевиков. 2 февраля 1918 года в церкви Иоанна Предтечи было организовано собрание с участием представителей торговых кругов и бывшего офицерства, где критиковали декрет об

¹ 8 июня 1918 года.

отделении церкви от государства, читалось послание патриарха Тихона о посягательстве советской власти на церковь и ее достояние. Попутно с агитацией шла подготовка к вооруженному выступлению. В феврале при обыске в квартире будущего руководителя восстания Н.П. Сахарова было найдено 6 шашек, 2 рапиры, 5 штыков, 8 тесаков, 5 кобур, 40 пар офицерских погон разных чинов [3].

Весной 1918 года советскими органами было установлено, что в местном общественном клубе происходят собрания бывших офицеров и буржуазии. При обыске в клубе было найдено оружие. Ячейки офицеров создавались также под видом общества футболистов. В июне советскими работниками были получены сведения о наличии в Муроме белогвардейской организации, готовящей вооруженное выступление. На заседаниях организации звучали призывы к свержению советской власти, восстановлению Учредительного собрания и расправе с красноармейцами, коммунистами и советскими работниками [3].

В дни, непосредственно предшествовавшие восстанию, у местных заговорщиков была установлена связь с Нижним Новгородом, где 3–8 июля находился и возглавлявший их Н.П. Сахаров. Имея в своем распоряжении группу вооруженных членов Союза, он не предпринял попытки захвата Нижнего Новгорода – узла водных и железнодорожных путей, закрывавшего, в частности, дорогу на Вятку, откуда теоретически можно было ждать помощи союзников; не пробовал и прорваться на усиление восставшего Ярославля. Вместо этого Сахаров направился в Муром, куда его отряд прибыл по Оке на пароходе к вечеру 8 июля. Скорее всего, в сложившейся ситуации полковник был предоставлен самому себе, и, хотя ранее Сахаров и мог получить какие-либо инструкции от руководства Союза, окончательный выбор стратегии теперь оставался за ним.

К сожалению, фактически не сохранилось сведений, которые бы позволяли делать конкретные выводы о количественном и социальном составе муромского отделения «Союза защиты Родины и свободы». По некоторым данным, отряд восставших в Муроме включал представителей бывших офицеров, учащихся из богатых семей и антибольшевистски настроенной интеллигенции [6, с. 192].

Обстановку в городе в начале восстания помогают представить воспоминания очевидцев. Заведующий спекулятивным отделом Муромской чрезвычайной комиссии А.И. Кириллов отмечал: «8 июля вечером, часов в восемь, я был на Окском бульваре, где гуляло много публики. Мне бросилось в глаза, что публика была крайне нервно настроена, и в особенности молодые купчики и мелкая буржуазия; говорили об убийстве в Москве германского посла и критиковали Советскую власть, но активных призывов к свержению власти

Советов я не слышал... Придя домой, я залег спать, но около 10 часов вечера меня разбудила жена и сообщила, что в городе идет стрельба; действительно, я, прислушавшись, услышал сначала отдельные винтовочные выстрелы, затем несколько залпов» [3].

В.И. Лепехин, редактор газеты «Известия Муромского Совдепа», вспоминал: «8-го, когда начался самый переворот, я был часов до 8 вечера на Окском бульваре, где ввиду местного праздника гуляло много публики, главным образом из среды буржуазии, интеллигенции и учащихся. Толпа вела себя шумно, но каких-либо выпадов против Советов, каких-либо призывов к свержению власти Советов я лично не слышал... В часу одиннадцатом я услышал одиночные выстрелы, но не придавал им значения, полагая, что в городе где-либо «пошаливают»» [3].

Поздним вечером 8 июля восставшие разоружили караульную роту и захватили склады оружия. Ночью участники восстания напали на Высший военный совет Республики, временно переведенный в Муром из Москвы в мае 1918 г., и местный комиссариат, арестовали членов Совета рабочих и солдатских депутатов [5, с. 1; 8, л. 4]. На сторону восставших перешли начальник муромской городской милиции, бывший штабс-капитан Кравченко и уездный военком Блескунов. Они организовали аресты советских и партийных работников города [4, с. 284].

Непосредственно в штаб восстания вошли: Н.П. Сахаров, военный врач Н.С. Григорьев и местный купец А.Ф. Жадин [3].

Восставшими был издан приказ о явке всех офицеров в белогвардейский штаб для обязательной регистрации. Среди населения, как и в Ярославле, объявлялась мобилизация в Северную добровольческую армию. Вступающим в отряды и их семьям обещалось вознаграждение [8, л. 5]. В течение 9 июля восставшие выпустили четыре воззвания к населению, в которых говорилось об отмене распоряжений органов советской власти, введении свободной торговли хлебом, предлагалось спасти Россию от большевиков и содержались призывы к созданию вооруженных отрядов и повсеместному свержению советской власти [3]. В некоторых случаях заметно сходство, а иногда и прямое совпадение этих воззваний с текстом листовок, выпущенных повстанцами в Ярославле: «Граждане! Власть большевиков в Муроме свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем путем неслыханных насилий и издевательств над здоровой волей народа держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, разделили по карманам народную казну, – теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия» [3]. Извещалось, что войсками Северной добровольческой армии ко-

мандует Б.В. Савинков, а верховное командование принадлежит генералу М.В. Алексею. Листовки свидетельствуют о целях восставших, в критический момент отбросивших свои политические разногласия. «Все основные законы даст нашей Родине Учредительное Собрание. Правительство защищает Родину и Свободу от произвола и насилий, царивших в дни правления советской власти», – говорилось в обращении к населению уполномоченного Временного национального правительства, представителя центрального штаба при Восточном отряде Н.С. Григорьева [3]. На территориях, освобожденных от власти большевиков, провозглашались защита прав и жизни населения, восстановление законности, возобновление работы органов местного самоуправления, отмена ограничений при продаже и покупке хлеба, снятие при первой возможности военного положения и амнистия «всех, кто по недоразумению своему примкнул к изменникам родины – большевистским главарям». Еще одно воззвание к рабочим и крестьянам было опубликовано от имени «Союза защиты Родины и свободы». В воззвании ответственность за социально-экономический кризис возлагалась на СНК: «Совет Народных Комиссаров довел Россию до гибели. Совет Народных Комиссаров вместо хлеба и мира дал голод и войну. Совет Народных Комиссаров из великой России сделал клочок земли, политый кровью мирных граждан и обреченный на муки голода. Именем народа самозванцы – комиссары отдали лучшие хлеботородные земли врагу земли русской – австрийцам и германцам. У нас отторгнуты Украина, Прибалтийский и Привислинский край, Кубань, Дон и Кавказ, кормившие нас и снабжавшие нас хлебом. Этот хлеб идет сейчас в Германию» [3]. Документ призывал к союзу с чехословаками (они «истинные республиканцы и служат тому же святому делу, что и мы») и к свержению большевистской власти [3]. В призывах восставших к населению содержались лозунги: «Долой опричников – народных комиссаров и их приспешников. Да здравствует грядущее Учредительное собрание! Да здравствует свободная великая родина!» [3]. В обращениях к рабочим и крестьянам обещался «по вольной цене дешевый хлеб» [5, с. 1]. В качестве опознавательного знака повстанцы носили на рукаве белые повязки [8, л. 4].

Как и в Ярославле, восстание было поддержано местной буржуазией и духовенством. «...Местное купечество, интеллигенция и духовенство отнеслись очень сочувственно к белогвардейцам и помогали им подарками, хлебом, пряниками», – отмечал очевидец событий А.И. Кириллов [3]. Интересно, что достаточно активную поддержку восставшим оказало духовенство, что, возможно, объясняется родственными связями Н.П. Сахарова с епископом Митрофаном. Согласно показаниям послушника епископа Митрофана В. Алексинско-

го, «Сахаров часто ходил к архиерею... Накануне восстания Сахаров был у архиерея... говорили, как хорошо жилось при царе, и все было дешево, а сейчас мы проживаем все последнее. Большевики Россию довели до гибели и что их нужно прогнать от власти, тогда будет нам лучше жить, они довели до того, что хлеба нет, и народ голодает, и все это из-за большевиков». Алексинский также показал, что епископ Митрофан передал через него Сахарову «посылку, которая была завернута в обертку, в которой были деньги» [3]. Накануне восстания полковник Сахаров получил благословение епископа Митрофана, а утром 9 июля (на второй день восстания) состоялся городской крестный ход и были отслужены благодарственные молебны. «Духовенство отнеслось сочувственно к восстанию, – отмечал Н.Н. Тагунов, председатель уездного комитета компартии. – Так, 9-го днем в соборе был молебен в присутствии всей буржуазии Муром, где было благодарственное молебствие об освобождении города от большевиков» [3].

Сформировав три небольших отряда, восставшие пытались продвигаться в направлении железнодорожных станций Кишмово, Новашино, Селиваново, но везде были разбиты красноармейскими и рабочими отрядами [1, с. 82]. Одному из отрядов удалось разобрать железнодорожные пути в нескольких местах между станцией Селиваново и Муромом [3].

Следует отметить некоторые особенности Муромского мятежа. «Восстание в Муроме вообще оказалось каким-то вялым, а организаторские способности его руководителей – значительно уступавшими их порыву и личной храбрости, – отмечает А.С. Кручинин. – Захватив город без большого труда, они не развили военных действий, возможно, вследствие пассивности местного населения, отнесшегося к восставшим доброжелательно, но без стремления немедленно стать в их ряды. Мобилизация не удалась, и Сахаров покинул город почти без боя, предоставив своим силам расплыться» [4, с. 285].

В ночь на 9 июля исполняющий обязанности председателя Муромского совета А.И. Ерлыкин отправил во Владимир телеграмму с просьбой о помощи [4, с. 286]. К вечеру 9 июля к Мурому двинулись отряды красноармейцев из Владимира, Миленок, Коврова и Выксы. На подавление Муромского восстания также прибыли красноармейские части из Москвы, Судогды, Гусь-Хрустального и Владимира. Из Владимира, в частности, был направлен красноармейский отряд численностью в 250 человек, из Москвы – подразделения 1-го и 3-го латышских полков [6, с. 192]. Из Нижнего Новгорода был прислан пароход с отрядом вооруженных рабочих. 10 июля восставшие покинули город почти без боя. Их преследовал отряд красноармейцев из 350 человек под руководством

А.И. Ерлыкина. Двенадцать захваченных белогвардейцев были расстреляны в Выксе у стен Иверского женского монастыря, еще двенадцать – спустя две недели в Муроме, в подвале Муромского совета. 10 июля в Москву была отправлена телеграмма о подавлении мятежа [4, с. 286]. «Происшедшее в Муроме под руководством полковника Сахарова выступление белогвардейцев, арестовавших было Муромский совет, ликвидировано силами ковровских, меленковских и владимирских красноармейцев, – сообщалось в печати. – Белогвардейцы уничтожены почти без сопротивления. Советская власть восстановлена» [2, с. 1].

По постановлению ВЧК были расстреляны участники восстания – П. Страхонин, Б. Способин, В. Симонов, Г. Кравченко, В. Робустов, Г. Перкус, Н. Лебедев, А. Леман, Н. Завулонов, Б. Дубницкий, В. Генисаретский, А. Архипов и А. Захаров [3].

В феврале 1919 г. во Владимире прошло заседание губернского революционного суда. Участники восстания, которым удалось скрыться, – Н. Сахаров, Н. Григорьев, А. Жадин, В. Рожков, П. Добролюбов, Зимоглядов, Н. Петров, Н. Гвоздев, А. Мяздриков, Б. Русаков, Н. Гайкович, В. Моисеев, С. Орлов, Зотов и Н. Фиворский – были объявлены врагами народа и заочно приговорены к расстрелу. Еще четырнадцать человек приговорены к заключению в военно-концентрационный лагерь до окончательного прекращения Гражданской войны. На часть обвиняемых в мятеже были возложены штрафы. Спасский монастырь было постановлено закрыть «как очаг контрреволюционных сил» [3].

Таким образом, восстание было подавлено в зародыше. Причины его поражения связаны с общей организационной слабостью плана «Союза защиты Родины и свободы». Поднятые им восстания возникали и гасли одно за другим. Ставка на военный

переворот, отсутствие поддержки широких слоев населения способствовали поражению восстания. Вместе с тем, потерпев поражение, восставшие в Муроме не могли оказать поддержки повстанцам в Ярославле и Рыбинске, что способствовало провалу антибольшевистских восстаний на территории Верхнего Поволжья.

Библиографический список

1. Балашиов Р.В. Пламя над Волгой: (ликвидация белогвард. мятежа в Ярославле летом 1918 г.) / под общ. ред. В.Т. Андреева. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 131 с.
2. Конец мятежа в Муроме // Красная газета. – 1918. – 13 июля.
3. Красная книга ВЧК. Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Red_book_VChK_files/122.htm (дата обращения: 20.04.2016).
4. Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения – V: материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. – Муром, 2003. – С. 283–286.
5. Муромские события // Рабочий край. – 1918. – 12 июля.
6. Очерки истории Владимирской организации КПСС. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1972. – 552 с.
7. Савинков Б.В. Борьба с большевиками // Литература русского зарубежья. – М.: Книга, 1990. – Т. 1, кн. 2. – С. 151–152.
8. Филиал Государственного архива Ярославской области – Центр документации новейшей истории (ФГАЯО – ЦДНИ). – Ф. 394. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 4.

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ГУБЕРНСКИХ АРХИВНЫХ БЮРО ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: 1918–1922 ГГ.

В статье рассматривается один из ключевых аспектов формирования и функционирования централизованной архивной сети в Верхнем Поволжье после Октябрьской революции – вопросы финансового обеспечения личного состава губернских архивных бюро.

Финансовое положение сотрудников архивов было весьма тяжелым. Это объяснялось рядом факторов – инфляцией, дефицитом товаров, низким жалованьем, скудностью средств, выделяемых государством на архивную сеть. Как следствие, личный состав архивных бюро был неустойчив, часто менялся, а те служащие, что подолгу занимали свои должности, вынуждены были искать подработку на стороне, дабы хоть как-то обеспечить себя. Однако, несмотря на тяжелое финансовое и материальное положение, сотрудники губернских архивных бюро Верхнего Поволжья достигли весьма значительных успехов в деле сохранения архивов и воплощения в жизнь архивной реформы.

Ключевые слова: архивы, реформа, централизация, губернское архивное бюро, финансы, Верхнее Поволжье.

К началу Гражданской войны в 1918 году Россия подошла с архивной системой, унаследованной от Российской империи, – крайне запутанной, децентрализованной. Подобная организация архивного дела приводила к гибели ценнейших собраний документов.

Для новой власти – большевиков – архивы, несомненно, представляли интерес, пусть и не столько исторический, сколько политический. Поэтому с проведением реформы, в основе которой лежал ряд ещё дореволюционных проектов [1, с. 372–373], медлить не стали.

1 июня 1918 года Совет народных комиссаров принимает декрет, положивший начало созданию централизованной сети архивных учреждений и формированию нового органа – Главного управления архивным делом (ГУАД), а также его представительств в губерниях – губернских архивных бюро (губархивбюро) [12, т. 2, с. 383–385], задачами которых были поиск и сохранение архивов.

Создание архивной сети происходило в сложных условиях. Влияние последствий Первой мировой и Гражданской войн: нехватка материальных средств, помещений, личного состава – всё это приводило к гибели ценнейших собраний документов.

Одним из важнейших вопросов, оказывавших самое непосредственное влияние на работу архивных бюро, был вопрос финансового снабжения, а в особенности – заработной платы. Практически все научные организации в провинции – музеи, краеведческие общества, архивы – в те годы финансировались весьма посредственно [14, с. 76]. В условиях общей нехватки и задержки перевода средств на казённые надобности жалование сотрудников губархивбюро часто становилось не только источником существования того или иного архивиста, но и расходовалось для выполнения служебных обязанностей – вывоза архивов, командировок, покупки редких книг и архивных дел [9, л. 98, 99 об.].

Оплата труда сотрудников губархивбюро была отнюдь не велика. Назначалась она в зависимости от группы, разряда и категории служащего, которые, в свою очередь, определялись занимаемой им должностью, а также образованием и стажем работы в архивной сфере. Ситуацию осложняло законодательство: одновременно существовали два положения об оплате труда: по учёно-учебной части в учёных и научно-технических учреждениях (от 4 апреля 1919 года) [5, л. 1] и по учёно-учебной части в архивах РСФСР (от 1 сентября 1919 года) [2, л. 26,28]. По первому положению жалование архивистов было ниже (см. таблицу). Поскольку губархивбюро были первоначально подведомственны губернским исполнительным комитетам (помимо Главного управления архивным делом), губисполкомы в случае нехватки средств старались экономить за счёт архивной отрасли, назначая жалование архивистам по положению от 4 апреля, особенно в тех случаях, когда архив содержался преимущественно за счёт губисполкома. Собственные же средства ГУАД были не столь велики, чтобы обеспечить всех своих служащих, к тому же часто возникали задержки перевода денег [8, л. 14].

Ситуация усугублялась общей дороговизной жизни, вызванной нехваткой провизии и самых часто употребляемых товаров. Так, в Костромской губернии пуд (16 кг) ржаной муки стоил 450 рублей, фунт (приблизительно 0,3 кг) мяса – 17 рублей [13, с. 92]. Сажень дров (поленница габаритами 2 × 2 × 2 метра) вместе с доставкой в Иваново-Вознесенской губернии стоила 2 000 рублей [6, л. 54], а для отопления небольшой канцелярии Иваново-Вознесенского губархивбюро требовалось минимум одна-две сажени дров «на первое время» [3, л. 32].

Прожить на назначенную государством заработную плату было очень и очень сложно, и нет ничего удивительного, что сотрудники губархивбюро брались за любую легальную возможность заработка.

**Размеры заработной платы сотрудников губернских архивных бюро
в соответствии с положениями об оплате труда**

Занимаемая должность, группа, категория, разряд	Положение по учёно-учебной части в учёных и научно-технических учреждениях (от 4 апреля 1919 г.), руб. [5, л. 1]	Положение по учёно-учебной части в архивах РСФСР (от 1 сентября 1919 г.), руб. [2, л. 26,28]
Заведующий губернским архивным фондом первой степени (2-я группа, 1-я категория, 29-й разряд).	2 400	3 900
Архивариус (3-я группа, 3-я категория, 23-й разряд)	1 840	3 200
Делопроизводитель отделения Главного управления архивным делом (3-я группа, 3-я категория по положению от 4 апреля 1919 года или же 4-я группа, 1-я категория, 21-й разряд по положению от 1 сентября)	1 840	3 000
Начинающие научные сотрудники (4-я группа, 1-я категория, 21-й разряд)	1 670	3000

Одной из таковых было совмещение. Часто архивисты, помимо губархива, работали ещё в каких-либо советских учреждениях. Так, например, уполномоченный ГУАД по Иваново-Вознесенской губернии П.А. Сакулинский занимал также должность секретаря горсовета [3, л. 11], уполномоченный Иваново-Вознесенского губархивбюро по Кинешемскому уезду М.К. Казаринов совмещал архивный труд с работой в уездном экономическом совещании – узкосе [7, л. 1]. Глава Ярославского губернского архивного бюро Н.Г. Первухин давал частные уроки [10, л. 121, 121 об.].

Поиск средств к существованию, несомненно, отвлекал сотрудников губархивов от их основной работы, но низкое жалование имело и другие значительные отрицательные последствия – нехватку персонала и частую смену архивных кадров.

«Мною сделаны были предложения Успенскому (окончил Археологический институт), Юровской (Казанские женские курсы), Троицкому и Вознесенскому (Духовная академия). Однако все перечисленные лица ссылались на дороговизну жизни в Костроме, отсутствие продовольствия и топлива. В конце декабря 1919 г. подал заявление в штат Губархива Сергей Михайлович Бонди, стипендиат Петроградского университета. Проработав четыре дня в архиве, Бонди отказался от своего заявления, не удовлетворившись мизерным содержанием научного сотрудника» [8, л. 13], – писал в отчёте Ф.А. Рязановский, уполномоченный Главного управления архивным делом по Костромской губернии. «...Не говоря уж об отсутствии в городе Иваново-Вознесенске подходящих кандидатов на должность архивариуса и научных сотрудников, приходится отметить отсутствие подходящих лиц для работ по разборке архивов. Это, впрочем, легко объяснимо уровнем заработной платы, эта работа считается временной...», – отмечает П.А. Сакулинский, заведующий Иваново-Вознесенским губархивбюро [4, л. 1, 1 об.].

Несмотря на скудную финансовую составляющую архивного дела, те сотрудники, что оста-

вались в архивной отрасли, работали на совесть. Так, архивный работник Костромского губархивбюро по Галичскому уезду В.Д. Тиден работал при абсолютном отсутствии каких-либо финансовых средств, а в телеграммах губархиву неоднократно просил выслать ему аванс. В письме Ф.А. Рязановскому он сообщал: «...вообще работать тяжело, а голодному тем более» [9, л. 61].

За прошедшие четыре года Гражданской войны финансовое положение губархивбюро Верхнего Поволжья изменилось мало, о чём свидетельствовали результаты Съезда представителей архивов, музеев, библиотек и краеведческих обществ Русского Севера, прошедшего в сентябре 1922 года в городе Ростове Ярославской губернии. Одной из главнейших проблем краеведческого, музейного и архивного дела участники назвали «...малообеспеченное или совсем не обеспеченное материальное положение служащих и научных работников...» [11; л. 10]. Финансовое снабжение стало меняться к лучшему только с началом денежной реформы 1922–1924 годов.

Впрочем, несмотря на тяжелое финансовое и материальное положение, сотрудники губернских архивных бюро Верхнего Поволжья достигли весьма значительных успехов в деле сохранения архивов и воплощения в жизнь архивной реформы. В условиях задержки поступления и без того небольших финансовых средств (или полного их отсутствия), частой смены кадров, нехватки личного состава служащие губархивбюро сумели сохранить значительную часть архивов губерний, фактически совершив трудовой подвиг.

Библиографический список

1. Аннинский С.А. Первая конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни: исторический журнал. – Петроград, 1920. – Кн. 1. – С. 372–373.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. Р. 354. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 3.

5. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 6.
6. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 7.
7. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 17.
8. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р. 2450. – Оп. 1. – Д. 7.
9. ГАКО. – Р. 2450. – Оп. 1. – Д. 14.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р. 5325. – Оп. 9. – Д. 96.
11. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. Р. 1411. – Оп. 1. – Д. 28.
12. Декреты Советской власти: в 18 т. – М.: Го-

сполитиздат, 1959. – Т. 2. – 647 с.

13. Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России: 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2008. – № 10. – С. 88–93.

14. Флейман Е.А., Шитлов А.Д. Костромское научное общество по изучению местного края (1912–1930) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – № 1. – С. 74–80.

УДК 94(94)“1918/1919”

Неровный Артём Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
art830@yandex.ru

УЧАСТИЕ АВСТРАЛИЙСКОГО ВОЕННОГО КОНТИНГЕНТА В ИНТЕРВЕНЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В 1918–1919 ГГ.

Иностранная военная интервенция, проводимая силами Антанты и Центральных держав на ряде территорий бывшей Российской империи ещё до завершения Первой мировой войны, совпала с не менее судьбоносным периодом отечественной истории – Гражданской войной. На основе вышесказанного нетрудно сделать вывод, что Россия данного периода стала местом столкновения интересов мировых держав. Однако эти интересы не ограничивались только геополитическими рамками. Также важную роль играли экономический и политический (идеологический) факторы. Целью данного исследования являются изучение и анализ участия австралийских военных на одном из театров союзной интервенции – в так называемой Северной русской кампании. Так как заявленная тема является узкоспециальной, а работы по ней не входят в число широко распространенных, автор приводит краткий историографический обзор. Для создания «исторического фона» в статье дается справка о причинах начала интервенции, о целях, преследуемых её участниками, а также приводится количественная характеристика задействованных в ней сил. Исследователь разделяет участие австралийского контингента в кампании на два этапа, что характерно для общепринятого подхода при изучении данной темы. В работе объясняются мотивы, побудившие австралийских военнослужащих вступить в ряды интервентов, описываются боевые действия с их участием. В завершение подводятся основные итоги кампании. Преимуществом данной работы является использование широкого спектра зарубежных материалов. Помимо этого в статью включены фотографии из коллекции Австралийского военного мемориала.

Ключевые слова: интервенция, Антанта, экспедиционные силы на севере России, силы поддержки на севере России, история вооруженных сил Австралии.

Участниками театра боевых действий периода Гражданской войны и интервенции на территории России стали представители различных наций. Некоторые из них, захваченные в водоворот Первой мировой войны, оказались втянутыми в вооруженный конфликт, разворачивавшийся на территории бывшей Российской империи. Исключением не стали и австралийские подданные Британской империи. Военнослужащие Австралийских имперских сил (англ. AIF – Australian Imperial Force) находились в качестве военных советников в ставке Добровольческой армии А.И. Деникина и при штабе Верховного главнокомандующего Русской армией А.В. Колчака [18, с. 12]. Помимо этого судно Военно-морского флота Австралии «Swan» было задействовано в разведывательной миссии у берегов Черного моря [19, с. 12–14]. А несколько десятков офицеров и сержантов АНЗАК (англ. ANZAC – Australian and New Zealand army corps) были включены в так называемую миссию «Dunsterforce», которая действовала на территории Южного и Западного Прикаспия [10, с. 703–764].

Обращаясь к вопросу историографии, стоит отметить, что число зарубежных работ, посвященных теме австралийского участия в интервенции на Русском Севере, достаточно ограничено. Приведенный ниже перечень представлен австралийскими авторами, публиковавшими свои исследования как в периодических изданиях ненаучного характера (Pix, People, Sydney Sun Herald и т. д.), так и в специализированных журналах (Sabretache, Defence Force Journal, Journal of the Australian War Memorial). К первым относятся работы таких авторов, как У. Бейверсток [9, р. 14–15] и Ф. Каню [14, р. 13–15]. Ко вторым – У.М. Чемберлен [16, р. 1–4], П. Бёрнесс [13, р. 31–41], Т. Трасвелл [26, р. 25–30] и Б. Мьюирден [22, р. 23–29]. В рамках данной тематики написано две монографии: «The Diggers who signed on for more: Australia's part in the Russian Wars of intervention, 1918–1919» Б. Мьюирдена [21] и «Anzacs in Arkhangel. The Untold Story of Australia and the Invasion of Russia 1918–19» М. Челлендже-ра [15]. Обе книги представляют собой журналистские исследования научно-публицистического характера, но отличаются внушительной источни-

Рисунок 1. Схема высадки сил интервентов

ковой базой. Несмотря на большое число работ, посвященных интервенции на Русском Севере, авторами которых являются советские и российские историки, в отечественной историографии исследований по интересующей нас теме нет.

В качестве источников для проведения исследования особую важность представляют материалы, хранящиеся в Национальном архиве Австралии (<http://naa.gov.au>) и в музее Австралийского военного мемориала (<https://www.awm.gov.au>). Содержимое их фондов имеет электронные копии и доступно в сети Интернет, что в значительной мере облегчает проведение исследования.

Первая высадка иностранного контингента на севере России (рис. 1) произошла 6 марта 1818 года в Мурманске [4, с. 12]. 150 солдат и офицеров Королевской морской пехоты было высажено с прибывшего в порт Мурманска линейного корабля «Глори» под командованием контр-адмирала Т. Кемпа [17, р. 7]. Данное мероприятие было согласовано с Мурманским краевым советом [3, с. 4]. Вскоре к иностранной эскадре присоединились английский крейсер «Кокрен», французский «Генерал Об» и американский «Олимпия». На протяжении более чем двух месяцев интервенты не только исполняли функции по охране складов, но и несли патрульную службу совместно с красноармейцами вдоль железной дороги Мурманск – Петроград, защищая её от белофинской угрозы. Летом, с увеличением союзной группировки, ситуация изменилась. Первым актом враждебности интервентов по отношению к большевикам можно считать инцидент, произошедший в начале июля, когда подчиненные генерала Мейнарда обезоружили отряд красногвардейцев в Кандалакше и провели подобную операцию в Кемии, убив при этом трёх красных командиров [21, р. 34–35]. Мурманск оказался фактически оккупирован иностранным военным контингентом, а 2 августа 1918 года интервенты высадились в Архангельске. К этому времени в ряде населенных пунктов в окрестностях горо-

да к власти пришли антибольшевистские силы [6, с. 107–109]. В последующем численность интервентов, выступивших на стороне сил контрреволюции, увеличивалась с каждым месяцем. Осенью 1918 года общая численность войск, находящихся на Мурманском и Архангельском участках фронта, включая мобилизованный русский контингент, составляла порядка 30 000 солдат и офицеров [6, с. 149]. Но подкрепление перестало поступать, как только судоходство в Белом море прекратилось из-за льдов.

Союзные силы в процессе проведения интервенции на Русском Севере (рис. 2) преследовали следующие цели: 1) охрана складов с военным снаряжением в Мурманске и Архангельске от потенциального захвата силами Центральных держав (в тот момент на территории Финляндии находились части немецкой армии под командованием генерала Рюдигера фон дер Гольца) [23, р. 510]; 2) воспрепятствование созданию немцами военных баз в северных русских портах; 3) эвакуация чехословацкого корпуса через порт Архангельска; 4) повторное открытие восточного фронта [25, р. 80–85]. Стоит отметить, что в 1931 году американским исследователем Дж.Ф. Уордом была защищена докторская диссертация на тему «Новый взгляд на американскую экспедицию в России 1918 г.» [28], в которой ученый подвергает критике выдвинутые ранее трактовки целей интервенции и акцентирует внимание на антибольшевистском характере данных событий [5, с. 108].

Вопрос общей численности сил интервентов до сих пор остается дискуссионным как среди отечественных, так и зарубежных ученых. Долгое время мнения по данной проблеме расходились, при этом предполагаемая численность участников варьровалась в интервале от 4 до 14 тысяч [1, с. 26]. В одной из работ, посвященных интервенции на севере России, известный отечественный иссле-

Рисунок 2. Карта района основных боевых действий

дователь В.И. Голдин писал, что общая численность интервентов, участвовавших в кампании за все время, составляла 43–44 тысячи солдат, офицеров и обслуживающего персонала [2, с. 160]. Указанные расчеты основываются на официальных данных по эвакуации, опубликованных военным министерством Великобритании. В них говорится о 42 440 военных, выведенных с территории Северной области в период с 1 июня по 12 октября (в их числе 549 человек отмечены как «русские») [17, р. 45]. В своей работе В.И. Голдин пишет: «Если учесть, что некоторое количество солдат, в частности раненых, было эвакуировано ранее, а также морских пехотинцев, возвращавшихся на военных судах, и, наконец, погибших, то, видимо, численность экспедиции и составит названную цифру». Однако ученый отмечает, что максимальная численность интервентов, находившихся на Севере в тот или иной момент времени, была значительно меньше [2, с. 160].

Силы Красной Армии, противостоявшей интервентам на Севере, создавались и росли в ходе борьбы. В июле 1918 года был сформирован Северный фронт, в состав которого вошли 6-я и 7-я армии (в феврале 1919 года 7-я армия была перенаправлена на другое направление) [6, с. 152–153]. Архангельская группировка, представленная 6-й армией, действовала на двух основных направлениях: вдоль железной дороги Архангельск – Вологда и по берегам Северной Двины (включая её притоки). По данным на 20 сентября 1918 года 6-я армия насчитывала 9 879 штыков, 178 пулеметов и 56 орудий разного калибра [7]. Однако уже к 1 января 1919 года численность группировки составляла 32 955 бойцов (при 18 069 винтовках, 323 пулеметах и 98 орудиях разного калибра) [8]. К сравнению, по данным начальника британского генштаба генерала Вильсона, силы Северной обла-

сти в районе Архангельска на тот момент составляли 15 897 человек (включая 2 715 белогвардейцев) [2, с. 119–120]. Следует отметить, что численное превосходство на Архангельском направлении большую часть кампании было на стороне бойцов Красной Армии, но они уступали с точки зрения боевой подготовки и оснащённости.

Участие австралийского военного контингента в интервенции на севере России можно разделить на два этапа. Первый – действия в составе Экспедиционных сил (англ. NREF – North Russian Expeditionary Force), второй – действия в составе Сил поддержки (англ. NRRF – North Russian Relief Force).

Экспедиционные силы были сформированы в апреле – мае 1918 года. Изначально в состав Экспедиционных сил были включены 70 офицеров и 500 военнослужащих других рангов, которые в момент набора находились на территории Великобритании и не были задействованы в боевых действиях [21, р. 8], но итоговое число включенных в состав операции вскоре увеличилось.

Описанные выше силы разделились на две военные миссии по территориальному признаку. Миссия «Суген» (численностью 600 человек) под командованием генерал-майора С.М. Мейнарда должна была дислоцироваться в Мурманске, а миссия «Елоре» (численностью более 500 человек) под командованием генерал-майора Ф.К. Пуля было предписано разместиться в Архангельске [23, р. 512]. В состав миссии «Елоре» было отобрано 9 австралийских военнослужащих – 3 офицера и 6 военнослужащих из числа неофицерского командного состава (N.C.O. – non-commissioned officer), то есть капралы и сержанты [21, р. 67]. Известны имена почти всех – Аллан Браун, Роберт Л. Грэм, Пол Ф. Лохан, Джон Р.С. Келли, Ричард Т. Террант, Чарльз Хикки, Артур Ф. фон Дюв, Бертрам Г. Перри (рис. 3) [26, р. 25]. По прибытии на

Рисунок 3. Участники миссии «Елоре», австралийские военнослужащие (сержанты):
1. Бертрам Перри; 2. Артур фон Дюв; 3. Джон Келли; 4. Чарльз Хикки

территорию северной России в июне 1918 года они были распределены и приступили к выполнению служебных обязанностей самого разного толка. Известно, что капитан П.Ф. Лохан за время службы сменил несколько административных должностей в Мурманске, а затем в Архангельске, в то время как сержант Р.Л. Грэм получил назначение на железную дорогу Архангельск – Вологда. Несколько сержантов стали инструкторами у вновь сформированных боевых подразделений. Трагически сложилась судьба капитана Аллана Брауна, который был прикомандирован к Белому батальону, располагавшемуся в Онеге. 20 июля 1919 года капитан Браун был убит солдатами доверенного ему же подразделения, решившими перейти на сторону большевиков. Несколько австралийских сослуживцев Брауна избежали подобной участи только по счастливой случайности [18, р. 13].

С окончанием Первой мировой войны опасность для северных русских портов исчезла. В связи с этим основная цель для Экспедиционных сил перестала существовать. Второстепенная задача, включавшая в себя поддержку антибольшевистских сил на севере и формирование у них собственной боеспособной армии, также была достигнута: в ходе наступательных операций, ещё при генерале Пуле, были расширены территории, подконтрольные Архангельску, где была проведена мобилизация. Задачи, поставленные союзниками, были выполнены, и в марте 1919 года под давлением мировой общественности (движение «Руки прочь от России») и некоторых членов командования (премьер-министр Австралии У. Хьюз и премьер-министр Канады Р. Борден) было принято решение о выводе Экспедиционных сил с территории северной России [27, р. 133–135]. Для выполнения этой задачи штаб операции решил ввести на уже занимаемую территорию Силы поддержки, целью которых было прикрытие отступления Экспедиционных сил. В апреле – мае 1919 года был открыт добровольный набор среди военнослужащих Британской армии и доминионов. В ходе этого набора были сформированы две бригады под командованием генералов Л. Седлеира-Джексона и Д. Грогана [21, Р. 69–71].

Более 400 австралийских военнослужащих из почти 70 тысяч, находившихся в тот момент на территории Европы и ожидавших возвращения на родину [11, р. 1061], изъявили желание присоединиться к Силам поддержки [18, р. 13]. Мотивы были самыми различными: кто-то слишком поздно прибыл на фронт Первой мировой войны и не успел принять участия в боевых действиях, кто-то мечтал путешествовать, а некоторые понимали, что по возвращении на родину их ждет демобилизация и конец военной службы.

Невзирая на заслуги многих австралийцев на фронтах Первой мировой войны, все кандидаты были подвергнуты строгому отбору. В конечном

итоге в состав вспомогательных сил рекрутировали около 150 австралийцев, которых решено было распределить между 45-м батальоном королевских стрелков в составе бригады Л. Седлеира-Джексона и 46-м батальоном королевских стрелков в составе бригады Д. Грогана. Однако в действительности практически все они были направлены в 45-й батальон и 201-й батальоном пулеметного корпуса бригады Л. Седлеира-Джексона, которая отбывала в Россию позже бригады генерала Грогана. Ввиду того, что австралийские власти отказались поддержать участие своих граждан в этой операции, всем кандидатам пришлось подписать контракт с британским военным ведомством сроком на один год. Несмотря на то, что формально они были включены в состав Британских вооруженных сил, австралийцы носили свою униформу и знаки различия [21, р. 60–69].

Прибыв в Архангельск 5 июня 1919 года, контингент Сил поддержки выдвинулся на передовую для обеспечения прикрытия Экспедиционных сил. Период ожесточенных боёв пришелся на июль – август 1919 года. К наиболее крупным операциям с участием австралийских солдат можно отнести следующие: бой у селения Троица (7 июля), сражение на железной дороге близ Обозерского (20 июля), битва за деревню Сельцо (10 августа) и операция на железной дороге рядом с селением Емца (29 августа) [21, р. 74–75]. Проведение данных операций диктовалось намерением интервентов оставить войска Северной области в территориально более выгодном положении с точки зрения военной науки.

В ходе боев «осси» (от англ. Aussie), как называли австралийцев союзники, ни разу не уклонились от выполнения приказов, что встречалось

Рисунок 4. Кавалер Креста Виктории (VC) Артур Салливан

Рисунок 5. Кавалер Креста Виктории (VC) Самюэль Пирс

в подразделениях других стран, и демонстрировали чудеса героизма. Они стали известны благодаря стремительным штыковым атакам. Примером эффективности подобных действий стал тот факт, что в наступательной операции 10 августа было взято в плен около 1 000 красноармейцев и захвачено 19 полевых орудий [21, р. 74–75]. Героем битвы за Сельцо стал капрал Артур П. Салливан (рис. 4) из городка Кристал Брук (Южная Австралия), который спас офицера и трех бойцов из болотной трясины, находясь под интенсивным огнем противника. За свой подвиг Салливан был награжден высшей военной наградой Британской империи – Крестом Виктории (VC) [24]. Вторым обладателем этой награды в ходе Северной русской кампании стал сержант Сэмюэль Пирс (рис. 5) из городка Милдьюра, герой сражения у селения Емца. Под шквальным огнем Пирс прорвался через вражеское заграждение из колючей проволоки, а затем, достигнув блокгауза, огонь которого угрожал продвижению отряда, австралиец уничтожил укрепление, бросив несколько гранат через амбразуру. Сержант очистил путь для своих товарищей, но был ранен в бедренную артерию и погиб от большой потери крови. Таким образом, Сэмюэль Пирс был награжден Крестом Виктории посмертно [20].

Благодаря успеху операций 10 и 29 августа руководство Сил поддержки смогло подготовить плацдарм для сформированных подразделений Белого движения и безопасно проводить эвакуацию своего контингента. К концу сентября 1919 года силы интервентов, сосредоточенные в районе Архангельска, были уже на пути в Британию. Последние австралийцы, приписанные к пулеметному корпусу, убыли из Мурманска на пароходе «Килдонан касл» [21, р. 76].

Потери среди австралийского контингента на севере исчисляются двумя убитыми (А. Браун и С. Пирс) и порядка шести человек ранеными (Ч. Хилл, Дж. Киван, Дж. Пердью, У. Робинсон, А. Латерборроу и Э. Гаффи) [26, р. 30]. Столь малые потери объясняются незначительной численностью австралийцев и характером боевых действий в Северной кампании. Для сравнения скажем, что общие потери британского контингента на севере – 327 убитых и 656 раненых, а американского – 244 убитых и 305 раненых [2, с. 161]. Всего за время интервенции на территории России было убито 10 и ранено 40 австралийских военнослужащих [21, р. 78]. Заметим, что в эти 10 были включены и «небоевые потери», то есть военнослужащие, скончавшиеся от болезней.

Некоторые из участников Северной кампании были награждены союзным командованием. Медали «За безупречную службу» были удостоены сержант Гаскойн-Рой, младший капрал Латерборроу, рядовые Брук, Пердью и Кворрелл. Рядовые Ходсон и Саттон награждены Воинской медалью [26, р. 30].

По прибытии в Великобританию австралийцы присоединились к землякам, ожидавшим транспортировки на родину. Возвращение домой не сопровождалось официальными церемониями, а вручения каких-либо наград от лица австралийских властей также не последовало.

Тема участия австралийского контингента в интервенции на Русском Севере на долгое время стала непопулярной. В 12-томном издании «Официальная австралийская история Первой мировой войны» под редакцией историка Чарльза Бина Северной кампании периода гражданской войны и интервенции посвятили всего несколько строк [12, ill. № 695].

Библиографический список

1. *Габрусевич С.А.* Изучение иностранной интервенции на территории Европейского Севера России в современной российской историографии // Вестник БГУ. – 2010. – № 3. – С. 24–27.
2. *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 200 с.
3. *Дерябин А.И.* Белая армия на севере России 1918–1919 гг. – М.: Изд-во «Техника молодежи», 2002. – 48 с.
4. *Дерябин А.И.* Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 47 с.
5. *Иванов А.А.* Американская интервенция на Русском Севере (1918–1919 годы): перекресток мнений // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 106–111.
6. *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на севере России (1918–1920 гг.). – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. – 312 с.

7. ЦГАКА. – Ф. 105. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 4.
8. ЦГАКА. – Ф. 105. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 57.
9. *Baverstock B.* When Diggers fought the Red Army // *Pix.* – 1961. – 26 August. – P. 14–15.
10. *Bean C.E.W.* The Official History of Australia in the War 1914–1918: in 12 vol. – Sydney: Angus and Robertson Ltd., 1941. – Vol. 5: The Australian Imperial Force in France during the Main German Offensive, 1918 (Eighth edition). – 825 p.
11. *Bean C.E.W.* The Official History of Australia in the War 1914–1918: in 12 vol. – Sydney: Angus and Robertson Ltd., 1942. – Vol. 6: The Australian Imperial Force in France during the Allied Offensive, 1918 (First edition). – 1099 p.
12. *Bean C.E.W.* The Official History of Australia in the War 1914–1918: in 12 vol. – Sydney: Angus and Robertson Ltd. – 1941. – Vol. 12: Photographic record of the war. – 996 p.
13. *Burness P.* The forgotten war in North Russia // *Defence Force Journal.* – 1980, may/june. – № 22. – P. 31–41.
14. *Canu F.* The Diggers who fought the Bolsheviks // *Sydney Morning Herald.* – 1979. – 28 April.
15. *Challinger M.* Anzacs in Arkhangel. The Untold Story of Australia and the Invasion of Russia 1918–19. – Prahran: Hardie Grant Books, 2010. – 304 p.
16. *Chamberlain W.M.* The Australians in Russia, 1919 // *Sabretache: the journal of the Military Historical Society of Australia.* – 1968, July. – P. 1–4.
17. Great Britain War office. Army. The Evacuation of North Russia, 1919. – London: Published by His Majesty's stationary office, 1920. – 45 p.
18. *Grey J.A.* 'Pathetic Sideshow': Australians and the Russian Intervention, 1918–19 // *Journal of the Australian War Memorial.* – 1985, October. – № 7. – P. 12–17.
19. *Grey J.* HMAS Swan in Russia // *Sabretache: the journal of the Military Historical Society of Australia.* – 1984. – Vol. 25, April / June. – № 2. – P. 12–14.
20. *Irwin M.* Victoria's Cross. ANZAC to Archangel: The Story of Sgt. Samuel George Pearse VC MM. – Mildura: Sunnyland Press, 2003. – 144 p.
21. *Muirden B.* The Diggers who signed on for more: Australia's part in the Russian Wars of intervention, 1918–1919. – Kent Town: Wakefield press, 1990. – 115 p.
22. *Muirden B.* An Australian in Russia 1919 // *Sabretache: the journal of the Military Historical Society of Australia.* – 1991. – Vol. 32, April / June. – P. 23–29.
23. *Nicholson G.W.L.* Official history of the Canadian army in the First World war: Canadian Expeditionary Force, 1914–1919. – Ottawa: Duhamel, Queen's Printer and Controller of Stationery, 1962. – 621 p.
24. *Quinlivan P.* Forgotten Valour: The Story of Arthur Sullivan VC. – Sydney: New Holland Pub., 2006. – 304 p.
25. *Schuman F.L.* American Policy Towards Russia Since 1917: A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. – New-York: International Publishers, 1928. – 412 p.
26. *Truswell T.* From Anzac to Archangel: Nominal roll of Australians who fought in the Russian War of Intervention 1918–1919 // *Sabretache: the journal of the Military Historical Society of Australia.* – 1993. – № 4, July / September. – P. 25–30.
27. *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968. – Vol. 2: Britain and the Russian Civil War, November 1918 – February 1920. – 395 p.
28. *Ward G.F.* New Light on the American Expedition to Russia of 1918. – Lubbock: Texas Technological College, 1931. – 120 p.

Петровичева Елена Михайловна

доктор исторических наук, профессор
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
helenp94@mail.ru

Тряхов Илья Сергеевич

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
ilja.tryahoff@yandex.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЯХ В 1939–1945 ГГ.: ДИНАМИКА И ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ

В представленной статье рассматривается вопрос об изменении демографической ситуации в тыловых регионах СССР в годы Великой Отечественной войны на материалах Владимирской и Ивановской областей, которые в начале войны представляли собой единый территориально-административный регион. Предмет исследования отличается несомненной научной актуальностью: в советское время данной проблематике не уделялось должного внимания по идеологическим причинам, а также вследствие недостатка источников, а в постсоветский период данная проблема нередко носила налет публицистичности и использовалась ангажированно не только в научно-популярной, но и в специальной исторической литературе. Кратко представив состояние современной историографии, авторы обратились к выяснению динамики прямых потерь населения исследуемых регионов, включая военные потери, смертность населения из-за резкого ухудшения здоровья в условиях сокращения продовольственного снабжения и плохих бытовых условий. Отдельно изучен вопрос о снижении рождаемости; процесс прослежен в динамике, начиная с трагичного 1941 года и на протяжении последующих нескольких лет войны. Работа основана на анализе всех доступных архивных источников. Полученные результаты отличаются научной достоверностью и новизной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, демография, население, динамика потерь, перепись, рождаемость, эвакуированные, тыл.

Первая половина XX столетия для России с точки зрения демографических потерь была поистине трагической. Страна с трудом преодолевала большую убыль населения времён Первой мировой и Гражданской войн, однако в период Великой Отечественной войны она понесла еще более катастрофические потери. Военное лихолетье не только унесло миллионы людских жизней по всей стране, но также значительно изменило половозрастной состав населения и породило проблемы с эвакуацией, переселением и расселением граждан на новых местах.

На Владимирскую и Ивановскую области, которые в начальный период войны представляли собой единую административно-территориальную единицу, война повлияла не так непосредственно, как на оккупированные территории. Будучи в начале войны ближним тылом, эти регионы не сильно пострадали от действий вражеской авиации, но при этом на жителей выпала огромная нагрузка при строительстве оборонительных сооружений, что не могло не сказаться на физическом здоровье людей. Центральные регионы не только приняли значительную массу эвакуированных граждан из западных областей страны, но также и отправили на восток часть своих производственных мощностей вместе с персоналом. После победоносного завершения Московской битвы непосредственной угрозы региону больше не было, и все последующие проблемы областей обуславливались общей трудной обстановкой в советском тылу, нараставшей в течение военных лет.

Несмотря на общественно-политическую и научную актуальность проблемы, демографическая

ситуация в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны остается недостаточно изученной. Если в советское время данной проблематике не уделялось должного внимания по идеологическим причинам, а также вследствие недостатка источников, то в постсоветский период данная проблема в публицистической, а нередко и в научно-исторической литературе использовалась ангажированно. Особого внимания в связи с вышесказанным заслуживают исследования историками предвоенных переписей 1937 и 1939 года. Крупнейшими работами по данной проблематике являются труды Е.М. Андреева [2], Ф.Д. Лившица [13], А.Г. Волкова [5], В.Б. Жиромской, И.Н. Киселёва, Ю.А. Полякова [11]. Коллективная монография Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харькова [1] посвящена демографической ситуации в период всего существования СССР. Исследователи полагают, что так называемая репрессированная перепись 1937 года была более достоверной, нежели предвоенная перепись 1939 года. С данным выводом не согласны А. Башкин и Е. Назаров [3], которые, в отличие от предыдущих историков, настаивают на достоверности данных переписи 1939 года, погрешность которой составляла допустимые даже по современным стандартам демографического исследования величины. Важным доказательством достоверности данной переписи является сам факт её проведения, ведь при желании советское руководство и лично И.В. Сталин имели возможность объявить по итогам переписи 1937 года, якобы не оправдавшей их ожиданий, те цифры, которые их устраивали. Однако руководство СССР пошло по пути проведения новой переписи, что объясняется объективными и прагматичными

причинами: в условиях плановой экономики знание точного количества населения играло важнейшую роль в развитии государства.

Влияние войны на демографическую обстановку в Советском Союзе изучено сравнительно хорошо [9]. Хотя к полному консенсусу относительно убыли населения в военные годы исследователи по-прежнему не пришли, большинство ученых ориентируются на цифры в диапазоне 26–27 млн человек, что в целом не вызывает в настоящее время серьезных возражений [12]. Наиболее спорным считается вопрос о количестве военнотрудовых, погибших в годы войны и, соответственно, о доле населения, уничтоженного непосредственно немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками, а также преждевременной гибели тылового населения из-за значительного ухудшения обстановки в тылу [12, с. 63]. Также весьма актуальным и в некоторой степени дискуссионным является вопрос о доле человеческих потерь каждой конкретной советской республики в период войны [16].

В современной историографии наиболее слабо изученным является региональный аспект. В частности, Владимирская и Ивановская области остаются не исследованными регионами с точки зрения демографической ситуации предвоенных и военных лет. Цель данной статьи заключается в рассмотрении демографической динамики во Владимирской и Ивановской областях в период с 1939 по 1945 годы.

Источниками по изучению данной проблемы служат, в первую очередь, перепись населения 1939 года (в настоящее время полностью рассекреченная и опубликованная), хранящаяся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ); документы управления противоэпидемических учреждений, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) [7], и региональных медицинских служб, хранящиеся в Государственных архивах Владимирской (ГАВО) [6] и Ивановской областей (ГАИО) [8].

Перепись 1939 года, в отличие от так называемой репрессированной переписи 1937 года, проводилась в течение нескольких дней и учитывала в своих исследованиях как постоянное, так и наличное население. С точки зрения методики подсчета перепись была несомненным шагом вперед в сравнении со всеми предыдущими, проводившимися в нашей стране. Общая численность населения составила 170,6 млн человек, но с учётом возможной погрешности число советских граждан составляло 169,5 млн человек, о чём указывал и сам И.В. Сталин [14]. Одним из следствий присоединения к СССР таких республик, как Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, а также территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, стало то, что численность населения страны к началу 1941 года составляла приблизительно 196,7 млн [16, с. 54].

Согласно переписи 1939 года, население Ивановской области составляло 2 649 429 человек, из них 1 212 304 были мужчинами, а 1 437 125 – женщинами [14]. Городское население составляло 1 168 551 человек, а сельское – 1 480 878 человек [14]. Таким образом, в этом промышленном регионе городское население составляло 44 %. В области присутствовал также специальный контингент. Его общая численность составила в 1939 году 56 660 человек, из них в городах проживало 22 485 человек, а в сельской местности – 34 175 человек [14]. От общей численности населения спецконтингент составлял незначительную долю – чуть более 2,14 % населения, что было существенно меньше, чем в некоторых других регионах страны.

В 1939 году население Владимирской области в её современных границах (в то время Муромский, Ляховский и Фоминский районы входили в состав Горьковской области, а Петушинский – в состав Московской) насчитывало 1 351 419 человек. В то же время в Ивановской области в её современных границах проживало 1 505 043 человек. Жителей городов во Владимирской области насчитывалось 485 359 человек, в Ивановской – 735 497 человек. Мужчин во Владимирской области насчитывалось 623 812 человек, женщин было несколько больше – 727 607 человек [14]. В области имелось также сравнительно небольшое число лиц, отнесённых переписью к «спецконтингенту» – 29 153 гражданина [14], что составляло 2,16 % и почти идентично общему показателю на всю тогдашнюю административно-территориальную единицу – Ивановскую область.

Особое внимание следует уделить рождаемости в период войны. Среди военных лет самый трагичный – 1941 год – имеет наилучшие показатели рождаемости, поскольку это было самое начало войны. За 1941–1942 гг. в нашем распоряжении имеется общая статистика по Ивановской области, в состав которой входили большая часть современной Владимирской области (за исключением районов, входивших до 1944 года в состав Московской и Горьковской областей). Поэтому можем ограничиться лишь общими по этому региону цифрами. В 1941 г. родилось 64 045 человек [7, оп. 6, д. 590, л. 4 об.], но уже в 1942 г. последовало снижение данного показателя почти в два раза – родилось всего лишь 33 957 человек [7, оп. 6, д. 774, л. 4 об.] (меньше на 47 %). В 1943 г. статистика велась уже отдельно по двум областям. В 1943 г. в Ивановской области родилось только 15 273 человека [7, оп. 6, д. 931, л. 5 об.], а во Владимирской – 7 061 человек (по обеим областям 22 334 человека). В 1944 г. в Ивановской области спад продолжался, и родилось 11 671 человек [7, оп. 6, д. 1078, л. 5 об.], а во Владимирской области шёл рост, и в 1944 г. появилось на свет 11 833 человека (всего 23 504 человека). В целом по обеим областям, вместе взятым, наблю-

дался прирост в 5 %. В 1945 году во Владимирской области родилось 14 880 человек, что было в 2 раза больше по сравнению с 1943 годом [6, оп. 1, д. 3, л. 5 об.].

Рассматривая ситуацию с абортми, стоит сразу же отметить, что их динамика далеко не всегда двигалась вслед за рождаемостью. Так, в 1942 году был резкий спад абортми с 9 506 [7, оп. 6, д. 590, л. 4 об.] в 1941 году до 4 373 [7, оп. 6, д. 774, л. 4 об.]. В 1943 году, когда наблюдалось падение рождаемости, количество абортми возросло до 5 146 [7, оп. 6, д. 931, л. 5 об.]. В 1944 году количество абортми упало по сравнению с Ивановской областью, но статистика уже не учитывала территории, выделившиеся во Владимирскую область. Если же сложить данные по обеим областям, то наличествовал довольно-таки значительный рост. Таким образом, начиная с 1943 года число абортми непрерывно росло, что справедливо и для Владимирской, и для Ивановской областей. В 1943 году в городах Владимирской области был сделано 1 931 аборт, а на селе – 164 [6, оп. 1, д. 1, л. 5 об.], в 1944 году количество абортми увеличилось и составило уже 2 270 в городе и 303 в селе [6, оп. 1, д. 2, л. 5 об.]. Для 1945 г. характерен резкий рост абортми в городе, их сделано 3 399, а в сельской местности – 333 [6, оп. 1, д. 3, л. 5 об.]. В процентном отношении на селе наблюдается едва ли не 100-процентный рост абортми, хотя в абсолютных значениях их число было невелико, чего, разумеется, нельзя сказать о городе. Многие из абортми были проведены по медицинским показаниям, но в большинстве случаев причины были иные, связанные с тяжелыми условиями быта и нехваткой продовольствия. Криминальный характер абортми в 1941 году был установлен в 407 случаях, в 1942 году – в 278 случаях, в 1943 году – в 750 [6, оп. 1, д. 1, л. 5 об.]. В 1944 году в Ивановской области (без учёта территорий, выделившихся во Владимирскую область) число абортми составило 629 [7, оп. 6, д. 1078, л. 5 об.], а во Владимирской – 247 [6, оп. 1, д. 1, л. 5 об.]. Данных за 1945 год не имеется.

В результате исследования на примере Владимирской и Ивановской областей прослеживается характерная для всей тыловой части РСФСР демографическая динамика, когда в 1941–1943 годах шло падение рождаемости. В 1944–1945 годах во Владимирской области наметилась тенденция к росту, которая, однако, даже близко не приблизилась к уровню последнего довоенного года или хотя бы трагичного 1941 года. В то же время в Ивановской области тенденция к росту рождаемости относительно предыдущего года проявилась лишь в 1945 году.

К сожалению, выявить точную цифру убыли населения в годы войны на территориях Владимирской и Ивановской областей представляется затруднительным, но можно дать приблизительную

оценку. Известно, что за годы войны военкоматом Владимирской области было призвано 279 тысяч 397 человек, Ивановской – более 200 тысяч человек. Из числа мобилизованных домой не вернулась приблизительно половина: по Владимирской области более 134 тысяч человек [4, с. 87], по Ивановской области – более 100 тысяч человек [17].

Очевидно, что в трудных условиях военных лет (ухудшение питания и здравоохранения) увеличилась преждевременная смертность гражданского населения. Наибольшей опасности в этом плане была подвержена самая молодая и самая пожилая страда. Точных данных нет, но, руководствуясь усреднённым процентом по числу умерших за 1940 год, можно вывести следующую цифру за военные годы: 160,5 тысяч человек по Ивановской и Владимирской областям. Если брать отдельно Владимирскую область – 81,9 тысяч человек, Ивановскую – 78,6 тысяч человек. В то же время за весь военный период родилось лишь 158 тысяч 720 человек, то есть меньше, чем минимальная предполагаемая цифра убыли населения вследствие естественной смертности. В реальности, как справедливо предполагают исследователи, среди них В.Н. Земсков, количество умерших в годы войны увеличилось из-за ухудшения социально-экономических и медицинских условий жизни. Число погибших на фронтах среди призванных из Владимирской и Ивановской областей составляло порядка 240 тысяч человек. В итоге количество умерших жителей исследуемых областей за период войны должно составить минимально 400 тысяч человек. В то же время население областей прибывало за счёт вновь родившихся, а также эвакуированных людей, которые составляли 93 тысячи, часть из них также должна была умереть в силу естественной смертности. Среди эвакуированных преобладали группы детского, молодого и среднего возрастов, тем не менее смертность среди эвакуированных должна составить ориентировочно 5 тысяч человек.

Таким образом, к концу 1945 года население Владимирской и Ивановской областей должно было сократиться на 159 тысяч человек. В то же время мы должны упомянуть, что из исследуемых регионов часть жителей также эвакуировалась, но выяснить их точное число по доступным в архивах источникам не представляется возможным. Можно лишь предположить, что эвакуированных из Владимирской и Ивановской областей было в несколько раз меньше, чем прибывших с временно оккупированных территорий; кроме того, часть населения, покинувшего в какой-то момент эти регионы, в течение войны возвратилась обратно. Поэтому с учётом необходимых корректировок убыль населения в общей сложности по обоим регионам можно представить в 160–180 тысяч человек. Доля Владимирской области должна была составлять немногим больше половины этого числа, что свя-

зано с большей численностью населения региона. Выводы по итоговой численности населения изучаемых регионов в конце Великой Отечественной войны не могут претендовать на абсолютную точность. В вопросе о демографических потерях и в целом по стране, и по конкретным регионам у исследователей по-прежнему остаётся некоторый разброс в цифрах. Но в то же время следует отметить, что предложенная нами цифра, выведенная на основании анализа всего комплекса доступных на настоящий момент архивных источников, является весьма достоверной.

Оценивая убыль населения во Владимирской и Ивановской областях за военные годы, можно ясно представить огромный ущерб, нанесённый двум тыловым регионам, не знавшим масштабных материальных разрушений в годы Великой Отечественной войны. Потеря 10 % населения в 1941–1945 годах негативно сказалась на будущем развитии региона, который после войны, как и прочие административно-территориальные единицы великой страны, должен был помогать тем, кто в еще большей мере пострадал от немецко-фашистской агрессии. Именно потеря человеческого потенциала наиболее негативно сказалась на будущем развитии страны, ведь значительную долю из числа преждевременно умерших людей составило молодое поколение. К тому же на послевоенные годы приходится последовавшие так называемые косвенные потери, вызванные подрывом здоровья работников тыла и смертью от ран вернувшихся фронтовиков.

Примечание

Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Библиографический список

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. – М.: Наука, 1993. – 143 с.
2. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. – 2012. – № 11. – С. 21–35.
3. Башкин А., Назаров Е. Была ли перепись 1939 г. сфальсифицирована [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statehistory.ru/4567/Byla-li-perepis-1939-g--sfalsifitsirovana/> (дата обращения: 20.12.2014).

4. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Владимир: Владимирская школа, 1999. – 144 с.

5. Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы / Экспресс-информация. Сер.: История статистики. – М., 1990. – Вып. 3–5, ч. 2. – С. 6–63.

6. ГАВО РФ. – Ф. Р-3727 (Владимирская областная больница). – Оп. 1. – Д. 1, 2, 3.

7. ГАРФ. – Ф. 8009 (Управление противэпидемических учреждений). – Оп. 6. – Д. 73, 144, 199, 225, 590, 774, 931, 1073, 1078, 1312.

8. ГАИО РФ. – Ф. Р-1708 (Областной отдел здравоохранения Ивановской области (облздравотдел)). – Оп. 2. – Д. 88, 108, 109, 163, 186; Оп. 3. – Д. 12.

9. Голотик С.И., Миняев В.В. Демографические потери СССР в Великой Отечественной войне: история подсчётов // Новый исторический вестник. – 2007. – № 16. – С. 272–285.

10. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 416 с.

11. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». – М.: Наука, 1996. – 152 с.

12. Земсков В.Н. О масштабах людских потерь в годы Великой Отечественной войны (в поисках истины) // Военно-исторический архив. – 2012. – № 9. – С. 59–71.

13. Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 174–207.

14. РГАЭ РФ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 966–1001 (Разработочная таблица ф. 15А) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 20.01.2015).

15. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 608 с.

16. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне // Социологические исследования. – 2000, август. – № 8. – С. 89–97.

17. Семibrатов И. Потери СССР в войне против Германии: сколько же их всё-таки было? [Электронный ресурс]. – <http://rus-orden.com/Docs.aspx?doc=texts4/140410news.html> (дата обращения: 20.01.2016).

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ КЛООГА: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФИЛИАЛ В СИСТЕМЕ ВАЙВАРЫ

Данная статья посвящена Клооге – одному из филиалов нацистского концентрационного лагеря Вайвара на оккупированной территории Эстонии. Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы Чрезвычайной государственной комиссии (хранятся в Государственном архиве РФ), свидетельства бывших заключенных, хранящиеся в архиве Яд Вашем (Иерусалим), а также изданные архивные источники.

На основе анализа источниковой базы и с учетом современных исследований автор характеризует аппарат управления, условия содержания и методы террора в Клооге. Несмотря на то, что аппарат лагерной администрации был достаточно простым, все основные характеристики концентрационного лагеря сохранялись. Кроме того, Клоога может относиться к данному типу лагерей не только в силу подчинения Инспекции концентрационных лагерей, но и в силу исполняемых функций – эксплуатации и уничтожения заключенных. Специфичной чертой организации эксплуатации узников в Клооге являлось участие чиновников «Организации Тодта» в этом процессе, в то время как СС занималось организацией террора.

Особое место в статье уделяется массовому убийству заключенных, преимущественно евреев, 19 сентября 1944 г. – во время эвакуации лагеря. В ходе этой операции, которую исполняли эсесовцы, а помогли им в этом эстонские коллаборационисты, было уничтожено как минимум 2 000 человек.

Ключевые слова: нацизм, концентрационные лагеря, Третий рейх, оккупация, Великая Отечественная война, Клоога, Вайвара.

История нацистских концентрационных лагерей на советской оккупированной территории до сих пор остается слабо исследованной как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке [8; 1]. Вместе с тем без анализа функционирования этих лагерей нельзя в полной мере представить историю нацистской лагерной системы, специфику ее проявлений на различных оккупированных территориях. Особое место в лагерной системе Эстонии занимал концентрационный лагерь Клоога, получивший название по местечку, расположенному в сорока километрах от Таллина. Хотя Клоога был лишь одним из филиалов концентрационного лагеря Вайвара и функционировал всего один год – с сентября 1943 г. по сентябрь 1944 г., масштабы преступлений, совершенных в нем, не уступали центральному лагерю.

В связи с тем, что Клоога находился в подчинении Инспекции концентрационных лагерей, его организация во многом соответствовала общим требованиям Инспекции. В лагере имелось мужское и женское барачное отделения, в которых размещались заключенные. Как и в концлагерях на территории Рейха, узники получали номера, заменявшие им имена. Женщин брили налысо, мужчинам выбривали полосу от лба до затылка. По национальному составу контингент узников состоял из русских, евреев, поляков, литовцев, эстонцев, венгров. Среди категорий заключенных были представлены «политические», «криминальные» и «расовые» узники. По сохранившимся данным, количество узников постоянно росло и достигло к июню 1944 г. 2 330 человек. Имеющиеся данные позволяют охарактеризовать состав заключенных. В концлагере было 1 136 мужчин и 1 194 женщины. Подавляющее большинство – 1 051 человек –

являлись рабочими – столярами, ткачами, швеями. Всего же в лагере были зарегистрированы представители 47 профессий. По возрастному показателю в лагере находились узники от 13 до 70 лет [3, л. 153].

Эсесовская организация управления филиалом была упрощенной. Из всего административного аппарата в Клооге имелись только должности лагерфюрера, старшей надзирательницы и главы санитарного отдела. Лагерфюрерами Клооги были некий эсесовец по фамилии Бок (до июля 1944 г.) и Вильгельм Верле (до момента эвакуации концлагеря). В качестве начальников санитарной службы упоминались Вильгельм Бар, Карл Тайнер, а также Шмитц и Ланце. Все эти чиновники подчинялись коменданту и руководителю санитарно-медицинского отдела центрального концлагеря. При этом медицинский персонал имел важное значение и в аппарате управления Клооги, и в целом в концлагерях системы Вайвара в связи с необходимостью массового содержания заключенных в условиях эпидемий сыпного тифа. Общим руководством эксплуатации узников Клооги занимались представители «Организации Тодта», которые, по свидетельствам бывших узников, были не менее жестоки, чем эсесовское руководство. Охранялся концлагерь эсесовцами и эстонским 287-м полицейским батальоном [5, л. 9].

Если нацистская администрация имела весьма упрощенную форму, как, впрочем, и в остальных концлагерях на советской оккупированной территории, то так называемое лагерное самоуправление состояло из узников, выполнявших самые разные функции – от старосты и лагерной полиции до старших в рабочих бригадах и бараках. Особое место в воспоминаниях узников занимали уголов-

ники из Вильнюса, которые стали частью лагерной «элиты», воровавшей паек, занимавшейся подпольной торговлей и издевавшейся над остальными узниками [7, с. 162]. Именно представители «самоуправления» отвечали за реализацию повседневного террора и эксплуатацию заключенных: «Штейнбергер бил всегда лопатой или дубинкой по голове. Дыбовский переломал раз одному рабочему – Леви – ногу. Был среди палачей один, которого лагерные люди именовали кличкой – “шестиногим”, потому что всегда ходил в сопровождении волкодава, который вылавливал “преступников” – находил тех, кто имел при себе хлеб...» [4, л. 4].

В отличие от других филиалов Вайвары, в Клооге не занимались добычей нефти, а специализировались на транспортных работах, строительстве, производстве подводных бетонных мин. В концлагере имелись пошивочная и столярная мастерские, цех по производству обуви, слесарная мастерская и кузница. Нещадная эксплуатация узников приводила к тому, что рабочий день достигал 16–18 часов в сутки.

Условия заключения узников Клооги были так же невыносимы, как и в остальных нацистских концлагерях. Узники содержались в зданиях бывших казарм, не приспособленных к размещению в них людей. Распорядок дня был жестко нормирован. Дважды в течение дня – утром и вечером – проводились так называемые «аппели» – многочасовые проверки числа узников. Ежедневный паек состоял из 330 граммов хлеба, 25 граммов несъедобного маргарина, тарелки тюремной похлебки (вода и 40 граммов крупы), кружки «кофе». Однако даже эта «порция» по большей части разворовывалась охраной или функционерами лагерной «элиты». В некоторых свидетельствах отмечаются случаи покупки продуктов или получения нелегальной помощи от местного населения, которое проживало поблизости от концлагеря [7, с. 163].

Издевательства над заключенными и их убийства имели место на протяжении всего существования концлагеря. Так, в концлагере применялось избивание заключенных нагайкой из бычьих жил с пропущенной через нее стальной проволокой. Для этого наказания использовалась также специальная скамейка, к которой привязывали заключенного [3, л. 154]. Убийства узников уколами фенола практиковали лагерные врачи. Имеется свидетельство о рождении в лагере детей, которые практически сразу же уничтожались [6, с. 345]. Но апофеозом нацистской политики уничтожения стали последние дни существования концлагеря.

Клоога был последним лагерем системы филиалов Вайвары, который функционировал до сентября 1944 г. Все остальные были закрыты. Именно в Клоогу прибыло руководство Вайвары во главе с комендантом Гансом Аумайером, ожидая эвакуации по морю.

Наступление советских войск в Эстонии заставило нацистов эвакуировать часть заключенных концентрационных лагерей на запад для дальнейшей эксплуатации [2, с. 329–334]. Те же узники, которых нацисты не успевали или не желали эвакуировать, подлежали уничтожению. 19 сентября 1944 г. эсесовцы лагеря, усиленные прибывшим дополнительным отрядом из 30–35 человек, вместе с коллаборационистами 287-го эстонского полицейского батальона – около 110 человек [5, л. 9], охранявших заключенных – организовали массовое уничтожение оставшихся в живых узников, причем не только Клооги, но и привезенных из других филиалов Вайвары.

Рано утром заключенные были выстроены на лагерном плацу, и руководство лагеря во главе с лагерфюрером Верле объявило им об эвакуации в Германию. В течение двух последующих часов эсесовцами были отобраны наиболее физически крепкие мужчины (301 человек) якобы для подготовки к эвакуации. На самом деле узникам было дано задание готовить дрова и костры на близлежащей лесной поляне. В помощь заключенным было доставлено около 700 человек эстонцев, арестованных за уклонение от мобилизации в немецкую армию. За несколько часов узниками было построено четыре костра площадью $6 \times 6,5$ м на расстоянии четырех метров друг от друга.

После того, как костры были готовы, немцы приступили к массовому расстрелу заключенных. Первыми были расстреляны рабочие бригады, готовившие костры. Эсесовцы укладывали их лицом на землю и расстреливали выстрелами в затылок. Затем на трупы были положены бревна, а сверху вновь укладывали людей и вновь расстреливали их. В дальнейшем из лагеря конвоировали небольшие группы заключенных – по 30–50 человек – и уничтожали их тем же способом.

Одновременно с этими зверствами производились массовые расстрелы узников внутри деревянного барака, располагавшегося также неподалеку от концлагеря: «Нас остановили у одного барака. Ко мне подошел эсесовец и велел мне идти вперед в барак. Я понял, что меня ждет смерть, и задрожал, переступив порог барака. Немец очень ласково сказал мне: “Что ты дрожишь, мальчик?” – и в ту же секунду выстрелил в меня два раза – в шею и в спину. Одна пуля ранила меня навывлет, другая осталась в теле. Но я не потерял сознания. Я упал и притворился мертвым. Я услышал, что немец вышел из барака, и хотел подняться. В это время немцы ввели еще двух заключенных. Я снова притворился мертвым. Этих двоих положили на меня и застрелили. Затем приводили все новых, всех клали в одну кучу – и убивали. Ввели ребенка – я услышал, как он закричал, и в ту же минуту раздался выстрел. Умиравшие стонали “мама” и хрипели. Наконец выстрелы прекратились» [6, с. 348].

Кроме того, были убиты 73 узника Таллинской тюрьмы, специально привезенные в концлагерь, а также узники, пытавшиеся бежать [10, р. 2].

И все же 84 заключенным разными способами удалось спастись и стать свидетелями произошедшего. Бывшие узники по несколько суток находились в своих убежищах, боясь выйти, и все же дождались бойцов Красной армии [9, р. 39].

Советские войска в ходе тяжелых боев смогли занять концлагерь лишь после того, как массовые убийства произошли. По разным данным было убито 2 000–3 000 человек. Подавляющее большинство уничтоженных – от 1500 до 1800 человек – были евреями. Тем не менее нацисты не успели ликвидировать свидетельства своих зверств, и советскими войсками были обнаружены приготовленные для сожжения трупы убитых узников, а также останки погибших. Это стало еще одним неопровержимым доказательством нацистских преступлений, которое использовалось в ходе послевоенных судебных разбирательств.

Библиографический список

1. *Аристов С.В.* Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. – 2013. – № 44. – С. 348–366.

2. *Вейсс-Вендт А.* Бизнес выживания: ООО «Балтийская нефть» и лагеря принудительного труда для евреев в Эстонии // Яд Вашем: исследования. – 2010. – № 2. – С. 313–341.

3. Заключение заместителя прокурора Эстонской ССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. – Оп. 97. – Д. 1. – Л. 151–161.

4. Лагерь в Клооге // Yad Vashem. – P. 21. – File 15.1. – P. 1–26.

5. Протокол допроса эстонского полицейского А. Синипалу // ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 97. – Д. 1. – Л. 9–12.

6. Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – Иерусалим: Тарбут, 1980. – 547 с.

7. *Birn R.* Der Ort des Terrors. Band 8 / hrsg. Benz W., Distel B. – München: Beck, 2008. – S. 161–165.

8. *Orth K.* Die Historiografie der Konzentrationslager und die neuere KZ-Forschung // Archiv für Sozialgeschichte. – 2007. – № 47. – S. 579–598.

9. Testimony of Bejamin Lakhovitzki // Yad Vashem. – O. 3. – File 10961. – P. 1–52.

10. Testimony of Bella Aronovitz // Yad Vashem. – O. 2. – File 798. – P. 1–3.

А. УЛАМ И ДРУГИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ОБ ИСТОКАХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена некоторым аспектам внешней политики СССР после Второй мировой войны и истокам холодной войны в интерпретации видного американского историка, много лет являвшегося директором Русского исследовательского центра Гарвардского университета Адама Бруно Улама и других видных американских историков. Автор уделяет основное внимание вопросам мотивации внешней политики СССР в видении противоположной стороны послевоенного противостояния.

Ключевые слова: Адам Улам, внешняя политика СССР, американская историография, холодная война.

Несмотря на кажущееся единодушие американских историков-традиционалистов в вопросе о том, что положило начало холодной войне (в большинстве представленных в данном исследовании работ указывается, что радиообращение И.В. Сталина к избирателям в феврале 1946 г., в котором он провозгласил, что пока существует капитализм, война неизбежна, последовало месяцем ранее знаменитой речи Черчилля в Фултоне) они неоднозначно трактуют побудительные мотивы, лежавшие в основе внешнеполитических шагов СССР, или, если выражаться более точно, И.В. Сталина.

Наиболее жесткая обвинительная линия представлена в книге Д. Маккензи и М. Каррена «История Советского Союза» [4]. В ней утверждается, что после окончания Второй мировой войны Сталин столкнулся с той же проблемой, что и русский царизм в 1815 г. после окончания войны Отечественной, а именно опасной заразой вольнодумства, которая могла проникнуть в страну вместе с возвращающимися из Европы солдатами-победителями. Дабы предотвратить эту угрозу, а также оправдать внутренние репрессии и экономическое самопожертвование, Сталин развернул кампанию против буржуазного Запада, возродив пугало капиталистического окружения, и логичным продолжением этой внутренней политики на международной арене стал разрыв связей с Европой. Далее указывается, что действия Сталина по созданию блока государств-сателлитов в Восточной Европе и поддержка коммунистических движений в Китае, Северной Корее и Северном Вьетнаме побудили Запад к перевооружению и положили конец возможности прогресса. Советская экспансия натолкнулась на американскую политику сдерживания, что и стало причиной холодной войны.

Д. Маккензи и М. Каррену вторит М. Дзевановски в своей работе «История Советской России» [2], также подчеркивая первичность радиообращения Сталина к избирателям, объясняя необходимость образования НАТО вынужденностью перед лицом угрозы советского марша к Атлантике и утверж-

дая, что события в Корее способствовали эскалации холодной войны.

Схожую позицию декларирует Х. Шварц («Красный Феникс. Россия после Второй мировой войны» [6]), который в числе причин, положивших начало холодной войне, называет «попытки Советского Союза и зарубежных коммунистов захватить другие страны и возобновление после Второй мировой войны глобальной коммунистической войны против капитализма», что в первую очередь выразилось в речи Сталина в феврале 1946 г., в которой он дал старт послевоенной гонке вооружений, выдвинув программу ускоренного экономического развития, «чтобы обезопасить нашу страну от всех возможных происшествий». В качестве конкретных действий «коммунистической войны» Шварц называет: нежелание СССР выводить войска из Северного Ирана, оккупированного в 1941 г., и формирование «независимого Азербайджана», то есть попытку отторгнуть у Ирана эту часть территории, попытку, которая была подавлена угрозой решительных действий ООН; пропагандистскую войну против Турции с требованием передать СССР турецкие провинции Карс и Ардахан и наделить СССР привилегированным положением в отношении проливов; вооруженное коммунистическое восстание в Греции, поддержанное соседними коммунистическими государствами (именно «инспирированное Советами» давление на Турцию и Грецию, как полагает Шварц, и привело к провозглашению доктрины Трумэна); жесткую позицию СССР на послевоенных переговорах и в международных организациях, которая фактически не оставляла возможности достичь с ним соглашения; отказ СССР вступить во многие международные организации, такие как Международный валютный фонд и Мировой банк, а также отказ присоединиться к плану Маршалла и запрет на присоединение для стран Восточной Европы; установление коммунистических диктатур повсюду в Восточной Европе; наконец, Шварц утверждает, что действия СССР по вывозу из своей оккупационной зоны промышленного оборудования и предоставлению

монополии власти в ней немецким коммунистам положили конец совместному управлению четырех держав над Германией в нарушение достигнутых в ходе войны соглашений.

Эти же проблемы затрагивает В. Кульски в своей работе «Мирное сосуществование. Анализ советской внешней политики» [3], указывая, что быстрая советизация Восточной Европы, в которой были «эффективно уничтожены остатки западного влияния», была вызовом западным державам, и они были вынуждены смириться с таким положением вещей только потому, что считали невозможным что-либо предпринимать, не оказываясь тут же перед перспективой войны с бывшим союзником. Но Сталин, отмечает Кульски, на этом не остановился. Его требования в отношении Турции, отказ вывести войска из Северного Ирана в нарушение достигнутых соглашений, помощь, оказываемая его балканскими сателлитами коммунистическим повстанцам в Греции, – все это ясно указывало на то, что он хочет сделать Россию средиземноморской державой. Включение в 1947 г. французской и итальянской компартий в Коминформ и жесткое противодействие Сталина плану Маршалла означало, что он не желает восстановления Западной Европы и надеется распространить коммунистическое влияние и на эту часть Европы. Не имея достаточных сил, чтобы осуществить свой план в случае раскрытия карт, он добился только одного результата – встревожил западные нации, таким образом побудив их заключить Брюссельский договор 1948 г. о создании Западноевропейского Союза и договор о создании НАТО в 1949 г. Сталину некого винить, кроме себя, в создании единого западноевропейского блока, утверждает Кульски.

Более умеренную, а также, на взгляд исследователя, более глубокую с аналитической точки зрения позицию занимают А. Рубинштейн [5], а также Д. Барри и К. Барнер-Барри [1].

Они указывают, что продвижение СССР на Запад и создание буферной зоны государств-сателлитов обусловлено исторически сложившейся жизненной необходимостью приобретения безопасности против вторжения с Запада.

Однако Д. Барри и К. Барнер-Барри тут же осторожно замечают, что при современном развитии технологий геополитические факторы являются лишь частью сложного набора внешнеполитических соображений. Эту мысль развивает А. Рубинштейн, говоря о ксенофобии Сталина, его великорусском шовинизме и, исходя из этого, абсолютистской концепции безопасности, которая привела к территориальной экспансии, заходящей гораздо дальше нужд национальной безопасности, к тотальной гегемонии над всей Европой восточнее линии Штеттин-Триест. Эта экспансия в сердце Европы представлялась Западу перманентной угрозой его собственной безопасности. В то же

время в случае обеих сторон можно говорить об идеологическом содержании политических целей; сама идеологическая риторика обеих сторон о неустраняемых различиях между двумя системами породила антагонизм (согласно Барри, Барнер-Барри). Действия Сталина, полагает А. Рубинштейн, могли быть в какой-то степени ответом на «домашний антикоммунизм» на Западе. Также Рубинштейн отмечает, что решение США прекратить все поставки по ленд-лизу в мае 1945 г., а также их молчание относительно запрошенных Сталиным долгосрочных кредитов на реконструкцию экономики уменьшили интерес Сталина к более соглашательской политике по отношению к Западу. (На этот же момент указывают Маккензи и Каррэн, объясняя его, впрочем, сталинской ксенофобией и паранойей.) Американская же разработка атомной бомбы усилила внимание Сталина к военным расходам и модернизации.

Таким образом, полагает А. Рубинштейн, корни холодной войны лежат в фундаментальном конфликте между несовместимыми концепциями безопасности и наихудших выводах из взаимных движений и намерений.

Наиболее полно вопросы мотивации послевоенных внешнеполитических шагов СССР представлены в фундаментальном исследовании А. Улама «Советская внешняя политика 1917–1973 гг. Экспансия и сосуществование» [7]. В этой работе изложены следующие соображения. Спустя два года после завершения Второй мировой войны то, что было достигнуто в Ялте и Потсдаме и что казалось солидным заделом в деле обеспечения мира, оказалось уничтоженным. Исследователи, занимавшиеся поисками причин такого поворота событий, пишет Улам, в зависимости от степени своей предубежденности, возлагали ответственность либо на Запад (точнее, учитывая реальную расстановку сил после войны, на США) за его нерешительные действия, либо на СССР за его стремление захватить господство над миром. Ни одно из этих утверждений не может быть полностью подтверждено или опровергнуто на основании имеющихся в распоряжении историков источников. Однако совершенно ясно, утверждает Улам, что основные причины конфликта следует искать в самой природе двух государственных систем, господствовавших в то время в мире.

Иногда утверждается, пишет Улам, что изменения в американской внешней политике после смерти Рузвельта привели к усилению подозрительности со стороны СССР. Однако после окончания войны невозможно было представить, чтобы западное общественное мнение не было озабочено тем, что происходило в находившейся под влиянием СССР части Европы, что, в свою очередь, не могло не оказывать влияния на политику правительств США и Великобритании. Но, таким образом, и для

СССР становилось невозможным оставить свои подозрения относительно намерений западных держав, Никакие самые интенсивные кредиты, ни даже передача русским образцов атомной бомбы не могли бы серьезно повлиять на их политику. (Весьма интересное замечание в свете воззрений по этому вопросу Рубинштейна, арэна и арэна.) Подозрительность была частью советской системы; она была врожденным качеством характера ее правителя, пишет Улам. В качестве доказательства он приводит эпизод из книги А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича – арест высокопоставленного советского морского офицера на том основании, что во время войны он принял подарок от своего британского коллеги. Подозрительность такого масштаба, по мнению Улама, не могла быть уничтожена или даже смягчена никакими усилиями Запада по выражению доброй воли и готовности к сотрудничеству.

Противоборствующая сторона в этом споре историков, пишет далее Улам, утверждает, что более жесткая позиция Запада привела бы к лучшему результату и уберегла бы большее количество стран от коммунизма. Однако это утверждение, полагает Улам, содержит в себе элемент недостоверности. Оно основано на допущении, что после долгой войны, во время которой их собственная правительственная пропаганда внесла основной вклад в нереалистичный популярный образ СССР, народы Британии и Америки сразу бы адекватно восприняли такой пропагандистский поворот и тот тип конфронтации, который только события последующих четырех лет заставили их принять в форме НАТО и перевооружения. Вне зависимости от каких-либо соображений морали или технологии сама природа демократических государств, утверждает Улам, не позволяла им в 1945 г. предполагать использование или даже угрозу использования атомной бомбы против своего союзника.

Почему же в таком случае, задается вопросом Улам, произошел такой резкий поворот в генеральной линии и методах советской внешней политики? Почему Советы так безжалостно и поспешно разгромили всю действующую оппозицию, а не последовали финской модели? Более благоразумным было бы предоставить Польше и Венгрии внутреннюю автономию, обеспечив их лояльность в вопросах внешней политики и обороны, нежели чем проводить политику, делавшую невозможной техническую и экономическую помощь со стороны Америки, помощь, в которой так нуждалась разрушенная экономика России. Если, как часто утверждается, СССР был полон опасений относительно агрессивных намерений США и их ядерного оружия, зачем же увеличивать опасность, проводя жесткую и бескомпромиссную политику вместо того, чтобы обезоружить подозрения более тонким и сбалансированным подходом?

Основное объяснение, утверждает Улам, заключается в тех же соображениях, которые диктовали ход событий, приведших к заключению германо-советского Пакта о ненападении. Тогда к этому привела убежденность Сталина в том, что любая война, если она будет проходить на советской территории, как бы победоносна она ни была, будет катастрофой для режима и для его личной власти. Теперь та же внутренняя политика предполагала изоляцию от Запада и враждебность по отношению к нему. Лежавшая в руинах Россия не могла позволить себе ослабить усилия военного времени, и ее народ должен был готовиться к дальнейшим жертвам. Росла и приобретала характер всеобщей подозрительность в отношении огромного количества людей разных слоев населения, которые, в силу не зависящих от них причин, вступали в контакт с врагом: бывших военнопленных, миллионов угнанных на работу в Германию, народов Белоруссии и Украины.

На этом фоне становится понятно, пишет Улам, почему режим не мог позволить себе никакой расслабленности или либерализации; почему, напротив, ему нужно было представлять внешний мир во враждебном свете и нагнетать атмосферу бдительности. Ведь даже много лет спустя, отмечает он, когда военные раны уже затянулись, а уровень жизни был гораздо выше, даже самый ограниченный контакт с Западом привел к брожению среди определенных групп населения (студентов, интеллигенции) и даже к случаям забастовок. Нетрудно себе представить, каков был бы результат интенсивных взаимоотношений с Западом непосредственно в послевоенные годы, учитывая разруху и появившиеся было у народа, но так и не оправдавшиеся надежды на более свободную жизнь после войны.

Далее Улам приводит исторический пример – Московию XVI–XVII вв., где царским правительством было запрещено свободное перемещение и проживание иностранцев с Запада, так как оно опасалось, что они могут посеять недовольство среди дворян, представив им картину свободы и процветания в других странах и побудив их тем самым к мятежу или бегству. Те же условия и тот же менталитет, считает Улам, сложились в России между 1946 и 1953 годами. Даже в период чисток 1934–39 годов, полагает он, не предпринималось таких отчаянных попыток изолировать российскую жизнь от любых западных влияний и контактов с Западом. Как и его западным коллегам, режиму приходилось распутывать последствия своей собственной пропаганды военного времени: американцы и британцы становились потенциальными противниками; любая информация, сообщенная иностранцу, становилась разглашением государственной тайны. Набирала силу кампания против «космополитизма», который заключался в любой

попытке признания какого-либо достижения иностранцев или их вклада в русскую национальную культуру; в попытке не допустить в огромную страну никакого иностранного влияния; набирали силу шовинизм и обскурантизм в сфере культуры, ксенофобия и антисемитизм, ставший в последние годы жизни Сталина государственной политикой.

«Вскоре после величайшей победы в истории России и ее становления как одной из двух мировых супердержав, режим, казалось, был охвачен паникой не перед иностранным вторжением, а перед тем влиянием, которое несколько писателей, ученых и музыкантов могли оказать на сплоченность и целеустремленность советского народа» [7, с. 402]. Трудно представить себе, пишет Улам, как подобная внутренняя политика могла бы сочетаться с хотя бы относительным дружелюбием по отношению к Западу и участием в таких предприятиях, как план Маршалла, и других формах международного сотрудничества.

Таким образом, заключает Улам, эти внутренние судороги, эта необходимость напрячь все силы и ресурсы для того, чтобы восстановить экономику России, позволяют с уверенностью предположить, что решающим фактором в изменении генеральной линии советской внешней политики после войны была внутренняя ситуация в стране. (В этой части воззрения А. Улама перекликаются с воззрениями арэна и арэна.) Подтверждение того факта, что политика СССР в отношении Запада не была продиктована какими-либо страхами перед его агрессивными намерениями, Улам видит в темпах советской демобилизации, опираясь при этом на цифры, приведенные Н.С. Хрущевым на сессии Верховного Совета СССР в январе 1960 г. Хрущев сообщил, что накануне войны с Германией Советские вооруженные силы насчитывали 4 207 000 человек, к моменту окончания войны – 11 365 000 человек, а к 1948 г. в результате демобилизации, начавшейся после войны, советские вооруженные силы сократились до 2 874 000 военнослужащих. Такое положение вещей, отмечает Улам, вряд ли позволяет предположить какой-либо страх перед неминуемым нападением или «атомным шантажом».

Цифры, приведенные Хрущевым, дают ясное представление о советской оценке ситуации, сложившейся в мире после окончания Второй мировой войны и перед началом холодной войны. Легенда об огромных советских армиях, готовившихся маршировать к Ла-Маншу, по-прежнему существует в среде западных историков, как среди тех, кто считает, что такой шаг предполагался в ответ на ожидаемое атомное нападение на СССР, так и среди тех, кто наделяет Советский Союз намерением завоевать остальную часть Европы. Однако показатели демобилизации, как считает Улам, свидетельствуют о другом: численность со-

ветских вооруженных сил возросла по сравнению с серединой 1930-х гг., но теперь их цель состояла в выполнении полицейских функций на огромных площадях Восточной Европы. Кроме того, заявляет автор, предположение, что Советский Союз между 1945 и 1950 годами желал или готовился к большой войне, просто противоречит здравому смыслу: в стране была запущена развернутая программа восстановления экономики. Таким же фантастическим кажется предположение о том, что Великобритания и Америка готовились к антисоветскому крестовому походу или превентивной войне. СССР, делает вывод Улам, был озабочен в первую очередь расширением своей сферы власти и влияния и стремился не навлечь при этом на себя риск войны.

А. Улам отмечает еще один важный момент во взаимоотношениях между СССР и Западом, который также привел к отсутствию взаимопонимания, к взаимной подозрительности и стал еще одной причиной холодной войны – разницу в подходах к послевоенной расстановке сил. После окончания Второй мировой войны СССР остался единственной великой державой в Европе. Ни Великобритания, ни тем более Франция не могли составить ему конкуренции. Огромные внутренние проблемы СССР были скрыты от остального мира, и он представлялся настоящим колоссом. Он, несомненно, стал одной из двух супердержав в мире. Следствием этого факта стала решимость его лидеров воспользоваться всеми возможными преимуществами такого положения, вне зависимости от каких-либо идеологических соображений.

Это простое, «националистическое», по определению Улама, кредо было выражено Молотовым в его речи перед избирателями 6 февраля 1946 г.: «Советский Союз в настоящее время является одной из могущественнейших стран мира. Ни одна из серьезных проблем международных отношений не может быть решена без участия СССР» [7, с. 405]. Но претворяясь в жизнь эти воззрения начали еще раньше – на конференции министров иностранных дел по подготовке мирных договоров с Италией и второстепенными державами Оси в Лондоне в сентябре 1945 г., где Молотов заявил, что СССР должен занимать то место в мире, которого он заслуживает, а следовательно, должен иметь базы своего торгового флота в Средиземном море. Незадолго до этого СССР получил в свое распоряжение базы в Дайрене и Порт-Артуре на Дальнем Востоке; значит, заявил Молотов, «следуя своей любопытной логике», у СССР должны быть базы и в Средиземноморье. Таким образом, пишет Улам, советская экспансия в одном регионе трактовалась как повод для приобретения баз и территорий в другом. Логика была следующей: Британская империя имела базы по всему миру, следовательно, СССР как великая держава имел те же прерогати-

вы. Каждая сделанная Западом уступка рассматривалась как повод для новой, что проявилось в столкновении Молотова с госсекретарем США Бирнсом по поводу Румынии и Болгарии. Бирнс высказал обеспокоенность по поводу изгнания из правительств этих стран и преследования оппозиционеров-некоммунистов. Ответ состоял в том, что поскольку уж англичане и американцы признали сферой влияния СССР союзную страну – Польшу, почему же они теперь «дают задний ход» в случае с Болгарией и Румынией?

Аналогичной причиной отсутствия взаимопонимания, пишет Улам, была непонятная для американцев убежденность СССР в том, что международные вопросы должны решаться путем торга между великими державами при игнорировании интересов малых государств и тех государств, которые не принимали решающего участия в победе над странами Оси; американская позиция, основанная на идеализме и законности с упором на права малых государств была, в свою очередь, непонятна для советских лидеров и рождала их подозрительность; госсекретарь Бирнс заявил, что желание американцев построить систему коллективной безопасности натолкнулось на желание Советов поделить мир на две сферы влияния [7, с. 407].

Таким образом, при сходстве основных воззрений американских авторов-традиционалистов

на мотивацию внешнеполитической деятельности СССР в первые годы после Второй мировой войны и причины начала холодной войны необходимо отметить более всесторонний подход к вопросу со стороны видного американского историка, много лет являвшегося директором Русского исследовательского центра Гарвардского университета А. Улама, который стремится охватить и проанализировать в своем исследовании как собственно истоки послевоенного противостояния двух систем, так и взгляды американских историков на эту проблему.

Библиографический список

1. *Barry D., Barner-Barry C.* Contemporary Soviet Politics: an Introduction. – Prentice Hall, 1979. – 398 p.
2. *Dziewanowski M.A.* History of Soviet Russia. – Prentice Hall, 1979. – 414 p.
3. *Kulski W.* Peaceful Coexistence. An Analysis of Soviet Foreign Policy. – Chicago, 1959. – 236 p.
4. *Mackenzie D., Curran M.* A History of the Soviet Union. – Belmont, 1977. – 689 p.
5. *Rubinstein A.* Soviet Foreign Policy since World War II: imperial and global. – Boston, 1981. – 291 p.
6. *Schwartz H.* The Red Phoenix. Russia since World War II. – N. Y., 1961. – 232 p.
7. *Ulam A.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–73. – N. Y., 1973. – 797 p.

Макеева Екатерина Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный социально-гуманитарный университет
katrin0509@mail.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ПРИРОДЫ В РЕГИОНАХ РСФСР В 1960–1980-Е ГГ. (исторический аспект)

Проблема взаимоотношений общества и природы является одной из важнейших проблем современности, так как экологический кризис к началу XXI века превратился в непосредственную и, возможно, неотвратимую угрозу для человеческой цивилизации. Большое значение для решения этой проблемы имеет изучение ее исторических истоков, а также анализ накопленного государством опыта в сфере управления природопользованием и охраной окружающей среды, что позволяет извлечь определенные уроки и выявить возможные пути дальнейшего совершенствования экологической политики современного российского государства. В статье анализируются особенности руководства охраной природы в регионах РСФСР в 1960–80-е годы, когда экологические проблемы на территории нашей страны проявили себя в полной мере. Автор статьи рассматривает основные аспекты деятельности местных органов власти и партийных организаций регионов, направленные на охрану окружающей среды и сбережение природных ресурсов, а также причины ухудшения экологической ситуации в стране в период «застоя». В научный оборот вводятся неопубликованные материалы региональных архивов Российской Федерации.

Ключевые слова: охрана природы, природоохранная деятельность, общество и природа, природоохранное законодательство, государственное управление, региональные органы власти.

В начале XXI века, в условиях постоянно-го ухудшения экологической ситуации в мире, человек пытается найти эффективные способы гармонизации взаимоотношений общества и природы. Основную роль в решении этой проблемы должны играть государственные структуры, ведь без выстраивания грамотной экологической политики улучшения состояния природной среды добиться невозможно. В Российской Федерации в настоящее время система управления охраной природы находится в стадии формирования, и ее работу, к сожалению, пока нельзя назвать эффективной. Экологических проблем в регионах России сегодня очень много, возможно, некоторые исторические уроки могли бы помочь их решению, ведь определенный опыт руководства охраной природы был накоплен еще в Советском Союзе. Всестороннее изучение этого опыта приобретает в современных условиях особую актуальность.

Региональная система управления природопользованием и охраной окружающей среды в СССР начала формироваться в 1960-х гг. До этого времени экологические вопросы решались чаще всего эпизодически, по мере их возникновения, местными органами исполнительной власти либо территориальными подразделениями республиканских и общесоюзных отраслевых ведомств. 1960 г. стал переломным для всей природоохранной сферы в России. Впервые был принят Закон «Об охране природы в РСФСР», который определил систему действий со стороны государства, обеспечивающих разумное использование и восстановление природных ресурсов. Принятие этого закона стало своеобразным толчком для начала формирования системы управления природопользованием и охраной окружающей среды в регионах страны. Ответственность за состояние природной

среды возлагалась на министерства и ведомства, осуществляющие природопользование, а контроль за охраной природы – на исполнительные органы власти: в общероссийском масштабе – на Совет Министров РСФСР, а на региональном и местном уровнях – на Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, районных, городских, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся [15].

При областных, а затем и местных Советах депутатов трудящихся начали создаваться постоянные комиссии, занимающиеся вопросами охраны природы. Они координировали работу различных ведомств в этой области и в разное время носили различные наименования – «по дорожному строительству, благоустройству и охране природы», «по благоустройству и охране природы», «по охране природы» и т. д. Образованы они были в регионах в 1960-е годы, например, в Татарской АССР – в 1963 г. [1, с. 7], в Куйбышевской области – в 1966 г. [20, л. 346], в Саратовской области – в 1967 г. [5, л. 166] и т. д. Основной функцией этих комиссий являлся контроль за исполнением законодательных актов и постановлений по вопросам охраны природы, а также, совместно с органами санитарно-эпидемиологического надзора, за соблюдением общих правил охраны окружающей среды. Санитарно-эпидемиологическая служба при этом вправе была запрещать или временно приостанавливать эксплуатацию объектов, причиняющих вред здоровью людей своими выбросами или отходами. Контроль осуществлялся в основном двумя способами: во-первых, проводились рейды по объектам, осуществляющим воздействие на окружающую природную среду, и, во-вторых, на заседания исполкомов советов приглашались руководители предприятий с отчетами об их дея-

тельности по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов.

Состав постоянных комиссий по охране природы городских, областных и республиканских Советов депутатов был разнообразным: в него входили председатели райисполкомов и райсоветов, директора совхозов и колхозов, руководители предприятий, рабочие, доярки, слесари, токари и т. д. [23, л. 346–347; 5, л. 166]. К сожалению, как правило, в составе этих комиссий не было ни одного ученого – специалиста в области экологии, что, несомненно, являлось их недостатком и отражалось на результатах деятельности: в решениях комиссий по охране природы практически не встречаются описания конкретных природоохранных мер, в основном речь идет лишь о контроле за выполнением постановлений, большинство из которых на региональном уровне дублировало решения вышестоящих партийных и государственных органов. Как только появлялось какое-нибудь постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР или РСФСР, касающееся вопросов охраны природы, спустя некоторое время региональные органы власти его обсуждали и принимали свои постановления о реализации данного документа и воплощении идей центральных органов власти в жизнь. В каждой области, автономной республике, округе и т. д., имеющих отношение к реализации данных постановлений, разрабатывался план соответствующих природоохранных мероприятий. Таким образом, основную часть решений в сфере экологии местные органы власти принимали по инициативе и под контролем центральных органов, что является первой характерной особенностью управления охраной природы в регионах РСФСР.

Со временем механизм регионального управления природопользованием и охраной природы претерпевал организационные изменения и разрастался. В 1979 г. общий контроль за реализацией природоохранных мер был возложен на областные плановые комиссии, в состав которых были введены должности старших инженеров по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов [9, л. 496–497; 13, л. 184]. А в начале 1980-х гг. в регионах России появились комиссии по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов при органах исполнительной власти – исполкомах областных Советов народных депутатов и Советах Министров автономных республик РСФСР [14, л. 309–310; 12, л. 242]. Во главе комиссий облисполкомов стояли, как правило, заместители председателей облисполкомов, курировавшие сельское хозяйство. А их состав был укомплектован руководителями природоохранных служб областей и представителями президиумов областных или республиканских советов Всесоюзного общества охраны природы (ВООП) [14, л. 310; 11, л. 201]. Таким образом, уровень компетенции комиссий облисполкома был выше, чем анало-

гичных комиссий областных советов, они обладали более широкими полномочиями: могли, например, накладывать материальные санкции на нарушителей природоохранного законодательства и ходатайствовать о приостановлении загрязняющих производств. Их указания являлись обязательными для всех предприятий, учреждений и организаций региона. Однако решения комиссий облисполкомов, также как и комиссий депутатских советов, носили рекомендательный, а не распорядительный характер. Они могли лишь ходатайствовать, но отменять экологически опасные проекты или закрывать вредные производства были неправомерны. В условиях ведомственного нажима, при экстенсивных методах хозяйствования, не признававших какого-либо сбережения природных ресурсов, любые рекомендации становились обычной формальностью. Действенные экономические рычаги в сфере охраны природы отсутствовали. Прежде всего, не было материальной заинтересованности, что вполне соответствовало командно-бюрократическому стилю управления природопользованием, основанному на директивных штампах руководства с формулировками: «обязать...», «усилить контроль...», «обеспечить...» и т. д.

Примером формальности решений региональных органов власти может служить многолетняя борьба за сохранение уникального природного комплекса Самарская Лука, на территории которого находится Жигулевский заповедник. Еще в 1968 г. Куйбышевским исполкомом областного Совета депутатов трудящихся было принято решение «О сохранении природы Самарской Луки, Жигулевских и Сокольных гор» [18, л. 45–49], в котором отмечалось, что на данных территориях несколько организаций (цементно-шиферный комбинат, известковый завод, Зольненский нефтепромысел и др.) осуществляют хозяйственную деятельность и при этом уничтожают природные богатства, загрязняют окрестные леса и воды вредными выбросами. Облисполком неоднократно обращался к министерствам, которым принадлежали упомянутые предприятия, с требованиями прекращения дальнейшего разрушения Самарской Луки и приведения в порядок отработанных карьеров и отвалов, однако никаких практических мер с их стороны принято не было. Более того, перспективными планами предприятий намечалось даже увеличение мощности карьеров и дальнейшее разрушение волжских склонов Жигулевских и Сокольных гор.

2 апреля 1968 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся принял решение запретить на территории Самарской Луки новое промышленное строительство и расширение действующих предприятий, прекратить здесь геолого-разведочные работы, обязать Сокское карьероуправление Министерства промстройматериалов РСФСР с июля 1968 г. закрыть карьер и всем предприятиям, за-

нимающимся здесь карьерной разработкой, приступить к благоустройству и озеленению территории выработанных карьеров и отвалов. Однако это решение тоже осталось фактически «на бумаге». Борьба за сохранение природного комплекса Самарской Луки продолжается до сих пор. Только в апреле 1984 г. усилиями ученых-экологов и общественности здесь был открыт национальный парк «Самарская Лука», и в дальнейшем его охрана стала одной из самых обсуждаемых экологических тем в Куйбышевской области. Уже в 1990 г. комиссия по экологии Куйбышевского горсовета констатировала, что ни одно из прежде принятых по национальному парку решений правительства и области полностью не выполнено [26, л. 4]. До сих пор продолжаются карьерные разработки в Жигулях, что противоречит закону Российской Федерации «Об охране окружающей среды». Как и прежде, здесь действуют несовместимые со статусом национального парка объекты [26, л. 2–5].

Этот пример говорит о том, что реальными управленческими рычагами в регионах РСФСР обладали не местные органы власти, а различные хозяйственные ведомства. В 1970–1980-е гг. экологические вопросы часто стояли на повестке дня заседаний территориальных структур КПСС и региональных органов власти (облисполкомов, областных и городских советов и т. д.). Например, Волгоградский обком КПСС за период с 1981 по 1985 гг. рассматривал их более 10 раз [27; 29]. Верховный Совет Татарской АССР одиннадцатого созыва за период с 1985 по 1987 гг. принял 10 решений, содержащих 107 рекомендаций, направленных на охрану земель, вод, атмосферы, растительного и животного мира [17, с. 1]. Однако, к сожалению, решения местных властей, мнение населения и интересы регионов часто игнорировались центральными властными структурами. Значительное количество фактов это подтверждает.

Так, при проектировании канала «Волго-Дон 2» власти Волгоградской области критически отнеслись к варианту строительства, предложенному Минводхозом СССР, так как неудачно было выбрано место водозабора, предстояло снести часть жилого массива и разрушить традиционные нерестилища осетровых рыб. К обсуждению привлекались ученые области и общество охраны природы. На основе составленных ими рекомендаций Минводхозу было предложено разработать более приемлемый для местных условий проект. Однако центр проигнорировал позицию местных властей и принял проект Минводхоза [2, л. 142–143].

Еще одним примером игнорирования правительством страны решений региональных властей и экологических интересов местного населения является строительство в Тольятти химического завода «Тольяттиазот» в начале 1970-х гг. Экологическая обстановка в этом городе ухудшалась

с 1950-х гг. в связи со строительством нескольких крупных промышленных предприятий, в том числе ВАЗа, уровень загрязнения атмосферного воздуха в жилой зоне превысил предельно допустимые значения по сернистому газу – в 3 раза, фтористому водороду – в 8 раз, окиси углерода – в 12 раз [19, л. 16]. Куйбышевский обком партии обратился в ЦК КПСС с просьбой отменить запланированное строительство завода «Тольяттиазот», учитывая неизбежность негативных последствий этого решения для здоровья жителей города. Однако эта просьба не была удовлетворена, экологически опасное предприятие было построено и заработало в полную силу. Министерство химической промышленности СССР пообещало выделить деньги на проведение мероприятий по охране окружающей среды города Тольятти, но они не могли компенсировать ущерб, нанесенный природе и здоровью тольяттинцев [16, с. 341–342].

Напрашивается вывод о том, что особенностью руководства охраной природы на местах являлось также отсутствие серьезных властных полномочий у основных органов, осуществляющих это руководство – депутатских комиссий по охране природы. Экологические проблемы обсуждались на заседаниях комиссий постоянно [4], однако существенно повлиять на характер деятельности какого-либо предприятия, принадлежащего одному из хозяйственных ведомств и при этом нарушающего природоохранное законодательство, они не могли. Поэтому решения заседаний постоянных комиссий для тех, кто их должен был исполнять, носили рекомендательный характер. Об этом говорит даже их формулировка: «предложить...», «просить...», «рекомендовать...», «обратить внимание...» и т. д. [24, л. 3; 25, л. 4; 22, л. 187].

Особенностью региональной системы управления охраной природы являлось также ее ориентирование на потребности производства, подчинение ведомственным интересам. Органы власти и управления, предприятия и организации одновременно обеспечивали выполнение экономических задач, осуществляли контроль и несли ответственность за рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей среды, что влекло за собой существенные злоупотребления в этой области.

В 1970–1980-х гг. ЦК КПСС и Советы Министров СССР и РСФСР приняли десятки законодательных актов и постановлений природоохранной направленности, однако все решения органов власти на местах были ориентированы в основном на строительство очистных сооружений на предприятиях и объектах коммунального хозяйства [3, л. 24; 28, л. 201–202; 30, л. 114; 21, л. 90; 10, л. 496; 7, л. 119; 8, л. 20]. Благодаря этому управленческие структуры имитировали активную природоохранную деятельность, демонстрируя определенные числовые показатели. Критерием эффективности

этой деятельности являлось не экологическое состояние окружающей среды и характер ее воздействия на здоровье населения, а количество построенных очистных сооружений и процент освоения денежных средств, выделенных на это строительство. В результате все усилия местных властей оказывались малоэффективными. С одной стороны, планировались конкретные экологические меры, выделялись средства на их реализацию по линии Минсельхоза, Минводхоза, Минхимпрома, но, с другой стороны, конечная цель – сохранение природной среды и улучшение ее состояния – оставалась недостигнутой.

Наглядным примером проявления ведомственного подхода к управлению природопользованием на местах и приоритета отраслевых интересов является ситуация в области мелиорации в 1970–1980-х гг. Водохозяйственные организации, осуществляющие мелиоративные работы, были заинтересованы не в рациональном, а в затратном использовании природных ресурсов, которое обеспечивало выполнение планов. Такое положение дел поддерживали и местные органы власти, ориентировавшиеся на те же числовые критерии эффективности – площадь орошаемых территорий, объемы водопотребления, размеры капиталовложений, а не на отдачу с поливного гектара. Количественными показателями можно было отчитаться перед вышестоящим руководством, а качественные, отражающие реальное экологическое состояние земель и уровень их урожайности, при этом не учитывались. Между тем проектных урожаев не удавалось получить практически нигде. Мало того, непродуманное применение средств химизации, нарушение технологии полива сводили на нет все положительные результаты мелиорации. В Саратовской области, например, в 1985 г. свыше 50 % сельскохозяйственных земель были отнесены к категории эрозийных. За 1965–1985 гг. потери гумуса на них составили от 0,7 до 1,3 % [6, л. 22]. Подобное положение дел было характерно и для других областей Поволжья. Случаи подчинения экологических интересов регионов ведомственным интересам повторялись нередко. Из этого следует вывод о том, что реальными рычагами власти в сфере охраны природы обладали не советы и исполкомы, а отраслевые министерства и ведомства.

Одной из характерных особенностей руководства охраной природы в регионах была также разобщенность действий множества природоохранных структур. Их интересы не всегда совпадали, поскольку подчинялись они различным ведомствам. В СССР повсюду, кроме сферы охраны и использования природных ресурсов, действовал принцип единого управления «сверху». Контроль за охраной окружающей среды осуществляли различные министерства и ведомства, Комиссии Президиумов Совета Министров СССР и РСФСР по

охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Каждый орган делил страну на свои участки контроля, действовал согласно собственным интересам.

В качестве примера подобного управления можно привести службы природоохранного профиля Волгоградской области. На ее территории они включали в себя инспекцию по охране атмосферного воздуха, Государственную автомобильную инспекцию УВД облисполкома, Нижне-Волжскую гидрометобсерваторию, Нижне-Волжское бассейновое управление по регулированию использования и охране вод, областную станцию защиты растений, управление «Нижневолжскрыба», областную санитарно-эпидемиологическую станцию, областное управление лесного хозяйства, Волгоградскую геологоразведочную экспедицию, Государственную охотинспекцию, управление Нижне-Волжского округа Госгортехнадзора СССР. Такое количество структур с природоохранными функциями создавало искусственные сложности в управлении процессами природопользования. Аналогичная ситуация была характерна и для других областей и республик РСФСР. В организационном плане также отмечался разноречивый. В компетенции одних органов находилась охрана отдельных природных объектов, других – охрана природы с решением прочих задач, третьи же совмещали эксплуатационные и контрольные функции.

Зачастую отсутствовало понимание целостности биосферных процессов. Так, например, охраной и рациональным использованием вод занимались бассейновые органы управления системы Минводхоза. Они разделили Волгу на три зоны «влияния» – Верхне-Волжскую, Средне-Волжскую и Нижне-Волжскую. При этом отсутствовал целостный подход к использованию и охране реки Волги как единой экосистемы. Несогласованность природоохранных мер по срокам исполнения и методам сводила на нет их целесообразность. Для защиты водоемов от загрязнений затрачивались гигантские средства и усилия. Повсюду шло строительство очистных сооружений на промышленных предприятиях, но при этом городские коммунальные системы, а также колхозы и совхозы в неограниченных объемах сбрасывали в реки свои неочищенные стоки. И такая тенденция была характерна практически везде и во всем: одно ведомство пыталось охранять природную среду, а другое в то же время ее разрушало.

Важной особенностью территориального руководства охраной природы в РСФСР можно назвать также унифицированность подходов к решению экологических проблем. Отсутствие четкой научно-обоснованной концепции природопользования и общегосударственной экологической программы приводило к тому, что регионы страны не имели своих схем охраны природы, учитывающих мест-

ные особенности, которые могли бы гарантировать сбалансированное развитие производительных сил на основе соблюдения законов природы и выступали бы противовесом узковедомственным интересам. Поскольку большая часть предприятий в регионах находилась в подчинении центральных ведомств, реализации подлежали конкретные министерские планы и установки: из областей выжималось все возможное при минимальных затратах на социально-бытовую сферу, культуру, развитие инфраструктуры и охрану природы. Такое положение дел, конечно, противоречило интересам того региона, на территории которого работали предприятия. При этом чем крупнее был промышленный объект и чем большее значение имела его продукция для государства, тем более значительный ущерб наносился природной среде. При таком положении дел у местных органов власти был, наверное, единственный способ хоть как-то решить проблемы своего региона – привлечь новые капиталовложения из центра путем постройки очередного предприятия, так как приток денежных средств позволял развивать инфраструктуру и повышать уровень занятости населения. Получался замкнутый круг: для получения денег на мероприятия по охране окружающей среды строились новые заводы и фабрики, деятельность которых, в свою очередь, становилась причиной загрязнения этой среды.

Итак, процесс управления природопользованием и охраной окружающей среды в регионах РСФСР в 1960–1980-е гг. имел ряд особенностей: зависимость решений территориальных органов власти от инициативы и контроля центра; отсутствие серьезных властных полномочий у местных органов, осуществляющих руководство природоохранной деятельностью, и действенных экономических механизмов управления природопользованием; ориентирование региональной системы управления охраной природы на потребности производства, подчинение ведомственным интересам; разобщенность действий множества природоохранных структур; отсутствие индивидуального подхода к решению экологических проблем в регионах страны, в каждом из которых есть свои специфические условия.

Эти особенности во многом стали причиной низкой эффективности управления охраной природы в регионах РСФСР в 1960–80-е гг. и, как следствие, ухудшения экологической обстановки в России год от года. Данные мониторингов свидетельствуют о том, что к началу 1990-х гг. в ряде городов страны она приобрела катастрофический характер. Органы государственного санитарно-эпидемиологического надзора сигнализировали о росте показателей заболеваемости и смертности граждан в связи с воздействием на их здоровье негативных экологических факторов, прежде всего, загрязнения атмосферного воздуха и водоемов. Принимаемые правительством и местными орга-

нами власти меры по охране окружающей среды буквально «тонули» в директивных бумагах, а результатом такой природоохранной политики стало множество экологических проблем, которые имеют отдаленные и часто непредсказуемые следствия, и поэтому требуют решения уже в наши дни.

Библиографический список

1. Батыев С.Г. Задачи советов Татарской АССР по организации охраны природы // Природа Татарии и ее охрана. Вып. 2. – Казань: Таткинигоиздат, 1971.
2. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). – Ф. 2115. – Оп. 11. – Д. 1927.
3. ГАВО. – Ф. 2115. – Оп. 11. – Д. 1248.
4. ГАВО. – Ф. 2115. – Оп. 11. – Д. 1781, 1926, 1927, 1935, 1958.
5. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). – Ф. 594. – Оп. 24. – Д. 20.
6. ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 18. – Д. 143.
7. ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 20. – Д. 23.
8. ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 24. – Д. 36.
9. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). – Ф. Р-2038. – Оп. 1. – Д. 6954.
10. ГАПО. – Ф. Р-2038. – Оп. 1. – Д. 6702.
11. ГАПО. – Ф. Р-2038. – Оп. 1. – Д. 7197.
12. ГАПО. – Ф. Р-2038. – Оп. 1. – Д. 7498.
13. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). – Ф. 1738. – Оп. 8. – Д. 1547.
14. ГАСО. – Ф. 1738. – Оп. 8. – Д. 2323.
15. Закон «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 586.
16. Ретинецкий А.И. Развитие промышленности и экологическое состояние Среднего Поволжья. 1950–1970 годы (на материалах Самарской области) // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 337–343.
17. Советская Татария: газета. – 1988. – 9 апреля.
18. СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). – Ф. 1109. – Оп. 1. – Д. 315а.
19. СОГАСПИ. – Ф. 656. – Оп. 174. – Д. 165.
20. ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). – Ф. Р-2558. – Оп. 18. – Д. 196.
21. ЦГАСО. – Ф. Р-2558. – Оп. 8. – Д. 476.
22. ЦГАСО. – Ф. Р-2558. – Оп. 10. – Д. 1543.
23. ЦГАСО. – Ф. Р-2558. – Оп. 18. – Д. 196.
24. ЦГАСО. – Ф. Р-4405. – Оп. 1. – Д. 101.
25. ЦГАСО. – Ф. Р-4405. – Оп. 1. – Д. 41.
26. ЦГАСО. – Ф. Р-56. – Оп. 55. – Д. 938.
27. ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). – Ф. 113. – Оп. 113. – Д. 25, 90.
28. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 107. – Д. 30.
29. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 116. – Д. 21, 37.
30. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 122. – Д. 24.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ТЕХАСА, КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ (1845–1861 ГОДЫ)

Данное исследование ставит своей целью изучить формирование политических партий на территории штата Техас, как элемент интеграции в состав США в период до Гражданской войны (1845–1861 гг.). Бесспорно, в хронологических рамках исследования доминирует демократическая партия. Рассматривается основная причина превосходства идеологии демократической партии, и возникновения на базе уже существующей идеологии собственно партийной организации. Но Техас аннексировала не Демократическая партия, а США, поэтому в общественной жизни региона прослеживается деятельность большинства влиятельных политических сил страны. В разные периоды основной оппозиционной силой демократической партии становились крупные политические партии, действовавшие с переменным успехом в масштабах всей страны. В частности, в статье показан процесс создания партии Виггов, деятельность партии Виггов в период до 1854 г. на территории штата Техас. В статье отражена деятельность Американской партии, её отношения с героем Техасской революции – Сэмом Хьюстоном. Доказывается важность деятельности партий на территории Техаса для политической жизни всего региона как составной части США.

Ключевые слова: Политические партии, США, Демократическая партия, партия Виггов, Американская партия, Партия конституционного союза, интеграция Техаса.

Важным элементом интеграции какого-либо региона является установление одинаковых политических и общественных институтов. Техас является уникальным примером пути возникновения штата в истории США, и вопрос его интеграции в состав США в период до сецессии остается слабоизученным в отечественной историографии.

После аннексии политики бывшей Техасской республики достаточно быстро соотнесли свою деятельность с политической борьбой в пределах США. Большую часть истории штата Техас в составе США его возглавляли губернаторы-демократы, и начало этого преобладания было положено в период с 1845 по 1861 г, который и определяет хронологические рамки исследования.

Техас был включен в состав США по влиянию и наитию Демократической партии, известно, что за период до сецессии Демократическая партия, всё более сепаратистская по отношению к Союзу, была наиболее влиятельной политической силой.

Первые два десятилетия XIX в. испанские власти боролись со своеобразными военными «экспедициями» частных лиц, имевших разные мотивы, но желавших обосноваться в богатом ресурсами регионе. «Экспедиции» закончились ничем, а официальные власти США согласовали с Испанией сохранение за ней Техаса в 1819 г. После сего в 1820–1821 гг. состоялись первые успешные переговоры представителей Испании и заинтересованных американцев, которым было позволено начать заселение региона. В 1821–1835 гг. продолжался достаточно мирный период взаимоотношений колонистов и официальных властей, но в 1835 г. ситуация резко меняется. С 1836 г. Техасом была объявлена независимость, и в 1836–1845 гг. на политической карте мира существовала не признанная Мексикой республика Техас. В 1845 г. после долгих переговоров республика была аннексирована

на США, что вызвало Американско-Мексиканскую войну 1846–1848 гг., поражение Мексики в которой закрепило статус Техаса как штата США.

Американские политические идеи начали свой путь на территории Техаса с первыми американскими колонистами. Политическая деятельность США не могла не оказывать влияние на колонистов, большинство которых прибыло непосредственно из США. Конечно, мексиканские политические условия значительно отличались от американских, поселенцы были в меньшинстве и мало могли влиять на политику федерального правительства. Как следствие, официально признанной партии, выражавшей интересы колонистов Техаса, не существовало, мексиканские же политики не могли полностью привлечь своей агитацией вчерашних американцев.

Уже в период сепаратизма и пути к республике техасцы отправляли за помощью делегации в США. Они встречали заметное понимание на территории соседней страны – бывшей родины. В борьбе за признание независимости или аннексию Техаса после 1836 г. уже прослеживается склонность к поддержке действий Техаса и аннексионные настроения не по партийному, а по секционному признаку.

После провозглашения независимости не было создано значимых партийных организаций. Политические лозунги провозглашались и поддерживались отдельными наиболее известными политиками. Однако из-за большого притока американцев, согласно данным Дж. Г. Брауна, $\frac{3}{4}$ населения Техаса к 1845 г. поддерживали Демократическую партию [5, с. 368]. Сам Техас и аннексию поддерживала в основном Демократическая партия, что ярко проявилось в ходе предвыборной агитации кандидатов в президенты в 1844 г. [1, с. 96–97].

Несмотря на партийный интерес в самих США, партийные организации не были сформированы

для избрания первых должностных лиц штата Техас. Кандидатов избирали на публичных митингах в разных графствах, но основные претенденты, такие как Т. Пилсбери, Д. Кауфман (кандидаты в первые Представители Техаса в Конгрессе США), Дж. Хендерсон (кандидат в губернаторы), так или иначе проявляли поддержку принципам Демократической партии [8].

Вторая по значимости политическая сила США – партия Вигов, была представлена в 1845–1846 гг. куда слабее, чем их противники. Партия Вигов не одобряла аннексию, в целом воспринималась на Юге США именно с такой позиции. Как следствие считается, что Техасцы в основном не принимали идей вигов.

Единственным кандидатом на крупный пост, а именно на должность представителя в конгрессе США от Техаса, открыто заявивший о своей приверженности идеям вигов, стал судья В.Б. Окистри [11]. И после этого признания судья пообещал поддерживать демократическую администрацию президента Дж. Н. Полка в своих предвыборных обращениях. Пролетарская пресса отреагировала на его кандидатуру весьма негативно. Сообщалось о переписке вигов, желающих получить 1 место в палате представителей США от Техаса, как это произошло во Флориде [7].

Пресса тех лет приводит аналитику по предвыборной борьбе и отмечает низкую роль партийной принадлежности, поскольку почти отсутствуют кандидаты от оппозиционных демократам партий [13].

В конце 1845 г. состоялись выборы губернатора, на которых победил Дж. Хендерсон. Выборы Представителей в США состоялись 13 марта 1846 г., на них победили кандидаты – сторонники Демократической партии, Кауфман и Пилсбери. 21 февраля были избраны Сенаторы США: Сэм Хьюстон (джексоновский демократ), генерал Томас Дж. Раск (демократ). Несмотря на слабость, открытые сторонники вигов тоже смогли укрепиться в легислатуре штата [12].

Датой возникновения первых партийных организаций называется 1848 г., поскольку президентские выборы этого года были связаны с федеральным уровнем [4, с. 403]. Для полноценного представительства демократы и виги должны были собраться и выбрать федеральных представителей от партий.

Демократы объявили о начале формирования структуры для созыва конвента в январе 1848 г. Сторонники Вигов объявили о подготовке конвента в апреле, но провели конвент только в мае 1848 г. На конвенте была избрана делегация вигов для участия в федеральном съезде и выборе кандидата в президенты. Летом виги избрали выборщиков для президентских выборов, но часть выборщиков они потеряли ещё до выборов, одного

из-за того, что он оказался демократом. Демократическая партия оставалась доминирующей силой. Почти все крупнейшие политики относились к Демократической партии. Считается, что последними успешными для вигов Техаса стали выборы 1852 г. К 1854 г. партия практически распалась.

Несмотря на силу Демократической партии, оппозиционные политики по разным причинам получали необходимые голоса. Большое количество прибывающих иностранцев в США вызывало неприятие англосаксов-протестантов. Нативисты спекулировали на религиозных предрассудках, что было весьма актуально в Техасе, где колонистов в мексиканский период вынуждали исповедовать католичество в обмен на земли. На Юге благодатной почвой для спекуляций была антирабская позиция многих иммигрантов [2]. В Техасе нативисты также привлекали, как серьезная оппозиция демократам. В 1854 г. активизировалось общество-партия «Ничего-Не-знаю», известная также как Американская партия. Второе название появилось благодаря секретности и своеобразным избирательным кампаниям, в ходе которых кандидаты отказались от причастности к партии.

Деятельность партии была достаточно недолгой, и принесла лишь частичные результаты. Первым успехом сторонников партии считается победа Дж.Р. Свита на выборах мэра Сан-Антонио [10].

На следующий год после первого успеха в Техасе, партия секретно провела несколько успешных мероприятий, в том числе созвала съезд, на котором назначила кандидатов в политической борьбе 1855 г. В прессе ходило много слухов о сути съезда, а сами кандидаты в основном скрывали партийную принадлежность. Как итог борьбы кандидат-сторонник партии Л.Д. Эванс смог захватить 1 место Представителя Техаса в Конгрессе США на выборах 1855 г. [14, р. 416], а на губернаторских выборах кандидат от Американской партии (действующий вице-губернатор от Демократической партии Д.К. Диксон) набрал около 18 тыс. голосов. Свои победы партия отпраздновала масштабным митингом в ноябре того же года с участием С. Хьюстона [9]. На некоторое время Американская партия стала сосредоточением оппозиции в штате, серьезно угрожала Демократической партии. В 1856 г. партия была разгромлена в ходе борьбы и к 1857 г. потеряла влияние. Последним событием перед распадом партии в Техасе стал отказ от поддержки партии Хьюстона.

В 1859 г. произошёл крупнейший успех противников демократов – Хьюстон как независимый кандидат при поддержке сторонников оппозиции демократической партии США в Техасе стал губернатором. В 1860 г. вместе с федеральными тенденциями на территории Техаса появляется партия конституционного союза [6, р. 175–178]. Официальное её появление закрепляется проведе-

нием съезда и отправкой делегаций на национальный конвент в Балтиморе. Последним броском оппозиционных демократам партийных сил в Техасе перед гражданской войной стало получение кандидатом от партии конституционного союза Дж. Беллом около 25% голосов в Техасе в 1860 г. Основным мотивом существования партии, включающей в себя различных техасских политиков, было стремление сохранить Союз, после роста сепаратистских настроений партия фактически распалась [3, р. 233–235].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Активная деятельность политических партий США в Техасе, стремление партийных лидеров местного уровня выходить на федеральный уровень демонстрируют стремление заручиться поддержкой всей партии США, а получение поддержки означает заинтересованность партий США в деятельности на местном, техасском, уровне.

2. Всплески деятельности оппозиционных демократам партий приходятся на аналогичную активность в самой федерации. 1848 г. – год создания партийной организации вигов в Техасе, год победы президента – вига. 1854–55 гг. – успех Американской партии на выборах в Конгресс США, 1855 г. – год возникновения партийной организации Американской партии в Техасе. В 1860 г. в США проходят президентские выборы, активное участие в них принимают партии Конституционного союза – возникает партия в Техасе.

3. Слабость оппозиции к Демократической партии во многом связана с тем, что демократическая партия активно поддерживала аннексию Техаса, идею, пользующуюся популярностью в республике; что в пропаганде Демократической партии нашли отражение популярные на Юге лозунги, а в секционизме США после аннексии Техаса, и всё большее разделение страны по принципу Юг – Север, Демократическая партия стремилась поддерживать южан.

Исходя из деятельности политических партий можно судить о том, что Техас активно интегрировался в американскую общественно-политическую

жизнь. В целом, политические партии проявляли активность и ослабевали практически одновременно со всеми общегосударственными отделениями. Однако помимо интеграции в США, штат активно интегрировался в южное политическое общество, присоединился к южной секции США. Как следствие, происходит столь выдающееся доминирование демократической партии.

Библиографический список

1. *Потокова Н.В.* Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки. – Ростов-на-Дону, 1986. – 168 с.
2. *Прилуцкий В.В.* Движение американских националистов-нативистов. 1830-1860-е гг. // Статьи по истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historystudies.org/2013/01/priluckij-v-v-dvizhenie-amerikanskix-nacionalistov-nativistov-1830-1860-e-gg/> (дата обращения 23.07.2016).
3. *Baggett J.A.* The Constitutional Union Party in Texas // *Southwestern Historical Quarterly*. Vol. 82, № 3. Austin, 1979. – P. 233–265.
4. *Bagur J. D.* Antebellum Jefferson, Texas: Everyday Life in an East Texas Town. Denton, 2012. – 640 p.
5. *Brown J. H.* History of Texas, from 1685 to 1892. Vol.2. St. Louis, 1893. –591 p.
6. *Smyrl F.H.* Unionism in Texas, 1856–1861 // *Southwestern Historical Quarterly*. Vol. 68, № 2. Austin, 1964. – P. 172–196.
7. *Telegraph and Texas Register*. Vol. 11. – №7. – 18.02.1846.
8. *Texas National Register*. Vol. 1. – 13.10.1845.
9. *Texas State Times*. Vol. 2. – № 48. – 10.11.1855.
10. *The Alamo Star*. Vol. 2. – № 17. – 25.12.1854.
11. *The Northern Standard*. Vol. 3. – №51. – 18.03.1846.
12. *The Texas Democrat*. Vol. 1. – №20. – 20.05.1846.
13. *The Civilian and Galveston Gazette*. Vol. 7. – 17.12.1845.
14. *Wooster R.A.* An Analysis of the Texas Know Nothings // *The Southwestern Historical Quarterly*. Vol. 70, № 3. Austin, 1967. – P. 414–424.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09"19"

Лебедев Юрий Владимирович

доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
y-v-lebedev@ya.ru

ХРИСТИАНСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА

В статье рассматривается органическая связь поэзии Некрасова со святоотеческой традицией и устным народным творчеством. В стихотворении «Влас» поэт использует почитаемые народом жизнеописания святых и точен в передаче православных представлений о мытарствах души в первые дни после её разлучения с телом. В поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов воспроизводит широко распространённое в народе лечение больного водой из девяти колодезев («с девяти веретён») и приносимой в дом чудотворной иконой. В поэмах декабристского цикла поэт воскрешает высокий идеал святости мирянина в той мере, в какой эта святость утверждалась учением святых отцов и вошла в народное сознание.

Ключевые слова: жизнеописания святых, народные легенды, обряды, обычаи.

1

Ф.М. Достоевский, возводя образ некрасовского Власа в общенародный и общенациональный символ, в «Дневнике писателя» утверждал: «Некрасов, создавая своего великого “Власа”, как великий художник, не мог и вообразить его себе иначе, как в веригах, в покаянном скитальчестве. Черта эта в жизни народа нашего – историческая, на которую невозможно не обратить внимания, даже и потому только, что её нет более ни в одном европейском народе» [4, т. 25, с. 250].

Вместе с тем в описании хождений души Власа по мытарствам Достоевский уловил авторскую присочинённость, «невообразимые ужасы»: «О поэт! (к несчастью, истинный поэт наш) если бы вы не подходили к народу с вашими восторгам, про которые

Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать, –

то не оскорбили бы и нас выводом, что вот из-за каких-то в конце концов бабьих пустяков

Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной» [4, т. 21, с. 32].

Вот как описывает Некрасов хождение души Власа по мытарствам:

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;
Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы – видом чёрные
И как углие глаза,
Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.
Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад.
И кружит над ними с хохотом
Чёрный тигр-шестокрылат.
Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочёл... [10, т. 1, с. 153]

Заметим, что никакой насмешки, «шутовства» и «присочинённости» в этом описании пережитых Власом ужасов, вопреки мнению Достоевского, у Некрасова нет. Поэт знает любимые и почитаемые народом жизнеописания святых и точен в воспроизведении православных представлений о мытарствах души в первые дни после её разлучения с телом. Он знает, как «страдалец нищий Лазарь отнесён был по кончине своей Ангелами в отделение рая» и как «умерший немилосердно богач, веселившийся во время земной жизни на вся дни светло, был низвергнут в ад». Некрасов использует в стихотворении житие преподобной Феодоры, которая, посетив райские обители, «низведена была в преисподняя земли» и видела страшные, нестерпимые муки, уготованные грешникам в аду: «Когда я приближалась к концу моей жизни, и наступило время моего преставления, увидела множество эфиопов, обступивших одр мой. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их – как калёные угли; видение так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели пожрать меня; между тем готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, как бы ожидая какого судию, должествующего придти. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом» [1, с. 103–104].

Таким образом, в передаче переживаний верующим Власом страха Божия во время хождения его души по мытарствам Некрасов точно следует не только за духом, но и за буквой святоотеческого предания.

2

В исследованиях, посвящённых текстуальному анализу поэмы «Мороз, Красный нос», обращается внимание на некоторые ошибки или сознательные отступления Некрасова от буквалистски-точного изображения народного быта, обычаев, ритуалов.

Однако в ряде случаев исследователи находят загадочные места там, где их нет. Известно, что крестьянский обряд, при всей его консервативности, никогда не превращался в незыблемую догму: живая жизнь постоянно вносила в него свои коррективы в зависимости от конкретной жизненной ситуации, исключавшей возможность строгого соблюдения того или иного ритуала, от многочисленных местных (волостных, уездных, губернских или краевых) различий в нём. Говоря о «неточности» некрасовских описаний, нужно учитывать не только классический, всероссийский вариант обряда, очищенный от местных наслоений, но прежде всего этнографические исследования жизни и быта крестьянства хорошо знакомых поэту губерний – Ярославской, Новгородской, Владимирской и Костромской.

Белый холщовый платок как траурный символ Некрасов мог заимствовать из очерков В. Селиванова, печатавшихся в журнале «Русская беседа». Знакомство с этнографическими материалами в местной печати убеждает, что аналогичный наряд носили русские крестьянки из старообрядцев в Кинешемском, Костромском, Судиславском и Буйском уездах Костромской губернии. Заметим: в уездах, где Некрасов часто охотился с Гаврилой Яковлевичем Захаровым. Известно, что семья Захаровых, как, впрочем, и всё крестьянство деревни Шода и окрестностей, было почти целиком старообрядческим. По наблюдению одного из корреспондентов Костромских епархиальных ведомостей, костюм старообрядцев «состоит главным образом из двух цветов: белого или чёрного. Рубашки и зимние шубы всегда белые. Женщины носят тёмные сарафаны, а на головах тёмные или белые платки. *На похоронах они всегда повязывают голову белым полотенцем*» [6, с. 595]. Отголоски этого древнего цветового символа скорби и печали сказываются и в ритуале обряжения. В Костромской губернии умерших крестьянок одевали в лучший наряд, на голову надевали платок, «на старых тёмный, на молодых белый» [13, с. 30].

Отмечая условность некоторых сюжетных поворотов поэмы, В. А. Сапогов пишет: «...Чтобы спасти Прокла, Дарья бежит в отдалённый монастырь за “явленной” чудотворной иконой и возвращается с ней. Кто бы ей дал такую икону! Этого ни в коем случае не могло произойти» [11, с. 25]. Действительно, для современного читателя этот факт представляется неправдоподобным. Но заметим, что Дарья возвращается с чудотворной иконой не одна:

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, её провожая,
Все приложились к ней. [10, т. IV, с. 102]

Ясно, что икона «двинулась с миром», в сопровождении служителей монастыря. В руки эту икону Дарье, конечно, никто не давал и никаких двусмысленностей на этот счёт Некрасов не допускает.

Другое дело – вопрос: могло ли монастырское начальство уступить просьбам Дарьи, случались ли подобные факты в действительности?

Обратимся к истории одного из самых чтимых в Костромской губернии Макарьево-Унженского монастыря. В «Летописи» этого монастыря, опубликованной в «Костромских епархиальных ведомостях за 1892 год», сообщается: «Иконы из Макарьево Унженского монастыря приносимы были в окрестные места и селения по просьбам усердствующих жителей сих селений и согласно установленным в прежние времена обычаям» [10, с. 320]. Но, может быть, такой обычай не распространялся на святые известные, признанные всем народом за чудотворные? Читаем далее: «Икононошение чудотворных икон Божьей Матери Одигитрии и преподобного Макария ради чудес, оказанных ими издревле, началось с незапамятных времен по Макарьевскому и окрестным уездам и с годами расширенное по вере и любви православных к чудотворным иконам продолжается до сего времени». Чудотворные иконы отпускались окрестным жителям «для пения и молебнов в ближайшия селения с благонадежными лицами из братии» [7, с. 321].

Монастыри, нередко за солидное вознаграждение, отпускали иконы и в соседние уезды на почитание местного духовенства. В «Летописи Макарьево-Унженского монастыря» сообщается, что «Макарьевская святыня» вывозилась в Кологрив, «была встречена Кологривским духовенством при церкви», в «соборном храме», «куда являлись прихожане, поднимали иконы и на своих руках при сопровождении священника носили их в свои дома для служения молебнов» [7, с. 342].

Обратимся ещё к одной загадке, связанной с воспроизведением в поэме некоторых приёмов знахарства и народной медицины в эпизоде болезни Прокла. Исследователи уточнили почти все источники, которыми пользовался Некрасов в этом описании, оставались без комментария лишь следующие строки:

Старуха его окатила
Водой с девяти веретён
И в жаркую баню сводила,
Да нет – не поправился он! [10, т. IV, с. 89].

Ни в одном из известных нам источников такой обряд лечения не зафиксирован. А между тем вопрос этот решается очень просто, и разгадка его буквально лежит на поверхности. Нам мешает понять Некрасова недостаточно глубокое знание народного быта. О каких веретёнах идет здесь речь? В голову обычно приходит то самое «простое, ручное деревянное орудие для пряжи, для ручного прядения: деревянная точеная палочка, четверти в полторы, острая к верхнему концу и утолщенная к нижней части, с зарубкою и с круто заостренною пяткою» [3, с. 180]. Только вот неясно, как умудрилась старуха «окатить» Прокла водой, расположив над ним эти точеные палочки в количестве девяти штук?!

Но веретёнами в народном быту назывались не только орудия для пряжи, но и вообще любая ось, на которой что-либо вращалось: коромысло весов, жёрнов и другие круглые предметы, ходящие на веретене [3, с. 180]. К их числу принадлежали и деревянные валы деревенских колодцев, на которых наматывалась цепь при подъёме воды. Именно такой тип колодцев (а не известный «журавль») был распространён на территории Костромской губернии, жители которой по праву считались самыми искусными колодезниками на всём российском Нечерноземье. Старуха окатила Прокла водой из девяти колодцев – так надо понимать «загадочный» ритуал, к которому она прибегает в некрасовской поэме. Но такая форма лечения зафиксирована во многих этнографических трудах современников Некрасова. Обращаемся к книге И.П. Сахарова: «Призванный знахарь, как дока, как знающий всю подноготную, берется за врачевание. Больное дитя, по его совету, несут в лес, ищут раздвоенного дерева, кладут его в этот промежуток на трое или менее суток... После этого приносят домой, купают в воде, собранной из девяти рек или колодцев...» [12, с. 112]. Очевидно, Некрасов использовал в своей поэме этот широко распространённый в народе обряд лечения больного в народной же его интерпретации: не из девяти колодцев, а «с девяти веретён» (типичная форма народной метонимии).

3

Ещё П.Ф. Якубович считал, что в поэме Некрасова «Несчастные» допущено отступление от реалистического описания каторги. Он отмечал, что каторжан в России никогда не держали и не держат в подземельях, что фигуры ссыльных у Некрасова неправдоподобны, что в поэме вообще слишком много мелодраматизма, «немыслимого в живой действительности» [9, с. 68]. Затем об этом писали не раз советские некрасоведы. И если подходить к поэме с критериями бытового правдоподобия, можно с успехом привести ещё немало примеров таких несообразностей. Однако к бытовому правдоподобию Некрасов в этой поэме и не стремился. У него существовала на этот счёт совершенно иная установка. В описании сибирской каторги поэт использовал устные народные легенды. Народный угол зрения заявлен не только в заглавии поэмы – «Несчастные», но и во всех деталях описания жизни и быта заключённых.

Глубокий знаток крестьянской культуры, С.В. Максимов так характеризует народные представления о судьбе «несчастливых» в «рудниках Сибири льдистой»: «Там, – думает народ, – там, где-то далеко, за Сибирью, взрыты крутые, поднебесные горы. В горах этих вырыты ямы глубиной в самые глубокие речные и озёрные омуты. Посадят в эти ямы весь этот повинный народ, посадят на всю

жизнь, один раз, и никогда уж потом не вынут и не выпустят. И будут сидеть они там, Божьих дней не распознавая, Господних праздников не ведая; будут сидеть в темноте и духоте подле печей, жарко натопленных, среди груд каменных, на таких работах, у которых нет ни конца, ни срока, ни платы, ни отдыха. Изноет весь этот народ в скорбях и печалях, затем, что уж им всякий выход заказан, и родина отрезана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторге глубока – глубока да и запечатана. <...> Вот вам, несчастные горе-горькие заключённые, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжёлое, да грош трудовой, кровный: авось и он вам пригодится. Пригодится хлеба прикупить, Богу свечку за свои мирские грехи поставить: Он вам и путь управит, и в каторжной тёмной и глубокой яме свету подаст, силы пошлёт и дух вознесёт» [8, с. 10].

Очевидно, легендарные представления народа о каторге формировались под влиянием иконописных и настенных, фресковых изображений преисподней в виде провала в земной тверди, где во мраке чёрной ямы претерпевают страшные муки несчастные грешники. В максимовских описаниях чувствуются также отзвуки иконописного сюжета сошествия во ад Христа Спасителя. В согласии с народными легендами, каторжники у Некрасова тоже живут в «подземелье», в «чёрной норе», в «роковой яме», куда лишь украдкой заглядывает луч солнца. В глубокую и тёмную каторжную яму приносит свет несчастным заключённым «народный заступник», образ которого рисуется в аскетическом ореоле подвижника, «божьего человека»:

Рука, нетвердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И, словно лён, пушистый волос
На голове и бороде [10, т. 4, с. 39].

Именно он помогает несчастным вновь ощутить утраченную связь с Родиной, с близкими, понять, что адский каторжный труд наполнен высоким смыслом. С его пришествием «тёмная нора», напоминающая преисподнюю с беснующимися грешниками, превращается в «монашескую келью». То, что казалось иным исследователям странной аффектацией и ложным мелодраматизмом, является в действительности реалистическим отражением характерных сторон народного сознания, свидетельством глубокого демократизма Некрасова-поэта.

24 ноября 1855 года в письме к В.П. Боткину Некрасов говорил о Тургеневе с великой надеждой: этот человек способен «дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни» [10, т. XIV, кн. 1, с. 234]. В своей надежде Некрасову суждено было разочароваться. И вот в поэмах историко-героического цикла он попытался сам дать русским политикам достойный подражания идеал. Народные заступники в поэзии Некрасова – идеальные герои. В отличие от атеистического, нигилистического уклона, свойственного реалиям

русского освободительного движения, они напоминают и внешним своим обликом, и внутренним, духовным, содержанием русских святых.

Создавая историко-героические поэмы, Некрасов действовал «от противоположного»: они были своеобразным упреком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта. Впрочем, и ранее, в лирических стихотворениях на гражданские темы, Некрасов придерживался той же эстетической и этической установки. По его собственным словам, в «Памяти Добролюбова», например, он создавал не реальный образ Добролюбова, а тот идеал, которому реальный Добролюбов, по видимому, хотел соответствовать.

В своих поэмах Некрасов воскрешал высокий идеал не монашеской святости, а святости мирянина именно в той мере, в какой эта святость утверждалась учением святых отцов и органично вошла в народное сознание. Так, для некрасоведов-атеистов камнем преткновения долгое время оказывались слова вернувшегося из ссылки героя поэмы «Дедушка»: «Днесь я со всем примирился, / Что потерпел на веку!» [10, т. IV, с. 111]. Они не понимали, что христианское смирение отнюдь не означает примирения со злом, а, напротив, утверждает открытую и честную борьбу с ним, что и подтверждается далее всем поведением героя. Но *христианское* сопротивление мирскому злу действительно *исключает личную вражду, кровную месть*. «... Чем меньше *личной* вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов – всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, – тем эта борьба его будет, при всей ее необходимой суровости, духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее» [5, с. 142], – замечает русский мыслитель И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою». «Сопротивляющийся злу должен прощать личные обиды; и чем искреннее и полнее это прощение, тем более простивший способен вести неличную, предметную борьбу со злодеем, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим» [5, с. 144].

Христианское содержание поэмы «Дедушка» проявляется буквально во всём, даже в деталях чисто внешнего плана. Возвращающийся из ссылки герой «пыль отряхнул у порога», как древний библейский пророк или новозаветный апостол, «отрясающий прах со своих ног». Действие это символизирует христианское прощение всех личных обид и всех прошлых скорбей и лишений. «Сын пред отцом преклонился, ноги омыл старику». С точки зрения реалий нового времени, действие сына может показаться странным. Однако Некрасов ведь создает идеальный образ и прибегает в данном случае к известной евангельской ситуации, когда Иисус Христос перед Тайной Вечерей

омыл ноги своим ученикам, будущим апостолам. Этот древний обряд знаменовал особое уважение к человеку.

Апостольские, христианские моменты подчеркнуты и во внешнем облике Дедушки:

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит [10, т. IV, с. 112].

«Детскость» и мудрая простота героя тоже восходят к евангельским заповедям Христа. Однажды, призвав дитя, Он поставил его перед учениками и сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф., 18, 3–4).

«Песни» Дедушки – это почти молитвенные покаяния за грехи соотечественников, ибо, по пророчеству Исайи, Господь «помилует тебя по голосу вопля твоего»: «Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные!..» (Исайя, 32, 11). «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительство, разорят и тебя» (Исайя, 33, 1).

Тревога за судьбу отечества и боль за беззакония соотечественников – причина страданий, принятых некрасовским героем на каторге, и источник его песен и молитв:

Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страной висел...
Видел – имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей... [10, т. IV, с. 117].

Грозные библейские мотивы буквально пронизывают эту поэму. Герой оглашает свою «келью» «вавилонской тоской». Эта тоска – напоминание о трагических событиях библейской истории, о разрушении одного из самых богатых и преуспевающих царств. Библейское предание устами пророка Иереми повествует о страшной гибели Вавилона, навлекшего гнев Господа за разврат и беззаконие его жителей.

Поэма «Дедушка» обращена к молодому поколению. Некрасову очень хотелось, чтобы юные читатели унаследовали лучшие нравственные ценности, служению которым можно отдать жизнь. Характер Дедушки раскрывается перед внуком постепенно, по мере сближения героев и по мере того, как взрослеет Саша. Поэма озадачивает, интригует, заставляет внимательно вслушиваться в речи Дедушки, зорко всматриваться в его внешний и вну-

тренный облик, в его действия и поступки. Шаг за шагом читатель приближается к пониманию народолюбивых идеалов Дедушки, к ощущению духовной красоты и благородства этого человека. Цель нравственного, христианского воспитания молодого поколения оказывается ведущей в поэме: ей подчинены и сюжет и композиция произведения.

Подвиг декабристов и их жён в «Русских женщинах» тоже представлен Некрасовым не только в исторической его реальности, но и в идеальных параметрах святости. В отечественных житиях классическим образцом женской святой считается образ Юлиании Лазаревской. Юлиания видела свое призвание в верности супружескому долгу. Княгиня Трубецкая, прощаясь с отцом, говорит, что её зовёт на подвиг высокий и трудный долг, который в беседе с иркутским губернатором она уже называет «святым». А её отъезд в Сибирь вызывает ассоциации с уходом праведника от «прелестей» мира, лежащего в грехе:

Там люди заживо гниют –
Ходячие гробы,
Мужчины – сборище Иуд,
А женщины – рабы [10, т. IV, с. 142].

В сознании героини её муж и друзья, гонимые и преследуемые властями, предстают в ореоле страстотерпцев. В поэме есть скрытая параллель с одной из заповедей блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф., 5, 10).

Этот христианский подтекст нарастает в «Русских женщинах», усиливаясь во второй части – «Княгиня Волконская». Финальная сцена поэмы, рисующая встречу Волконской с мужем в каторжном руднике, построена так, что напоминает содержание любимого народом апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», повествующего о том, как Пресвятая Дева Мария пожелала видеть мучения грешников в аду и умолила Христа дать им облегчение.

Чудо апокрифического сошествия Богородицы во ад подсвечивает сюжетное действие этого финального эпизода. По мере того как Мария Волконская уходит всё далее и глубже в бездну рудника, отовсюду бегут ей навстречу «мрачные дети тюрьмы», «дивясь небывалому чуду». Души грешников, обитающих в этом адском месте, ощущают на мгновение святую тишину, благодатное облегчение:

И тихого ангела Бог ниспослал
В подземные копи – в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал
И замерло словно движенье... [10, т. IV, с. 184].

И вот среди грешников находится тот, кто достоин прощения и искупления:

Но кроток был он, как избравший его
Орудьем Своим Искупитель [10, т. IV, с. 183].

Великая страдальца явлением своим в «пропасти земли», состраданием своим как бы открывает грешникам путь к спасению.

«Христианское просвещение, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвоение обрывков знания, употребляемых как средство агитации, – вот в чём нуждается народ наш, – утверждал С.Н. Булгаков. – Историческое будущее России, возрождение и восстановление мощи нашей Родины или окончательное её разложение, быть может, политическая смерть, находятся в зависимости от того, решим ли мы эту культурно-педагогическую задачу: просветить народ, не разлагая его нравственной личности. И судьбы эти история ввергает в руки интеллигенции» [2, с. 134–135].

В числе истинных просветителей России, которые работают на её возрождение, Булгаков в первую очередь называл «родного нашего Некрасова». «Не всем, может быть, памятливы эти дивные строки. Поэт описывает своё возвращение на родину и родные впечатления. Я узнаю – пишет он:

Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиления,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил –
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести большой...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетённых, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарём!

Вот слияние интеллигенции с народом, полнее и глубже которого нет. Но многие ли из интеллигентов, читателей и почитателей Некрасова, склонялись пред “этим скудным алтарём”, соединяясь с народом в его вере и его молитве? Нет, не многие. Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенция, отвернулась от простонародной

“мужицкой” веры, и духовное отчуждение создавалось между нею и народом» [2, с. 106–107].

Библиографический список

1. *Брянчанинов Игнатий*. Слово о смерти // Творения иже восвятых отца нашего Святителя Игнатия епископа Ставропольского. Т. 3. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 1997. – 316 с.
2. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 350 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 700 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 25. Дневник писателя за 1977 год. Январь–август. – Л.: Наука, 1983. – 470 с.
5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. – Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. – 608 с.
6. Костромские епархиальные ведомости. – 1885. – Отд. 2. – Часть неофициальная. – № 19.
7. Костромские епархиальные ведомости. – 1892. «Приложение к неофициальной части».
8. *Максимов С.В.* Собр. соч. Т. 1. Сибирь и каптога. Часть 1. «Несчастные». – СПб.: Просвещение, 1913. – 404 с.
9. *Мельшин Л. (Якубович П.Ф.)*. Н.А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Павленков 1907. – 96 с.
10. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Наука, 1981–2000.
11. *Сапогов В.А.* Анализ художественного произведения. Поэма Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос». – Ярославль: Издат. ЯГПУ, 1980. – 64 с.
12. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1885. – 298 с.
13. *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Вып. 15. – Кострома, 1920.

УДК 821.161.1.09 "18"; 821.161.1.09"19..."

Шашкова Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук
Многофункциональный региональный центр прикладных квалификаций
«Техникум энергомашиностроения и металлообработки», г. Санкт-Петербург
Schaschkowa-E-W@yandex.ru

Талашов Григорий Петрович

кандидат филологических наук
Член редколлегии журнала «Невский альманах», г. Санкт-Петербург
gptalashov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НЕКРАСОВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА

В статье рассматриваются основные этапы некрасоведческой деятельности В.Е. Евгеньева-Максимова, начиная с 1902 года. Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов – известный ученый-литературовед, профессор Ленинградского университета имени А.А. Жданова, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, основатель российского и советского некрасоведения, инициатор создания мемориальных музеев поэта в Ленинграде и Ярославле (Карабиха). В вопросе научного изучения жизни и творчества Н.А. Некрасова Евгеньев-Максимов выступает одним из первых. Ученый начинает планомерное изучение окружения Некрасова, встречаясь с родными и близкими, которые были рядом с поэтом, исследуя архивы и периодику. Интерес ученого к личности и творчеству поэта не угасал даже в годы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют его письма. Показательна переписка В.Е. Евгеньева-Максимова с племянницей Н.А. Некрасова Анной Федоровной Некрасовой. На лекциях и в семинарах известного профессора выросло не одно поколение молодых исследователей (В.С. Маслов, В.Г. Березина, Т.А. Беседина и др.).

Результатом исследования стало появление научных статей на некрасовскую тематику, объединенных впоследствии в монументальные научные издания, а также деятельное участие Евгеньева-Максимова в создании музеев Н.А. Некрасова в Ленинграде и Ярославле. Жизненный и творческий путь В.Е. Евгеньева-Максимова являет собой пример самоотверженного и бескорыстного служения любимому поэту, его памяти.

Ключевые слова: некрасоведение, ученый, научный сборник, конференция, исследовательская работа, литературоведение, музей.

Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883–1955) – известный ученый-литературовед, профессор Ленинградского университета имени А.А. Жданова, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, основатель российского и советского некрасоведения, инициатор создания мемориальных музеев поэта в Ленинграде и Ярославле (Карабиха).

Его подвижническая деятельность началась в 1902 году, когда он стал планомерно изучать архивы и прижизненную периодику поэта, встречаясь с его родными и близкими, записывая их воспоминания.

Результатом этой работы стало изданное в 1908 году исследование «Литературные дебюты Н.А. Некрасова». В 1912–1913 годах в журналах «Заветы», «Русское богатство», «Современник», «Голос минувшего», «Жизнь для всех» появляются его некрасоведческие статьи, впоследствии объединенные в сборник «Николай Алексеевич Некрасов», изданный в 1914 году в Москве книгоиздательством племянника поэта К.Ф. Некрасова. В предисловии автор сообщал, что одной из его задач было «осветить наиболее темные пункты биографии Некрасова, каковыми, без сомнения, являются вопрос о предках поэта, его пребывание в ярославской гимназии и первые годы петербургской жизни» [1, с. 1].

Здесь же он отмечал, «что поставленные автором задачи не могли быть разрешены исчерпываю-

щим образом уже потому, что «некрасоведения», т.е. научного изучения жизни и творчества поэта, пока еще не существует, и автору «сборника» во всех почти главах его приходилось выступать в роли пионера» [1, с. 1].

В первой главе сборника «Из семейной хроники рода Некрасовых» автор приводит записанные А.А. Буткевич воспоминания родной тетки поэта о его деду и прадеде, а также отрывки воспоминаний самого Некрасова.

Приведенные Евгеньевым-Максимовым отрывки мемуаров позволяют представить атмосферу семейных преданий и легенд в доме Некрасовых, которые мог слышать будущий поэт. Обосновывая важность сведений о родословной, автор подчеркивает необходимость дальнейших разысканий в этом направлении.

Семейные отношения Некрасовых составляют одну из важных тем в творчестве поэта. Именно некрасовская трактовка становится для исследователя определяющей, на ней он строит анализ личности родителей Некрасова во второй главе «Н.А. Некрасов и его отец». В.Е. Евгеньев-Максимов сразу же оговаривается: «Сведения наши о матери поэта ограничиваются, по преимуществу, теми, хотя и высшей степени яркими, но по самому существу своему глубоко субъективными данными, которые он <Некрасов> сам сообщает о ней в целом ряде своих стихотворений» [1, с. 20]. В этой работе исследователь целиком и опирается на эти «данные». То же самое следует сказать

и об оценке исследователем личности отца: здесь он также в основном использует некрасовские поэтические тексты, хотя привлекает и некоторые другие источники.

Противопоставленность отца и матери поэта для В.Е. Евгеньева-Максимова вещь безусловная. Она является своего рода стержнем всего исследования по данной проблеме: негативное влияние отца находится в постоянной борьбе с благотворным влиянием матери, и побеждает то одно, то другое.

Объемная работа по поиску различных материалов проделана В.Е. Евгеньевым-Максимовым по гимназическому периоду жизни Некрасова: установлены дата поступления Некрасова в гимназию, время пребывания в ней, найдены табели успеваемости, доказана «необоснованность легенд» об увольнении Некрасова из гимназии «за шуточные и скаберезные стихотворения» [1, с. 65].

Ученый в своей работе обращается к воспоминаниям одноклассника Некрасова М.Н. Горошко-ва, передающим атмосферу гимназической жизни, основные интересы гимназистов, характеристики учителей. Остановившись подробно на фигуре преподавателя Туношенского, В.Е. Евгеньев-Максимов замечает, что тот «культивировал Жуковского, этого барда романтического направления на религиозно-патриотической основе. Отсюда вытекает возможность предположить, что религиозно-романтическая струя юношеского сборника стихов Некрасова «Мечты и звуки» обязана, до некоторой степени, своим происхождением гимназическим влияниям» [1, с. 83].

В главе «Народолубие Некрасова и его источники» ученый приводит воспоминания крестьян, воспоминания Н.Г. Чернышевского и И.И. Панаева, рассматривает значение охоты в жизни и творчестве поэта.

В этой же главе подробно рассказывается о создании, при участии Некрасова, школы в селе Абакумцево. По этому поводу приводятся фрагменты переписки поэта со священником абакумцевской церкви И.Г. Зыковым и с сестрой А.А. Буткевич.

Первая книга В.Е. Евгеньева-Максимова обозначила направления, которые стали ведущими в последующем изучении жизни и творчества Некрасова.

В 1918 году под редакцией В.Е. Евгеньева-Максимова и профессора Н.К. Пиксанова в Петрограде выходит в свет первый «Некрасовский сборник». Незданные письма, воспоминания, статьи, библиография, приуроченный к сорокалетию со дня смерти поэта. Во вступительной заметке «От редакторов» сказано: «...И биография, и творческая деятельность поэта очень мало изучены. <...> Из обширной переписки Некрасова опубликована только малая часть. Многие современники поэта, здравствующие и поныне, еще не поделились с исследователями и читателями своими воспоминани-

ями о нем. В общественных и частных архивах еще хранятся неизученные и даже безвестные документы, могущие пролить свет на личность Некрасова. Редакторы сборника считают безотлагательным собрание и обработку таких материалов» [8, с. 6].

В сборнике были опубликованы письма Некрасова к Ф.А. Кони, И.А. Панаеву, А.В. Дружинину, И.А. Куцевскому, А.М. Скабичевскому, а также письма И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Д.В. Григоровича к Некрасову, письмо крестьянина Г.Я. Захарова к поэту. Здесь же помещены «Воспоминания» о Н.А. Некрасове его современницы М.А. Ушаковой. Это уникальный источник сведений об укладе жизни поэта в Карабихе.

Не будет преувеличением сказать, что раздел «Библиография» явился украшением сборника. Этот раздел составляет его большую часть, включает в себя библиографию воспоминаний о Некрасове (сост. С. Тер-Микелян), библиографию и хронологию сочинений Некрасова (сост. В. Дернова), библиографию и хронологию писем Некрасова (сост. А. Гобов). Думается, эта первая попытка научной систематизации была удачной: каждый источник содержал сведения об авторе, датировку, краткое содержание, имена собственные.

В 1921 году В.Е. Евгеньев-Максимов издает книгу «Некрасов – певец русского севера. К столетию со дня рождения. 1821–1921», которая явилась первым целенаправленным и комплексным исследованием жизни и творчества Некрасова.

Во введении ученый отметил: «Некрасов, само собой разумеется, поэт общерусский; его произведения способны увлекать и великороссов, и малороссов, и сибиряков, и приамурцев. <...> И за всем тем было бы ошибочно думать, что нет края, в котором поэзия Некрасова, кроме общерусского, не вызывала бы своего местного, специфического, так сказать, интереса. Таким краем, бесспорно, является Северо-Восточный край, обнимающий Приозерную область и Верхнее Поволжье. <...> Дело в том, что здесь именно Некрасов прожил свою жизнь, под влиянием здешних климата, природы, общественной среды создался его духовный облик; впечатления здешней действительности дали ему материал для его поэтического творчества» [2, с. 3].

В первых двух главах («Что дала Некрасову жизнь в северной русской деревне» и «Что дала Некрасову жизнь в северно-русском городе») исследователь в основном отталкивается от своей книги «Николай Алексеевич Некрасов». Вновь поднимается тема родителей поэта (их противопоставление), охоты, гимназии, круга чтения, привлекаются воспоминания крестьян и М.Н. Горошко-ва.

Третья глава «Северно-русская стихия в личности Некрасова» начинается характеристикой великороссов В.О. Ключевским и последующим соотношением ее с характеристикой Некрасова. Исследователь подчеркивает такие особенности «ве-

ликоросскости» Некрасова как ум, воля, практичность, замкнутость, сравнивает жизненный путь Некрасова с судьбами отходников ярославцев, прослеживает эти качества в его журнальной деятельности, в повседневной жизни. Подводя итог своему анализу, В.Е. Евгеньев-Максимов констатирует, что «Некрасов представлял собой в отношении и ума, и воли, и чувства богато одаренную натуру, и притом такую натуру, которая едва ли не всеми основными чертами своими принадлежала к натурам великорусского склада» [2, с. 28].

В главе «Северно-русская природа в поэзии Некрасова» исследователь отмечает, что «Природа северной Руси и житье-бытье заселяющего ее земледельческого народа со всеми его горестями и радостями как бы слились в представлении Некрасова в одно целое; мысль о природе неизменно ассоциируется с мыслью о людях, живущих на лоне ее и упорной борьбой с него добывающих себе кусок хлеба насущного». [2, с. 29].

Ученый анализирует изображение Некрасовым разных времен года: осени, зимы, весны, лета, подчеркивает тяготение поэта к описанию в основном осенних и зимних картин.

Особо В.Е. Евгеньев-Максимов останавливается на «волжских стихотворениях»: «О Волге же поэт говорит постоянно и всегда с большим эмоциональным подъемом. Он называет ее “великою” рекою, “благословенною” рекою, “кормилицей народа”. Впечатления Волги и волжских картин переплелись в его жизни с воспоминаниями о детских годах, о пробуждении социальной сознательности, о горделивых юношеских мечтах, не оправдавшихся впоследствии и т.д. и т.п.» [2, с. 42].

В этой же главе он отмечает, что «животный и птичий миры Северо-Восточного края оставили заметный след в поэзии Некрасова» [2, с. 45].

Глава «Жизнь и быт северно-русского крестьянства в поэзии Некрасова» начинается с рассмотрения картин народного труда. Исследователь останавливается именно на изображениях тяжелых и изнурительных работ, крестьянской бедности, крестьянских невзгод (неурожаи, пожары, падежи скота, болезни, смерти, рекрутские наборы). В.Е. Евгеньев-Максимов отметил и такие реальные названия, которые поэт использовал в своих произведениях: Ростов, Бабаевский монастырь, село Большие Соли, Малые Вежи, Кострома, река Шексна.

Глава «Характер и типы северно-русских крестьян и крестьянок в поэзии Некрасова» продолжает тему труда, исследователь постоянно подчеркивает выносливость и невзыскательность героев некрасовских стихов, их доброту и терпение. В то же время он останавливается и на текстах, отражающих предпринимательские склонности народа.

Следует особо отметить, что эта книга обозначила уже специально некоторые основные направ-

ления некрасоведения. Сама структура ее явилась своего рода планом исследовательских работ.

В 1928 году ученый издает книгу «Некрасов как человек, журналист и поэт». Изучение редакторской деятельности Некрасова, истории некрасовского «Современника» было еще одним направлением исследовательской деятельности Евгеньева-Максимова, которое появилось еще в до-революционный период и продолжалось долгие годы. Результатом этого явилась чуть позже трилогия о «Современнике»: «“Современник” в 40–50-х гг. от Белинского до Чернышевского» (Л., 1934), «“Современник” при Чернышевском и Добролюбовом» (Л., 1936), «Последние годы “Современника”. 1863–1866» (Л., 1939). Впечатляет тираж этих изданий: от 5000 до 5500 экземпляров!

В этом же десятилетии выходит под редакцией В.Е. Евгеньева-Максимова и К.И. Чуковского советское собрание сочинений Некрасова (в VI томах, М.; Л., 1930–1931), имеющее значение как первый опыт научного издания.

Интерес ученого к личности и творчеству поэта не угасал даже в годы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют его письма. Из письма В.Е. Евгеньева-Максимова к Т.А. Бесединой от 19 августа 1942 года: «<...> В начале марта я и вся моя семья (Алиса Михайловна и дети) эвакуировались из Ленинграда. О том, что вытерпели, писать не буду: уж очень тяжело вспоминать. Здесь наша жизнь тоже “невеселая” (употребляю Ваш термин): голодно, тревожно и т.д. и т.п. Одно меня утешает: я еще в силах очень много работать (лекции, газетные статьи и радио-передачи обширного характера); работа меня спасает, в ней только и нахожусь забвение...» [7, Л. 56].

Показательна переписка В. Е. Евгеньева-Максимова с племянницей Н.А. Некрасова Анной Федоровной Некрасовой. В письме от 1 мая 1945 года А.Ф. Некрасова отвечает на интересующие ученого вопросы:¹

«<...> Теперь постараюсь ответить на Ваши вопросы:

1). Кто из родственников <поэта – Е. Ш.> жив? – Из ближайших родственников живы: Я, сестра Вера, на год моложе меня, живет в селе Пречистом, Яр. Об. И брат доктор – работает на Кавказе, глав-врачом в больнице, потом следующее поколение 10 человек.

2). Не нуждается ли кто в помощи, в частности я? Жить мне конечно трудно – пенсия слишком мала по настоящему тяжелому времени – 150 р. и я хотела бы чтобы мне увеличили пенсию. <...>

3). Что делается в Карабихе?

В Карабихе, по моему мнению, полное запустение. В доме Николая Алексеевича нынче зимой был пожар. Загорелось на чердаке от усиленной топки, сгорела крыша и потолки верхнего этажа.

1 Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

В настоящее время производится ремонт красноармейцами, так как загорелось по их вине.

4). *Что, по-моему надо сделать?*

На это я ничего не могу ответить. Я чувствую себя душевно какой-то расслабленной, уставшей и ни то что мне нет дела, мне хочется только покоя. Очень беспокоят глаза. Боюсь ослепнуть. <...>

5). *Существует ли школа имени Некрасова? – существует. Я в ней не бываю и у меня никто не бывает. Директора меняются. Думаю, что нет смысла писать в неё. <...>*

б). *Отмены заповедника не было, поэтому думаю, что он существует, хотя бы на бумаге. Простите, если что не так. Всего Вам хорошего. А. Некрасова. [6, Л. 5].*

В следующем письме от 19 октября 1946 года, поздравляя Евгеньева-Максимова с назначением его на должность хранителя Некрасовского музея, благодаря за доброе отношение и заботу, Анна Федоровна старается помочь ученому в поисках архивных материалов:

<...> Рукописи давно уже переданы нашим братом Константином Федоровичем в Литературный Музей в Москве. Единственно, что мы могли бы Вам предложить это 3 книги Гейне с надписью: Н. А. Некрасову от издателя (Гербель) и “Поэзия Славян” сборник лучших поэтических произведений славянских народов под редакцией Гербеля с надписью: “Николаю Алексеевичу Некрасову на память о старых лучших днях от Николая Гербеля” 24 ок. 1871 г.

Есть еще одна статуэтка Наполеона, времен Ник. Ал. но принадлежала ли она ему – не знаем. Остальные фигурки мы отдали в Ярославский Музей. Если Вам годятся эти вещи, то напишите как мы могли бы Вам их переслать» [6, Л. 5].

Возвращаясь к литературно-исследовательской деятельности Евгеньева-Максимова, нельзя не отметить выхода в 1946–1949 годах при активном участии ученого трех некрасовских томов «Литературного наследства», не потерявших до сих пор своей актуальности.

Кроме того, в 1947 году вышел первый том, в 1950 – второй том, а в 1952 году – третий том монографии В.Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова», тиражом 10000 экземпляров.

Значительная часть первого тома посвящена вопросам биографии поэта раннего ярославского периода. В предварительных замечаниях к главам, посвященным родителям поэта, В.Е. Евгеньев-Максимов пишет: «Весьма плодотворные результаты способна в некоторых случаях дать проверка биографических и автобиографических признаний поэта документальным, в том числе эпистолярным материалом, а также воспоминаниями современников. Однако бывают случаи, когда документальный и мемуарный материал настолько скуден, что делает осуществление подобной проверки чрезвычайно затруднительным, а то и вовсе невозможным» [3, с. 26–27]. По сравнению с книгой «Николай Алексеевич Некрасов» здесь в главах, посвященных отцу, привлекаются новые данные. Частично используется указ об отставке А.С. Некрасова (полностью не публикуется). Появляется новый эпизод – о судебном разбирательстве с почтальоном Петром Хабаровым. Более подробно говорится о судебных тяжбах с Певницким. Широко используются воспоминания крестьян. Немало места занимает вопрос о национальности матери, где исследователь приводит некоторые неустраиваемые ранее материалы. Уточняется дата рождения Некрасова.

Рисунок 1. В.Е. Евгеньев-Максимов с аспирантами.

Сверху слева направо: А.М. Гаркави, Т.А. Беседина, Гин, внизу слева Курова Ксения, справа Колосова Татьяна Сергеевна. 21 мая 1948 г.

Значительное внимание ученый уделяет гимназическому периоду Некрасова. По сравнению с работой 1914 года, эта тема в монографии занимает уже больший объем: привлекаются не только воспоминания соучеников Некрасова, материалы об учении и круге чтения его, но вводятся более подробные характеристики учителей, программы гимназических курсов. Исследователь прослеживает истоки первых поэтических опытов Некрасова.

Детально рассматривается и журналистская деятельность Некрасова, и другие аспекты проблемы, вынесенной в заглавие. Думается, эту работу можно по праву назвать и своеобразной некрасовской энциклопедией. Все наиболее существенные моменты биографии, творчества, деятельности писателя получили авторитетное научное освещение.

Здесь же стоит отметить, что темы раннего творчества Некрасова профессор Евгеньев-Максимов предлагает и своим ученикам, вовлекая их таким образом в работу (рис. 1). В частности, Тамаре Алексеевне Бесединой, в которой видел своего преемника по изучению творчества Н.А. Некрасова, Евгеньев-Максимов при её поступлении в аспирантуру ЛГУ рекомендовал следующие темы: «Ранняя проза Некрасова (до Тростникова)», «Некрасов в 40-е годы» [7, Л. 54]. В письме от 5 января 1946 года им отмечается:

«<...> Вы – были и остаетесь самой талантливой моей ученицей. Мне уже жить не долго, а материал по Некрасову, которым я занимаюсь с 1902 г. накопилось масса. Многого я использовал, но далеко не все. Раздумываю над вопросом, кто может быть моим преемником по изучению Некрасова, я привык останавливаться в мыслях на Вас. <...> Некрасов остается «беспризорным» в литературоведческом отношении. Созданный мною кружок некрасоведов не существует более: одни умерли от голода, других судьба разбро-

сала в разные стороны. Остался только я – на часах!..» [7, Л. 56].

Тем не менее на лекциях и семинарах известного профессора выросло не одно поколение молодых исследователей (В.С. Маслов, В.Г. Березина, Т.А. Беседина и др.) (рис. 2).

В.Е. Евгеньев-Максимов принимал участие и в издании Полного собрания сочинений и писем Н.А. Некрасова в 12 тт. (тт. I–XII, 1948–1953). В этом издании значительно усилен реальный комментарий (по сравнению с собранием сочинений 1930–1931 гг.). Существенно возрос объем публикуемых писем. В редакционной статье, предваряющей публикации X тома, сказано: «За истекшие двадцать с лишним лет государственные хранилища пополнились рядом новых фондов; многие из архивов лишь теперь описаны и стали доступны исследователям. В настоящем издании собрано все представляющее ценность в историко-литературном и биографическом отношении из эпистолярного наследия Некрасова» [9, т. X, с. 7–8].

Опубликованы были и автобиографические материалы. По этому поводу в статье «От редакции» говорится: «В XII томе настоящего собрания сочинений и писем публикуются материалы для творческой, общественной и личной биографии Н.А. Некрасова. Некоторые материалы до сих пор оставались неизвестными... <...> Автобиографические и дневниковые записи Некрасова, служащие, наряду с его письмами, напечатанными в X и XI томах настоящего издания, ценнейшим источником углубленного понимания его жизни и творчества, имеют исключительно важное значение для исследователей биографии Некрасова» [9, т. XII, с. 5–6].

В это же время выходит итоговая книга В.Е. Евгеньева-Максимова «Творческий путь Н.А. Некрасова» (1953).

Рисунок 2. В.Е. Евгеньев-Максимов со студентами 1948 г.

Рисунок 3. В.Е. Евгеньев-Максимов со студентами ЛГУ, участниками некрасовской конференции в музее. 1951 г.

В 1946 году открываются музеи Н.А. Некрасова в Ленинграде и Карабихе (Ярославль), в организации которых Евгеньев-Максимов принимал самое активное участие. Создание этих музеев было крупным событием в культурной жизни страны. Первая Всесоюзная Некрасовская конференция (которые впоследствии стали проводиться, по инициативе Евгеньева-Максимова, ежегодно) проходила именно в стенах музея на Литейном, 36. (рис. 3). Здесь нельзя не отметить, что в творческом сознании ученого музейная работа равнозначна литературоведческой. Например, первому директору музея-усадьбы Некрасова в Карабихе А.Ф. Тарасову он писал, что восстановление усадьбы и создание в ней музея равноценно докторской диссертации. В одном из писем В.Е. Евгеньев-Максимова к А.Ф. Тарасову читаем:

«Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович.

В эти торжественные дни, дни открытия Некрасовского Музея в Карабихе, разрешите мне обратиться к Вам – первому директору Музея с искренним приветствием.

Около 50-ти лет, как это может быть известно некоторым из присутствующих товарищей, продолжается моя работа по изучению жизни и творчества Н.А. Некрасова, причем скажу Вам без всякого преувеличения, что мне за эти долгие годы не приходилось переживать более радостных моментов, чем открытие Карабихского Музея.

Благодаря этому событию увековечивается память поэта в тех близких и дорогих его сердцу местах, с которыми он связан годами жизни и творческой работы. Теперь не только каждый Ярославец, но и каждый гражданин Советского Союза будут знать, что в доме, где были созданы многие произведения великого народного поэта,

в том числе произведения, говорящие о величии революционного подвига («Русские женщины» и др.), существует Музей, живым и наглядным образом повествующий о наиболее важных этапах жизни и творчества Некрасова.

Своего рода чудом является та быстрота, с которой были собраны, а отчасти вновь изготовлены многие сотни ценнейших экспонатов.

Некрасовский Музей в Карабихе стал осуществленной мечтой миллионов граждан нашего Союза, преклоняющихся перед гениальным дарованием автора «Коробейников», «Мороза», «Русских женщин» и «Кому на Руси жить хорошо». Вместе с тем не может быть никаких сомнений в том, что Некрасовскому Музею в Карабихе суждено в скором будущем стать культурно-просветительным и научным центром. Через его залы пройдут многие тысячи экскурсантов; он сумеет организовать ряд лекций по литературе, в частности по Некрасову и т. д. и т. д.

Организация Некрасовского Музея в Карабихе и те широкие задачи, которые он призван разрешить, потребовали и потребуют очень большой работы. Эта работа в значительной степени уже выполнена доблестным, хотя и немногочисленным, коллективом Некрасовского Музея, с Вами, дорогой Анатолий Федорович, во главе. <...>

От всего сердца поздравляю всех поработавших над организацией Музея в торжественный день его открытия. Только благодаря болезни, требующей длительного пребывания в больнице, я не с Вами, дорогие товарищи» [5, Л. 2].

Жизненный и творческий путь В.Е. Евгеньева-Максимова являет собой пример самоотверженного и бескорыстного служения любимому поэту, провозгласившего идеалы Истины, Добра и Красоты, его памяти, ...

Библиографический список

1. *Евгеньев В.* Николай Алексеевич Некрасов: Сб. статей и материалов. – М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1914. – 313 с.
2. *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов – певец русского Севера: К столетию со дня рождения поэта. (1821 – 1921). – Ярославль: Ярославский с.-х. и кустарно-промысл. союз кооперативов, 1921. – 79 с.
3. *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова: в 3 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1947. – Т. 1. – 416 с.
4. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Литературные дебюты Н.А. Некрасова. Вып. 1. – СПб.: «Наша жизнь», 1908. – 216 с.
5. ИРЛИ (РАН). Рукописный отдел. – Ф. 719. – Оп. 2. – Ед. хр. 27. – Л. 2.
6. ИРЛИ (РАН). Рукописный отдел. – Ф. 719. – Оп. 2. – Ед. хр. 296. – Л. 5.
7. ИРЛИ (РАН). Рукописный отдел. – Ф. 719. – Оп. 2. – Ед. хр. 6. – Л. 1–56.
8. Некрасовский сборник: Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография; / ред. В.Е. Евгеньев-Максимов и Н.К. Пиксанов. – Пг.: «Общественная польза», 1918. – 269 с.
9. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – М.: ОГИЗ, 1948–1953.

Володина Наталья Владимировна
 доктор филологических наук, профессор
 Череповецкий государственный университет
 natalivolodina@mail.ru

РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В ОЦЕНКЕ Н.Д. АХШАРУМОВА (Статья первая)*

Статья Н.Д. Ахшарумова оказалась первым откликом литературной критики на произведение Л.Н. Толстого «1805 год», которое в дальнейшем получило название «Война и мир». Позднее критик написал еще две статьи, посвященные 1–5 томам эпопеи Толстого, высказав свой, оригинальный взгляд на него, во многом продиктованный близкой ему позицией эстетической критики. Однако работы Ахшарумова о Толстом, как и о других писателях, до сих пор малоизвестны даже читателю-специалисту, они были переизданы в XX веке лишь выборочно. Избегая точного определения жанра «1805 года», Ахшарумов рассматривает его как единое художественное целое, прекрасно исполненную картину жизни русского общества начала XIX века. Главную ценность «1805 года» Ахшарумов видит, прежде всего, в сохранении памяти о прошлом, которое еще не столь далеко от настоящего, но уже утрачивает свою связь с ним. Ахшарумов сопоставляет исторический период жизни русского общества, изображенный Толстым, с историей жизни, этапами взросления человека; отсюда постоянные сравнения старшего поколения с детьми; эпохи 1805 года с «золотой порой счастливого детства». В этом «детстве» есть наивность и простота, но есть и стремление к подражанию «чуждому», которое, тем не менее, не уничтожило основ национальной сущности.

Ключевые слова: Н.Д. Ахшарумов, «1805 год» Л.Н. Толстого, целостность и единство, мастерство писателя, память о прошлом, европейское влияние, национальные основы.

Исследователь творчества Л.Н. Толстого Э.Г. Бабаев отмечает, что «судьба великих романов Толстого складывалась публицистически» [3, с. 3], что практически неизбежно для произведений такого масштаба. При всем сдержанном отношении Толстого к критике (как роду литературной деятельности), очевидно, она была нужна ему, как любому художнику нужен читательский отклик, ответная реакция. Конечно, писатель всегда рассчитывает на сочувствие и понимание читателя, в том числе, профессионального. Однако «вечный» вопрос о критериях понимания, о «правильности» прочтения текста не решают даже авторские комментарии к произведению. Толстой тоже написал такой комментарий – «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», – опубликовав его еще до завершения романа («Русский архив», 1868, март). В самом начале он объясняет цель своей статьи: «Печатаю сочинение, на которое положено мною пять лет непрерывного и исключительного труда, при наилучших условиях жизни, мне хотелось в предисловии к этому сочинению изложить мой взгляд на него и тем предупредить те недоумения, которые могут возникнуть в читателях» [5, т. 7, с. 356]. Несмотря на попытку Толстого практически по пунктам изложить основные проблемы романа, «недоумения» все равно возникли. Однако именно в диалоге с читателем, в том числе, читателем-критиком, мнение которого проще всего узнать, в конечном итоге и существует литературное произведение. И чем больше таких прочтений, тем очевиднее «приращение смысла», который дает читательская рецепция.

Статья Н.Д. Ахшарумова «“1805 год”, соч. гр. Льва Толстого» стала первым обстоятельным откликом на роман «Война и мир», еще не имевшем тогда своего знаменитого названия («Всемирный труд» 1867, № 6). Вслед за нею, по мере публикации романа, Ахшарумов написал о «Войне и мире» еще несколько статей, напечатал их в том же журнале «Всемирный труд» (1868, № 4; 1869, № 3). Вместе с тем его работы почти не упоминаются в обзорах критических статей, посвященных знаменитой эпопее Л.Н. Толстого, в отличие от статей П.В. Анненкова, Н.Н. Страхова, Д.И. Писарева и др. Исключение составляет современная антология «Роман Л.Н. Толстого “Война и мир” в русской критике» [4], которая включает не все работы Ахшарумова о Толстом. В какой-то мере это закономерно, ибо Н.Д. Ахшарумов (1820–1893)¹ как литературный критик (он был также популярным беллетристом) оказался мало замечен даже своими современниками. Ссылок на его статьи (он печатался с конца 1850-х по 1880-е годы) предельно мало, за исключением его программной работы «О порабощении искусства» («Отечественные записки», 1858, № 7). Вместе с тем это вполне сложившаяся фигура в русской критике второй половины XIX века.

Известна лаконичная оценка Толстым Н.Д. Ахшарумова как критика: в ответном письме Л.И. Волконской (ее письмо не сохранилось), где она спрашивала (как следует из контекста рассуждений Толстого) о прототипе образа князя Андрея Болконского. Очевидно, что при этом Волконская ссылаясь на известное ей мнение Н.Д. Ахшару-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491 «Неисследованные “имена” в русском литературном процессе второй половины 19 века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик).

¹ См. о нем: Майорова О.Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – Т.1. – С. 130–132.

мова. «Очень рад, любезная княгиня, тому случаю, который заставил вас вспомнить обо мне, – пишет Толстой, – и в доказательство того спешу сделать для вас невозможное, т. е. ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский – никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить. Г-н Ахшарумов, *comme un homme de métier* (как специалист – перевод комментатора письма – *H.B.*) и человек с талантом, должен бы это знать» [5, т. 18, с. 628].

В комментарии к этому письму дается ссылка на статью Ахшарумова, опубликованную в журнале «Всемирный труд» в 1867 году. Однако письмо Толстого датировано 3 мая 1865 года, что заставляет предположить существование какого-то неизвестного (устного или письменного) отклика Ахшарумова на публикацию первой части романа («1805 год») в «Русском вестнике» (1865).

Интерес Ахшарумова к роману Толстого, помимо собственно литературного значения этого произведения, очевидно, был продиктован определенными биографическими обстоятельствами. Его отец был первым историком войны 1812 г. [1], а сам Ахшарумов в течение нескольких лет служил в канцелярии военного министерства.

Первая статья Ахшарумова из цикла работ, посвященных роману «Война и мир», представляет собой оценку первого тома произведения; при этом он воспринимает «1805 год» как единое художественное целое: «Дочитав до конца и стараясь освободиться от пестроты отдельных частей рассказа, чтобы дать себе ясный отчет о впечатлении целого и о том, в какой мере оно соответствует мысли, его вдохновляющей, мы не находим нигде фальшивой ноты» [2, с. 134]. Идею целостности усиливает регулярно повторяющееся в статье сравнение литературного произведения с картиной, вполне органичное для Ахшарумова, изучавшего искусство в Академии художеств и автора статей о живописи: «Это картина, в которой актеры действительные служили только натурщиками...», «...и откуда мы ею любимся, картина опять понемногу меняется» [2, с. 120, 126]; «после таких мастерских и полных смысла картин, какими богата первая часть рассказа, мы бродим за ним целой полкниги по разным штабам, стоянкам, переправам...» [2, с. 133].

В начале статьи Ахшарумов пытается определить жанр «1805 года», стремясь показать отличие произведения Толстого от традиционных жанровых форм: «это не *хроника* и не *исторический роман*» [2, с. 119]. Сам он воспринимает его как «очерк русского общества шестьдесят лет назад» [2, с. 120], подчеркивая художественную природу этого «очерка». Поясняя это, критик делает акцент на роли вымысла, воображения писателя

и принципах отбора фактов, которыми он руководствовался: «Исторический материал, несомненно, вошел в это создание как преобладающий его элемент; но элемент этот не залег мертвым пластом в основе постройки, а, как здоровая, крепкая пища, переработан был творческою силою в живую ткань, в плоть и кровь поэтического создания» [2, с. 120].

Учитывая, что «1805 год» только недавно был опубликован, Ахшарумов знакомит с ним читателя: местами пересказывает сюжет, представляет героев романа, приводит развернутые цитаты наиболее удачных, с его точки зрения, фрагментов текста. Крупным планом он показывает только одну сцену – борьбу за завещание умирающего графа Безухова, подчеркивая мастерство автора в изображении этой «комедии высшего рода» [2, с. 127].

Воспринимая «1805 год» как высокохудожественное явление, главную нравственную его ценность Ахшарумов видит в том, что произведение Толстого несет в себе память о прошлом – прошлом, которое еще не столь далеко от настоящего, но уже утрачивает свою «осязаемость». Самые очевидные свидетельства этой памяти для Ахшарумова – герои произведения, люди старшего поколения, которые в эпоху, изображенную Толстым, были молоды и участвовали – своей личной или «общественной» жизнью – в отечественной истории. «Мы жили в них, и они, до сих пор, живут еще в нас» [2, с. 121], – пишет критик; «он воскресил перед нами наших отцов и дедов» [2, с. 135]. Этой теплой, «личной» интонацией проникнута вся статья, посвященная «1805 году». Это восприятие критиком героев романа, несомненно, близко самому автору. В своем комментарии к произведению Толстой пишет: «В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями; та же была сложная умственно-нравственная жизнь, даже иногда более утонченная, чем теперь» [5, т. 7, с. 357].

Ахшарумов сопоставляет историю России с историей жизни, этапами взросления человека; отсюда постоянные сравнения старшего поколения с детьми, эпохи 1805 года – с «золотой порой счастливого детства» [2, с. 121]. В этом сравнении нет оттенка снисходительности или чувства превосходства, хотя многое из того, что произошло в 1805 году, в середине XIX века воспринимается иначе. Ахшарумов оценивает поведение этих людей, осознавая свою временную «внезаходимость» (термин М.М. Бахтина) по отношению к ним. Отсюда, из этой другой эпохи, он видит их непосредственность, наивность, и в то же время попытку подражать европейцам, играть роль, вести «свою игру, пародируя в ней точно так же больших, только пародия их гораздо милее и проще» [2, с. 126]. Возвращаясь в очередной раз к характеристике русского общества времен 1805 года, критик пишет: «...В рассказе мы видим перед собою целое

общество настоящих детей, и эти изображены у автора с такою обворожительной прелестью, что мы не можем на них наглядеться» [2, с. 126]. Обращает на себя внимание и другое сравнение людей старшего поколения, повторяющиеся в статье критика, – с актерами. Метафора игры (характерная для прозы писателя) приобретает в его статье развернутый характер, актуализируя знаменитую мысль Шекспира о том, что «вся наша жизнь – игра, а люди в ней – актеры». Так, обращаясь к сцене вечера у фрейлины императрицы, Ахшарумов пишет: «Наши маленькие актеры разыгрывают свою маленькую комедию с таким живым, ребяческим аппетитом и увлечением, что нет никакой возможности рассердиться на них серьезно за эту шалость» [2, с. 123]. Ахшарумов как будто не замечает иронию Толстого, явно неприязненное отношение автора к ряду персонажей, ибо все это исчезает для критика в общей картине жизни русского общества начала века, которое в целом вызывает у него сочувствие и симпатию. Однако сравнения с детьми и актерами исчезают, как только речь идет о второй части «1805 года», посвященной военным событиям. И вновь, говоря о картине эпохи, исторических сражениях, военном быте и т.д., критик подчеркивает «дар верного выбора» писателем «из несчетной массы подробностей только того, что действительно интересно и что очерчивает событие с его типической стороны» [2, с. 133].

В статье Ахшарумова доминируют обобщающие характеристики эпохи, где лишь мелькают имена персонажей романа. Практически никто из них не показан крупным планом, пожалуй, за исключением князя Андрея Болконского. В данном случае речь идет о его прямой характеристике критиком, не связанной с какими-то конкретными эпизодами: «Его смелый, прямой, ничем не закупленный ум, его незапятнанная чистота души и эта способность видеть все вещи не так, как бы их хотелось видеть, а так, как они действительно есть, без всяких узоров и побрякушек, затемняющих их естественный смысл; все это может быть идеал, конечно, <...> но важно то, что характер этот не выдуман, что это истинно русский, коренной самородный тип, и что порода людей такого закала, если бы она сохранилась до наших времен, могла бы нам оказать услугу неоцененную» [2, с. 132]. В этой характеристике обращает на себя внимание,

прежде всего, оценка князя Андрея Болконского как национального характера. Когда мы видим подобные суждения критиков, например, о гончаровском Обломове (Ап. Григорьев, А. Дружинин, Н. Добролюбов), то эта оценка кажется гораздо более естественной и закономерной, чем по отношению к «европеизированному» герою Толстого. Характеристика Андрея Болконского оказывается особенно важной в контексте рассуждений Ахшарумова о роли европейского влияния в России начала XIX века. Он уверен, что герои Толстого, с их настойчивым стремлением к европейским формам поведения, французскому языку и пр., в основе своей, прочно связаны со своей страной и народом. «И ни один из них, – пишет критик, – как бы он ни был чужд снаружи всего народного, как бы ни был увлечен блеском моды, никогда не мог сжиться со своею салонною ролью до такой степени, чтобы ему трудно было, в любую минуту, сбросить ее с себя и явиться совсем другим человеком. Это быстрое и естественное выглядывание мимоходом грубоватого, но энергического русского лица из-под прилизанной, щепетильной маски <...> оценено было автором очень тонко и проведено сподряд через весь рассказ» [2, с. 124].

Оценка князя Андрея значительно изменится в следующих статьях критика, когда полемика с автором по поводу философской концепции романа коснется и этого героя. В первой статье эта полемика сведена к минимуму, хотя сам факт ее наличия в критической статье – почти стереотипная ситуация.

Библиографический список

1. Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 года. – СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1819. – 306 с.
2. Ахшарумов Н.Д. 1805-й год, соч. графа Льва Толстого // Всемирный труд. – 1867. – № 6. – С. 119–136.
3. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. – 293 с.
4. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике: Сб. статей // Сост., вступ. ст. и коммент. И.Н. Сухих. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. – 408 с.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. – М.: Художественная литература, 1978–1985.

Л.Н. ТОЛСТОЙ И ЭРНЕСТ КРОСБИ

Статья посвящена одному из интересных эпизодов в биографии Л.Н. Толстого – знакомству с американским писателем и общественным деятелем Эрнестом Кросби. Личное знакомство переросло в оживленную переписку, а впоследствии и в искреннюю дружбу, в которой оба писателя оказывали взаимное влияние друг на друга, но все же именно Толстой в большей степени стал для Кросби наставником и учителем. Американец в своих публицистических произведениях отстаивал толстовские идеи: Лев Николаевич вдохновил Кросби принять идеи непротивления, особенно важные для русского писателя в последние годы его жизни. Но и сам Кросби оказывал влияние на Толстого: писатель включил высказывания Кросби в свои сборники изречений мудрых людей «Круг чтения» и «Путь жизни»; и именно Кросби во многом вдохновил Толстого написать статью «О Шекспире и о драме». Л.Н. Толстой с интересом читал и публицистические, и художественные произведения американского писателя, а также журналы, изданием которых занимался Кросби, причем Лев Николаевич оставлял на страницах этих произведений множество помет. В яснополянском кабинете писателя среди изображений близких друзей и единомышленников находилась и фотография Эрнеста Кросби.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Эрнест Кросби, русская литература, американская литература, библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, сборники изречений мудрых людей, составленные Л.Н. Толстым – «Круг чтения» и «Путь жизни».

В личной библиотеке Л.Н. Толстого в Ясной Поляне хранится более двадцати трех тысяч книжных томов и периодических изданий, среди них можно обнаружить и четырнадцать книг¹ Эрнеста Кросби [2, с. 254–259].

Эрнест Кросби родился в 1856 году в обеспеченной семье пресвитерианского пастора в Нью-Йорке. Он выбрал политическую карьеру: в 1878 году окончил юридический факультет Нью-Йоркского университета, а затем учился еще и в колумбийской юридической школе. В 1887 году Кросби занял место судьи, которое оказалось свободным после того, как его покинул Теодор Рузвельт, будущий президент США. В 1889 году Кросби был назначен судьей от США в международном суде в Египте. Находясь в Александрии, Кросби прочел книгу Л.Н. Толстого «О жизни» во французском переводе, и в его душе произошел переворот, изменивший всю его жизнь.

В биографическом очерке о Кросби друг и последователь Толстого И.И. Горбуново-Посадов писал²: «Мы не знаем ничего о внутренней жизни Кросби до того времени. Нет сомнения, что в душевной глубине его, бессознательно, может быть, для него самого, совершалось движение, которому нужен был толчок могучей мысли для того, чтобы направить его по истинному руслу жизни. Этим толчком для него явилась книга «О жизни», написанная Львом Толстым» [4, с. XIII].

Кросби отказался от службы в суде, так как он не мог больше судить людей, и решил вернуться в Америку. Но перед возвращением домой Кросби посетил Россию, чтобы встретиться с человеком, так сильно изменившим его жизнь, с Л.Н. Толстым.

Американский писатель и общественный деятель, юрист, оставивший под влиянием идей Толстого государственную службу, Эрнест Кросби со временем стал не только адресатом, но и близким другом Льва Николаевича.

Знакомы Кросби и Толстой были сначала только по письмам. Общая их переписка включает 65 писем. Кросби получил из России 23 письма (20 писем от Л.Н. Толстого и 3 письма от Софьи Андреевны Толстой, жены писателя) [3, с. 206].

Кросби впервые написал Толстому о впечатлении, произведенном на него книгой Льва Николаевича «О жизни». Получив это письмо, Толстой 27 мая 1891 года отметил в дневнике: «Да, от Поши³ хорошее письмо; и от англичанина из Египта. Книга о жиз[ни] помогла ему жить» [9, т. 52, с. 34]. Примечательно, что Толстой в дневниковой записи называет Кросби англичанином, а не американцем, вероятно, сделал подобное предположение, исходя из того, что пришедшее письмо было написано на английском языке.

Личное знакомство Толстого и Кросби состоялось в Ясной Поляне 12 мая 1894 года. Лев Николаевич в тот день писал жене, находившейся в Москве, о делах усадьбы и в том числе о визите некоего американца: «Хотел тебе написать получше и подлиннее письмо, милый друг Соня, но кончилось тем, что не успел: Crosby, я с ним гулял и промок, и что то устал и слаб <...> Crosby такой, как все Американцы, приличный, не глупый, но внешний. Главное, устал говорить по-англ[ийски]» [9, т. 84, с. 217–218].

³ Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – друг Л.Н. Толстого, его биограф.

¹ В каталоге библиографического описания личной библиотеки Л.Н. Толстого в Ясной Поляне приведены 12 книг Эрнеста Кросби, причем две из них представлены в двух экземплярах, таким образом, всего в библиотеке Толстого хранятся 14 книг Эрнеста Кросби.

² Цитаты из биографического очерка И.И. Горбуново-Посадова о Эрнесте Кросби здесь и далее приводятся в современной орфографии.

15 мая 1894 года Толстой написал о своей встрече с Кросби в дневнике: «Был америк[анец] Crosby. Не знаю, как определить его» [9, т. 52, с. 118].

Эрнест Кросби описал свое посещение Ясной Поляны в статье 1897 года «Two days with count Tolstoy», в переводе с английского – «Два дня с графом Толстым» (перевод мой – О.А.).

Эрнест Кросби посетил и московский дом Толстых, где в то время находилась жена писателя Софья Андреевна Толстая. В отличие от Льва Николаевича, его жена с первого знакомства с Кросби разглядела в нем необычайно чуткого человека: «Приезжал еще американец Кросби, очень чтивший Толстого. Этот Mr Crosby побывал и у меня в Москве и, рассказывая о том, что делается в Ясной, спросил меня, что, я думаю, он нашел самым замечательным в Ясной Поляне. Я говорю: «Разумеется, моего мужа». «Нет, – сказал он, – вашего маленького сына (Ванечку). Я никогда в жизни не встречал такого ребенка». Mr. Crosby мне еще более понравился после такой оценки моего маленького любимца. Кросби присылал нам потом свои книги, стихотворения и переписывался с Львом Николаевичем» [8, с. 356].

Про Кросби сам Толстой вспоминал 5 апреля 1905 года в разговоре со своим домашним врачом Д.П. Маковицким: «Был международным судьей в Каире. Женился на богатой, писал мне; для голодающих послал пять тысяч, приехал ко мне и просил совета, что он должен делать. Наивный, хороший человек. Я советовал ему в Соединенных Штатах распространять мысли Генри Джорджа¹. Он этому посвятил пять лет» [7, с. 236].

О впечатлении, которое на него произвел американский гость, Лев Николаевич писал в статье «Первое знакомство с Эрнестом Кросби» в 1907 году: «Первое мое знакомство с ним было письменное. Он прислал мне из Египта, где он был судьей, довольно большую сумму денег для пострадавших от неурожая. Я отвечал на его письмо, и скоро после этого он сам приехал. К стыду моему, помню, что, несмотря на привлекательную личность Кросби, я в своем суждении не выделил его из обычных американских посетителей, руководящихся в своих посещениях только моей известностью. Помню, однако, что его вопрос, прямо обращенный ко мне, удивил меня. <...> Он сказал: Что вы мне посоветуете делать теперь, вернувшись в Америку? – Это был вопрос до такой степени выходящий из обычных приемов посетителей, что я удивился и все-таки не понял и тогда его совершенную искренность и то, что в нем в это время совершался тот великий для жизни человека переворот, который пережил и я, и которого желаю всем людям, – переворот, состоящий в том, что

все многообразные цели жизни вдруг заменяются одним: делать то, что свойственно человеку, и то, что хочет от меня воля, руководящая тем миром, в котором я живу. Я никак не думал, что этот образованный, красивый, богатый, пользующийся хорошим общественным положением, человек мог серьезно думать о том, чтобы, пренебрегши всем прошедшим, посвятить свою жизнь служению Богу. Помню, мы остановились, и я, хотя и не доверяя вполне его искренности, сказал ему, что есть у них в Америке замечательный человек Джордж, и послужить его делу есть дело, на которое стоит направить все свои силы. И к удивлению и радости моей, я скоро узнал и по письмам Кросби и по другим сведениям, что он не только исполнил мой совет и стал энергичным борцом за дело Джорджа, но стал человеком во всей своей жизни и деятельности преследующим одну и ту же со мной цель» [9, т. 40, с. 339–340]. Эта небольшая статья стала предисловием к русскому переводу книги Кросби «Толстой и его жизнепонимание». Оригинальное название этой книги на английском – «Tolstoy and his message», впервые в США это произведение было опубликовано в 1903 году, а на русском языке книга была опубликована в издательстве «Посредник» в 1911 году. Русское издание книги Кросби сопровождалось приведенной выше заметкой самого Л.Н. Толстого «Первое знакомство с Эрнестом Кросби», а также кратким биографическим очерком «Эрнест Кросби, поэт нового мира», составленным И.И. Горбуновом-Посадовым. В этом очерке о книге Кросби «Толстой и его жизнепонимание» И.И. Гобунов-Посадов писал: «Среди людей, особенно глубоко воспринявших взгляды Толстого на христианство, на смысл личной жизни человека, на жизнь общества и государства, людей, всего более сделавших для распространения идей Толстого среди своего народа, в Америке особенно выделился недавно скончавшийся поэт и публицист Эрнест Кросби, написавший предлагаемую книгу, лучшую, по нашему мнению, из всех книг, которые были пока написаны о самой сущности, самом ядре учения Толстого» [4, с. XII].

Домашний врач Льва Николаевича, Д.П. Маковицкий, в записи от 27 августа 1906 года сообщает: «Кросби в своем письме благодарит Л.Н., что обратил его внимание на Ллойда Гаррисона² и Генри Джорджа, которых он раньше не знал» [7, с. 386].

Еще об одном письме Кросби к Толстому Д.П. Маковицкий упоминает в записи от 4 сентября 1905 года: «Кросби пишет Л.Н.-чу 4 августа: «Россия укажет всему миру путь к разрешению земельного вопроса <...> В России, кроме того, земельный вопрос стоит гораздо острее, чем в нашей индустриальной стране, и с вашим правительством его легче разрешить» [7, с. 394].

¹ Генри Джордж (1839–1897) – американский публицист и экономист, основатель учения о едином налоге на земле.

² Гаррисон Уильям Ллойд (1805–1879) – американский публицист, сторонник теории непротивления.

Толстой сам писал Кросби в начале сентября 1896 года: «Как всегда был очень рад получить ваше письмо, дорогой друг. Ваша деятельность меня очень радует не столько за успех дела, сколько за вас. Нет больше счастья, как отдать свои силы служению делу божью, которое, хоть не при мне, но, рано или поздно, неизбежно восторжествует <...> До следующего письма. Всегда рад знать про вас. Пожалуйста, пишите мне» [9, т. 69, 142].

В письме от 13 марта 1897 года Лев Николаевич сообщает Кросби: «Я всегда очень рад иметь от вас известия и знать, что вы работаете для распространения истины непротivления, и желаю вам внутреннего удовлетворения в вашей работе. Ваш друг» [9, т. 70, с. 55–56].

Толстой 3 апреля 1903 года пишет Кросби: «<...>Для меня большое удовольствие видеть ваш почерк, потому что я люблю вас, и мне всегда приятно получать от вас и о вас известия. Время от времени я встречаю статьи, написанные вами или о вас, и очень рад видеть, что вы твердый и сильный соратник в деле установления царства божия.<...> Благодарю вас за ваше письмо и прошу не переставать уведомлять меня время от времени о вашей работе и о вас самих. Ваш друг Лев Толстой» [9, т. 74, с. 80–81].

Толстой в 1905 году в письме к Кросби сообщает: «<...> Я не могу оставить ваше письмо без ответа, так как для меня всегда большое удовольствие получить от вас известие. За многое должен благодарить вас и многое хотел бы вам сказать, но сегодня очень занят и отложу это до другого раза. Искренно ваш. Лев Толстой» [9, т. 75, с. 213].

Примечательно, что Лев Николаевич в своих письмах, обращаясь к Кросби, часто называл американца другом, а заканчивал свои письма словами «ваш друг Лев Толстой».

Толстой 6 октября 1903 года пишет близкому другу В.Г. Черткову: «Занят теперь очень неожиданной работой, кот[орая] вот уже скоро месяц отвлекла меня от моих более нужных работ. Это начатое мною предисловие к статье Crosby об отношении Шекспира к рабочему народу, кот[орое] переросло статью Crosby и стоило мне большого труда. Надеюсь, что я кончу ее дня через два. Мне хотелось высказать мое много раз и очень добросовестно проверенное впечатление о Шекспире, совершенно противоположное установившемуся» [9, т. 88, с. 309–310].

Толстой начал писать предисловие к статье Кросби «Shakespeare's attitude towards the working classes» (в русском переводе – «Отношение Шекспира к рабочему народу») в первой половине сентября 1903 года. Вначале Лев Николаевич хотел создать только предисловие, но впоследствии оно становится отдельным публицистическим произведением. Толстой не предполагал публиковать его, но в 1905 году, вследствие просьбы Кросби, решил его напечатать.

В беседе с семьей 5 июля 1905 года писатель упоминал о Кросби:

«– Эрнест Кросби, – сказал затем Л.Н., – прислал сегодня свою книжку о Шекспире, в которой пишет о грубом отношении Шекспира к рабочему народу. <...> Пишет, что желал бы, чтобы моя статья была предисловием к его книге. Я затем и написал ее» [7, с. 334].

На следующий день после этого разговора, 6 июля 1905 года, в письме В.Г. Черткову писатель сообщал: «Получил от Кросби письмо с просьбой написать предисловие к его статье о Шекспире и решил напечатать свою статью. Пускай она будет в виде предисловия» [9, т. 89, с. 20].

В тот же день (6 июля 1905 года) Толстой написал ответ Кросби: «Я давно написал к вашей статье о Шекспире предисловие, которое разрослось в целую книгу. Думаю, что издам ее, когда она будет переведена. Таким образом, желание ваше исполнится» [9, т. 76, с. 4–5].

Письмо Кросби, о котором упоминал писатель в устной беседе с близкими людьми, неизвестно, оно не сохранилось. Напротив, статья Кросби о Шекспире, присланная Толстому, сохранилась в яснополянской библиотеке [2, с. 259].

Таким образом, предисловие к книге Кросби, над которым работал Лев Николаевич, постепенно становится самостоятельной статьей «О Шекспире и о драме». Статья Толстого впервые была опубликована в газете «Русское слово» в 1906 году, а в 1907 году статья Толстого в переводе на английский язык В.Г. Черткова была напечатана вместе со статьей Кросби в сборнике «Tolstoy on Shakespeare», в переводе на русский язык – «Толстой о Шекспире» (перевод мой – О.А.).

Свой критический очерк «О Шекспире и о драме» Толстой начинает с упоминания о своем американском друге: «Статья г-на Э. Кросби об отношении Шекспира к рабочему народу навела меня на мысль высказать и мое, давно установившееся, мнение о произведениях Шекспира, совершенно противоположное тому, которое установилось о нем во всем европейском мире» [9, т. 35, с. 216].

Толстой включил множество высказываний Кросби в свой «Круг чтения», составленный из мудрых мыслей людей, живших в разное время в разных странах.

На 27 января Лев Николаевич поместил стихотворение в прозе Кросби, также ставшее эпиграфом к X главе статьи «Одумайтесь» [9, т. 36, с. 132]. Стихотворение начинается со строк «Я сознаю в себе силу, которая со временем преобразит мир...» [9, т. 41, с. 62].

Стихотворение Кросби «Fiat lux» («Да будет свет») настолько понравилось Льву Николаевичу, что он его перевел с английского языка, этот перевод опубликован в полном собрании сочинений писателя [9, т. 40, с. 341–342]. Отрывки из этого стихотво-

рения Толстой добавил в «Круг чтения» на 22 ноября: «Не только саблю и ружье мы назначаем на ту полку в музее, где лежат орудия пытки; но не можем не знать, что скоро и полицейское устройство и выборный ящик последуют за ними» [9, т. 42, с. 274].

В свой новый сборник мудрых мыслей, «На каждый день», Толстой также включил слова Кросби на 17 марта: «Государство – учреждение временное и должно исчезнуть. Сабля и ружье, оружие нашего времени, со временем будут показываться в музеях, как такие же редкости отжившего времени, как теперь показываются орудия пытки» [9, т. 43, с. 148].

То же самое высказывание Лев Николаевич включил и в следующий сборник мудрых изречений «Путь жизни» [9, т. 45, с. 267].

Узнав о смерти Эрнеста Кросби¹, Л.Н. Толстой пишет его сестре Грес Эштон: «Ваш брат был для меня гораздо больше, чем обыкновенный знакомый. Он был одним из тех редко встречавшихся мне в жизни людей, с которыми я сразу чувствовал, что могу думать и чувствовать заодно. Но не только это. Я сердечно любил его. Я остро почувствовал это на прошлой неделе, когда получил американскую газету «The Public», в которой нашел очень хороший его портрет. Я не мог сдержать слез, глядя на него» [9, т. 77, с. 22].

Л.Н. Толстой с интересом читал произведения, созданные Эрнестом Кросби, и оставлял пометы в них. Кроме публицистических и художественных произведений американского писателя, в яснополянской библиотеке сохраняются двадцать шесть номеров журнала «The Whim» (в переводе с английского языка – «Прихоть», перевод мой – О.А.), который Кросби как составитель и редактор издавал совместно с Бенедиктом Притом. А также в библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохраняется сборник «The Earth for all Calendar» (в переводе с английского языка – календарь «Земля для всех» – О.А.) – календарь с высказываниями известных авторов о правах на землю, принадлежащих всем людям, составленный Эрнестом Кросби [2, с. 255–257]. Причем, и журнал «The Whim», и календарь «The Earth for all» были упомянуты среди основных источников «Круга чтения» – самого обширного по своему материалу сборника мудрых мыслей, из всех составленных Толстым [9, т. 42, с. 588–589].

В свой календарь изречений о земельной собственности («The Earth for all Calendar») Кросби включил и перевод некоторых изречений о земле самого Л.Н. Толстого.

В календаре Кросби на 246 странице помещен отрывок из романа Толстого «Воскресение»: «The earth cannot be anyone's property; it cannot be bought or sold any more than water, air or sunshine.

All have an equal right to the advantages it gives to men». В оригинальном тексте романа приведенный выше отрывок выглядит следующим образом: «Не может земля быть предметом собственности, не может она быть предметом купли и продажи, как вода, как воздух, как лучи солнца. Все имеют одинаковое право на землю и на все преимущества, которые она дает людям» [9, т. 32, с. 218].

Также в календаре на странице 136 приводится отрывок из письма Л.Н. Толстого к Кросби: «If the new Tsar were to ask me what I should advise him to do, I would say him: use your autocratic power to abolish the land property in Russia and to introduce the single tax system; and then give up your power and [grant] the people a liberal constitution». Это письмо от 24 ноября 1894 года на двух языках, английском и русском, приводится в полном собрании сочинений Толстого: «Если бы новый царь спросил у меня, что бы я ему посоветовал делать, я бы сказал ему: употребите свою неограниченную власть на уничтожение земельной собственности в России и введите систему единого налога, а затем откажитесь от власти и дайте народу свободу управления» [9, т. 67, с. 273].

Календарь с афоризмами о земельной собственности, составленный Кросби, до сих пор находится на книжной полке в кабинете писателя в его яснополяском доме среди тех книг, которые писатель читал и перечитывал в последние годы своей жизни. В круг этих изданий вошли многие произведения американского публициста.

Толстой сам пережил нравственный переворот, кардинально изменивший его жизнь, возможно, именно в силу понимания того, что происходило в душе человека, когда он полностью меняет свой взгляд на мир, Толстой так близко к сердцу принимал все, что происходило с его американским последователем, ставшим вскоре также и его близким другом – Эрнестом Кросби. Лев Николаевич в своих письмах, обращаясь к Кросби, часто называл американца другом, и сам подписывался «ваш друг». В яснополяском кабинете среди изображений близких друзей и единомышленников писателя находилась и фотография Эрнеста Кросби. Свое законное место в кабинете писателя в Ясной Поляне эта фотография занимает и сейчас.

Библиографический список

1. Алексеева Г.В. Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого). – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. – 256 с.
2. Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Том III. Книги на иностранных языках: в 2 ч. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 1999. – Ч. 1. – 702 с.
3. Виттакер Р. Неизвестные письма Л.Н. Толстого – находки в архивах США // Неизвестный

¹ Эрнест Кросби умер от крупозного воспаления легких в 50 лет 3 января 1907 года.

Толстой в архивах России и США. – М.: АО «Техна-2», 1994. – С. 205–250.

4. Горбунов-Посадов И.И. Эрнест Кросби, поэт нового мира // Толстой и его жизнепонимание. – М.: Издательство «Посредник», 1911. – С. V–XXXIII.

5. Кросби Э. Л.Н. Толстой как школьный учитель. – М.: Издательство «Посредник», 1908. – 80 с.

6. Кросби Э. Толстой и его жизнепонимание. – М.: Издательство «Посредник», 1911. – 64 с.

7. Маковицкий Д.П. Яснополяские Записки. У Толстого 1904–1910 // Литературное наследство. – М.: Наука, 1979. – Т. 90: В 4 кн. – Кн. 1.– 544 с.

8. Толстая С.А. Моя жизнь: в 2 т.– М.: Кучково поле, 2011. – Т. 2. – 672 с.

9. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.

УДК 81'42 ; 821.161.1.09

Едошина Ирина Анатольевна

доктор культурологии, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
tettixgreek@yandex.ru

Афанасьева Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
yelena@pgups.ru,

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: А.Н. ОСТРОВСКИЙ, С.В. МАКСИМОВ, Н.С. АШУКИН

В статье раскрывается понятие «крылатые слова», указывается источник его происхождения, а также исследуются статьи из трех словарей: Ашукина Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Репринтное издание (М., 1993), Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. (М., 1955); Максимов С.В. Крылатые слова / под общ. ред. Н.С. Ашукина (М., 1955). Выясняется, что в силу специфической природы крылатых слов, которая в свернутой форме содержит ментальные характеристики социума, обращение к их изучению и собиранию имеет свои последствия. В научной деятельности – это появление словарей, а в биографии – это длительные путешествия по России (в случае с Максимовым), угрозы со стороны власти (в случае с Ашукиным). Все три словаря содержат примеры из пьес А.Н. Островского. На основании этих примеров выявляются и типологизируются источники крылатых выражений, их мотивно-структурные элементы, проводится сопоставление использования в пьесах А.Н. Островского и словарях Максимова и Ашукиных. Авторами статьи показывается, что крылатое слово может выполнять провокативную функцию, став именовани-ем. Специальное внимание уделяется межкультурной природе крылатых выражений, которую активно использует А.Н. Островский в своих пьесах. Подвергается историко-культурному и лингвистическому анализу семантическое поле крылатых выражений, их функциональная направленность в тексте драмы. В итоге авторы статьи подчеркивают, что благодаря крылатым выражениям народная мудрость обретает способность сохраняться во времени и одновременно легко переключиваться из одного языка в другой. Именно эта особенность схвачена в исходном немецком названии «Geflügelte Worte» Г. Бюхмана.

Ключевые слова: крылатые слова, ментальные характеристики, биография, словарь, функция, семантическое поле, текст, источники, межкультурная природа.

В предисловии к «Словарю к пьесам А.Н. Островского»¹ (1993) есть одно любопытное примечание: «К сожалению, не пришлось включить в словарь многочисленных народных поговорок, пословиц и присловий, в обилии встречающихся в пьесах Островского. Комментирование их могло бы составить особую задачу» [3, с. IV]. Сразу замечу, что словаря, где бы решалась такого рода задача, нет и по сю пору. Но включение устойчивых выражений из пьес Островского в словарь все же случилось. Одним из авторов «Словаря к пьесам А.Н. Островского» был Н.С. Ашукин, который вместе с супругой М.Г. Ашукиной издал в 1955 году «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения». Во вступительной статье от составителей дается небольшой экскурс в историю понятия «крылатые слова» (значительно сокращенный в издании 1960 года), что не обходится без упоминания

С.В. Максимова, который расширил семантику этого понятия. Замечу, в этом же году и в том же издательстве вышла книга С.В. Максимова «Крылатые слова», подготовленная все тем же Н.С. Ашукиным. Оставляя пока Максимова и его книгу, вернусь к «Крылатым словам» Ашукиных, в которую включены: «жупел» с пояснением, что именно благодаря пьесе Островского «Тяжелые дни» это слово церковно-славянского происхождения стало крылатым, равно как и выражения «Кит Китыч/Тит Титыч» («В чужом пиру похмелье»), «один в четырех каретах» («Бедность не порок»), «чего моя нога хочет» («Грех да беда на кого не живет»).

Из перечисленных крылатых слов, содержащихся в неизданном в те годы «Словаре к пьесам А.Н. Островского», в «Крылатых словах» Ашукиных обнаруживается только слово «жупел» с указанием, что из комедии оно вошло в общий язык [1, с. 65]. Это замечание очень важное и напрямую

выводит к задумке Максимова: объяснить *мимо-летные разговорные, летучие и крылатые слова и ходячие выражения, которые исключительно принадлежат отечественной речи, имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок* [8, с. VI]. В данном случае слово попало в народную речь из литературы, а не наоборот.²

Поиск источников крылатых слов, усвоенных народным сознанием, составляет главную цель в книге Максимова. Этой же цели придерживаются авторы «Крылатых слов», но в силу идеологического притеснения они лишены той исследовательской свободы, которая присуща Максиму. Потому в столь осторожных отсылках к пьесам Островского, никак не совпадающих с наличием в них большого количества крылатых выражений, сказывается грустный опыт и запрещения уже подготовленного к изданию «Словаря к пьесам А.Н. Островского», и пережитых Ашукиным гонений 1920-х годов, когда всероссийская ассоциация писателей-коммунистов сняла его с академического пайка, предварительно обвинив в бездарности и бесполезности. В результате он стал текстологом, комментатором и библиографом. Николай Сергеевич Ашукин прожил долгую жизнь: он родился в 1890 году, а умер в 1972 году. В его обширной исследовательской деятельности Островский не был предметом специального внимания, но Ашукин, москвич по рождению, много занимался историей быта старой Москвы, сам происходил из купеческого рода, принимал участие в составлении хрестоматии по истории русского театра. Так что пути пересечения с Островским у него были, но еще более – с Максимовым (1831–1901), вслед за которым Ашукин дал собранию литературных цитат и образных выражений именование «Крылатые слова». Мы не случайно уделяем столько внимания Н.С. Ашукину, поскольку видим в нем человека, продолжившего традиции Островского и Максимова по собиранию крылатых слов, понимаемых ими как своеобразный «мостик» между звучащим народным и написанным литературным словом.

Островский и Максимов познакомились в 1850 году в кружке будущей «молодой» редакции «Москвитянина», где все были увлечены живым интересом к народной жизни. Будучи родом из русской глубинки, Парфентьевского посада Кологривского уезда Костромской губернии, Максимов в итоге своей деятельности, по словам В.В. Розанова, «обучил... России. Обучил в том смысле, что Россия есть важное, и – первое важное» [15, с. 310]. Максимов смог «обучить» России по той причине, что исходил, изъездил ее с юга на север, с запада на восток. В его книгах возникала многоликая страна, не придуманная фантазией художника, а реальная, живая, со своими чаяниями, радостями и горестями. Некоторые из его книг рождались как

собрание ранее разбросанных по газетным и журнальным изданиям статей. Таковой, в частности, оказалась и последняя книга «Крылатые слова. По толкованию С. Максимова» (1890), в которую вошли статьи, написанные и опубликованные автором в периодической печати в течение 1883–1889 годов.

В подзаголовке книги Максимов вынес слова из названия когда-то заполняемой им журнальной рубрики (здесь и далее курсивом выделена буква, содержащая ударение, обозначенное в первом издании) «Не спуста слово молвится»: «Не спроста и не с пуста слово молвится и до веку не сломится». Максимов был убежден, что в крылатых словах отражается народная мудрость, глубокое уважение к слову. Подзаголовку вторит эпитафия «У – слова и беседа»³. Отделенная ударная буква «У» словно создает вокруг слова и беседы особое пространство, звучание которого в эпоху Серебряного века получит мистическое наполнение (С. Есенин, А. Белый, Вяч. Иванов). У слов собирается мир, чтобы с помощью крылатых слов преодолеть «окаменелость» быта, на что обратил внимание Ашукин, когда готовил книгу Максимова к публикации.

В своей книге Максимов дважды ссылается на пьесы Островского. Статья «Дороже Каменного моста» начинается с отрывка из комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын»:

– Какие серебряные подковы? Какие лошади? Двугривенного в доме нет, а он...

– Позвольте! Это верно. Нам теперь с вами какой-нибудь двугривенный *дороже Каменного моста*.

– Какой мост? Квартальный давеча страмил-страмил при людях, что забор не крашен [8, с. 129].

Это разговор Елеси и Мигачевой, сына и матери. Максимов цитирует приведенный фрагмент по дореволюционному собранию сочинений издательства «Просвещение», о чем сам сообщает. В этом издании слово «Каменный» пишется с большой буквы, будучи названием моста. С заглавной буквы пишется мост и в воспоминаниях Максимова об Островском. В советском издании это же слово написано с маленькой буквы, становясь определением того, из какого материала сделан мост. По этой причине, конечно, выражение «каменный мост» никаких ассоциаций с крылатыми словами не рождает. Но во времена Островского и Максимова выражение «Каменный мост» через Москва-реку ассоциировался с необоснованно дорогостоящим предприятием. Как пишет Максимов, «выражение этого рода приспособляется во всех тех случаях, когда может определить и крайнее богатство, и всякую несоразмерную ценность какого-либо имущества или предмета» [8, с. 129]. И далее Максимов дает подробную историко-культурную справку того, как и почему появилось это крылатое слово. Из нее читатель узнает, что мост начал строить Михаил Федорович, выписав мастеров из-за рубежа, но построить мост не удавалось

из-за своенравности Москва-реки. Руководил постройкой князь В.В. Голицын, любимец царевны Софьи. Он заменил иностранных мастеров отечественным, и мост построили. Правда, самого князя обвинили в растратах (в связи с мостом в том числе) и сослали в Пинегу. Впоследствии выяснилось, что содержание моста требует немалых вложений. В «Словаре к пьесам А.Н. Островского» это выражение имеется, но в присловной статье подчеркиваются размеры (Большой Каменный мост) и акцентируются криминальные сюжеты, с этим мостом связанные [2, с. 82].

Некоторые из пословиц, поговорок, присловий в книге Максимова «Крылатые слова» обнаруживаются и в пьесах Островского. Полагаю, Максимов использовал пьесы Островского как источник корректировки значений крылатых слов. Это предположение базируется на дружеских отношениях между Островским и Максимовым, о чем свидетельствуют воспоминания последнего, их переписка, свойственный обоим живой интерес к народному слову. Есть и прямое свидетельство в «Крылатых словах», правда, уже во втором издании. Поясняя выражение «нет проку», Максимов обращается к кормлению бояр на государственной службе. Все попытки изменить что-либо не увенчались успехом, лишь один пример обнаруживается автором – Ордин-Нащокин, который стремился не кормиться на псковском воеводстве, а поднять благосостояние горожан. «Все остальные, – пишет Максимов, – были на один образец, как образно показано в драме А.Н. Островского. На вопрос о том, каков будет новый воевода, сказано отчаянно безнадежным голосом из толпы молодых посадских: “Да, надо быть, такой же, коль не хуже”» [8, с. 141]. Это финальная реплика из комедии в стихах «Воевода (Сон на Волге)» (1865, первая редакция). В пьесе Островского Максимов видит не только надежный источник, но образное обобщение исторического факта, что позволяет ему заключить: «Когда спознали, что и в воеводах нет пути и не было проку, то есть ни добра, ни пользы, это звание в 1764 г. совершенно отменили» [8, с. 141]. Так получают окончательное объяснение крылатые слова «нет проку» – когда ни добра нет, ни пользы, потому и пути нет.

В комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты» есть такой эпизод:

М а н е ф а. И то иду. Пошла шабала и пришла шабала.

1-я п р и ж и в а л к а (с умилением). Ох, батюшки мои!

Т у р у с и н а (грозно). Молчи!

М а н е ф а (садясь). Пошла да села, как квашня.

2-я п р и ж и в а л к а (со вздохом). О, о, о, ох!

Ах, премудрость!

1-я п р и ж и в а л к а. Привел Господь, дожили!

Т у р у с и н а (грозно). Тише!

М а н е ф а. Что вы бельмы-то выпучили?

Т у р у с и н а. Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1-я п р и ж и в а л к а. Ох, сподобились!

2-я п р и ж и в а л к а. Все сподобились.

Т у р у с и н а. Ждем! Что скажешь, мати Манефа?

М а н е ф а. Ждем! Ждали в сапогах, а приехали в лаптях.

1-я п р и ж и в а л к а. Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько [13, с. 4849].

В этом фрагменте Манефа сама характеризует себя довольно искренне – шабала. По определению в «Словаре к пьесам А.Н. Островского», «шабала» – это тот, «кто говорит без задержки, болтун, пустомеля» [2, с. 234]. Но Манефа говорит совсем немного, зато слова ее в восприятии окружающих полны особого смысла. И небезосновательно. Манефа отвечает устойчивыми оборотами: «пошла шабала и пришла шабала», «пошла да села, как квашня», «выпучили бельмы», «ждали в сапогах, а приехали в лаптях». Причем говорит явно напористо, не без грубости. Не будучи никакой пророчицей, которую в ней видит Турусина и подпевающие ей приживалки, Манефа вынуждена играть эту роль – ведь ей заплатили (приживалкам тоже). Функция крылатых слов в данном случае заключается в перемещении речи из бытового плана в сакральный. Какова рода эта сакральность, разъясняется в слове «шабала». Частично Максимов раскрывает смысл уже в содержании: «Баклуши бить (глупая шабала и оболванить)» [8, с. IX]. А в самой статье пишет: плашки из осины, которые мужики «зовут “шабалой” и ими же ругаются, говорят: “Без ума голова – шабала”» [8, с. 28]. Этим крылатым словом Манефа открыто себя именуется. А Максимов дает пояснение в форме риторических вопросов, расширяя таким образом семантическое поле слова «шабала»: «Есть ли еще что дряннее этого дерева (осины. – И.Е.), которое теперь лесник сложил у избы, когда и цены такой дряни никто не придумает? Есть ли и человек хуже того, который много врет, без отдыха мелет всякий вздор, ничего не делает путного и мало на какую работу пригоден?» [8, с. 28]. Как видим, Максимов связывает произнесение пустых слов с непригодностью к работе. Эти два качества вместе свидетельствуют о человеке, хуже которого и нет. Крылатое слово «шабала» – ключ к пониманию существа Манефы, по слову которой, тем не менее, почти решается судьба девушки, и только случай спасает ее.

В книге Максимова «Крылатые слова» и в «Словаре к пьесам А.Н. Островского» есть устойчивое выражение «Белая Арапия», которое используется драматургом.

«Праздничный сон – до обеда»

К р а с а в и н а. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионтов войска ведет.

Н и ч к и н а. Откуда же он, белый арап?

К р а с а в и н а. Из Белой Арапии.

Н и ч к и н а. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то такие тяжелые! [11, с. 352]

«Тяжелые дни»

Д о с у ж е в. А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получают депеши, но только все больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих. Одним словом, я живу в пучине [12, с. 394].

Если в «Праздничном сне – до обеда» Белая Арапия описывается через простодушно-наивное восприятие, то в «Тяжелых днях» Белая Арапия становится «приговором» этому простодушью, приговором жестким, бескомпромиссным. По утверждению В.А. Кошелева, именно Островский впервые ввел понятие «Белая Арапия» [7, с. 158].

В «Крылатых словах» Максимов комментирует выражение «Белая Арапия» через темных людей, которые вдруг узнали, что на свете есть иная «заграница» [8, с. 402].

Статьи в «Словаре к пьесам А.Н. Островского» и в «Крылатых словах» Ашукиных настолько близки, что не оставляют никакого сомнения в авторстве Н.С. Ашукина. Статья в «Словаре...» начинается с изложения сведений из разных источников – старинные русские книжники, свидетельство путешественника Ф.А. Котова, «Исторический вестник» за 1906 год. Далее следует цитата из «Нови» И.С. Тургенева. Дань времени звучит в словах о малокультурном купечестве, что вряд ли было близко самому Ашукину как выходящу из этого самого общественного слоя. В качестве примеров даются приведенные цитаты из пьес Островского [2, с. 13]. Статья в «Крылатых словах» сразу начинается с утверждения, что термин «черный арап» используется в фольклоре. Далее упоминаются книжники, затем следует Ф.А. Котов с подробной ссылкой на советское издание, только после этой ссылки даются сведения из «Исторического вестника» за 1906 год. Затем, как и прежде, дается ссылка на роман Тургенева. А «малокультурное купечество» исчезает (сказывается идеологическое послабление послесталинского времени), вместо него появляется сведение об использовании «белорапской земли» раешниками со ссылкой на сочинения А. Левитова. Дается итоговое определение, какового в прежнем издании не было: «Таким образом, “Белая Арапия” стала синонимом легендарной, неведомой страны фантастических рассказов». После чего следуют уже знакомые примеры из пьес Островского [2, с. 39].

В финале уже цитированной статьи В.А. Кошелев замечает, что «в “фантоме” *Белой Арапии* Островский олицетворил весьма своеобразный комплекс простонародных представлений, которые в реальности можно при желании спроецировать и на “темное царство”, и на устремления “нигилистов”, и на происки враждебного “царя Фараона”. Изначальная “широта конструкции” этого оксюморона входила в творческую задачу драматурга» [7, с. 60]. В принципе все эти оттенки в значении «Белой Арапии» можно найти в приводимых словарных статьях и размышлениях Досузева в «Тяжелых днях». Но есть еще один смысл, который напрямую выводит к специфике народного сознания, отраженной в лубке, где иррациональное воспринимается как абсолютная реальность, без всяких оксюморонов [6]. Белая Арапия в разговоре Красавиной и Ничкиной представляет апокалиптический смысл бытия, рождающий страх и ужас сродни библейскому. Белая Арапия смешна, нелепа в восприятии образованного человека, например, Досузева. В его представлении Белая Арапия – это пучина, в которой гибнет все прогрессивное. В народном понимании Белая Арапия есть символ гибели всего мира.

В этой связи обратим внимание еще на один нюанс Белой Арапии. Это устойчивое выражение появляется в статье «Начай (завтра, навино, наводка, подачки)», которая начинается с известия, что автор специально просил не исправлять слитного написания слова в заголовке «на том основании, что чувствуется в нем такое плотное слияние начального предлога с управляемым существительным, каковое слияние замечается и в самом обычае с народной жизнью» [8, с. 400]. В воспоминаниях об Островском Максимов сокрушается, что сухие комментарии могут затемнить глубокий смысл высокой ценности народной песни [10, с. 396]. Все это – прямые свидетельства стремления Максимова представить живое народное сознание, частным случаем которого является Белая Арапия.

Есть у Островского драма под названием «Грех да беда на кого не живет» (1863). Максимов дает полную форму этой пословицы: «Грех да беда на кого не живет, – огонь и попа сжет. Погоди: будет и на его улице праздник» [8, с. 1]. Корни этой развернутой пословицы он обнаруживает в русской истории XVII столетия, когда патриарх Филарет приказал внести изменения в богослужебные книги. В частности, в словах «Сам и ныне, Владыко, освятив воду сию Духом твоим святым и огнем» нужно было удалить из служебных книг и не произносить как ошибочное. Слова-то замазали, но забыть не забыли: «Так и сложилось в то время (и до нас дошла) насмешливая поговорка: *в книгу глядит (или на воду глядит), а огонь говорит*. С тех самых пор начал огонь *жечь попа* в особину, в исключение пред другими. Стала ходить вековечная, несо-

крушимая в правде пословица о неизбежности для всякого человека беды и греха, с новым привеском, вызванным полузабытым мелким историческим случаем» [8, с. 7]. Неизбежность греха словно довлеет над действующими лицами в драме Островского «Грех да беда на кого не живет», достигая трагического апогея в убийстве Львом Красновым своей жены.

В «Словаре к пьесам А.Н. Островского» пословицы по уже названной причине нет, но описывается слово «грех», причем ровно в том значении, которое дается Максимовым. В «Крылатых словах» Ашукиных этой пословицы нет, видимо, по причине неизбежности включения в комментарий сведений из истории церковной жизни русского народа. Однако Максимов не останавливается только на беде и грехе, представляя далее целый ряд положительных коннотаций, связанных в народном сознании с огнем, аргументируя, таким образом, появление пословицы «будет и на его улице праздник». Эта часть пословицы здесь не называется, но имеется в виду. В пословичных пьесах Островского подчас наблюдается то же самое [5]. В данном случае речь идет о раскаянии Льва Краснова, которое понимается как победа над грехом и готовность жить согласно Законам Божиим.

Пребывая в поисках смыслов крылатых слов, Максимов, как ранее Островский, а позднее Ашукин, стремился собрать вокруг слова весь мир, потому крылатому выражению из св. Писания («когда дело явлено будет – день бо явит») вторит русская народная пословица («загадка – разгадка, а в ней семь верст правды»), а завершает мудрое высказывание на латинском языке: «Quod potui – feci (что мог, я сделал. – Е.А.), – скажем древнейшим и авторитетнейшим крылатым выражением из совершенно чужого языка (хотя бы оно и достаточно уже попорхало по белому свету): *faciant meliora potentes!* (Пусть сделает лучше, кто может. – Е.А.)» [8, с. X–XI]⁴. В этих четырех устойчивых выражениях Максимов выразил суть проделанной работы: в его собрании крылатых слов «семь верст правды», значимость труда оценят потомки («день бо явит»), он сделал, что смог (*quod potui – feci*), пусть придут другие и сделают лучше – *faciant meliora potentes!*

По Максиму, мудрость не знает языковых преград. Вот и в пьесах Островского нет да и промелькнет латинское крылатое слово, например, в речи Корпелова из «Трудового хлеба»: «*Ното сум*». А завершается пьеса вообще начальными строками из студенческого гимна на латинском языке, которые поет все тот же Корпелов: *Gaudeamus igitur, / Juvenes dum sumus!* [12, с. 453]. Эти две строчки традиционно включаются в словари латинских крылатых слов. Ашукин в предисловии делает примечание, в котором указывает,

что впервые устойчивым выражениям, собранным в словарь, название «крылатые слова» («*Geflügelte Worte*») дал немецкий ученый Георг Бюхман, а затем оно перешло в другие языки [1, с. 3]. Вот так и «летает» народная мудрость по миру, обретая устойчивую форму в пословицах и поговорках.

Примечания

¹ Работа над «Словарем» началась еще до Великой Отечественной войны, завершена после войны и в 1949 году набрана для издания, но потом по решению ЦК ВКП(б) с подачи КГБ набор был рассыпан.

² Приведу один пример использования слова «жупел» в деятельности российской творческой интеллигенции, которая всегда была недовольна властью, разделяя революционные чаяния. В 1905 году вышел первый номер журнала «Жупел», в котором резко осуждалось подавление правительством революционных настроений. Всего вышло три номера, и журнал был закрыт. Вокруг журнала объединились художники и писатели, из которых назову только самых известных: Серов, Кустодиев, Лансере, Билибин, Добужинский, Сомов, Бакст, Горький, Андреев, Куприн, Амфитеатров и др. Когда случатся две революции и победит большевизм, они в ужасе побегут от того, что сами же и накликali. Напомню некоторые судьбы. Серов умрет в 1911 году, удачно не застав последствий переворотов. Лансере, Кустодиев кое-как впишутся в советскую систему, Горький будет объявлен главным «совписом». Все остальные эмигрируют. Как признается одна из участниц «Жупела» А.П. Остроумова-Лебедева, тогда у всех них был «искренний подъем и искренний порыв возмущения и протеста» [13, с. 333]. Это признание со всех сторон обставлено многоточием, за которым угадывается раскаяние, не могущее быть открыто заявленным в условиях идеологической несвободы советского режима. Жупел – это то, что внушает ужас, отталкивает, потому простая и незатейливая Настасья Панкратьевна в «Тяжелых днях» признается: «... как услышу слово “жупел”, так руки-ноги затрясутся» [12, т. II, с. 2]. Из сегодняшнего дня это признание представляется пророческим символом, уточняя семантику слова «жупел».

³ В предисловии к книге «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные высказывания» (1955) Ашукин словно расшифровывает этот эпиграф: «“Крылатыми” Гомер называл такие слова, которые срываются с уст говорящего и летят к уху слушателя» [1, с. 3]. Добавлю, у Гомера это «крылатые речи» [4, т. 1, с. 201] – *ερεα πτεροεντα*.

⁴ Максимов обращается к пословице, восходящей к высказыванию Цицерона в письме к Императору Дециму Бруту Альбину: *Ego plus quam feci, facere non possum* (Больше, чем сделал, сделать не могу).

Библиографический список

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: ГИХЛ, 1955. – 751 с.
2. Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков. Репринтное издание. – М.: Веста, 1993. – 246 с.
3. Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Вступительная статья // Словарь к пьесам А.Н. Островского. Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков. Репринтное издание. – М.: Веста, 1993. – С. III–VIII.
4. Гомер. Илиада / пер. с древнегр. Н.И. Гнедича. – М.: Художественная литература, 1967. – 374 с.
5. Едошина И.А. Специфика пословичных именованных ранних пьес А.Н. Островского // Драма и театр: сборник научных трудов. Вып. VII / науч. ред. Н.И. Ищук-Фадеева. – Тверь: Тверской госуниверситет, 2009. – С. 109–120.
6. Едошина И.А. Островский и лубочная культура // Едошина И.А. «А я, душа театра...» А.Н. Островский. – Кострома: Костромаиздат, 2013. – С. 236–247.
7. Кошелев В.А. «Из Белой Арапии» // Щелыковские чтения 2006. В мире А.Н. Островского: сборник статей / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2007. – С. 151–161.
8. Крылатые слова. По толкованию С. Максимова. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1890. – 486 с.
9. Максимов С.В. Вступительная статья // Крылатые слова. По толкованию С. Максимова. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1890. – С. III–X.
10. Максимов С.В. Александр Николаевич Островский. По моим воспоминаниям // По Русской земле / сост., подгот. текста, авт. вступ. статьи С. Плеханов. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 386–507.
11. Островский А.Н. Праздничный сон – до обеда // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 10 т. / под ред. М.И. Писарева. – СПб.: Просвещение, 1904–1909. – Т. 2. – С. 325–378.
12. Островский А.Н. Тяжелые дни // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 10 т. / под ред. М.И. Писарева. – СПб.: Просвещение, 1904–1909. – Т. 8. – С. 391–460.
13. Островский А.Н. На всякого мудреца довольно простоты // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Пьесы (1868–1871) / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. – М.: Искусство, 1974. – С. 7–79.
14. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. 1–2 тт. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 590 с.
15. Розанов В.В. На трудовом посту // Розанов В.В. Собрание сочинений. В чадку войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – С. 309–311.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В статье ставится проблема типологии географического романа приключений, критически оценивается традиция различения его фантастических и нефантастических разновидностей. На основе жанровой модели М.М. Бахтина как «трехмерного конструктивного целого» выявляются константные признаки географического романа приключений и его вариантов. Кроме того, определяется специфика фантастического географического романа приключений как одной из разновидностей этого жанра: 1) изображение мира героя носит глобальный характер; здесь проверяются не индивидуальные качества героя, а признаки, характеризующие человечество в целом; наряду с этим испытывается идея – каким должно быть новое общество и на каких основаниях оно должно быть построено; 2) в субъектно-речевой структуре сохраняются географические описания, однако они имеют иную функцию, нежели в нефантастическом варианте; появляются особые композиционно-речевые формы – философские диалоги, выявляющие социальные позиции персонажей; 3) все описанное воспринимается читателем двойственно – как фантастическое, т. е. не имеющее места в реальной действительности читателя, и в то же время как безусловно реальное с точки зрения героя. Делается вывод о том, что сопоставление фантастического и нефантастического вариантов географического романа приключений дает возможность проследить механизм трансформации жанровой традиции и тем самым позволяет глубже понять специфику авантюрно-философской фантастики XX века.

Ключевые слова: жанр, жанровая типология, географический роман приключений, авантюрно-философская фантастика XX века, научная фантастика, затерянные миры, робинзонада, «колониальный» роман, поиски клада или пропавшего человека.

Знакомые всем с детства книги, сочетающие путешествия по разным странам со всевозможными авантюрами, относятся к географическому роману приключений. Это и многочисленные робинзонады («Жизнь и приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо), и романы, связанные с поисками клада («Остров сокровищ» Р. Стивенсона), с открытием новых, доселе неведомых земель («Земля Санникова» В. Обручева, «Затерянный мир» А.К. Дойля), и другие произведения.

Проблема в том, что какие-то из этих романов литературоведы и критики относят к фантастическим произведениям («научной фантастике»), а другие романы считают нефантастическими; однако принципы такого разделения, как правило, не прояснены.

Так, например, «Затерянный мир» А.К. Дойля, «Таинственный остров» Ж. Верна, «Плутонию» В. Обручева или «Копи царя Соломона» Р. Хаггарда, как правило, считают фантастикой [8; 13; 14; 15]. В то же время, структурно подобные им романы – «Остров сокровищ» Р. Стивенсона, «Наследник из Калькутты» Р. Штильмарка, «Охотники за растениями» М. Рида и др. – считаются сугубо нефантастическими. Особенно заметна эта методологическая неувязка в сопоставлении чрезвычайно близких друг другу романов – «Таинственный остров» Ж. Верна (традиционно рассматривается как фантастика) и «Робинзон Крузо» Д. Дефо (изучается как роман эпохи Просвещения, не имеющий никакого отношения к фантастике).

С другой стороны, существует целый корпус произведений, безусловно фантастических, но одновременно – структурных вариаций все того же географического романа приключений – «Туннель в небе» Р. Хайнлайна, «Робинзоны космоса»

Ф. Карсака, «Аргонавты Вселенной» В. Владко и множество других, – которые могут вовсе не учитываться при изучении интересующего нас жанра.

И, наконец, все – и фантастические, и нефантастические варианты – иногда рассматриваются «общим списком», без какого-то учета их специфики [5].

Отчего так происходит и почему до сих пор не выработана убедительная дифференциация и типология жанра? Очевидно, дело в выбранных критериях различения.

Во-первых, основной параметр – известная формула «то, чего нет или не может быть в действительности» (ср. «...изображение неправдоподобных явлений, введение вымышленных образов, не совпадающих с действительностью» [7]) – связан исключительно с предметом художественного изображения и является чаще всего единственным основанием для классификации, что, конечно, влечет за собой большие погрешности. Кроме того, применение этого критерия проводится, как правило, несистемно. Так, определяя основное место действия в «Затерянном мире» как «то, чего нет в действительности», мы должны последовательно проверить места действия и во всех остальных географических романах (в идеале – и вообще во всех литературных произведениях) с помощью того же самого критерия. Тогда получится, что плато, описанное в «Затерянном мире», в реальности, конечно, не существует; но не существует и остров в «Робинзоне Крузо», и остров Чарльза в «Наследнике из Калькутты» и т. д. Можно возразить, что эти острова не так необычны, как, например, Страна Меплу-Уайта; однако с внутренней точки зрения (изнутри мира героя) сохранение доисторических животных в «затерянном мире» вполне научно обосновано.

В этом случае мы вынуждены либо все географические романы относить к фантастике (как это сделано на портале «Лаборатория фантастики» [5]), либо создавать *систему* критериев для различения фантастических и нефантастических вариантов.

Во-вторых, при использовании формулы «то, чего нет или не может быть в действительности» в качестве дифференцирующего инструмента, от читателя требуется разносторонняя и весьма глубокая подготовка по разным научным дисциплинам. Ведь если, например, считать «Таинственный остров» Ж. Верна фантастикой на основании только того, что там действует подводная лодка капитана Немо, можно допустить ошибку. В то время подводные лодки уже существовали, и Жюль Верн знал о них и отразил *уже известные* ему данные в романе. (Идея подводной лодки существовала с XIII века, а «Наутилус» Роберта Фултона был спущен на воду в 1800 году [11, с. 10–18], задолго до появления «Таинственного острова»).

Рассматриваемый нами критерий слишком тесно привязывает литературное произведение к условиям реальной действительности, а перенос акцента в область внеэстетическую чреват утратой четкости результатов. Ведь в этом случае мы оцениваем художественный мир исключительно с точки зрения устройства мира изображающего (хронотопа «автора и слушателя-читателя» [2, с. 401] и, шире, «реального и незавершенного исторического мира» [2, с. 402]); и определяем возможность / невозможность происходящих в произведении событий наличием / отсутствием таких явлений в реальной жизни. Однако при этом, как мы уже убедились, далеко не всегда учитывается естественная неполнота знаний читателя – что в окружающем нас мире возможно, а что нет. Кроме того, зачастую обычный читатель художественной литературы может и вовсе не знать о секретных изобретениях и исследованиях, и тогда описанное может считать фантастикой, «повествованием о необычайном», а между тем это будет повествование об «уже известном».

С другой стороны, художественное произведение может изображать заведомо то, чего в жизни не существует, но при этом не быть фантастическим. Так, совершенно не фантастической является повесть И. Штемлера «Гроссмейстерский балл», в которой описывается жизнь выпускников-инженеров, создающих прибор для геологов, в реальности не существующий.

Но самое главное – критерий «чего нет в действительности» не учитывает специфику предмета классификации – литературного произведения. Ведь, как писал А. П. Скафтымов, «состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования» [9, с. 30], следовательно, все, что находится вне произведения, не может быть надежным и тем более единственным способом понимания.

Итак, можно констатировать, что существующий ныне критерий разделения географических романов приключений на фантастические и нефантастические варианты непригоден для создания типологии этого романного жанра. Нужно учитывать художественное целое произведения во всех его структурных аспектах. И тогда очевидным образом все названные выше романы поделятся, во-первых, на две большие группы – фантастические и нефантастические, а во-вторых, внутри этих групп можно будет говорить о жанровых вариантах.

Так поступил Н.Д. Тмарченко, выделив географический роман (в его нефантастической ипостаси) в отдельный жанр авантюрной литературы и описав инвариант и четыре его типологические разновидности. К сожалению, эти материалы были опубликованы автором (совместно с Л.Е. Стрельцовой) как часть школьного учебника «Путешествие в “чужую” страну» [10], естественно, в адаптированном для пятиклассников виде. Тем не менее, это строго научная типология. Н.Д. Тмарченко выделяет следующие черты инварианта географического романа приключений: 1) место действия – страна, отделенная «от обычного, хорошо известного нам мира; она мало известна, еще не изучена или даже неизвестна вообще», а «главное во всех этих случаях состоит в том, что в экзотической стране возможны такие встречи и события, которые не могли бы произойти в обжитых, цивилизованных странах» [10, с. 157]; 2) авантюры сочетаются с «развернутыми и систематическими (подчиненными единой задаче) географическими описаниями» [10, с. 158]; 3) в описаниях мы ощущаем правдоподобие, «которое помогает читателю “войти” в изображенный мир» [10, с. 159].

Мы видим, что характеристика инварианта построена на основе представления о жанре как «трехмерном конструктивном целом» [1, с. 307], т. е. учитывающем художественное *целое* произведения и включающем, во-первых, изображенный мир, во-вторых, субъектно-речевую структуру, и, в-третьих, границу между миром автора и читателя и миром героя.

На основе этой модели Н.Д. Тмарченко выделяет четыре варианта географического романа приключений. Первый он называет «Открытие неизвестного мира»; второй – «Поиски клада или пропавшего человека», третий – «Строительство дома в “чужой” стране» (то, что традиционно именуется робинзонадой) и, наконец, четвертый – «Европейцы и туземцы в экзотической стране» (или «колониальный» роман).

Типология представляется убедительной и продуктивной для дальнейшей работы. С ее помощью можно провести также разграничение между фантастическими и нефантастическими разновидностями жанра, что мы и попытаемся сделать.

Главное различие кроется, как представляется, в событии испытания – необходимом элементе любой авантюрной литературы, в том числе и авантюрно-философской фантастики XX века.

Что и как испытывается в географическом романе приключений?

И в фантастическом, и в нефантастическом варианте в центре изображения – эксперимент, опыт над человеческой природой. Анализируя роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», А.А. Елистратова пишет: «Познание законов и возможностей “человеческой природы” – первое, к чему они (авторы – Е. К.) стремятся. Все их романы в широком смысле слова представляют собой грандиозный, затянувшийся на три четверти столетия эксперимент над “человеческой природой”, производимый в различных условиях, но ставящий себе одну и ту же задачу. <...> Английские просветители <...> стремятся уяснить себе и своим читателям меру душевных и нравственных сил, ума, находчивости и нравственной стойкости своих героев и героинь» [4, с. 11].

Нравственные качества, знания и практические навыки героев этих романов позволяют выжить, исследовать неизвестный мир и даже обустроить его, сделать пригодным для жизни.

Совсем иное дело в фантастическом географическом романе приключений, хотя «ум и находчивость» испытываются и здесь. Но главное испытание все же в другом.

Во-первых, нужно отметить, что здесь существенно изменены условия эксперимента. Если в нефантастическом варианте герой оказывается в обстановке знакомого ему мира (даже если он населен динозаврами), то в фантастике мир, окружающий героя, абсолютно ему неведом и – более того – не всегда рационально постижим. Так, персонажи романа «День триффидов» пронизательно отмечают: «Это нечто такое, с чем никогда не приходилось бороться ни одной растущей цивилизации» [6, с. 214].

Таким образом, проверяются вовсе не знания героя, не его практические навыки *земной* жизни, а что-то другое. Зачастую те персонажи, которые ведут себя в соответствии с привычными нормами, не выдерживают даже элементарного испытания и погибают. В «Туннеле в небо» Каупер говорит: «Мы богаты знаниями» [12, с. 344], однако они не спасают его от смерти, а лагерь не защищают от нападения. А Уильям Мэйсен в «Дне триффидов» резюмирует: «Мне никогда раньше не приходило в голову, что преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги» [6, с. 106].

Кроме того, в минуту решающего выбора главный герой фантастической разновидности географического авантюрного романа поступает, на первый взгляд, парадоксально, вопреки стратегии

выживания. Род Уокер из романа Р. Хайнлайна «Туннель в небе», который сначала борется за переселение людей в более безопасное место и даже находит такое, а когда происходит нападение на лагерь и многие из поселенцев гибнут, он вдруг решает во что бы то ни стало сохранить поселение на прежнем месте, объясняя свой поступок так: «...ни одна хищная и зубастая, но безмозглая тварь не сгонит нас с этой земли» [12, с. 417].

Характерно, что в таких случаях герои проецируют себя на общность людей: «Мы – люди. И людям не к лицу отступать – по крайней мере, переда такими тварями» [12, с. 417] или: «Никогда раньше Дику не приходило в голову, что можно убить человека. Людей на свете мало. Люди помогают друг другу. Без этого люди погибнут <...>» [3, с. 748]. Такие размышления о человечестве и его специфических признаках и нормах в ряде произведений превращаются в настоящий философский диалог или монолог: «Лишить стадное животное общества ему подобных означает изувечить его, изнасиловать его природу. Заключение и изгнание знают, что где-то существуют другие люди; само существование их делает возможным заключение и изгнание. Но когда стада больше нет, бытие стадного животного кончается. Оно больше не частица целого; уродец без места в жизни. Если оно не может удержать разум, оно пропало, пропало окончательно и бесповоротно, самым чудовищным образом, оно становится лишь судорогой в мышцах трупа» [6, с. 186].

Таким образом, мы видим, что испытание выявляет не какие-то индивидуальные особенности персонажа или его характер, а те черты, которые позволяют людям сохранять себя в этом качестве, т. е. некое свойство, характеризующее человечество в целом (разумеется, каждый автор по-своему видит и определяет это свойство, что видно из приведенных выше фрагментов различных романов).

Но рядом с испытанием героя как представителя всего человечества испытываются и идеи социального устройства, человеческого общежития – то, чего не найдешь в нефантастическом варианте географического романа приключений. Это испытание проявляет себя как в форме диалогов (идеологической дискуссии), так и в сюжете. В «Дне триффидов», например, последовательно проверяются идея о том, что выживают сильнейшие; религиозные убеждения («благопристойная община в христианских правилах» [6, с. 155]), криминальные принципы и пр. В «Туннеле в небо» весьма сатирически (хоть и с трагическим оттенком) испытывается современная автору романа теория государственного управления: «Важнейшее изобретение человечества – это государственное управление», – говорит Каупер [12, с. 344]), но применение этого изобретения оказывается для него роковым.

Отсюда и такое специфическое для фантастической разновидности географического романа явление, как наличие особых композиционно-речевых форм – философских (идеологических) дискуссий, а также ритуалов общественных собраний, выполняющих ту же функцию.

Фантастический вариант включает также традиционные речевые фрагменты – географические описания, служащие не столько для описания мира путешественников, как в нефантастическом варианте, сколько создающие образ иного (чаще инопланетного) мира.

Наряду с общими для всех географических романов темами и мотивами – строительство дома и его защита, именование частей пространства, добывание пищи и т. д., появляется и ряд других – создание общественной системы, рождение детей, сохранение культуры (в первую очередь – образования).

Это очень важные отличия фантастического варианта от нефантастического. Речь идет о новой жизни, когда нужно создать *другое общество*; не воспроизвести цивилизацию, как, например, в «Робинзоне Крузо», а *создать* человеческий социум заново: «...нам представилась уникальная возможность – возможность, которой не было ни у кого за всю историю человечества. <...> Нашей целью должно быть создание нового общества <...>» [12, с. 346]; «Мы не просто начинаем заново строить: мы должны начать заново думать» [6, с. 111], – говорят герои этих романов.

Как правило, все человеческие коллективы в фантастическом географическом романе оказываются многонациональными. Чаще это не оговаривается особо, но явственно ощущается, например, в именах персонажей (ср. в «Поселке» К. Булычева: Олег, Ричард, Лиз, Кристина, Сергей, Луиза, Фумико и т. д.). В «Робинзонах космоса» хоть и описывается конфликт, носящий национальную окраску, однако говорится и о создании разнонациональных семей. Все это объясняется глобальностью изображенного, тем, что человечество в фантастическом варианте географического романа воспринимается как единое целое, где национальные различия не являются существенными для его характеристики.

Нужно сказать и об особой позиции читателя фантастического географического романа, ее амбивалентности: одновременно с «неверием» в происходящее и отношение к нему как к фантастическому событию, читатель все же разделяет внутреннюю точку зрения героя, для которого мир, его окружающий, безусловно, реален и возможен.

Кроме перечисленных, есть, разумеется, и другие различия между фантастическими и нефантастическими разновидностями географического романа приключений – это и многочисленные отсылки в фантастических текстах к романам «основам» («Таинственному острову», «Робинзону

Крузо»), и событие контакта с неземными цивилизациями, размыкающее художественное пространство и время, и специфика основной нарративной формы (рукопись, дневник, письмо и т. п.).

Таким образом, используя систему критериев, основанную на представлении о жанре как о «трехмерном конструктивном целом», мы можем охватить вниманием все структурные элементы произведений и, сопоставив их, построить типологию географического романа приключений. Это, в свою очередь, позволит отчетливее понять не только жанровый смысл, но и специфику авантюрно-философской фантастики XX века, рассказывающей о глобальных явлениях, обо всем человечестве в целом и о путях его дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Булычев К. Поселок: повести. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.
4. Елистратова А.А. Английский роман эпохи Просвещения. – М.: Наука, 1966. – 476 с.
5. Лаборатория фантастики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.ly/29IYpVj> (дата обращения: 01.07.2016).
6. Миры Джона Уиндема. Т. 1. – Рига: Полярис, 1995. – 431 с.
7. Михайловский Б. Фантастика // Литературная энциклопедия: в 11 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.ly/29iG0Dz> (дата обращения: 01.07.2016).
8. Невский Б. Там, за горизонтом...: фантастика «затерянных миров» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.ly/29AnWo8> (дата обращения: 01.07.2016).
9. Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. – М.: Высшая школа, 2007. – 535 с. – (Классика литературной науки).
10. Тамарченко Н.Д., Стрельцова Л.Е. Путешествие в «чужую» страну. Литература путешествий и приключений: учеб. пособие по литературе для 5 кл. школ гуманитарного типа. – 2-е изд., перераб. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 239 с.
11. Толл Д. Подводные лодки и глубоководные аппараты: иллюстрированная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2004. – 256 с.
12. Хайнлайн Р. Туннель в небе: романы. – Новосибирск: СО «ДЛ», 1997. – 464 с.
13. Bleiler Everett Franklin, Bleiler Richard. Science-fiction, the Early Years: A Full Description of More Than 3,000 Science-fiction Stories from Earliest

Times to the Appearance of the Genre Magazines in 1930: with Author, Title, and Motif Indexes. – Kent, Ohio: Kent State University Press, 1990. – 998 p.

14. *Reginald R., Mervill D., Burgess Mary A.* Science Fiction and Fantasy Literature. In 2 t. T. 1. – Rockville, Maryland: Wildside Press LLC, 2010. – 800 p.

15. *Schweitzer D.* The Lost World by Arthur Conan Doyle (1912) // The Greenwood Encyclopedia of Science Fiction and Fantasy: Themes, Works, and Wonders. In 3 vol. Vol. 3. – Westport, Connecticut, London: Greenwood, 2005. – P. 1158–1159.

УДК 821.161.1.09"18"

Белякова Елена Николаевна

кандидат филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

helenbel31@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА

Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В РАЗБОРАХ О. МИЛЛЕРА

(к вопросу о становлении научного метода в отечественном литературоведении)

В статье освещается проблема интерпретации художественного текста в работах российского учёного О.Ф. Миллера. К литературно-критическим разборам Миллера до сих пор принято относиться с некоторым снисхождением, обусловленным, главным образом, исторической памятью российского читателя, воспринимающего литературную деятельность первого биографа Достоевского через призму иронично-негодующей оценки, данной Миллеру Н. Добролюбовым. Между тем, именно Миллер в цикле публичных лекций, прочитанных им в 1874 г. и получивших широкую популярность (лекции выдержали 5 изданий), представил первое системное обозрение новейшей русской литературы. Творчество Достоевского, ещё не написавшего к тому времени «Подростка» и «Братьев Карамазовых», занимало в этом обзоре важное место, а роману «Идиот» была дана развёрнутая оценка. Спустя десятилетие Миллер опубликовал монографию «Русские писатели после Гоголя», где общая трактовка «Идиота» претерпела существенные изменения. В статье предпринята попытка осмыслить характер этих изменений и отследить особенности формирования интерпретационных подходов к оценке художественного текста на примере романа «Идиот».

Ключевые слова: интерпретация, рецепция, литературная критика, научный подход, художественный текст, герой, образ, литературный тип, тема, сюжетная линия.

Научная гуманитарная мысль в XIX в. лишь начинает своё формирование и крайне зависима от общественных настроений, что сближает её с журнальной критикой. А.Н. Пыпин писал об этой проблеме: «До тридцатых годов русская наука, исключая только разработку русской истории, почти не существовала. <...> Поэтому, историку почти не приходится до сороковых годов упоминать о каком-либо взаимодействии нашей науки и поэтической литературы» [8, с. 588]. И, тем не менее, стремление опереться на определённую систему принципов и подходов, формируемых тем или иным научным направлением, заметно отличает научные публикации 1870–90-х гг. от критики газетно-журнального толка, сориентированной на потребности времени и сиюминутные запросы читателей. Потому, обращаясь к проблеме трактовки романа Достоевского в работах российских учёных, следует обозначить принципиальное отличие журнально-публицистической критики художественного произведения от научно-ориентированного литературно-критического анализа этого произведения. По ряду признаков эти виды разбора трудно различимы. И в литературно-критической статье, и в научном обзоре допустимо и неизбежно представление спектра интерпретаций произведения в целом и его отдельных составляющих. В обоих случаях авторы разборов встают перед необходимостью в той

или иной мере ответить на вопрос о роли и месте этого произведения в современном пространстве словесности. И единственное, что действительно определяет отличие этих видов деятельности, – конечная задача, решаемая журнальным критиком и учёным-исследователем. Публицистический анализ литературного текста предполагает выражение читательской реакции на этот текст, чёткое обозначение зоны восприятия и понимания информации, заложенной в тексте. Обозначая функциональную направленность деятельности литературного критика, В.Н. Перетц писал: «Явления жизни и литературы приемлемы для него постольку, поскольку отвечают тому или иному общественному идеалу и поскольку помогают его осуществлению. <...> При этом публицист оценивает литературное произведение независимо от его художественного и исторического значения...» [7, с. 34].

Научно-исследовательский подход к разбору художественного текста решает задачу иного характера. Посредством такого анализа устанавливается роль и место литературного произведения в общей системе словесности. Подобная работа предполагает концентрацию внимания исследователя на значимых компонентах текста вне зависимости от характера восприятия их той или иной читающей аудиторией или уровнем сиюминутной востребованности произведения. На первый взгляд, такой подход предполагает большую степень объектив-

ности. Однако исследователь, как и журнальный критик, ограничен не только социально-психологическими рамками допустимой рецепции художественного текста, но и возможностями существующего методологического инструментария.

Вряд ли будет ошибкой, если мы признаем, что первая попытка осмыслить роман «Идиот» в рамках развивающейся системы отечественной словесности принадлежит О.Ф. Миллеру. Именно Миллер в цикле публичных лекций, прочитанных им в 1874 г., представил первое системное обозрение новейшей русской литературы «после Гоголя». Однако нужно заметить, что основу книги составил материал ранее опубликованных литературно-критических статей, написанных в духе журнальной критики и не претендовавших на строгую научность. Так, обратившись к оценке произведения, исследователь ограничился интерпретацией одной из сюжетных линий романа; выбрал для анализа эпизод, отвечающий его пониманию значимости художественного высказывания; наконец, позволил себе проигнорировать те стороны произведения, которые не укладывались в его трактовку авторского замысла. Тем не менее, анализ романа, предпринятый Миллером в этой работе, стал своеобразной отправной точкой как для всех последующих исследователей, так и для него самого, когда по истечении некоторого времени, уже после смерти Достоевского, он опубликует монографию «Русские писатели после Гоголя», где общая трактовка «Идиота» будет представлена с существенными изменениями.

В ранних своих публикациях для интерпретации сюжетного поля романа Миллер выбрал линию отношений кн. Мышкина и Настасьи Филипповны. Образ князя видится ему авторской разработкой фольклорного Иванушки-дурачка, «не выносящим зрелища постороннего горя, постоянно забывающим себя для других» [3, с. 245–246]. При некоторой одноплановости подобной трактовки особое значение приобретает тот факт, что автор статьи воспринял «Идиота» как роман, выросший исключительно на русской почве. Потому вопрос о чужеродности или инородности (тем более о инобытии) князя отпадал сам собой. Любовное чувство князя к Настасье Филипповне понимается Миллером как чувство исключительно жалостливое. Сама героиня подобна «той же, (только с роскошной обстановкой), Сонечке», а одержимость Мышкина роковой красавицей напоминает «любовь Раскольникова к больной дочери своей квартирной хозяйки» [3, с. 246]. Миллер убежден, что Настасья Филипповна, стремясь к близости с князем, одержима мыслью, что «она его этим губит, а под влиянием этой мысли бегство из-под венца! Вот основная тема этого романа, и если бы одним развитием её и ограничился автор, он дал бы нам произведение, прекраснейшим образом допол-

няющее прекрасный ряд его прежних произведений» [3, с. 246–247]. Последнее замечание весьма показательное, поскольку не только раскрывает специфику общей интерпретации романа в работе Миллера, но и обозначает пределы допустимого вмешательства аналитика в творческое пространство писателя. Ограничив тематическое поле романа перипетией отношений двух героев, отвечающих стереотипным представлениям об образе «бедных людей», исследователь оставляет за собой право проигнорировать ту часть произведения, которая не вписывается в эту тематику. Некоторым основанием для подобной вольности является для Миллера констатируемая им слабая художественная организация «Идиота»: «он страшно растянут, местами однообразен и скучен» [3, с. 245].

Подобно журнальным критикам, не увидевшим в образе Мышкина иного содержания, кроме как воплощения идеи милосердия к падшим и обездоленным, Миллер ограничился узкосоциальным подходом к произведению, лишь едва обозначив проблему генезиса образно-мотивационной сферы романа. Наибольший вес Миллер придает тому эпизоду романа, который максимально отвечает социально-гуманистической тенденции в литературе – истории бедной Мари, сожалея, что «этот прекрасный эпизод вставлен Достоевским в роман, в котором слишком много сторон, не соответствующих особенностям его таланта и мешающих впечатлению, производимому основной личностью» [3, с. 248].

Социально-идеологический подход, доминирующий в литературе 1860–70-х гг., сформировал жесткую систему этических оценок произведений отечественной словесности, а ставший стереотипным взгляд на Достоевского как на защитника «униженных и оскорбленных», хорошо сопрягаясь с устанавливающимся каноном социального гуманизма, определял четко очерченные границы ожиданий и требований к новым творениям писателя. Нужно признать, что органично впитывающий веяния времени Миллер, обладающий, по определению Б.Б. Глинского, «поэтическим инстинктом», «который так заметен во всей его общественной, литературной и научной деятельности, носящей на себе явный отпечаток не холодного анализа, а обобщающего синтеза» [2, с. 342], неосознанно выразил в своей оценке романа «Идиот» не столько индивидуально-личностное его понимание, сколько общий взгляд российской интеллигенции того времени на произведение Достоевского.

Спустя более чем десятилетие, в монографии «Русские писатели после Гоголя», исследователь существенно изменяет трактовку романа. Согласно новому взгляду Миллера, «Идиот» является «едва ли не самым глубокомысленным» романом из всех произведений Достоевского, в которых «сильно развит психологический элемент» [4, с. 177].

Заметно расширяется в новом разборе семантическое поле образа главного героя, который рассматривается теперь не столько в социальном, сколько в общекультурном контексте. В новой интерпретации образа князя явственно звучит христианский мотив. Согласно замечанию Миллера, он глубоко воспринял замысел автора романа, познакомившись с письмами Достоевского к С. Ивановой, опубликованные в 1885 г. [4, с. 177].

Очевидно, что отношение к тексту произведения в более поздней работе становится более вдумчивым и деликатным. Приведём пример, демонстрирующий процесс формирования одного из аспектов интерпретационного поля образа князя. Развивая мысль о том, что в Мышкине «доведено до сильнейшей степени всё то, что всегда было особенно дорого Достоевскому» [4, с. 178], но противоречило этикетному нормативу, Миллер обращается к широкой палитре ситуаций, обнаруживающих это противоречие и утверждающих в читателе идею о нравственном превосходстве князя над всеми лицами романа. Здесь интерес представляет ход мыслей исследователя, одновременно отслеживающего предполагаемую читательскую реакцию и реконструирующего логику автора романа. Теперь совершенно иначе, нежели в публичных лекциях, выстроена схема отношений писатель – критик, и существенно ограничено поле допустимой деятельности критика. Это проявляется, в том числе, в лингвистических конструкциях, описывающих предположительные намерения писателя и возможные реакции читателя.

Действия автора романа представлены как реально совершаемые и единственно возможные: в характере героя им «доведено до сильнейшей степени всё то, что всегда было особенно дорого» [4, с. 178], в тексте произведения он непосредственно «говорит» с читателями, а когда те отклоняются от идеи произведения, «автор неожиданно поражает их» [4, с. 179] новым поворотом событий. Реакция потенциального читателя, напротив, описывается как отчасти допустимая и неоднозначная, носящая случайный характер, и сопровождается рядом уточняющих оговорок: «и как же, в самом деле, так называемому свету, не признать идиотом князя» [4, с. 178]. «“Это ли не идиотизм!” – готовы, конечно, сказать различные политики-консерваторы» [4, с. 179], «идиотом, конечно, с общепринятой точки зрения, выказывает он себя», «по крайней мере сконфузился, готовы уже заключить читатели» [4, с. 179] и т.д. Все возможные реакции на текст, отслеживаемые Миллером, возникают как результат предполагаемого поверхностного прочтения романа или стереотипного понимания действительности, и ещё в большей степени обнаруживают глубину авторского высказывания, не допускающего сомнения в его объективной значимости.

Отказавшись от оценки роли и места романа в современной жизни общества, Миллер отказы-

вается и от ранее принятой на себя роли советчика и соучастника творческого процесса. Творение художника становится объектом изучения, исключая возможность непосредственного диалога с автором и не допускающего включение исследователя в творческий процесс. Если говорить о содержательной стороне новой интерпретации «Идиота», то помимо расширения семантического поля главного героя, заметно усложнилось толкование тематики романа. Исследователь отказывается от социального подхода к оценке произведения, побудившего его ранее выразить сожаление, что «рассказ князя Мышкина о презираемой всеми за свой полуневольный грех Мари <...>, вставлен Достоевским в роман, в котором слишком много сторон, не соответствующих особенностям его таланта» [3, с. 247]. Комментарий к этому фрагменту и даже само упоминание о «прекрасном эпизоде», занимающем заметное место в тексте публичных лекций, Миллер не включил в материал монографии.

Кроме того, в монографическом исследовании Миллер не ограничивается разбором одной сюжетной линии Мышкин – Настасья Филипповна, как это было ранее, а более полно использует текстовый материал. Само по себе понимание образа главной героини не претерпело серьёзных изменений, но оказалось вписано в более сложный аналитический контекст. В цикле публичных лекций Миллер акцентировал внимание на двойственной природе самоощущения Настасьи Филипповны и характере её отношения к князю, резюмируя сказанное сожалением, что автор не ограничился в произведении темой жертвенной любви. В новом разборе этот категоричный вывод отсутствует, а характеристика главной героини становится своеобразным подступом к философскому осмыслению трагического финала романа, обусловленного, по мысли исследователя, не только бесконечными метаниями роковой красавицы, но и сопряжением с ней в едином временном пространстве таких характеров как Рогожин и Мышкин. Сюжетным основанием трагического исхода Миллер считает бегство героини из-под венца к Рогожину, «которое, при характере Рогожина, не может не повлечь за собою трагической развязки» [4, с. 182].

Наряду с философским осмыслением финала произведения в разборе представлена философская разработка характера князя в соответствии с ролевыми функциями, которые его образ выполняет в романе. По мысли Миллера, главный герой оказался не только исключительной фигурой в мире обывателей, весьма развёрнуто представленном в произведении, но и живым воплощением пронизательной душевности, столь присущей самому Достоевскому, который «наделил “идиота” своим собственным качеством – тою прозорливостью сердцевода, тайна которой в гуманной, в симпатической или всеочувственной душе его» [4, с. 180].

Неразрывная близость автора и героя становится для исследователя ещё более очевидной при осмыслении им темы любви, получившей в романе самое широкое освещение. Любовь князя к Настасье Филипповне по-прежнему толкуется Миллером как любовь жертвенная, но толкование это перестаёт быть голословным, поскольку подкрепляется текстом произведения с сопутствующими комментариями исследователя. Однако теперь, в новой трактовке, полной противоположностью жертвенной любви князя, чьё сердце «слишком широкое – а такое расширение сердца грозит преждевременным его разрывом» [4, с. 182], Миллер считает эгоистическую любовь других героев романа и, главным образом, горделиво-требовательную любовь к князю Аглаи и самой Настасье Филипповны: «Ведь те, которые любят его душой и поклоняются ей, они вовсе её не щадят, они забывают, что душа эта заключена в скудельном сосуде. Обе эти женщины любят его по-своему, для себя – каждая для себя одной, стараясь вполне его оттянуть к себе, – и не видят, не чувствуют, что они его нравственно разрывают.<...> Если она (Аглая – Е. Б.) говорит: “я не хочу по балам ездить, я хочу пользу приносить... я не хочу быть генеральской дочкой”, то ведь в этом гораздо более самолюбивого оригинальничанья, чем настоящего, беспримесного хотения приносить пользу. Такое хотение возможно ведь только при той Христианской любви, которая несовместима ни с какой гордостью. Об этой-то настоящей любви и говорит постоянно “идиот”, выражающийся о себе с неллицимерным смирением <...>. Что, если устами “Идиота” говорит тут сам Достоевский, которому так часто приходилось убеждаться, как плохо его понимают и как ужасно его перетолковывают?» [4, с. 182–183]. Очевидно, что в образе главного героя исследователь прочитывает теперь сокровенный авторский идеал, недопонятый и неверно истолкованный современниками.

Между тем, идеологическое воздействие Достоевского на современников, и особенно, на молодое поколение 1860–70-х гг., было велико, – замечает Миллер. Та же черта личности культивирована и в характере Мышкина, невольно притягивающего к себе «идействующих» и совершенно «сбившихся с дороги» молодых людей: «В “Идите” ведь сказывается, наконец, и то особого рода влияние, какое всё более и более оказывал Достоевский на молодёжь, на тот возраст, как выражается кн. Мышкин, “в котором всего легче и беззащитнее можно подпасть под извращение идей”» [4, с. 184].

Если ранее исследователь упрекал Достоевского, что «с новой, усвоенной им от других, точки зрения» писатель начал смотреть на запутавшихся в нравственных вопросах юнцов, «как на бесноватых и сумасшедших» [3, с. 245], то теперь утверждает обратное: в образе Мышкина и в чудесном

воздействии его на неокрепшие души «прямо сказывается сам Достоевский, этот, глубоко вдумывающийся своим любящим сердцем во всевозможных больных, душевный врач, этот в последние свои годы по преимуществу врач молодого поколения» [4, с. 185–186].

В контексте этого прочтения изменяется и трактовка образа Ипполита Терентьева, понимаемого ранее как образ «чахоточного юноши», который «окончательно болен не только физически, но и нравственно» [3, с. 248]. Показательны детали, определяющие личность Ипполита в новой интерпретации романа. Если в разборе «Публичных лекций» «повесть, которую написал он на прощанье с людьми», характеризуется как «дикая смесь», «непонятное смешение человеколюбивых и религиозных чувств с мнением, что человек должен думать только о себе» [3, с. 248], то в материалах монографии та же повесть получает более мягкую и даже сочувственную оценку: «эта чудная исповедь», «не сразу понятное смешение человеколюбивых и религиозных чувств с мнением, что человек должен думать только о себе» [4, с. 184].

Отношения Ипполита с главным героем трактуются исследователем в исключительно позитивном ключе с некоторым оттенком умиления: «И этот же самый юноша, в пылу увлечения тем, как тепло отнёсся к нему кн. Мышкин, сделал на самом деле то, чего чуть было не сделал пристыжённый Ганя: Ипполит два раза поцеловал у князя руку, а “идиот” объяснил это присутствующим тем, что “ему-де хотелось... всех вас благословить и от всех благословение получить, – вот и всё”» [4, с. 185]. Таким образом, толкование «Идиота» в монографии «Русские писатели после Гоголя» получило новую акцентуацию: произведение стало пониматься как выражение христианского идеала Достоевского и прочитываться как элемент его духовного завещания.

Можно заметить, что, переосмыслив содержание романа, «кроткий и тишайший Орест Миллер» [6, с. 122] оказался в плену воспринятой им авторской идеи. Он не только нашёл черты «положительно прекрасного человека» в образе главного героя, но и усмотрел максимально распространённое влияние этого героя на все стороны представленной в произведении действительности. При этом исследователь бессознательно проигнорировал ту часть художественного текста, которая сопротивляется однозначному прочтению романа и даёт почву для сомнений в возможности однозначно положительной трактовки образа кн. Мышкина. Подобный подход к прочтению текста обусловлен и эмоциональной восприимчивостью исследователя, и ресурсами самой науки о литературе, которая к тому времени наиболее свободно оперировала публицистическим методом анализа художественного произведения, развив-

шимся в поле журнальной критики. Публицистический характер исследования Миллера проявился, в частности, в новом взгляде на писателя как на выразителя абсолютной истины, что вполне отвечало духу времени, поскольку «увлечение Достоевским достигло своего апогея в 80-х годах» [5, с. 289], – замечал Д.Н. Овсянко-Куликовский. Давая оценку литературной деятельности Миллера, С.А. Венгеров отмечал зависимость публициста от различных, душевно воспринятых им, идеологических тенденций: «Критическим талантом Миллер не обладал; он писал вяло и бледно, у него не было самостоятельной точки зрения на разбираемых писателей, и в каждом этюде он подчинялся одному какому-нибудь властному авторитету» [1, с. 228]. Однако нельзя отрицать, что работу свою исследователь стремился выполнить максимально честно. Миллер не пренебрег ни одним из средств изучения литературного текста, включив в своё толкование романа мифопоэтические, биографические и социально-типологические аспекты разбора. И в вину ему можно поставить лишь то, что принято называть свойствами натуры. Он был слишком отзывчив на веяния времени и слишком не критичен к идеям, отвечающим его душевному настрою.

Библиографический список

1. Венгеров С.А. Миллер Орест Фёдорович // Венгеров С.А. Биографии. Публицистика. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 393 с.
2. Глинский Б.Б. Орест Фёдорович Миллер // Исторический вестник. – 1889. – Т. 37. – № 8. – С. 340–364.
3. Миллер О. Ф. Публичные лекции. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. – 404 с.
4. Миллер О.Ф. Русские писатели после Гоголя: в 2 т. Т. 1. – 3-е изд. – СПб.: Издание Н.П. Карбасникова, 1886. – 446 с.
5. Овсянко-Куликовский Д.Н. Идеиное наследие Достоевского // История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в. (от 50-х до 80-х годов). Ч. 2. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1907. – С. 289–317.
6. Оболенский Л.Е. Русская мысльбоязнь и критика Толстого // Русское богатство. – 1886. – № 8. – С. 117–168.
7. Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. – Петроград: Academia, 1922. – 162 с.
8. Пытин А.С. История русской литературы: в 4 т. Т. IV. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 647 с.

ВЫРАЖЕНИЕ ГЛУБИННЫХ СУЩНОСТЕЙ МИРА ЧЕРЕЗ ОБРАЗЫ ЗВУЧАНИЯ В ЛИРИКЕ К.Д. БАЛЬМОНТА

В статье рассматривается проблема выражения глубинных сущностей мира через образы звучания в лирике К.Д. Бальмонта. Звук, звучание активно используется в лирике К.Д. Бальмонта для создания образа многослойного мира в его едином облике, где звуковое начало – связующая нить или ткань, позволяющая обнаружить связи в многоаспектном бытии.

В статье анализируются ключевые для лирики Бальмонта образы тишины, леса, воды. Значение неуловимости, неясности звука может опираться на окружение звукового слова в контексте. Эта лексика, как и лексика безмолвия, связаны с выражением запредельного – инфернального – значения звука. Звуковая лексика приобретает многочисленные приращения смысла и становится многофункциональной именно благодаря сложному взаимодействию не только с контекстом отдельного стихотворения, но и лирики в целом.

Ключевые слова: поэт, звук, звуковой, беззвучие, мир, молчание, безмолвие, тишина, образ, лексика.

В литературоведении всегда была, есть и останется актуальной проблема изучения не сказанного словом – т.е. проблема изучения смыслов, выраженных не понятием, а иными средствами поэтического языка.

Символизм – апологет таинственности и недосказанности – создаёт массу художественных приёмов, где символическое значение обретают не только предметы и понятия, но и звуки. Поэзия символизма максимально приближена к музыкальному воплощению мысли. Но «игра звуков» или «игра звуками» – один из постоянных признаков символистской поэтики – по-прежнему не изучена в полном объёме: если звукопись, т.е. звучание букв и слов и символическое значение звучания являются одним из главных предметов в исследованиях поэтики символизма, то лексические единицы, обозначающие звук (т.е. слова со значением звуков или значением отсутствия звуков), слова, порождающие у читателя образы звука, слова, создающие в сознании музыкальную (или звуковую) атмосферу произведения, которая, возможно, есть один из главных, один из самых мощных символов, – аспект, который в большинстве доступных нам литературоведческих источников представлен как наличествующий и играющий важную роль в поэзии символистов, но не достаточно полно изученный в такой плоскости, как функциональная.

Значимость звука в стихотворном ритме и построении гармонии стиха в целом оказывается для поэта начала XX века определяющей. Она ярко прослеживается в звукописи ОБЭРИУтов и имажинистов, многих поэтов советского периода, например, Р.И. Рождественского, и в современной поэзии, например, у Бахыта Кенжеева. Поэтому тема звука и звукописи сама по себе остается достойной внимания и для поэта XXI века.

В настоящей работе на примере творчества Бальмонта рассматривается звуковая лексика, предпринимается попытка изучить и перечислить её многочисленные поэтические функции.

Звук, звучание активно используется для создания образа многослойного мира в его едином облике, где звуковое начало – связующая нить или ткань, позволяющая обнаружить связи в многоаспектном бытии. К.Д. Бальмонт сразу определил роль поэта: поэт – это тот, кто владеет «звуком», и, следовательно, он может выступать связующим звеном между жизнью земной и Космосом. Поэт воспринимает звуки Космоса, улавливает невыразимое:

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

(«Я мечтою ловил уходящие тени...») [4, с. 30–31].

Звуки не простые, а «какие-то» – семантика неопределенности, зыбкости направлена на усиление символического характера текста.

В стихотворении «Воскресший» Бальмонт тоже использует слово «звук», но здесь уже другой образ:

И сквозь столичный шум и гул,
Сквозь этот грохот безучастный
Ко мне донесся звук неясный:
Знакомый дух ко мне прильнул
И смутный шепот, замирая,
Вздыхал чуть слышно надо мной,
И был тот шепот – звук родной
Давно утраченного рая [4, с. 71].

«Звук неясный», «смутный шепот», а затем «вздыхал чуть слышно надо мной» – это «звук родной», – здесь выражена причастность поэта не только к земному миру. Показательно противопоставление этим неясным, но гармоничным музыкальным звукам столичного «шума и гула»; «грохот безучастный» (равнодушный) – эти негармоничные звуки определяют мир чужой, непривлекательный. Развитие этой темы мы находим и в стихотворении «Я когда-то был сыном Земли». Автор размышляет о смерти и бессмертии, и вновь поэт выступает как связующее звено между жизнью земной и Космосом, в котором и существует бессмертие. Используемая звуковая лексика («таинственный зов», «немые голоса») наделена семей мимолетности, таинственности, зыбкости и немо-

ты, как несказанности, непереводаемости смысла на земной язык.

Само по себе явление тишины двойственно в восприятии символистов: с одной стороны, это состояние, противоположное звучанию (беззвучие), а с другой – это средоточие особо значимого содержания – невыразимого, которое только молчанием и можно обозначить. В лирике Бальмонта отражаются оба семантических аспекта. Как правило, автор использует лексико-семантический ряд со значением «отсутствие звучания»: «тишина», «тишь» – чаще для общего выражения беззвучия, иногда с оттенком покоя («Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!»); «беззвучие», «беззвучный» – с акцентом на невыраженность в звуке («И беззвучную сказку поют»; «И вдруг ушла, в беззвучии рыдая»). Слова «безглагольный», «безглагольность», «безгласность», «безмолвный» в большей мере призваны обозначать невыразимость переполняющего состояния, глубокого чувства. Наконец, определение «немой», как правило, сопряжено в контексте с выражением чувства горечи, утраты или гибельности, невозвратности: «остовы немые мертвых кораблей», «бесконечность немых голосов».

Активен в рассматриваемом ряду и глагол «молчать», и образованное от него существительное «молчание»; употребляется также глагол «безмолвствовать»; в определенном контексте семантику тишины могут поддерживать и даже выражать слова «покой» и «глушь».

Часто приведенный ряд слов используется, когда поэт рисует картины природы, особенно при описании водной стихии:

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! –
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной.

(Из цикла «Разлученные») [4, с. 310].

Картины безгласной, молчащей воды связываются с душевным состоянием поэта. В контексте это поддерживается выражением чувства печали, причем акцентировано – с определением, повтором и междометием «О».

Аналогично:

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится печальная,
Как последний вздох души.

(«Лебедь») [4, с. 36].

Вода – одна из четырех царственных Стихий, которые выделяет Бальмонт. «Вода – стихия ласки и влюбленности, глубина завлекающая, ее голос – влажный поцелуй... Вода нежнее Огня, оттого что в ней женское начало, нежная влажная всевосприимчивость» [1, с. 262].

Поэтому Бальмонт доверяет воде выражать его чувства – любви, тоски, печали, но при этом лексика со значением безмолвия отражает различные оттенки, зависящие от контекста:

О, блаженство быть сильным, и гордым, и вечно свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

(«Альбатрос») [4, с. 170].

Три последних слова в этом контексте соположены, и характеристики – покой, тишина – взаимосвязаны. Поэтому определение у звукового слова может быть необычным, отражающим качества не звучания, а самого явления, образ которого рисует поэт:

Вот она, неоглядная тишь океана, который зовется Великим!
(«Тишь») [4, с. 758].

Лексикой безмолвия поэт использует не только в описании стихии воды, но и всей природы. Яркой иллюстрацией этому может послужить стихотворение «Безглагольность». На первом плане здесь выступает русская природа, но у стихотворения есть и второй план. Это психологическое состояние автора, причем уже не покой и умиротворение, как в предыдущих контекстах, а обида и даже отсутствие чувства. Об этом говорят и слова, которые окружают лексику безмолвия: «безмолвная боль», «печаль, горе, безгласность», «глубокая тишь», «безглагольность покоя», «прохладная глушь».

Невыразимое, неуловимое, сложное состояние окружающего мира и человеческой души в нем пытается передать Бальмонт всем стихотворением, подчеркивая это заглавием – «Безглагольность». Видимо, с этой же целью он использует сложное окказиональное определение: деревья так «сумрачно-странно безмолвны», в котором усматривается и сема загадочности, непроявленности заключенного, подразумеваемого смысла.

Отчасти подобное содержание прочитывается и в стихотворении «В лесу», но с другими семантическими акцентами:

Я был в лесу. Деревья не дрожали.
Они застыли в ясной тишине.
Как будто в мире не было печали.

Как будто пытку не судили мне... [2, с. 278–279].

Образ молчащего леса – образ символический. Он встречается не в одном стихотворении Бальмонта. В данном стихотворении лес как единый организм, мудрый, величавый, умиротворенный противостоит миру людскому, мелким страстям. Лес как связующее звено между землей и Космосом, в который устремлены его вершины, выступает вечной загадкой мира, непостижимой тайной для человека. Отголоски этой идеи можно увидеть и в других стихотворениях поэта:

Медвяная тишь от луны округлой и желтоогромной
В сосновом лесу разлилась, дремотный безмолвствует бор.
(«Медвяная тишь») [2, с. 387–388].

Есть примеры, когда семантика таинственности, непостижимой загадки, великой тайны подчеркнута в контексте определением, сравнением, другими средствами. Например:

Мне говорила мать моя,
Что в том едином первочасье
Не закричал, родившись, я,
А был в таинственном безгласье.

Мой первый час – не первый крик,
 А первый долгий миг молчанья,
 Как будто слушал я родник,
 Напев нездешнего звучанья.
 И мать сказала: «Он умрет».
 Она заплакала невольно.
 Но жив, живет певучим тот,
 Кто тайну слушал безглагольно.

(«Часы») [4, с. 241].

Бальмонт говорит о необычности рождения поэта, судьба поэта предопределена и необычна с рождения. Поэтому и родился он в «безгласье», и эпитет подобран особый – «в таинственном». В последней строфе эпитет «певучий» связан с семьей творчества. Заканчивает автор эту строфу прямым соотношением тайны и тишины, указывая на то, что поэту дана особая роль в мире, к тайнам которого он причастен с рождения.

Вообще, говоря о своем мире, мире поэта, Бальмонт часто использует лексику безмолвия. Так, в стихотворении «Горькому» противопоставлен «громкий», «яростный» мир Горького – миру Бальмонта: «Светлый мир мой – вышина, Тишь забвенья» [3, с. 333].

О приверженности символистов к словам, «в семантике которых заложена идея неясного, непостижимого, лежащего за пределами обыденности», писал еще Жирмунский [9, с. 384]. Н.А. Кожевникова замечает о таких словах, что они «как бы выводят изображение за пределы предельного» [10, с. 12], поэтому в стихах Бальмонта звуковые слова со значением неопределенности, неуловимости, слабой или нечеткой выраженности составляют особую группу: «шорох», «шелест», «шепот», «лепет», «шуршанье», «шуршать», «шелестеть», «шептать», «лепетать». К ним примыкают определения со значением слабой выраженности признака: «тихий», «неясный», «легкий» и подобные в сочетании со звуковыми словами.

Значение неуловимости, неясности звука может опираться на окружение звукового слова в контексте. Эта лексика, как и лексика безмолвия, связаны с выражением запредельного – инфернального – значения звука.

Так, звуковая лексика приобретает многочисленные приращения смысла и становится многофункциональной именно благодаря сложному взаимодействию не только с контекстом отдельного стихотворения, но и лирики в целом. Создание атмосферы текста, игра с образами и наполнение пространства словами, способными передать процесс рождения звука, его длительность и угасание, приобретает приоритетное значение. К.Д. Бальмонт показывает многогранность мира в его едином облике, где звуковое начало указывает связи в многоаспектном бытии.

Библиографический список

1. Бальмонт К. Из записной книжки // Бальмонт К. Стозвучные песни. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1990. – 336 с.
2. Бальмонт К. Избранное. – М.: Художественная литература, 1980. – 742 с.
3. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / сост. Макогоненко Д.Г. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
4. Бальмонт К. Полное собрание прозы и поэзии в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2011. – 1307 с.
5. Бальмонт К. Поэзия как волшебство // Бальмонт К. Стозвучные песни. – Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1990. – 336 с.
6. Бальмонт К.Д. Где мой дом. – М.: Республика, 1992. – 448 с.
7. Бальмонт К.Д. Солнечная пряжа. – М.: Детская литература, 1989. – 239 с.
8. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
9. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – 405 с.
10. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
11. Сидорова Н.П. К вопросу о семантической характеристике глаголов звучания: Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка / ред. Л.Ю. Максимов. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1976. – 252 с.

Стрельникова Лариса Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
Армавирский лингвистический социальный институт
lorastrelnikova@yandex.ru

ИДЕЯ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» КАК ИГРА С ЦЕННОСТЯМИ ЖИЗНИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

В статье роман Набокова «Машенька» рассматривается с точки зрения модернистской эстетики, важным элементом которой является игра. В модернизме игра стала признаком метапоэтики, автор противопоставляет реалистическому изображению действительности, иронизирует над ней, пародирует важные религиозно-этические ценности с тем, чтобы показать значимость искусства, творческого процесса. С помощью интермедийных приемов (соединение элементов кино и литературы) писатель преобразует действительность в игровое пространство, где его герои присутствуют как актеры-марионетки. Набоков развивает две интертекстуальные линии, составляющие метаструктуру произведения. Первая – это пропушкинская тема, писатель интерпретирует мотивы романа Пушкина «Евгений Онегин» в пародийном направлении, снижая высокий духовно-нравственный пафос произведения. Вторая тема связана с интерпретацией идеи Ницше о «вечном возвращении». Набоков пародирует ницшеанскую идею «вечного возвращения» как ложную, так как считает более важными творческие ассоциации подсознания, именно они обеспечивают игру «означающих» в тексте. С их помощью художник творит собственный художественный мир, отвергая детерминированные законы бытия и устанавливая авторские правила игры в искусство. Как образец метапрозы, роман строится на интертекстуальных соотношениях, складываясь из многочисленных аллюзий и интерпретаций на темы и образы русской литературы.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, вечное возвращение, симулякр, игра в литературе, интертекстуальность, интермедийность, Набоков.

*Не надо проявлять трусости по отношению к своим поступкам!
Не надо вслед за тем бежать от них! – Угрызения совести неприличны.
...Не должны ли мы вечно возвращаться?
Ницше. Так говорил Заратустра*

Роман «Машенька» (1926) стал первым произведением эмигрантского писателя В. Набокова (Сирина), именно под таким именем он будет печататься в европейский период творчества. По словам Б. Бойда, роман послужил «точкой отправления, сулившей писателю большое будущее» [2, с. 290] в стане европейской культуры модернизма и постмодернизма. Это было первое модернистское произведение писателя, обозначившее его отступление от реалистической традиции русской литературы, а присутствующая здесь русская тема как фабула произведения является вторичной по отношению к иррациональной художественной стратегии писателя, считавшего, что «писательство <...> предполагает умение видеть мир прежде всего как кладовую вымысла» [9, с. 24].

Модернистская концепция метаромана выстраивается на основе двух ведущих интертекстуальных направлений, придающих произведению смысловую неустойчивость и условность, что позволяет говорить о моделировании текста как игры с определяемыми автором культурными кодами:

1. Эстетическая интерпретация ницшеанской идеи «вечного возвращения», опровергающая выводы немецкого философа о бесконечной реинкарнации как матрице вечной жизни. Писатель противопоставляет вечному круговороту физического бытия игру с ассоциациями памяти.

2. Ницшеанская модель «вечного возвращения» обусловила пропушкинскую линию, по замечанию В. Старк, «нет ни одного романа у Набокова, в ко-

тором не был бы так или иначе разыгран какой-то мотив из Пушкина» [14, с. 777]. Используя пушкинские мотивы, В. Набоков создает собственную метаинтертекстуальную модель по принципу «чистой игры» как продукт творческого бессознательного, собирающего «на поверхности бестелесные события-эффекты» [3, с. 91]. В. Набоков развивает пропушкинскую тему в пародийном плане, на уровне внешних эффектов и парадоксов, заимствуя отдельные темы и мотивы, он переинтерпретирует и перекодирует пушкинские смыслы, используя, по словам В. Старк, «разного рода ассоциации, параллели, переключки, игры с именами героев, вдруг отзвучивающими давно нам знакомыми по первому поэту эпиграфами из Пушкина, вводящими нас в суть происходящего или в заблуждение, из которого выпутается не всякий читатель» [14, с. 776].

Сам В. Набоков воспринимал свой первый роман как незрелое, раннее произведение, личинку, а не бабочку, не случайно, надписывая обложку этой книги, он рисовал личинку, но уже здесь он начинает игру с «догадливым читателем», оттачивая свое техническое мастерство виртуозного стилиста, наслаивая образы и смыслы, чтобы «соединить изначально несхожие предметы и впечатления» [4, с. 558] и показывая, «что в романе под видимым всякому глазу поверхностным слоем есть и другой, построенный уже «по правилам игры» [13, с. 208].

Нельзя не заметить, что по внешне обозначенной фабуле роман имеет реалистическое оформление, обусловленное «автобиографическим материалом» [8,

с. 451], но в действительности демонстрирует игровую избыточность, иллюзия превосходит жизненную правду. В романе мы видим фрагментарность композиции, смещение планов повествования от реального воспроизведения событий до иллюзорно-сновиденческих ассоциаций главного героя. Интертекстуальные игры в произведении призваны отразить иррационально-мифологический аспект повествования, что обнажает антимиметическую стратегию модернистского искусства.

Игровую специфику произведения В. Набокова отметил в своем исследовании Ю. Левин, сказав, что «реалистические мотивировки, “жизнеподобие”, невмешательство авторской руки – все это не более, чем поверхностный слой романа, на поверку оказывающегося в высшей степени “авторским”, построенным не столько по “законам жизни”, сколько по определенным “правилам игры”» [7, с. 360].

Разыгрывание событий жизни как произведения искусства в данном случае становится всеобъемлющим содержанием произведения, и осуществляется этот принцип на всех уровнях: сюжетном, смысловом, композиционном, языковом и т.д. По характеристике Ж. Делеза, «такая игра предназначена только для мысли и для искусства» [3, с. 90]. В. Набоков стремится именно к такой «идеальной игре», которая «не порождает ничего, кроме произведения искусства» [3, с. 90], но в отличие от постмодернистской обезличенной игры, которая «не может быть сыграна ни человеком, ни Богом» [3, с. 89], в набоковском романе автор является ее создателем, реализуясь в творческом нарциссизме и осуществляя руководство самим процессом разыгрывания представления.

В выстраивании своих иррациональных ассоциаций В. Набоков был близок к философии А. Бергсона, приняв его «отсечение времени от пространства ради того, чтобы подчеркнуть недетерминированность мира» [2, с. 346]. Вслед за А. Бергсоном и М. Прустом В. Набоков «поссорил пространство и время, чтобы противодействовать механическому материализму», иррациональная трактовка искусства как взаимосвязь ассоциаций привела его к мысли «об абсурдном противоречии между возможностью возврата в пространстве и невозможностью возврата во времени» [2, с. 346]. Искусство устраняет здравый смысл, чтобы затеять игру с инстинктами впечатлений и ассоциаций, закрепляясь в вечности как та самая «изошренная имитация» творческого бессознательного, не соотносимая с реальностью.

Главный игровой концепт романа формулирует сам герой произведения, русский эмигрант Ганин, живущий в Берлине в «русском» и «неприятном» пансионе [10, т. 1, с. 37]. Обращаясь к проблеме воспоминаний как ассоциаций, он решает проверить ницшеанскую философскую идею «вечно-возвращения», «бесконечную игру в жизнь»:

«Я читал о “вечном возвращении”... А что если этот сложный пасьянс никогда не выйдет во второй раз? ... Да: неужели все это умрет со мной?», – задает себе этот вопрос Ганин [10, т. 1, с. 59].

Сверхъестественное учение Ф. Ницше входило в новую систему ценностей философа и предназначалось для сильного волевого сверхчеловека, чтобы он мог побеждать слабых, преодолев разрушительное действие реактивных сил, и радоваться, что игра жизни принадлежит вечности природы и будет возобновляться ею вновь и вновь: «...Все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними и что мы уже существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами» [12, с. 192]. Призвание сверхчеловека заключается в вечном возвращении собственной силы и воли к власти, а нравственный императив позволяет ему бесконечно совершать поступки по собственным этическим требованиям, без оглядки на общепринятую мораль, что фактически означало победу земной плоти и воли к власти. Как считал В. Набоков, философская идея Ф. Ницше хотя и утопична, но слишком устремлена к материалистической реализации.

Экзистенциальный страх перед будущим побуждает Ганина разыграть этот «сложный пасьянс», чтобы показать иррациональность и недостижимость фантастической идеи о «вечном двигателе» жизни и одновременно сыграть собственную партию на пути к своему счастью с Машенькой как фантастическую симуляцию, творческий проект собственных иллюзий: «Да, вот это – счастье. Через двенадцать часов мы встретимся» [10, т. 1, с. 59] – и тогда его жизнь сильной личности обретет высший смысл, так как он по ницшеанской формуле, «сам принадлежит к причинам вечного существования» и сможет, как сверхчеловек, повелевать временем и пространством [12, с. 192].

В. Набоков переигрывает концепцию Ф. Ницше, предлагая бергсоновско-прустовскую модель ассоциативной памяти, действующей по законам подсознания, иначе говоря, «инстинктивной памяти», по которой прошедшие события нельзя вернуть, но можно пережить как настоящие в сенсуальных воспоминаниях, «все держится на идеальном слиянии прошлого и настоящего» [11, с. 474]. И это ведет к устранению самого понятия времени, размыванию исторических границ прошлого и настоящего, так как ни один факт времени не может быть зафиксирован определенно, все находится в движении, смене событий-кадров, как в кинематографе, так и Ганину «вся жизнь представлялась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» [10, т. 1, с. 50].

Дальнейшие поступки Ганина показывают, что метафизическая реальность вечного возвращения не совпадает с наличным бытием и может быть включена только в игру воображения, так как в дей-

ствительности жизнь нельзя «переиграть» до бесконечности, человек в этой жизни расплачивается собой и своими ближними за совершенные деяния, а игра в жизнь, устраняя серьезность, обращается в человеческую трагедию: переведа стрелки часов, Ганин лишил Алферова возможности встретить Машеньку, сам же герой, сыграв в прошлое, «до конца исчерпал свое воспоминание, до конца насытился им» [10, т. 1, с. 112]. Ницшеанская идея «вечного возвращения» разрушается, как не сложившийся паcьянс, так как Ганин не соответствует идеалу сверхчеловека, наоборот, он разрушает его вечной повторяемостью низкого, «маленького человека», показав тем самым оборотную, антигуманистическую сторону учения: «Ах, человек вечно возвращается! Маленький человек вечно возвращается! ... Это было отвращение мое к человеку! А вечное возвращение даже самого маленького человека! – Это было неприязню моей ко всякому существованию!... – так говорил Заратустра, вздыхая и дрожа» [12, с. 191]. К числу вечных невозвращенцев в прошлое относится и старый поэт Подтягин, который «всю свою жизнь проглядел, всю Россию», и понимает, что «жизнь и прошла» [10, т. 1, с. 63], закончилась вместе Россией, и теперь он мечется в бесполезном движении в надежде получить паспорт и блага жизни в Париже, «где очень дешево длинные хрустящие булки и красное вино» [10, т. 1, с. 39].

Предопределив постмодернистское направление интертекстуальности, данное Р. Бартом, В. Набоков создает, изобретает свой уникальный метатекст как продукт индивидуального стиля, где «реальное не поддается воссозданию» [1, с. 554], и «другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [1, с. 418]. По замечанию Б. Бойда, В. Набоков «завораживает и занимает случайная гармония момента, причудливый артистизм мимикрии в природе, излучины времени и судьбы, узоры, таящиеся в памяти» [2, с. 18], что выражается в приемах интертекстуальности и интермедиальности, демонстрируя более широкое понятие взаимопроникновения видов искусства, которое М. Лотман назвал полиглотизмом.

Комбинация интертекстуальных отсылок к пушкинской Татьяне является пародийным перепевом и обыгрыванием мотивов и идей произведения великого русского поэта, показателем девальвации духовной направленности культуры, происходит переход от культа души к культу тела, когда Машенька во время прошлого романа с Ганиным в России недвусмысленно предлагает себя: «Я твоя, – сказала она. – Делай со мной, что хочешь» [10, т. 1, с. 86]. Читателя должен ввести в заблуждение эпиграф романа, взятый из «Евгения Онегина» и призванный показать автора как продолжателя традиций русского поэта. Но в действительности

слова из пушкинского романа: «...Вспомня прежние романы, вспомня прежнюю любовь...» [10, т. 1, с. 35] – это, с одной стороны, включение ассоциативной памяти героя, позволяющее вновь пережить любовную страсть, а, с другой, – лишь пародийный перепев темы любви, которая в романе В. Набокова оказывается фальшивым контекстом суррогатных чувств, как и интерпретация любовной переписки Ганина и Машеньки, в которой узнаваемо переигрывается письмо Татьяны Онегину: «Вам конечно странно, что я пишу вам, несмотря на ваше молчанье, – но я не думаю, не хочу думать, что и теперь вы не ответите мне» [10, т. 1, с. 97].

«Продолжением темы суррогатной, «механической» любви служит берлинский роман Ганина с Людмилой. Людмила – пародийная матрица Машеньки, ее уродливо-искривленное зеркальное отражение, показывающее невозможность реализации идеи «вечного возвращения», так как она, подобно Ганину, является частью безжизненного мира теней, марионеткой в мире фальшивого эмигрантского бытия. Людмилу и Машеньку объединяет игра В. Набокова с формами двойничества, где обе героини – искривленное зеркальное отражение друг друга, но они не тождественны в качественном отношении. Людмила для Ганина соотносится с обликом куклы с «пурпурной резиной ее поддающихся губ», «желтыми лохмами», запахом духов, «в котором было что-то неопрятное, несвежее, пожилое», «шелковыми чулками поросычьего цвета», с ее кукольной забывчивой памятью [10, т. 1, с. 41–42]. В Машеньке же сосредоточен идеал Ганина, ее живой внешний облик противоположен кукольной внешности Людмилы: «У нее были прелестные бойкие брови, смугловатое лицо, подернутое тончайшим шелковистым пушком, придающим особенно теплый оттенок щекам...» [10, т. 1, с. 74]. Машенька становится для Ганина символом его возрождения, попыткой воскрешения от мертвенной жизни берлинской эмиграции и возвращения всей прошлой жизни, но в то же время оказывается, что обе героини вытеснены за рамки реальности и помещены в выдуманную, сочиненную героем иллюзию и русской, и берлинской жизни, обусловленную воспоминаниями, не случайно, перед тем как встретить Машеньку, Ганин «почему-то вспомнил вдруг, как пошел проститься с Людмилой, как выходил из ее комнаты» [10, т. 1, с. 111]. Похожесть героинь проявляется и в присущей обеим чувственности, что снижает высокий пафос идеала Машеньки и придает ему значение чего-то временного, ненастоящего, свойственного и Людмиле. И это соответствует этическому содержанию игры, которая в своем нравственном релятивизме «не причастна морали, в ней нет ни добродетели, ни греха» [15, с. 25], но в то же время игровые действия, сопряженные с эстетическими задачами, являются залогом «свободного действия» Ганина,

творца собственных иллюзий и ассоциаций, включающих и любовные чувства.

Игровое соединение приемов кинематографа в романе позволяет усилить эффект иллюзорности, фарсовости происходящих событий, что показывает двойственно-неопределенное положение Ганина, оппозицию его внутреннего состояния от невозможности обрести свою «самость», что приводит к распаду фрейдовской концепции личности, путь которой должен пролегать от бессознательно «Оно» к рациональному «Я» и всемогущему «Super Ego». В итоге его «Я» находится в промежуточном состоянии между «Оно» и «Super Ego», а кажущаяся свобода выбора оборачивается распадом марионеточной личности и утратой всякой связи с внешним миром, бегством в никуда.

В своих метаниях между прошлым и настоящим Ганин не может скрыться от ненавистной реальности в прошлое, хотя и переживает его как настоящее, ни в мир искусства, что было эскапистской альтернативой для романтического героя, так как искусство здесь подменено его суррогатным прототипом, каким является кинематограф, когда на экране зритель видит не «грубо сколоченные ряды, сиденья и барьеры лож, выкрашенные в зловещий фиолетовый цвет», а «занимательную, прекрасно сделанную картину», «публика рукоплещет, ложи и ряды встают в экстазе» [10, т. 1, с. 49], и «...теперь его тень будет странствовать из города в город, с экрана на экран, что он никогда не узнает, какие люди увидят ее, и как долго она будет мыкаться по свету» [10, т. 1, с. 50].

В данном случае В. Набоков через кинематограф создает иллюзию зеркально отраженной реальности, ее фальшивую украшенную копию, а участие Ганина в съемках высвечивает его неподлинно-игровой способ существования, соотносимый с лакановской зеркальной проекцией себя в мир как Другого, которому недостаточно «его природной реальности» [6, с. 512], и он ищет ее замещения за порогом видимого мира, «в явлениях двойника» самого себя [6, с. 510]: «Двойник Ганина тоже стоял и хлопал, вон там, рядом с чернобородым, очень эффектным господином, с лентой поперек белой груди» [10, т. 1, с. 50]. Ганин подменяет объективный взгляд на реальность «фантазмами» кино, где все выглядит театральной буафорией, и драма зеркальности заключается именно в невозможности соотносить себя с действительной жизнью и понять свою личностную идентичность, поэтому, сыграв свою маленькую роль статиста, герой возвращается к своей сущности: «После съемки надевал поверх фрака убогое пальтишко и ехал к себе домой, в отдаленную часть Берлина, где работал наборщиком в типографии» [10, т. 1, с. 50].

В противоположность нищенскому типу сверхчеловека В. Набоков делает Ганина не только подобием музильского «человека без свойств», но

в нем присутствует и кьеркегоровский экзистенциальный человек на эстетической стадии развития, он не дотягивает до романтика, предполагающего качества сильной, страстной личности, нацеленной на преобразование мира, хотя он и «казался не похожим на всех русских молодых людей» [10, т. 1, с. 39]. Положение Ганина похоже, по теории С. Кьеркегора, на состояние животного или ребенка, которому доступны только чувственные удовольствия, но у него отсутствует воля к действию: «На него нашло то, что он назвал рассеяние воли... А сил не было потому, что не было у него определенного желанья, и мученье было именно в том, что он тщетно искал желанья» [10, т. 1, с. 47]. В поисках желаемого объекта Ганин также запускает механизмы подсознательного, его желания становятся источником его фантазий, так как недоступны ему, что и превращает Машеньку в парадокс, фикцию, объясняемую фрейдовско-лакановским положением о галлюцинаторном удовлетворении желанья, которое он способен лишь перевести в речевой акт в виде признания Подтягину о несуществующем романе: «Знаете что, Антон Сергеевич? У меня начался чудеснейший роман. Я сейчас иду к ней. Я очень счастлив» [10, т. 1, с. 65].

Но и впоследствии Ганин так и не поднимается на более высокую, этическую ступень, оставаясь в состоянии бесконечного разочарования, тоски и отчаяния, хотя у него была возможность выйти из границ внешней непосредственной жизни, преодолеть отчаяние и прорваться к желаемому им состоянию демиурга, чтобы реализовать себя как сильную волевою личность и материализовать прошлое: «Он был богом, воссоздающим погибший мир. Он постепенно воскрешал этот мир, в угоду женщине, которую он не смел в него поместить, пока весь он не будет закончен...» [10, т. 1, с. 58]. Однако Ганин лишь играет в сверхчеловека, «сложный пасьянс» «вечного возвращения» не складывается, так как он не верит ни в какие идеи и религии, не верит, что можно вернуть прошлое, участь его эгоистического «Я» – пребывать в бесконечном экзистенциальном противоречии с самим собой между «Оно» и «Super Ego», он «имеет право на существование, данное ему мировой историей, и одновременно он обречен» [5, с. 177], мучаясь навязчивым гамлетовским вопросом невротика о возможности своего существовании: «быть или не быть?», «любить или не любить Машеньку?».

Погруженность в собственные эгоистические страдания сопровождает его воспоминания, придавая им характер нарциссической исповедальности, чем предопределяет его экзистенциальную судьбу – неизбежность утрат, одиночество, страх перед настоящим и неизвестным будущим, «когда кажется так страшно жить и еще страшнее умереть» [10, т. 1, с. 54], невозможность вырваться за пределы внутреннего эгоистического «Я», чтобы

обрести «истинную жизнь» в свободе от обремененности жизни и всякой ответственности, как когда-то в России он проявил духовную слабость и не захотел возложить ответственность за судьбу любимого человека. Воображаемый в пансионе теней романтический роман с Машенькой и ожидание встречи с ней оказались иллюзией, идеал не выдержал испытания жизнью и временем и переродился в фикцию, симулякр, опустошающий само понятие любви: «Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда» [10, т. 1, с. 111].

Психическое состояние Ганина таково, что он не ощущает цели и целостности своей жизни и окружающего мира, поэтому стимулом для него становится не возможность ницшеанского бесконечного возвращения прожитого, а бессознательное переживание воспоминаний, насыщение памятью, для которой не существует привычных временных ограничений, что придает ему силы на пути в никуда, в следующую вневременную бездну: «Ганин шел посреди мостовой, слегка раскачивая в руках плотные чемоданы, и думал о том, что давно не чувствовал себя таким здоровым, сильным, готовым на всякую борьбу» [10, т. 1, с. 111].

Бессодержательная игра с ценностями жизни, одержимость Ганина воспоминаниями о прошлой любви передает лишь его собственные импульсы, а симуляция аффекта страсти становится выше подлинных чувств, искусственный фантом любви преодолел желание увидеть настоящую Машеньку, которая в действительности герою была не нужна, так как он сам «выступает как всего лишь симуляция [идеи]» подлинной личности, образуя «только внешний, непродуктивный эффект сходства» [3, с. 335], рассматривая мир сквозь призму собственного «фантазма»: «...Он до конца исчерпал свое воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем. И кроме этого образа, другой Машеньки нет, и быть не может» [10, т. 1, с. 112].

Именно через игру потенциальное, заложенное в миф о «вечном возвращении», заявляет о себе в виде субъективных ассоциаций инстинктивной памяти, воплотить которые может только произведение искусства, для которого не существует временных рамок, что онтологически соотносится с игрой, «однажды сыгранная, она остается в памяти как некое духовное творение... и может быть повторена в любое время» [15, с. 28]. Так и Ганин, опираясь на свое вдохновение, сможет бесконечное количество раз «воссоединить и заново построить мир» как результат собственного творчества [11, с. 474], но это будет лишь игра в жизнь, симулякр, подменяющий подлинную реальность и трансформирующий ее в гиперреальность, где

карта как фантастическая проекция его неудовлетворенных желаний предшествует той конкретной территории жизни, к которой герой и не стремится.

Роман В. Набокова «Машенька» стал первым модернистским экспериментом писателя, продолжением которого станут произведения с ярко выраженным концептом игры как основным эстетическим критерием всего последующего творчества писателя, подтверждая его собственную мысль о том, что искусство – «божественная игра», «обман», «притворство». В данном случае речь идет о мифологии нового типа, что характеризует модернизм с его стремлением преодолеть хаос бытия иллюзиями творчества, транслируя их через эстетизированную игру, бросающую вызов логике смысла, не оправдавшей требований жизни.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: ИГ Прогресс, 1989. – 616 с.
2. *Бойд Б.* Набоков. Русские годы. Биография. – СПб.: «Симпозиум», 2010. – 696 с.
3. *Делез Ж.* Платон и симулякр // Ж. Делез. Логика смысла (вторая половина). – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
4. *Иваск Ю.* Мир Владимира Набокова // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / под общей ред. Н.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.
5. *Кьеркегор С.* О понятии иронии. Законность иронии с точки зрения мировой истории. Ирония Сократа // Логос. – 1993. – № 4. – С. 176–198.
6. *Лакан Ж.* Стадия зеркала и ее роль в формировании функции «я» в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // Ж. Лакан. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары. Кн. 2 (1954–1955). – М.: Гнозис, Логос, 2009. – 520 с.
7. *Левин Ю.* Заметки о «Машеньке» В.В. Набокова // В. Набоков: PRO ET CONTRA. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. – С. 359–369.
8. *Медарич М.* Владимир Набоков и роман XX столетия // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. – С. 448–468.
9. *Набоков В.В.* О хороших читателях и хороших писателях // В.В. Набоков. Лекции по зарубежной литературе. – М.: Независимая газета, 1998. – 510 с.
10. *Набоков В.* Машенька // В. Набоков. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – 416 с.
11. *Набоков В.В.* Искусство литературы и здравый смысл // В. Набоков Лекции по зарубежной литературе. – М.: Независимая газета, 1998. – 510 с.
12. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. – Минск: Харвест, 2007. – 1037 с.

13. Старк В. Пушкин в творчестве В. Набокова // В. Набоков: PRO ET CONTRA. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. – С. 768–778.

14. Носик Б. Мир и дар Набокова. – СПб.: Издательство «Пенаты», 1995. – 552 с.

15. Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. – М.: «Прогресс-Традиция», 1997. – 416 с.

УДК 81'42

Марфина Валерия Алексеевна

Московский педагогический государственный университет
leramarfina@list.ru

КАТЕГОРИЯ ЦВЕТА В ГРАФИКЕ И НОВЕЛЛАХ ТУВЕ ЯНССОН

Туде Янссон является одним из немногих авторов, чье литературное творчество невозможно отделить от графического: различные художественные категории, покидая пространство графики, проникают на страницы литературных произведений мастера, свободно функционируют там, обрастают новыми смыслами и оттенками. Основная категория, которой посвящена настоящая статья, – цвет. Автор, рассуждая о функционировании цветовой символики в пространстве художественного текста, обращается к предшествующей литературной традиции, показывает, как трансформировалась роль цветовой категории на протяжении времени. В статье анализируется «взрослое» творчество Янссон, доказывается, что цветовая символика в художественном пространстве малой прозы писательницы (в так называемых «цветовых» новеллах разных лет) играет как сюжетобразующую, так и композиционную роль. Автор раскрывает многогранность таланта мастера, показывает разницу между использованием цвета в тексте и употреблением его в графическом творчестве.

Ключевые слова: Туде Янссон, графика, графический рисунок, категория цвета, белый цвет, серый цвет, черный цвет, художественное произведение, цветовая символика.

Цветовая символика – сложный феномен, обладающий многовековой историей. Еще с незапамятных времен люди пытались постичь смысл «языка красок»: это нашло отражение в древних мифах и народных преданиях. Символико-смысловое значение цвета постепенно укоренилось в сознании человека и отразилось в памятниках материальной и духовной культуры. Мысль о принадлежности простых цветов стихиям прослеживается уже в трактате Аристотеля «О цветах» [7]. В своей работе философ впервые предпринимает попытку описания цветовой семантики на примере белого, черного и желтого цветов. Названная идея получит развитие в книге А.Ф. Лосева «История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика» [7]: проанализировав языковое пространство текстов Гомера и Пиндара, ученый сделал вывод о том, что семантические различия слов с общей «цветовой» семой стали основой для формирования изобразительно-выразительного аппарата древнегреческой литературы.

Мысль о влиянии цветовой символики на изобразительно-выразительную систему в целом находим и в статье А.Н. Веселовского «Об истории эпитета» [3], где исследователь рассуждает об описательной роли цвета в литературном тексте. О более широком функционировании категории пишет В.П. Гайдук [4] в исследовании, посвященном «Божественной комедии» Данте. Литературовед отмечает, что цветовая категория не просто фигурирует в пейзажных зарисовках, но и формирует при этом идейную канву произведения: «У Данте из хаоса, пестроты красок внешнего мира создан космос – гармония красок мира внутреннего» [4, с. 174]. Наиболее многоплановое функционирование цвета мы находим у романтиков. Так, В.И. Абрамова, проана-

лизировав творчество Новалиса, пришла к выводу, что цветовая категория синтетически взаимодействует со звуком, расширяя значение и звучание последнего. Традицию синтеза искусств продолжают символисты, однако цвет в их творчестве не является исключительно добавочной характеристикой для создания жизнеподобного звука. Так, в творчестве Блока цвет является идейной доминантой [5]. Как видно, цветовая категория активно включается поэтами и писателями в художественное пространство текста, где она функционирует на разных смысловых уровнях – от описательного до идейного.

В данной статье мы обращаемся одновременно к литературному и изобразительному творчеству писательницы и художницы Туде Янссон (1914–2001), получившей в середине XX века мировую известность благодаря книгам о муми-троллях и иллюстрациям к ним. Очень интересно пронаблюдать за тем, как категория цвета, появляющаяся во «взрослых» рассказах, гармонично сочетается с рисунками автора.

На художественное самоопределение Туде Янссон повлияла та атмосфера, те ценности и идеалы, которые культивировались в доме-мастерской ее родителей – Виктора Янссона и Сигне Хаммарштен-Янссон. Туде рисовала с самого раннего детства. С 10 лет она выполняла иллюстрации для одного из популярных детских журналов. После обучения и стажировки в лучших художественных школах Европы Янссон начинает свою карьеру. Примечательно, что Янссон говорила о себе в первую очередь как о художнице, однако весь мир знает ее как автора книг о муми-троллях. Практически все иллюстрации Янссон выполнены в графической манере, которая предполагает контрастность изображения черного и белого.

Туве Янссон широко известна как детская писательница, однако мало кто знает о ее литературном опыте по созданию взрослой прозы. Возникает вопрос: как сама Туве оценивала столь неожиданный поворот в своем творчестве? Ответ на него мы находим в интервью Л. Брауде (1992): «Мне и самой было трудно расстаться с Долиной... Но мои герои повзрослели. А писать книги для юношества я не умею – обманула бы и детей, и саму себя... Но хотела бы вернуться. Может быть, когда-нибудь...» [2].

Первое произведение Янссон, написанное в новом амплуа, – автобиографическая повесть «Дочь скульптора», в которой писательница изображает свои детские годы. Огромное внимание в произведениях автор уделяет теме взаимоотношений художника и творчества, что связано, в первую очередь, с иллюстраторской деятельностью писательницы. Наиболее известны ее графические работы к собственным книгам о муми-троллях, к «Алисе в стране чудес», «Охоте на Снарка» Кэрролла и к «Хоббиту» Толкина. Практически все художественные опыты Янссон в большей или меньшей степени сюрреалистичны и выполнены в черно-белой цветовой гамме. Интерес к черному и белому имеет место и в ее литературе.

Новелла «Черное на белом» («Черно-белое») из сборника «Умеющая слушать» (1971) – лучшее тому подтверждение. В произведении повествуется о трагической судьбе художника с истерическим, маниакальным вдохновением работающего над иллюстрациями к антологии страха. Как только герою удастся изобразить запертый в комнате дневной свет, стены мрачного дома обрушиваются, сметая с лица земли и художника, и его творения. Как следует из названия, идейной доминантой произведения являются несколько цветов: черный, белый и серый. Они функционируют в тексте абсолютно по-разному. Во-первых, *категория цвета функционирует на описательном уровне*. Впервые упоминание о белом цвете встречается в портретной зарисовке главной героини Стеллы: «Руки у нее были белые и сильные» [10]. Примечательно, что имя персонажа переводится как «звезда». Белый цвет приобретает дополнительное значение мерцающего блеска, непроницаемости (ср. о Стелле: «Он не раз пытался нарисовать ее лицо, всегда спокойное, открытое и в тоже время непроницаемое, но это ему не удавалось» [10]). Кроме того, схож с образом Стеллы и дом, построенный по ее проекту и выполненный по большей части из стекла, которое ассоциируется с идеей непроницаемости. Следовательно, белый в тексте приобретает дополнительные характеристики блеска, отражения, недоступности. Черный цвет связан в новелле с образом главного героя, художника, и вводится в текст при упоминании черной шкуры в доме Стеллы. Серый цвет не закреплен ни за одним из героев и впервые встречается в разговоре о работах художника.

Во-вторых, *цвет функционирует как философская категория*. Негласная оппозиция «свет – тьма» возникает в самом начале новеллы, когда описываются стеклянные стены дома Стеллы, которые как бы отгоняют тьму прочь; здесь же вводится и понятие тени: прожекторы, светильники настолько освещают сад, что персонажи даже ее не отбрасывают. Позже, в разговоре о работах художника, это противопоставление становится явным. Цвет в новелле передает несколько стадий страха: такое понимание категории становится возможным после упоминания художником предстоящей работы над иллюстрациями к антологии страха. У Стеллы страхи связаны с черным цветом, тьмой, а отсутствие тревоги для героини олицетворяет белый цвет, свет. Герой-антипод смотрит на мир иначе: для него страх связан с белым цветом, со светом, ожидание или предчувствие оно же с серым, с тенью, а отсутствие страха – с черным, с тьмой. Можно отметить разницу не только в мировосприятии героев, но и в отношении к серому цвету: серый исключительно как цвет, как полутон для героини, и серый, реализующийся на разных уровнях понимания в художественной системе героя: цвет, предчувствие страха, страшное его ожидание. Таким образом, роль именно серого цвета в тексте несказанно важна, несмотря на его промежуточность и нечеткость. Он имеет важное значение в мотивной структуре произведения. Именно фразой «серое и осторожное» включается в пространство текста *мотив риска*, связанный в сознании героя с черным, и перерастающий потом в *мотив страсти, одержимости*. Художник, поселившись в мрачном доме, начинает без усталости работать и в какой-то момент освобождается от иллюстрирования, создавая произведения абсолютно самостоятельные. Кроме того, серым цветом вводится в текст и *мотив ожидания*, который затем реализуется в композиции новеллы.

Остановимся на системе персонажей произведения. Как было сказано раньше, Стелла и художник связаны в повествовании с определенным цветом: героиня – с белым, герой – с черным. Третий персонаж, тетя Стеллы, является внесюжетным и упоминается только как владелица дома. После того как художник переселяется в мрачный дом, он начинает писать героине письма, в которых рассказывает о проделанной работе, затем постепенно их переписка сходит на нет, и образ Стеллы в итоге становится для него настолько далек, непроницаем и недоступен, что превращается в «набросок женского портрета». Ее место в сознании героя занимает дом, который ему удастся изобразить в своих работах. По мере прочтения новеллы становится понятно, что образ черного, тьмы связан для писательницы с идеей необъятности, безграничности в противоположность белому, заключенному в рамках определенного пространства. Поскольку

действие происходит либо вечером, либо ночью, то создается впечатление, что все вокруг погружено во тьму и только дом Стеллы похож на маленький белый островок. Следует отметить, что впервые такое понимание света и тьмы дается глазами ребенка в повести «Дочь скульптора» (в главе «Темнота» изображается коток, покрытый снегом и окруженный безграничным темным пространством).

По такой же фабульной схеме развивается сюжет в новелле «Картины» из сборника «Письма Клары» (1991). Художник покидает дом и отправляется в город для того, чтобы заниматься искусством. В отличие от героя «Черного на белом», Виктор был приглашен на обучение в художественную школу. Сама эта ситуация кажется автору иронической, поскольку, по мнению писательницы, талант нельзя воспитать, с ним нужно родиться. При знакомстве с домом, в котором предстоит обучаться главному герою, мы видим стеклянные стены, отделяющие человека от жизни, отводящие ему роль стороннего наблюдателя. Стоит отметить, что здесь представлена трансформация образа по сравнению с новеллой 1971 года, где основная функция стеклянных стен – отражение тьмы, создание абсолютного света. Переосмысливается и образ тьмы: она становится более сглаженной, сумеречной, не такой пугающей и категоричной, как в «Черном на белом». Однако идея необъятности все же сохраняется, поскольку Виктор изображает широкую, безграничную равнину исключительно в ночное время. С темнотой в контексте произведения связана и идея о доме: герой, находясь в «чужом городе», покупает овощи для создания художественной композиции, но замечает, что они абсолютно бессодержательны и чужды, ведь «они не дают тени» [8].

В противоположность дому город, в котором находится Виктор, переполнен цветом, выполняющим в тексте описательную функцию, как на уровне пейзажа, так и на уровне характеристики персонажа: «...Но улица была та же самая, она кишмя кишела народом, была переполнена цветом и запахами, голосами и лицами» [8]. Именно в такой среде получили завершение образы, возникшие в сознании героя дома. Будучи безликими, они будоражили воображение художника, не давали ему покоя, но как только Виктор покинул свою мастерскую, эти образы обретали лица. Стоит отметить, что идея о цвете как о черте, присущей каждому человеку, возникает еще в новелле «Серый шелк», входящей в сборник «Умеющая слушать» (1971). Главная героиня Марта – ясновидящая. Она работает в ателье и отличается особой «талантливостью и чувством цвета» [9]. С одной стороны, «чувство цвета» трактуется, как способность мастерски сочетать цвета и составлять из них узоры, с другой – это дар предвидения.

Именно на последней трактовке и строится весь сюжет новеллы. Марте поступает заказ –

украсить розовое платье с жемчугом. Героиня выбирает для этого вышивку из серого шелка. На вопросы негодующей заказчицы она отвечает, что не могла поступить иначе, поскольку платье принесет несчастье. По прошествии недолгого времени пророчество героини сбывается: женщина погибает в автокатастрофе. Но этот случай оказался роковым и для самой Марты. Однажды, идя по городу, героиня растворяется в толпе: «Их было слишком много, и голос взывал к ней все слабее и слабее» [9]. Таким образом, Марта фактически потеряла свою индивидуальность. Вернувшись домой, героиня уже не знала, «почему цвета должны сочетаться друг с другом» [9]. Любопытно, что только творческие, неординарные личности, такие, как художник Виктор или ясновидящая Марта, обладают у Янссон даром от рождения, способностью видеть больше, нежели другие люди.

Графика Янссон отличается минимальным использованием светотени и частым применением резкого контраста. Этот подход прослеживается и в «цветовых» новеллах автора. Резко контрастны образы главных героев («Черное на белом»): Стелла – идея белого цвета, художник – черного.

В графике Янссон этого нет, так как там персонажи изображаются за счет совмещенного контраста двух цветов в одном образе, т.е. каждый герой совмещает в себе как черный, так и белый. Такой подход подчеркивает фантастичность изображаемых образов и их силуэтность, детальную непроработанность, что частично отражается и в новеллах. Помимо этого, в тексте белый цвет неоднороден – он имеет оттенок блеска, который по мере развития сюжета обрастает дополнительными характеристиками отражения, недоступности. Как мы видим, изображая белый цвет подобным образом, Туве Янссон выражает идею о единстве, целостности белого цвета, о его «многоголосии» в пространстве текста. Иначе эта мысль преподносится в самой графике. Белый здесь однозначен, не способен к многогранности и оттеночности. Что же касается черного цвета, то художническая идея о его двуплановости, т.е. способности поглощать, с одной стороны, и объединять – с другой, реализуется как в графике, так и в литературном творчестве однобоко.

«Поглощающий» черный представлен в новелле: идея о нем полностью завладевает сознанием художника и художественным пространством его работ. «Объединяющий» черный, выстраивающий композицию работы, изображен в графике. За счет последовательного повторения черных цветовых пятен, которые обрамляются ритмически организованными белыми цветовыми пятнами, создается динамическая спиралевидная композиция (см. рис. 1). В новеллах писательницы цвета понимаются по-разному, имеют несколько значений (цвет – философская категория – стадия страха). Если

Рисунок 1. Туве Янссон, иллюстрация к поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка», 1959 г.

понимание цвета как стадии страха обусловлено сюжетом, то мысль о тьме и свете нераздельно связана с черным и белым цветом как в новеллах, так и в графике. Образ судьи (рис. 1) предельно символичен. Зритель сталкивается, скорее, с судьбоносной силой, нежели с человеком. Вытянутая обезличенная фигура, несколько наклоненная вперед, черная мантия, перерастающая в темное пространство вместо головы – все это наталкивает на мысль о том, что перед нами неизвестность, тьма. Белый цвет здесь негласно противопоставлен черному, так возникает антитеза «свет – тьма», не явленная в сюжете.

В новеллах последовательно прослеживается мысль о том, что за белым цветом закреплена идея ограниченности, а за черным – необъятности. В графике же такая трактовка трансформируется: белый цвет приобретает дополнительный оттенок необъятности, сохраняя в то же время и первую трактовку. К примеру, суша (см. рис. 2) изображена как маленький белый островок, соседствующий с морем, пространством черного цвета, ограниченного скалами. Это уже не безграничная тьма вокруг катка, каковой она изображена в повести «Дочь скульптора», а часть тьмы, заключенная в рамочное пространство. Более того, тьма не связывается художницей с мыслью о безграничности, а, наоборот, загоняется в рамки, в определенные границы. Темнота (рис. 1) изображается только намеком, штрихом. Зрителю известно, что за пределами помещения, в котором разворачивается действие, существует только крошечная тьма, но на графической работе она лишь обозначена. Как видно, функции серого цвета в пространстве литературного произведения достаточно многообразны и обширны, чего не скажешь о графических работах.

На рисунке 1, например, можно с легкостью выделить передний и задний план. Передний план создается при помощи контраста белого и черного,

а задний – благодаря серому цвету. Стены являются как бы декорацией к основному действию, разворачивающемуся на переднем плане. Художница специально изображает их серыми, показывая, с одной стороны, игру светотени, рожденную переходом светлого пятна в черное. С другой стороны, автор расставляет композиционные акценты, приглушая второстепенное и выделяя основное. Композиционное значение серый цвет имеет и в новеллах, увеличивая за счет введения мотива ожидания кульминацию сюжета. Огромную роль серый имеет и в мотивной организации произведения, чего мы не найдем в графике. В повествование последовательно вводятся мотив *риска* и мотив *ожидания*, закрепленные в новелле за серым цветом. Наконец, основные отличия в мировоззрении героев связаны опять-таки с этим цветом. Если для Стеллы серый – только цвет, тон, то для художника – это, в первую очередь, ожидание, предчувствие страха.

Проанализировав несколько «цветовых» новелл, мы пришли к выводу, что цвет – категория, наделенная массой дополнительных оттенков и значений, развивающихся из сюжетного повествования. Стоит отметить еще и трактовку понятия «цвет» как такового, имеющую место в новелле «Серый шелк». Здесь оно приобретает дополнительное значение характерной черты, присущей каждому человеку. В графике же, наоборот, цвет никак не связан с персонажем и не отражает его мировоззренческой позиции, поскольку система образов очень условна. Помещая цветовую категорию в пространство литературного текста, Янссон дополняет ее разными смыслами и функциями, а иногда отказывается от первичной трактовки в пользу новой идеи. Так, например, произошло с одной из

Рисунок 2. Туве Янссон, иллюстрация к поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка», 1959 г.

интерпретаций белого и черного цвета. Изначально в графике идея необъятности, безграничности была связана с белым цветом, а рамочности, ограниченности – с черным. В новеллах же все совершенно по-другому – привычная для нас трактовка изменяется. Затем в новелле «Картины» мы видим, как эта необъятность становится приятна герою, связывается у него с мыслью о доме, правда, изменяется и сама темнота, перетекающая в сумерки.

Интересно реализуется в «Черном на белом» мысль о целостном, объединяющем белом цвете, от которой писательница отказывается в графических работах. Изображая дом художника и Стеллы, автор наделяет белый цвет дополнительными смыслами: оттенками блеска, непроницаемости и недоступности. Идея же о черном как о цвете, одновременно «объединяющем» и «поглощающем», распадается на две трактовки: «объединяющий» черный изображен в графике, а «поглощающий» – в новелле. Ширина функционирования и роль серого цвета в тексте сужается в графическом пространстве. Здесь серый выступает тенью для обозначения второго плана, служит для выделения основного композиционного пространства. В новеллах же он главный сюжетобразующий, композиционно образующий элемент, кроме того, серый цвет играет большую роль в мотивной организации произведения, а также показывает разницу в мировоззрении двух героев. Наконец, и сама категория цвета в «Сером шелке» была интерпретирована как одна из человеческих черт, чего нет в графике.

Очевидно, интерпретация и переосмысление одной из основных художественных категорий в литературном творчестве Янссон обширны и многообразны. На примере взрослого творчества автора мы убедились, что самобытное использование синтеза прозы и изобразительного искусства позволяет говорить об особом художественном видении писательницы.

Библиографический список

1. *Абрамова В.И.* Синтез искусств и синтез чувств в контексте идеи «невывразимого» у йен-

ских и русских романтиков // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Материалы Третьей научно-практической конференции памяти А.Ф. Лосева – М.: Московский педагогический государственный университет, 2003. – С. 35–38.

2. *Брауде Л.Ю.* Пусть встречаются со мной в моих книгах!.. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tove-jansson.ru/artical/braude.shtml> (дата обращения: 12.07.2016).

3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.

4. *Гайдук В.П.* К вопросу о цветовой символике «Божественной комедии» // Дантовские чтения. – М., 1971. – С. 174–180.

5. *Исаева М.В.* Метафора цвета поэтического языка А. Блока // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Материалы Третьей научно-практической конференции памяти А.Ф. Лосева – М.: Московский педагогический государственный университет, 2003. – С. 89–91.

6. *Ломоносова М.Т.* Графика и живопись. Учебное пособие – М.: Астрель: АСТ, 2006. – С. 205–217.

7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975. – 672 с.

8. *Янссон Туве* Картины // Лодка и я. – СПб.: Амфора, 2007. – 320 с. // E-reading (Электронная библиотека) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1017887/Yansson_-_Kartiny.html (дата обращения: 10.07.2016).

9. *Янссон Туве* Серый шелк. – СПб.: Амфора, 2002. – 336 с. // Libok.net (Электронная библиотека) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libok.net/writer/2464/kniga/33531/yansson_tuve/seryiy_shelk__5_seryiy_shelk/read (дата обращения: 12.07.2016).

10. *Янссон Туве* Черное на белом. Новелла // RomanBook (Электронная библиотека) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://romanbook.ru/book/8121198/?page=1> (дата обращения: 10.07.2016).

ОЖИВАЮЩИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В НОВЕЛЛЕ
АЛЕКСАНДРА ГРИНА «ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

В статье рассматриваются особенности оживающих изображений в новелле А.С. Грина «Искатель приключений». Писатель репрезентирует нарисованные образы как живые наряду с персонажами. Грин размывает грань между статичным и динамичным пространством, в этом заключается один из принципов его поэтики. Экфрасис в канве текста новеллы напоминает сюжет на тему «искушений святого Антония». В исследовании ведется поиск «истоков» этого сюжета. Испытания, терзающие душу отшельника, изображены на картинах знаменитых художников – Брейгеля Старшего, Калло и Босха. При этом сюжет представлен в двух вариациях: видения, имеющие облик прекрасной женщины и демонических мучителей. Данный мотив мы находим в одноименном романе Г. Флобера. Также мотив искушений отсылает читателя к трагедии И.В. Гете «Фауст», где демоном-искусителем выступает Мефистотель, а соблазнительницей – красавица Маргарита. Автором статьи выявляются интертекстуальные связи с экфрасисом из рассказа И. А. Бунина «Безумный художник», но в этом тексте на картине художника нечистая сила как будто оживает в глазах зрителя. Динамические картины в новелле Грина раскрывают силу искусства, глубокую взаимосвязь творческого процесса с сущностью художника.

Ключевые слова: А. Грин, экфрасис, ожившие изображения, святой Антоний, статика, динамика, пространство, интермедальность, интертекстуальность.

*Мне выпало печальное счастье изобразить Жизнь
«Искатель приключений»
А. Грин*

Картины и скульптуры в произведениях Александра Грина репрезентируются как полноценные «персонажи» и оказывают непосредственное влияние на судьбы героев. Несмотря на то, что картины не являются литературными аналогами знаменитых произведений искусства, они, тем не менее, позволяют выявить интермедальные связи с полотнами известных живописцев. В тексте происходит будто бы двойное оживление картин: с одной стороны, изображения выглядят поистине реалистично, и созданные пером Грина холсты будто воздействуют с особой силой на наблюдателей. В то же время писатель новеллы дает новую литературную жизнь полотнам великих мастеров.

В новелле «Искатель приключений» Грин представляет экфрасис трех картин с изображением красивой девушки и несколько рисунков художника. Все эти изображения мы видим глазами героя Кута, который находит тайник художника. Наиболее живым ему кажется портрет девушки, представленный в трех вариантах. На первой картине лица героини не видно, зритель только ждет, что она повернется; на второй – ее лицо прекрасно; на третьей – отвратительно, оно несет в себе безобразное бесовское начало. Но все эти изображения выглядят поистине одушевленными, не картинными – так, как будто человек замер и неожиданно превратился в портрет: «Та же женщина, в той же прелестной живости, но еще более углубленной блеском лица, стояла перед ним» [4, с. 242]. О подобном явлении пишет Е.Ю. Куликова в своих исследованиях о творчестве акмеистов: «Возникает как бы пространство в пространстве, причем про-

странство движущееся в пространстве статичном, которое от этого внутреннего движения тоже обретает динамическую структуру, и появляется иллюзия проникновения внутрь» [6, с. 7].

Пространство Кута и пространство портрета Грин разделяет только через некоторое время. «Тихо смотрел Аммон на эту картину. Казалось ему, что стоит произнести одно слово, нарушить тишину красок, и, опустив ресницы, женщина подойдет к нему, еще более прекрасная в движениях, чем в тягостной неподвижности чудесным образом созданного живого человека» [4, с. 242]. Е. Фарыно отмечает: «Предельная мера сходства, какую предлагает нам сложившийся до нас наш язык, по отношению к живописным изображениям (в том числе и к портретам) и к мастерству художника, – похвала “как настоящий” и “как живой”» [11, с. 404].

Женщина со скрытым лицом на первом полотне, обернувшись, показывает ангельское лицо на втором и демоническое – на третьем. Судьба незнакомки – персонажа картины – как бы расходится в две стороны. В конце рассказа сам художник раскрывает свой секрет: «Мне выпало печальное счастье изобразить Жизнь, разделив то, что неразделимо по существу» [4, с. 249]. Последний портрет, представляющий девушку с улыбкой и взглядом дьявола, оказывает необратимое влияние на автора. Словно «оживший», демон с полотна губит душу Доггера, который уничтожает два последние свои произведения, оставив только одно – то, на котором лица девушки не видно. Раскрывшееся на второй и третьей картинах пространство свернулось в первоначальный загадочный образ, именно тот, который, на взгляд художника, «правдив и хорош» [4, с. 249].

Эти картины, на наш взгляд, будто представляют миметический экфрасис полотен знаменитых художников на тему «Искушения Святого Антония». Видимо, Грин видел в Доггере отшельника из IV века, боровшегося с искушениями. Не случайно Доггер, живущий уединенной жизнью в сельской местности, пытается убедить Кута в своем негативном отношении к искусству: «Искусство – большое зло; я говорю про искусство, разумеется, настоящее. Тема искусства – красота, но ничто не причиняет столько страданий, как красота. Представьте себе совершеннейшее произведение искусства. В нем таится жестокости более, чем вынес бы человек» [4, с. 236].

Доггер с женой живет уединенно в деревне. Их умиротворенное и размеренное существование резко контрастирует с насыщенной и увлекательной жизнью искателя приключений Кута. Аммон Кут отмечает уравнищенность супружеской пары и их удивительно спокойное существование. Доггер будто ушел от суеты городской жизни и начал жить «отшельником», близким к природе, но далеким от мира искусства и музыки. Его идеальная жизнь сразу кажется Аммону хрупкой и сомнительной.

Сюжет «искушения св. Антония» был распространен в западноевропейской живописи. К нему обращались такие знаменитые художники, как И. Босх, Ж. Калло, П. Брейгель. Полотна, написанные на этот сюжет, можно условно поделить на две категории:

1) старец, терзаемый видениями, имевшими облик прекрасной женщины («Искушения святого Антония» И. Пагинира, «Искушение святого Антония» П. Веронезе, «Искушения святого Антония» П. Сезанна, «Искушения святого Антония» К. Массейса);

2) отшельник среди демонических мучителей («Мученичество святого Антония» Микеланджело, «Искушения святого Антония» И. Босха, «Искушение святого Антония» М. Шонгауэра, «Святой Антоний борется с демонами» Д. Бираго, «Искушения святого Антония» Ж. Калло).

В рассказе Грина Кут сначала видит портреты красавиц, третий портрет наталкивает героя на мысли о грехе и пороке, а затем герой рассматривает рисунки с различными демонами. То, что рисунки и портреты хранились в тайной комнате Доггера, подтверждает, что хозяин дома до сих пор подвергается искушениям. Аммон воспринимает изображения как живые образы, видимо, они были «реальными» и для художника, мучали его.

Попробуем найти «истоки» этого сюжета в произведениях писателей и картинах художников.

Ранее мы уже отметили популярность сюжета «Искушения Святого Антония» в живописи. В литературе наиболее известным произведением с упомянутым сюжетом является роман Г. Флобера «Искушения святого Антония». В самом начале

драмы Святой Антоний упоминает путешественника, с которым они «изливали души»: «Никто так не захватил меня, как Аммон: он рассказывал мне о своем путешествии в Рим, о катакомбах, о Колизее, о благочестии знаменитых женщин, еще тысячу разных вещей!.. и я не захотел уехать с ним!» [12, с. 5].

Кажется, будто бы тот самый искатель приключений Аммон Кут почти через 70 лет продолжит свое приключение уже в новелле Грина и встретит на своем пути новое воплощение Святого Антония – художника Доггера.

Флобера вдохновила картина Брейгеля, увиденная в Генуе в 1845 г. Г. Модина сравнивает три версии драмы Флобера: «В первом “Искушении” он стремится изобразить превращение смертного человека в творца и рассказать о связанных с этим испытаниях. Святой Антоний выступает в драме как символическая фигура художника, погруженного в процесс творчества, который одновременно является и процессом самопознания. Искушения в драме 1849 года представляют собою сомнения в возможности гармоничного единства сакрального и профанного в личности творящего субъекта и соблазна отказаться от творчества и веры в искусство» [7].

Грин наделяет Доггера подобными сомнениями: его герой считает, что искусство есть зло. Рисунки на столе художника подтверждают, что он поддавался искушениям, встал на сторону темных сил.

Г. Хасин в эссе «Искушение святого Антония» анализирует две картины – М. Эрнста и И. Босха, созданные на основе этого сюжета: «Гораздо более тонкое, пусть и не такое зоологически чистое, искушение написал за пять веков до Эрнста Босх. “Искушение” Босха (сейчас оно принадлежит лиссабонскому музею древних искусств) близко к описаниям эпизода, известным из агиографической литературы» [13, с. 12]. Картина Босха вырывается за рамки внутреннего сюжета: «Количество, формы и поведение демонов в его картине, а также общая структура ландшафта несовместимы с идеей локальной диверсии. Подавляющее большинство демонов не обращают на Антония никакого специального внимания... Святому предьявляется неограниченная, непротиворечивая и реально существующая вселенная зла. Одни и те же демоны на ней – ничего другого перед нами нет – искушают и Антония, и нас» [13, с. 13]. Картина будто бы оживает, направляя свою энергию на зрителя.

И красавицы, изображенные на полотнах Доггера, нарушают статичность картины, воздействуя на наблюдателя – Аммона. И если Доггер поддавался демоническим искушениям, отдав жизнь за проявленную слабость, то функцию Святого Антония принимает на себя сам Аммон Кут, встретившийся с соблазнами нечистой силы (в виде красавиц на полотнах и демонов в рисунках), но устоявший перед ними.

В финале рассказа на выставке толпа любителю портретом женщины, стоявшей на дороге, что вела к склонам холмов. Героиня картины производит на всех то же впечатление, что и на Кута: «толпа молчала» [4, с. 251]. Хотя и ждуть все, когда женщина обернется, единственный Аммон видит счастье в этой тайне: «Пусть каждый представляет это лицо по-своему» [4, с. 251]. Всего лишь одно движение делает героиню картины в рассказе, но и его было достаточно этой женщине, чтобы погубить своего создателя: портрет как будто оживает, девушка оборачивается, открывая лицо, и художник гибнет.

Эпиграфом новеллы служит цитата из «Фауста» Гете:

И там как раз, где смысл искать напрасно
Там слово может горю пособить [4, с. 225].

В трагедии Гете Фауст подвергается искушениям Мефистофеля. К испытанию «разгульной жизни кабака» Фауст остается равнодушен. Следующее искушение он видит в зеркале:

Кто этот облик неземной
Волшебным зеркалом наводит...
И неужели не обман,
И что-то вправду есть на свете,
Как бесподобный этот стан... [3, с. 203].

Как и Фауста, Аммон Кута глубоко потрясает силуэт девушки на картине Доггера. Зеркало и картину объединяет рама и правдивость отражения или изображения. А поскольку Фауст видит в зеркале не себя, он будто наблюдает картину другой реальности. Маргарита не только «обернется» в трагедии Гете, она «оживет» и ответит на чувства героя. Фауст поддается искушению любви. Но в то же время сюжет с Маргаритой несет в себя и невинное, и дьявольское начала. Маргарита искренне верит в Бога.

Сам Мефистотель замечает:

Ей исповедаться нет причины
Она, как дети малые, невинна... [3, с. 212].

Сюжет Фауста и Маргариты перекликается с эпизодом знакомства Кута с нарисованными героинями Доггера. Незнакомка на первом полотне очень похожа на впервые увиденную Фаустом девушку в зеркале. Ангельское лицо на втором полотне Доггера – все равно, что встреча Фауста с чистой душой Маргариты. Но так же, как губительно дьявольское лицо красавицы на третьей картине, увиденной Кутом, и история любви Маргариты и Фауста оборачивается смертями, грехом и несчастьем. Возможно, что, как и руку Фауста, кисть Доггера подгалкивал Мефистофель. Поддавшись искушению, художник гибнет.

Новелла Грина перекликается со второй частью «Фауста»: сюжет созданного Вагнером искусственного человека Гомункула напоминает оживающие статуи и восковые фигуры в произведениях Грина. Л. Пинский пишет: «Свидетелем колдовских проделок Фауста и наследником его искусства является ученик Фауста – Вагнер, которому <...> завещаны

волшебные книги и имущество» [8, с. 684]. В конце новеллы Грина Доггер отдает оставшуюся картину Куту, который тоже был свидетелем его искусства. И хотя Аммон не продолжит дело художника, он все равно становится его наследником.

В трагедии Гете встреча Фауста с античными героями и мифическими созданиями снова оживает сюжет искушений Святого Антония; но теперь можно обнаружить связь со странствующим героем романа Флобера. Н.Ф. Ржевская, исследуя жизнь и творчество Флобера, отмечает: «Бескомпромиссное отрицание современного миропорядка сочетается у Флобера со страстной верой в искусство: “Искусство – единственное, что есть истинного и хорошего в жизни”» [9, с. 257]. Прямо противоположное мнение высказывает Доггер Грина, но именно он создает истинные произведения искусства.

Кроме трех картин, представляющих искушение прекрасными девами, в тайнике Доггера хранятся рисунки со страшными созданиями: «Один за другим просматривал их Аммон, пораженный нечеловеческим мастерством фантазии. Он видел стаи воронов, летевших над полями роз; холмы, усеянные, как травой, зажженными электрическими лампочками; реку, запруженную зелеными трупами; сплетение волосатых рук, сжимавших окровавленные ножи; кабачок, битком набитый пьяными рыбами и омарами; сад, где росли, пуская могучие корни, виселицы с казненными; огромные языки казненных висели до земли, и на них раскачивались, хоча, дети; мертвецов, читающих в могилах при свете гнилушек пожелтевшие фолианты; бассейн, полный бородатых женщин; сцены разврата, пиршество людоедов, свежую толстяка; тут же, из котла, подвешенного к очагу, торчала рука; одна за другой проходили перед ним фигуры умопомрачительные, с красными усами, синими шевелюрами, одноглазые, трехглазые и слепые; кто ел змею, кто играл в кости с тигром, кто плакал, и из глаз его падали золотые украшения» [4, с. 244]. Перед путешественником будто оживают демоны из легенды о святом Антонии. «Один за другим просматривал их Аммон» [4, с. 244]. Хотя эти искушения как будто бы быстро мелькают перед глазами, Кут замечает их реалистичность и ощущает силу воздействия.

Эти рисунки из рассказа «Искатель приключений» отсылают нас к картине из рассказа И. Бунина «Безумный художник» (1921 г.). Образ художника, созданный одним из знаменитых современников Грина, интересен нам тем, что, он, скорее всего, является обращением к рассматриваемому нами сюжету об искушении Святого Антония.

Экфрасис у Бунина – работа, созданная персонажем-художником, отражает результат долгого и мучительного труда: «...Он, близкий от стука своего сердца к потере сознания, крепко держал в руке картон. На картоне же, сплошь расцвечен-

ном, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображение в полной противоположности его страстным мечтам. Дикое, черно-синее небо до зенита пылало пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с удавленниками чернели на огненном фоне. Над всей картиной, над всем этим морем огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крест с распятым на нем, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста. Смерть, в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою гробную челюсть, с разбегу подавшись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец. Низ же картины являл беспорядочную груды мертвых – и свалку, грызню, драку живых, смешение нагих тел, рук и лиц. И лица эти, ощеренные, клыкастые, с глазами, выкатившимися из орбит, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастием братоубийства, что их можно было признать скорее за лица скотов, зверей, дьяволов, но никак не за человеческие» [2, с. 305].

Описание Бунина и рисунки Грина кажутся литературным вариантом картины И. Босха «Искупление Святого Антония». Однако сюжет новеллы Грина создает противоречивое впечатление, размывая границы литературы и живописи, статики и динамики, реалистичности и искусственности. Е.В. Капинос утверждает: «Несобытийная, модусная динамика художественного текста никогда не бывает линейной и однородной» [5, с. 85]. Для Грина истинное произведение искусства стремится обрести подобие с картинами Босха, Калло и Брейгеля. Но в то же время в архитектонике новеллы изображения не являются лишь украшением комнат или простым экспонатом в музеях.

В.Н. Топоров в статье «О границах и мере “человеческого” и о встрече человека со знаком самого себя» отмечает: «Портрет, статуя, кукла, марионетка, манекен... знаки человека, состав его знакового пространства. Слишком высокая степень подобия, достигаемая на высших уровнях искусства иллюзионизма, по сути дела “снимает” знаковость этих форм обозначения человека, отсылки к нему, уничтожая или минимализируя до предела границу между “обозначающим” и “обозначаемым” знаком человека и самим человеком, которая уже не воспринимается органами восприятия и не успеваает в нужный период времени быть идентифицированной логико-дискурсивными операциями» [10, с. 195]. Когда Аммон Кут в новелле отодвигает занавес, за которым скрывается портрет, с первого взгляда он верит, что видит перед собой девушку, а не изображение. Грин аннулирует знаковость портрета. Его изображения «рисуются» с высокой степенью подобия, поэтому становятся равноправ-

ными персонажами. И в то же время для создания подобных правдивых изображений художнику необходимо пройти сквозь дантовские круги ада, так как легкий творческий путь редко создает нечто прекрасное и поистине грандиозное.

Экфрасис в новелле Грина «Искатель приключений» является сюжетообразующим элементом, а также он выявляет интермедийные и интертекстуальные связи с живописными и литературными произведениями разных веков. Грин оживляет своих нарисованных персонажей, которые косвенно влияют на судьбы его героев. В то же время его изображенные красавицы и демоны будто переселились из картин знаменитых художников, из застывших красок возникла литературная жизнь.

Библиографический список

1. Брагинская Н.В. «Картины» Филострата Старшего: генезис и структура диалога перед изображением // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1994. – С. 259–283.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Воскресенье, 2000. – Т. 4. – 472 с.
3. Гете И.В. Фауст. – М.: Азбука-классика, 2009. – 480 с.
4. Грин А.С. Собрание сочинений в шести томах. – М.: Правда, 1980. – Т. 3. – 478 с.
5. Капинос Е.В. «Элегический сюжет рассказа И. Бунина «Несрочная весна» // Филологический класс. – 2008. – № 20. – С. 84–88.
6. Куликова Е.Ю. Динамические аспекты пространства в лирике акмеистов: лейтмотивная поэтика: дис. ... докт. филол. наук. – Новосибирск, 2012. – 337 с.
7. Модина Г. Мотив «искушений» в драме Флобера «Искушение святого Антония». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/modina-motiv-iskushenij-flobera.htm> (дата обращения: 23.03.2006).
8. Пинский Л. Ренессанс. Барокко. Просвещение. – М.: Центр гуманитарных инициатив. – 2014. – 780 с.
9. Ржевская Н.Ф. Гюстав Флобер // История всемирной литературы: в 8 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 7. – С. 254–264.
10. Топоров В.Н. О границах и мере «человеческого» и о встрече человека со знаком самого себя (образ статуи у Анненского) // Антропология культуры. – 2015. – № 5. – С. 191–221.
11. Фарыно Е. О парадигме «портрет – акт – натюрморт» и ее семиотике // Studia Litteraria Polono-Slavica. – 2002. – № 7. – С. 403–409.
12. Флобер Г. Искушение святого Антония. Собрание сочинений / пер. М.А. Петровского. – М.: Правда, 1983. – Т. 2. – 483 с.
13. Хасин Г. Искушение святого Антония. – М.: Летний сад, 2002. – 346 с.

МЕТАПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАРРАТИВА В ПОВЕСТИ «ЗОНА» С. ДОВЛАТОВА

В статье рассматривается взаимозависимость метаповествовательного и эпистолярного компонентов повести «Зона» С. Довлатова. Метаповествование в «Зоне» обладает схожими с письмом качественными характеристиками: выполняет функцию «моста» и «барьера» (письмо приближает читателя к тексту, открывает творческие установки автора, но появляется дополнительная призма при восприятии произведения, отдаляющая читателя от особенностей сюжетного разворачивания, заставляющая обращать внимание не на сюжет, а на то, что вокруг него, например, на тот образ создателя лагерного повествования, который возникает благодаря присутствию писем, на то, что происходит с повествователем в данный момент времени), исповеди и «маски» (письмо потенциально позволяет быть не только открытым другому, но и скрывать факты, кажется, что повествователь у С. Довлатова предельно искренен, однако обнаруживается недосказанность, противоречивые утверждения, «олитературивание» фактов), совмещает намерения писателя и читателя (роли пишущего и читающего совмещаются, автор писем в «Зоне» выступает не только как их создатель, но и как читатель потенциальных ответных писем издателя, автор, прибегающий к метаповествованию, уподобляется читателю, рассматривающему текст со стороны, пытающемуся ответить на вопрос, почему текст был написан именно таким образом, а не иначе), превращает пережитые события в происходящие «здесь» и «сейчас» (описываемые в письмах события или ощущения, происходящие «там» и «тогда», стремятся в сознании адресата стать событиями и ощущениями, происходящими «здесь» и «сейчас», из прошлого переводятся в настоящее; в метаповествовании «Зоны» читатель с автором проходит восстанавливаемый путь создания текста или отдельных его аспектов).

Ключевые слова: третья волна эмиграции, русское зарубежье, С. Довлатов, «Зона», метаповествование, метатекст, письмо.

Метаповествовательный¹ компонент «Зоны» С. Довлатова очевиден: письма «автора» текста «издателю» хранят размышления о литературном творчестве, комментарии о структуре и содержании набора историй из жизни лагерного надзирателя. Фактически, читатель получает под одной обложкой два текста: эпистолярный (пятнадцать писем) и окружающий его. Каждый «текст» обладает собственным сюжетом, при этом другой сюжет дополняющий и поддерживающий. Неслиянность-нераздельность подчеркивается использованием для писем-комментариев другого шрифта по сравнению с «основным» повествованием.

«Рассуждения-перебивки, помимо их функционально-игрового характера, понадобились, вероятно, <...> по двум причинам. По неистребимой привычке многих сочинителей переубедить читателей и критиков, договорить, прямо сказать, что же они хотели сказать художественным текстом», — пишет И.Н. Сухих [6, с. 103]. Несколько функций писем в структуре «Зоны» выделяет П.В. Высеков: «...Письма образуют вокруг “записок”, рамочную конструкцию, <...> обладают сюжетообразующим потенциалом уникального инициационного “совместного путешествия” автора и издателя, <...> эпистолярный нарратив вступает в полемику с литературной традицией (отсюда обильный интертекст писем), <...> письма “деконцептуализируют” советскую власть и демифологизируют ее» [2, с. 14]. Письма к издателю как метатекст описываются (не

всегда полноценно аргументированно) в одном из параграфов диссертации Е.Е. Бариновой «Метатекст в постмодернистском литературном нарративе (А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов)». Исследовательница отмечает существование между письмами и рассказами о лагере множества «разнородных связей на всех уровнях нарратива» (например, «лагерный хронотоп постоянно вторгается во многие письма к издателю») [1, с. 19].

В любом исследовании, посвященном «Зоне» С. Довлатова, есть пассажи о письмах рассказчика. В предлагаемой статье мы попытаемся ответить на вопрос, почему же именно эпистолярный нарратив в «Зоне» вмещает в себя метатекстовые компоненты. Скажем, «текст о тексте» можно было бы растворить в рассказе о жизни Бориса Алиханова без установления границ в виде формальных компонентов письма (указаний даты, места отправки, обращений к адресату).

Безымянный автор писем, чьи факты биографии схожи с биографией С. Довлатова, является внутри текста «автором» историй «зоны». Письма обращены к потенциальному издателю книги, называемому по имени в тексте лишь дважды, Игорь Маркович (в первом письме), Игорь (в последнем), за его чертами угадывается И.М. Ефимов. Лагерные «воспоминания» волей рассказчика прикрепляются к каждому из писем. Фактически внутри мира «Зоны» становится ведущим не повествование о лагерной жизни, а наоборот, именно письма к издателю делают возможным существование всего остального текста.

Жанр письма как нельзя лучше соответствует структурным и содержательным особенностям

¹ В предлагаемой статье понятия «метаповествование» и «метатекст» употребляются как синонимичные.

предлагаемого читателю текста, как в целом, так и в «не эпистолярной» его части. Автор писем указывает, что его произведение «законченным <...> не является. Это – своего рода дневник, хаотические записки, комплект неорганизованных материалов. Мне казалось, что в этом беспорядке прослеживается общий художественный сюжет. Там действует один лирический герой. Соблюдено некоторое единство места и времени» [3, с. 3]. Так, в первом письме дается характеристика именно лагерной части «Зоны», но она же точно указывает и на параметры писем.

Характеризуя в программной книге «Epistolarity» специфику эпистолярного жанра, Дж. Олтмен отмечал его внутреннюю парадоксальность, контрастные характеристики и потенциальную возможность их равного использования автором [7, с. 185–190].

Итак, послания могут исполнять в коммуникации и функцию моста, и функцию барьера, они могут соединять корреспондентов или служить заменой необходимой встречи. В «Зоне» каждое письмо приближает читателя к тексту, открывает тонкости его создания, творческие установки автора: «Вот уже три года я собираюсь издать мою лагерную книжку. И все три года – как можно быстрее» [3, с. 3], «Я понимаю, что все мои рассуждения достаточно тривиальны. Недаром Вайль и Генис прозвали меня «Трубадуром отточенной банальности». Я не обижаюсь» [3, с. 30] и т.д.

В связи с этим появляется дополнительная призма при восприятии произведения, отдаляющая читателя от особенностей сюжетного разворачивания, заставляющая обращать внимание не на сюжет, а на то, что вокруг него. Например, на тот образ создателя лагерного повествования, который возникает благодаря присутствию писем, на то, что происходит с повествователем в данный момент времени: «Мать в супермаркете переходит от беспомощности на грузинский язык. Дочка презирает меня за то, что я не умею водить автомашину. Только что звонил Моргулис, просил напомнить ему инициалы Лермонтова. Лена вам кланяется...» [3, с. 31–32].

Письма оказываются местом писательских жалоб на издателей. Хотя и сетует повествователь на их негодование: «Издателей смущала такая беспорядочная фактура. Они требовали более стандартных форм», прибавление к «беспорядочной фактуре» писем еще больше усложняет структуру всего текста. Вместе с тем именно включение писем позволяет автору избежать того, чего он сам опасается, похожести на лагерные тексты А. Солженицына, В. Шаламова: «Разумеется, я не Солженицын. Разве это лишает меня права на существование?» [3, с. 3], «Недавно злющий Генис мне сказал: «Ты все боишься, чтобы не получилось как у Шаламова. Не бойся. Не получится...». Я понимаю, это так, мягкая дружеская ирония.

И все-таки зачем же переписывать Шаламова» [3, с. 115–116]. У указанных авторов «комбинированного» повествования, подобному тому, которое мы видим в повести «Зона», не отыщется. В противовес отечественной традиции, автору важна традиция западная, совсем не лагерная, но формально близкая – Э. Хемингуэй, Д. Дос Пассос: «Создал киномонтаж в традициях господина Дос Пассоса. Кстати, в одной старой рецензии меня назвали его эпигоном...» [3, с. 63], «Оно [произведение] закончено. <...> The end of something, как выразился бы господин Хемингуэй...» [3, с. 130]. Словно бы подсознательное желание смешать «французское с нижегородским».

Письмо потенциально позволяет быть не только искренним, но скрывать факты, вместо исповеди – предьявлять маску. Такие же игры связаны и с метаповествованием. Кажется, что повествователь предельно искренен, рассуждая, например, о переломе собственного мировоззрения во время службы в лагерной охране: «То, что я увидел, совершенно меня потрясло. Есть такой классический сюжет. Нищий малыш заглядывает в щелку барской усадьбы. Видит барчука, катающегося на пони. С тех пор его жизнь подчинена одной цели – разбогатеть. К прежней жизни ему уже не вернуться. Его существование отравлено причастностью к тайне. В такую же щель заглянул и я. Только увидел не роскошь, а правду» [3, с. 112]. Постоянный мотив писем – жизнь как литература – дает здесь о себе знать, рассказчик смотрит на жизнь через рамку литературного сюжета. Одновременно с этим он как бы «олитературивает» восприятие мира, заслоняется от прояснения присущей ему точки зрения обращением к позиции некоего юного персонажа, создавая незамечаемое противоречие начала и финала приведенной цитаты: «Есть такой классический сюжет (курсив мой – М. Е.)» – «Только увидел не роскошь, а правду» (курсив мой – М. Е.). По мнению Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого, в «Зоне» автор «настойчиво лишает свое сочинение всяких героических претензий вообще и претензии на владение Истиной Жизни в особенности» [4, с. 600].

В одном письме уживаются два контрастных положения о невозможности-возможности сказать, о чем написана книга: «Жаль, что литература бесцельна. Иначе я бы сказал, что моя книга написана ради этого (о сходстве между «лагерем» и «волей» – М. Е.)...» [3, с. 35]. «Повторяю – это (сходство между «лагерем» и «волей» – М. Е.) главное в лагерной жизни. Остальное – менее существенно. Все мои истории написаны об этом...» [3, с. 36].

«Замалчивание» влияет на ход написания книги: «Следующие два фрагмента имеют отношение к предыдущему эпизоду. В них фигурирует капитан Егоров – тупое и злобное животное. В моих рассказах он получился довольно симпатичным.

Налицо метаморфозы творческого процесса...» [3, с. 63]. Степень доверия рассказчику – вопрос проблематичный и для него самого, о чем предупреждается издатель. Комментируя нелепую смерть, рассказчик пишет: «...при жизни Шлафман был несокрушимым сталинистом. И – тоже не случайно. А для того, чтобы я мог рассказывать эту историю без особой скорби...» [3, с. 130].

В самом начале «Зоны» в первом письме рассказчик указывает: «Вот уже три года я собираюсь издать мою лагерную книжку. И все три года – как можно быстрее. Более того, именно «Зону» мне следовало напечатать ранее всего остального. Ведь с этого началось мое злополучное писательство» [3, с. 3]. То есть, судя по всему, рукопись произведения есть в распоряжении автора, он выясняет мнение издателей о тексте. Далее из того же письма следует, что еще в СССР рукопись была переснята на микропленку, разрозненные части переснятого материала вывозились «отважными француженками». Находясь за границей, автор «в течение нескольких лет» восстанавливает дошедшие до него части по микропленкам, т.е. готовой рукописи нет. Из других писем выясняется, что части произведения попадают к автору и напечатанными на папиросной бумаге, а не только микрофильмированными («Кстати, недавно пришла бандероль из Дортмута. Два куса фотопленки и четыре страницы текста на папиросной бумаге» [3, с. 36]), переправляли их не только француженки («Этот большой кусок я переправил через Ричарда Нэша. А ведь он почти что коммунист. Тем не менее занимается нашими вздорными рукописями» [3, с. 94]).

«Вернемся к нашей рукописи. Осталось четыре разрозненных куса», – письмо от 24 мая 1982 года [3, с. 73]. Чистосердечность рассказчика опять ставится под сомнение, поскольку за этим письмом идет еще пять историй из жизни лагеря. Хотя такая вольность, с одной стороны, указывает на неформальность повествования, отсутствие привязки к определенной дате, с другой стороны, выступает дополнительным указанием на характер рассказчика, его невнимательность, небрежность, что вписывается в жанровую специфичность письма.

Тема «масочности» в эпистолярном жанре затрагивается автором в письме от 24 мая 1982 года, посвященном лагерной переписке. В том числе там говорится об изобретательном коллективном составлении писем «заочницам» – подругам по переписке. Подчеркивая неискренность таких текстов, автор указывает: «В них заключенные изображают себя жертвами трагических обстоятельств. <...> Переписка с «заочницами» – фальшива и вычурна. Но и в этих письмах содержится довольно глубокое чувство» [3, с. 72].

Эпистолярная форма предполагает сосуществование в возможном мире произведения акта писания и акта чтения, кто-то пишет письма, кто-то

читает, часто роли пишущего и читающего совмещаются. Автор, прибегающий к метаповествованию, уподобляется читателю, рассматривающему текст со стороны, пытающемуся ответить на вопрос, почему текст был написан именно таким образом, а не иначе.

Автор писем в «Зоне» выступает не только как их создатель, но и как читатель потенциальных ответных писем издателя. В письме от 17 февраля 1982 года: «Как вам мои первые страницы? Высылаю следующий отрывок» [3, с. 14], в следующем письме от 23 февраля 1982 года: «Спасибо за письмо от 18-го. Я рад, что вам как будто по душе мои заметки. Я тут подготовил еще несколько страниц. Напишите, какое они произведут впечатление. Отвечаю на вопросы» [3, с. 17], от 11 марта: «Посылаю вам очередные страницы. Будет минута, сообщите, что вы о них думаете» [3, с. 31]. Иной вид коммуникации не так удобен для повествователя: «Наш телефонный разговор был коротким и поспешным. И я не договорил. Так что вернемся к перу и бумаге» [3, с. 34].

Повествователь комментирует не только лагерные главы, но и по отношению к собственным письмам выступает как предвзятый читатель, называет их дурацкими («Есть – вы, которому я шлю это дурацкое письмо» [3, с. 52]), сомневается в их полезности для книги («Как видите, получается целый трактат (в письме – М. Е.). Может быть, зря я все это пишу? Может, если этого нет в рассказах, то все остальное – бесполезно?..» [3, с. 31]).

В эпистолярном произведении письмо, в нем присутствующее, прочитается с трех точек зрения: с точки зрения адресата, с точки зрения того, кто написал письмо, с точки зрения читателя, которой учел бы все точки зрения. Возрастающее роли читателя в метаповествовании связано с нарушением определенных литературных условностей, когда читатель «дочитывает» произведение вслед за автором, предлагающим его комментарии [8]. Читатель прочитывает текст «наивно» (без учета вмешательства рассказа об этом тексте) и «перечитывает» текст, учитывая высказывания, связанные с техникой его создания, специфику и необходимость, закономерность (или случайность) проникновения в текст таких высказываний. Метаповествовательные компоненты обращены одновременно к акту писания и к акту чтения, повествователь пишет о том, каким образом читается и пишется текст, выступает тем, кто кодирует и декодирует сообщение. «Я не сулил читателям эффектных зрелищ. Мне хотелось подвести их к зеркалу», – читаем в письме от 16 июня 1982 года [3, с. 116].

К игре в семантическом поле «реальность – фикция», по мнению Ю.М. Лотмана, располагает конструкция «текст в тексте» [5, с. 158–159]. Мотив зеркал в такой «самоповторяемой» структуре играет повышенную роль. «Литературным адек-

ватом мотива зеркала является тема двойника» [3, с. 157]. Удвоение имеет большое значение для текста «Зоны». Довлатовское произведение включает две «части», автор писем сопоставляется с героем-охранником в лагерном повествовании, автор писем выступает читателем и комментатором текста, мир зоны повторяет мир вокруг нее, о чем не раз говорит рассказчик, охранники уподобляются заключенным, жизнь в Советском Союзе напоминает жизнь в эмиграции и т.д. «Однако мы сразу сталкиваемся с тем, что удвоение с помощью зеркала никогда не есть простое повторение: меняется ось «правое–левое»...» [3, с. 157]. Так, автор писем, рассуждая о себе прежнем, лагерном и сегодняшним, сначала объясняет издателю: «Не зная меня до армии, вы едва ли представляете себе, как я изменился» [3, с. 11], но в том же письме возникает контрастное: «Мир (лагеря – *М. Е.*), в который я попал, был ужасен. И все-таки улыбался я не реже, чем сейчас. Грустил – не чаще» [3, с. 14] (т.е. не поменялся), а далее опять: «Восстановить их (страницы – *М. Е.*) – невозможно. Поскольку забыто главное – каким был я сам» [3, с. 73]. На кропотливые размышления о природе творчества и собственного повествования в письмах метаповествовательность откликнется в лагерном повествовании во фразе капитана Егорова, сравнившего ситуацию с «фрайерским детективом» [3, с. 59]. Полупародийные метаповествовательные игры, еще один дополнительный текст в тексте найдутся в главе о репетициях и постановке в лагере одноактной пьесы «Кремлевские звезды».

Как и в случае с эпистолярными произведениями, грань между эксплицитным и имплицитным читателем размывается, текст читается словно бы из-за спины повествователя (ср. приведенную выше цитату из «Зоны» о сюжете подглядывания). Рассказчик в письмах «Зоны» отдает себе отчет в существовании двух тенденций в описании лагеря (их можно назвать натуралистической и сентиментальной), о чем предупреждает читателей, но сам предпочитает избегать обеих, при этом обращается к издателю: «Короче, если вам покажется, что не хватает мерзости, – добавим. А если все наоборот, опять же – дело поправимое...» [3, с. 116].

Метатекстуальность, как и эпистолярность, представляется моментом открытия повествователем себя читателю, метатекстуальность предъясняет изнанку текста. Такое повествование, как видно из приведенной цитаты, к тому же выражает желание управлять читателем, заставить рассматривать текст под нужным повествователю углом. В том же письме: «Еще кое-что я сознательно решил не включать. Я решил пренебречь самыми дикими, кровавыми и чудовищными эпизодами лагерной жизни. Мне кажется, они выглядели бы спекулятивно. <...> Я пишу – не физиологические очерки. <...> И не в кунсткамеру я приглашаю своих

читателей» [3, с. 115]. Получается, что внешний читатель (идеальный) подглядывает за автором, который стремится подглядывать за читателем.

Несомненно, стремление повествователя приблизить адресата к тому, что описывается, сделать так, чтобы адресат поверил в описываемое, «Я» и «Ты» стремятся к взаимодействию. Описываемые в письме события или ощущения, происходящие «там» и «тогда», стремятся в сознании адресата стать событиями и ощущениями, происходящими «здесь» и «сейчас», из прошлого переводятся в настоящее. В метаповествовании читатель с автором проходит восстанавливаемый путь создания текста или отдельных его аспектов. Событие написания произведения возрождается, подвергается рефлексии.

Наглядной иллюстрацией метаповествовательного процесса становится рассказ в письме от 23 февраля 1982 года о том, как нарратор ощутил возможность стать писателем: «Я хорошо помню, как это случилось. Мое сознание вышло из привычной оболочки. Я начал думать о себе в третьем лице. Когда меня избивали около Ропчинской лесобиржи, сознание действовало почти невозмутимо: «Человека избивают сапогами. Он прикрывает ребра и живот. Он пассивен и старается не возбуждать ярость масс... Какие, однако, гнусные физиономии! У этого татарина видны свинцовые пломбы...» [3, с. 18]. Без метаповествования не существует писательства, также как без самопознания не существует человек, по утверждению рассказчика: «Не важно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает» [3, с. 17]. Не случайно события, связанные с возникновением желания писать, будут воспроизведены еще раз и помещены в лагерное повествование. В следующем за письмом отрывке будет упомянута драка у лесобиржи: «Это выражение (лица – *М. Е.*) сохранилось при любых обстоятельствах. ...И даже когда заключенные около лесобиржи сломали ему ребро» [3, с. 19]. Однако в «вымышленном» мире вовсе не избиение станет толчком для творчества, а более романтическая ситуация, о которой рассказывается в том же отрывке. На Алиханова нахлынут воспоминания о море, о студенческой практике, о влюбленности в Галю Водяницкую, тогда он решится начать писать. При качественной разнице эмоционально ситуации схожи, ценность приобретают автобиографический опыт и саморефлексия, тогда появляется желание фиксировать свои ощущения [3, с. 27–28].

Метаповествовательный компонент в «Зоне» является частью большого заключающего его текста, в их соседстве, взаимодействии возникает понимание соотношения «жизни» и «литературы». Идеальным вместилищем «текста о тексте» являются письма, через которые пропущена идея

о схожести литературы и жизни: «Жизнь превратилась в сюжет... Моя литература стала дополнением к жизни. Дополнением, без которого жизнь оказывалась совершенно непотребной» [3, с. 18]. В главе с третьеличным повествователем Алиханов, начав писательский путь, понимает, что с этого момента «жизнь стала податливой. Ее можно было изменить движением карандаша с холодными твердыми гранями и рельефной надписью – «Орион»...» [3, с. 28]. У автора писем все же другая точка зрения – в жизни сюжет выделить можно, но переписать не получается: «Да и как мне не верить судьбе? Уж слишком очевидны трафареты, по которым написана моя злополучная жизнь. Голубоватые тонкие линии проступают на каждой странице моего единственного черновика» [3, с.130]. Финальная фраза последнего письма укажет на возникшее у рассказчика желание играть на границах «литературы» и «жизни», он (рассказчик) существует, пока мы о нем читаем: «Вы дочитываете последнюю страницу, я раскрываю новую тетрадь...» [3, с. 130].

Библиографический список

1. *Барينو́ва Е.Е.* Метатекст в постмодернистском литературном нарративе (А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2008. – 23 с.
2. *Высесков П.В.* Функции писем в структуре повести С. Довлатова «Зона» // Критика и семиотика. – 2006. – Вып. 9. – С. 112–125.
3. *Довлатов С.* Зона. Компромисс. Заповедник. – М.: ПИК, 1991. – 352 с.
4. *Лейдерман Н.Л., Литовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. – М.: Академия, 2003. – Т. 2. – 688 с.
5. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 2 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 148–160.
6. *Сухих И.Н.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб.: РИЦ «Культ-информ-пресс», 1996. – 384 с.
7. *Altman J. G.* Epistolarity: Approaches to a Form. – Columbus: Ohio State University Press, 1982. – 235 с.
8. *Waugh P.* Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. – London, New York: Routledge, 1984. – 176 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ТАБАСАРАНСКОЙ ПРОЗЫ

В статье рассматриваются факторы, напрямую связанные с процессом зарождения табасаранской национальной прозы. Основное внимание в работе акцентировано на малые прозаические жанры прозы, которые формировались под влиянием традиций устного народного творчества и русской реалистической литературы. Из всех жанров фольклора на процесс формирования очерка и рассказа в табасаранской литературе наиболее сильное влияние оказали жанры несказочной прозы. Значительное внимание уделяется традициям русской и арабской литературы, появлению письменности и печати, социально-историческим переменам, сыгравшим немаловажную роль в формировании прозы табасаранцев. Автор приходит к выводу, что устно-прозаические народные традиции, в которых тысячелетиями накапливался эстетический и этический опыт табасаранцев, традиции русской и восточной литературы и перемены в общественно-политической и культурной жизни Дагестана в начале XX века способствовали появлению первых прозаических произведений табасаранской литературы.

Ключевые слова: табасаранская проза, фольклора, эпический жанр, рассказ, русская литература, письменность, традиции.

Табасаранская национальная проза зародилась лишь в начале XX столетия, хотя литература табасаранцев своими корнями уходит вглубь веков [3]. Процесс генезиса и динамики прозы у табасаранцев обусловлен рядом важнейших факторов: устно-прозаическое народное творчество, инонациональный художественный опыт, в первую очередь русской и восточной литератур и общественно-политическая действительность, связанная с оживлением литературного движения. Среди них особое место принадлежит родному устному народному творчеству, имеющему многовековую историю.

Вопрос взаимодействия фольклора и литературы является одной из актуальных проблем на всех этапах развития не только табасаранской, но и всех национальных литератур народов России. Без изучения взаимосвязи фольклора и литературы нельзя всесторонне осветить и вопросы о закономерностях и условиях формирования и развития национальных литератур народов Дагестана. Дагестанское литературоведение в этом направлении сделало определенные шаги. Ныне мы располагаем многочисленными исследованиями А. Абдуллатипова, С. Ахмедова, А. Вагидова, У. Далгат, С. Хайбуллаева, М. Юсуфова и других, в которых прослеживается влияние фольклора на национальные литературы народов Дагестана.

Однако, несмотря на наличие такого количества трудов, посвященных анализу взаимоотношения литературы и фольклора, некоторые проблемы этого явления до сих пор не решены. В частности, остаются нераскрытыми вопросы, касающиеся роли устного народного творчества в зарождении и развитии табасаранской прозы. Отсутствие исследований, выявляющих взаимосвязь табасаранской прозы, с одной стороны, и фольклорных традиций, иноязычного художественного опыта, анализа культурно-исторической жизни на рубеже XIX и XX веков, с другой стороны, обуславливают актуальность данной статьи.

Вполне естественно, что на начальном этапе формирования и развития табасаранской литературы главной опорой для нее стали традиции родного фольклора. В различных его жанрах концентрировался весь эстетический и этический опыт табасаранцев, их мировоззрение и философия, в них отражались важнейшие исторические события, шлифовались и оттачивались художественные традиции. Именно поэтому в условиях, когда основная часть населения только приобщалась к грамоте и не была знакома с творениями иноязычных литератур, фольклор не мог не стать важнейшим источником вдохновения для первых табасаранских писателей.

Главные причины обращения табасаранских писателей к народному творчеству заключались и в том, что они в фольклоре видели важнейший источник познания жизни, быта, психологии, дум и чаяний народа, народное творчество было для них составной частью национальной культуры. Исследователь табасаранского фольклора М. Курбанов справедливо отмечает, что «богатые традиции народного творчества и многообразие форм художественного мышления создали основу для зарождения и развития табасаранской литературы. И сегодня народные песни и афоризмы, предания и легенды, сказки и притчи, популярные фольклорные образы и мотивы органически вплетаются в художественную ткань произведений табасаранских поэтов и писателей, обогащая духовное наследие древнего народа» [9, с. 214]. Действительно, каждый упомянутый фольклорный жанр со своим набором характерных черт, особенностей оказал влияние на табасаранскую прозу как на стадии формирования, так и на протяжении всего процесса ее развития. Об этом красноречиво свидетельствуют произведения А. Джафарова, Ш. Казиева, Ш. Шахмарданова, М. Митарова, Э. Ашурбековой, С. Кюребеговой и других современных писателей. Фольклорные элементы гармонично вплетаются в тексты этих и других авторов, что свидетельствует

ет о синкретичности их сознания, о невозможности осмысления современной действительности без понимания многовековой истории народа, выявляемого в фольклоре.

В табасаранском фольклоре эпические жанры занимают большое место. Эпос как результат творческих усилий многих поколений народных сказителей, как художественное воплощение истории табасаранского народа является неиссякаемым источником изучения словесного искусства народа, его языка, этнографии и многих других сторон духовной жизни. Наиболее сильное влияние на процесс формирования малых прозаических жанров, которые и стали первыми образцами прозы табасаранцев [4, с. 47], оказали традиции несказочной прозы, поскольку именно они более всего соответствовали направленности литературного процесса на реализацию реалистического метода изображения действительности.

Табасаранская несказочная проза весьма разнообразна по своему составу и охватывает такие жанры, как мифы, предания, легенды, притчи, сказки и устные рассказы, юмористические и сатирические рассказы (анекдоты). Они объединяются рядом общих черт: более или менее свободной формой изложения, нефиксированной композицией, отсутствием общих мест, свойственных сказочной прозе. Например, в устных рассказах «Кто разозлится, тому нос отрежут» («Хьял гьапИурин хьюхьяр гьядатIур»), «Встречают по одежде – провожают по уму» («Гьюрмат палтариз ваь, адмий-из дапIну ккун»), «Два гостя» («Кьюр хялиж») и в других в центре внимания одно событие, а в основу положен реалистический сюжет; есть основная идея, раскрытию которой подчинено все повествование, герой – носитель и защитник этой идеи; есть художественная цель и внутреннее единство. Каждый из вышеназванных жанров выполняет свою индивидуальную функцию – передает информацию о каких-либо исторических событиях, лицах, моральных и эстетических нормах народа; объясняет мироустройство; представляет собой воспитание, поучение и т.д.

Значительная роль в зарождении прозаических жанров в табасаранской литературе принадлежит преданиям, легендам и сказаниям. Герои этих фольклорных жанров, в отличие от героев устных рассказов, где преобладает реалистический элемент, изображаются идеализированными и гиперболизированными. К примеру, семь братьев из предания «Крепость семи братьев и одной сестры» в варианте, приведенном фольклористом М.М. Гасановым, «за два месяца строительства крепости съели семь пар буйволов, семь пар быков, семьдесят семь баранов», они были такой величины, что на чарыки «для трех братьев хватало шкуры только одного быка, а на одну рубашку – семь метров ткани». Портрет сестры защитников крепости

украшается изощренными эпитетами и сравнениями: в шестнадцать лет она была так прекрасна, что могла бы спорить с луной и солнцем; когда пила воду, легко можно было заметить прозрачность ее шеи, а золотые косы ее были такой длины, что привязывали к ним серебряный кувшинчик и доставали воду из Рубаса [9, с. 114–145].

Следует подчеркнуть, что сказочная проза тоже сыграла свою позитивную роль в процессе зарождения национальной прозы. Сказки в табасаранском фольклоре можно рассматривать как генетические предшественники рассказов. В них выработалась своя художественная система изображения действительности, оказавшая благотворное влияние на становление и развитие табасаранской литературы в целом. Влияние сказочных традиций в табасаранской литературе наблюдается в творчестве таких писателей, как Ш. Казиев, М. Митаров, Ш. Шахмарданов, П. Касимов, Ю. Базутаев и др. Некоторые из них делают литературное переложение сказок, другие создают авторские сказки, совмещающие в себе начала устной и письменной литературы, третьи заимствуют сюжеты, образы, темы и т.д.

Тем не менее, из всех фольклорных жанров устные рассказы, где в основу повествования положен небольшой эпизод из жизни жителей табасаранского аула, более всего близки к первым очеркам и рассказам в истории табасаранской национальной прозы. В период, близкий к появлению первых опытов художественной прозы, в прозаических жанрах фольклора на смену герою, который совершал невероятные подвиги, приходит герой, в изображении которого усиливается реалистический элемент, углубляется психологическая характеристика. Это подтверждает и исследователь дагестанской прозы С.Х. Ахмедов, «героическое в личности уступает место нравственным качествам, вызванным ростом социальных контрастов и противоречий в стране, сопровождающихся поляризацией классовых сил. Герой, выражающий настроения широких масс трудящихся, приобрел отчетливую социальную окраску. На первый план выдвигались такие его особенности, как ловкость, хитрость, умение приспособиться к обстоятельствам, обойти, оставить в дураках, осмеять представителя враждебного класса, богатея, муллу, кадия» [2, с. 24]. С таким героем очень много общего у героя первых прозаических произведений табасаранских писателей; такие явления как схематизм, подчеркивающий социальное деление, отсутствие индивидуальных черт, психологизм сближают его с персонажами фольклорных жанров.

Фольклорное влияние в табасаранской литературе начала прошлого столетия проявляется в языке, стиле, поэтике прозы в целом. Ономастопозитические слова, посредством которых передается все богатство звуков и красок при описании пейзажа,

с чувством такта используются А. Джафаровым в бессюжетном этюде «Весна», сборнике рассказов «Тогда и теперь». Фразеологизмы, междометия, формы обращения – все служит средством выразительности, показывающим, что речь идет именно о представителях табасаранского народа. Противопоставление, на котором построен сборник рассказов А. Джафарова, также является данью фольклорной традиции. В качестве другого примера использования фольклорных традиций зарождающейся табасаранской прозой можно привести рассказы одного из основоположников табасаранской советской литературы Б. Митарова «Беспомощный сирота» («Кюмексуз йитим») и «Мулла Пинхаз» («Малла Пингъаз»). Элементы поэтики устного народного творчества в произведениях табасаранских прозаиков – это не только использование традиционных эпических форм, но и воплощение собственных идейно-эстетических исканий, отражающих запросы своего времени.

Табасаранская проза на стадии своего возникновения не могла ориентироваться исключительно на национально-художественное наследие. Инонациональный художественный опыт, в первую очередь, опыт русской (классической и советской) и арабских литератур, явился не менее важным фактором, повлиявшим на процесс зарождения прозы табасаранцев.

Во многом именно русская реалистическая литература, по мнению литературоведа Р.Ф. Юсуфова [14, с. 17], дала импульс и основу для составления и совершенствования зарождавшихся прозаических форм в письменных литературах. Влияние русской культуры на развитие национальных литератур Дагестана, начавшееся в XIX веке и связанное с углублением социальной проблематики, в 30-е годы XX столетия усилилось.

В деле усвоения опыта более развитых литератур огромную роль сыграли приезды делегации русских писателей в Дагестан. Писатели непосредственно знакомились с классическими творениями русских мастеров слова и в период становления собственной национальной литературы даже в чем-то подражали им. Это воздействие усиливалось благодаря тому идеологическому единству, пафосу строительства «светлой» жизни, которые имели место в то время. Но воздействие русской литературы сыграло отнюдь не негативную роль. По признанию известного табасаранского писателя А. Джафарова, «при встречах с Павленко, Тихоновым, Луговским и другими русскими художниками наше общение было самым непосредственным. Царил дух товарищества, дружбы. В кругу беседующих были не столько учителя и ученики, сколько собратья по перу, что приносило несомненные плоды. На первых порах нам, молодым поэтам, хотелось подражать великим писателям – Маяковскому, Горькому, Бедному. Хотелось объять все. Я писал

о патриотизме, о новом ауле, о человеке труда, об ударниках, о строителях дорог, о любимых людях народа – Ленине, Кирове. Может быть, недостаточно зрело, но писал обо всем, что на моих глазах существенно менялось, что меня волновало. Во мне зрела потребность поисков нового стиля в отражении ранее невиданных событий» [13, с. 124].

Немаловажное значение в формировании табасаранской прозы имело осуществление переводов на родной язык произведений классиков русской и советской литературы. Литературные переводы произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, В.В. Маяковского и других писателей и поэтов способствовали проникновению в табасаранскую литературу традиций русской и через нее европейской литературы. Примером такой опосредованной контактной связи литератур может служить произведение Э. Ханмагомедова, написанное в 30-е годы прошлого столетия, в период формирования национальной прозы. В основе нравоучительного рассказа «Кто работает, тот ест» («Гъапури ипур») лежит обработанный сюжет басни И. Крылова «Стрекоза и муравей», который был заимствован Крыловым у французского поэта Лафонтена, а тот, в свою очередь, перенял его у известного древнегреческого баснописца Эзопа.

Тем не менее, переориентация с арабской культуры, с которой столетиями тесно взаимодействовала дореволюционная дагестанская литература, на русскую культуру имела и отрицательную сторону. Как справедливо отмечают исследователи аварской литературы З.З. Гаджиева и М.Х. Гаджихмедова, «русская ориентация культуры вызвала появление локального образа врага – “арабиста”. И началось гонение на ученых, отрицание арабского языка, арабской поэтической традиции и нигилистическое отношение к арабоязычной культуре» [7, с. 84].

В художественной системе дагестанских национальных литератур арабо-восточный пласт является одним из главных. Как считают литературоведы, именно на арабском языке возникли первые литературные памятники на Северном Кавказе. Известный ученый академик И.Ю. Крачковский, изучая влияние арабской культуры на северокавказские литературы, относит дагестанцев к народам, впитывавшим арабскую культуру в течение нескольких веков [8, т. 6, с. 609].

Скруплезное изучение проблем арабо-восточных традиций в дагестанских национальных литературах, безусловно, помогло бы дагестанскому литературоведению более широко взглянуть на процесс генезиса и онтогенеза этих литератур. «Изучение формирования арабо-язычной традиции проливает свет на процессы становления и развития художественной литературы народов Северного Кавказа, – пишет Х.В. Туркаев, – позволяет проследить, как в дальнейшем развивались

эти литературные традиции» [11, с. 92]. Обращение исследователей литератур народов Дагестана к арабо-восточному пласту вполне объяснимо. Ведь зарождение литературы у народностей Дагестана происходит и благодаря усвоению опыта арабской культуры. Не составляет исключения и словесность табасаранцев.

Средневековая художественная система по сравнению с современной обладала более прикладным характером и несла в себе историко-познавательную, поучительную функции. Распространение арабской культуры в Дагестане способствовало проникновению в литературу народов Страны Гор восточных литературных сюжетов, сюжетных мотивов, тем и образов. Об этом свидетельствует эпическая поэма Гаджи-Саида из Зюрдяга «Череп».

Во время национально-освободительной войны горцев под руководством Шамиля в XIX веке исторические хроники получают широкое распространение. Наиболее ценной из них является хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах», написанная на арабском языке. К числу редких уцелевших рукописей табасаранских деятелей XIX века относятся «Хронологические записки» Рамазан из Куштиля, составленные на арабском языке между 1813 и 1818 годами и переведенными ученым-историком А.Р. Шихсаидовым [12, т. IX, с. 137–140].

В хронике даны предельно лаконичные исторические справки о смерти некоторых южно-дагестанских правителей, о борьбе с внешними врагами, о выступлениях внутри Табасарана, об эпидемии чумы и т.д. Ценность «Хронологических записок» Рамазана из Куштиля для табасаранской прозы заключается в том, что они являются образцом перехода устной формы в письменную литературу. Хроники, созданные на арабском языке, дали толчок к появлению прозаических произведений на табасаранском языке.

1930-е годы в истории литератур народов Дагестана – сложный и противоречивый период. Дело в том, что само идейно-художественное звучание табасаранской литературы, как и других литератур народов Дагестана тех лет, во многом предопределялось установками и решениями центральных вышестоящих органов власти. Формировавшаяся новая литература, которая была призвана участвовать в борьбе за укрепление социализма, зависела от их предначертаний и указаний.

Первые произведения табасаранских писателей носили ярко выраженный просветительский и дидактико-агитационный характер. Действительность, которой оперировали первые табасаранские прозаики, была обильна картинами нищеты, невежества и суеверия масс, гнета и коварства беков, ханов, бесправного положения женщин. Основной очерка или рассказа становится эпизод из жизни

бедняков, описывающий гнет со стороны богачей. Основными темами первых произведений табасаранцев явились события революционной действительности и исторического прошлого. Писатели выступали против отживших феодально-патриархальных традиций, обычаев, гнета эксплуататорского класса, социального неравенства и с большим энтузиазмом пропагандировали идеи просвещения простого народа, ратовали за установление социальной справедливости. Они больше восхищались происходившими процессами, чем анализировали и художественно изучали новый строй, «в котором личность подчинена государству, организующему жизнь людей на основе общности» [5, с. 15]. Принцип партийности литературы отрицательно сказывался на художественности произведений: «Заданное методом социалистического реализма и официальной идеологией отрицание и тотальное осуждение старых (то есть, дореволюционных) национальных ментальных обычаев и традиций как противоречащих и мешающих утверждению нового мира, требование полного отказа от них с одновременным (не лишенным фарисейства) призывом использовать национально-художественные традиции в искусстве, социалистическим по содержанию и национальным по форме, закономерно вело к этнографизму, национально-экзотической риторике, к конечному взаимоотчуждению содержания и формы» [1, с. 157]. «Но обнаруживая, выпячивая негативное, замалчивая позитивное было бы, по крайней мере, нереалистично. Но анализ послеоктябрьского развития дагестанской культуры, позволяет признать, что и в 20-30-е, и последующие годы, т.е. на всех этапах строительства социализма, создавались невиданные ранее условия для культурно-эстетического развития народов Дагестана» [6, с. 5].

Исключительно положительным фактором для зарождения табасаранской прозы явилось создание новой письменности (до революции табасаранская письменная литература создавалась на аджаме – арабском алфавите, приспособленном к особенностям фонетики дагестанских языков) на основе латинской графики одними из талантливых писателей и ученых Г. Гаджибековым и Т. Шалбузовым. Немаловажное значение имел и выход газеты на табасаранском языке, которая время от времени публиковала «Литературную страницу».

Первой газетой, положившей начало табасаранской периодической печати, принято считать газету «Уьру Табасаран» («Красный Табасаран»), первый номер которой вышел 1 мая 1932 года в Бурган-Кенте. До этого в 1923 году с. Маджалис вышли несколько номеров газеты «Голос табасаранца» на тюркском языке [10, с. 8]. Печатный орган табасаранцев – общественно-политическая газета «Красный Табасаран» под редакцией Темирхана Шалбузова сразу же заняла четкую иде-

ологическую позицию. Она рисовала картины пробуждения народа от многовековой кабалы, приветствовала всюду пробивающиеся ростки нового в быту, в сознании широких трудящихся масс.

В газете печаталась специальная литературная страница. Газета стала местом, где сгруппировались все, кто хотел попробовать свои силы на литературном поприще. «Красному Табасарану» многим обязаны А. Джафаров, А. Везиров, Б. Митаров, Э. Ханмагомедов, Т. Шалбузов и другие. На страницах первого табасаранского печатного издания оттачивался их стиль, вырабатывалась индивидуальная манера. Конечно, «работа в газете учила остроте политического видения, умению ставить в творчестве актуальные жизненные проблемы», однако отрывочность газетного материала приносила и свои отрицательные моменты: «Очерковость литературы, вытекавшая из газетной конкретики, в известной мере, тормозила процесс создания полнокровных образов» [2, с. 113].

Таким образом, трансформация устно-прозаических народных традиций национальной прозы табасаранцев в литературные произошла в 30-е годы XX столетия. Этот период по праву считается периодом зарождения прозаических жанровых форм в истории табасаранской литературы. Наиболее важными факторами, повлиявшими на процесс генезиса табасаранской прозы, стали: освоение опыта русской и арабских литератур, которое выражалось в подражании классикам, заимствование новых форм, сюжетов, тем, осуществление переводов на табасаранский язык, создание новой письменности на основе латинской графики, а также выход газеты «Красный Табасаран», ставшей в свое время центром литературной мысли табасаранцев.

Библиографический список

1. Алиева С.У. Возрождение национальных традиций // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысляя. – М.: Наследие, 1995. – С. 142–165.

2. Ахмедов С.Х. Художественная проза народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1996. – 280 с.

3. Аиурбеков А.А. Зарождение и развитие табасаранской прозы (1930–50 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 24 с.

4. Аиурбеков А.А. К истории становления жанра рассказа в табасаранской литературе (1930-е годы) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета: Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 47–49.

5. Боров Ю.Б. Эпоха и парадигма (история поисков формулы бытия человечества) // Филологические науки. – 2004. – № 6. – С. 14–23.

6. Вагидов А.М. Певец новой жизни // Вагидов А.М. Поиск продолжается. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. – С. 5–17.

7. Гаджиева З.З., Гаджиева М.Х. История аварской советской литературы (20–50 гг.). – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. – 369 с.

8. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 т. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. – Т. 6. – 739 с.

9. Курбанов М.М. Душа и память народа: Жанровая система табасаранского фольклора и ее историческая эволюция. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1996. – 224 с.

10. Печать Дагестана: справочник / ред.-сост. А.А. Алиханова. – Махачкала, 1983. – 243 с.

11. Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. – 347 с.

12. Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // Ученые записки. Т. IX. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1961. – С. 137–140.

13. Юсуфов М.Г. Табасаранская национальная литература. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. – 232 с.

14. Юсуфов Р.Ф. Многонациональная литература народов Дагестана // Национальное и интернациональное в литературе народов Дагестана. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1973. – С. 5–19.

ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ УРБАНОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются основные модели урбанонимических систем городов Российской Федерации. Автор статьи считает, что в несходных по статусу населенных пунктах проявляются различные закономерности в создании и употреблении городских топонимов. В топонимии Российской Федерации выделяются регулярные оппозиции моделей систем урбанонимов *столичный город / провинциальный город, большой город / малый город, старый город / молодой город, полиэтничный город / моноэтнический город*. Отнесение урбанонимических систем к одной из перечисленных моделей происходит на основании учета как экстралингвистических (статус города, возраст и т. д.), так и лингвистических (используемые номинативные модели) факторов. Автор перечисляет основные типологические признаки данных моделей, указывает типичные для них номинативные модели. В системе урбанонимов *столичного города* впервые появляются онимические модели, используемые затем в провинциальных городах. Характерной чертой системы является наличие в ней названий-посвящений, создание которых связано с реализацией городом столичной функции. В системах урбанонимов *больших городов* отмечается большее количество названий-посвящений и эвсемантических названий, чем в *малых городах*. Более разнообразен в них и состав используемых топонимических основ. Системы топонимов *молодых городов* содержат онимические модели, характерные для советского периода истории страны. В них невозможен процесс возвращения исторических названий. Для *полиэтнических городов* характерна двуязычность урбанонимии, реализуемая как в написании каждого топонима на двух государственных языках, так и в двуязычности урбанонимических основ. Проведенный автором анализ позволит исследователям выявлять особенности систем урбанонимов, типичные для подобных городов или характерные лишь для одной онимической системы.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, собственное имя, городское онимическое пространство, урбаноним, ойкодомоним, посвящение, столица, провинция.

Последние несколько десятилетий характеризуются активным развитием в нашей стране урбанонимических исследований. Количество статей и тезисов, опубликованных в Российской Федерации, не поддается счету; в различных вузах в 2000-е гг. защищено более 10 кандидатских диссертаций. В нашей стране появились и первые монографические исследования русской урбанонимии [2; 9]. К сожалению, большинство из указанных работ констатирует уже неоднократно отмеченные предшественниками особенности. По этой причине городское онимическое пространство по-прежнему не получило всестороннего полноценного научного осмысления.

Во время написания кандидатской диссертации [4], посвященной рассмотрению урбанонимических систем больших провинциальных городов, мы впервые обратили внимание на существующее сходство между ономастиконами населенных пунктов одного статуса. Дальнейшие исследования городской топонимии разных регионов страны привели нас к мысли о том, что в несходных по социальному статусу населенных пунктах существуют различия в построении урбанонимических систем. Знакомство с текстами защищенных диссертаций, обработка данных по городским названиям Российской Федерации окончательно убедили нас в этом.

Цель настоящей статьи – представить типологию онимических систем городов Российской Фе-

дерации. Ранее на различных ономастических конференциях (см.: [5; 6]) мы обсуждали с коллегами отдельные ее положения. В настоящей публикации мы намерены представить указанную типологию в развернутом виде. Источниками нашего исследования послужили материалы электронной картотеки «Урбанонимия России», созданной на основе анализа сведений, извлеченных из информационных баз адресации объектов в Центральном федеральном округе (далее ЦФО) Российской Федерации, баз данных почтовых индексов, а также текстов различных путеводителей. При упоминании урбанонимов в статье мы будем указывать лишь географический термин *улица* как наиболее универсальный для российской городской топонимии.

В городской топонимии Российской Федерации нами выделены следующие регулярные оппозиции типов систем урбанонимов: *столичный город / провинциальный город, полиэтничный город / моноэтнический город, город-миллионник / большой город / малый город, старый город / молодой город*.

Система названий *столичного города* является наиболее ономастически развитой системой урбанонимов в стране. В нашей стране данную модель реализуют онимические системы двух городов – Москвы и Санкт-Петербурга.

Важной особенностью топонимической системы столичного города является наличие разработанной концепции формирования урбанонимического пространства, реализуемой на протяжении

многих десятилетий. Например, работа топонимической комиссии Санкт-Петербурга регламентируется не только утвержденным положением о комиссии, но и Программой работы Топонимической комиссии Администрации Санкт-Петербурга [3]. Сложившиеся в Москве принципы номинации объектов подробно описаны Т.П. Соколовой в «Комментариях к Закону города Москвы...» [7, с. 127–190]. Их разработка обусловлена необходимостью упорядочения онимических систем территорий, включенных в черту столицы в 2012 г.

В Москве и в Санкт-Петербурге широко представлены не только ядерные (годонимы, агоронимы, городские хоронимы), но и периферийные (ойкодомонимы, названия фонтанов, монументов и т. д.) разновидности урбанонимов. Например, такая группа периферийных онимов, как названия фонтанов, встречается практически исключительно в двух российских столицах, в то время как в остальных населенных пунктах страны подобные наименования либо являются единичными, либо представлены описательными оборотами, не являющимися собственными именами (*фонтан на площади Дерунова, фонтан у Дома культуры «Авиатор»*), оба – Рыбинск).

Столичная урбанонимическая система характеризуется сравнительно большим набором урбанонимических терминов. Например, если в провинциальных городах для обозначения новых зданий в основном употребляются термины *жилой комплекс* и *квартал*, то в Москве отмечено использование и других терминов: *городок, парк, посад, усадьба, резиденция, плаза, особняк, палаты, хаус, таунхаус* и др. [8, с. 292].

В ономастиконе российских столиц впервые появились многие новые урбанонимические термины. Первым географическим объектом, обозначенным с помощью термина *бульвар*, стал *Тверской бульвар* в Москве, обустроенный летом 1796 г. на месте десятикилометровой стены Белого города, утратившей к этому времени свое оборонительное значение. Впоследствии принцип устройства бульваров на месте защитных сооружений был реализован и в других российских городах. Например, в Ярославле *Казанский* (современный *Первомайский*) *бульвар* появился в XIX в. на месте защитных сооружений Земляного города. Соответственно термин *проспект* обязан своим появлением системе урбанонимов Санкт-Петербурга, в которой он был впервые зафиксирован в XVIII в.: *перспективная дорога к Невскому монастырю / Прешпективная к Невскому монастырю* → *Большая перспективная дорога / Большая прешпективная дорога* → *Невская Преспективная улица* → *Невская перспектива* → *Невский проспект*. В провинциальных городах данный термин стал активно употребляться лишь в XX в.

В системе урбанонимов *столичного города* впервые появляются многие номинативные мо-

дели, впоследствии используемые в других населенных пунктах страны. В топонимии Санкт-Петербурга появились как сами персональные посвящения (*Пушкинская улица*, 22.02.1882), так и генитивная модель, при помощи которой создавались подобные онимы (*улица Глинки*, 20.11.1892; *улица Жуковского*, 10.07.1902). Первые послереволюционные переименования городских объектов в провинциальных городах часто копировали аналогичные преобразования, произведенные в Санкт-Петербурге в 1918–1919 гг.

В топонимической системе Москвы произошло становление таких новых урбанонимических категорий собственных имен, как названия торговых центров и жилых комплексов. Впоследствии мода на подобные названия перешла в провинцию. Показательно, что начало формирования данных типов собственных имен в большинстве случаев было связано с приходом на строительный рынок регионов московских подрядных организаций и инвесторов.

Другой важной особенностью столичной урбанонимической системы является наличие в ней посвящений, реализующих функцию главного города страны. Так, и дореволюционная петербургская, и послереволюционная московская топонимические системы содержали посвящения населенным пунктам, регионам и рекам нашей страны. Например, в Санкт-Петербурге до революции сложилась традиция создания посвящений географическим объектам: в Московской части города увековечивались города Московской губернии, в Каретной части – населенные пункты Украины, в Литейной части – центры западных губерний, а в Нарвской части – города Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний (современные Эстония и Латвия) и т. д. (подробнее об этом см.: [1, с. 119–129]). После революции аналогичные ансамбли стали складываться и в Москве. Как отмечает Т.П. Соколова, «в соответствии с географическим принципом названия улиц отражают направления на известный географический объект: *Кольская улица* (по Кольскому полуострову), *Северодвинская улица* (по реке Северная Двина) расположены на *севере* Москвы, *Верхоянская улица* (по заполярному городу Верхоянск) – на *севере-востоке* Москвы, *Амурская улица* (по реке Амур), *Челябинская улица* (по городу Челябинск) – на *востоке* Москвы...» [7, с. 168–169].

Столичная функция обусловила и появление в Москве топонимов, увековечивавших память о зарубежных лидерах, деятельность которых признавалась полезной для нашей страны. Например, в Москве во времена СССР появились такие названия площадей, как *площадь Амилькара Кабрала*; *площадь Бельи Куна*, *площадь Викторико Кодовильи*, *площадь Ганецкого*, *площадь Джавахарлала Неру*, *площадь Индиры Ганди*; *площадь Иосипа Броз Тито*, *площадь Ле Зуана*, *площадь Мартина*

Лютера Кинга, Спартакoвская площадь, площадь Эрнста Тельмана, площадь Хо Ши Мина, площадь Шарля Де Голя.

Решения о создании урбанонимов в столицах часто принимаются на федеральном уровне, нередко без учета мнения местных властей. Примером подобной номинативной политики является создание в Москве в 2004 г. *улицы Ахмата Кадырова*, в 2008 г. – *улицы Солженицына*, переименование в 2011 г. станции метро «*Братеево*» в «*Алма-Атинскую*». Показательно, что появление в Москве *улицы Высоцкого* произошло лишь после того, как 16 апреля 2015 года во время прямой линии В.В. Путину был задан вопрос о возможности присвоения имени поэта одной из московских улиц. Президент России пообещал обсудить этот вопрос с мэром Москвы Сергеем Собяниным. 25 мая 2015 г. было принято решение о переименовании *Верхнего Таганского* и *Нижнего Таганского тупиков* в *улицу Высоцкого*.

Появление новых урбанонимов в Москве может являться поводом для возникновения аналогичных предложений в других регионах страны. Например, присвоение в Москве в 1995 г. одному из объектов названия *площадь Соловецких Юнг* привело к поступлению в Ярославскую межведомственную комиссию по наименованию объектов улично-дорожной сети предложения о присвоении аналогичного названия. Заявители в качестве доказательства необходимости подобного топонима в Ярославле указали, что такое название появилось в Москве. Заметим, что в 2005 г. аналогичный топоним был создан в Казани.

В провинциальных городах выделяются регулярные модели систем урбанонимов *большой город / малый город*. Безусловно, существует и переходная модель – *средний город*, которую мы не будем рассматривать в рамках данной статьи.

Системы урбанонимов большого города / малого города различаются разрядами урбанонимов, функционирующих в онимическом пространстве населенного пункта. Ономастикон *большого города* представлен не только ядерными разрядами урбанонимов (годонимами и агоронимами, городскими хоронимами), но и периферией: ойкодонимами, названиями мостов, монументов, объектов транспортной инфраструктуры и др. Онимическая система *малого города* преимущественно состоит из ядерных разрядов (годонимов, реже агоронимов), периферийные онимы в ней практически не представлены.

В малых провинциальных городах употребляется ограниченное количество географических терминов (*улица, площадь, переулок*), в то время как в больших провинциальных городах активно используются и другие термины: *бульвар, набережная, проезд* и др. Например, термин *проспект* зафиксирован нами в 88 городах ЦФО (28,4 %):

в 2 городах-миллионниках (100 %), в 27 больших городах (71 %), в 21 среднем городе (44,7 %) и в 38 малых городах (17 %). Аналогичную картину мы наблюдаем и с использованием в населенных пунктах термина *бульвар*. Он активно употребляется в городах-миллионниках (2 города, 100 %) и больших городах (29 городов, 76,3 %), но редко используется в средних (10 городов, 21,3 %) и малых (16 городов, 7,2 %) населенных пунктах. Для сравнения: термин *площадь* высокочастотен во всех типах населенных пунктов: города-миллионники – 100 %, большие города – 89,5 %, средние города – 72,3 % и малые города – 56 %, поскольку является единственным урбанонимическим термином для обозначения подобного типа объектов.

Системы урбанонимов малых и больших провинциальных городов характеризуются разной степенью концентрации урбанонимических основ. Если первую десятку наиболее частотных урбанонимов малых городов образуют всего 11 названий, то первую десятку больших городов – 45 названий. Если в малых городах ЦФО не повторяется ни один из урбанонимов, то в больших городах 15 названий представлены в 90 % населенных пунктов.

В больших и малых провинциальных городах наблюдается различное соотношение типов урбанонимов.

В малых городах отмечено всего 2 типа урбанонимов: урбанонимы-посвящения (8 названий, 73 %) и урбанонимы-характеристики (3 названия, 27 %). Первый тип представлен четырьмя разновидностями: посвящения организации / группе лиц (*Комсомольская, Молодежная, Пионерская улицы*), идеологическим понятиям (*улица Мира, Советская улица*), событию / празднику (*Октябрьская, Первомайская улицы*) и персональные посвящения (*улица Ленина*), а второй тип – одной разновидностью: названиями, описывающими качества и свойства объекта (*Лесная, Новая, Садовая улицы*).

В больших городах представлены все 3 типа урбанонимов: урбанонимы-посвящения (27 названий, 60 %), урбанонимы-характеристики (16 названий, 35,5 %) и эвсемантические урбанонимы (2 названия, 4,5 %). Урбанонимы-посвящения представлены пятью разновидностями: персональные посвящения (*улицы Гагарина, Горького, Дзержинского, Кирова, Ленина, Лермонтова, Маркса, Маяковского, Островского, Пушкина, Льва Толстого, Фрунзе, Чапаева, Чернышевского, Чехова*), посвящения организации / группе лиц (*Комсомольская, Молодежная, Пионерская, Рабочая улицы*), событию / празднику (*улица 8 Марта, Октябрьская, Первомайская улицы, улица Победы*), идеологическим понятиям (*улица Мира, Советская, Пролетарская улицы*) и географическим объектам (*Московская улица*). В больших городах среди частотных названий зафиксировано два типа урбанонимов-характеристик: названия, описывающие

качества и свойства объекта (*Восточная, Лесная, Луговая, Набережная, Новая, Парковая, Полевая, Садовая, Северная, Южная улицы*), и урбанонимы, отражающие местоположение антропогенных объектов (*Дачная, Железнодорожная, Заводская, Колхозная, Спортивная, Школьная улица*). Наконец, в больших городах среди частотных названий встречаются эвсемантические названия: *Зеленая улица* и *Солнечная улица*.

Интересен состав персональных посвящений в малых и больших городах. Состав персональных меморативов, зафиксированных в больших городах, более разнообразен, чем состав меморативов малых населенных пунктов. Отмеченную закономерность можно увидеть, сопоставив первые пятерки наиболее популярных персональных посвящений. В малых городах представлены меморативы в честь политических деятелей (*улицы Ленина, Кирова, Калинина*) и писателей (*улицы Горького* и *улицы Пушкина*), а в больших городах – меморативы в честь политических деятелей (*улицы Дзержинского, Ленина, Кирова, Маркса*), писателей (*улицы Гоголя, Горького, Лермонтова, Маяковского, Островского, Пушкина, Толстого, Чернышевского, Чехова*), военных (*улицы Чапаева* и *улицы Фрунзе*) и космонавтов (*улицы Гагарина*).

Различаются системы урбанонимов малых и больших городов и количеством эвсемантических онимов. В малых городах регулярно используется лишь топоним *Зеленая улица*, значительно реже – *Солнечная улица*. Заметим, что оба урбанонима не входят в первую десятку частотных названий. В больших городах частотными являются эвсемантические топонимы *Березовая улица, Зеленая улица, Солнечная улица, Сосновая улица, Цветочная улица, Светлая улица, Вишневая улица*. Все они входят в первую двадцатку самых распространенных названий.

В качестве особой разновидности систем урбанонимов должна быть выделена и модель **молодого города**. На наш взгляд, к ней следует относить онимические системы вновь созданных городов, а также городов, изменивших свой социальный статус. Как показывают собранные нами материалы, подобные онимические системы существенно отличаются по своим свойствам от систем старого города. Например, в городе Голицыно Московской области, отнесенном к типу малых городов, зафиксировано 20 объектов с термином *проспект* и всего 6 объектов с термином *улица*. Указанное соотношение нетипично для урбанонимии подобных населенных пунктов. Другим примером является система урбанонимов города Радужный Владимирской области. В ней отсутствуют улицы, населенный пункт поделен на кварталы и территории. Аналогичную картину можно наблюдать и в городе Десногорске Смоленской области, территория которого поделена на территории и микрорайоны.

В обоих населенных пунктах преобладают номерные названия. В урбанонимической системе молодого города, очевидно, невозможен процесс возвращения исторических названий.

Особый тип образует урбанонимическая система **полиэтнического города** – населенного пункта, в котором языки двух и более этносов имеют статус государственных. Основной особенностью подобных систем является двуязычность топонимии. Она реализуется в обязательном написании каждого названия на двух государственных языках территориального образования: *улица Рябинина / Рябинин урем, улица Советская / Советский урем* (все – Йошкар-Ола), *Кремлевская улица / Кремль урем* (Казань).

Отличительной особенностью подобных систем является и двуязычность урбанонимических основ. С помощью основ второго государственного языка территориального образования могут быть образованы любые типы топонимов. Например, в урбанонимической системе Казани нами отмечены следующие разновидности подобных названий:

- урбанонимы, описывающие качества и свойства объекта: *улица Агачлык* ('роща, лесок'), *Яшь урам* ('молодая улица'), *улица Кунче* ('кожевник');
- урбанонимы – посвящения праздникам: *улица Науруз* ('новогодний праздник по солнечному (иранскому) календарю'), группам людей: *улица Яшьлеч* ('молодость'), идеологическим понятиям: *улица Эш Урам* ('улица труда');
- эвсемантические урбанонимы: *улица Айнуур* ('месяц' + 'луч'), *улица Лачын* ('сокол, соколиный').

Двуязычность основ иногда приводит к появлению названий-дублетов. В ономастиконе Казани нами зафиксированы следующие подобные наименования: *улица Айлы* ('лунная') / *Лунная улица*, *улица Жиякля* ('ягодная') / *Ягодная улица*, *улица Мияш* ('рябина') / *Рябиновая улица* и др.

Намеченная нами типология систем урбанонимов Российской Федерации позволит, на наш взгляд, более полно описывать особенности онимических систем отдельных населенных пунктов. Осознание отмеченных закономерностей городских ономастиконов позволит исследователям выявлять, какие из них являются типичными для подобных населенных пунктов, а какие характеризуют лишь данную систему.

Библиографический список

1. *Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д.* Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко. – М.: Центрполиграф, 2014. – 319 с.
2. *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. – М.: ОЛРС, 1996. – 304 с.

3. Программа работы Топонимической комиссии Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spbculture.ru/ru/progr.html> (дата обращения: 23.05.2016).

4. *Разумов Р.В.* Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля): дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2003.

5. *Разумов Р.В.* Типология систем урбанонимов русских провинциальных городов: малый город / большой город // Ономастика Поволжья: материалы XIV междунар. науч. конф. – Тверь, 2014. – С. 156–159.

6. *Разумов Р.В.* Типология систем урбанонимов Российской Федерации // Этнолингвистика. Оно-

мастика. Этимология: материалы III междунар. науч. конф., Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2015. – С. 223–225.

7. *Соколова Т.П.* Нейминговая экспертиза: организация и производство. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 208 с.

8. *Соколова Т.П.* Проблема нейминга и нейминговая экспертиза (на примере названий жилых комплексов) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 8. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 291–295.

9. *Шмелева Т.В.* Ономастикон российского города. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 138 с.

УДК 81'373

Поляков Александр Сергеевич

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
xanderpolyakov@gmail.com

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭТНОНИМ»

В настоящей статье рассматривается история термина «этноним», вокруг значения которого возникла значительная научная дискуссия. Ее анализ позволяет отследить ход осмысления этнонима как явления, трансформацию значения термина и, следовательно, развитие этнонимии как одного из разделов лексикологии. На протяжении всего развития этнонимии вопрос отнесения этнонимов к именам собственным или нарицательным был важным для исследователей. Данный вопрос возник еще до появления собственно термина «этноним», употребляемого в наши дни. Важен также вопрос включения этнонимов в более обширный круг лексики. Для этого в разное время лингвистами разрабатывались типологии тематических групп лексики, включающие в свой состав этнонимы. Одни из них были основаны на широком понимании этнонима, другие указывали на место этнонима в системе коллективных собственных имен – койнонимов, нарицательных имен, называющих множества идентичных единиц – номенов. Наконец, была предложена концепция идентииона – апеллятивного названия лица по его идентичности какой-либо группе. Данная концепция, на наш взгляд, лучше всего указывает на функцию, с которой употребляются этнонимы и другие названия идентичности.

Ключевые слова: этноним, этнонимика, ономастическая терминология, имя собственное, имя нарицательное, койноним, номен, идентиионим.

Полномасштабные исследования этнонимов – названий этнических общностей – проводились на протяжении длительного времени в русле традиций сравнительно-исторического языкознания. Однако на названия лиц по национальной или государственной принадлежности обращали внимание и ранее. Так, еще в XVII веке Мелетий Смотрицкий в грамматике 1619 года упоминает *имена отечественные*. В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, А.А. Барсов употребили в своих работах этот же термин. А.Х. Востоков выбрал термин *народные имена*. В середине XX века появился термин *патронимика*, использованный Е.А. Левашовым: его Г.Ф. Ковалев считает неудачным, поскольку он совпадает с термином этнографии, имеющим иное значение, и не указывает на этнический аспект [10, с. 5].

В конце XIX века на этапе выработки норм правописания попутно была поднята проблема отнесения этнонимов к собственным или нарицательным именам, так как представлялось, что от этого будет зависеть норма написания данных единиц с заглавной или строчной буквы. Подобное формальное

разграничение при определении ономастического статуса этнонимов еще до окончательной кодификации их написания со строчной буквы предлагал Я.К. Грот: «Названія народовъ пишутся многими всегда съ малой буквы, конечно на томъ основаніи, что признаются нарицательными именами, означающими признакъ происхожденія, подобно другимъ родовымъ именамъ, показывающимъ общность принадлежащего имъ признака» [цит. по: 7, с. 153]. Аргументом, косвенно доказывающим нарицательную природу этнонимов, стало также их появление в словарях конца XIX века [7, с. 147].

Термин *этноним* появился в исследованиях начала XX века, а в 1970-е годы стал использоваться широко и повсеместно [10, с. 5]. Научный интерес к общетеоретическим проблемам русской этнонимии в советской лингвистике возник с новой силой во второй половине XX столетия. Значительный вклад в разработку данной области внесли В.А. Никонов, А.А. Белецкий, В.И. Супрун, Г.Ф. Ковалев. Р.А. Агеева; также Е.В. Богомякова приводит ряд имен исследователей: А.И. Попов, Г.А. Хабургаев, В.Н. Шапошников [4, с. 3].

Так, «группа ономастики Института этнографии АН СССР, созданная в 1967 г., начала свою работу именно с исследования этнонимов» [21, с. 3–4]. Как отмечает Р.Ш. Джарылгасинова, вопросы, поднятые руководителем группы В.А. Никоновым в статье «Этнонимия», открывающей сборник «Этнонимы», актуальны и сейчас, и над их решением лингвисты работают по настоящее время [8, с. 439]. В.А. Никонов разграничивает понятия *этноним*, *этнонимия*, *этнонимика*, а по одному из наиболее трудноразрешимых вопросов этнонимики высказывает сомнение: можно ли признать этнонимы именами собственными [14, с. 5]. В.А. Никонов считал, что спор об отнесении этнонимов к собственным или нарицательным именам на момент проведения его исследования был беспредметным по причине неразработанности теории имени собственного, отмечая при этом, что «граница между собственными и нарицательными именами не зависит от четкости их объектов» [14, с. 6], при этом сам он признавал этнонимы именами собственными и, более того, относил к этнонимам обозначения лиц по их местожительству и даже прозвища, полученные от соседей [1, с. 4].

По классификации А.А. Белецкого, этнонимы – это разновидность койнонимов, относящихся, в свою очередь, к антропонимам (в «Словаре языковедческой терминологии» З. Голомба, А. Хейнца и К. Полянского: «койноним – слово в форме единственного и множественного числа, выражающее (=обозначающее) совокупность (=общество, коллектив, группу) людей с присущим каждому из них неотъемлемым (или мыслимым как неотъемлемый, или ингерентный) признаком или обозначающее одного человека, составляющего единицу такой совокупности и, следовательно, также наделенного некоторым неотъемлемым признаком» [цит. по: 3, с. 162]). С другой стороны, «если единичность, или сингулярность, обозначаемого эйдонимом объекта действительности должна считаться характерной чертой ономастических элементов, то включение в их состав всякого рода койнонимов и в частности этнонимов будет вызывать решительные возражения» [3, с. 19]. Вопрос о включении или невключении этнонимов в систему имени собственного, таким образом, А.А. Белецкий оставляет открытым [3, с. 19] и все же «в интересах этимологических исследований» считает этнонимы именами собственными, отмечая, что обратное «было бы неудобно». Однако всё же между собственными и нарицательными именами «границы не могут считаться определенными раз и навсегда и совершенно непререкаемыми» [3, с. 19], кроме того, «нет уверенности в том, что всегда и непременно существовало противопоставление собственных и несобственных имен» [3, с. 20].

С этими утверждениями А.А. Белецкого согласен В.Д. Бондалетов. Переходность таких слоев лек-

сики, как этнонимы, связана с их двоякой природой: они, с одной стороны, называют однородное, цельное явление, а с другой – являются наименованиями для отдельных лиц, частей целого. Отмечается сходство этнонимов по функциональным особенностям с названиями животных, растений, горных пород, минералов, химических элементов [5, с. 29]. Кроме того, «лексика любого естественного языка не распадается на два резко очерченных и взаимоисключающих класса несобственных (нарицательных) и собственных имен, а характеризуется двумя полярными функциями – функцией классификации, или обобщения, и функцией индивидуализации, или превращения в личное (индивидуальное) имя» [5, с. 29]. Таким образом, В.Д. Бондалетов считает вопрос о принадлежности этнонимов к собственным или нарицательным открытым. Отметим, что дискуссионность данного вопроса не создает значительных препятствий в изучении этнонимов как отдельной группы лексики.

А.В. Суперанская считала этнонимы такой лексической категорией, которую часто ошибочно включают в ономастическое пространство. В.А. Никонов, по её мнению, необоснованно расширяет понятия «оним» и собственно «этноним» (а этноним он понимал как название коллектива (со ссылкой на Ф. Энгельса), представляющего собой не только этническую общность, но и группу жителей какой-либо местности [14, с. 5, 8]). По своим лингвистическим характеристикам этнонимы, по утверждению А.В. Суперанской, – нарицательные имена, являющиеся номенами, называющими неопределенное множество идентичных единиц [19, с. 205–209]. Номены отличаются «от терминов, общеупотребительной («бытовой») лексики и от имен собственных в логико-понятийном и языковом планах; каждый разряд онимов имеет свои сопутствующие нарицательные имена-номены, так, у антропонимов это номенклатура родства, этнонимы, номенклатура профессий, номенклатура чинов, званий, титулов, катойконимы и т. п.; у топонимов – номенклатура географии, геологии, этнонимы и т. п.» [18, с. 90].

Собственно «Словарь русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской в статье об этнониме отражает позицию А.В. Суперанской, выступившей в качестве редактора издания. Этноним определяется здесь как «номен для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. д.)» [18, с. 167], автоэтноним (эндогенный этноним) – самоназвание этноса, а аллоэтноним (экзогенный этноним) – название этноса, данное ему другим (обычно соседним) этносом [18, с. 168]. Словарь закрепляет и разграничивает понятия *этнонимика* и *этнонимия*, которые иногда путают, отождествляют или употребляют произвольно: этнонимика – отрасль наук, изучающая этнонимы, а этнонимия – совокупность этнонимов [18, с. 169].

Позицию А.В. Суперанской поддерживает также Р.А. Агеева [см.: 1]. Ее словарь-справочник «Какое мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы» имеет этнолингвистический характер и содержит 150 словарных статей [см.: 1, с. 5].

С.С. Иванов предпринял полномасштабное исследование этнонимов современного русского языка, целью которого была их максимально полная словообразовательная, лексико-грамматическая и семантико-тематическая характеристика [см.: 9, с. 3]. В качестве денотативной основы этнонаименований автор признает разнообразные социумы, проживающие в населенном пункте, регионе, государстве или его отдельной политико-административной или конфессиональной территориальной единице [9, с. 6]. Следовательно, с этнонимами он семантически сближает катойконимы, политонимы, конфессионимы [9, с. 4], где катойконимы – названия жителей какого-либо населенного пункта или географического региона страны, политонимы – названия граждан государства, конфессионимы – названия населения государства или отдельного его региона по признаку вероисповедания [9, с. 7]. С.С. Иванов пишет о возможном выделении трех групп лексики с семантическим компонентом ‘народ, общность людей’: первая – наименования лиц по общепринятым названиям мест поселения: село – селянин, город – горожанин и др.; вторая – наименования лиц, образованные от названий, фиксирующих физико-географические места проживания общностей людей: Земля – землянин, Волга – волжанин, остров – островитянин и др.; третья – наименования лиц, связанные с названиями – собственными именами и оформленные при помощи суффикса -ец: Кавказ – кавказец, Урал – уралец, Европа – европеец, Африка – африканец и др. [9, с. 11–12]. Две последние группы исследователь предлагает дополнить катойконимами, которые нередко оформлены практически теми же суффиксами, что и этнонимы, а также словами, называющими лиц по принадлежности к различного рода культам, религиям, их атрибутам: христианин, мусульманин, лютеранин, никонианин и др. Целесообразным автор полагает выделить группы лексики, передающей названия лиц по этнорасовому признаку (мулат, негр и др.) [9, с. 12]. Таким образом, с одной стороны, С.С. Иванов охватывает в своем исследовании большой пласт лексики, выходя на высокий уровень обобщения, позволяющий увидеть сходные черты у лексических единиц, обозначающих различные идентичности индивида; с другой стороны, это же обобщение различных номенов под одним названием *этнонимы* или *этнонаименования* с точки зрения современных исследований считается не самым удачным. Несомненно, идея С.С. Иванова имела верное направление, и далее мы увидим, как она была обработана в более поздних исследованиях – например, М.Е. Покровской.

Важным этапом в развитии этнонимологии стало включение одноименной статьи в «Лингвистический энциклопедический словарь» 1990 года за авторством В.П. Нерознака. В ней отражены наиболее распространенные и по сей день определения этнонимов и входящих в их состав подгрупп. Так, этнонимы – это «названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и т. п.» [13, с. 598]; «различают макроэтнонимы – названия крупных этносов или этнических общностей, иногда понимаемых расширительно и включающих генетически разнородные этносы (ср. «русские», «американцы», «арабы», «китайцы»), и микроэтнонимы – обозначения небольших этнических групп, племенные названия (ср. «кривичи», «печенеги», «ирокезы» и т. п.). В составе этнонимов выделяют автоэтнонимы – самоназвания народов и племен, и аллоэтнонимы – названия, данные им другими народами» [13, с. 598]. По происхождению выделяются группы этнопонимов – образованных от топонимов, этнохоронимов – от хоронимов. Также автор указывает на связь этнонимов с лингвонимами – названиями языков или диалектов, обслуживающих ту или иную этническую общность [13, с. 598]. Спорные вопросы этнонимологии, такие как, например, вопрос отнесения этнонимов к именам собственным или нарицательным, оставлены за рамками данной энциклопедической статьи.

Важную роль в разработке этнонимологии сыграла и монография Г.Ф. Ковалева «Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование», поскольку исследование охватило материал целой языковой группы. Выделяя среди этнонимов самоназвания и названия, даваемые этнической общности другими, он отмечает, что для самоназвания термин *эндоэтноним* не подходит, и предлагает заменить его на *аутоэтноним* (а не *автоэтноним*) [10, с. 6]. Для названий, данных другими этносами, он предлагает термин *эктоэтноним*, указывая на то, что термин *аллоэтноним* Н.В. Подольской неточен и не говорит о специфике номинации, а предложенный этим же исследователем на замену термин *экзогенный этноним* громоздок. В свою очередь, его более краткий вариант *экзоним* вызывает не связанные с предметом ассоциации. Громоздким, хоть и точным представляется Г.Ф. Ковалеву и термин В.И. Супруна *внешний этноним* [10, с. 6–7].

Т.А. Сироткина считает, что этнонимы следует признать промежуточным звеном между собственными и нарицательными именами [16, с. 53–54]. Этноним исследователь считает основным средством вербализации категории этничности, посредством которой человек «определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу» и для этого «использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, опреде-

ленные черты материальной и духовной культуры его представителей» [17, с. 3].

В.И. Супрун предлагает интересную, на наш взгляд, точку зрения на этнонимы: «Этнические наименования в зависимости от нумеральной формы и контекста имеют ономастическую или нарицательную семантику» [20, с. 25]. Написание этнонима с прописной или строчной буквы исследователь не считает существенным критерием отнесения его к собственным или нарицательным именам и указывает на то, что необходимо исследование их семантики [20, с. 26]. Кроме того, «название лица по национальности входит в так называемое антропонимическое поле и представляет собой апеллятив, который характеризует отдельного человека так же, как и наименование по профессии, месту жительства, организации (*Антон – русский, рабочий, строитель, нумизмат, болельщик*). Тем самым функционально это название противостоит имени собственному. Вероятно, за такими апеллятивами не стоит закреплять термин *этноним*, поскольку речь не идет о наименовании этноса» [20, с. 26]. Таким образом, в соответствии с концепцией В.И. Супруна один и тот же этноним в зависимости от контекста может быть именем собственным для целой этнической общности или нарицательным наименованием идентичности конкретного индивида наряду с другими подобными номенами.

А.И. Грищенко, говоря о принадлежности этнонимов к собственным или нарицательным именам, подвергает сомнению утверждение о том, что этнонимы относятся к номенам: «основным аргументом в пользу “номинальности” этнонимов является утверждение, что этнонимы “коннотируют”, имеют некое вполне определённое значение, связанное с содержащейся в них “этнографической” информацией. Но эта информация, если она и доступна носителю языка – неспециалисту, неэтнографу, носит энциклопедический характер» [6, с. 438]. Если принимать во внимание только официальные этнонимы, то отмечается отсутствие в лексическом значении таких единиц значительного по объёму коннотативного компонента (и в этом заключается одно из отличий официальных этнонимов от ненормативных). Кроме того, отнесение этнонимов к номенам А.И. Грищенко представляется спорным по той причине, что в современной этнологии высказываются сомнения по поводу объективности существования этнических общностей [6, с. 439]. Действительно, этническая общность представляется этнологам вообразимой конструкцией (ср., например, работы «Вообразимые сообщества» Б. Андерсона, «Забывать о нации» В.А. Тишкова и др.), однако, на наш взгляд, этноним как название вообразимой, нереальной общности вполне может считаться номеном, который называет «неопределённое множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-либо отрасли науки» [18, с. 90].

На современном этапе развития социума и научных исследований о нём термин *этноним*, равно как и обозначаемая им общность, стали рассматриваться с иных позиций. Это связано с переменной взглядом на те общности людей, которые этноним может называть. Согласно положению Е.Н. Лучининой, «в современных гуманитарных науках в ходе эволюции исследовательских парадигм и распространения конструктивистской трактовки категорий *этнос* и *нация*, в результате чего во главу угла ставится рефлексия собственной идентичности (территориальной, исторической, культурной, политической, религиозной), термин *этноним* более не используется только для наименования этнической общности в традиционном смысле» [12, с. 4]. С точки зрения называемой этнонимом идентичности Э.Г. Апанасенко даёт следующее определение этнониму – «лексическая единица, в которой репрезентируется признак этнической, политической, религиозной или территориальной идентичности» [2, с. 6].

М.Е. Покровская предлагает изучать этнонимы, традиционно рассматривавшиеся как часть ономастики, в качестве одного из разделов лексики, обозначающей идентификацию индивида. В этот макрораздел лексики она предлагает включить имена, идентифицирующие человека с точки зрения принадлежности не только к этнической общности, но и к цивилизации, культуре, религии, территории проживания, языку. Слова, обозначающие такого рода принадлежность, исследователь предлагает называть идентифицирующими [15, с. 7]. Это представляется нам обоснованным, ведь «существование и взаимодействие различных этнокультурных сообществ на рубеже XX–XXI веков привело к тому, что практически не осталось монокультурных обществ» [15, с. 1], следовательно, нет возможности однозначно называть, например, этнонимом *русский* только того представителя данной этнической общности, который придерживается каких-либо единых со всеми остальными русскими политических взглядов, религии и при этом непременно проживает на территории Российской Федерации.

При этом, по нашему мнению, идентифицирующие включают в себя не только лингвонимы, этнонимы, конфессионимы и цивилизационимы [15, с. 3]. Данная группа, возможно, намного шире по охвату. Сюда можно включить профессионализмы – названия лиц по профессии, по роду занятий, политические и идеологические соционимы – названия лиц по политическим и идеологическим предпочтениям; кроме того, на наш взгляд, может быть рассмотрен вопрос о включении в разряд идентифицирующих людей по ценностным установкам, менталитету и мировоззрению в целом, имущественному положению, степени социализированности, сексуальной ориентации и гендеру; возможно, даже

такие характеристики, как названия людей по пищевым предпочтениям, хобби и принадлежности к субкультуре являются социально окрашенными, в них не менее, чем в этнонимах, может выражаться концепт «свой – чужой».

Становится очевидным, что такая обширная лексико-тематическая макрогруппа является апеллативной, и, следовательно, этнонимы как разновидность идентифицируемых следует признать именами нарицательными. Ведь идентифицируемый отличается от антропонима как типичного объекта ономастики в той же мере, в какой группа людей в составе социума отличается от индивида. Имя собственное называет единичный, четко очерченный объект, выделяет его из ряда других. Идентифицируемый же называет группу людей как часть социума.

Таким образом, ономастика и идентифицируемая – потенциальный раздел лексикологии, в котором будут рассматриваться идентифицируемые – имеют кардинально отличающиеся объекты изучения. Изучение этнонимов как части ономастики вызвало, по нашему убеждению, неразрешимую проблему, которая заключается в том, что невозможно дать однозначный ответ на вопрос: является ли этноним апеллативом или онимом? Само происхождение термина *этноним* от термина *оним* не должно заставлять исследователя присваивать объекту этнонимов категорию проприальности.

С помощью совокупности соответствующих ему идентифицируемых человек описывается неизмеримо более полно, чем с помощью антропонимов – как полученных при рождении, так и приобретенных в процессе социального взаимодействия прозвищ. По словам психолога И.С. Кона, «чем богаче структура жизнедеятельности индивида, чем шире круг его социальных принадлежностей, тем более сложным и дифференцированным будет его самосознание» [11, с. 44]. С точки зрения идентифицируемых данное утверждение может быть перефразировано: чем богаче структура жизнедеятельности и круг социальных принадлежностей индивида, тем больше идентифицируемых различных типов будет использоваться для его речевой характеристики.

Библиографический список

1. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. – М.: Academia, 2000. – 424 с.
2. Апанасенко Э.Г. Россия – Восток – Запад в зеркале русских этнонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2009. – 21 с.
3. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. – 209 с.
4. Богомякова Е.В. Этнонимы современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 19 с.

5. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

6. Грищенко А.И. Лексическое значение этнонима – семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. 1: сб. научных статей / сост. В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова и др. – М.: РУДН, 2011. – С. 437–443.

7. Грищенко А.И. Русские этнонимы и смежные с ними лексические категории в толковых словарях // Вопросы ономастики. – 2013. – № 2 (15). – С. 146–163.

8. Джарылгасинова Р.Ш. Владимир Андреевич Никонов – выдающийся исследователь ономастики // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – С. 429–454.

9. Иванов С.С. Этнонимы современного русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1988. – 17 с.

10. Ковалев Г.Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 175 с.

11. Кон И.С. Проблема «Я» в психологии // Открытие «Я». – М., 1978. – С. 28–47.

12. Лучинина Е.Н. Лингвокультурологический анализ этнонимов в официальном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 14 с.

13. Нерознак В.П. Этнонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1990.

14. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы: сб. статей / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 5–33.

15. Покровская М.Е. Системно-функциональный анализ лексических средств номинации в этнонимике (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 17 с.

16. Сироткина Т.А. Актуальные проблемы современной этнонимии // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 53–59.

17. Сироткина Т.А. Языковая репрезентация категории этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края): автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2012. – 45 с.

18. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; Академия наук СССР, Институт языкознания; отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

19. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

20. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

21. Этнонимы: сб. статей / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – 271 с.

Лебединская Виктория Григорьевна

доктор филологических наук, доцент
Ставропольский государственный педагогический институт, г. Железноводск
lebedinskaya2006@rambler.ru**ДИАЛЕКТОЛОГИЯ – РЕГИОНИМИКА:
СМЕНА ПАРАДИГМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА**

В статье рассматривается вопрос соотношения двух лингвистических понятий: диалектология и региономика, которые на современном этапе в условиях поликультурного региона приобретают новое звучание. Языковые союзы Северного Кавказа характеризует взаимодействие русского литературного языка, территориального диалекта с языками кавказских, тюркских и других народов, проживающих в регионе. Региономика – один из наиболее интересных компонентов лингворегионоведения, который занимается исследованием лексико-фразеологического уровня, образующего словарь региономов. Под понятием «словарь региономов» мы имеем в виду отдельные языковые группы и названия географического и социального ландшафта, имеющие свою историю. Регионимы – это обозначения основных геоисторических и социальных топосов региона, названия географического и социального ландшафта, имеющие свою историю. Народы Северного Кавказа связаны с другими народами России многовековыми узами. В течение многих столетий они поддерживали торговые и культурные связи. Письменные источники, археологические и этнографические данные однозначно свидетельствуют о непрерывных торговых, культурных и военных связях северокавказских племен с древнерусским и вообще славянским населением.

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, региономика, диалектизм, регионим.

Северный Кавказ является одним из самых полиэтнических регионов мира. Здесь ярко представлены языковые пласты, на протяжении нескольких веков вступающие в полилог: славяноязычный, кавказоязычный, тюркоязычный, ираноязычный. Издревле на Северном Кавказе компактно проживают также носители других языковых и культурных традиций (армяне, греки и многие другие народы). С одной стороны, пересечение разных традиций, культур, национальных интересов – все это часто подталкивает полиэтнические регионы к нестабильности в социальной, межнациональной, политической жизни. С другой стороны, полиэтничность региона, напротив, может быть своеобразным рычагом к налаживанию продуктивного диалога живущих на одной территории этносов, а сам поликультурный регион – зоной мирного соседства разных народов. Поиск путей мирного диалога может идти через соприкосновение традиций, религий, культур, языков.

Такому пониманию, безусловно, помогает изучение истории и современного состояния языков полиэтнического региона, их развития и взаимодействия. На почве многоязычия Северного Кавказа наблюдаются интерференция и конвергенция языков, образуются языковые союзы, формируется некий особый вариант русского языка. Изучая контакты языков и связанных с ними культур (взаимодействие языков невозможно без диалога культур) и, в частности, проблему билингвизма, следует самым тщательным образом исследовать социолингвистическое состояние контактирующих языков.

Пути сосуществования и взаимовлияния языков часто оказываются намного сложнее, чем это представляется при первом, поверхностном взгляде на историю и этимологию какого-либо регионима. Эта сложность объясняется древностью языко-

вых, культурных, экономических и других связей этносов и языковых союзов.

Диалектология как наука о диалектах (территориальных и социальных) имеет длительную и интересную историю. Территориальные диалекты, как показывает само их название, распространены на определенных территориях, используются в основном в бытовом, повседневном общении. Социальные диалекты обслуживают отдельные социальные и профессиональные группы. Словарный состав говоров складывался на протяжении многих веков, в нем есть напластования, относящиеся к различным историческим эпохам. В лексике говоров немало слов древнего происхождения, восходящих к эпохе общеславянского языкового единства и сохраняющихся в большинстве славянских языков.

На протяжении XX века многие высшие учебные заведения Советского Союза отправляли студентов-филологов в диалектологические экспедиции. В ходе таких экспедиций полевым методом изучался словарный диалектный состав определенного населенного пункта (или населенных пунктов), полученный материал систематизировался и заносился в картотеки диалектов, имеющиеся почти в каждом университете. Именно благодаря такому методу сбора материала фиксировались достаточно редкие языковые элементы. Носителями диалекта чаще являются представители старшего поколения, поэтому важно успеть зафиксировать то, что может исчезнуть навсегда.

Одной из основных проблем лингвистической географии, раздела диалектологии, который во второй половине XX века получал все большую значимость в исследованиях диалектов, является вопрос характера диалектных различий языка. Характер диалектных различий русского языка имеет свои особенности, связанные с историей русского народа и русского языка. Необходимо хорошо ус-

воить, какой характер носят диалектные различия русского языка в области фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики. Собираение регионального материала является очень трудоемким процессом и требует большой предварительной работы. Обычно завершением предварительного этапа работы является создание программы, анкеты или вопросника, куда включаются вопросы о тех явлениях, распространение которых интересует исследователя.

Следует помнить, что одно из самых важных достоинств лингвистической географии – это наглядность, так как карта ярко показывает места и границы распространения определенных языковых явлений. Но и карта, и атлас являются лишь средством лингвогеографии. Её цель – объяснить пути и закономерности развития языка, привлекая данные других наук (истории, этнографии и др.), дать целостную картину развития языка на данной территории. Среди базовых вопросов науки также и такие: существует ли диалект на определенной территории; если существует, то какова его природа и каковы его границы, каков характер взаимоотношений говоров и общенародного языка и др. Среди практических методов, используемых в работе с диалектным материалом, назовем составление карточек, запись разговора с носителем диалекта.

В наше время особенности речи жителей Северного Кавказа можно отметить как минимум в двух возрастных группах населения. Одну группу составляют диалектные особенности, фиксирующиеся в речи только пожилых людей; другую – фиксирующиеся в речи остальных возрастных групп. Заметим, что в речи пожилых людей нашего региона встречается больше диалектных особенностей южновеликорусского наречия, которые указываются в научной литературе по лингвистической географии. Во вторую группу входят остальные возрастные категории, речь которых по своему составу неоднородна: одни стараются следовать правилам русского литературного языка (зависит от уровня образования, но не всегда); в речи других находят отражение только некоторые черты. Среди последних отмечается фрикативный [г].

Среди остающихся ярких диалектных особенностей, отличающих речь многих молодых жителей нашего региона (как сельских, так иногда и городских), отмечаются фрикативный [г] (в ряде случаев и в речи людей с высшим образованием и даже преподавателей вузов); довольно часто неслоговое *й* (особенно в среде сельских молодых и пожилых жителей края); иногда замена [ф] на сочетание [хв]; сохраняются особенности ударения. Специфической особенностью речи всех жителей региона (даже тех, кто старается максимально соответствовать литературным нормам русского языка и для которых эти нормы являются единственно

возможными в речи), конечно, является неповторимая южная интонация.

Выявленная в нашем регионе диалектная лексика поддается классификации и дальнейшему изучению. Приведем здесь некоторые примеры из наших наблюдений: существительные, обозначающие название лица (*кóвеп* – «кузнец», *у́хач* – «человек с большими ушами», *хлесту́н* – «лгун, хвостун», *обро́тник* – «неумельный человек», *чупа́ха* – «аккуратная женщина», *кува́лда* – «неопрятная женщина», *муцу́к* – «здоровяк (о ребенке)»); существительные, обозначающие явления природы, названия растений, животных и др. (*заяду́шка* – «сорт дыни», *медо́вка* – «сорт дыни», *ба́зика* – «растение-сорняк (повилика)», *каба́к* – «тыква», *дура́к* – «сорт крупной тыквы», *скля́нка* – «скороспелая вишня», *бура́к*, *буряк* – «свёкла», *подрожáн* – «помидор», *желту́шка* – «ромашка аптечная», *жалива́* – «крапива», *просоре́нок* – «подснежник», *самоса́дка* – «наседка, которая сама выводит цыплят», *лётнух* – «поросенок летнего приплода», *ипак* – «скворец», *кóчет* – «петух», *мульва́* – «мелкая рыба», *желтобрю́х* – «уж», *скорпе́й* – «колорадский жук», *эрик* – «ручей», *глу́да* – «глыба»); различная бытовая лексика (*корё́ц* – «ковш», *черпа́ло* – «ковш», *ку́хлик* – «кувшин (какая-либо емкость) для воды», *то́щка* – «большая деревянная ложка для размешивания супов», *трухля́н*, *трушля́к* – «дуршлаг», *ерма́к* – «большой подвесной котел», *боти́г* – «кнут», *вихле́ц* – «большие прутья, ветки, которые кладутся на вершину стога для предохранения его от ветра и дождя», *навильо́н* – «занавес вокруг кровати»; *дры́н* – «палка», *набо́й* – «палка с утолщением для набивания муки в мешок»; *кокорю́ка* – «деревянная кочерга, которой мешают угли»; *чеку́ша* – «палка, клюшка», *гамано́к*, *гаманчик* – «маленький кошелек», *чува́л* – «мешок», *оболо́нка* – «подоконник»); другая лексика (*ма́тинки* – «веснушки»; *га́рюшка* – «сажа»; *гно́й* – «навоз»; *тума́к*, *болту́н* – «испорченное яйцо», *жмури́ха* – «кожура вареного картофеля», *арба́* – «созвездие Большой Медведицы»; *глядя́ны* – «смотрины», *каму́х* – «сарай»; *юрт* – «объединение нескольких станиц», *ось* – «шерсть», *анчу́тка* – «черт»); имена прилагательные (*лихо́й* – «злой, вредный, причиняющий горе», *малахо́льный* – «глупый, не разбирающийся в чем-то», *гладкий* – «полный», *гиткий* – «некрасивый», «плохой», *ловкий* – «красивый», *до́брый* – «вкусный»); глаголы (*зажмури́ть* – «жмуриться»; *затэ́рпнуть* – «устать», *жа́дать* – «желать», *окрути́ться* – «нарядиться», *поба́бить* – «женить», *управля́ться* – «работать», *багла́йничать* – «бездельничать», *захля́ть* – «похудеть», *дра́ть* – «собирать яйца», *корени́ться* – «обрастать мхом»); наречия (*за́раз* – «сейчас, сразу», *бува́лочи* – «бывало, когда-то», *оно́мнясь* – «позавчера»; *отте́ль* – «оттуда», *тоди́* – «тогда», *на́скаряд* – «на смех, на срам» и др.

Несомненный интерес представляют различные устойчивые сочетания слов, зафиксированные в ходе исследования местного говора: *дым пустить* – «соврать», *вставить фарфорку* – «поставить в неловкое положение», *с наследством* (о ком-то) – то есть «тот, у кого можно поучиться», *с ветром* – то есть «с пустым карманом», *человек без дна* – «горький пьяница», *тень наводить* – «нарочно кого-то поругать с целью запугивания», *кошки в дыбошки* – «сердиться на кого-то», *земля в кармане* (у кого-то) – «о человеке, живущем в достатке», *в добры входит* – «входить в доверие», *держат жинку* – «быть женатым», *взять в обойма* – «обнять», *вывалить глазщици* – «смотреть в упор, пристально», *разуть гляделки* – «посмотреть», *пока ветер без камней* – то есть «пока спокойно» и др.

Важное значение в языковой картине мира Северного Кавказа имеют украинизмы. Приведем примеры наиболее часто фиксируемых украинизмов: *хай* – «пусть», *рушник* – «полотенце», *дóже* – «очень», *нема́, нема́я* – «нет», *жінка* – «жена», *дитина* – «ребенок», *тільки* – «только», *горобец* – «воробей», *цибу́ля* – «лук», *каву́н* – «арбуз» и др.

Сложность исследовательской работы филолога в процессе изучения этимологии какого-либо имени усугубляется тем, что топонимы, гидронимы всегда разноязычны и разновозрастны. Эта закономерность обусловлена историческими причинами: народы с глубокой древности находятся в движении, переселяются с одного места на другое, ассимилируют и ассимилируются. Данные народами-предшественниками названия (они́мы) часто сохраняются, но неизбежно изменяются в ходе приспособления к нормам чужого языка. Пришедшие на территорию люди её осваивают, занимаются имитацией, в результате этого образуются разноязычные топонимические пласты разного времени.

Субстрат (в переводе «подслой») – пласт названий, происходящих из языка народа, когда-то жившего на данной территории. Исследование субстрата дает уникальную возможность проследить историческую судьбу территории, а также процессы этногенеза. Начинать изучать топонимические субстраты правильно по названиям рек и озер (гидронимам): эти названия, особенно крупных рек, являются наиболее стойкими. Например, с языками древних ираноязычных племен на Северном Кавказе связаны названия крупнейших рек степной зоны. На осетинском языке слово «дон» означает воду. Обозначение «вода» во многих языках служило для называния реки, а наиболее крупные в древности обычно называли «реками»: ведь сельские жители до сих пор часто называют свой районный центр «городом», а ближайшую реку – «рекой».

Итак, поскольку набор и качество звуков в разных языках могут значительно расходиться, слова в процессе их заимствования часто испытывают фонетические изменения. Определенные звуки

языка-источника могут передаваться сходными звуками заимствующего языка.

История слов тесно связана с историей самого народа, по ней мы можем судить о культурных этнических связях, причем в такие отдаленные эпохи, от которых до нас не дошло никаких других исторических свидетельств. На помощь лингвисту, изучающему словарный состав какого-либо региона, часто приходят этимология, этнография, история, культурология, лингвогеография и другие науки. Именно с их помощью в большинстве случаев возможно восстановить историческую цепочку изменений и развития слова. Лингвореггионоведение как новое направление гуманитарной науки появилось в результате симбиоза вопросов истории, культурологии, этнографии, психологии, социологии. Объектом лингвореггионоведческого изучения является сложный комплекс проблем, связанных с формированием современных цивилизованных отношений между народами, которые, находясь в пределах единой государственности, разъединены ментально.

Регионимика – один из наиболее интересных компонентов лингвореггионоведения, который занимается исследованием лексико-фразеологического уровня, образующего словарь регионимов. Под понятием «словарь регионимов» мы имеем в виду как отдельные языковые группы, так и названия географического и социального ландшафта, имеющие свою историю. Регионимы – это обозначения основных геоисторических и социальных топосов региона, названия географического и социального ландшафта, имеющие свою историю.

В наше время все больший научный интерес в лингвокультурологии и лингвореггионоведении представляют факты взаимовлияния и взаимодействия культур, а также русского языка и языков других народов Северного Кавказа. В последнее время данные вопросы в науке приобретают новое звучание [1; 2].

История многих тюркизмов в русском языке настолько древняя, что мы уже большую их часть не отделяем от русского языка: *шапка, сарай, амбар, хлев, замок, чердак, беляш, башмак, пиала, калекка, каракули, карандаш, халат, карман, сайгак, изюм, кинжал, щербет, кочерга, тулуп*. Общепонятны (несмотря на отсутствие соответствующих понятий в русском языке) и слова *калым, сабантуй, ураза, тубетейка*. Тюркизмы и производные от них слова можно встретить в речи молодежи: *топтоган* «дискотека», *сабантуй* «вечеринка», пошли *покурбан-байрамимся* «повеселимся», *ураза* «нет времени поехать». Многие тюркизмы и производные вошли в пословицы, поговорки и фразеологию: *собрать в кулак; одному аллаху известно; взять на карандаш; тришкин кафтан; не фунт изюму; мерить общим аршином; взять на караул; не было ни гроша, да вдруг алтын; мерить на свой аршин* и т. д.

Заметим, что тюркизмы характеризуются двумя отличительными фонетическими признаками: 1) гармонией гласных и 2) ударением на последнем слоге. В тюркских, монгольских языках действует закон гармонии гласных: в одном слове могут быть гласные какого-либо одного ряда – или только переднего, похожие на наши звуки [е] и [и], или только непереднего ряда, напоминающие русские [а], [о], [у], [ы]. Сравним: *бахча, халат, чабан, кизил, сундук, арбуз, табун, аул, барыш* и др. Во всех приведенных примерах соблюдаются оба фонетических признака: и гармония гласных, и ударение на последнем слоге. Конечно, при заимствовании звуковое строение слов может меняться: *изюм, ералаи, изумруд* и др.

Приведем примеры переведенных на русский язык северокавказских пословиц и поговорок, в которых присутствует лексика, прочно вошедшая в состав русского языка [4]: мать выше *напаху*; каждый со своей *напахой* велик; если твою дочь сватает достойный, отдай даже без *калыма*; после бури за *буркой* не бегают; пусть отец – облезлая *бурка*, лишь бы ты был мохнатой *буркой*; лучше быть в своем *ауле* подошвой, чем на чужбине *султаном*; каждый *аул* мясо по-своему режет; чем больше *чабанов*, тем больше падает овец; вор сильнее *хана*; *хану* и на мельнице пир, ослу и пир поклажа; *хурджины* (хурджин – переметная сума) сватов золотом сверкают; у храброго *джигита* язык несмел; удалой *джигит* больше 25 лет не живет; сделаешь добро неблагодарному – он съест его, как пёс *чарыки* (чарыки – обувь из сыромятной кожи); побежишь на запах *шапшыка* – окажешься там, где клеймят; тому, кто работает – *джерме* (национальное блюдо), тому, кто не работает, не давай ничего; невесту искать – железные *чарыки* надевай; от капли воды *хар* не остынет (хар – особая печь для хлеба); работай как раб, ешь как *бек*; лес не без *шакалов*; после того как *арба* сломается, желающих показать дорогу не сосчитать; где больше на *арбу* нажимают, там она и скрипит; и маленький бугорок *арбу* опрокинет; к весенним работам *арбу* готовь с осени; не тот *джигит*, кто только в одном ударе схож с амузгинским клинком (Амузги – аул,

славящийся своими саблями); кто любит *чабана*, должен любить и его собаку; если у козы вырастает *курдюк*, она его не сможет нести; за волком погоня, а он все: «Бараний *курдюк!*» твердит; *аркан* бедняка изнашивает богач.

Эта и подобная лексика может быть отнесена не к диалектизмам, а именно к регионимам. На наш взгляд, в условиях поликультурного региона необходимо заявить о произошедшей смене парадигм: в конце XX века диалектология стала уступать свои позиции регионимике. Диалектные особенности русского языка, встречающиеся в речи жителей монокультурного региона, на Северном Кавказе в XXI веке фиксируются достаточно редко. Все чаще отмечаются явления, связанные со взаимодействием языков народов, проживающих в поликультурном регионе. Этот процесс неизбежен для любого полиэтнического образования.

Таким образом, в условиях Северного Кавказа регионимику можно считать преемницей диалектологии. Многие вопросы регионимики – функционирования, взаимодействия и взаимовлияния языков поликультурного региона – все чаще звучат в науке и в современном обществе. Тенденция к их актуальности обусловлена лингвокультурными, социально-политическими, экономическими, межнациональными проблемами полиэтнического региона.

Библиографический список

1. Борова А.Р. Исходные формы русско-кавказского культурного взаимодействия. К проблеме формирования этико-этнических доминант адыгского образа мира // Вестник СОГУ. – 2014. – Вып. 3. – С. 200–205.
2. Годизова З.И. Сопоставительная характеристика деепричастий в русском и осетинском языках // Вестник СОГУ. – 2014. – Вып. 4. – С. 444–449.
3. Лебединская В.Г. История русской метрологической терминологии: дис. ... докт. филол. наук. – М., 2014.
4. Чекменёв С.А. Некоторые пословицы и поговорки северокавказских народов. – Пятигорск: Спецпечать, 2000. – 132 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТА В ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ВАРИАНТАХ ПОСЛОВИЦ

Одной из особенностей русских пословиц, являющейся фактором, обуславливающим окказиональную трансформацию устойчивых выражений, является контрастная организация смыслового и формального планов паремии. В качестве основного средства выражения контраста в паремиях выступают лексические оппозиции. Оппозиция в пословичных текстах может проявляться с различной степенью выраженности контраста. Асимметричность степени выраженности противопоставления в оппозитивных пословицах дает представление о языковых средствах выражения контраста как о системе с полевой структурой, имеющей ядро, околядерную зону и периферию. Контрастная организация пословицы, как правило, сохраняется и в ее трансформах. При этом наблюдаются перемещения трансформированных пар компонентов-оппозитов внутри полевой системы. Частотным является переход лексической оппозиции в периферийное поле путем замены одного или более компонентов-контрастивов словами, имеющими ассоциативное или контекстуальное противопоставление. Также в нетипичных контекстах паремия, вследствие структурно-семантических трансформаций, может утрачивать оппозитивный характер своей структуры. Некоторые особенности выражения оппозиции в вариантах паремий выявлены в результате анализа пословицы *в гостях хорошо, а дома лучше*, а также ее трансформов (более двухсот). В ходе исследования было выявлено, что семантические трансформации данной паремии могут приводить к изменению типа оппозиции за счет использования компонентов-заместителей с ядерной или периферийной оппозицией, а также к утрате одной из оппозитивных пар.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, русские пословицы, окказиональные трансформации, структурно-семантические трансформации.

Пословицы активно используются в различных коммуникативных сферах, в том числе в интернет-общении. Коммуникативная сфера Интернета в настоящее время является самым динамично развивающимся пространством, и активизация языковых процессов в интернет-среде вносит неоспоримый вклад в развитие паремиологии. С помощью современных средств коммуникации с феноменальной скоростью распространяются разнообразные тексты, передающие новые или нестандартные взгляды, подходы, мнения, также многие пользователи для привлечения внимания стремятся улучшить, сделать оригинальным свой сетевой образ – для достижения этих целей частотной становится трансформация устойчивых единиц. Использование пословиц в интернет-пространстве обусловлено стремлением вызвать у читателя устойчивые образы, смыслы и оценочные ассоциации, закрепленные за той или иной паремией, творческое же переосмысление пословицы усиливает ее выразительность, расширяет семантическое наполнение паремии, добавляет новые, неожиданные образы, привлекающие внимание читателей.

Одной из особенностей русских пословиц, являющейся фактором, обуславливающим окказиональную трансформацию устойчивых выражений, является контрастная организация смыслового и формального планов паремии, которая во многом объясняется свойством пословиц отражать дихотомическое восприятие мира и предмета речи, что было неоднократно отмечено учеными-паремиологами [2; 4]. В качестве основного средства выражения контраста в паремиях выступают лексические оппозиции. Оппозиция в пословичных текстах мо-

жет проявляться с различной степенью выраженности контраста: от стандартных и относительно стабильных оппозиций (к примеру, противопоставление антонимичных пар: *сытый голодному не товарищ; не было бы счастья, да несчастье помогло*) до ассоциативных оппозиций несистемного характера (*и в новом платье, да в старом разуме; лучше горькая правда, чем красивая ложь*). Асимметричность степени выраженности противопоставления в оппозитивных пословицах дает представление о языковых средствах выражения контраста как о системе с полевой структурой, имеющей ядро (стабильные и регулярно воспроизводимые для обозначения противоположных отношений антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные оппозиции), околядерную зону (ассимметричные оппозиции, противопоставление единиц словообразовательного гнезда, омонимы и проч.) и периферию (парофоны, квазипартитивы, ассоциативные оппозиции) [2].

Контрастная организация пословицы, как правило, сохраняется и в ее трансформах. При этом наблюдаются перемещения трансформированных пар компонентов-оппозитов внутри полевой системы. Частотным является переход лексической оппозиции в периферийное поле путем замены одного или более компонентов-контрастивов словами, имеющими ассоциативное или контекстуальное противопоставление. Также в нетипичных контекстах паремия, вследствие структурно-семантических трансформаций, может утрачивать оппозитивный характер своей структуры.

Пословицы и их трансформы содержат разное количество и качество противопоставленных элементов, что влияет на характер и количество их

трансформаций. Некоторые особенности выражения оппозиции в вариантах паремий выявлены в результате анализа пословицы *в гостях хорошо, а дома лучше*, а также ее трансформов (более двухсот). Данная пословица отражает обобщённое суждение носителей языка о ситуациях, когда человек, получивший удовольствие от пребывания некоторое время в приятном обществе, в комфортной, но необычной для него обстановке, испытывает радость при возвращении в привычные, ожидаемые условия своего существования. Данная русская пословица имеет в своей структуре две оппозитивные пары: *в гостях – дома, хорошо – лучше*. Эмпирический материал показал, что трансформации подвергается каждая из пар языковой оппозиции и – менее частотно – обе пары в рамках одного пословичного выражения.

Контрастирующие пары лексических элементов в паремии входят в околядерную зону оппозиции, что позволяет авторам трансформов путем замены одного или нескольких оппозитивов «усиливать» противопоставление, используя в авторском варианте пословицы слова, отношения между которыми относятся к ядру оппозиции (к примеру, заменяя слова-контрастивы языковыми антонимами), или же «ослаблять» контраст устойчивой единицы, употребляя компоненты-заместители периферийного поля оппозиции (например, лексемы, объединенные ассоциативной связью).

Зачастую участники интернет-общения производят замену слов-контрастивов, конкретизируя значение паремии, «вписывая» ее в языковую среду того или иного интернет-сообщества. Вследствие этого лексические противопоставления в пословице *в гостях хорошо, а дома лучше* переходят из околядерной зоны в периферийное поле оппозиции. Компоненты-заместители при этом могут относиться к словам одной тематической группы, одного лексико-семантического поля, означая два противопоставленных места или качества. См., например, варианты замены компонента *в гостях*: *в Европе, в горах, в больнице, в тюрьме, в деревне, в офисе, в магазине, в банке, в салоне* и т. д. Все компоненты-заместители данной группы обозначают определенное место, которое говорящий сравнивает со своим домом в пользу последнего. Семантическое наполнение пословицы при этом сохраняется, а оппозитивность элементов пословицы, переведенная в периферийное поле контраста, понимается носителем языка из контекста. Вследствие же замены компонента *дома* на иную лексему со значением места пословица претерпевает не только изменения в степени выраженности оппозиции, но и семантические трансформации, приобретая значение ‘находиться в одном месте приятно, а в другом – приятнее, комфортнее’, например: *в Израиле лучше, на сходке лучше, в гостях у графа лучше, на море лучше, в ресторане лучше*.

Однако выявление таких специфических семантических и структурных преобразований пословицы, восстановление деривационных связей паремии, её «декодирование» становится возможным только благодаря структурно-семантической модели паремии; ассоциативные либо системные связи между узуальными компонентами и их окказиональными заместителями отсутствуют. Так, к примеру, в трансформах паремии противопоставляются предметы (*вода в красивых бутылках – хорошо, а бытовой фильтр – лучше*), наименования действий ([об упражнениях в йоге] *в баласане хорошо, а в шавасане лучше*).

Конкретизировать и уточнять пользователи могут также и вторую пару компонентов-оппозитов (*хорошо – лучше*). Частотным в данном случае становится замена паремического компонента *лучше* окказиональными заместителями со значениями качества, характеристики на основе ассоциативных связей: *а дома спокойнее, а дома дешевле, а дома привычней* и т. д. Также контрастивами компонента *хорошо* в трансформах пословицы становятся окказиональные компоненты-лексемы, уточняющие источник «приятного»: *а дома компьютер, а дома нефть и газ, а дома свободный диван* и т. д. Так осуществляется противопоставление языкового компонента *хорошо* и слов-заместителей компонента *лучше* в периферийном поле оппозиции.

Замене подлежит и компонент паремии *хорошо*, в качестве заместителей которого выступают как слова, обозначающие качества того или иного пространства, предмета или явления (*тепло, весело, неплохо*), так и сами наименования предметов и явлений, которые говорящий определяет как нечто хорошее (*нормальные люди, пироги*), что ассоциативно противопоставляется языковому компоненту пословицы *лучше*, как, например, происходит в варианте пословицы *как бы в гостях не было тепло, а дома лучше*. В данном трансформе компонент-заместитель *тепло*, уточняющий положительное для говорящего качество пространства, противопоставляется языковому компоненту пословицы *лучше*, что сохраняет оппозитивность элементов пословицы, переводя ее при этом в периферийное поле контраста.

Наряду с переходом контрастирующих компонентов паремии из узуального околядерного пространства в периферийное поле оппозиции можно наблюдать и обратное явление – появление трансформов, противопоставленные элементы которых относятся к ядру оппозиции. См., например, варианты пословицы *в гостях хорошо, а дома плохо; в гостях хорошо, а дома ужасно*, а также *с гостями хорошо, а без гостей лучше*. Противопоставление антонимов (*хорошо – плохо, ужасно*) и оппозиция утверждения и отрицания (*с гостями – без гостей*) приводит к семантической трансформации паремии, «усиливает» ее контрастность именно

благодаря использованию – в качестве компонентов-заместителей – слов, отношения между которыми относятся к ядру оппозиции. Так, например, частотно употребление варианта пословицы *в гостях хорошо, а дома плохо* в заголовках сообщений или названиях тем, посвященных проблемам бытового или же политического характера. Подобное переосмысление пословицы изменяет привычный образ, заключенный в языковой паремии, тем самым усиливая ее выразительность.

В пространстве интернет-общения наблюдаются также специфические приемы трансформации пословиц с оппозитивной структурой, приводящие к исчезновению оппозитивной семантической модели. Так, в следующих трансформах половицы *в гостях хорошо, а дома лучше* сохраняется только одна пара противопоставленных компонентов: *в гостях хорошо, а дома не хуже; в гостях хорошо, а дома тоже хорошо*. Одно из слов-контрастивов пары *хорошо – лучше* заменяется на антонимичное, тем самым создавая в тексте трансформации ряд синонимов *хорошо – не хуже, тоже хорошо*, нивелируя оппозицию, заключенную в узуальной пословице.

В ходе исследования было выявлено, что специфическое интернет-пространство стимулирует языковое творчество участников коммуникации и это ярко проявляется при авторской трансформации паремий. Благодаря наличию двух пар противопоставленных компонентов в пословице *в гостях хорошо, а дома лучше* в пространстве интернет-общения формируется большое коли-

чество ее трансформов. При этом семантические трансформации данной паремии могут приводить к изменению типа оппозиции за счет использования компонентов-заместителей с ядерной или периферийной оппозицией, а также к утрате одной из оппозитивных пар. Исследование пословицы *в гостях хорошо, а дома лучше* и ее трансформов позволяет описать динамический характер системы современного русского языка, выявить особенности изменения пословиц в интернет-общении.

Библиографический список

1. *Абуханова А.Г., Зубкова Е.С.* Модификации паремических единиц в интернет-дискурсе // Современная филология: материалы III междунар. науч. конф. – Уфа: Лето, 2014. – С. 97–103.
2. *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2003. – 449 с.
3. *Ковальская Л.Г.* Синхронный компьютерно-медийный дискурс: механизм действия и коммуникативные цели // Язык и межкультурная коммуникация: Международный лингвистический журнал. – Майкоп, 2003. – № 1. – С. 56–66.
4. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
5. *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 300 с.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.М. КАСАТКИНА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ВЕРХНЕГО ПОУНЖЬЯ
(этнолингвистический аспект)

Данная статья посвящена рассмотрению выразительных языковых средств, нашедших отражение в произведениях костромского писателя И.М. Касаткина, с точки зрения их этнокультурной информативности. Большинство рассказов автор посвятил описанию жизни крестьян своей родины – глухого костромского края на реке Унже. Этнокультурная специфика описываемого региона передаётся писателем, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне. И.М. Касаткин пользуется доскональным знанием поунженских говоров с целью создания правдивого, завершённого образа деревенской жизни с особым укладом. Яркое проявление культурного своеобразия региона в рассказах И.М. Касаткина выражается и в специфическом выборе эталона сравнения, которым являются привычные реалии деревенской жизни. Изобразительность авторской речи усиливается употреблением в составе сравнений диалектизмов, достоверность функционирования которых в данном регионе подтверждается лексико-графическими источниками. Ярчайшим выразительным средством народной речи в рассказах И.М. Касаткина являются местные устойчивые выражения, в состав которых входят известные в народной среде образы. Большинство из представленных выразительных средств связано с повседневной жизнью людей описываемой территории и отражает важнейшие стороны исторического прошлого крестьян поунженских деревень: особенности быта, языка и культуры.

Ключевые слова: диалект, этнолингвистика, костромские говоры, художественный текст, выразительные средства языка, И. Касаткин.

В настоящее время этнолингвистический аспект является актуальным и востребованным направлением в изучении языка. В этом плане большим информативным потенциалом обладают диалекты, которые отражают культуру отдельно взятого региона. Предметом изучения говоров в таком аспекте Е.В. Брысина называет «все языковые знаки, способные выполнять функцию “языка” культуры и отображать культурно-национальную ментальность ее носителей (паремно-ологический фонд диалекта, фразеологический фонд, эталоны, стереотипы, символы, метафоры и образы, мифологизированные языковые единицы, речевое поведение диалектоносителей)» [2, с. 52]. Нельзя не отметить, что многое из вышеперечисленного является главной составляющей художественных текстов, ценность сведений которых подчёркивали многие исследователи (О.И. Блинова [1], И.А. Оссовецкий [10], Н.С. Ганцовская [3], М.Г. Рабинович [11] и др.). Здесь языковые единицы предстают на фоне культурно-исторических событий, ёмко и зримо раскрывают свою семантику, дают возможность выявить ситуации их употребления в речи в связи с внеязыковой действительностью. Поэтому естественным и необходимым источником лингвокультурологических исследований выступают произведения художественной литературы, отражающие конкретную бытовую обстановку определённого места и времени.

В качестве подобного материала могут быть рассмотрены рассказы костромского писателя И.М. Касаткина (1880–1938), родившегося в семье бедного крестьянина в деревне Барановицы Кологривского уезда. Основной темой его произведений является описание жизни и быта крестьян родины писателя –

глухого, убогого края в лесном тупике в верховьях Унжи, где «многие сивые старики за всю жизнь так и не удосуживались повидать свой уездный городишко» [7, с. 5]. Критики отмечали умение писателя убедительно показать свою глубокую внутреннюю связь с крестьянской судьбой и подлинное знание крестьянской жизни. «В диалогах отражается народный язык, они строятся в соответствии с крестьянским образом мыслей, не вызывая ощущения искусственности» [6, с. 178]. Во многом такой эффект достигается за счёт умелого использования языковых средств родного говора, которые органично звучат в произведениях, способствуя реалистичности и красочности описания картин крестьянской жизни. Этнокультурная специфика описываемого региона передаётся писателем, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне в названиях предметов домашнего обихода (*бурак, зыбка, коптюшка, корчага, окорёнок, пестер, подошница, поставец, солоница* и др.), построек и их частей (*амбар, амбарушка, въезжая, зимница, клеть, сени, сеница, сенцы* и др.), предметов одежды и обуви (*валенцы, кожанцы, коты, опорок, поддёвка, сибирка, уханка-малахай, чапан* и др.), кушаний, в том числе обрядовых (*оржаной, пасха, пряник-сусленик, трескуха, хлебушко* и др.), игр и времяпрепровождения (*беседа, гульбище, игра в бабки, железка, погулянки, стуколка, хоронишки* и др.), в областной промысловой лексике (*барка, беляна, вожжевая, гребь, кнехт, кошма, лот, льяло, шалман, шейма, бурлак, путина* и др.) и т. д.

Образное наполнение речи в его рассказах также нацелено на поддержание строгого стилевого единства. В необычайно выразительных сравнительных оборотах ярко проявляется культурное

своеобразие региона, выраженное в специфическом выборе эталона сравнения, которым являются привычные реалии деревенской жизни. Изобразительность авторской речи усиливается употреблением в составе сравнений диалектизмов. С помощью такого приёма описываемые звуки становятся реально ощутимыми. Плач старика по забывшим его сыновьям создаёт у автора ассоциацию с ловлей рыбы специальным устройством – *боталом*, применяемым на территории поунженского края: *Наговорившись досыта, старик вдруг принимался хлипать – глухо и странно, точно в глубокой бочажине тяжёлым боталом ворочал* [7, с. 129]. Краткий костромской областной словарь (ККОС) даёт следующее описание данного приспособления: «шест с деревянным стаканом или консервной банкой на конце, которым бьют по воде, загоняя рыбу в сеть» [5, с. 38]. Слово *бочажина* используется И. Касаткиным и в другом сравнении: *Самовар за перегородкой сбивчиво завёл тоненький напев, но его заглушал Суслов, он умывался: фыр-кал, плескался, харкал, будто в глубокую бочажину попал и не мог выплыть* [7, с. 162]. В СРНГ представлено мотивирующее слово *бочаг* с близким к нашему источнику смысловым содержанием – «глубокое место в реке или ручье; омут». Оно имеет довольно обширную географию (Моск., Твер., Яросл., Нижегород., Волог., Влад., Калуж., Нерехт. Костром. Европейская часть СССР) [12, т. 3, с. 140]. Е.В. Цветкова, исследуя функционирование лексемы *бочаг* в костромских говорах, отмечает, что данный географический термин является «одним из наиболее продуктивных в костромской топонимии», его дериваты, образующие смысловые блоки «вода» и «рельеф», распространены на большей части территории Костромской области. В ряду наиболее употребительных из них исследователь называет и слово *бочажина* [14, с. 76–77]. В данном виде лексема также зафиксирована в ЯОС в значении «глубокое место в реке, ручье или болоте; омут» [16, т. 2, с. 19].

Голос сильно опьяневших мужчин, пытающихся начать песню, сравнивается со скрипами ведра на колодезном шесте: *Словно бадья скрипучая на очепе, голос заносился высоко-высоко и, сорвавшись, падал куда-то на дно* [7, с. 188]. По данным СРНГ, слово *очеп* в значении «шест колодезного журавля, колодезный журавль» широко распространено преимущественно на территории севернорусских говоров, однако упоминание о его функционировании в костромских говорах отсутствует [12, т. 25, с. 56]. Данная лексема в представленном значении зафиксирована в ККОС в Кадыйском, Кологривском, Костромском, Макарьевском, Мантуровском и Нейском районах. Приведённая в словаре цитата переключается с образом, использованным И. Касаткиным: *Прежде у нас колодец-то был у самого дома, дак утром как очеп заскри-*

пит, стало быть, вставать надо, кто-нибудь уж по воду пришёл [5, с. 238]. Колодцы, по словам кологривского краеведа и этнографа А.В. Хробостова, родившегося в тех же местах, что и И.М. Касаткин, были знаменательной частью деревенского быта. «Когда на колодец хозяйка собирается, обязательно переоденется для встречи с земляками. Здесь узнают новости со всей волости, здесь показ обновок» [13, с. 103]. Данная реалья также связана в воспоминаниях краеведа со звуками поскрипывания колодезного журавля, которые он «не только весной, осенью, издаёт постоянно, когда суждено заглянуть в колодец, черпая из него нужную людям воду. “Скрип-кугик... скрип-кугик...”» [13, с. 190].

Некоторые образы в сравнениях И. Касаткина характеризуются устойчивостью, позволяя «сохранять свою национальную идентичность, следовать традициям в быту, обрядах, промыслах, обычаях» [15, с. 38]. Так, важнейшей составляющей крестьянского быта в Костромской губернии являлись заготовки зерновых культур и обработка льна. При их обмолоте отсеивались остатки колосьев, стебли и другие отходы, которые получили в говорах название *мякина* [5, с. 206]. Народные наблюдения над повадками птиц при этом процессе отразились в поговорке *обмануть старого воробья на мякине* «провести, перехитрить кого-либо» [8, с. 101]. Данный образ запечатлён в тексте рассказа «Задуманный разговор», где автор проводит аналогию между работой детей и привычной картиной налетевших на эти отходы молодых птиц: *Под ногами у ней росла и росла куча вязок. И скоро бы эта куча была выше её головы, но то и дело, как воробьи на мякину, налетала крикливая стая ребятишек, охапками расхватывала готовые вязки и, отшлёпывая босыми пятками, с гомоном неслась в поле* [7, с. 339].

Тяжёлое положение крестьян сравнивается с участью мух, попавших в паутину: *Запутались, исчахли, как мухи в тенётах. Раззор, на-тло! Голодует мир, прямо тебе сказать* [7, с. 231]. В приведённой цитате И. Касаткин использует диалектизм *тенето*, который в значении «паутина» представлен в Опыте областного словаря с пометой Перм. [9, с. 227]. ККОС даёт информацию об его употреблении в различных районах костромской области (Буйск., Галич., Костр., Красн., Макарьев., Солиг., Судисл., Чухлом.) [5, с. 315]. Образ, связанный с мухами, типичен для русской фразеологии: *слышно, как муха пролетит* (о полной тишине), *(какая) муха укусила кого-л* (о непонятном, необъяснимом поведении кого-л.), *считать мух и ловить мух* (ничего не делать, бездельничать), *мухи не обидит* (о кротком, добродушном человеке), *муха не сидела* (о совершенно новой вещи) и др. [8, с. 418]. Царство мух было слабым местом в каждом крестьянском доме, что объясняет такое многообразие связанных с этими насекомыми на-

родных ассоциаций. А.В. Хробостов вспоминает о множестве мух в доме кологривского крестьянина: «Зайдёшь, глаза повышибают... потому что в домах было сумрачно, душно, двор примыкал к дому, дверь часто не закрывалась» [13, с. 138].

Тонкие ноги больного человека сравниваются с лутошками: *С него то и дело сползает одеяло, и я вижу его гнусный костлявый зад, и ноги его торчат, как надломленные лутошки* [7, с. 303]. По данным СРНГ, основным значением слова в костромских говорах выступает «липовая кора, лыко», здесь же приводится ряд смежных значений: «ободранная липа, липовая палка», «молодая липка», «ствол срубленной липы». Однако в данном контексте ноги уподобляются растению по признаку малой толщины и, скорее, сравниваются с тонкими палками, прутьями. В таком значении слово *лутошка* функционирует в вологодских и ярославских говорах [12, т. 17, с. 207; 16, т. 6, с. 19]. Выбранная И.М. Касаткиным ассоциация довольно распространена в русских говорах. Так, в СРНГ указано: «в сравн. Ноги как лутошки. Чебокс. Казан., Теренг. Ульянов.» [12, т. 17, с. 207], В. Даль также замечает: «лутошками зовут тощие, сухие ноги» [4, т. 2, с. 232].

Ярчайшим выразительным средством народной речи в рассказах писателя являются устойчивые выражения, в состав которых входят известные в народной среде образы. Большинство из них связано с повседневной жизнью людей описываемой территории, бытовыми перипетиями, заботами, восприятием мира, поэтому они отражают важнейшие стороны исторического прошлого крестьян поунженских деревень, особенности их быта и культуры.

Выражение *на другой колодке плетёны* связано в тексте с кардинальным отличием молодого поколения от пожилых людей: *Народ у нас ко всему привычный. Есть старики суровых лет, а окромя своего поля да леса, и свету ни видывали. Такого ты и оглоблей не прошибёшь, ежели насчёт иного прочего толковать с ним. Которые помоложе, те, конечно, уже на другой колодке плетёны* [7, с. 331]. Происхождение фразеологизма связано с распространённым в описываемые времена занятием местного населения – плетением лаптей. Один из рассказов И. Касаткина знакомит читателя с тонкостями ремесла, воспроизводя картину работы над берестяным изделием: *В промежуток, когда кочедык вонзается в лапоть, лыко берётся в зубы, а перед тем как продеть его, заострённый кончик смачивается языком, обсасывается и тогда уже пускается в дело* [7, с. 171]. А.В. Хробостов вспоминает: «В былые времена жителей нашего края называли лапотниками. Долго жила слава о знаменитых лаптях из нашей волости» [13, с. 46]. Фразеологизм с противоположным значением *на одну колодку плетёные* представлен в СРНГ «о лу-

дах, сходных по характеру и т. д.; на один лад, на один манер», распространённый в Пензенской области [12, т. 14, с. 159], также славившейся своими мастерами по плетению берестяной обуви.

Выражение *ещё черти в кулачки не бьются* используется писателем для обозначения ранних утренних часов, когда необходимо подниматься и начинать работу: *На зимовке ведь у нас так: ни свет ни заря, ещё черти в кулачки не бьются, а ты вставай* [7, с. 312]. Для понимания читателем данного выражения И.М. Касаткин использует синонимичное устойчивое выражение *ни свет ни заря*. Большой словарь русских поговорок фиксирует фразеологизмы *черти в кулачки не бьют* и *ещё черти на кулачки не бьются* в значении «очень рано утром». Первое дано с пометой Волог., Приамур. Шутл., в качестве территории распространения второго указаны республика Мордовия и Пермская область [8, с. 737].

Без обозначения места слово *кулачки* дано в Словаре В. Даля в значении «кулачный бой, драка кулаками, для забавы, из молодечества» [4, т. 2, с. 180]. О том, что данные драки были характерны для рассматриваемой территории, говорит лексема *кулачник*, данная в СРНГ, – «тот, кто любит драться», с пометой «Ветл. Костром.» [12, т. 16, с. 53]. Также И.М. Касаткин описывает забавы поунженских крестьян: *Колоколиха шумит и бушует – то удалыми хоровыми песнями, то драками, если не с чужаками, то промеж себя, полюбовно – стенка на стенку* [7, с. 24]. Во время драки обычаем является словесная перепалка между задиралами с обеих сторон. Передавая речь соперников, И. Касаткин употребляет выражение *крепи гашиник*:

– *Огого-ой! Лапотники... Дьяволы-ы! Ходи давай, распоясыва-айси!..*

– *А-а, не жрамиши, орёшь! Знать, седни, паря, топор варил?! А-а, отоишали, колокольники драные!*

– *Крепи гашиник... гашиник крепи, суконная харя! Дух вышибать будем, чё-орт!* [7, с. 28].

Гашиником назывался верёвочный пояс, которым стягивались крестьянские, мужские портки [12, т. 6, с. 155; 5, с. 79]. По всей вероятности, данный пояс мог подвести в самый неподходящий момент. Ирония в выражении *крепи гашиник* звучит более наглядно в народных изречениях, которые с пометой «в борьбе» зафиксированы В. Далем: *и рад бы погнался, да гашиник порвался; рад бы вперёд подался, да гашиник оборвался; и рад бы не поддался, да гашиник оборвался* [4, т. 1, с. 327].

То же выражение употребляет И.М. Касаткин в другом контексте:

– *Ай, Пётр Миневич... мельничек!*

<...>

– *Мельницу, водянку-то, сышь, на слом... Паровую закатывает.*

– *Ай-яй! Вот и гляди на него!*

– *Што ж, подавай бог всякому.*

– *Подаст, держись... крепи гашиник!* [7, с. 94].

В данном случае звучит всё та же ирония, связанная с ненадёжностью данного пояса, так как в старину был обычай «прятать деньги в портках, привязывая гаманок [кошелёк] к гашинику», откуда и пошло выражение «в загашинике спрятал» [12, т. 6, с. 155]. Значение выражения *крепи гашиник* в данном контексте близко известному в современном русском языке *держи карман [шире]* – «ничего не получишь, не рассчитывай получить» [8, с. 277]. Особенность верёвочного пояса, созданного из подручного материала плохого качества, создаёт в говоре ассоциацию, положенную в основу устойчивого выражения. Справедливо в этом отношении замечание Е.В. Брысиной: «для каждого языка, воплощающего в себе те или иные установки этнической культуры, характерно возникновение специфических созначений – этнокультурных коннотаций» [2, с. 53].

Устойчивое выражение *пришло узло к гузну* употребляется в рассказе «Силантьево детство», когда прибывший в дом гость рассказывает, как он добирался до хозяев ночью в метель: *Ах ты, нечистая сила! Кружил-кружил всю ночь, хоть реви! Ну, вижу, пришло узло к гузну – хоть ложись в ряд с Микитой и помирай* [7, с. 76].

В большом словаре русских поговорок фразеологизм *узлом к гузну [пришлось]* дано как вульгарное, неодобрительное «о наступающих у кого-либо трудностях, неудачах» с пометой «Перм.» [8, с. 681]. СРНГ указывает на распространение выражения *подошло узло к гузну* на территории Костромской области в исследуемом нами регионе «Ветл.» и интерпретирует его соответствующим нашему контексту образом – «создалось тяжёлое положение» [12, т. 28, с. 114].

Таким образом, этническая самобытность описываемого региона передаётся И.М. Касаткиным во многом через использование выразительных средств, содержание которых напрямую связано с обычаями, историей, фактами бытовой культуры поунженского крестьянства. Приведённые примеры показывают, что для наиболее точного описания колорита, быта и речи крестьян Верхнего Поунжья автор черпает образы, опираясь на полученный здесь богатый жизненный опыт и знание материала региональных вариантов общенародного языка, что делает его произведения ценнейшим источником этнолингвистических исследований.

Библиографический список

1. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: материалы для спецкурса. – Томск: Изд-во Томского университета, 1975. – 257 с.
2. Брысина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (16). – С. 51–57.
3. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромиздат, 2007. – 225 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова: отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
6. Казак В. Лексикон русской литературы XX века.: пер. с нем. – М.: РИК «Культура», 1996. – 491 с.
7. Касаткин И.М. Мужик. – М.: Советский писатель, 1991. – 382 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
9. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
10. Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60-х гг. // Вопросы языка современной русской литературы. – М., 1971. – С. 302–365.
11. Рабинович М.Г. Город и поэт (к этнографическому источниковедению) // Советская этнография. – 1985. – № 1. – С. 116–129.
12. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб., 1965 – Вып. 1.
13. Хробостов А.В. Лебединая песня моего сердца. – Кострома: Фабрика сувениров, 2015. – 416 с.
14. Цветкова Е.В. Географический термин *бочаг* в костромской топонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 3. – С. 76–79.
15. Черноусова О.Н., Тушикова Н.А. Выразительные возможности образных сравнений в речи носителей донских говоров // Вестник Пермского ун-та. – 2012. – Вып. 1 (21). – С. 37–42.
16. ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1990. – Вып. 1–10.

УДК 81'27

Попова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru

Мингалева Ольга Викторовна

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

Аникеева Ирина Годерзовна

кандидат исторических наук
Московский авиационный институт
lrganik3@mail.ru

МЕТАФОРА КАК АССОЦИАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ И ОБЪЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию метафоры как ассоциативного механизма и объекта интерпретации и восприятия речи. Авторы рассматривают метафору как сложное и многоаспектное явление. Цель метафоры заключается не в простом назывании предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике. В статье подчеркивается, что метафора широко используется для эмоционального воздействия. Общность цели порождает и общность используемых языковых приемов. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору. Метафора является не столько принципом необычайного словоупотребления и способом художественного мироощущения. Она отражает индивидуально-творческие особенности в субъективном содержании мира поэтических видений.

В статье представлены основные функции метафоры. Когнитивная метафора рассматривается с точки зрения антропоцентричности как способа познания мира и научной парадигмы.

Ключевые слова: метафора, восприятие речи, межкультурная коммуникация, язык, речь, общество.

На современном этапе своего развития лингвистика приобрела новую динамику, «общий вектор» которой направлен в сторону расширения границ лингвистических исследований и смещения акцентов на человеческий фактор в языке. Активные процессы интеграции, происходящие в современной науке, ведут к объединению естественных и гуманитарных знаний, к созданию не только новых научных направлений, но и целых отраслей научного знания.

Язык при этом изучается в аспекте человеческой деятельности. Традиционные объекты лингвистического исследования рассматриваются с точки зрения их значимости для человека, и уже можно говорить об антропологической лингвистике как интегральной науке, изучающей «человека в языке» во всех его проявлениях [17, с. 9].

Новые цели и требования профессиональной подготовки студентов высших учебных заведений характеризуются специфическими ориентирами и установками на воспитание личности, способной к саморазвитию в условиях образовательного пространства высшего учебного заведения с результирующим ориентиром на формирование профессиональной компетенции будущего специалиста.

По мере усиления процесса гуманитаризации образования, неизменно начинается понимание крайне важной роли иностранного языка в педагогическом процессе учебных заведений. Потребность современного общества в специалистах, способных реализовать свою профессиональную компетентность в полинаучном, поликультурном коммуникативном пространстве, постоянно растет.

Следовательно, мы можем констатировать, что в связи с вышеназванными обстоятельствами,

возникает необходимость в разработке соответствующего обеспечения формирования профессионально-языковой компетентности будущего специалиста, в том числе, и через использование умений применения выразительных и изобразительных средств языка.

Данные тенденции привели к необходимости пересмотра многих языковых явлений с учетом комплексного подхода к выявлению их сущности. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на вопросы, касающиеся метафоры и процесса метафоризации.

Проблему метафоры изучают специалисты различных областей знания. Исследованием метафоры занимаются ученые в области теории речевой деятельности, перевода и переводоведения, когнитивной семантики, логической семантики и науковедения и т.д. В работах, проведенных с позиции названных нами отраслей знания, были получены новые сведения о роли метафоры в процессах познания и в организации знаковых систем науки, техники, искусства и естественного языка [5, с. 134; 6, с. 361–372; 7, с. 17–20; 8, с. 86–96; 11, с. 34–43; 13, с. 68–76; 20, с. 86–96].

Как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи метафора рассматривается в психолингвистике, как способ мышления и познания – в логике и философии. Такое многоаспектное и интегральное исследование метафоры и процесса метафоризации является причиной существования целого ряда подходов и направлений к изучению метафоры.

Именно поэтому проблемы метафоризации занимают особое место в теории семантических, синтаксических, стилистических и прагматических исследований. При понимании метафоры как

данности принимается мысль о том, что она является вторичной косвенной номинацией, которая неизменно сохраняет свою двуплановость и образную составляющую значения.

Сложность полноценного изучения метафоры, по мнению Н.Д. Арутюновой, связана с тем, что метафора и ее сущность «не отвечают коммуникативному назначению субъекта и предиката» [1, с. 335]. В этой связи приведем заключение, к которому приходит Д. Дэвидсон в своей статье «Что обозначают метафоры», где он выдвигает мысль о том, что «ни одна теория, которая рассматривает метафорическое значение или точность метафорического отображения, не может объяснить, как метафора функционирует» [18, с. 502]. В связи с этим исследователь считает, что «метафора принадлежит исключительно к сфере использования» [18, с. 496].

Таким образом, существует необходимость поиска путей объяснения природы метафоры, ее функционального многообразия, механизмов метафоризации и прочих аспектов этого феномена.

Действительно, «метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков концептуального поля. Объекты к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет «руку» интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке» [4, с. 72].

Метафора в лингвистических трудах представляется действенной когнитивной моделью. Она способна, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон [19, с. 116], осветлить и затемнить различные стороны концептуализируемого объекта; она сложна и многогранна, она помогает выявить не только универсальные, но и национальные аспекты научного дискурса, фиксируя и сознательные, и подсознательные движения мысли ученого.

Основываясь на нашем анализе теоретического материала на базе отечественной и зарубежной литературы, где исследуется феномен метафоры, мы можем констатировать, что целый ряд исследователей проводят семантический и когнитивный анализ метафоры, рассматривая роль метафоры в формировании логических структур и когнитивных средств естественного языка. В этих работах указывается на то обстоятельство, что метафора является непосредственным средством выражения признаков значений [3, с. 358; 16, с. 416; 9, с. 74–83; 10, с. 90–98; 12, с. 178–184; 14, с. 169–174; 15, с. 174–178].

Так, к примеру, по убеждению МакКормака, теория метафоры должна включать в себя «не только семантическую, синтаксическую и когнитивную теории, объясняющие, каким образом необычное сочетание слов приводит к созданию новых понятий, но и контекстуальные теории относительно внешнего мира, содержащие сведения о словесных ассо-

циациях, а также о взаимодействии между людьми и их окружением, создающим знание» [3, с. 379].

Метафора понимается как элемент поэтической структуры, который стихийно возникает и угасает по непонятным и непостижимым для человека причинам. Такое понимание метафоры связано с ее алогичностью, несоответствием метафоры реальным процессам действительности и природе рационального мышления.

Большой интерес у ученых вызывают вопросы, которые связаны с механизмами порождения метафоры, с познавательной активностью, а также с преобразованием ментальных категорий в языковые категории в процессе метафорического отображения реальной действительности.

В этой связи приведем высказывание о метафоре как процессе, обуславливающим глубинный процесс человеческого сознания, которое дает В.Г. Гак. Его мнение сводится к той точке зрения, что «метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее не обойтись. Она присуща человеческому мышлению и языку как таковая» [2, с. 11].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем», анализируя процесс метафоризации, пишут, что принципы восприятия реальности, которая нас окружает, являются «метафорическими по своей природе и включают понимание результатов нашего опыта в терминах других данных, которые получены опытным путем» [19, с. 116].

Таким образом, описывая метафору и процесс метафоризации, мы можем подчеркнуть, что метафора представляет собой способ или форму соединения общепринятых значений с субъективным отношением к ним или субъективными смыслами действующего.

Исходя из приведенных нами исследований процесса метафоризации, мы можем сделать следующие заключение: метафора как средство создания нового понятия расширяет мироведение человека. Следовательно, цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике. Таким образом, каждый образ, который участвует в создании метафорического значения, существует в ряду семантически связанных образов, которые в совокупности представляют модель, правило или парадигму, определяющую стереотипы ментального восприятия реальной действительности, окружающей человека.

Метафора используется наряду с другими когнитивными механизмами для репрезентации знаний в вербальной форме. Концепты, передаваемые посредством метафоры, обычно сложны и при их понимании происходит наложение концептуальных областей, сформировавшихся как результат концептуализации жизненного опыта индивида, накопленного через непосредственный контакт с внешней средой, а также общение с другими людьми.

Метафора существует для выражения более абстрактных понятий через более конкретные, «осязаемые» понятия и отличается от сравнения такими специфическими характеристиками, как отсутствие ассоциации с определённым местом и временем (временностью выделяемого качества), то есть выражает признак описываемого предмета или явления как признак, присущий им постоянно, неизменно, занимающий постоянный слот в их концептуальном фрейме.

В этой связи важно отметить, что «конспирирующая функция метафоры может рассматриваться в рамках кодирующей функции, а эмоционально-оценочную функцию можно присоединить к номинативной функции. Можно также выделить и ритуальную функцию метафоры. Сюда относятся поздравления, приветствия, различные пожелания. Например, пожелание идущему на какое-либо испытание, к примеру, на экзамен: «ни воды, ни песка», что значит «не сесть в лужу и не утонуть» [5, с. 283].

Кроме того, следует отметить, что «помимо названных функций необходимо добавить следующие функции: познавательную (когнитивную); оценочную; смыслообразующую, риторическую и концептуальную» [5, с. 283].

Человек приспособился ориентироваться в этом мире с помощью языка, в том числе, и метафоры. И в этой связи очень важно отметить, что антропоцентричность сейчас признаётся как принцип познания мира и даже как научная парадигма. В применении к когнитивной метафоре под антропоцентричностью понимается пропускание образов через себя как человеческое существо, понимание предметов и явлений через призму собственного субъективного социального и чувственного опыта, строения и функционирования собственного организма. Примером этого может служить обилие так называемых «стёртых», обыденных метафор, таких как «ручка двери», «ножка стула», «язык животных», «тело доклада», основанных на антропоморфном переносе.

Таким образом, рассмотрев метафору как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи, мы приходим к заключению, что метафора вступает там, где нельзя напрямую сопоставить фреймы, не являющиеся смежными в реальном мире. Это отнюдь не предполагает конструирование ложных ассоциаций, а, напротив, служит инструментом постижения свойств обоих налагаемых друг на друга концептуальных областей.

Следующий наш вывод сводится к пониманию нашего предмета исследования: метафора необходима для выхода за рамки обыденного мышления, так как человеческое сознание не является компьютерной программой и не может обходиться только стандартными решениями.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1988. – 736 с.
3. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры: пер. с англ. // Теория метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
4. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 68–81.
5. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). – М.: Издательство МГОУ «Народный учитель», 2003. – 146 с.
6. Попова Т.Г. Интеграция языка и культуры как культурологическая реальность в процессе перевода // Пространства и метасферы языка: Структура, дискурс, метатекст: Материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. – М.: Военный университет: Факультет иностранных языков, 2009. – С. 361–372.
7. Попова Т.Г. Язык как главный фактор этнической интеграции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 1 (218). – Серия «Лингвистика». – Вып. 12. – С. 17–20.
8. Попова Т.Г. Kulturnye i kognitivno-semanticke zakonitosti perevoda // Rijek (asopis za filologiju), Rijeka (Croatia), 2009., god. 15., sv. 1.–3. – Str. 86–96.
9. Попова Т.Г. Cognitive and Semantic Factors of the Translation Process in the Interaction of Cultures // Language, Society, Communication. – Yerevan State Linguistic University after Valeriy Brusov. – “Lingva” Publishing House. – № 1 (2), 2012. – P. 74–83.
10. Попова Т.Г. Политический текст и ее лексические особенности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2012. – Вып. 3. – С. 90–98.
11. Попова Т.Г. Language Conceptualization // The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association (GCA).- Ottawa, Canada, 2013.– Pp. 34–43.
12. Попова Т.Г. Метафора в концептуальной системе // Языки и культуры в современном мире: XI Международная конференция НОПриЛ. – Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ). – Париж, 2014. – С. 178–184.
13. Попова Т.Г. Metaphor as a language and mental mechanism in artwork // Language and culture. Academic periodical journal. (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “National Research Tomsk State University”. Number 2. – Tomsk, 2014. – P. 68–76.

14. Попова Т.Г. Межкультурная коммуникация и проблемы перевода // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: Сборник статей и научных сообщений Международного научного семинара (26 октября 2014 года – 2 ноября 2014 года). – Прага, Чешская Республика, 2015. – С. 169–174.

15. Попова Т.Г. Metaphor as a mental and language mechanism // Cross-cultural communication and translation questions // Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. International scientific seminar October 26, 2014. Proceedings of International Seminar. – November 2, 2014 Prague, Czech Republic, 2015. – P. 174–178.

16. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 416–434.

17. Сергеева Ю.М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 35 с.

18. Davidson D. What Metaphors Mean // Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – P. 495–506.

19. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980. – 242 с.

20. Popova Tat'jana G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009. – god. 15., sv. 1.–3. – Str. 86–96.

УДК 81'373 ; 81'27

Попова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru

Сачкова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет путей сообщения императора Николая II, г. Москва
november29@yandex.ru

МЕТАФОРА ВО МНОГОСТИЛЕВОМ АСПЕКТЕ

Данная статья рассматривает метафору как сложное, многоаспектное явление, характерное для текстов всех функциональных стилей. Метафора рассматривается не только как фигура речи, но как способ образования новых значений и новых слов, а также как способ познания мира и отражения результатов этого познания в языке. В статье рассматривается функционирование языковой метафоры, которая, также как и речевая, построена на переносном значении, но утратила образность и экспрессивность. Функциональный стиль понимается как литературная разновидность языка, характерная для речевой практики людей в определенной социальной сфере. Новизна исследования заключается в том, что явление метафоры анализируется как в текстах функциональных стилей, для которых метафора традиционно характерна, так и в текстах тех стилей, в которых она считается недопустимой. Делается предположение, что метафора может появляться в этих стилях как результат кодирования нового знания в языке, что ведет за собой изменение языка и характеристик функциональных стилей. Явление метафоры в текстах различной стилевой направленности рассматривается как функционирование ее основных типов, с целью определения наиболее характерного типа для каждого стиля.

Ключевые слова: функциональный стиль, идентифицирующая и когнитивная метафоры, оценочная, оценочно-экспрессивная, образная метафоры.

В современном языкознании метафора является одним из ключевых объектов исследования. Традиционно метафора рассматривалась лишь в рамках стилистики как троп, фигура речи, призванная украсить речь, обогатить ее эмоционально и экспрессивно. В современном языкознании метафора рассматривается как более широкое явление, но считается, что её функционирование ограничено в основном рамками художественного стиля.

Цель нашего исследования – выявить наличие метафоры в текстах различной стилевой направленности, определить тип метафоры, преобладающий в текстах определенного стиля. Языковым материалом для анализа являются тексты различных функциональных стилей, преимущественно на английском языке. Примеры на других языках приводятся, чтобы продемонстрировать наличие метафоры в текстах определенного стиля, характерное не только для английского языка.

Мы понимаем метафору как ментальный и языковой механизм, который заключается во взаимодействии или сравнении двух сущностей, явлений на основании сходства между ними, то есть нахождения их общих признаков. Роль метафоры в познании с древнейших времен состоит в установлении связей, сравнений самых различных сущностей [6, с. 590]. Метафора возникает как индивидуально-авторская, проходит этапы социализации и лексикализации в словарном составе языка [5, с. 227], где стирается и утрачивает образ, который сменяется понятием (значением слова). Таким образом, выделяются два основных типа метафоры: речевая и языковая. Речевая метафора – это индивидуальная, авторская метафора, всегда экспрессивная, яркая, новая. Языковая метафора – это результат процесса, в ходе которого речевая метафора утрачивает свою первоначальную новизну и яркость, перестает быть индивидуальной принадлежностью стиля только одного автора

и начинает широко употребляться языковым сообществом, становится привычной и закрепляется в узусе. При анализе текстов различной стилевой направленности принималось во внимание наличие в них именно языковой метафоры.

Функциональный стиль определяется как разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей, особенности которой обусловлены характером общения в данной сфере. К важным стилеобразующим факторам относят формы общественного сознания, социальные отношения, различные виды деятельности, а также автора речи, адресата, тематику и цели общения и т. д. [8, с. 567].

К основным стилям относятся стиль художественной литературы, стиль научной прозы, газетный стиль, публицистический стиль, стиль деловой документации. Традиционно метафора рассматривается в рамках стилистической литературы как эмоционально-экспрессивная фигура речи. Мы рассматриваем функционирование языковой метафоры в текстах других стилей.

Как отмечает Эрл Маккормак (Earl R. MacCormac), метафора – это результат процесса познания. Метафору можно представить «как когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия, и как культурный процесс, посредством которого изменяется сам язык» [8, с. 363]. В основе метафор могут лежать общепринятые ассоциации, закрепленные в сознании человека благодаря истории, культуре, традициям и т. д. того общества, к которому он принадлежит.

Результаты научного познания мира отражены в текстах научной литературы, и, следовательно, можно предположить, что языковая метафора, как результат процесса познания, может там присутствовать.

Как показал анализ научной литературы из различных отраслей знания, в современных научных текстах может присутствовать речевая метафора. Это связано с тенденцией передавать знания более простым и понятным языком, чтобы они стали более доступными для неподготовленного читателя. Например, в книге Дэвида Блокли «Мосты: наука или искусство» (David Blockley. Bridges: The Science and Art of the World's Most Inspiring Structures) для лучшего понимания особенностей мостостроения структура арочного моста сравнивается с книгой: «*To continue with the book analogy, stone arch bridges are quite easy to read as there seem to be only three chapters... The first chapter contains the voussoirs ... The second is the roughly triangular area ... known as the spandrel. The third contains the foundations... The unseen hidden fourth chapter is the supporting structure...*». Как видно из приведенного примера, вся структура моста уподобляется книге, которую мы читаем. Отдельные важные части

моста приравниваются к главам: первая глава – каменная кладка, вторая – антревольт, третья – фундамент и т. д. Метафора моста как книги раскрывается и далее: «...we need a bit more *bridge grammar*». Количество таких образных метафор в научных текстах крайне незначительно, в основном это характерно для британских и американских авторов. Но тем не менее это меняет традиционное представление о том, что необходимо избегать речевой, образной метафоры в научных текстах.

В научном стиле превалирует языковая метафора. Область проникновения такой метафоры в тексты научного стили, в том числе и в процесс создания новых терминов, необыкновенно широка. Такие термины появляются в результате регулярных метафорических переносов, наблюдаемых между терминами национальной научной картины мира и определенными разрядами слов языковой картины мира, то есть в результате семантической деривации между членами разных лексических систем [1, с. 52].

Для более подробного анализа воспользуемся классификацией метафоры, которую предложила В.Н. Телия: 1) идентифицирующая метафора (описывает объект как таковой), 2) когнитивная (описывает признаки объекта), 3) оценочная метафора (выражает оценочное отношение субъекта к обозначаемому), 4) оценочно-экспрессивная метафора (выражает эмотивное отношение к обозначаемому), 5) образная (представляет объект как существующий в некотором художественно выстроенном мире) [6, с. 173–204].

Идентифицирующая и когнитивная метафоры являются базовыми типами метафоры. При этом наиболее ярко образность когнитивной метафоры проявляется в научном стиле.

Примером идентифицирующей метафоры являются такие хорошо известные термины, как сила тока, электрическое поле, световая волна, трактующие абстрактные, невидимые глазу явления в понятиях конкретных и хорошо знакомых. Основным языком программирования и развития информационных технологий является английский, который и послужил базой развития терминосистемы этой отрасли: *mouse* (мышь), *path* (маршрут в сети), *address* (адрес в памяти компьютера), *link* (ссылка), *language* (язык программирования), *key* (клавиша), *access point* (точка доступа), *network* (компьютерная сеть), *channel* (канал передачи данных) и т. д. Терминосистемы этой отрасли в русском и немецком языках развивались примерно тем же путем: вирус / *Virus*, мышь (указательное устройство) / *Maus*, порт (разъем) / *Port*, *Systemport*, рабочий стол / *Hauptbildschirm*, язык программирования / *Sprache*, адрес в сети / *Webadresse*, ссылка / *Verknüpfung*, точка доступа / *Zugangspunkt*, компьютерная сеть / *Netzwerk*, канал передачи данных / *Datenpfad* и т. д.

Многие термины отражают антропоцентричность познания и являются результатом метафорического переноса «человек → предмет»: искусственный интеллект, компьютерная память, язык программирования. Некоторые термины базируются на концептуальной метафоре жизни человека, смены поколений, что проявляется в таких понятиях, как *life circle*, *3 generation of computer*, *3 generation of mobile phone*, *digital generation*. Оценочные метафоры представляют собой особое явление в научном тексте: они лишены образности в силу требований научного стиля, должны быть точными и однозначными, но в тоже время сохраняют в своем значении коннотацию оценки, поскольку в механизме их образования задействован антропоцентрический фактор. Примеры из области экономики – *Preiskrieg* (война цен), *Konkurrenzkampf* (конкурентная борьба), *Verdrängung* (вытеснение с рынка) – демонстрируют отрицательную оценку, поскольку война с точки зрения человека – это отрицательное явление. Основанные на одной из базовых оппозиций свет/тьма метафоры «теневая экономика», «серая зарплата» также имеют отрицательную оценочную коннотацию, так как заложенное еще в наивной языковой картине мира отсутствие света (тьма) для человека было опасно и даже губительно.

Естественно, что оценочно-экспрессивные метафоры в текстах научного стиля отсутствуют в силу того, что научный стиль требует объективности, логичности и однозначности в своем оформлении.

Газетный стиль и публицистический рассматриваются вместе, так как эти стили имеют общие характеристики: их цель – ознакомить адресата с некой информацией, при этом вызвать у него определенные чувства и отношение к данной информации, сформировать оценку предложенных фактов и, возможно, мотивировать его к определенным действиям. В публицистическом стиле допускается выражение автором его отношения и оценки излагаемых событий. В газетном стиле требуется объективное освещение фактов, без ярко выраженного мнения автора. Тем не менее у автора есть множество средств для выражения его мнения имплицитно, в том числе и в виде языковой метафоры.

Приведем примеры из австралийских газетных статей, журнальных публикаций и публичных выступлений:

1. «*The Turnbull government should not be spooked from charging students more to go to university*»;
2. «*Australia had many of the ingredients for growth but lacked animal spirits*»;
3. «*Labour wanted to wrap the economy in cotton wool and read it a bedtime story*»;
4. «*In the end we inherited a very difficult task economically from Labour; Liberal governments always have to clean up Labour's messes, we have had tough decisions to make*»;

5. «*Most opposed vendetta on green groups*».

Здесь можно выделить следующие типы метафоры:

1) идентифицирующая метафора: *vendetta* (5) – характеризует политику правительства по отношению к группам, защищающим окружающую среду, как неоправданно жестокую и несправедливую;

2) когнитивная – *to spook* (1) создает благодаря изначальному значению слова «пугать привидением, призраком» образ правительства, которое боится призрачных угроз и опасностей; *ingredients for growth, animal spirits* (2) создает образ Австралии как страны, имеющей достаточно возможностей и потенциала для дальнейшего роста и развития, но не имеющей для этого желания и воли; *green groups* (5) создает образ организаций, защищающих окружающую среду, причем зеленый цвет символизирует не только флору, но и во многих культурах жизнь вообще;

3) оценочная метафора – *to make tough decisions, inherited a very difficult task* (4) дает оценку сложившейся ситуации по шкале хорошо/плохо и не содержит эмоционального компонента в своем значении;

4) оценочно-экспрессивная метафора – *to clean up Labour's messes* (4) характеризует результаты правления лейбористов как «грязь, беспорядок» и указывает на дальнейшие действия нового правительства (либеральной партии Австралии) как положительные («расчистка грязи, устранение беспорядка») с аллюзией на подвиг Геракла (чистка авгиевых конюшен);

5) образная – *to wrap the economy in cotton wool, to read it a bedtime story* (3). Образная, или образно-эстетическая, метафора предполагает художественное воздействие на адресата с целью вызвать ценностное отношение в диапазоне прекрасное/безобразное. В контексте данного примера (3) метафора создает образ лейбористской политики как политики убаюкивания, успокаивания населения, обмана его относительно экономического состояния страны. В целом положительная метафора создает отрицательный образ в контексте высказывания и статьи.

Как видно из приведенных примеров, в текстах газетного и публицистического стилей преобладают метафоры идентифицирующего и когнитивного типов. Однако заметную роль играют оценочные и оценочно-экспрессивные метафоры, встречаются даже образные метафоры, что обусловлено целью данных текстов – повлиять на читателя, сформировать у него определенное мнение. Достигается эта цель не столько обращением к разуму и здравому смыслу читателя, сколько к его чувствам.

Основная цель документов официально-делового стиля – определить условия для нормально-го сотрудничества сторон, способствовать достижению договоренностей между ними. К данному

стилю относятся различные документы, начиная от деловой переписки между фирмами – и до дипломатических нот между государствами, военных уставов, пактов, законов, приказов. Всё это подразумевает намеренное опущение таких типов метафоры, как образная и оценочно-экспрессивная, в документах официально-делового стиля, так как они требуют однозначности и объективности в их интерпретации.

Хорошо известные клише официальных деловых писем (*we were glad to receive your letter; we appreciate your letter of Spt. 25, 2000; we shall be grateful to you for any data; I will be happy to answer any questions you may have; we are looking forward for your prompt answer; we look forward to hearing from you soon; looking forward to your early reply; sincerely yours; yours faithfully*) рассматриваются как формулы вежливости, демонстрирующие уважительное отношение автора письма к адресату. Однако, принимая во внимание, что оценочная метафора работает в шкале хорошо/плохо, данные клише можно рассматривать как оценочные метафоры, задающие благожелательный и уважительный тон письма.

В деловых письмах встречаются и другие типы метафоры. Например, когнитивная: *Recent circumstances incompatible with my personal values require that I change my employment*. В данном контексте *circumstances incompatible with my personal values* (обстоятельства, несовместимые с моими личными принципами) указывают на сложную ситуацию, требующую от работника аморальных, с его точки зрения, поступков. А следующая метафора указывает, что он желает сменить место работы (*I change my employment*). Однако в контексте всего предложения она означает его увольнение с занимаемой должности.

Достаточно большое количество идентифицирующих метафор мы встречаем в юридических и военных документах: органы внутренних дел, органы государственной безопасности, *execution* (смертная казнь), *duty* (пошлина, налог), *failure* (неплатежеспособность), *drug* (наркотическое вещество). Когнитивная метафора может быть представлена как один из способов завуалировать некий отрицательный образ, например: *enhanced radiation device* вместо *атомной бомбы*, *friendly fire* вместо *огня по своим позициям*, *collateral damage* вместо *потери среди мирного населения*.

Итак, можно сделать следующие выводы: 1) метафора – это комплексное и многоаспектное явление; 2) её основными типами являются идентифицирующая и когнитивная виды метафор наряду с оценочной, оценочно-экспрессивной и образной метафорами; 3) наиболее полно все типы метафор

представлены в газетном и публицистическом стилях, что объясняется их основной функцией воздействия на читателя, 4) образная метафора представлена в определенной мере во всех стилях языка, кроме документов официально-делового стиля, который требует объективности и нейтральности в изложении информации; 5) остальные типы метафоры представлены во всех стилях, при этом доминирующую роль играют идентифицирующая и когнитивная виды метафор. Роль оценочной и оценочно-экспрессивной метафор снижается от публицистического и газетного стилей к научному (при незначительном употреблении метафор такого типа в документах официально-делового стиля).

Библиографический список

1. Гальперин И.П. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2014. – 348 с.
3. Попова Т.Г. Мотивы метафорического переноса // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы международной конференции. – М.: РУДН, 2013. – 399 с.
4. Попова Т.Г. Роль метафоры в художественном тексте // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: материалы VIII Междунард. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международные отношения», 2014. – 666 с.
5. Сачкова Е.В. Функция метафоры в политическом дискурсе // Материалы IX Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs. национальные интересы». – М.: РАМИ, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://risa.ru/ru/ceksii-viii-konventa-rami/27-sektsii-ix-konventa-rami/216-sektsiya-30-problemy-i-perspektivy-razvitiya-sovremennogo-politicheskogo-diskursa-v-mass-media>.
6. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
7. Теория метафоры: сборник / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В ТЕКСТЕ И ЕГО ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается вопрос о статусе контекстуальных синонимов в общей классификации синонимических лексем. Вопрос о сущностных характеристиках синонимии со времён античной философии и до сих пор порождает дискуссии в научной среде. В основу синонимических отношений лексем древние философы включали три основных признака, которые большинством современных семасиологов и лексикографов признаются ведущими – это принадлежность к одной части речи, семантическая близость лексем и их взаимозаменяемость. Термин «контекстуальная синонимия» в современной классификации слов-синонимов встречается редко, поскольку нет общепризнанной методики описания таких лексем.

Подход к синонимии, предложенный В.В. Виноградовым и О.С. Ахмановой, обосновывает деление на протяжении нескольких веков синонимов одного языка на типы: полные, абсолютные, идеографические, грамматические, синтаксические, стилистические и функционально-речевые синонимы. Реальная переводческая практика, в которой профессиональные переводчики имеют дело с выбором соответствующего контекстуальной ситуации синонима и синтаксической валентностью синонимов, заставляет их уделять больше внимания контекстуальным синонимам, что обуславливает прагматическую значимость нашего исследования.

Ключевые слова: семантическая структура слов-синонимов, языковые синонимы, контекстуальные синонимы, текст, дискурс текста, номинация.

Вопрос о синонимии до сих пор порождает дискуссии в научной среде, заставляя вновь обращаться к сущностным свойствам синонимии, к типам синонимов, демонстрируя разные толкования явления синонимии и синонимов в англоязычной и русскоязычной культурах. Актуальность рассмотрения контекстуальных синонимов, их функционирования в тексте связаны с широким использованием таких синонимов в речи и слабой разработанностью методики их исследования в современной семасиологии. Цель данной статьи заключается в обосновании методики изучения контекстуальных синонимов.

В предлагаемой вниманию читателей статье анализируются различные подходы к определению слов-синонимов, практикующиеся в современной русской научной литературе, как с традиционных позиций, так и с позиций структурной лингвистики. Гипотеза, выдвигаемая автором статьи, предполагает, что структурные методы лингвистики и основы интерпретационной методики языковых слов-синонимов, предложенной профессором В.Г. Вилюманом, способны лингвистически объективно описать явление не только языковой, но и контекстуальной синонимии, подтверждаемые лексикографическими и текстовыми данными [4]. В статье под «текстом», как предлагают Т.А. ван Дейк и Н.Д. Арутюнова, понимается «преимущественно абстрактная формальная конструкция, а под «дискурсом» – различные виды ее актуализации. Главным условием для актуализации этой конструкции должно стать её рассмотрение как ментального или когнитивного процесса, на который оказывают влияние экстралингвистические факторы [1, с. 137].

Ввиду многоаспектности дискурса Н.Д. Арутюнова предлагает для его объективного анализа привлекать междисциплинарные знания в виде наработок социолингвистики, психолингвистики,

этнографии, антропологии, литературоведения, семиотики и стилистики. Она объясняет это тем, что привлечение междисциплинарных знаний помогает выявить и паралингвистическое сопровождение речи, так как дискурс включает в себя основные функции, диктуемые его структурой: ритмическую, референтную, которая связывает слова с предметной областью приложения языка, семантическую, эмоционально-оценочную функцию воздействия на собеседника, имеющую иллюкативную силу, и другие [1, с. 137]. Все слова, связанные с предметной областью приложения языка, составляют текст. По определению понятия «текст», предложенному Т.М. Николаевой, текст – это «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Основными признаками текстуальности последовательности вербальных знаков признаётся внешняя связность, внутренняя осмысленность, возможность своевременного восприятия, осуществление необходимых условий коммуникации» [8, с. 506–508].

Правильность восприятия текста обеспечивается, по мнению Т.М. Николаевой, языковыми единицами, а также соединениями этих языковых единиц необходимым общим фондом знаний, которые в теории межкультурной коммуникации определяются Д.Б. Гудковым как коллективная и индивидуальная когнитивная базы носителей одной культуры. Когнитивная база – это определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества [8, с. 507; 5, с. 41–48].

Особая роль в структурировании знаний отводится синонимам, которые О.С. Ахмановой трактуются как слова, позволяющие коммуникантам охарактеризовать предмет беседы с разных сторон.

В соответствии с их признаками синонимы можно классифицировать по типам: *абсолютные*, или *полные*, синонимы, *синонимы грамматические*, к ним относятся равнозначные грамматические конструкции; *синонимы идеографические*, то есть синонимы, различающиеся оттенками значения; *синонимы относительные*, семантическое подобие которых не распространяется на все их значения; *синонимы стилистические*, различающиеся только стилистически и *синонимы функционально-речевые*, то есть слова или словосочетания, совпадающие по значению с другими словами и словосочетаниями только в данном речевом контексте.

В академическом издании «Современный русский литературный язык» Л.П. Крысин определяет синонимы в современном русском языке как слова, принадлежащие к одной и той же части речи, которые звучат и пишутся по-разному, а по смыслу тождественны или очень близки. Слова, которые тождественны по смыслу, называются *полными синонимами*. Слова, которые близки, но не тождественны по смыслу, называются *неполными синонимами*. У *неполных синонимов* значения совпадают в основном, а в частности они могут различаться. [7, с. 183–185]. *Неполные синонимы* часто различаются по стилистической окраске: одни из них могут быть стилистически нейтральными, другие книжными, третьи – сниженными (разговорными или просторечными). Нередко различие в стилистической окраске вызывает несходство значений. Стилистически нейтральный и наиболее общий по смыслу член синонимического ряда обычно осознаётся как главное слово в этом ряду и поэтому называется доминантой синонимического ряда. Кроме того, многозначные слова нередко входят в несколько синонимических рядов. Синонимы могут различаться по своей сочетаемости. В данной классификации не прослеживаются языковые закономерности, обуславливающие полную или неполную синонимичность, нет в ней места и контекстуальным синонимам.

Иной подход к понятию семантического значения, важного для понимания синонимических отношений между лексемами, предлагается в теории английской синонимии В.Г. Вилюмана. Он разделяет понятия «семантическое значение» как языковая сущность и «смысловое значение» лексической единицы как речевой сущности. Тогда основная граница в типологии синонимов проходит между языковыми и речевыми синонимами. Языковые синонимы различаются друг от друга своей семантикой, состоящей из семантических компонентов в виде лексико-семантических вариантов, широко представленных в толковых словарях и словарях синонимов. Подробно В.Г. Вилюман останавливается на роли контекстуального денотата при определении вида синонимических отношений между рассматриваемыми лексемами [5].

Такой подход к исследованию языковых слов-синонимов, как показали научные работы В.Г. Вилюмана [4] и Е.И. Путятиной [9], позволяет сопоставить, сравнить компоненты значений языковых синонимов и объективно выделить среди ряда синонимов, расположенных в виде матрицы, их доминанту, а также вычислить семантическое расстояние между словами-синонимами. Кроме того, с помощью матричного подхода, предложенного для изучения семантической структуры каждого слова из ряда синонимов, В.Г. Вилюман иллюстрирует такое важное качество слов-синонимов, как близость и дальность семантических значений, что является важным фактором при структурном анализе семантических компонентов слов-синонимов [4].

Языковые синонимы в матрице семантических структур также ярко демонстрируют и зависимость стилистической окраски слова от количества семантических компонентов слов-синонимов, отражающих непосредственную связь рассматриваемого синонима и доминанты ряда, то есть методика установления синонимических отношений между лексемами одного языка, основывающаяся на языковых принципах семантической и синтаксической смежности, в результате определяет не только семантическое расстояние между синонимичными лексемами, но также их стилистическую окраску. Синтаксическая смежность и одинаковость синтаксических конструкций обуславливают взаимозаменяемость слов-синонимов в контекстах.

К основным признакам синонимии В.Г. Вилюман относит два признака: семантико-смысловую общность и функциональную, или синтаксическую, смежность лексем. К факультативным признакам он относит следующие признаки: 1) принадлежность синонимов к одной части речи; 2) близость значений изучаемых лексем; 3) различная стилистическая окраска лексем-синонимов; 4) взаимозаменяемость.

В настоящем исследовании признак «взаимозаменяемость» может считаться производным, так как вытекает из принципиально важного для синонимии признака – синтаксической смежности у слов одного синонимического ряда, то есть наличия синтаксических структур, характерных для рассматриваемых слов-синонимов – членов одного синонимического ряда. Поскольку «синонимы в одном совпадают, а в другом расходятся», как заметил А.А. Реформатский, поэтому необходимо учитывать как неперемutable и достаточное условие синонимии, по определению В.Г. Вилюмана, наличие семантико-смысловой общности, реализуемой в частичной взаимозаменяемости лексических единиц в соответствии с ситуацией [4, с. 33; 11]. Признак предметно-понятийной общности синонимов, отмечаемый лексикологами как главный и ведущий признак, следует, по предложению

В.Г. Вилюмана, рассматривать как факультативный признак синонимии [4, с. 37].

В методике исследования слов-синонимов, предлагаемой Л.П. Крысиным, следует учитывать только принадлежность к одной и той же части речи слов, тождественных или очень близких по смыслу [7, с. 183–184].

А.А. Реформатский повторил вопрос, заданный когда-то В. Гумбольдтом: основана ли синонимия на семасиологической или на номинативной общности, поскольку слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого объекта, но пониманием его, закрепляемым в языке посредством найденного для него слова. В этом заключен источник многообразия обозначения одного и того же предмета: когда два слова называют одну и ту же вещь, но соотносят её с разными понятиями и тем самым через называние вскрывают разные свойства данной вещи. Из этого вывода А.А. Реформатского следует, что синонимы – это слова, называющие одну и ту же вещь, соотносимую с разными понятиями благодаря лексической номинации. В.Н. Телля считает, что лексическая номинация может быть представлена как первичная, вторичная, пропозитивная и дискурсивная [12, с. 336–337]. Н.С. Валгина в монографии «Теория текста» отмечает, что при создании связного текста неизбежно встает вопрос о повторной номинации, которая представляет собой выбор средств словесной замены для уже названного субъекта или объекта, но такие замены не всегда допустимы. Повторная номинация в художественном тексте может служить эффективным средством детальной характеристики персонажа [3, с. 52–53, 55].

В своей работе мы рассматриваем лексическую номинацию в виде *первичной, вторичной, пропозитивной, дискурсивной и повторной*. В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что все перечисленные виды лексической номинации субъекта или объекта могут служить дейктиками языковой и контекстуальной синонимии. Недостаток работ, посвященных контекстуальной синонимии, заключается в трудностях нахождения соответствующей методики выявления и трактовки контекстуальных синонимов. Вопрос касается признаков контекстуальной синонимии, существование которой некоторыми исследователями, например О.С. Ахмановой, отрицается, другими, например Н.С. Валгиной, рассматривается как особый тип лексической номинации.

Изучение всех видов синонимии, их использования в речи, как отмечает Л.П. Крысин, важно для лингвистики, поскольку синонимы и система синонимических средств составляют богатство языка, обеспечивая возможность носителей языка выразить одну и ту же мысль разными способами или перефразировать свои мысли. Синонимы позволяют избегать в связной речи одинаковых слов и обо-

ротов и в то же время сохранять нужный смысл. Последнее замечание Л.П. Крысина соотносится непосредственно с контекстуальными синонимами: «Основное назначение синонимов заключается в том, чтобы сделать свою речь выразительной, гибкой, “передавать тонкие оттенки смысла”», точно называть близкие, но всё же различающиеся явления, свойства и признаки объекта» [7, с. 187].

Согласно своей теории синонимии, В.Г. Вилюман предлагает разделять языковую синонимию и другие виды синонимии. Например, *функционально-речевые синонимы* или *синонимы с контекстуальным денотатом* [4, с. 64] могут быть объединены, как нам представляется, одним термином – «*контекстуальные синонимы*», так как в процессе коммуникации возможно присутствие у лексем нескольких признаков в разных сочетаниях. Для языковой синонимии будут обязательными следующие признаки: *семантическая и функциональная общность двух и более единиц, семантическое расстояние между которыми и их стилистическая окраска обуславливаются количеством их непосредственных семантических связей* при формировании синонимического ряда. К факультативным признакам синонимии в целом и языковой синонимии в частности В.Г. Вилюман относит наличие *одного контекста и наличие одного и того же денотата*. Как показали наши исследования, языковые синонимы не требуют одного и того же контекста и могут соотноситься с разными денотатами [4; 9].

Контекстуальные синонимы подразумевают диктат термина «контекстуальный», то есть обязательное наличие одного контекста. Что касается номинации денотата, то именно она должна привлечь внимание семасиологов, так как лексическая номинация одного и того же денотата различными лексическими средствами составляет предмет отдельного изучения. Семантико-структурная и коммуникативная организация текста, согласно исследованию Н.С. Валгиной, осуществляется в соответствии с правилами, среди которых важная роль отводится выбору способа повторной номинации денотата путем отбора словесных средств для обозначения уже названного объекта или субъекта. Это обстоятельство ведёт к неизбежному повторению одних и тех же ключевых слов, что негативно отражается на стилистике научного текста. Авторы художественных и публицистических текстов стремятся разнообразить наименования в потоке речи, обновляя словесный инвентарь. Повторная номинация в художественном тексте может служить эффективным средством детальной характеристики персонажа. Выбор средства повторной номинации при конструировании текста подчиняется как структурно-семантическим, так и стилистико-композиционным правилам [3, с. 52–58].

Наличие общего денотата для языковых синонимов не является, согласно теории синонимии

В.Г. Вилломана, необходимым, так как этот признак всего лишь совместим с семантико-смысловой общностью слов [4, с. 64]. В качестве доказательства своей точки зрения В.Г. Вилломан приводит список из 23 лексем и словосочетаний с этими лексемами, обозначающих один контекстуальный денотат, которыми в трагедии «Гамлет» В. Шекспир называет привидение отца Гамлета – ghost.

По мнению Т.Б. Радбиля, назначение членов синонимических рядов заключено в разном представлении одного и того же действия путем выделения и акцентирования разных аспектов и элементов содержания ситуации. Слово в определенном значении «выбирает» из ситуации только часть информации, создавая определенный способ концептуализации, осмысления этой ситуации. Иными словами, слово представляет собой семантическую модель ситуации. В своей семантической модели ситуации говорящий может что-то выделить, сделать акцент, подчеркивая в слове какой-либо особый признак описываемого объекта, а в своей модели ситуации он также может что-то «затемнять» в слове, отодвигая на задний план или даже искажая семантику ситуации. Поэтому для адекватного описания ситуации важна также и оставшаяся информация, не вошедшая в ассертивную часть исходного, основного значения слова [10, с. 168–169]. Эта часть информации, представляющая собой экстралингвистическую базу сообщения, составляет дискурс анализируемого контекста. Рассмотрим следующий англоязычный микротекст и текст его русского перевода:

The Party System

The British political system is essentially a two-party system in which power is held by one of two main parties. Historically, the main parties were the Tories and the Whigs, later known as the Conservative Party and the Liberal Party.

Since the 1930s however, the two main parties have been the Conservatives and the Labour Party. There are several smaller parties, the most important of which is the Liberal Democratic Party (or LibDems).

Партийная система

Британская политическая система представлена в основном двумя партиями, в которой одна из двух главных партий находится у власти. Исторически сложилось, что сначала главными партиями были партия тори и партия виггов, а позднее консервативная и либеральная партии.

С 1930-х гг. две главные партии представлены консервативной и лейбористской партиями. Существует множество мелких партий, самая важная из которых – партия либерально-демократическая.

Контекстуальный денотат текста – *the British political system* (британская политическая система). Система, в которой главенствуют две партии, поэтому словосочетание *the British political system* выступает в роли контекстуального синонима словосочетания *a two-party system* (*двухпартийная система*) или *one of two main parties* – одна из двух главных партий – *power is held by one of two main*

parties. Это обстоятельство позволяет читателю составить несколько контекстуально синонимичных пропозиций, называющих элементы политической системы Великобритании ситуативными синонимами: *The British political system is a two-party system* (*британская политическая система – двухпартийная*); *The present Conservative party is one of the parties which holds power* (*в настоящее время консервативная партия – это одна из партий, находящихся у власти*); *The Labour Party is one of the main political parties in present-day Britain* (*лейбористская партия – одна из главных политических партий в современной Великобритании*) и т. д. Дискурсивная номинация английского существительного *colour* заключается не только в первичной номинации «цвет», но и во вторичной номинации «знамя» – значение существительного, характерное только для британской культуры.

По мнению Т.Б. Радбиля, каждый человек создаёт определенную модель ситуации, или схему. Источником значения слова является ситуация [10]. В слове содержится не вся информация об обозначаемой им ситуации, но одна и та же ситуация может быть обозначена разными словами.

Таким образом, дискурс оригинального текста содержит дополнительную информацию, расширяющую семантическую структуру описываемых лексем за счёт культурологического компонента, которую невозможно в полной мере донести до читателя. Тогда лексемы, замещающие слова и номинирующие уже названные объекты иными именами, суть контекстуальные синонимы. Как показали наши исследования, языковые синонимы, в отличие от контекстуальных, не требуют одного и того же контекста и могут соотноситься с разными денотатами, что фиксируется толковыми и синонимическими словарями.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136–137.
2. Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Тамбовский гос. ун-т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Byandexsearch>.
3. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
4. Вилломан В.Г. Английская синонимика (введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов). – М.: Высшая школа, 1980. – 180 с.
5. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: РИО БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

7. Крысин Л.П. Синонимы // Современный русский язык / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – С. 183–188.

8. Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 506–507.

9. Пуяткина Е.И. Синонимические отношения при сопоставлении микросистем в двух языках. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – 150 с.

10. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.

11. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 536 с.

12. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 336–337.

УДК 811.11

Попова Ирина Сергеевна

кандидат филологических наук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск
irsero@yandex.ru

ВИДЫ ЧУЖОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ УСТНОПОРОЖДАЕМОМ ДИСКУРСЕ

Чужая речь занимает значительное место в структуре высказывания человека. Довольно часто коммуникант включает в вербальное изложение своих мыслей сообщения других лиц. Отмечается, что любое словесное сообщение может быть в будущем воспроизведено в речи. Попытки дать универсальную классификацию структурных разновидностей чужой речи в лингвистике предпринимались неоднократно как отечественными, так и зарубежными учеными. Несмотря на это до сих пор нельзя говорить об общепринятом подходе. В данной статье представлены наиболее часто используемые виды чужой речи в немецком устнопорождаемом дискурсе, которые выделяются большинством германистов, приведены примеры данных конструкций устной запротоколированной речи. Помимо основных видов чужой речи (прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь) ученые выделяют также следующие: аллюзия, полупрямая речь, пересказанная речь, мимезис, пародирование, или лжеимитация, цитирование и прочие. Наличие большого количества форм передачи чужой речи говорит о потребности говорящего создать эффект аутентичности, придать словам объективность, вовлечь слушающего в воспроизводимую речевую ситуацию, воздействовать на партнера речевого акта. Передача чужой речи различными способами позволяет рассматривать ее как универсальную языковую категорию.

Ключевые слова: устнопорождаемый дискурс, чужая речь, эффект аутентичности, объективность, воспроизведение ситуации, вербальное изложение.

В настоящее время вопросу «чужого слова» в «своем» в отечественной и зарубежной филологии уделяется очень большое внимание, что связано с осмыслением в философии и лингвистике роли так называемого «другого». Представление о «своем» и «чужом» содержится в сознании человека, проявляется во всех сферах действительности.

Считаем, что лингвистическим способом выражения оппозиции «свое» – «чужое» является чужая речь, которая используется человеком в устном высказывании с самых древних времен. Однако как особое явление, которое выделено лингвистически и графически, чужая речь появилась в системе языка в результате длительного развития его форм. Древнейший способ использования чужих слов в дискурсе видим в компиляции, которая, родившись в кельях монастырей, где переписывались рукописи, развилась в научный метод изложения исследуемых вопросов. Этот метод широко применялся учеными вплоть до XVIII века. Церковная традиция точно указывать источник выдержек из Священного Писания оказала определенное влияние на формирование цитирования как особой формы передачи чужих слов. В конце XVIII века, когда появляется понятие авторского права, чужая речь начинает от-

деляться от слов автора. Для этой цели вводится в употребление такой графической маркер, как кавычки. Постепенно в национальных языках развиваются и оформляются различные синтаксические способы передачи чужой речи [7, с. 29].

Чужая речь занимает значительное место в структуре высказываний любого человека. Не только в обиходной, но и в деловой речи коммуниканту нередко приходится включать в вербальное изложение своих мыслей высказывания других лиц, которые выступают на фоне речи говорящего как своеобразный элемент, занимающий особое место.

Б.П. Ардентов справедливо отмечает, что потенциальная возможность быть воспроизведенным заложена в любом акте человеческой речи, поскольку «всякое высказывание, произнесенное вслух, получает самостоятельное бытие и становится частью объектной реальности» [1, с. 89]. Лингвистами давно замечено, что в разных видах устных текстов, отражающих многообразие устного речевого общения, чужой речи отводится значительное место.

Попытаемся представить имеющуюся картину отражения чужой речи, рассматривая виды чужой речи в сравнении с прямой речью.

«Существуют два канонических способа передачи чужой речи» – oratio recta (прямая речь) и oratio obliqua (косвенная речь) [2, с. 43]. Описание этих структурных способов передачи чужой речи встречается в грамматиках с XVIII века. Такой подход до сих пор характерен для трудов отечественных русистов и германистов (Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова, В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов, Б.А. Ильиш и др.), а также зарубежных исследователей (У. Энгель, С. Гюнтнер и др.).

Прямой речью обычно считается первичный и самый распространенный способ передачи чужой речи. Воспроизводимая речь другого лица оформляется как относительно самостоятельное предложение и вводится в текст словами автора этого высказывания (авторскими словами), комментирующими ситуацию.

(1) *Und wenn wir (die jungen Lehrer. – II. II.) auf die Regierung kamen und fragten: „Wann und wo können wir mit einer Anstellung rechnen?“ Dann sagte man uns: „Kommen Sie in 5 oder 6 Jahren wieder.“ Da ich nun keine Verwandten mehr hatte, die mir helfen konnten, war ich darauf angewiesen, irgendwie mich selbst zu ernähren* [10, с. 56].

В приведенном выше фрагменте устнопорождаемого дискурса (1) присутствуют построения с прямой речью, включающие в себя слова автора и саму прямую речь. Слова автора описывают происходящее событие (кто, куда, зачем пришел, что сказали), а слова другого лица информативно дополняют, эмоционально оживляют описываемый эпизод из жизни.

Косвенная речь не воспроизводит дословно чужое высказывание, а с большей или меньшей полнотой пересказывает ее от лица автора. Механизм включения косвенной речи в авторский текст прежде всего предполагает обязательное сообщение о том, что автор передает чужую речь, и указание, кому она принадлежит. Данный способ передачи чужого высказывания характеризуется смещением субъектно-модального плана структуры: при прямом конструировании чужая речь передается от лица того, кому она принадлежит (отсюда ее часто отмечаемые характеристики: точность, буквальность, подлинность), а при косвенном – от лица автора. В отличие от прямой речи косвенная речь требует коренной перестройки синтаксического строя речи, что дает исследователям рассматривать ее как «вторичную по отношению к прямой речи, как продукт преобразования последней» [4, с. 128].

(2) *Annett sagte, sie liebe mich noch immer. Ich mag sie auch, aber auf eine andere, mehr kameradschaftliche Art. Wer uns zu Hause erlebt, kommt nicht auf den Gedanken, dass zwischen uns etwas nicht stimmt* [11, с. 50].

В примере (2) чужая речь оформлена в виде придаточного предложения косвенной речи, присоединенного к вводящему предложению без

союза. В предложении косвенной речи не происходит изменения лица, сказуемое-глагол используется в конъюнктиве. Предложение «*Annett sagte, sie liebe mich noch immer*» представляет собой информативный речевой акт, передающий сведения о том, что Аннет все еще любит говорящего. Если бы слова Аннет передавались с помощью прямой речи, данный иллокутивный акт можно было бы отнести к экспрессивам, так как, выражая свои чувства, девушка использовала бы эмоционально окрашенную лексику, обращения, междометия, модальные слова, частицы, формы повелительного наклонения и др. Таким образом, неоспоримым фактом является утверждение, что косвенная речь «суше» прямой, так как она часто неспособна передать индивидуальную манеру речи персонажа и его эмоциональную сферу [8, с. 180].

Еще одним способом передачи чужой речи является несобственно-прямая речь. Подобно косвенной речи, несобственно-прямая речь транспонирует лицо и время первоначального высказывания, однако сохраняет при этом хотя бы частично его лексический состав, что свойственно прямой речи. В то же время несобственно-прямая речь отличается от обеих исходных форм тем, что формально не зависит от глагола, называющего речевой, мыслительный или перцептивный акт (то есть акт восприятия), хотя такой глагол зачастую присутствует в левостороннем контексте [3, с. 232].

Несобственно-прямая речь иногда рассматривается в качестве стилистической фигуры экспрессивного синтаксиса, так как она широко используется в художественной литературе как прием сближения авторского повествования с речью героев. Такой способ передачи чужой речи позволяет сохранить естественные интонации и нюансы прямой речи и вместе с тем дает возможность не отграничивать резко эту речь от авторского повествования.

В качестве примера приведем отрывок из рассказа Регины Ульманн, где автор описывает егеря и бесстрашие оленя в лесу.

(3) *Er war der Jäger. Er konnte ja auch ein Gewehr haben oder eine Sense. Warum fürchtete es (das Tier = der Hirsch. – II. II.) nur diese nicht? (Er hatte übrigens nicht einmal einen Stock bei sich.) Und das Tier würde vielleicht in dieser Nacht nichts mehr von allem gefürchtet haben. Es wollte einen Kampf* [15, с. 322].

Первые два предложения представляют собой авторское повествование. Затем следует несобственно-прямая речь. Об этом свидетельствует в первую очередь само содержание (егерь задается вопросом, почему олень не боится ружья), а также интонация, на которую указывает вопросительный знак.

Современная практика употребления конструкций с чужой речью включает большее количество форм ее воспроизведения. Помимо «классических» способов введения чужих слов в речь (пря-

мая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь), лингвистами рассматриваются и некоторые другие виды воспроизведения высказываний: полупрямая речь, пересказанная речь, аллюзии, мимезис, лжеимитация, цитирование и др.

Полупрямая речь выделяется лишь некоторыми исследователями (А.Н. Гвоздев, М.К. Милых, Н.И. Формановская). Полупрямой речью называется «контаминированная конструкция», «стилистика сниженное сложное предложение, «слабый», зависимый от устной формы речи элемент» [8, с. 181]. Структура высказывания оформляется в виде косвенной речи, но условия спонтанного говорения в контактном устном общении заставляют говорящего вводить в косвенную речь элементы прямой речи, например:

(4) *Man fragt, was machst du gerne und .. in deiner Freizeit, was sind deine Lieblingsfächer in der Schule, und - .. und .. mit der Zeit kristallisiert sich dann auch da, man vergleicht auch die Zeugnisse, .. an welchen – auf welchen Gebieten .. sind bessere Zeugnisse, wo sind schlechtere Noten. und .. dann .. macht man verschiedene Vorschläge* [14, s. 707].

В устнопорождаемом дискурсе «полупрямая речь создает впечатление непринужденности и непосредственности» [8, с. 181].

В качестве специфичного вида передачи чужой речи выделяется пересказанная речь [5]. По своему качественному составу глаголы говорения и мысли, вводящие пересказанную речь, отличаются от аналогичной группы глаголов ввода прямой и косвенной речи. Пересказанная речь отличается от других видов передачи чужих слов измененностью, свернутостью передаваемой речи. Отсутствие аутентичности сближает пересказанную речь с косвенной речью, однако специфику пересказанной речи показывают лаконизм, пропуски содержания информации или изменение отдельных моментов содержания исходного высказывания:

(5) *Ich weiß zum Beispiel, wir haben immer berichtet über regelmäßige Treffen Honeckers, in dem Sekretariat des Zentralrats* [13, s. 477].

В примере (5) репродуктивная часть пересказанной речи оформлена в виде члена предложения, субстантивной группы с предлогом. В данном случае пересказанная речь занимает в предложении синтаксическую позицию дополнения.

Под термином «аллюзия» понимается стилистическая фигура, содержащая явное указание на связь данного текста с другими текстами или на связь с определенными историческими, культурными или биографическими фактами [6, с. 91–92]. К примеру, в контексте (6) говорящий позаимствовал лишь элемент предтекста – название песни, по которому происходит узнавание самой песни в тексте:

(6) *Im Betrieb gab es da eher nicht so die Probleme. Die Politik, das war da ja nicht das wichtigste auf Arbeit. Du musstest, das war Usus, du musstest deine Leistungen*

bringen... Es gab auch Leute, die haben „Deutschland, Deutschland über alles“ gesungen. Das hat keinen gestört. Das war ganz einfach normal [13, s. 614].

Самым ярким стилистическим приемом передачи чужой речи считается мимезис, который непосредственно связан с иноязычными вкраплениями, так как выполняет их вторичную функцию – передачу чужой речи [9, с. 349]:

(7) *Ich hab dann verschiedene Sport- und Turnvereine geführt als Obmann, ich bin zum Beispiel Ehrenpräsident des Sportvereins Leoben, des GAK in Graz und so weiter, und heute noch lebe ich und sterbe ich für diesen Gedanken: „mens sana in corpore sano“. Ich hab sie durch fast 40 Jahren immer bei meinen Schülern gepredigt und bin darauf auf ganz großen, fruchtbaren Boden gekommen* [14, s. 1091–1092].

Так, в (7) коммуникант воспроизводит крылатое выражение на латинском языке. Данное выражение приводится им как лозунг, которым он руководствуется уже более 40 лет. «Иноязычные вкрапления являются золотым фондом мировой культуры, характеризуюсь афористичностью и мудростью, емкостью и меткостью» [9, с. 349], они делают речь человека богаче, ярче, образнее.

Объектом лжеимитации, или пародирования, служит «проявившее себя в предыдущем высказывании свойство говорящего» [2, с. 673]. Высказывание в таком случае воспроизводится полностью и обычно без изменений, иллокутивная сила таких слов сохраняется. Пародирование достигается путем изменения фонации и артикуляции.

Приведенный ниже фрагмент устнопорождаемого дискурса (8) показывает передачу чужой речи, в которой говорящий пытается реконструировать чужое высказывание.

(8) Eric: *ja (.) wir unterbrechen (.) der sänger is beim singen abgekratzt (.) is der drauf?*

Horst: *ja (.) bist du plöd*

Torben: *bist du plöd ((lacht))*

Horst: *der läuft doch schon*

Eric: *entschuldigen sie die störung (.) aber der sänger is beim singen abgekratzt (.2 sec) halt dein maul (.) ey ((lacht)) komm raus* [12]

Данная конструкция интересна тем, что включение структуры с прямой речью в ткань устнопорождаемой речи происходит без вводных слов. Поскольку в транскрибируемом тексте не отражаются пунктуационные средства (например, кавычки для выделения прямой речи), достаточно сложно определить, действительно ли мы имеем дело с дословным воспроизведением слов. Констатировать передачу чужой речи можно, если считать, что используемые чужие слова приводятся в контексте с целью насмешки или шутки, о чем говорит уточнение авторов транскрипции (((lacht))).

Выделяют еще один способ передачи чужой речи – цитирование, под которым понимается введение в основной текст фрагментов других тек-

стов. Прагматическая ситуация цитирования обычно вовлекает трех участников: говорящего (автора текста), слушающего и автора цитаты [2, с. 50]:

(9) *Der deutsche Dichter Friedrich Schiller sagte in seinem Drama „Wilhelm Tell“: „Es kann der Frömmste nicht im Frieden leben, wenn es dem bösen Nachbarn nicht gefällt. Diese Nachbarschaft ist in der Tat für das Wohlbefinden einer Familie von großer Bedeutung. Wie oft gerät man doch im Haushalt in Verlegenheit, denn man kann nicht alles voraussehen“* [14, с. 1115].

В коммуникативной ситуации, описываемой в примере (9), представлены все три участника коммуникации: говорящий, слушающий и автор приводимого отрывка текста (Фридрих Шиллер, драма «Вильгельм Телль»). Приведение цитаты в данном случае служит раскрытию сути последующих слов коммуниканта.

В современной практике употребления конструкций с чужой речью помимо «классических» способов введения чужих слов в речь коммуниканта (прямая, косвенная, несобственно-прямая речь) активно используются и другие виды передачи чужой речи. Наличие такого большого количества форм передачи чужой речи говорит о потребности говорящего создать эффект аутентичности, присутствия рассказчика и слушающего в описываемой ситуации, придавая при этом объективность приводимым словам.

Библиографический список

1. Ардентов Б.П. Вставочная речь // Учёные записки Кишинёвского государственного университета. Т. XXII. – Кишинёв: Изд-во Кишинёвского ун-та, 1956. – С. 85–89.
2. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 40–52.
3. Долинин К.А. Интерпретация текста: французский язык. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ком-

Книга, 2005. – 304 с.

4. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

5. Попова Л.Г. Пересказанная речь в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 19 с.

6. Пьезе-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

7. Смирнова А.В. Чужая речь как элемент аргументации в британском газетном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 169 с.

8. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.

9. Шигина С.Ю. Иноязычные вкрапления и мимезис как особый вид повтора чужой речи // Язык образования и образование языка: материалы междунар. науч. конференции. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. – С. 349–350.

10. Bottroper Protokolle / Aufgezeichnet v. E. Runge. – Frankfurt a. Main: Suhrkamp, 1968. – 164 s.

11. Müller Chr. Männerprotokolle. – Berlin: Der Morgen, 1985. – 241 s.

12. Schlobinski P., Kohl G. Jugendliche Sprechweisen. Materialband zu: Jugendsprache und Wirklichkeit. Linguistic Data on Diskette Service–München: Lincom Europa, 1993. – 588 s.

13. Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR; Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. – Fr. a.Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2000. – 719 s.

14. Textkorpora. Grunddeutsch. Texte zur gesprochenen deutschen Gegenwartssprache. Teile 1–2 / Hrsg. v. J.A. Pfeffer, W. Lohnes // Phonai. Bd. 29–30. – Tübingen: Niemeyer, 1984. – 1165 s.

15. Ullmann R. Von einem alten Wirtshauschild // Рассказы швейцарских и немецких писателей. – М.: Менеджер, 2000. – С. 298–324.

Архипов Константин ВикторовичКемеровский государственный университет
arkhipov.costia@yandex.ru**Каменева Вероника Александровна**доктор филологических наук, доцент
Кемеровский государственный университет
russia_science@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ АДРЕСАТА И АДРЕСАНТА САЙТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

В данной статье приводятся результаты анализа коммуникативного аспекта одной из жанровых форм коммуникации в сети Интернет: сайтов правительств англоязычного коммуникативного пространства, проведенного на материале гипертекстов веб-сайтов Канады, Австралии, США и Великобритании. В статье рассматривается концепция адресанта и адресата, уделяется пристальное внимание коммуникативным целям правительственных сайтов англоязычных стран. Правительственный сайт, представляя собой форму коммуникации в сети Интернет, вызывает особый научный интерес, поскольку выделяется из ряда подобных принципами организации коммуникативной ситуации в интернет-пространстве. Детально описываются адресанты и адресаты сайтов, выделяются группы в зависимости от коммуникативной направленности гипотекстов каждого из разделов сайта. Делается вывод о том, что исследуемые сайты правительств стран имеют несколько адресантов, адресатов и коммуникативных целей, что обусловлено их жанровой спецификой. Выявляются и подробно анализируются основные адресанты и адресаты, основная коммуникативная цель сайта в жанровом аспекте. При исследовании объекта работы были использованы следующие общенаучные и частные методы: анализ, синтез, сравнительный анализ, контент-анализ, дискурс-анализ.

Ключевые слова: виртуальное жанроведение, интернет-коммуникация, интернет-жанры, сайт, коммуникативная цель, сайт правительства, гипертекст.

С перемещением общения в интернет-пространство и оформлением новой жанро-порождающей среды вопросы жанровой специфики форм виртуального общения становятся актуальными не только за рубежом, но и в России [1; 2; 4; 7]. На сегодняшний день можно говорить о начале становления веб-жанроведения и в отечественном языкознании [3; 5; 6]. О появлении научного интереса отечественных исследователей к вопросам веб-жанроведения говорит увеличивающееся число научных публикаций, посвященных вопросам определения веб-жанра, выделению базовых и вторичных критериев разграничения веб-жанров, разработке и описанию их классификаций [8–15]. При этом, несмотря на большое количество работ, посвященных изучению виртуального жанроведения и интернет-коммуникации, по-прежнему остаются нерешенными определенные вопросы. За рамками исследования находятся проблемы, связанные с коммуникативным аспектом такого веб-жанра, как веб-сайт.

Веб-сайты, представляя собой жанр интернет-коммуникации, в зависимости от своей коммуникативной направленности подразделяются на определенные типы, которые варьируются от развлекательных, рекламных до информационных, просветительских. Веб-сайт правительства как жанр рассматривается нами в контексте социально-политического дискурса, являющегося неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации. По содержанию контента его можно отнести к сайтам информационного характера за счет наличия в его гипертексте гипотекстов информационно-прескриптивного характера, посвя-

щенных различным аспектам функционирования страны. В данной статье будет рассмотрена специфика адресанта и адресата данного жанра, уделено внимание коммуникативным целям, поскольку, по выдвигаемой нами гипотезе, в отличие от других сайтов, сайт правительства имеет не одного, а нескольких адресатов и адресантов, выполняя различные коммуникативные задачи. Материалом исследования послужили гипертексты следующих правительственных сайтов: www.australia.gov.au; www.canada.ca; www.usa.gov; www.gov.uk. В работе были использованы следующие общенаучные и частные методы: анализ, синтез, контент-анализ, дискурс-анализ, сравнительный анализ.

Как показало наше исследование, сайт страны – это определенным образом построенный полимедиаальный гипертекст, который имеет характеристики гипержанра и характеризуется нелинейностью прочтения: пользователь сам выбирает, куда двигаться, перемещаясь при помощи гиперссылок. Тематика гипертекста обусловлена социальными, политическими, культурными и экономическими особенностями жизни страны и включает в себя различные аспекты. На основе сравнительного анализа гипертекстов сайтов выбранных стран мы пришли к выводу о том, что все они имеют схожие разделы и схожих адресатов.

Согласно полученным нами данным, можно выделить следующие группы адресантов: адресант-правительство, адресант-налоговая служба, адресант-служба соцзащиты, адресант-миграционная служба, адресант-департамент экономического развития, адресант-природоохранный департамент. Процентная доля того или иного адресанта

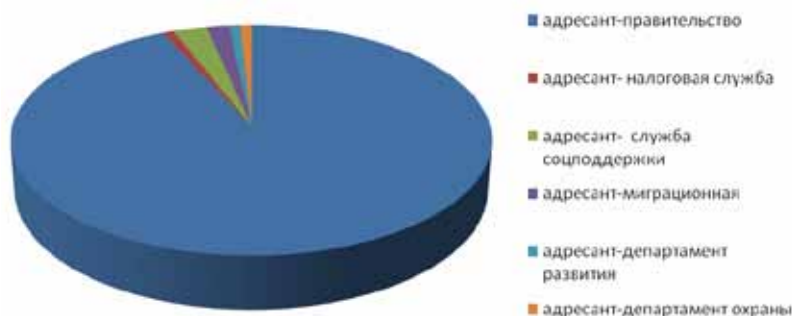

Диаграмма 1. Адресанты

относительно гипертекстов разделов изображена на секторной диаграмме 1.

Как следует из диаграммы 1, преимущественным адресантом является именно правительство страны.

Как показал анализ, среди адресатов можно выделить следующие категории: адресат-среднестатистический житель, адресат-резидент другой страны, адресат-военный, адресат-исследователь, адресат-нетрудоспособное население, адресат-трудоспособное население, адресат-участник движения, адресат-охотник/рыболов, адресат-турист, адресат-предприниматель, адресат-совершеннолетнее население, адресат-специалист. Подобная вариативность адресатов обусловлена тем, что гипертекст некоторых разделов интенционально формировался с опорой на индивидуальные характеристики и интенции определенных групп адресатов, реализующихся внутри их группы.

Схематично направленность на адресатов в процентном соотношении к общему количеству рубрик сайта изображена на секторной диаграмме 2.

Как следует из данной диаграммы, большая часть гипертекстов разделов сайта направлена на среднестатистического жителя страны, который и будет являться ключевым адресатом.

Приведенные данные обусловлены целью и форматом сайта: он создавался именно как удобный и эффективный инструмент связи между правительством и населением, то есть между адресантом и адресатом, с помощью сообщений, то есть

контента, что характеризует его как жанр коммуникативного взаимодействия, притом виртуального, ведь для доступа к информации и, как следствие, вовлечения в коммуникативную ситуацию адресату нужен доступ в Интернет.

Взаимодействие адресата и адресанта в рамках официального сайта страны позволяет реализовывать определенные коммуникативные цели. Путем контент-анализа гипертекста ресурса можно сделать вывод о том, что сайт выполняет три ключевые коммуникативные цели: информативную, регулятивную и познавательную. Процентное соотношение коммуникативных целей схематически изображено на секторной диаграмме 3.

На диаграмме 3 четко видно, что большая часть гипотекстов гипертекста сайта позволяет реализовать информативную цель. Информативная коммуникативная цель, направленная на передачу информации в типовой ситуации общения, охватывает гипотексты новостных разделов, разделов специфики финансирования научных исследований, разделов о работе, семье, окружающей среде, эмиграции, жилье, обороне, системе образования, рекреации, разделов открытия собственного дела, раздела о туризме.

Согласно проведенному анализу, значение «получение информации» передается через группу глаголов: *to get* (получать), *to learn* (узнавать), *to find* (находить, узнавать), *to access* (получать), *to inform* (информировать), *to check* (проверять), имеющих общий семантический компонент, обо-

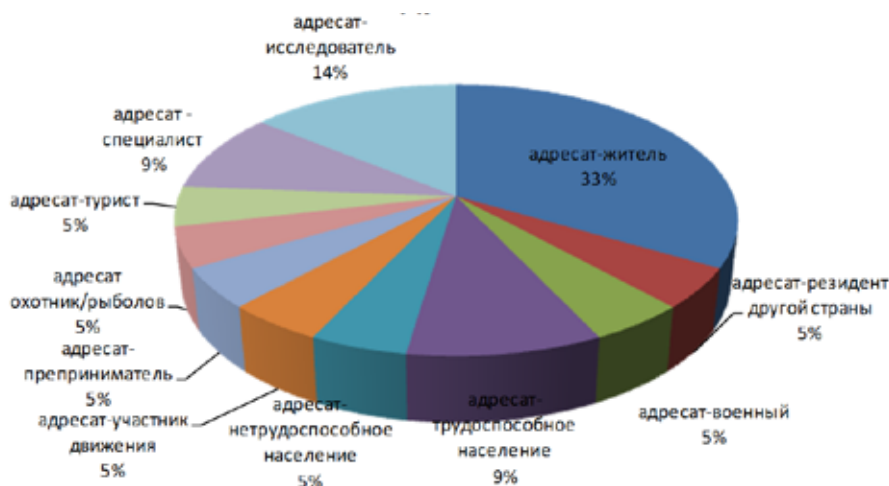

Диаграмма 2. Адресаты

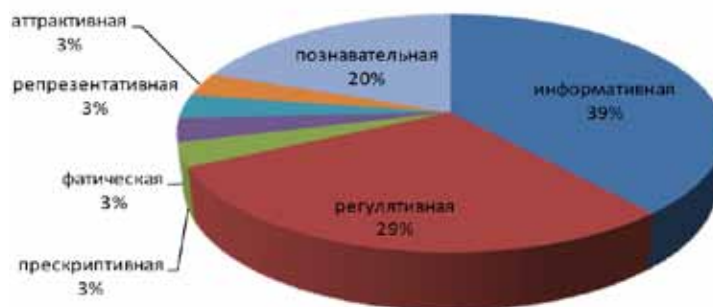

Диаграмма 3. Коммуникативные цели

значающий «приобретение новых сведений». Семантическое поле существительных, передающих значение «сведения, информация», представлено словами: *information* (информация), *advice* (совет), *news* (новости), *data* (данные), *a list* (список).

На втором месте находится регулятивная цель. Данная коммуникативная цель заключается в подаче информации, регулирующей правовые отношения между адресантом и адресатом, например, через юридические документы и предписания о порядке прохождения определенных юридических процедур в рамках законодательства. Сайт страны в данном случае выполняет роль инструмента связи между правительством и людьми, проживающими на территории страны. Регулятивная цель актуализируется в гипотекстах разделов о законодательстве, миграции, транспорте, туризме, работе и господдержке, экономических разделах (о налогах и условиях открытия дела), работе, проживании, обороне, окружающей среде и семье. Если говорить о лексическом уровне, то семантическое поле правовых документов охватывает такие слова, как: *an act* (акт), *a code* (свод законов, кодекс), *regulations* (правила), *an order* (приказ) и т. д. Перечисленные лексические единицы имеют общее значение «свод правил».

На третьем месте среди коммуникативных целей находится познавательная (просветительская) цель. Познавательная коммуникативная цель реализуется через предоставление информации познавательного характера, такой как выступления различных чиновников, парламентариев; статистические данные – через предоставление исторической или страноведческой информации, а также иных сведений, представляющих познавательную ценность и направленных на расширение кругозора адресата. Данная коммуникативная функция актуализируется через гипотексты таких разделов, как: общие сведения, служба в армии, научные разделы, семья, проживание, окружающая среда.

Среди дополнительных коммуникативных функций, реализуемых гипертекстом сайта страны, представлены репрезентативная, прескриптивная, аттрактивная и фатическая.

Репрезентативная коммуникативная цель позволяет адресату составить общее представле-

ние о стране, ее деятельности, истории и охватывает гипотексты разделов о культуре, истории, устройстве государства. Использование глаголов *to introduce* (представлять), *to define* (определять) и существительных *an identity* (идентичность), *features* (черты) и т. д. позволяет передать интенцию адресанта к предоставлению общих (и в то же время основных) сведений с целью формирования в сознании адресата впечатления и общего представления о стране, то есть имиджа страны.

Прескриптивная цель, или предписывающая цель, направлена на описание того, что и как следует выполнить адресату. Согласно полученным данным, указанная коммуникативная цель реализуется гипотекстами различных разделов (рубрик) сайта. На сайте Канады она реализуется, например, в разделе «More services» (дополнительные услуги) через описание поочередных действий, направленных на достижение определенных целей: либо путем перечисления глаголов, передающих поочередные действия, либо через конструкции, семантически описывающие способ достижения цели: *how* (как), *what to do* (что делать), *get ready to* (приготовьтесь к).

Отличие данного вида коммуникативной цели от информативной заключается в том, что информативная функция реализуется через передачу теоретических знаний. Прескриптивная же цель подразумевает выполнение практических шагов, прохождение этапов для достижения требуемых результатов. На лексическом уровне данная коммуникативная цель реализуется посредством перечисления глаголов либо существительных, обозначающих эти этапы. Семантическое поле «последовательности совершения действий» репрезентировано словами: *a strategy* (стратегия), *a step* (шаг), глаголами *to approach* (приближаться), *to organize* (организовывать) и т. д.

Аттрактивная коммуникативная цель заключается в привлечении внимания адресата. В рамках гипертекста сайта страны данная коммуникативная цель направлена на привлечение туристов и развитие туристического сектора экономики. На семантическом уровне данная функция реализуется посредством применения эпитетов, описывающих страну как уникальное место. Например, *outstanding* (вы-

дающийся), *brehtaking* (захватывающий), *exciting* (впечатляющий), *unique* (уникальный) и т. д. Перечисленные единицы имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, подчеркивающую неповторимость описываемого предмета.

Фатическая коммуникативная, или контактоустанавливающая, цель реализуется через отдельные жанры, входящие в состав сайта как гипержанра, каждый из которых имеет свою специфику: блог, комментарий, форум и электронное письмо.

Как жанр интернет-коммуникации блог, размещенный на ресурсе, направлен на реализацию фатической и информативной коммуникативных функций: посетителей призывают к дискуссии на тему в рамках полученной информации. Семантическое поле «общение» представлено такими глаголами и фразами, как *to share* (делиться), *to comment* (комментировать), *to leave a comment* (оставить комментарий) и существительными *a question* (вопрос), *views* (мнения), *a comment* (комментарий), имеющих общее семантическое значение «обмен информацией».

Жанр комментария исследуемого гипержанра имеет свою специфику. Комментарии на исходный стимул (в данном случае исходный гипотекст посвящен плану действий правительства) не имеют яркой эмоциональной окраски. Возможно, это обусловлено пиететом по отношению к власти или одобрением работы правительства страны. На сайте форум представлен в разделе «In the loop». Авторы сайта призывают к обмену мнениями. В отличие от комментария, форум предполагает большее количество актантов коммуникативной ситуации и строится в форме полилога (комментарий же представляет собой диалог).

При непосредственном обмене электронными письмами речевое сообщение, отправляемое адресантом, имеет формат электронного письма: ответ будет отправлен на почту, однако обмен происходит непосредственно на сайте. Таким образом, жанр письма включен в структуру гипержанра сайта правительства.

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, сайт правительства англоязычных стран обеспечивает коммуникацию между адресантом и адресатами посредством актуализации трех ключевых и четырех вспомогательных коммуникативных целей, соотносящихся с различными сферами деятельности потенциальных посетителей ресурса. Во-вторых, гипержанр гипертекста правительственного веб-сайта англоязычных стран имеет нескольких адресатов и адресантов в зависимости от тематической направленности гипотекстов рубрик сайта. Приведенные данные свидетельствуют о том, что сайт правительств англоязычных стран является достаточно нетипичной формой коммуникации в сети Интернет и представляет несомненный исследовательский интерес.

Библиографический список

1. *Алексеев А.В.* Записи в блоге как речевой жанр интернет-коммуникации // Сборник научных статей молодых ученых: в 3 ч. – Саратов, 2010. – Вып. 13. – 515 с.
2. *Артемова И.Ю.* К вопросу о развитии жанра официального веб-сайта в современном политическом дискурсе // Современная политическая коммуникация. – Екатеринбург, 2009. – С. 14–16.
3. *Горошко Е.В., Жигалина Е.А.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. А.М. Вернадского. – Симферополь, 2011. – № 1. – С. 105–124.
4. *Горошко Е.А.* Интернет-жанр и его функционирование: попытка рефлексии // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6: Жанр и язык. – С. 11–27.
5. *Горошко Е.И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: Картуш, 2007. – С. 165–175.
6. *Горошко Е.И.* Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. – Саратов: Наука, 2007. – Вып. 5: Жанр и культура. – С. 370–389.
7. *Дахалаева Е.Ч.* Автореферентные жанры интернет-коммуникации // Вестник Иркутского государственного университета. – Иркутск, 2013. – Вып. 4 (25): Языкознание. – С. 24–30.
8. *Денисов А.В.* Веб-сайт как жанр интернет-коммуникаций // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2004. – С. 184–193.
9. *Капанадзе Л.А.* На границе устного и письменного жанра: структура и тенденция развития электронных жанров // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М., 2005. – С. 305–320.
10. *Компанцева Л.Ф.* Проблема виртуального жанра // Ученые записки национального таврического университета им. А.В. Вернадского. Сер.: Филология. – Симферополь, 2005. – Т. 18 (57). – С. 174–180.
11. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального жанра. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. – 477 с.
12. *Овчарова К.В.* Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 26 с.
13. *Селютин А.А.* Жанры как формы коммуникативного выражения онлайн-личности // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – Вып. 35 (173). – С. 138–141.
14. *Щитицына Л.Ю.* Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 377–378.
15. *Щитицына Л.Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. – Архангельск, 2009. – 238 с.

ФОНОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ АГЕНТИВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена среднеанглийскому периоду, этапу, когда внешние условия (диалектная раздробленность эпохи феодализма, усиленная в Англии иноязычными влияниями в разных географических и социальных ареалах) породили беспрецедентную в истории английского языка вариантность. Подтверждением этому служат среднеанглийские наименования лиц по профессии. В рамках исследуемой тематической группы выявляются фонографические варианты слов, вычисляются абсолютные и относительные количественные показатели, коэффициенты вариантности в составе антропоформул (отношение количества фонографических вариантов к количеству инвариантов) и коэффициент частотности словоупотребления фонографических вариантов в составе антропоформул (отношение количества словоупотреблений фонографических вариантов к количеству словоформ-фонографических вариантов). Полученные коэффициенты служат показателями узуальности агентивно-профессиональной лексики, распределенной на подгруппы с устоявшимся узусом и узуально не устоявшиеся. Нами было выявлено соотношение количественных данных фонографических вариантов названий фамильного типа и их частотности, а также количества апеллятивов-инвариантов, являющихся их антропоосновами. В общей сложности исследуется вариантность 982 исконных английских агентивно-профессиональных названий среднеанглийского периода (3 403 названия фамильного типа с учётом их фонографических вариантов, воспроизводящих в своих антропоосновах 982 названия лиц по профессиональной деятельности, отображённых в 4 618 словоупотреблениях).

Ключевые слова: среднеанглийский язык, агентивно-профессиональная лексика, названия фамильного типа, фонографические варианты, коэффициент вариантности.

Изучение языка в ретроспективе невозможно без учёта синхронических и диахронических подходов; специфику поведения системы во времени выявляют, обращаясь к данным языковой диахронии. В форме варьирования проявляется динамика языка в синхронии, что является, с одной стороны, результатом исторических изменений, а с другой стороны, сферой и условием их реализации [3, с. 8]. Роль варьирования в эволюции языка определяется следующим образом: в синхронии оно является источником лингвистических изменений, началом перемен. Как источник изменений варьирование действует на этапе возникновения параллелей. Синхронные различия должны приобрести социальный, массовый характер, чтобы стать началом перемен, поэтому варьирование рассматривают как «потенциальные» изменения или как показатель возможных изменений. Для дальнейшей судьбы вариантов важно их соответствие тенденциям развития языковой системы и принадлежность к влиятельным функциональным типам языка [3, с. 20, 22]. Е.В. Бондаренко [1, с. 35] подчёркивает, что варианты единиц характерны для синхронии языка, поскольку представляют отклонения от нормативной единицы и сосуществуют вместе с ней – на этом уровне замещения единиц не наблюдается. Оно происходит лишь при развитии языка во времени, когда присутствует замена одной единицы другой: именно этот процесс и является движением языка, раскрывает диалектическое единство синхронии и диахронии в языке. Синхронные явления помогают осознать динамические процессы, в то время как диахрония синхронного среза обогащает наше представление о нём.

Поскольку живой язык находится в постоянном движении, развитии, варьирование в различных формах проявления присуще любому синхронному срезу языка. Однако на отдельных этапах речевого развития варьирования могут приобретать особо крупные размеры. Это происходит в периоды формирования национальных литературных языков, в переходные периоды, для которых характерна радикальная перестройка социально-исторических условий функционирования языка и самого языкового строя [7, с. 15]. В истории английского языка таким этапом стал среднеанглийский период, когда внешние условия, а именно: диалектная раздробленность эпохи феодализма, усиленная в Англии иноязычными влияниями в разных географических и социальных ареалах [4, с. 22] – породили беспрецедентную в истории английского языка вариантность. Среднеанглийские наименования лиц по профессии дают достаточный материал для подтверждения этого предположения. В рамках исследуемой тематической группы выявляются все типы вариантов слов: фонетические, орфографические, морфологические [5, с. 170].

Как подчёркивает Т.А. Расторгуева, на нынешнем этапе развития лингвистики в рамках традиционных и современных парадигм накоплен положительный опыт в изучении различных языковых уровней и определении факторов развития языка. «Обычно лингвистические изменения описывают в соответствии с языковыми уровнями: фонетические изменения, занимающие центральное место в работах по истории английского языка, фонологические изменения – в работах последних лет, морфологические изменения, показываемые как парадигмы (accidence), – в работах XIX в. и более

подробно описываемые в настоящее время, синхронические изменения, лексические изменения» [3, с. 15]. Однако, как отмечает Т.А. Расторгуева, исследование варьирования для целей истории языка осуществлялось главным образом для того, чтобы проследить становление норм литературного языка – процесс, в основном проявляющийся в постепенном ограничении диапазона варьирования, но изучение варьирования в истории не ограничивается вопросами формирования одной из разновидностей языка, даже такого существенного, как её литературная форма, «не меньший интерес представляет варьирование и в других разновидностях языка и тем более в языке в целом как совокупности разновидностей» [3, с. 17]. До сих пор ещё не определено полностью то место, которое занимает варьирование в историческом развитии языка ни в целом, ни на различных этапах изменений; не выяснены – а потому и не использованы – те возможности, которые заключает в себе изучение варьирования в разные эпохи как способ реконструкции эволюции языка; не выработаны принципы и методы анализа, пригодные для этой цели [3, с. 17]. Термин «варьирование» обозначает наличие различных языковых единиц, передающих одина-

ковый или близкий смысл (синонимов, вариантов) и различающихся (а иногда и не различающихся) оттенками значения, дистрибуцией и другими дополнительными признаками: формальное варьирование, когда несколько единиц плана выражения соответствуют одному значению, то есть одной единице плана содержания, и семантическое варьирование, когда одна единица плана выражения имеет несколько вариантов значения [3, с. 7].

Вариации в произношении слов отражены в написании, а явления фонетической и орфографической вариантности тесно связаны друг с другом. Поэтому, как отмечает Т.Ф. Солонович [5, с. 170], при изучении прошлых состояний языка, представляющих перед лингвистами только в виде письменных памятников, разграничить эти два вида вариантности не всегда возможно. Фонографическими вариантами в нашем исследовании считаем словоформы, содержащие в своём написании звуко-буквенные соответствия, представленные в таблице 1.

Источником фактического материала нашего исследования стали среднеанглийские апеллятивы-названия лиц по профессии, внесенные как отдельные словарные статьи в исторические лексикографические источники, и названия фамильного типа,

Таблица 1

Звуко-буквенные соответствия, характерные для среднеанглийского периода [6]

Звуки (гласные)	Буквы	Звуки (согласные)	Буквы
a, ā	a, aa	b	b, bb
e	e	p	p, pp
ē	e, ee, ie, ei	d	d, dd
ẹ	e, ee	t	t, tt
i, ī	i, y, ii	g	g, gg
o	o	k	c, k, kk, ck
ō	o, oo	f	f, ff, ph
ō	o, oo	v	v, u
u	u, v, o	s	s, ss, c, sc
ū	ou, ow	z	s, z
э	e	h	h
ū	u, ui	x	gh, h
ai	ai, ay	ʃ	sch, ssh, sh
au	au, aw	tʃ	ch, cch
ei	ei, ey	dʒ	g, j, i, dg
eu	ew, u	θ	th
oi	oi, oy	ð	th
ou	ou, ow	j	y, i
		w	w, v
		r	r, rr
		l	l, ll
		m	m, mm
		n	n, nn
		kw	qu
		ks	x

официально задокументированные в составе антропоформул в период средневековья в переписных, судебных и финансовых документах XI–XV вв. и отображенные в исторических словарях английского языка [10; 13] как иллюстративный материал к лексико-семантическим вариантам апеллятивов в узком (антропоформула) или широком (антропоформула как член предложения) контекстах или как отдельный лексико-семантический вариант с примечанием «in surnames», «as surname» (дополнительным источником материала исследования послужили названия фамильного типа, собранные в исследованиях по английской ономастике и ономастических словарях [8; 9; 11; 12; 14]).

Методом неслучайной сплошной выборки из указанных лексикографических и лингвистических источников, следуя принципу отбора всех фиксаций в составе антропоформул с последующим группированием их по фонографическим вариантам в хронологической последовательности употребления, а также первой фиксации как апеллятива без отбора фонографических вариантов, мы получили такой фактический материал исследования: 3 403 названий фамильного типа (с учётом их фонографических вариантов), которые воспроизводят в своих антропоосновах 982 названия лиц по профессиональной деятельности в 4 618 словоупотреблениях.

Реализуя в нашем исследовании коммуникативный, функционально-системный и исторический подходы к языку, изучая среднеанглийскую лексику по разрядам: «общие названия», выполняющие номинативную функцию, и «собственные имена» (имена фамильного типа периода активного формирования фамильной системы), выполняющие функцию идентификации лица как дополнительный к личному имени собственному компонент антропоформулы, – в пределах каждой этимологической группы фактический материал распределяем по функциональному принципу, выделяя подгруппы лексики: 1) агентивно-профессиональные названия, бытовавшие исключительно в составе антропоформул; 2) агентивно-профессиональные названия, бытовавшие и как апеллятивы, и в составе антропоформул. На основании того, что рассматриваемая агентивно-профессиональная лексика является 1) зафиксированной в средневековых письменных памятниках; 2) по структуре соответствует нормам словообразования того времени и построена по производительным словообразовательным моделями, 3) образована на базе исконно английской лексики, 4) соответствует английской орфографии того времени, считаем её узальной, то есть соответствующей принятому в определённом языковом коллективе употреблению слов [2, с. 316]. Агентивно-профессиональные названия, бытовавшие исключительно в составе антропоформул, считаем лексемами с неустоявшимся узусом;

агентивно-профессиональные названия, бытовавшие и как апеллятивы, и в составе антропоформул, считаем лексемами с устоявшимся узусом.

В нашем исследовании фиксируются фонографические варианты слов, вычисляется, кроме абсолютных и относительных количественных показателей, коэффициент их вариативности в составе антропоформул (отношение количества фонографических вариантов к количеству инвариантов) и коэффициент частотности словоупотребления фонографических вариантов в составе антропоформул (отношение количества словоупотреблений фонографических вариантов к количеству словоформ-фонографических вариантов). Полученные коэффициенты служат показателями узальности исследуемой лексики.

В результате проведённого исследования образованных на базе исконной английской лексики агентивно-профессиональных названий нами было выявлено следующее соотношение количественных данных фонографических вариантов названий фамильного типа и их частотности, а также количества апеллятивов-инвариантов, являющихся их антропоосновами: фонографических вариантов названий фамильного типа – 3 403, частотность их употребления – 4 618, количество апеллятивов-инвариантов, являющихся их антропоосновами – 982.

Все рассматриваемые варианты входят в состав нескольких групп.

1. Группа *исконных английских агентивно-профессиональных названий, бытовавших и как апеллятивы, и в составе антропоформул* (лексемы с устоявшимся узусом), количественно представлена следующим образом: 2 103 словоформы названий фамильного типа, являющиеся фонографическими вариантами 420 инвариантов агентивно-профессиональных названий, представлены в 2 979 словоупотреблениях. Следовательно, коэффициент вариативности агентивно-профессиональных названий составляет 5; коэффициент частотности словоупотребления в составе антропоформул – 1,42.

На основании результатов анализа словарных дефиниций фактический материал распределяется согласно их лексической семантике по тематическим группам и подгруппам, представляя в их пределах лексико-семантическую и фонографическую вариативность (лексические синонимы и фонографические варианты рассматриваемых лексико-семантических вариантов слов приводятся в хронологической последовательности с указанием даты всех фиксаций фонографических вариантов в составе антропоформул и первой фиксации слова в виде апеллятива с наведением словарной дефиниции лексико-семантического варианта слова, а также его инвариантной графической репрезентации на основании лексикографических данных).

Приведём примеры фиксации фонографической вариативности исконной английской лексики

из тематической подгруппы среднеанглийских наименований ремесленников, занятых кожевенным делом. Количественные данные рассматриваемой подгруппы: 91 словоформа названий фамильного типа, являющихся фонографическими вариантами 11 инвариантов агентивно-профессиональных названий, представлены в 113 словоупотреблениях; коэффициент вариативности агентивно-профессиональных названий составляет 8,3; коэффициент частотности словоупотребления в составе антропоформулы – 1,2.

Приводим антропоформулы, в составе которых употреблялись агентивно-профессиональные названия, в усечённом виде без личных имён собственных с целью концентрации на объекте исследования – названиях фамильного типа (использование большой/маленькой буквы – согласно письменному источнику, отображавшему отсутствие чёткого правила в правописании среднеанглийского периода). Употребление агентивно-профессионального названия в качестве апеллятива подтверждается приведением лексико-семантического варианта слова из лексикографических источников с точной датировкой, относящейся к среднеанглийскому периоду. Рассматриваемые названия ремесленников распределяются по таким подгруппам:

а) кожевники (дубильщики, кожевники, кожемяки): *Tower* 1255, *Tawyare* 1274, *Tawyere* 1275, *Touere* 1275, *Teware* 1275, *Towyere* 1280, *Tawyere* 1280, *Tawere* 1286, *Tauier* 1300, *Tawyer* 1320, *Tawyare* 1324, *Tawiere* 1332, *tawiere* 1334, *Tawar* 1381, *tawier* 1384 (*tauier* ‘one who prepares animal skin or hides for use by dressing, curing, or treating them, a tawer’ MED, ‘one who taws; one who prepares white leather; white-tawer’ 1311 NED); *Wittauere* 1224, *Wittowiere* 1246, *Wytewere* 1279, *Wittowere* 1279, *Wyttawyere* 1285, *Whythawere* 1309, *whyttawyere* 1333, *Whitouer* 1364, *wythawyere* 1365, *Whitagheres* 1374, *White tawyer* 1411, *whitawier* 1415, *whittawier* 1439, *Wittowiere* 1224-46, *Wytetawere* 1272-81, *Wittowere* 1279, *Whytetawere* 1279, *Huittawiere* 1279-80, *Witthawyere* 1280, *Whytauwyere* 1280, *Wyttowier* 1281, *Wyttawyere* 1285, *Wytawere* 1288, *Wythauwere* 1296, *Wythauwere* 1296, *Whyttowere* 1298, *Whythawere* 1309, *Whitawyer* 1311, *Whyttawyyar* 1313, *Quyttower* 1316, *Whitouer* 1364 (*whit-tawier*(e) ‘one who taws animal skins to produce a stiff, white leather, which may undergo further finishing steps, such as dyeing and softening’ 1346 MED, ‘one who taws skins into whiteleather’ 1284 NED);

б) шорники, седельники: *Gerdler* 1252, 1277, *Gurdeler* 1279, *Gildlere* 1295, *Gerdlere* 1296, 1310, *Gurdelere* 1306, *Gurdler* 1313, *Girdeler* 1329, 1394, *Gurdlar* 1332, *girdelar* 1389, *Gyrdeler* 1420-1, 1444, *gurdeler* 1457 (*girdeler* ‘a maker of girdles’ 1356 MED, 1400 NED); *Haltreere* 1296, *Haltrehere* 1301 (*haltreere* ‘a halter-maker’ 1425 MED, ‘a halt-maker’

1425 NED); *Saddler* 1287, *Sadelere* 1288, 1308, *Sadelare* 1296, *Sadeler* 1300, 1316, 1325, 1346-7, 1350-1, 1422-3, *Sadiller* 1332, *Sadlere* 1332, *Sadelar* 1332, *sadler* 1401, 1425, *sadiler* 1452, *Sadyler* 1458, *Sadler* 1473 (*sādelē*(e) ‘a maker or seller of saddles or saddlery’ 1300 MED, 1389 NED);

в) сапожники: *Clutere* 1225, 1286, *Cluter* 1301, *Clouter* 1307 (*clōuter* ‘one who patches or repairs’ 1425 MED, ‘one who clouts, mends, or patches; a cobbler, or patcher; a botcher’ 1440 NED); *Sewer* 1279, 1327 (*seuer*(e) [from *seuen* OE *seowian*, *siwian*, *seōwan*] ‘a cobbler’ 1376 MED); *Schaper* 1200, 1332, *Shepare* 1300, *Sheppere* 1306, *Shuppar* 1327, *Shupper* 1332, *Shephere* 1357 (*shaper*(e) ‘a shoemaker’ 1425 MED); *Schoemaker* 1365, *Shoemaker* 1365, *Scomaker* 1373, 1396-7 (*shō*~*makere* ‘one whose trade it is to make shoes’ 1381 NED, 1450 MED);

г) изготовители книг (из пергамента): *binder* 1218, *Byndere* 1278, *Binder* 1327 (*bīnder* ‘bookbinder’ 1408 MED, ‘one who binds’ 1000 NED; ‘a bookbinder’ 1556 NED); *Bokbyndere* 1251, *Bokebynder* 1319, *Bokbynder* 1323, *Bukbynder* 1332 (*bō*~*k*~*bindere* ‘one who binds books’ 1399 NED).

2. Группа *исконных английских агентивно-профессиональных названий, бытовавших исключительно в составе антропоформулы* (имевших неустоявшийся узус), количественно представлена следующим образом: 1 300 словоформ названий фамильного типа, являющихся фонографическими вариантами 562 инвариантов агентивно-профессиональных названий, представлены в 1639 словоупотреблениях. Следовательно, коэффициент вариативности агентивно-профессиональных названий составляет 2,3; коэффициент частотности словоупотребления в составе антропоформулы – 1,3.

Приведём примеры фиксации фонографической вариативности исконной английской лексики из тематической подгруппы среднеанглийских наименований ремесленников, занятых кожевенным делом. Количественные данные рассматриваемой подгруппы: 73 словоформы названий фамильного типа, являющиеся фонографическими вариантами 25 инвариантов агентивно-профессиональных названий, представлены в 96 словоупотреблениях; коэффициент вариативности агентивно-профессиональных названий составляет 2,9; коэффициент частотности словоупотребления в составе антропоформулы – 1,3.

Приведём антропоформулы, в составе которых употреблялись агентивно-профессиональные названия ремесленников, занятых кожевенным делом, без личных имён собственных. Отсутствие употребления агентивно-профессионального названия в качестве апеллятива мы подтверждаем приведением лексико-семантического варианта слова из лексикографических источников без датировки, относящейся к среднеанглийскому периоду (семантика слова произведена в лексикографиче-

ских источниках на основании употребления слова в качестве названия фамильного типа). Рассматриваемые названия ремесленников распределяются по таким подгруппам:

а) кожевники (дубильщики, кожевники, кожемяки): *Drencher* 1327 (*drencher* ‘one who treats hides, a tanner’, only as surname – MED); *lethiridighere* 1373, *letherdyere* 1381, *letherdyer* 1420 (*lether~deier* ‘one who dyes leather’ MED); *letherkersuere* 1226, *Letherkeruere* 1255, *letherkervere* 1287-8, *Lethercarver* 1404 (*lether~kervere* ‘one who cuts, carves or shapes leather’ MED); *Letherman* 1338 (*lether~man=~kervere* or *~sellere* (a dealer in leather)’ MED); *whit-lether-tewer* 1384 (*whit~lether teuere* ‘one who prepares or dresses white leather’ MED);

б) шорники, седельщики (и др. ремесленники, занимавшиеся изготовлением кожаных изделий): *Belger* 1275, 1327, 1428 (*belger* ‘a bellows maker’ MED); *Balismet* 1271, *Balismet* 1275, *Balismyth* 1300 (*beli* ‘a bellows; esp., the bellows used by a smith’ ~ *smith* ‘a maker or repairer of bellows’ MED); *Bellghe makere* 1289, *Belgmakere* 1294, *Belimaker* 1356, *belimaker* 1358, *belowmaker* 1374, *Balymaker* 1377, *Belymaker* 1402 (*beli~maker* ‘a bellows maker’ MED); *bridelsmith* 1323 (*bridel~smith* ‘headgear maker’ MED); *beltere* 1260, *belter* 1295 (*belter* ‘a maker of belts’ MED); *Beltewryght* 1334 (*belt~wright* ‘a maker of belts’ MED); *Bustelere* 1267, *Bostlere* 1302, *Bustlere* 1310, *Burstler* 1316, *Bustler* 1319, 1341, *Burstelere* 1327, 1341, 1346, *Burstlere* 1341, *Brusteler* 1342, 1428, *Busler* 1428 (*burstler(e)* ‘one who makes things of bristles, brushmaker’ MED); *Gurdelestr* 1321, *gurdlestere* 1377 (*girdelestre* ‘a woman who makes girdles’ MED); *gyrdilmaker* 1500 (*girdel~maker* ‘a maker of belts’ MED); *Pullchare* 1214, *Pilchere* 1271, 1275, 1301, 1317, *Pilkere* 1279, *Pylechere* 1296, *Pilcher* 1303, *Pilker* 1305, *Pulchere* 1310, *Pilicher* 1327, *Pulcher* 1332, *Pylchere* 1392 (*pilcher(e)* ‘a maker or seller of pilches; only in surnames’ MED); *pursemaker* 1456 (*purs(e)~makere* ‘a purse weaver or leather worker’ MED); *Sadelmaker* 1500 (*sadel~makere* ‘a maker of saddles, saddler’ MED); *sadeler man* 1464 (*sadelër(e)~man* MED);

в) сапожники: *Childe-shomakere* 1381 (*child shō~makere* ‘one who makes children’s shoes’ MED); *Clogmaker* 1367 (cf. *clogger* ‘one who makes clogs, or wooden soles for shoes’ 1745 NED; *clog-maker* 1807 NED, John Wilson... **Clog-maker* 1723 NED); *Cloutkeruer* 1327 (‘patch-cutter’, *clout* ‘a piece of cloth, leather, metal, etc., set on to mend anything; a patch; carver ‘one who carves or cuts’ Reaney); *Lastur* 1275 (*laster* ‘In bootmaking, a workman who shapes a boot or shoe, by fixing the parts smoothly on a last’ 1878 NED, cf. *lastmaker* 1583 NED; OE *last* ‘a wooden model of the foot, on which shoemakers shape boots and shoes’ 1000 NED); *Slopere* 1279, 1286 (*slop* ‘some kind of foot-wear’ 1480 NED, *slop(pe)* ‘a kind of shoe’ MED, *sloper* ‘a maker or seller

of these’ Reaney); *sutor* 1066, 1220, 1380, *Soutere* 1263, 1351, 1363-4, 1364-5, *Sutere* 1273, *Sutare* 1278-9, *Sutur* 1285, *Sutore* 1296, 1329, *Suter* 1303-4, *Sutere* 1310, *Soutare* 1327, *Suter* 1327, *Soutere* 1327, *Souteres* 1312, *Souter* 1357, 1401-2, *Sowter* 1379, *Sutter* 1379 (*sōutër(e)* [OE *sūtere*] ‘a shoemaker or cobbler’ MED); *Yarker* 1327, *Yurker* 1327, *Yarkar* 1379 (‘a shoemaker’ Reaney).

Таким образом, образованные на базе исконной английской лексики агентивно-профессиональные названия, употреблявшиеся в качестве компонентов антропоформул, а также относящиеся к апеллятивному фонду среднеанглийского языка, проявляют вдвое большую фонографическую вариативность в функции идентификации лица в составе антропоформул, чем агентивно-профессиональные названия, бытовавшие исключительно как компоненты антропоформул (соотношение коэффициентов вариативности 5 : 2,3), а также имеют большую (на 16 %) частотность словоупотребления в этой функции. Полученные коэффициенты служат показателями узальности исследуемой лексики: 1) лексика с устоявшимся узусом выявляет в качестве идентифицирующего компонента антропоформулы большую частотность употребления как следствие функциональной дифференциации, приведшую, в свою очередь, к закреплению узуса; 2) лексика с устоявшимся узусом выявляет большую фонографическую вариативность как следствие активного использования в период формирования орфографической системы.

Перспективным считаем на базе собранного нами фактического материала исследование фонографической вариативности гибридных дериватов (основами которых являются ассимилированные заимствования), а также заимствованной агентивно-профессиональной лексики (заимствований-ассимилятивов и мотивированных заимствований), с последующим сопоставлением количественных данных вариативности и частотности словоупотребления как показателей ассимиляции и узуса заимствований.

Список сокращений

ME – среднеанглийский, MED – Middle English Compendium, OE – древнеанглийский, NED – Oxford English Dictionary

Библиографический список

1. Бондаренко Е.В. Внутренние и внешние факторы морфологической эволюции (на материале английского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 342 с.
2. Ганич Д.І., Олійник І.С. Словник лінгвістичних термінів. – К.: ВШ, 1985. – 360 с.
3. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: ВШ, 1989. – 160 с.

4. *Расторгуева Т.А.* Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980. – 51 с.

5. *Солонович Т.Ф.* Развитие тематической группы наименований лиц по профессии в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1986. – 204 с.

6. *Хаймович Б.С.* Стислий курс історії англійської мови: навч. посібник. – К.: Вища школа, 1975. – 100 с.

7. *Ярцева В.Н.* Проблема вариативности на морфологическом уровне языка // Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука, 1979. – С. 7–26.

8. *Ekwall E.* Early London Personal Names. – Lund: CWK Gleerup, 1947. – 207 p.

9. *Fransson G.* Middle English Surnames of Occupation (1100–1350). – Lund: CWK Gleerup, 1935. – 217 p.

10. Middle English Compendium. University of Michigan Digital Library Production Service, 2001–2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 07.07.2016).

11. *Mills A.D.* Notes on some Middle English Occupational Terms / *Studia Neophilologica: a Journal of Germanic and Romance Philology.* – Uppsala, 1968. – V. 40. – № 1. – P. 35–48.

12. *Otto G.* Die Handwekernamen in Mittelenglischen. – Bottrop, 1938. – 99 p.

13. Oxford English Dictionary. A corrected re-issue with an introduction, supplement, and bibliography of a New English Dictionary on Historical Principles. – Oxford at the Clarendon Press. – 1961 (1933). – V. 1–12.

14. *Reaney P.H.* A Dictionary of British Surnames. – London: Routledge and Kegan Paul, 1966. – 366 p.

15. *Thuresson S.* Middle English Occupational Terms. – Lund: CWK Gleerup; Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1950. – 285 p.

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК ВИД РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию аргументации как вида направленного речевого воздействия в информационно-аналитическом дискурсе американской качественной прессы. Аргументация обращена к разуму или чувствам аудитории, нацелена на оправдание или опровержение какого-либо мнения и убеждение адресата принять определенную точку зрения. Убеждение адресата происходит через обращение к его собственному критическому суждению при помощи логически выстроенных аргументов. Аргументация характеризуется определенной структурой, включающей тезис, аргумент и основание. В изучаемом типе дискурса доминирует дескриптивный немаркированный тезис, основанный на фактах или сведениях, которые адресат считает верифицируемыми. С помощью тезиса адресант формулирует идею, которую он пытается доказать в публикации. Доказательство осуществляется за счет приведения аргументов, которые позволяют склонить адресата к принятию определенной точки зрения. При этом для обоснования своего утверждения адресант использует сложную аргументацию (несколько аргументов), что обеспечивает убедительное подтверждение тезиса. Материал исследования показывает, что в информационно-аналитическом типе медиадискурса преобладает рациональная аргументация. Данный вид аргументации представляет собой убеждение читателя реальными фактами, данными статистики, мнениями авторитетных лиц, логическим рассуждением. Кроме того, отмечены также случаи эмоциональной аргументации, в рамках которой адресант употребляет контактоустанавливающие **мы**-высказывания, реализующие значения метонимического **мы** (наша страна) и общенационального **мы** (все граждане страны). С помощью такого способа воздействия говорящий демонстрирует свою близость к адресату, включает его в группу своих единомышленников, пытается совместно с ним поразмышлять над проблемой, склоняет его к своей точке зрения.

Ключевые слова: медиадискурс, речевое воздействие, адресант, адресат, рациональная аргументация, эмоциональная аргументация, **мы**-высказывания, стилистически маркированная лексика.

Воздействие на адресата является неотъемлемой частью языка средств массовой информации (далее по тексту СМИ). В печатных СМИ воздействие может осуществляться как с помощью различных графических средств (использование разных шрифтов, подчеркивания, цвет, размещение материалов на странице, использование фото и т.д.), так и посредством собственно языковых ресурсов. Некоторые исследователи относят графические средства к речевому воздействию, рассматривая его в широком смысле как любое воздействие на сознание или поведение, которое осуществляется посредством языка или невербальных «окололингвистических» семиотических средств (жесты, средства графического оформления текста, эстетические коды словарного творчества и др.) [5]. Такой трактовке противопоставляется «речевое воздействие в узком смысле», которое представляет собой «тип воздействия в рамках координативных отношений между коммуникантами, а не субординации, предполагающий регуляцию адресантом деятельности адресата, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями (СМИ, агитация)» [12, с. 3; 7, с. 64; 11].

Безусловно, вид воздействия (с помощью вербальных или / и невербальных средств) зависит от типа публикации (новостная, информационно-аналитическая статья, статья группы *features* и т.д.), типа издания (качественная или «желтая» пресса), редакции, автора статьи и др. Поскольку в качестве объекта исследования в данной работе выступает информационно-аналитический дискурс как тип

медиадискурса, представленный краткими и развернутыми комментариями актуальных международных политических и экономических событий, национальных, политических, экономических, социальных и других событий в американской качественной прессе (New York Times и Washington Post (далее в примерах NYT и WP соответственно) современного периода), то предлагается уделить особое внимание изучению речевого воздействия посредством вербальных средств (далее по тексту речевое воздействие), т.к. оно доминирует в вышеуказанных изданиях и оказывает более существенное влияние на адресата по сравнению с графическими средствами.

Следует отметить, что речевое воздействие в СМИ рассматривается как направленное, поскольку субъект ставит перед собой задачу добиться определенного результата от объекта речевого воздействия. При этом аргументация как вид направленного речевого воздействия, обращенного к разуму или чувствам аудитории, нацелена на оправдание или опровержение какого-либо мнения и убеждение адресата принять определенную точку зрения. Убеждение адресата происходит через обращение к его собственному критическому суждению при помощи логически выстроенных аргументов. В ходе аргументации осуществляется коррекция точки зрения, и шире – картины мира адресата [8, с. 65–71].

В качестве характерных черт аргументации выделяются следующие:

– аргументация всегда выражена в языке, имеет форму произнесенных или написанных утверждений;

– аргументация является целенаправленной деятельностью: она имеет своей задачей усиление или ослабление чьих-то убеждений;

– аргументация – это социальная деятельность, поскольку она направлена на другого человека или других людей, предполагает диалог и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы;

– аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать [9, с. 75].

Аргументация также характеризуется определенной структурой. Типичная модель аргументации включает три составляющих: тезис (claim), аргумент (support) и основание (warrant) [10, с. 93]. При этом каждая из составляющих имеет определенные особенности актуализации, которые проявляются в зависимости от типа коммуникации, целей адресанта и др.

В нашем объекте исследования доминирует дескриптивный тезис (в первом примере данный тезис выделен подчеркиванием), основанный на фактах или сведениях, которые адресат считает верифицируемыми. С помощью тезиса адресант формулирует идею, которую он пытается доказать в публикации. Например:

On Tuesday, a woman infected with the Zika virus gave a birth to a girl with microcephaly, a malformed head, in New Jersey. <...> Yet every time an emergency like this happens, public health officials must go begging bowl in hand to Congress for the funds to deal with it. And as the current squabble between Republicans and President Obama over money for the Zikavirus shows, there's no guarantee of significant or even timely relief. (NYT, June 2, 2016)

The House and the Senate Amed Services committees have let down Afghans who braved danger and strive to work with the United States through a decade and a half of war. (WP, May16, 2016)

Далее выдвинутый тезис доказывается или опровергается за счет приведения аргументов, которые позволяют склонить адресата к принятию определенной точки зрения. Необходимо отметить, что в информационно-аналитическом дискурсе качественной прессы преобладает рациональная аргументация. Это объясняется тем, что рационализм является значимой ценностной характеристикой американского общества. Данный вид аргументации представляет собой убеждение читателя реальными фактами, данными статистики, мнениями авторитетных лиц, логическим рассуждением. При этом для обоснования своего утверждения адресант, как правило, приводит несколько аргументов (сложная аргументация), которые в совокупности обеспечивают убедительное подтверждение тезиса.

Так, доказывая тезис о том, что наличие разногласий по поводу финансирования в сфере здравоохранения не приведет к решению проблемы гибели

ли населения от различных вирусов, в том числе вирусов Зика и Эбола, автор статьи приводит следующие аргументы:

A bill introduced by Representative Rose DeLauro, a Connecticut Democrat, would put \$5 billion into an existing public emergency fund that was created in 1983 but has been largely dormant. The fund currently has a balance of just \$57,000. <...> Some Republicans are likely to oppose setting aside the money. Many in the House have been reluctant to spent money on Zika; last month they passed a bill to provide \$22 million to fight the disease, which is a lot less than \$1.1 billion the Senate approved and the \$1.9 billion Mr. Obama has asked for (NYT, June 2, 2016).

Для доказательства тезиса о том, что сенат подвел афганцев, участвующих в военной кампании на стороне США, и не предоставил им американские визы, автор статьи приводит следующие аргументы:

In 2009, Congress approved a special program that provides visas for Afghan translators and others who risked lives shoulder-to-shoulder with U.S. forces. Though 8,528 applicants have received visas, thousands are still waiting. The annual defense bills just sent to the floor of each chamber could leave many of them behind. (WP, May 16, 2016)

В вышеприведенных примерах аргументации адресант представляет аргументы без использования их маркеров (показателей). Однако возможны случаи, когда аргументы приводятся с использованием различных маркеров. Выделяются два вида таких маркеров: I) маркеры аргумента по семантической сфере действия; II) маркеры аргумента по значению [1]. Рассмотрим применение некоторых из них в информационно-аналитическом дискурсе.

I. Маркеры аргумента по семантической сфере действия делятся на пропозиционные и контекстные. Пропозиционные показатели непосредственно вводят следующий за ними аргумент: *forinstance, forexample; firstly, secondly; inaddition, besides* и т.д. Семантическая сфера действия контекстных показателей выходит за пределы одного высказывания, требуя обращения к предшествующему контексту: *consequently, thus* и т.д.

II. Маркеры аргумента по значению также делятся на несколько типов: а) ссылки на источники информации (через вводные предложения типа *according to...*, а также главные предложения в составе сложноподчиненных с глаголами говорения *to say, to report, to believe, to conclude*); б) апелляция к адресату (*frankly speaking...*); в) ссылки на очевидность (*really, actually*); г) ирреальный аргумент, отсылающий к одному из возможных миров (*let us suppose..., at first sight*); д) маркеры, позволяющие обращаться к самому процессу аргументирования (*let us examine..., consider..., in _ther words*).

Обратимся к примерам (маркеры выделены подчеркиванием).

Gove believes that the ongoing concentration of power in Brussels, seat of “the bureaucratic regulatory temptation,” guarantees “regulation in the interest of incumbents” who “do not want a dynamic, innovative Europe.” Under Europe’s administrative state, Gove says “interest groups are stronger than ever” and they prefer social stasis to the uncertainties of societies that welcome the creative destruction of those interests that thrive by rent-seeking. (WP, May 27, 2016)

Money in the present health emergency fund, for instance, can be used only when the secretary of health and human services declares an emergency. (NYT, June 2, 2016)

According to the National Council on Human Rights, a nongovernmental organization, Ahmed Maher, Mohammed Adel, Ahmed Douma and Alaa Abdel Fattah were suffering from mistreatment, including confinement to their cells for more than 20 hours a day, and had not been allowed to meet with their lawyers. (WP, January 19, 2015)

Despite the concerns of fiscal conservatives, the health emergency fund could save lives and money. Consider Ebola. Had the American government moved quickly to help Guinea, Liberia and Sierra Leone fight that virus early in 2014, the disease might not have killed more than 11,000 people or caused a global panic. (NYT, June 2, 2016)

Кроме рациональной аргументации в нашем объекте исследования также отмечены редкие случаи эмоциональной аргументации. При этом в качестве эмоциональных аргументов адресант использует угрозы-предупреждения, прогнозы негативного (если не прислушаются к его мнению) или позитивного развития событий (если примут предлагаемые им пути решения проблемы). Такие угрозы и прогнозы выражаются через сложноподчиненные предложения с придаточными условиями и времени с союзами *if, unless, when*.

Анализ материала показывает доминирование негативных прогнозов с целью подчеркнуть опасность такого развития событий для общества в целом:

If we do not trim Social Security and Medicare spending – by slowly raising eligibility ages, cutting benefits and increasing premiums for wealthier recipients – we face savage cuts in other government programs, much higher taxes, bigger deficits or all three. <...>Unless we curb immigration of the unskilled, we will never make much progress against poverty. (WP, October 18, 2015).

Как уже было отмечено, в редких случаях адресант представляет прогнозы позитивного развития события:

If Britain rejects continuing complicity in the E.U. project – constructing a bland leviathan from surrendered national sovereignties – it will have rejected the idea that its future greatness depends on submersion in something larger than itself. It will

have taken an off-ramp from the road to serfdom. (WP, May 27, 2016)

Для усиления эмоционального воздействия адресант употребляет контактоустанавливающие *мы*-высказывания, представляющие *мы*-инклюзивное и *мы*-эксклюзивное. Анализ материала показывает значительное доминирование *мы*-инклюзивного, реализующего значения метонимического *мы* (наша страна) и общенационального *мы* (все граждане страны).

С помощью *мы*-инклюзивного как способа воздействия говорящий демонстрирует свою близость к адресату, включает его в группу своих единомышленников, пытается совместно с ним поразмышлять над проблемой, склоняет его к своей точке зрения. Кроме того, это позволяет адресанту показать, что обсуждаемая проблема актуальна для всей нации, и ее решение зависит от всей страны.

Следует отметить, что с такой целью адресант использует не только местоимение *we* в именительном падеже, но и форму объектного падежа *us*, а также притяжательное местоимение *our*.

But more important than any possible utility, the forgotten story of the virgin vote teaches history’s most beautiful lesson: The world we know is not our only option. One of our political system’s weakest links used to be the strongest. (NYT, April 8, 2016)

Мы-инклюзивное в значении общенационального *мы* (все граждане страны) встречается редко:

Many state bar associations support a civil right to counsel, and 18 states are considering laws to guarantee a lawyer in certain civil cases. But until that happens — and we may wait a long time — it makes sense to take a harm-reduction approach and help the self-represented do the best they (NYT, June 1, 2016).

Следует сказать, что воздействие на адресата в рамках аргументации требует использования стилистически маркированной лексики. При этом высокую встречаемость имеют единицы с отрицательной коннотацией, что говорит о том, что адресант информационно-аналитического дискурса акцентирует внимание общества на анализе негативных социальных явлений: *human carelessness, inefficiency, unsolved political crisis, bad diplomacy, misfortunes, violating the diplomatic principles, to inflame passions, confrontation* и др. С целью показать остроту, актуальность обсуждаемой проблемы адресант использует лексические единицы *issue, problem* в таких сочетаниях, как *agigantic problem, a big problem, the most vital issue, hard issues, critical issues, important issues, a hot issue, a serious issue, the fundamental problem, the core problem, a broad problem, this issue is especially current, that issue is particularly important, the trouble is*.

Таким образом, при помощи логически выстроенных аргументов и языковых средств адресант оказывает направленное речевое воздействие на адресата с целью склонить его к принятию нужной

точки зрения, формированию определенных взглядов и ценностных установок.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: коллективная монография. – М.: Наука, 1990. – С. 40–52.
2. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргумента ADHOMINEM (на материале английского языка) // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2003. – № 2. – С. 13–19.
3. Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт: [пер. с англ.]. – М.: Изд. группа «Прогресс» - «Литера», 1993. – 624 с.
4. Васильева Л.В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века): дисс. ... канд. филол. наук. – Хабаровск, 2010. – 224 с.
5. Вебер Е.А. Стратегия псевдоминации как явление скрытого речевого воздействия // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2005. – № 9. – С. 4–9.
6. Дульянинов А.Г. Мотивация в речевом воздействии (на материале текстов французской рекламы) // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации // Вестник ИГЛУ. – 2003. – № 2. – С. 44–52.
7. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
8. Казыдуб Н.Н. Три фактора стратегии аргументации в дискурсивное пространство “Planning” // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2003. – № 2. – С. 65–71.
9. Кананыхина Т.А. Метафора в юридическом дискурсе с точки зрения теории аргументации (на материале американского юридического дискурса) // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2005. – № 9. – С. 71–82.
10. Куницына Е.Ю. Оценка и ценности в структуре аргументации // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2005. – № 9. – С. 92–108.
11. Ржанова С.А. Речевая культура как феномен массовой коммуникации. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2005. – 210 с.
12. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: коллективная монография. – М.: Наука, 1990. – С. 3–4.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ СТАТЕЙ ПО ХИМИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена лингвостилистическим особенностям названий английских научно-популярных статей по химии. В качестве материала для исследования были использованы более ста статей одного из ведущих журналов в области химии «Chemistry World», издаваемого Королевским химическим обществом. Расширена классификация названий научно-популярных статей, в основу которой положены используемые стилистические и лингвистические (лексические и грамматические) особенности. Было установлено, что для привлечения внимания читателя химических статей в их заглавиях используются стилистические приемы и функционально-семантические варианты лексико-грамматических единиц. Приводится перевод английских заголовков на русский язык.

Ключевые слова: иностранные статьи по химии, лингвостилистические особенности, названия научно-популярных статей по химии, научно-популярные статьи по химии, научно-популярный стиль, перевод.

Важную роль в научно-популярном тексте по химии играет его название, основная цель которого заключается в том, чтобы привлечь внимание реципиента и вызвать у него желание прочитать статью. Название научно-популярной статьи по химии представляет своего рода загадку, ответ на которую можно получить, прочитав всю статью.

В полном словаре лингвистических терминов Т.В. Матвеевой заголовок определяется как «наименование художественного, публицистического, научного текста среднего объема (газетный заголовок, журнальные заголовки, заголовки рассказов, статей) или части крупного текста (заголовки разделов, если текст делится на главы, то во избежание тавтологии применяется синоним название)» [6, с. 106].

Проблема анализа и классификации заголовков зарубежных научно-популярных статей по химии с точки зрения лингвистики является недостаточно разработанной. Вопросам анализа, классификации и перевода заглавий произведений разных стилей посвящены многие работы [1; 4; 6–7; 9–13]. Однако нами не было обнаружено ни одной научной публикации, в которой бы проводился анализ различных видов заголовков статей по химии на английском языке и их классификация. В основе предлагаемой классификации лежит система, предложенная в работах [4; 5].

1. Стилистические особенности названий научно-популярных статей на английском языке и их перевод на русский язык.

В названиях статей применяются следующие стилистические приемы.

1. Метафоры: *Challenging aqua regia's throne* – Покушение на трон царской водки; *Calcium caught in an inverse sandwich* – Кальций пойман в перевернутый сэндвич; *Polymer caterpillar crawls in humid weather* – Полимерная гусеница ползет во влажных условиях; *Nanotubes sprout fullerene buds* – Нанотрубки пускают фуллереновые ростки.

Глагольные метафоры довольно распространены в английских названиях научно-популярных

статей: *Phosphorus fragments trapped* – Стабилизированы фрагменты фосфора; *Molecule mimics molybdenum catalyst* – Молекула имитирует молибденовый катализатор; *Recruiting electrophiles for organic cross-coupling* – Привлечение электрофилов для органического кросс-сочетания.

2. Эпитеты. Перевод заголовков, в которых содержится эпитет, представляет одну из трудностей для переводчика, поскольку, как правило, эта фигура речи полисемантна, и необходимо, по возможности, найти аналогичный эпитет в русском языке. Рассмотрим пример заголовка, перевод которого предполагает два решения – один с использованием эпитета в русском языке, а другой без использования: *Sugar solution to toxic gold recovery* – «Сахарное» решение проблемы токсичности извлечения золота (перевод, содержащий эпитет) (а); *Нетоксичное восстановление золота с помощью раствора сахара* (научный перевод, который не содержит эпитет) (б).

Рассмотрим другой пример, в котором также присутствует эпитет *elusive*: *Hunting elusive green fluorescent proteins* – В погоне за неуловимыми зелеными флуоресцентными белками. В этом случае *elusive* лучше перевести как *неуловимый*, поскольку из содержания статьи ясно, что ученые долгое время совершали попытки выделить зеленые флуоресцирующие белки.

Рассмотрим другой пример: *Real-world treatment for dye-contaminated effluents* – Действенная очистка сточных вод, загрязненных красителями. В этом случае затрудняет перевод полисемантность самого эпитета *real-world* – *настоящий, реальный, практический*. Задача переводчика заключается лишь в подборе близкого синонима к значениям, отраженным в англо-русских словарях.

В следующем примере перевод заголовка осложнен тем, что в качестве эпитета стоит сленговое прилагательное *curvaceous*, употребляемое для описания силуэта женщины – *фигуристая, соблазнительная, пышная*. В химической терминологической лексике это слово не фигурирует, поэтому на

основании образного представления может быть предложено следующее переводческое решение: *Curvaceous crystals* – *Исключенные кристаллы*.

Приведем другие примеры: *Glowing protein in 'animal photosynthesis'* – *Светящийся белок в «животном фотосинтезе»*; *The explosive potential of nitrogen compounds* – *Взрывчатый потенциал соединений азота*; *Pressure to form exotic ionic salts irresistible for nitrogen* – *Формирование экзотических ионных солей азота под давлением*; *Exotic interactions uncovered in actinide systems* – *Экзотические взаимодействия, выявленные в актиноидах*; *Smart windows store sun's energy* – *Умные окна сохраняют солнечную энергию*; *Double reactor makes hydrogen and syngas* – *Двойной реактор для получения водорода и синтез-газа*.

3. Метонимия. В приведенном ниже примере заголовка основную трудностью для перевода представляет метонимия *Raphael*, которую следует перевести как «картина Рафаэля»: *Raphael revealed by Raman spectroscopy* – *Раман-спектроскопия помогает доказать подлинность картины Рафаэля*.

4. Аллюзии тоже могут присутствовать в английских названиях научно-популярных статей, например: *Mirror mirror on the ocean*. В данном случае заголовок содержит ссылку на известное литературное произведение – сказку братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов»:

Mirror mirror on the wall,
Who is the fairest one of all?

Сюжет немецкой сказки перекликается с произведением А.С. Пушкина: «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»:

Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи...

Примерами возможного перевода являются следующие: *Зеркальце, зеркальце на океане*; *Океаническое зеркало* (более строгий вариант). Следует отметить, что перевод аллюзий на поэтические произведения представляет наибольшую трудность для переводчика.

5. Лексический повтор. Перевод такой фигуры речи, как лексический повтор, в названии научно-популярных статей затруднен из-за полисемантической повторяемых лексических единиц.

Рассмотрим пример заголовка, перевод которого затруднен из-за многозначности общепотребительного слова «split»: 1) *n* раскалывание, трещина, раскол, щепка, расщепленность; 2) *v* раскалывать(ся), разбивать(ся), делить на части. Например: *Split water splitting raises green hydrogen hopes* – *Раздельное разложение воды усиливает надежды на получение экологически чистого водорода*.

Приведем другие примеры заголовков, в которых функционирует лексический повтор: *Crystal within a crystal* – *Кристалл в кристалле*; *Molecular tectonics: from crystals to crystals of crystals* – *Молекулярная тектоника: от кристаллов к кристаллам*

из кристаллов; *Janus particles: particles with two faces* – *Частицы Януса: частицы с двумя лицами*.

Следующие стилистические приемы, используемые в заголовках химических научно-популярных статей, не вызывают каких-либо серьезных затруднений, поэтому ограничимся лишь примерами из английских статей и их переводом.

6. Сравнение: *New plastic is strong as steel, transparent* – *Новый прозрачный пластик прочный, как сталь*; *Researchers create a transparent composite plastic as strong as steel* – *Получен прозрачный композитный пластик прочный, как сталь*.

7. Литота: *Water's viscosity down to its container – at least at the nanoscale* – *Зависимость вязкости воды от ее контейнера – как минимум в наномасштабе*.

8. Аллитерация: *Graphene to graphane by chemical conversion* – *Графен в графан можно конвертировать*; *Sieving silica sieves from biomass ash* – *Извлечение кремнезема из продуктов сгорания биомассы*.

9. Олицетворение. При переводе заголовка статьи необходимо принимать во внимание такой стилистический прием, как олицетворение, например: *Janus particles: particles with two faces* – *Янус-частицы: частицы с двумя лицами*.

В данном примере троп *Janus particles* описывает *наночастицы Януса* в сравнении с двуликим римским богом Янусом – в связи с тем, что гидрофильные и гидрофобные группы, образующие поверхность Янус-частиц, проявляют два противоположных свойства. При переводе на русский язык английскому термину *Janus particles* соответствует ряд кореферентных единиц: *Янус-частицы, двуликие частицы, частицы Януса, Янус-подобные наночастицы*.

Приведем аналогичные примеры: *Green fluorescent protein takes Nobel Prize* – *Зелёный флуоресцентный белок получает Нобелевскую премию*; *Gallium and uranium join forces* – *Галлий и уран объединяют усилия*. *Tantalum breaks nitrogen triple bond* – *Тантал разрывает тройную связь азота*; *Hydrogen breaks strong bonds with brute force* – *Водород разрывает прочные связи с невероятной силой*.

10. Ритм: *Transparent film with strength of steel* – *Прозрачная пленка с прочностью стали*.

II. Лексические особенности английских названий научно-популярных статей и их перевод на русский язык.

В зависимости от используемых лексических средств можно выделить следующие виды заголовков.

1. Заголовки статей, содержащие тривиальные названия веществ, например: *Alumina* – *Оксид алюминия (III)*; *Chitin* – *Хитин*; *Polyacetylene* – *Полиацетилен*. При переводе таких статей необходимо владеть терминологическим составом языка химиков, в котором встречаются слова

с одинаковой основой, но означающие разные соединения, например, *alum* – алюминиевые квасцы; $\text{Al}_2\text{SO}_4 \cdot \text{Al}_2(\text{SO}_4)_3 \cdot 24\text{H}_2\text{O}$; *alumina* – оксид алюминия (III), Al_2O_3 ; *aluminium* – алюминий Al и др. Этот список можно продолжить.

2. Заголовки статей, содержащие имена собственные.

а) заголовки, представляющие собой названия химического лабораторного оборудования, например: *Petri dish* – Чашка Петри; *Victor Meyer's apparatus* – Аппарат Виктора Мейера; *Abbi's refractometer* – Рефрактометр Аббе; *Erlenmeyer flask* – Колба Эрленмейера; *Soxhlet extractor* – Экстрактатор Сокслета и др. Трудность перевода подобных названий заключается в точном переводе имени создателя химического лабораторного оборудования [2; 3];

б) заголовки статей, включающие имя создателя метода, реакции: *Engineered metalloenzyme catalyses Friedel-Crafts reaction* – Разработанный металлофермент катализирует реакцию Фриделя – Крафтса.

3. Названия статей, в которых содержится химическая формула соединения: *Black TiO_2 absorbs light across the spectrum* – Черный TiO_2 поглощает свет по всему спектру; *First Mg (I) complex made* – Получен первый комплекс магния (I); *CO coupling up with uranium* – Связывание монооксида углерода; Связывание CO с ураном. Наличие химической формулы в переводном тексте затрудняет понимание смысла заголовка, так как, например, формула CO имеет сходное написание с морфемой «со», поэтому, на наш взгляд, в переводе лучше привести не графическую формулу, а полусистематическое название оксида углерода (II).

4. Названия статей, содержащие поэтизмы: *Water, water, everywhere!* – Вода, вода – везде! В этом заголовке имеет место аллюзия на поэму Сэмюэля Тейлора Колриджа «Сказание о старом мореходе» (1797–1798):

Water, water, every where,
And all the boards did shrink;
Water, water, every where,
Nor any drop to drink.

5. Названия статей, содержащие фразеологизмы. Перевод названий научно-популярных статей на английском языке затруднителен из-за присутствия в них фразеологизмов. Как справедливо указывает Е.В. Рыжкина, фразеологические единицы обладают очень высокой информационной ёмкостью и способны лаконично передать целый рассказ о некоем событии, что «позволяет уподобить их таким художественным формам, как сказка, притча и т. п.» [8, с. 156]. Им по определению свойственна смысловая насыщенность и диффузность, допускающая неоднозначность прочтения. Рассмотрим следующий пример: *Palladium helps gold catalyst go green* – Палладий помогает золотосодержащему катализатору стать экологически чистым.

Трудность перевода этого заголовка обусловлена наличием в нем фразеологизма *to go green*, означающего *побледнеть* (по нездоровью), *позеленеть* (от зависти, ревности). Кроме того, лексема *green* может означать связь с экологией, так что при переводе фразеологизма *to go green* обнаруживается игра слов – в данном контексте такой фразеологизм означает *становиться экологически чистым*.

Helping hand for Van Gogh conservators – Рука помощи хранителям картин Ван Гога. В иноязычном названии статьи использован оборот (*to extend*) *a helping hand* – *протянуть руку помощи*. Зная это, нетрудно перевести заголовок научно-популярной статьи.

Приведем еще несколько примеров: *Polymers strut their stuff under the spotlight* – Полимеры демонстрируют свои качества при свете прожектора; *'Atomic traffic jam' sheds light on phase changes* – Затор в движении атомов проливает свет на фазовые превращения; *A question mark over cubic ice's existence* – Существование кубического льда под вопросом.

Фразеологизмы часто сочетаются со стилистическими фигурами, например с метафорой, и вызывают эффект олицетворения. Выше приводились иллюстрации этих приемов, где стилистический эффект достигался за счет таких оборотов, как *to join forces* или *to break bond* (with smb).

6. Названия статей, содержащие неологизмы. Заголовки научно-популярных химических статей на английском языке, включающие в себя неологизмы, представляют особую трудность для перевода, например: *'Tetrel bonding' emerges from y-hole* – «Углеродное связывание» происходит через y-дыры. Прилагательное *tetrel* по смыслу означает четверной. Однако в химической терминологии, используемой в России, отсутствует понятие «четверная связь». При объяснении строения вещества используются термины: *одинарная связь*, *двойная связь*, *тройная связь*. Дополнительное связывание может происходить благодаря нековалентному взаимодействию между элементами четвертой группы, в которой находится углерод, и отрицательным центром, например, неподеленной электронной пары кислоты Льюиса или аниона. Поэтому при переводе нужно заменить отсутствующий химический термин в русском языке на широко используемое понятие, например «углеродное связывание» или «связывание углерода».

7. Названия статей, в которых содержатся омонимы, создающие игру слов. Например: *The holy grail of hydrogen storage* – Пористый гравий для хранения водорода (а); *Недостижимая задача найти способ хранения водорода* (б). *Hydrogen energy storage: The Holy Grail for renewable energy grid integration* – Хранение водородного топлива: Святой Грааль для введения в сеть возобновляемого источника энергии.

Трудность перевода заключается в том, что в заголовке наблюдается игра слов-омофонов «holey» (пористый) и «holy» (святой). Если переводить дословно, то *the holey grail* означает пористый гравий и, следовательно, одним из возможных переводов на русский язык будет (а), недостатком которого будет отсутствие стилистического эффекта. Кроме того, фраза с омофоном допускает не одно толкование. Так, она может служить намеком-аллюзией на *Святой Грааль (the Holy Grail)*. Согласно легенде, Иосиф Аримафейский принес чашу, из которой Иисус Христос пил во время Тайной вечерни, на место Его распятия и собрал в нее кровь из ран умирающего Христа. Впоследствии эта чаша, чаша Грааля, стала предметом бесплодных поисков. Отсюда возник фразеологизм *the Holy Grail* со значением «недостижимая задача, заветное желание, заветная цель, предел мечтаний». Таким образом, заголовок статьи имплицитно передает смысл «объект, который долго жаждали найти».

8. Названия статей, включающие в себя сокращения (аббревиатуры, акронимы): *NMR thermometer takes reactor's temperature* – ЯМР-термометр измеряет температуру реакции; *X-ray vision uncovers hidden self portrait* – Рентгеновские лучи раскрывают скрытые автопортреты.

Затруднение может вызвать многозначность сокращений, например: *Catalyst delivery and recovery using MOFs* – Поступление и восстановление катализатора с использованием металл-оксидного топлива. Аббревиатура MOF полисемантическая, так как функционирует в различных сферах знаний, поэтому для точного перевода сокращений рекомендуется использовать англо-русский словарь сокращений [2].

9. Названия статей, содержащие разговорные слова и выражения: *Enhancing photopigment formation to boost biofuel production* – Увеличение образование фотопигмента для повышения производства биотоплива; *Gold going it alone* – Золото, действующее в одиночку.

10. Названия статей, содержащие цифры. *10 out of 10 for boron's coordinated effort* – Десять из десяти координационных чисел, возможных для бора (в этом примере также имеет место полисемантический эффект за счет обыгрывания фразеологизма *ten out of ten* – наверняка).

11. Названия статей, содержащие объяснения процесса, явления и др., например: *Strong composite films with layered structures prepared by casting silk fibroin – graphene oxide hydrogels* – Прочные композитные пленки со слоистой структурой, приготовленные литьем гидрогелей шелкового фибрина и оксида графена.

12. Названия статей, содержащие многозначные слова: *Isotope effect seen on single molecule* – Изотопный эффект, наблюдаемый в отдельной молекуле. В этом заголовке проблему перевода

представляет многозначность слова *single*, употребляемого в химическом контексте – *единичный, единственный, одиночный, отдельный*. Правильным вариантом перевода будет последний.

III. Грамматические особенности английских названий научно-популярных статей и их перевод на русский язык.

В зависимости от используемых грамматических средств можно выделить следующие виды заголовков.

1. Заголовки статей, представляющие собой простое (а) или назывное (б) предложение: а) *Double reactor makes hydrogen and syngas* – Двойной реактор производит водород и синтез-газ; *Micromotors clean polluted water* – Микромоторы очищают загрязненную воду; *Explosive research isolates mercury azides* – Исследования взрывчатых веществ позволили выделить азиды ртути; *RNA with iron (II) as a cofactor catalyses electron transfer* – РНК с железом (II) в качестве кофактора катализирует перенос электронов; б) *New observations on properties of water* – Новые наблюдения за свойствами воды; *Metal detectors for clean fuel* – Металлические детекторы для чистого топлива; *Hydrogen bond under the microscope* – Водородная связь под микроскопом.

2. Названия статей, содержащие атрибутивные конструкции. *Shape memory polymer hosts functional nanoparticles* – Полимеры, запоминающие форму, захватывают функциональные наночастицы; *Precursor boost for uranium chemistry* – Развитие прекурсоров для химии урана; *Polymer side chains on the slide* – Скользящие боковые цепи полимеров; *RNA world hypothesis strengthened by iron* – Гипотеза появления мира из РНК, подтвержденная железом; *Железо подтвердило гипотезу появления мира из РНК*.

3. Названия статей, содержащие неполную форму страдательного залога. *Analytical techniques employed in art forgery case* – Аналитические методы, используемые в случае подделки произведений искусства; *Bromine anion caught in a supramolecular trap* – Бром-анион пойман в супрамолекулярную ловушку.

4. Названия статей, содержащие модальные глаголы: а) в значении предположения: *Seeing how plants split water could provide key to our future energy needs* – Наблюдение за тем, как растения расщепляют воду, возможно, предоставит ключ для решения наших будущих энергетических проблем; б) в значении объективной возможности: *Polymer lubricant may stave off knee surgery* – Полимерная смазка может предотвратить операцию на колене.

5. Названия статей, содержащие сослагательное наклонение: *The kilogram is dead! Long live the kilogram!* – Килограмм умер! Да здравствует килограмм! Название статьи содержит аллюзию на общеизвестную традиционную фразу *Le Roi est*

mort, vive le Roi!, которая произносится в некоторых странах при провозглашении нового монарха.

6. Названия статей, содержащие условные предложения: *If everything is chemistry then I need to do chemistry – Если все – химия, я буду заниматься химией.*

7. Названия статей, содержащие причастие в функции определения: *Engineered metalloenzyme catalyses Friedel-Crafts reaction – Разработанный металлофермент катализирует реакцию Фриделя – Крафтса; Weightlifting crystals – Кристаллы, поднимающие тяжести.*

8. Названия статей, содержащие форму герундия: *Harnessing nano power – Использование наноэнергии; Shaping crystals with bio-tools – Выращивание кристаллов с помощью биотехнологий; Breaking the carbon-fluorine bond – Разрывая фторуглеродную связь.*

9. Названия статей, содержащие инфинитив в функции определения: *New way to split water into hydrogen and oxygen developed – Разработан новый способ разложения воды на водород и кислород; A better way to add radioactive fluorine – Лучший способ присоединения радиоактивного фтора.*

10. Названия статей, содержащие эллипс. Например, отсутствие личной формы глагола *to be*: *Hydrogen bond set to be redefined – Водородной связи предстоит дать новое определение.*

11. Названия статей, содержащие косвенную речь: *Chemists claim metallic hydrogen creation first – Химики заявляют, что впервые получили металлический водород.*

12. Названия статей, содержащие косвенный вопрос: *How to make a crab shell see-through – Как сделать панцирь краба прозрачным.*

13. Названия статей, содержащие риторический вопрос: *Algae: Biofuel of the future? – Водоросли: Биотопливо будущего?; Do carbyne radicals really exist in aqueous solution? – Действительно ли существуют карбин-радикалы в водном растворе? Nanoporous methane storage – an impossible target? Хранение метана в нанопористом материале – не-реальная цель?*

14. Названия статей, в которых пропущен артикль: *Structure is key to superior hydrogen storage – Структура – ключ к превосходному хранению водорода.*

15. Названия статей, в которых для пояснения используется двоеточие: *Protein folding: knotted or not – Белки сворачиваются: переплетаясь или нет; Curious Nature: snowflake science – Любопытная природа: наука о снежинках.*

Материалы статьи могут быть использованы для дальнейшего теоретического описания особенностей научно-популярного стиля текстов заголовков по химии. Результаты проведенного исследования будут также полезны для составления словарей разговорной речи химиков.

Библиографический список

1. Глухова Ю.В., Привалова Ю.В. Особенности перевода заголовков английской прессы // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С. 149–152.
2. Даминова С.О., Леенсон И.А. Англо-русский словарь сокращений в химии: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2016. – 192 с.
3. Даминова С.О., Леенсон И.А. Англо-русский словарь химического лабораторного оборудования: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2015. – 208 с.
4. Иноземцева Н.В. Системные характеристики заголовков англоязычных статей по методической проблеме: дис. ... канд. филол. наук. – Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад., 2010. – 175 с.
5. Кленин А.А. Некоторые особенности перевода заголовков английской прессы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pglu.ru/upload/iblock/f04/klenin.pdf> (дата обращения: 11.05.2016).
6. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
7. Ронгинский В.М. Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1965. – 20 с.
8. Рыжкина Е.В. Интертекстуальность фразеологизмов, образованных по аналогии, в современном английском языке // Язык в действии: актуальные проблемы и методы исследования в англистике. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 154–162. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (654). Сер.: Языкознание).
9. Bell R. T. Translation and Translating: Theory and Practice. – London; New York: Longman, 1991. – 298 p.
10. Itay Sagi, Eldad Yechiam. Amusing titles in scientific journals and article citation // Journal of Information Science. – 2007. – XX (X). – P. 1–11.
11. What's in a Title? A descriptive study of article titles in peer-reviewed medical journals // Science Editor. – 2001, May–June. – Vol. 24. – P. 75–78.
12. Hamid R. Jamali, Mahsa Nikzad. Article title type and its relation with the number of downloads and citations // Scientometrics. – 2011, August. – Vol. 88, Issue 2. – P. 653–661.

ЯЗЫКОВАЯ ЭКЛЕКТИКА КАК ЖАНРОВАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО «РУССКОГО ШАНСОНА»: НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЕЛЕНЫ ВАЕНГИ (статья вторая)

Во второй (заключительной) статье исследования продолжено рассмотрение проблем, связанных с особенностями языка песенных текстов, относящихся к жанру «русский шансон». Автор доказывает мысль об эклектичности, многоплановости исследуемого явления. Особенное внимание уделяется окказиональной фразеологии, её значению в процессе передачи авторских интенций. При анализе грамматической структуры текстов Елены Ваенги ставится акцент на специфике разговорной языковой среды, положенной в основу их стиля. Делается вывод о том, что активное использование в песенных текстах стилистически маркированных языковых единиц определило речевое своеобразие «русского шансона», широко распространённого явления современной российской культуры.

Ключевые слова: жанр, песня, песенно-поэтическое творчество, авторская песня, шансон, «русский шансон», Елена Ваенга, языковая эклектика, фразеологизм, узуальный фразеологизм, окказиональный фразеологизм, фразеологическая трансформация, некодифицированная фразеология, паремия, разговорная языковая среда, разговорный стиль, грамматическое устройство текста.

Окказиональная фразеология, по справедливому замечанию И.Ю. Третьяковой, создаётся «с целью придания значению фразеологизма новых оттенков смысла, усиления эмоционально-оценочного плана» [3, с. 329]. В стихотворении Елены Ваенги «Клавиши» употреблён трансформ паремии *дыма без огня не бывает* (в значении «у всего есть своя причина...») [1, с. 107]) в следующем виде: *не бывает дыма без огня*. Фразеологическая единица (ФЕ) выполняет ритмо- и рифмообразующую функции, а по заданной модели на основе синтаксического параллелизма, градации и смены временной модальности глаголов автор создаёт ряд речевых фразеологических вариантов: отталкиваясь от внутренней формы идиомы, заключающей каузативные отношения, отношения взаимообусловленности, поэтесса выстраивает картину болезненной зависимости героев-любowników друг от друга. В песне постепенно усиливает своё звучание мысль о единстве, нерасторжимости судеб мужчины и женщины:

Не бывает радости без слез,
Не бывает дыма без огня.
Не было б лозы, не было б вина,
Не было б меня, не было б тебя

(«Клавиши»).

Любовь у автора – чувство трагическое, безысходное: в последнем рефрене высказывание заменяется противоположным по смыслу: «И я забываю любимого – / Не хочу вспоминать! → И я вспоминаю любимого – / Не хочу забывать! Вместе с тем отчаявшаяся героиня верит в победу добра над злом. Выражая эту мысль, шансонье обращается к образам *голубей* как воплощения мирного, светлого, доброго и *воронья* – предвестника несчастья, тёмных, злых сил. Добро как христианская ценность настолько непреходяще, что для автора в мире нет ничего выше тех самых голубей,

символизирующих чистоту и свет: *Не летает высоко вороньё – / Выше голубей некому летать...*

Актуальна в творчестве Ваенги и тема памяти: в текстах частотны конструкции типа *душить память, убивать память*. Память для поэтессы – субстанция колоссальная, непримиримая, вечно борющаяся со своим носителем. В «Клавишах» фигурирует окказионализм *вырвать у души*, образованный посредством изменения типа предложного управления на основе языковой ФЕ *вырвать из души*, то есть «заставить себя совсем забыть кого-либо или что-либо» [6, с. 89]. Инвариант подвергся семантико-грамматической модификации: «стирание памяти» происходит не по инициативе самого субъекта, а принудительно совершается другим лицом – и в этом его трагическая сущность:

Половину *вырвали у души!*

А потом спросили: «А почему?»

(«Клавиши»)

Важное место в творчестве Елены Ваенги занимает стихотворение «Белая птица», одно из самых трагических произведений о любви. Центральный образ – отнюдь не новый в русской поэзии, особенно важным он оказался для Анны Ахматовой («Был он ревнивым, тревожным и нежным...» (1914), «Я не знаю, ты жив или умер...» (1915) из сборника «Белая стая»). У Ваенги образ *белой птицы* фигурирует в стихотворениях «Белая птица» и «Мамочка». В «Белой птице» находим инверсионный трансформ ФЕ *вольная птица* со значением «свободный, независимый человек» [6, с. 343]. Формальному преобразованию сопутствует ещё и смысловое: лирическая героиня персонифицирует свои стихи, «дарит» им самостоятельную жизнь, мысля себя в то же время зависимой от творчества:

Белая птица не летит в небо,
Хотя всегда была ведь *птицей вольной*...
Скажи, что это всё мне просто снится.
Ты знаешь, ты мне сделал очень больно.

(«Белая птица»)

Судьба поэтического дарования героини напрямую зависит от любви и диктуется ею: любовная беда – серьёзная преграда для творчества. Рефрен раскрывает причину творческого бессилия:

Ведь твои руки не меня обнимут,
Твои глаза моих искать не станут.
И ты пройдёшь, меня увидев, мимо,
Ты даже думать обо мне не станешь

(«Белая птица»)

Онтологический мотив в «Белой птице» поддерживает тематическая лексика, символизирующая этапы жизненного пути человека (конь, седло, стремя, шпоры). Своё любовное несчастье поэтесса передаёт через образ раненого коня. В финале употребляется построенный на основе изменения категориального значения трансформ ФЭ *время остановилось* («кто-либо не ощущает движения времени») [5, с. 87]), преобразованной автором в оборот с отрицанием. Героиня отвергает саму идею об остановке времени, однако надеется, что в её силах «задушить память», стереть из сознания всё лишнее – то, о чём теперь больно вспоминать:

Коню седло, а сапогу стремя,
А шпоры в бок – чтобы бока ранить...
Я не могу остановить время,
Но я сумею задушить память

(«Белая птица»)

Частотна в стихах Елены Ваенги узуальная ФЭ *пройти мимо*, то есть «ничего не сказать по поводу чего-нибудь, не обратить никакого внимания...» [6, с. 809]. Любовная трагедия, таким образом, связана у автора с безразличием, опустошённостью, отсутствием внимания: И ты *пройдёшь*, меня увидев, *мимо*, / Ты даже думать обо мне не станешь («Белая птица»); В кофе, в кофе наливаю водку / И не запоминаю имя, / Ты был ведь так, проходящий, / *Проходил мимо!* («Sortie»).

Стихотворение «Лодочка» – пример свойственного «русскому шансону» синтеза стилей и жанров, взаимодействия эстрадной и фольклорной традиций. В целом пафос художественного произведения больше тяготеет к популярной песне, однако языковая реализация материала – фольклорная: включены народные образы, субъективно-оценочная лексика, постоянные эпитеты и проч. Автор встраивает в текст песни о несчастной любви ФЭ *буйная голова* – «удалой, бесшабашный человек» [6, с. 103]: «И покати́лась моя *буйна голова* / До твоего порога». Лирическая героиня сетует на то, что возлюбленный ей «завязал душу злым узлом», при этом аллегория дополняется чувственно-наглядным образом, ведь герой совершил данное действие, «косы заплетая»:

Завязал душу мне злым узлом,
Косы заплетая.
Не могу, не могу без тебя я –
Точно мне, помираяю...

(«Лодочка»)

Уникальный трансформ ФЭ *кровь (краска) бросилась (кинула) в лицо* со значением «кто-либо покраснел от смущения, стыда, досады и т.п.» [6,

с. 199] употреблён в романсе Елены Ваенги «Любимый». В основе окказионализма – конверсия: процессуальный компонент *кинула (бросилась)* замещается конверсивом *залилось* (контекстуальная антонимия), на синтаксическом уровне осуществляется переход субъекта в объект, а обстоятельства направления действия – в субъект: [*краска бросилась в лицо*] → [*залилось краскою лицо*]. Исследуемая ФЭ передаёт драматичность положения героини, провинившейся, смущённой, но не теряющей надежды на прощение. Звучание фраземы интенсифицирует сопровождающая её категория состояния *стыдно*, составляющая, в сущности, значение идиомы:

Залилось краскою лицо – стыдно...

Но не надо говорить, что всё прошло.

Всё так не понятно... Ты сидел напротив меня,

Ты молчал, молчала я...

Но ничего с тобой мы не забыли...

(«Любимый»)

Песня «Ехал ко мне друг» – по праву одно из лучших творений Ваенги. Один за другим здесь возникают мотивы предательства, любви, надежды. Стихотворение обрамляет рассуждение героини о предательстве – внутренний монолог, так и не приводящий в развязке песни к какому-либо умозаключению:

Много ли дорог у человека,

Много ли сердец его предаст.

Ехал ко мне друг – да не доехал,

Заблудился, да и пропал.

(«Ехал ко мне друг»)

В третьей строфе – трансформ паремии *кабы знал, где упасть, <так> соломки бы подостлал*: «поостерегся, поступил бы иначе, если бы заранее знал, предвидел, что произойдёт, случится» [1, с. 140]. На основе сослагательной семантики ФЭ Ваенга пронизывает условной модальностью всю строфу, последовательно сопоставляя зависимые субъекты с теми объектами, в воле которых они находятся: *птица* и *полон* (плен), *зов сердца* и *милость* (любовь). Необычны здесь и традиционные образы птиц из народной поэзии: *ворон* – символ ума, сообразительности, хищнического начала (у Ваенги – ворона) и *соловей*, ассоциирующийся уже не со смекалкой, а скорее – с талантом, сладкоголосым пением, художественным творчеством. Оперировав символами, автор развёртывает мотив предназначения – всё может (или могло бы) быть иначе, наоборот. Однако известная аксиома развеивает мечты, приводит героиню к утрате иллюзий. Из окказиональной ФЭ *знал бы, где упасть – так там и стелил* берёт своё начало целый философский монолог Ваенги:

Птица не поёт во полоне,

Сердце не зовёт, коли не мил.

Знать бы соловью, а петь вороне,

И знал бы, где упасть – так там и стелил.

(«Ехал ко мне друг»)

В других стихотворениях автора также активно используются индивидуально-авторские ФЭ: *не ми-*

новать тому, чему быть (инверсия паремии *чему быть, того (тому) не миновать*: «Пашка, Пашка, не миновать / Тому, чему быть!» («Пашка»)); *песни не спеты* (с изменением категориального значения от ФЕ *песенка спета*: «Наши песни не спеты» («Письмо»)); *ходим под Богом все* (инверсия поговорки *все под Богом ходим*: «А забыли, наверно, / Что ведь ходим под Богом все...» («Письмо»)); *показать, где Бог, где порог* (с заменой от *вот <тебе> Бог, а вот порог* со значением «убирайся вон, уходи по-хорошему» [6, с. 36]: «Не прогнал... А надо бы ей / Показать, где Бог, где порог...» («Посмотри»)); *Бог не выдаст, чёрт не съест* (с заменой субъектных компонентов паремии *господь не выдаст, свинья не съест* со значением «ничего плохого не случится <...> всё обойдётся, кончится благополучно...» [1, с. 18]: «“Бог не выдаст, Черт не съест”, – говорят!» («Радуга»)) и т. п.

В исповедальной автобиографической песне «Города» с особой силой прозвучала тема памяти. Третий стих первой строфы содержит трансформированную ФЕ *падать вниз головой*: замена компонента и расширение компонентного состава ФЕ *окунуться (погрузиться, уходить) с головой*, то есть «целиком, полностью, безраздельно отдаваться чему-либо» [6, с. 276]: «В старое главное я падала вниз головой – / И что-то случилось странное со мной...» («Города»). Рассказывая о прошлом, автор использует эллипсис («Почему-то дышится еле-еле рядышком...»). Разговорная форма *рядышком* воссоздаёт атмосферу близости, интимности. В этом смысле к «Городам» примыкает стихотворение «Маленький северный рай», посвящённое родине автора – Североморску. Выявленная здесь ФЕ *крылья за спиной*, образованная заменой глагола предложно-падежной формой от инварианта *крылья выросли* (*экспресс*. «кто-либо имеет возможность проявить себя, осуществить что-либо; верит в свои силы...» [5, с. 237]), участвует в создании образа ангела, в которого словно перевоплощается маленькая девочка, находящаяся в атмосфере чистоты и простоты детства:

Ведь мир на ладони весь теперь передо мной,
Тихая печаль, *крылья за спиной*.

И я не одна, а за мной стоят города.

(«Маленький северный рай»)

В «Обычном человеке» образ русской женщины-матери выведен при участии некодифицированной ФЕ *ходить прямо* и окказиональной – *не прятать лица*. ФЕ *ходить прямо*, не отражённая в словарях, функционирует в речи со значением «чувствовать себя гордым, свободным, независимым». Ей близка ФЕ *прятать глаза (взгляд, взор)* («избегать смотреть прямо в лицо кому-нибудь, отворачиваться» [6, с. 342]), преобразованная отрицанием и заменой номинативного компонента. В контексте ФЕ сближаются, вторая – обретает семантику, близкую значению первой: *не прятала лица*, то есть «чувствовала себя свободно, не ощущала смущения, неловкости»:

Всегда ходила прямо,
Не прятала лица...
Моя почти святая мама,
Прости отца!

(«Обычный человек»)

В песне «Цыган» представлено размышление о человеческой судьбе, о жизни, прожитой без результата. В определённый момент автор переносит слушателя из мира прошлого героя в его настоящее, когда седой цыган находится в состоянии полной опустошённости – духовной и материальной. Обращает на себя внимание авторская ФЕ *ни сумы ни тюрьмы*, восходящая к пословице *от сумы да от тюрьмы не отказывайся (не отрекайся)*: «нельзя быть уверенным, что тебя не постигнет беда, несчастье и т. п.» [1, с. 279]. Первый из субстантивов (*сума*) в инварианте «употребляется как символ нищеты, нищенства» [4, с. 1023], а второй (*тюрьма*) – символизирует «неволю». В окказиональном же варианте компоненты узуса меняют значения: *тюрьма* становится символом испытания, проверки на прочность, а *сума* – эмблемой состоятельности (ассоциативно, на базе первого значения – «то же, что сумка...» [4, с. 1023]). Способ преобразования паремии определил и построение рефрена, заключающего отрицание целого ряда объектов:

Но нет у него *ни сумы ни тюрьмы*,

Нету коня, нету жены...

(«Цыган»)

В текстах Елены Ваенги нами было выявлено значительное количество окказиональных ФЕ, приведём примеры: *разбитое сердце, время остановить, огни большого сити, упасть на землю, песни не спеты, словно черти от ладана, на ладони, кровь – это не вода, снова в переделке, слилася душа с душою, не та сторона монеты, треснуть по шее, на лицо картина, чуть дыша на ладанку, не будить лихо, по рукам связать, головою в омут, как в наказание, не миновать тому, чему быть, Бог наказал, с милым рай и в шалаше, и без шалаша, разошлись пути* и т. п.

Невозможно пройти молчанием проблему присутствия **некодифицированной фразеологии** в текстах «русского шансона». Не зафиксированная в словарях, она сближает песню с разговорной речевой средой. Очевидно, тексты «русского шансона» – верные источники для лексико- и фразеологической работы. Приведём примеры некодифицированных ФЕ у Ваенги: *где ты раньше был, носить зло на сердце, кто ж тебя просит, пятый элемент, будет с меня, что да как, где (его, её, их) носит, не купить на золото, алые паруса, раньше надо было думать, мой день, быть рядом, взять за основу, в довесок, сердце напололам, прямо ходить, оставаться собой, за душой, обратной дороги нет*. Как видно, именно идиоматика главным образом участвует в процессе передачи авторских интенций, а основу языка «русского шансона» составляют единицы с разго-

ворно-бытовой окраской. Значительная доля паремий, функционирующих в текстах, связана с сентенциозным началом в песнях данного жанра, их прагматической установкой на поучительность, поиск житейской истины. Охарактеризуем грамматическое устройство текстов «русского шансона».

Языку «русского шансона» присуща разговорность – стилистическое свойство, отражающее коммуникативную установку речи на ясность, неофициальность, неформальное творческое общение автора-исполнителя и слушателя. М.Н. Кожиной были установлены следующие черты разговорно-бытового стиля в области морфологии: частотность глаголов, притяжательных местоимений и междометий, наличие нарушений, связанных с типом склонения [2, с. 211–212]. Рассмотрим специфику **морфологического строения (I)** текстов Елены Ваенги. Эмоциональность и экспрессивность непринуждённой разговорной речи создаётся на уровне морфологии самыми различными средствами.

1. **Суффиксы субъективной оценки** активно функционируют в процессе словопроизводства, образуя соответствующие лексические единицы: *бережок, полюшко, детина, веночек, ленточка, речка, водица, метелица, лодочка, миленький, краюшка, родимый*.

2. В языке шансона наблюдается **функциональное грамматическое сближение одних частей речи с другими, или транспозиция**. В тексте песни «Абсент» мы обнаруживаем форму глагола *тянуть* («влечь к себе, манить» [4, с. 1086]), употреблённую в безличном значении и сближенную тем самым с категорией состояния. Лирическая героиня находится во власти множества пороков; все перечисленные «слабости» формируют в ней состояние постоянной, затяжной зависимости, выразителем которой и является форма *тянет*, утратившая способность управлять дат. падежом субстантива: «А я не знаю почему, но меня *тянет*, / Меня так *тянет*! Ох, как меня *тянет*! / И я все время пропадаю ночами...» («Абсент»).

3. **Нарушение норм склонения** или его отсутствие, обширно представленные в разговорной речи: например, у существительного *время*, особенно в родительном падеже «отрицания» (со словом *нет*) или в сочетании с местоимением *сколько*: «А у меня нету *времени*...» («Sortie»); «У тебя для меня, как всегда, *времени* нет...» («Жаль»).

4. Непростые состояния души героини Ваенги передают **формы, грамматически обогащённые**. Яркий пример – употреблённый в «Белой птице» глагол *пережечь*, совмещающий в себе грамматические значения сразу двух способов действия – финитивного и тотального. Префикс *пере-* приобретает здесь значение «переход (переведение) из одного состояния в другое» (письма → пепел): «Я твои письма *пережгу* в пепел, / Ведь моё сердце ледяным стало...» («Белая птица»). В несвой-

ственных нейтральной речи значения употребляются и предлоги: в стихотворении «Снег» предлог *к* персонифицирует образ «города на побережье», и возвращение героини домой уподобляется возвращению к живому человеку: «Мама, я опять вернулась / *К городу* на побережье...» («Снег»).

5. Лирика шансона изобилует **безличными глагольными формами**: *болит* («Если бы ты знал, как болит...» («Курю»)), *станется, будет* («Станется, будет с нас» («Лодочка»)), *дышится* («Почему-то дышится мне еле-еле рядышком...» («Города»)) и т. п.

6. Отсутствие соотнесённости с грамматическим субъектом проявляется в наличии **инфинитивов**; наиболее употребительны глаголы движения, речи, эмоционального состояния, межличностных отношений: *молчать, говорить, подождать, бояться, опоздать, жить, лететь, понять, пожалеть, простить, слушать, думать, отдать, потерять, плакать*.

7. Характерная для героев Ваенги мечтательность реализуется на базе **конъюнктивов с частицей бы**: «И я *бы написала*, только безответно...» («Внутри»); «За что *ругали бы сёстры*, / За что *убили бы братья*...» («Где была»); «Если *бы прилетали* к людям голуби, / *Меньше бы стало* в этом мире горя бы...» («Голуби»); «И я *не сменила бы* никогда своё Отечество!» («Города»); «И *придаться бы* – да вот не к чему» («Клавиши»); «Она *бы сказала* не только глазами...» («Мамочка»); «А той океанной ночи, ох, *надо бы*, да не забыла...» («Оловянное сердце»); «*Напоить бы* водой полевые цветы...» («Пашка»).

Обозначим ряд особенностей **синтаксического устройства (II)** текста авторской песни. Заметим, что построению разговорной речи присущи следующие черты, отмеченные М.Н. Кожиной: эллиптичность, высокая частотность инфинитивных и неполных простых предложений (ПП), наличие разорванных структур, преобладание в сложном предложении (СП) сочинительной связи над подчинением, однообразие состава придаточных в сложноподчинённом предложении (СПП) и т. д. [2, с. 212–214].

1. В стихотворениях Е. Ваенги имеет место значительное количество **эллиптических структур**, заключающих в себе недосказанность, особенно способствующую сотворчеству автора и слушателя: «Это было не со мной, / Это было раньше...» («New»); «Ты подарил, я всё помню, / Я понимаю...» («Sortie»); «Как я устала от бесконечных ссор, / Мне надоело, и я не хочу...» («А ты налей мне белого вина»); «Ты мне сказал, что ты другую встретил... / А я не помню, что тебе сказала...» («Белая птица»); «Не могу, не могу без тебя я – / Тошно, помираю...» («Лодочка») и т. п.

2. Общение автора-исполнителя со слушателем обеспечивается и обилием **простых вопросительных предложений**, в большинстве своём – рито-

рических: «Ну где же ты раньше был? / И где была раньше я? / И как я могла так жить? / Я не понимаю...» («Аэропорт»); «Боже мой, как же я вас бедных не впусти?» («Голуби»); «Мама! Ну где ж твои дети? / Мама! Что будет с нами? / Но будут ли течь эти реки, / Если тебя вдруг не станет?...» («Дюны»); «Знала ли я, как сделала больно? / Знала ли я, что я была одна?» («Знала ли я»); «На пороге двадцать лет. / Что же я наделала?!» («Косы»).

3. Языку «русского шансона» также свойственно явление синтаксической неполноты – **парцелляция**: «И кофе холодный – невкусно...» («Sortie»); «Или мне стать Богом надо, / Или тебе – бродягой» («Бродяга»); «А хотя, конечно – жаль» («Жаль»).

4. Контактостанавливающая функция авторской песни реализуется за счёт **диалогизма**: «Горели огни большого сити, / Вы говорили: “Мадам, смотрите, / Они не спят сегодня, в эту ночь, как мы”» («Блюз»); «Ванечка, Ванечка! / Сыграй мне “Валеночки”! / Ванечка, Ванечка! / Позабавь меня, позабавь...» («Ванечка»); «Ты говоришь: “Лена, будь проще!” / Ты говоришь: “Лена, полегче!” / Но только во мне проблема: / Я путаю дни и ночи!» («Лена»); «Я знаю точно, что меня ты позовёшь, / И не забудешь, не предашь и не уйдёшь. / А я останусь, так и быть, твоей мечтой, / Твоей несбывшейся судьбой...» («Любимый»); «Ведь твои руки не меня обнимут, / Твои глаза моих искать не станут...» («Белая птица»).

5. Заслуживают внимание выявленные в текстах «шансона» **факты разговорного синтаксиса**: обрывочные фразы, нарушение синтаксической связи в предложении, отсутствие распространителей у релятивных синтаксисом и др. В тексте песни «Говори, говори» проявилась свойственная разговорной речи модель построения высказывания, когда внутри одного предложения (здесь – БСП) проникает структура другого ПП, семантически связанная с первой простой частью сложного. Возникает иллюзия прерывания высказывания другой мыслью, возникшей попутно, к слову, то есть приближенной к вставной конструкции; затем предложение с установленной синтаксической связью продолжается: [Говори, говори – [я ж буду маяться], / Но не правду] – [она мне не нравится!] («Говори, говори»). Разговорное значение обретает здесь и частица *ж*, употреблённая в незафиксированном значении слова *ведь*: «наступление событий в конструкции с частицей возможно в том случае, если не происходит в реальности изложенное в предшествующей конструкции»; героиня просит своего возлюбленного «говорить» и «будет маяться», если он не выполнит этого действия. В песне «Девочка» автор опускает прилагательную частицу *не*, при этом подразумевая отрицание: «Никто тебя не любит так, как он, никто! / Никто *не пожалеет* и (не! – А. К.) *простит* тебя за всё!» («Девочка»).

6. Нередки в лирике шансона **родительный и творительный сравнения**, создающие более

достоверную аналогию, в отличие от той, что заключается в обычных сравнительных оборотах: «И *лебединым пёрышком* попадает в прошлое / Моя запорошенная душа...» («Города»); «У меня глаза *полуночицы*...» («Косолапая любовь»); «Ты меня украл *чёрным вороном*...» («Косы»); «У меня судьба *подстреленных стай*» («Не брани меня») и т. д.

7. В лирике шансона наблюдается **отсутствие зависимых компонентов у релятивных форм**, обладающих в языке сильным управлением с предсказующей связью: употреблённое в «Косах» существительное *ворох* («куча, груда чего-либо, сваленного в беспорядке» [4, с. 95]), управляющее в языке родительным падежом субстантива (это отражено в значении семой «что-либо»), абсолютизируется автором и уже не требует распространения: «Замечает *ворохом* / Память, днями дальними! / Оловом иль золотом / Кольца обручальные» («Косы»).

Нет никакого сомнения в том, что в основу стилия авторской песни положена разговорная языковая среда, непосредственное, непринуждённое общение. В языке это реализуется посредством преодоления узуса – создания авторских слов и фразеологизмов, грамматического сближения классов слов, сознательного нарушения литературной нормы. Экстралингвистические факторы, явившиеся основанием возникновения жанра «русский шансон», обусловили активное использование в его языке стилистически маркированных единиц, определивших в конечном счёте речевое своеобразие этого широко распространённого явления современной российской культуры.

Примечание

Автор выражает глубокую признательность кандидату филологических наук, доценту Костромского государственного университета Александру Евгеньевичу Якимову за его профессиональную помощь в проведении исследования.

Библиографический список

1. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2007. – 649 с.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
3. Третьякова И.Ю. Коммуникативная направленность окказиональных преобразований фразеологических единиц // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 327–331.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2008. – 1239 с.
5. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М., 2008. – 880 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. и послесловием А.И. Молоткова. – М.: АСТ: Астрель, 2001. – 512 с.

КОДИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ С ПОМОЩЬЮ АББРЕВИАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере англоязычного и немецкоязычного текстинга)*

В статье рассматривается кодирование информации посредством сокращенных лексических единиц в процессе виртуальной коммуникации на материале английского и немецкого языков. В работе автор акцентирует внимание на том, что сокращенные лексемы, воспроизводимые в процессе текстинга, представляют собой речевые акты. Также в статье представлена классификация аббревиатур согласно теории речевых актов, проводится сопоставление представленных сокращений в английском и немецком языках. Так, установлено, что сокращенные лексемы, используемые в процессе виртуальной коммуникации, могут быть классифицированы по следующим основным категориям: директив, комиссив, декларатив, экспрессив, ассертив и квеститив. В статье данный вопрос освещается в рамках виртуальной коммуникации и процесса текстинга. Также устанавливается, что появление все большего числа аббревиатур (как в английском, так и в немецком языках) говорит об экономии речевых усилий. В статье представлены мнения ученых-лингвистов об использовании сокращенных лексических единиц. Также приводится таксономия единиц согласно их морфологическому, графическому и фонетическому делению. Исследование актуальных для виртуальной речи сокращенных лексем позволяет наиболее ярко отразить явление акронимии в процессе текстинга.

Ключевые слова: аббревиация, текстинг, теория речевых актов, виртуальная коммуникация.

Интенсивное развитие современного виртуального пространства – социальных сетей, блогов, веб-, видео-, телечатов в сети Интернет, СМС-сообщений – способствовало активному изучению данных видов дискурса как отечественными, так и зарубежными учеными в различных науках: социологии [10, р. 177–190], философии [9, р. 37–56], языкознании [2, с. 23], культурологии [11, р. 4–6] и других. Интересно, что немецкоязычных учёных интересуют не только предпосылки возникновения и такого стремительно развития новых видов коммуникативного взаимодействия, но и различные аспекты сетевой коммуникации – этика дискурса, аспекты общемировой морали в сетях [7, s. 73–96; 8, s. 281–290; 14, s. 487–496; 13, s. 97–106]. Исследованием лингвистических аспектов коммуникации в Интернете занимаются такие учёные, как М. Бергельсон, М.Н. Милеева, Дж. Хофлих, Ю.А. Хуснуллина, О.А. Кривоногова [4, с. 18].

Коммуникативное взаимодействие, происходящее в виртуальном пространстве, определяется следующими общими признаками: коммуникационный канал, краткость и опосредованность общения. В связи с коммуникационным каналом следует говорить о сочетании письменной формы и спонтанности коммуникации. Опосредованность заключается в использовании мобильного устройства, компьютера и т. п. В нашем исследовании остановимся на краткости как основном факторе появления сокращенных лексических единиц

Феномен виртуальной коммуникации объясняется как активным расширением объекта исследования вследствие динамично развивающихся технологий в сети Интернет, так и огромной ролью

коммуникации, ведущей к процессам интеграции и глобализации.

Даже поверхностное наблюдение позволяет утверждать, что в современном интернет-пространстве кодирование информации активно осуществляется с помощью сокращения лексических единиц. Бесспорным фактом при этом является и главенствующая роль английского языка как языка международного общения в процессе коммуникативного взаимодействия.

Целью настоящей статьи является анализ причин и способов кодирования информации с помощью лексических сокращений в процессе виртуальной коммуникации. Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) определение текстинга как современного способа коммуникативного взаимодействия; 2) выявление языковых способов создания лексических сокращений, с помощью которых происходит кодирование информации в виртуальном пространстве; 3) обоснование лексических сокращений в виртуальном пространстве как речевого акта коммуникации.

Виртуальное общение, которое в основном базируется на технологии текстовых сообщений с помощью текстинга, является неотъемлемой частью современной жизни: вышеупомянутой формой общения сегодня пользуются более 80 % коммуникантов мобильной связи. Процесс текстинга распространился по всему миру с огромной скоростью. Текстинг (от англ. *texting*) – процесс передачи текстовых сообщений посредством различного рода мобильных гаджетов. Он включает в себя ряд общепринятых сокращений, которые позволяют с помощью минимума символов транслировать максимальное количество смысла [5, с. 65–68].

* Публикация создана при поддержке гранта РГНФ 16-34-00014a1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа».

Подвергнув анализу более 100 лексических сокращений из каждого (английского и немецкого) языка, мы приходим к выводу о похожих способах образования сокращённых лексических единиц в обоих языках. Отметим некоторые схожие способы образования лексических сокращений: *thnx / thanks* (англ. яз.) – благодарю; *DL / download* (англ. яз.) – загружать; *spr. / sprechen* (нем. яз.) – говорить; *schw. / schweben* (нем. яз.) – парить, плыть, находиться (в каком-либо состоянии) [15, s. 361, 373].

В ходе исследования нами были обнаружены примеры сокращений, которые представлены заменой цифр словами: *2 / to* (англ. яз.) – к; *8 / ate* (англ. яз.) – съел(а); *4 / für с нем. яз.* – для. Так, *2 (two)* произносится как [tu:], в то время как предлог *to* в зависимости от употребления может произноситься как [tu:]; [tu] (редукция гласной фонемы перед гласными).

Также одним из видов графических изменений является замена отдельных букв и слов цифрами: *2g4u / too good for you* (англ. яз.) – слишком хорошо для тебя; *CU2 / See You, Too* (англ. яз.) – и тебе пока; *activ8 / activate* (англ. яз.) – активировать; *l8r / later* (англ. яз.) – позже; *8ung / Achtung* (нем. яз.) – внимание!; *gn8 / Gute Nacht!* (нем. яз.) – (желаю) спокойной ночи; *ko20mispä / Ich komme 20 Minuten später* (нем. яз.) – я вернусь минут через 20.

Материал исследования позволяет выделить группу трансформаций и на лексическом уровне. Это подтверждают новые сокращённые лексические единицы, которые появляются в результате процессов усечения лексем. Обнаруженные нами в ходе исследования аббревиатуры в данной категории могут быть разделены на две основные группы. К первой относятся лексемы, при создании которых используются буквенная аббревиатура: *SWL / Screaming With Laughter* (англ. яз.) – хохочу; *HAND / have a nice day* (англ. яз.) – удачного дня; *Bha / Bis heute Abend!* (нем. яз.) – до вечера; *ddf / (Ich) drücke dich fest* (нем. яз.) – крепко обнимаю тебя. В другую группу входят сокращённые лексические единицы, в которых лексемы сокращены до начальной буквы: *b / be* (англ. яз.) – быть; *C / see* (англ. яз.) – увидимся; *R / are* (англ. яз.) – ГЛАГОЛ быть, наст. вр., ед.ч.; *g / Grinsen* (нем. яз.) – улыбка; *x / Kuß* (нем. яз.) – целую.

На синтаксическом уровне язык виртуальной коммуникации имеет свои элементы построения, базирующиеся на отклонении от литературных норм. Например, сочетание лексических единиц *du bist – ты (есть)* трансформируется в процессе виртуальной коммуникации в *du bi* посредством ошибки, однако вследствие понимания большинством участников написанного, она трансформируется в лексему *dubi*, став новой лексической единицей всеобщего виртуального употребления. В английском языке используется аналогичная по значению лексема *UR*, производная от конструк-

ции *you are*. В данном случае мы наблюдаем сочетание фонетической трансформации [ju:] [a:] с синтаксическим процессом аббревиации в предикативной конструкции.

В данном виде речевого общения, когда у коммуникантов нет возможности воспринимать интонационные оттенки и видеть эмоциональное состояние друг друга, декодирование сокращённых лексических единиц становится достаточно трудоёмким процессом. Этот процесс заключается в разборе всего контекста виртуальной коммуникации, а также включает сопоставительный анализ с аналогичными текстами определённой тематики. В соответствии с этим приведем конкретные примеры сокращённых лексических единиц в виртуальной коммуникации, представив результаты их дешифровки.

Сокращение лексических единиц в текстинге базируется не только на процессе аббревиации: *QT / Cutie* (англ. яз.) – какая прелесть!; *EZ / Easy* (англ. яз.) – полегче; *Hase / (Ich) habe Sehnsucht* (нем. яз.) – я тоскую; *bradihi / Brauchst du Hilfe?* (нем. яз.) – тебе нужна помощь?; но и с помощью буквенной аббревиации: *OMG / oh, my god* (англ. яз.) – о, мой Бог!; *DWAI / Don't Worry About It* (англ. яз.) – не волнуйся по этому поводу; *kzg – Kaum zu glauben!* (нем. яз.) – в это трудно поверить!; *kk / Kein Kommentar* (нем. яз.) – без комментариев. Для текстинга присуще употребление большого числа сокращений, характерных для письменной формы языка, например: *DTRT / Do The Right Thing* (англ. яз.) – делай правильно; *EGBOK / Everythin's Going To Be Okay* (англ. яз.) – всё будет хорошо; *ads / Alles deine Schuld* (нем. яз.) – это всё твоя вина; *bha / bis heute Abend* (нем. яз.) – до вечера. Приведённые нами способы экономии речевых усилий особенно активно используются в современном виртуальном пространстве.

Понимая обмен сообщениями в виртуальном пространстве как типичную коммуникативную речевую ситуацию, в которой реализуются речевые действия, нам представляется справедливым мнение Дж. Сёрля о том, что «производство конкретного предложения в определённых условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [6, с. 171–177]. Отсюда аббревиатура в текстинге понимается нами как речевой акт, который представляет собой «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, существующими в данном обществе» [1, с. 412]. Совмещение теоретического подхода к пониманию аббревиатур как системы кодирования речевого действия и изучение прагматических установок и реакций участников виртуального пространства даёт наиболее полное представление о речевой деятельности и об особенностях коммуникативного взаимодействия коммуникантов.

Анализируемые сокращённые лексемы, представленные в текстинге английского и немецкого языков, позволил нам выделить следующие основные классы аббревиатур как речевых актов в зависимости от цели их осуществления: ассертив, декларатив, директив, комиссив, экспрессив, квеститив. Каждая группа, представленная в классификации, имеет определённые элементы значения с точки зрения их иллокутивной цели. Так, в аббревиатуре-ассертиве проявляется ответственность отправителя за сообщение / утверждение / констатацию; аббревиатура-декларатив указывает на статус и полномочия отправителя; аббревиатура-директив побуждает получателя совершить действие, построенное на умозаключении получателя; аббревиатура-комиссив показывает принятие отправителем обязательства совершить действие в определённом контексте; аббревиатура-экспрессив выражает психологическое состояние отправителя, его отношение или оценку существующего положения дел; аббревиатура-квеститив реализует запрос на получение информации. Рассмотрим каждую группу отдельно.

В *ассертивных аббревиатурных конструкциях*, как и в комиссивах, директивах, часто встречаются элементы кодификации информации благодаря распространению текстинга в коммуникации определённой социально-возрастной группы, в частности в языке подростков, программистов и геймеров. Цель ассертивов – фиксация ответственности говорящего за предоставляемую информацию, сообщение. Приведём примеры аббревиатур-ассертивов, выражающих мнение коммуниканта, основанное на объективных параметрах реальной ситуации: *IWII / It Is What It Is* (англ. яз.) – *это то, что есть*; *heuni / heute nicht* (нем. яз.) – *сегодня не получится*.

Относительно класса *аббревиатур-декларативов* следует отметить, что они относятся к ассертивным конструкциям, отличаясь лишь наличием авторитета, заявляющего о своем намерении, подкрепленного положением [12, р. 1–23]. В качестве примера можно привести такие сокращённые лексические единицы, как: *G2G / Got To Go* (англ. яз.) – *надо идти*; *BAK / Back At Keyboard* (англ. яз.) – *вернулся за клавиатуру*; *Rfdi / reif für die Insel* (нем. яз.) – *я созрел для отпуска*.

Необходимость выполнения определённого действия со стороны получателя осуществляется отправителем с помощью *аббревиатуры-директива*. К данной группе можно отнести следующие примеры: *DSH / Desperately Seeking Help* (англ. яз.) – *отчаянно ищу помощь*; *lug / Lass' uns gehen* (нем. яз.) – *пойдём!* Аббревиатуры-директивы зачастую встречаются в текстах виртуальной коммуникации именно в косвенной форме. Как видно из первого примера, директив является косвенным, так как фраза *отчаянно ищу помощь* подразумевает императивную конструкцию *помогите!*

Следующая категория включает в себя сокращённые лексемы – *комиссивные конструкции*. Ключевое свойство комиссивов – обязывать отправителя сообщения к определённой линии поведения. Примерами аббревиатур-комиссивов являются такие сокращённые лексические единицы, при использовании которых говорящий принимает на себя некое обязательство: *IDTT / I'll Drink To That* (англ. яз.) – *я выпью за это*; *BigZuhau / Bin gleich zu Hause* (нем. яз.) – *я скоро буду дома*; *sz / Schreibe zurück* (нем. яз.) – *отпишусь*.

Аббревиатуры-экспрессивы связаны с утверждением или описанием, а также с выражением чувств. Кроме того, речевые акты данной группы включают в себя понятие ответной реакции получателя на сообщение отправителя: *GG / Good Game* (англ. яз.) – *хорошая игра*; *HIWTH / Hate It When That Happens* (англ. яз.) – *ненавижу, когда это происходит*; *Ida / Ich dich auch* (нем. яз.) – *я тебя тоже*; *axo / ach so* (нем. яз.) – *ax так*. Отличительная черта аббревиатур-экспрессивов – наличие эмоциональной оценки совершаемого действия, выражение психологического состояния, что является важным элементом общения в сфере виртуальной коммуникации: *HOF / Hell Of Funny* (англ. яз.) – *чертовски смешно*; *Hdgd / Ich habe dich ganz doll lieb* (нем. яз.) – *я люблю тебя безмерно*.

Нами была выделена также группа *аббревиатур-квеститивов*, примерами которых являются следующие аббревиатуры: *AWCIGO / And Where Can I Get One?* (англ. яз.) – *и где я могу это взять?*; *Wobidu / wo bist du?* (нем. яз.) – *где ты?* Данные аббревиатуры направлены на запрос информации, в отличие от остальных представленных категорий имеют вопросительную форму.

Исходя из представленного выше материала, можно утверждать, что коммуниканты виртуальной сферы общения употребляют большое количество сокращённых единиц, во-первых, для создания определённого кода (в процессе исследования была определена аудитория, использующая сокращённые лексические единицы в процессе текстинга – субкультура молодежи, увлечённой компьютерной тематикой). Во-вторых, способ кодирования информации даёт нам основание характеризовать текстинг как особый тип виртуального дискурса, где экономятся речевые усилия коммуникантов. Использование сокращений представляется обоснованным вследствие экономии времени (следовательно, и пространства) при написании сообщений в чатах и прочих ресурсах виртуального общения.

Функция аббревиации в процессе виртуальной коммуникации состоит в кодировании информации, экономии речевых усилий и устранении избыточности текстовой информации. Сообщения приобретают смысл и оформляются по установленным правилам. В сокращённых лексических единицах информация воссоздаётся лапидарно,

вследствие этого «ёмкость» отдельного знака становится шире, чем в оригинальных единицах литературного языка [3, с. 16]. На основании этого можно сделать вывод о том, что процесс аббревиации является качественной оптимизацией речевого взаимодействия. Категоризация аббревиатур в зависимости от типа речевого воздействия представляет абсолютно иной взгляд на классификацию сокращённых лексических единиц, а сфера виртуальной коммуникации демонстрирует речевое действие с применением сокращённых лексем непосредственно в процессе общения, в частности в текстинге. Существенной чертой виртуальной реальности является трансформация взаимодействия коммуникантов на уровне языка. Сбор и анализ практического материала (аббревиатур) позволяет сделать утверждение, что кодирование информации облигаторно для всех языковых уровней.

Библиографический список

1. Арутюнова Я.Л. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 412.
2. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005. – 23 с.
3. Ганноха И.В. История развития аббревиации как способа словообразования в английском и русском языках // Science Time. – 2015. – № 4 (16).
4. Малькова Е.Ю. Этические проблемы виртуальной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 22 с.
5. Милеева М.Н., Кривоногова О.А. Текстинг в условиях мобильной коммуникации // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (1). – С. 65–68.
6. Сёрль Дж. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 171–177.
7. Arens E. Die Bedeutung der Diskursethik für die Kommunikations- und Medienethik // Funiok, Rudiger (Hrsg.): Grundfragen der Kommunikationsethik. – Konstanz: UVK Medien, 1996. – S. 73–96.
8. Debatin B. Ethische Grenze oder Grenze der Ethik? Überlegungen zur Steuerungs- und Reflexionsfunktion der Medienethik // G. Bentele, M. Haller (Hrsg.). Aktuelle Entstehung von Öffentlichkeit: Akteure – Strukturen – Veränderungen. – Konstanz: UVK, 1998. – S. 281–290.
9. Floridi L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics // Ethics and Information Technology. – 1999. – 1 (1). – P. 37–56.
10. Gorniak-Kocikowska K. The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics // Science and Engineering Ethics. – 1996. – 2 (2). – P. 177–190.
11. Gotterbarn D. Two computer-related codes // Writing a code of ethics. – Illinois Institute of Technology. – 1999. – 19 (1). – 186 p.
12. John R. Searle. A classification of illocutionary acts Language in Society. – 1976. – № 5. – P. 1–23.
13. Lesch W. Diskursethik als Basistheorie der Medienkommunikation // Funiok, Rudiger (Hrsg.): Grundfragen der Kommunikationsethik. – Konstanz: UVK Medien, 1996. – S. 97–106.
14. Loretan M. Aktuelle Beiträge zur Begründung der Medienethik // Communicatio Socialis. Internationale Zeitschrift für Kommunikation in Religion, Kirche und Gesellschaft. – Mainz, 2001. – 4. – S. 487–496.
15. Steinhauer A. Das Wörterbuch der Abkürzungen. – Dudenverlag; Mannheim; Zürich, 2011. – 512 S.

ФЕНОМЕН «СГЛАЗА» В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КАРЕЛ

Статья посвящена рассмотрению комплекса карельских представлений о таком явлении, как сглаз (призор, укор). Анализ карельских обрядов, имеющих отношение к сглазу, показал, что данное явление как феномен объективно существует. В используемых при врачевании заговорах целители обращались к воде и Господу / Христу, прося об избавлении от сглаза раба Божьего. Наличие в заговорах христианской лексики указывает на их позднее происхождение, после принятия карелами христианства (XIII в.). Сами способы лечения представлены рациональными (как правило, обливание) и иррациональными (использование «ведьминога помела», «живой» и «мертвой» воды). Используемые для обозначения сглаза в карельском языке наименования (например, *virtutys / silmävys / šuudelus*) являются девербальными (отглагольными) именами существительными. Данный способ словообразования достаточно распространен во всех наречиях карельского языка (собственно карельском, ливвиковском и людиковском).

Ключевые слова: карельская народная медицина, верования, традиции карел, сглаз, номинация, заговор.

Народные представления о том, что человек, в особенности ребенок, бывает подвержен порче, встречались у всех народов. Ещё в глубокой древности существовала вера в силу дурного глаза, от которого происходят разные болезни и несчастья. Некоторые группы карел (например, поморские и дёржанские карелы) влиянию этой силы отводили самое главное место. Человек плохо себя чувствует, не может спать, есть, работать, перестал ладить с семьёй, у него плохое настроение – значит, его сглазили [12, с. 229]. Способы защиты от «порчи» и средства ее излечения разнообразны, но типологически сходны у всех прибалтийско-финских народов. Исследуем данный феномен на примерах трех групп карел (собственно карел, ливвиковских карел и людиковских карел).

Цель данной статьи – выявление представлений карел о сглазе как причине возникновения болезней у детей и взрослых, а также способов защиты и излечения от призора. Задачами данного исследования являются, во-первых, выявление и сравнение верований и ритуалов, связанных со сглазом. Во-вторых, идентификация народных названий призора, сравнение собранных лексем в наречиях карельского языка (собственно карельское, ливвиковское и людиковское), а также объяснение происхождения этих наименований.

В-третьих, определение приемов карельской народной медицины в свете общекарельской и локальных традиций. Представленный в статье материал является актуальным, так как впервые рассматриваются представления карел о феномене сглаза в контексте карельской народной медицины. Ранее подобных исследований на карельском материале не проводилось, что указывает на его новизну.

Для обозначения сглаза в карельском языке используется несколько наименований. Общим для всех этих наименований является то, что они являются отглагольными именами существительными, образованными посредством суффиксов *-us / -us* со значением названия или результата действия. К таковым лексемам относятся следующие: (ск.,

ливв., люд.) *silmävys, silmäys* (от глагола *silmätä* ‘сглазить’), (ск.) *suuvellus / šuudelus* (от глагола *suuvella* ‘сглазить, навести порчу’), (ливв.) *virtutys* (от глагола *virtuõ* ‘подвергнуться сглазу, порче’).

Уже с первых минут жизни младенца карелы принимали меры, чтобы ребёнка не сглазили. После рождения его мыли в воде, в которую добавляли ртуть, думая: как ртуть нельзя поймать пальцами, так и болезни пусть не пристанут к малышу. Олонецкие карелы при этом произносили следующие слова: «*Vezi pruavednoi! Peze i pellasta i puhtasta oigei hengi mladenču. Minun kais lähti tuamas i muga olgah puhtas iäni*» (‘Вода праведная! Вымой и выбели и очисти душу младенца. С моей руки пусть выйдет он так же чист, как вышел из матери, и пусть таким чистым будет на всю свою жизнь’) [7, с. 371]. Карелы Сямозерья в качестве оберега от сглаза использовали сажу: мазали лицо младенца сажеей, думая, что «малыш будет чёрный, а чёрного сглазить не смогут» [6, с. 251].

Сямозерские карелы различали три вида детского сглаза: 1) от чужого человека; 2) от родных; 3) «с ветру». Собственно карелы (например, жители д. Панозеро) считали, что пока ребёнок спал в люльке, он был больше всего подвержен призору, который по народным представлениям являлся причиной многих детских недугов. Сглазить дитя мог любой человек, нечаянно или умышленно выразивший зависть, сильное удивление или восхищение ребенком [3, с. 388]. Мать сама могла определить, сглазили её младенца или нет: надо было потрогать лоб языком: если лоб солёный – значит, ребенка сглазили (д. Толлорека Костомукшский городской округ) [13, с. 158]. От такого сглаза он начинал худеть, страдал от поноса, не спал по ночам. У взрослых сглаз проявлялся в том, что человек придёт «с народу» и лежит в лёжку, ничего делать не может. Чаще всего сглаз приставал к тем людям, кто боялся стать сглаженным [10, с. 157].

Избавление ребенка от призора происходило, как правило, обливанием его заговоренной водой или такой водой, в которую добавляли что-нибудь.

У многих групп народов (в их числе прибалтийско-финские и славянские) соль считалась как оберегом, так и средством лечения от сглаза [см., например: 9, с. 113–119]. Карелы д. Вешкелица (Суоярвский район), когда сглаженный ребёнок капризничал и не спал всю ночь, клали ему под подушку соль в тряпочке или умывали водой, в которой растворяли три крупинки соли [6, с. 251].

Северные карелы избавлялись от сглаза следующим образом: надо было взять дуршлаг (или решето), положить туда ножи, вилки, ложки и взять образец. Затем налить в таз воды. Ребёнка держали под дуршлагом и поливали на него воду из таза через дуршлаг, после чего пеленали и клали спать на предпечье. Так делали три дня подряд, и ребёнок выздоравливал (Костомукшский городской округ, Кемский район) [3, с. 388; 13, с. 158–159; 14, с. 245]. Карелы из д. Войница (Калевальский район) также обливали ребёнка, используя решето, на пороге в подпол или избу, произнося заговор [11, с. 50].

Сглаз от чужого человека лечили, обмывая лицо, грудь и руки младенца святой водой из церкви или водой, в которую погружали всю посуду, оставшуюся после обеда. При этом читали приговор: «Как я посуду помыла, так и сглаз смывается». Иногда просто промывали глаза ребёнка чистой тёплой водой перед сном. Для лечения сглаза от родных воду сливали в таз крест-накрест с четырёх углов обеденного стола, наклоняя его и каждый раз приговаривая: «Как посуда убралась, так и сглаз убрался». Затем этой водой обливали ребёнка [6, с. 251].

Жители Беломорского района (д. Кучозеро) окатывали младенца водой, взятой из трёх прорубей, при этом приговаривая: «Помилуй, Господи». Набрав воду в посудину примечали – «шевелится» она или нет. Если «не шевелится», то её выливали и наливали другую, иначе ребёнок не поправится [1, с. 221]. Людииковские карелы (д. Галлезеро, Кондопожский район) при обливании младенца трижды произносили заговор.

Повенецкие карелы проводили такой же ритуал для избавления ребёнка от призора. Они отмечали, что во время проведения всего этого обряда матери нельзя было произносить ни слова.

У разных групп карел обращались к мытью стола при снятии сглаза, оговора с ребёнком. При этом мыли углы стола в таком порядке, чтобы получился крест, и этой же водой промывали ребёнку глаза. При этом произносили: «*Kui stolas lijat pakuttih, mugai lapses pakuttahes, oigies henges ristikanzas, mladenčas, kai suuren mieron suudelukset, pahoin akkoin ajatukset, kai pakuttahes*» («Как со стола грязь сошла (спала), так пусть и с ребёнка сойдёт с праведной души крещёной младенца весь мирской (людской) сглаз, мысли плохих баб, пусть всё сойдёт»). После этого клали ребёнка в люльку. Иногда стол не мыли крестом, а по его углам крестообразно водили сосуд с водой. Тверские кар-

релы воду от крест-накрест вымытых углов стола переливали дополнительно ещё через ручку двери в другую посуду. Этой водой обливали больного ребёнка, произнося при этом три раза заговор: «*Pežen šuudelukšet i šilmäykšet, muššiverizen, valgienverizen i ruškienvizen katšahukšet. Andakkua miun raba boožella lapšella tervehyš*» («Смою я сглаз и призоры темнолицых, светлицых, краснолицых. Дайте моему ребёнку рабу Божьему здоровья») [4, с. 80–82].

Олонецкие карелы выбирали способ лечения сглаза в зависимости от формы тяжести недуга. При лёгком нездоровье ребёнка «меряли». Преимущественно это делали в бане бабка-знахарка или мать, которая должна была специально обучиться этому искусству. Происходило «меряние» следующим образом: знахарка / мать садилась на порог, лицом внутрь бани. Сглаженного ребёнка клали на колени животом вниз, головой налево, ногами вправо. Затем брали его правую руку и левую ногу и соединяли их на мгновение за спиной ребёнка, стараясь в тоже время плюнуть через левое плечо. Так делали до трёх раз. Вообще, к «мерянию», так как это несложная процедура, прибегали очень часто. Не спал ребёнок ночью, сглазили его или случилось что-то с ним непонятное, его непременно «меряли». То же самое можно сказать и об «обливаниях». Суть его в следующем: женщина набирала в рот воды из рукомыльника, подставляла ребёнка под дверную ручку и сквозь неё опрыскивала его водой. Другая женщина после этого брала веник, которым подметали пол, и хлопала им ребёнка, имитируя парение в бане. Кроме «меряния» и «обливания», действенным признавалось ещё и такое средство: ребёнка несут в натопленную баню, мать поднимает левую ногу и ставит её на ступеньку полка. Знахарка подаёт ей больного дитя слева, под ногой. Мать справа принимает его, обносит сверху колена и возвращает бабке. Так делают трижды. В некоторых деревнях «обливание» ребёнка для снятия призора проводили по-другому: приносили с реки (или озера) воду, разливали её по трём горшкам. Водой из первого горшка мыли иконы, из второго – углы стола, из третьего – оконные стёкла и дверные скобы. После этого сливали всю воду вместе и обливали ею ребёнка под дымовой трубой через решето. Ещё одним из способов избавления дитя от сглаза среди ливвиковских карел считалось «верчение ребёнка вниз головой под матицей». Это происходило таким образом: выпарив и вымыв ребёнка на жарком полке, мать или бабка брали его за ноги и вертели вниз головой так, чтобы он пятками мог коснуться саженной банной матицы. При этом бабка произносила: «*Magada ku kylyn selge, älä tiedä ni tulijad, ni mänijäd*» («Спи, как матица, не знай ни приходящих (в избу), ни уходящих») [5, с. 29].

При более сильном нездоровье дитя карельские женщины пускали в ход следующее средство:

перед тем как нести ребёнка в баню, шли в лес за *tuulenkobru* (букв. 'горсть ветра') берёзы (если собирались лечить мальчика) или сосны (если лечили девочку) и их вершинки. *Tuulenkobru* представляла собой густой веник, состоящий из весьма укороченных, тесно сидящих веточек. В русском языке эквивалентами карельского наименования являются «ведьмино помело». В словаре В. Даля дается следующая трактовка лексемы *ведьмино помело* – 'болезненный выгон веток кучкой на дереве или вихревое гнездо'. Иная «ведьмина метла» может содержать несколько сотен крупных и мелких веток. Простые люди, не зная причины вырастания странного клубка, придавали «ведьминой метле» магическое значение. У народов Сибири найти такой «клубок» считалось большой удачей. Его приносили домой и подвешивали как оберег. Карельское наименование *tuulen kobru* указывает на то, что карелы образование таких «горстей» веток приписывали ветру, который персонифицировался. Для ритуала достаточно было одного пучка ветвей, а вершинок – по крайней мере девять или трижды по девять. Срывать вершинки надо было с молодых деревьев и так, чтобы дерево от дерева находилось на значительном расстоянии (стоя около одного, чтобы не было видно другого). В бане пучки ветвей и вершинки клали в решето, затем открывали трубу или отверстие, сделанное посередине потолка для выпуска дима (если не было трубы). Ребёнка поднимали к этому отверстию и через решето поливали водой с заговорами.

В случае неэффективности всех вышеупомянутых способов лечения мать младенца прибегала к радикальному средству, которое должно было привести болезнь к какому-либо исходу, то есть к смерти или выздоровлению.

Одна из женщин отправлялась на реку или озеро за водой. Она брала с собой две деревянные чаши. Придя к воде, она, приговаривая «Господи, благослови!» или «Благослови, Христе!», зачерпывала воды сперва одной чашкой, произнося при этом «*elävy vezi*» ('живая вода'), затем другой – «*kuolii vezi*» ('мёртвая вода'). Надо было чётко запомнить, в какой чаше какая вода. Вернувшись домой, женщина ставила обе чаши на лавку под образа и никому не говорила, где *elävy vezi*, а где *kuolii vezi*. На каждую чашу непременно клали лучины для того, чтобы в воду не забрался *karu* 'чёрт' и не испортил лечение. После этого мать ребёнка, которая всё это время находилась с ним и не знала, где какая вода, подходила и наудачу брала одну из чаш. Если ей попадалась чаша с живой водой, значит, ребёнок выздоровеет, а если с мёртвой – непременно умрёт. Однако какая бы вода ни попала, ребёнка обязательно ею обливали. Делали это так: женщина с ребёнком вставала под лесенкой, по которой спускались в подполье, другая с водой поднималась на третью сверху ступеньку и в про-

межуток между ними обливала ребёнка. Прделав всю процедуру, ждали, выздоровеет ребёнок или умрёт. Однако нередко такие «гадания» не оправдывались. Тогда пожилые староверы говорили, что в данном лечебном обряде сделали что-то не так, как следовало бы [2, с. 788].

Относительно сглаза взрослых карелы предполагали, что если недружелюбно или с завистью помотришь на человека, то непременно опризоришь / сглазишь его. В этом случае заболевание было не физическое, а сердечное. Вылечить его мог только знахарь окатыванием холодной водой. Подобная болезнь и её лечение упоминаются в следующей олонекской песне: «Полно, Ваня, тебе по лугу гулять, при долине соловьём птицей свистать, моему сердцу надзорушки давать. Моё сердце изнашивается, по белым грудям катается, по всему по моему животу. Ты сходи ли, мать, на Невую на реку, по холодную ключевую воду. Ты обдай меня, мать, сь головы под потокою на северики. Нешто Господи полекче мне даёт, красна девушка по прежнему пойдёт» [8, с. 189].

Подводя итог, необходимо отметить, что верования карел в силу сглаза преимущественно касались детей. Вероятно, это было связано, в первую очередь, с тем, что новорожденный, согласно верованиям этого народа, был беспомощен перед силой сглаза, и «плохой глаз» имел на него более сильное влияние. Лечебные обряды, направленные на избавление от призора, являются идентичными у рассматриваемых групп карел. Все они содержат заговоры и сопровождаются ритуалами, в которых чаще всего использовали воду с целью «смыывания» недуга.

Примечание

Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

Библиографический список

1. Бубновский М. Заговоры карел // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1919. – № 10–12. – С. 221–223.
2. Из быта и верований карел Олонекской губернии // Олонекские губернские ведомости. – 1892. – № 75. – С. 788–789.
3. Конкка А.П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. – Петрозаводск, 2003. – С. 386–414.
4. Лавонен Н.А. Стол в верованиях карелов. – Петрозаводск: Периодика, 2000. – 176 с.
5. Лесков Н. Отчёт о поездке к олонекским карелам летом 1893 г. // Живая старина. – 1894. – Вып. 1. – С. 19–36.
6. Логинов К.К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов // История

и культура Сямозерья / под ред. В.П. Орфинского, И.Е. Гришиной. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. – С. 247–254.

7. *Никольский В.* Суеверные приметы Олонецких карел при рождении младенца // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1908. – № 16. – С. 371.

8. *Петров К.* Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. – 1863. – № 48. – С. 183–189.

9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2012. – Т. 5. – 736 с.

10. *Фишман О.М.* Знающая – больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной

культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб. статей памяти Ю.Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2 / ред. А.П. Конкка. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 135–172.

11. *Paulaharju S.* Syntymä, lapsuus, kuolema (Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia). – Helsinki: SKS, 1924. – 248 s.

12. *Virtaranta P.* Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa / Toim. Laaksonen P., Piela U. – Helsinki: SKS, 1983. – S. 231–241.

13. *Virtaranta P.* Vienan kansa muistelee. – Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. – 804 s.

14. *Virtaranta P.* Vienan kyliä kiertämässä. – Porvoo; Helsinki: WSOY, 1978. – 700 s.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕКТОРА ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье поднимается вопрос о выборе пути, по которому может и должна пойти Россия, чтобы занять свое место в глобальном мире и при этом обеспечить достойное существование своих граждан. Автор выносит на суд читателя извечный вопрос: «Что делать?», при этом рассматривает два, на первый взгляд диаметрально противоположных пути развития нашей страны: развитие демократических институтов или возрождение духовных ценностей. Определенный казус ситуации состоит в том, что одно направление – так называемая «демократия» – провозглашено Конституцией страны и урегулировано множеством нормативных правовых актов, но чрезвычайно слабо воспринимается населением на практике. При этом практически не урегулированный законодательно вопрос о роли патриотизма в российском обществе при конституционном запрете на государственную идеологию может оказаться единственной дорогой не только для развития, но и для обеспечения самого существования Российской Федерации как суверенного государства.

Ключевые слова: патриотизм, идеология, демократия, общество, государство, безопасность, духовность.

Как ни парадоксально, но человечество, вступив в XXI век с большими амбициями, так и не нашло ответа на вопрос «Что делать?». Этот вопрос, заданный в далеком уже XIX веке философом и писателем Н. Чернышевским, продолжает будоражить умы мыслителей и политиков, стремящихся найти наиболее верный рецепт для развития современного общества. Казалось бы, что пройдя через ужасы двух мировых войн XX века, начав исследовать океанские глубины и покорять Космос, человечество найдет способ и для того, чтобы не повторять ошибки прошлого, а все силы направить на создание формы достойного сосуществования людей на планете Земля.

Однако, как показывает суровая действительность, люди не только не научились жить в мире и согласии, но даже не нашли оптимального способа построения государственных устоев, обеспечивающих поступательное развитие общества и сохранение достоинства человека. Так существует ли «рецепт», позволяющий обеспечить достижение светлого счастливого будущего? И что необходимо делать, чтобы Россия стала процветающей державой, жизнь в которой отличалась бы комфортом, благополучием и достоинством?

Если прислушаться к советам «процветающей» Европы и «лучшего друга всех народов и цитадели демократии» – США, то «панацеей» от всех бед и главным двигателем социального и экономического прогресса выступает демократия. Однако экспорт демократии, осуществляемый Западом во главе с США, в последние годы привел к распаду Югославии и Сербии, практическому уничтожению целого ряда стран Ближнего Востока и Африки, к государственному перевороту в Украине, войне на Донбассе, санкциям против России.

Так, может, у России другой путь? Национальный лидер нашей страны, Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на встрече с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров 3 февраля 2016 года, сделал вывод, заслуживающий самого пристального внимания: «У нас нет никакой, и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [11].

Может это и есть рецепт, которого все так долго ждали? Следует отметить, что из уст главы государства данное утверждение звучит уже не впервые. Так, например, еще в 2012 году, выступая на совещании представителей власти и общественности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи, Президент России В.В. Путин отмечал: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумаем» [10].

Таким образом, Президент остается верным своему мнению, утверждая, что иной альтернативы для российского общества нет.

Говоря об «объединяющей идее», как о фундаментальной основе развития страны, необходимо понимать, что речь в данном случае идет ни о чем другом, а об идеологии. Не ставя задачей исследовать многочисленные философские взгляды на понятие «идеология», интерпретацию данного термина можно дать, обратившись к лингвистическим и энциклопедическим источникам.

Идеология (от греческого – «идея») означает: слово, понятие, учение. Трактовки данного термина в различных энциклопедических и философских источниках сходятся в том, что «идеоло-

гия» – это систем взглядов и идей, признаваемых и поддерживаемых обществом [13; 14].

При этом философы едины в своем утверждении в том, что идеология это – не только совокупность взглядов и идей, в которых отображается отношение людей к окружающей действительности и друг к другу, но и система, позволяющая вырабатывать общие программные цели развития общества. Таким образом, Глава государства предлагает конкретный путь развития Российской Федерации через признание патриотизма национальной идеологией.

Несмотря на то, что термин «патриотизм» достаточно употребим в современном российском обществе, есть смысл подвергнуть некоторому лингвистическому анализу само значение данного слова. Не претендуя на оригинальность, опять обращаемся к энциклопедиям и словарям.

Термин «патриотизм», как утверждают источники, произошел от греческого «соотечественник» (в другом переводе – «отечество»). Данный термин означает нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность пожертвовать своими частными интересами во благо Родины [8].

Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификация себя (особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям) с другими членами народа, стремление защищать интересы родины и своего народа [8]. Наиболее емко и понятно всем следующее выражение: «Патриотизм – это любовь к своей Родине, стране, народу, привязанность к месту своего рождения, к месту жительства» [13, с. 611].

Таким образом, Президентом России напрямую выдвигается постулат о том, что основной идеей, способной сплотить российское общество, помочь нашей стране не только преодолеть экономические трудности, но и стать передовой процветающей державой, является любовь к Отчизне и способность граждан посвятить свою жизнь служению Родине.

Данная идея не является ноу-хау. Если обратиться в великой российской Истории, то российский народ своей любовью и самопожертвованием уже не раз спасал Россию. И повелось так на Руси во все времена: и в смутное время, и в период Наполеоновского нашествия, и в годы Великой Отечественной войны.

Однако если обратиться не к истории, а к основному закону нашей страны – Конституции Российской Федерации, то понятие «патриотизм» там не только не рассматривается, но и практически не упоминается. Более того, ст. 13 Конституции Российской Федерации устанавливает в Российской Федерации идеологическое многообразие и запрещает «установление какой либо идеологии в качестве государственной или обязательной» [1, ст. 13].

Другое дело – демократия! Начиная со ст. 1 Основ Конституционного строя, Конституция Российской Федерации насквозь пронизана этим термином. Кроме прямого указания на право народа на управление государством и формирование органов государственной власти и местного самоуправления, Конституция нашей страны более двадцати раз прямо или косвенно закрепляет, что те или иные важнейшие вопросы в жизни нашего общества решаются исключительно путем демократических процедур.

Исследуя данный феномен, как и в случае с «патриотизмом», обратимся к источникам: «Демократия (от греч. *demokratía*, буквально – народовластие, от *demos* – народ и *krátos* – власть) – форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» [3].

При всем многообразии различных энциклопедических источников в данном случае наблюдается поразительное сходство и единство в трактовке рассматриваемого термина. Чего, однако, не скажешь о высказываниях известных мыслителей.

Так, по Платону, демократия – это «власть завистливых бедняков». Аристотель рассматривал демократию как «правление большинства неимущих граждан в интересах исключительно данного большинства». По мнению древнегреческого философа, «это худшая форма правления, так как рано или поздно из-за низкой культуры людей превращается в охлократию, т. е. власть толпы» [4].

Древним философам вторят мыслители более позднего периода: по мнению Бернарда Шоу, «демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных» (по некоторым источникам эту фразу приписывают Уинстону Черчиллю, что вполне вероятно, так как уже истинно его фраза также не отличается лояльностью: «демократия – это процесс, в ходе которого люди свободно выбирают козла отпущения») [4].

Лоренс Питер, в свою очередь утверждал: «демократия – это право делать неправильный выбор», а Джон Патрик, характеризуя данную форму правления, писал: «демократия: не ограниченная никакими законами и опирающаяся на прямое насилие власть демократов» и т.п. [4].

Будет неверным утверждать, что отзывы о демократии у классиков прошлого и современности исключительно негативные. Не меньший парад афоризмов можно построить и из восхваляющих демократию эпитетов: «помогает предотвратить деспотизм», «помогает людям защитить их интересы», «позволяет политическому руководству получать более полную информацию», «предоставляет людям максимальную возможность жить согласно их собственным законам», «гарантирует широкий

диапазон личной свободы и прав человека», «наделяет граждан моральной ответственностью за их политические решения» и т.д. [12].

Однако перенесемся из абстрактных представлений о явлениях, представляющих безусловный и длящийся веками интерес для всего человечества, к российской действительности.

В.В. Путин в своих предвыборных статьях 2012 года, получивших широкое распространение, естественно не обошел своим вниманием вопросы развития демократии в нашей стране. По мнению Президента России, «демократия заключается, как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений... Устойчивое развитие общества невозможно без дееспособного государства. А подлинная демократия – это непрерывное условие построения государства, нацеленного на служение интересам общества» [9].

Ни для кого не секрет, что Россия переживает сегодня далеко не простые времена. Это не только экономический кризис, усиленный западными санкциями, это не только противодействие самостоятельной внешней и внутренней политики России со стороны США и их союзников, это реальная угроза существования самой российской государственности и территориальной целостности.

Сложившаяся сегодня ситуация неминуемо повлекла за собой существенное изменение государственной политики в различных областях, в том числе и в вопросах обеспечения национальной безопасности. И доказательством этому служит новая редакция Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом России 31 декабря 2015 г. [2].

Важнейший политический документ стратегического планирования указывает, что сегодня в России налицо и «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей», и «ослабление единства многонационального народа Российской Федерации», осуществляемое путем «внешней культурной и информационной экспансии», и «пропаганда вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости», и «попытки фальсификации российской и мировой истории...» и еще целый ряд негативных факторов [2].

При этом новая редакция Стратегии национальной безопасности устанавливает, что одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности» [2]. Следовательно, может быть, именно патриотизм и есть «лекарство» от всех бед?

Необходимо обратить внимание, что патриотизм в России проявляется в конкретных делах

и выражен в особом отношении наших граждан к семье, долгу и Отечеству, связанном с проявлением мужества, героизма, преданности, доблести в труде. И если в период 90-х годов, во время политической и экономического нестабильности, о любви к своей стране говорить было просто не модно, то начиная с 2000-х годов, с развитием и укреплением государства, политического режима, повышения общего уровня жизни, отношение к патриотизму, как на государственном уровне, так и в общественном сознании в России существенно изменилось [7, с. 172–176].

То есть все-таки патриотизм? А где же демократия? Где ее место в системе российского общества? Ничуть не меньшее внимание Стратегия национальной безопасности Российской Федерации уделяет и «укреплению национального согласия, политической и социальной стабильности, развитию демократических институтов, совершенствованию механизмов взаимодействия государства и гражданского общества [2].

Так что же является приоритетом для нашей страны: демократия, как неперенный атрибут развития современного общества и государства, или патриотизм, как основа существования общества, способная сплотить народ и преодолеть любые трудности? Но можно и нужно ли так ставить вопрос? И если можно, то каким образом сегодня в России могут и должны пересекаться, взаимодействовать эти две, на первый взгляд никак не связанные между собой, но важнейшие в жизни современного государства и общества категории?

Ответ, вероятнее всего, ближе, чем кажется на первый взгляд. Развитие истинной демократии, институтов гражданского общества, политическая стабильность, возможны только тогда, когда общество истинно патриотично. Когда искренняя любовь к Родине является приоритетом в делах и поступках людей.

Если вновь обратиться к основным, пусть самым азбучным постулатам демократии, то мы увидим, что они устанавливают право народа самостоятельно принимать решения по важнейшим вопросам, реализовывать избирательные права, формировать органы государственной власти и местного самоуправления. Однако насколько полно народ России сегодня реализует свои права, закрепленные в Конституции и целом пакете нормативных правовых актов?

Если обратиться к статистике, то например, по данным избирательной комиссии только Курганской области явка избирателей на выборы Губернатора Курганской области в 2014 году составила 39,7%, а на выборах Курганской городской Думы в 2015 – 28%, на выборах Курганской областной Думы в том же 2015 году – 30,38%. Несколько выше явка избирателей нашего региона на выборах Президента России и депутатов Государственной

Думы. В 2011 и 2012 году они составили соответственно – 57,77% и 65,96% [5].

Естественно, что показатели одного из 85 субъектов Российской Федерации не позволяют утверждать, что такая ситуация сложилась во всей стране. Но по статистике показатели Уральского региона в среднем соотносимы с результатами общего голосования по стране.

Таким образом, даже неискушенному читателю понятно, что на лицо откровенное игнорирование такого важнейшего элемента демократии как выборы. Можно долго рассуждать, дискутировать и пытаться искать причины низкой электоральной активности граждан. По глубокому убеждению автора, одной из причин является простое равнодушие. Не разочарование властью, не неверие в «прозрачность» выборов и правильность подсчета голосов, хотя и эти факторы, наверное, нельзя сбрасывать со счетов, а простое безразличие. Индифферентность к результатам, безучастие к персоналиям. То есть не политический протест, а духовная опустошенность. И вот именно здесь свое слово и должен сказать патриотизм. Патриотизм как духовное качество. Патриотизм как гражданская позиция. Патриотизм как желание сделать свою страну лучше.

И может только тогда неподдельное желание помочь своей Родине и сделать свою жизнь лучше, комфортнее и достойнее и повлечет избирателей на избирательные участки. Может, только тогда участие в выборах, в голосовании, станет не только правом, но и внутренней потребностью граждан. Может, только тогда, патриотизм, как национальная идея, и поможет нам построить истинное демократическое общество.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в редакции от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.03.2016).
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
3. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969–1978 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com> (дата обращения: 17.03.2016).
4. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – Изд. 5-е, испр. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ModernLib.Ru (дата обращения: 17.03.2016).
5. Информационное агентство «Интерфакс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia> (дата обращения: 17.03.2016).
6. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
7. Неверов А.Я. Патриотизм как государственная идеология и путь к обеспечению национальной безопасности России // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2016». – Челябинск: Изд-во ООО полиграф-Мастер, 2016. – 301 с.
8. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki> (дата обращения: 17.03.2016).
9. Путин В.В. Демократия и качество государства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.putin-itogi.ru> (дата обращения: 17.03.2016).
10. Путин В.В. Выступление на совещании представителей власти и общественности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ros-idea.ru/site> (дата обращения: 17.03.2016).
11. Путин В.В. Выступление на встрече с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров 3 февраля 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika> (дата обращения: 17.03.2016).
12. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. Е. Полецкой; ред. и послесл. Р.М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 425 с.
13. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.
14. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Мартынова Татьяна Николаевна
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
martynova.info@mail.ru

Сгибнева Ольга Валериевна
кандидат юридических наук
Московский политехнический университет
sgibneva.info@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГАРАНТИЙНЫХ И КОМПЕНСАЦИОННЫХ ВЫПЛАТ РАБОТНИКАМ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена вопросам правового регулирования гарантийных и компенсационных выплат работникам в соответствии с нормами международного трудового права и трудового законодательства Российской Федерации. В публикации поднимается актуальный вопрос об ограничении Российской Федерацией своих обязательств в части гарантий и компенсаций, касающихся оплаты труда в связи с отказом от ратификации некоторых международных правовых актов Международной организации труда (либо отдельных их норм), либо принятия на себя минимальных обязательств в отношении оплаты труда.

Так, Российской Федерацией не ратифицирован пункт 1 статьи 4 Европейской социальной хартии, предусматривающий право работников на вознаграждение, которое обеспечит им и их семьям достойный жизненный уровень. Российская Федерация также не участвует в Конвенции МОТ № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран», которая гарантирует защиту работающих по найму лиц от неоправданно низкой заработной платы. Таким образом, указанные обстоятельства не способствуют надлежащей защите прав работников на достойное вознаграждение.

Ключевые слова: правовое регулирование гарантийных и компенсационных выплат работникам, гарантийные и компенсационные выплаты работникам, Конвенции Международной организации труда, трудовое право, трудовое законодательство, минимальный размер оплаты труда, достойный уровень жизни.

В соответствии со ст. 37 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) к категории важнейших прав и свобод человека и гражданина относятся: право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и на защиту от безработицы.

Одной из мер защиты конституционных прав работников, а, следовательно, и реализации указанной статьи служат установление трудовым законодательством гарантий и компенсаций работникам. Так, установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, защита прав и интересов работников и работодателей признаются целями трудового законодательства (абз. 1 ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)).

Действующее законодательство в сфере труда не конкретизирует отдельные виды гарантий, однако традиционно ученые выделяют гарантии материальные (денежные) и процессуальные (не денежные) [5, с. 20], которые наступают при определенных «условиях», указанных в трудовом законодательстве. Некоторые авторы процессуальные гарантии называют организационными [4, с. 397], а материальные – имущественными [1, с. 213].

Таким образом, понятие «гарантии» шире, чем понятие «гарантийные выплаты», так как включает в себя и процессуальные (не денежные) гарантии, тогда как компенсации и компенсационные выплаты – это тождественные понятия, так как компенсации – это всегда денежные выплаты. В настоящей

статье авторы будут рассматривать только правовое регулирование материальных гарантий и компенсаций – гарантийных и компенсационных выплат.

Правовое регулирование гарантийных и компенсационных выплат работникам в Российской Федерации осуществляется нормативными правовыми актами различной юридической силы: международными правовыми актами, ТК РФ, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами работодателей.

Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

При этом следует иметь в виду, что если нормы международного акта улучшают положение работников, национальное законодательство должно быть приведено в соответствие с ними; если же российский закон предоставляет больше гарантий по сравнению с международным актом, сохраняется действие российского законодательства.

К международным правовым актам, опосредованно регулирующим гарантийные и компенсационные выплаты работникам, можно отнести акты, регулирующие вопросы оплаты труда и времени отдыха.

В рамках международного трудового права вопросы оплаты труда были затронуты еще в момент

создания Международной организации труда (далее – МОТ). В преамбуле к Уставу МОТ указывается на необходимость улучшения условий труда путем, помимо прочего, «гарантии заработной платы, обеспечивающей удовлетворительные условия жизни».

Европейская социальная хартия, допускающая ратификацию отдельных ее статей, в первой части, обязательной к принятию каждым ратифицирующим государством, в качестве декларации целей, к которым оно должно стремиться, предусматривает право на «справедливое вознаграждение, достаточное для поддержания достойного уровня жизни самих работников и их семей».

Так, в соответствии со ст. 4 Европейской социальной хартии, в целях обеспечения эффективного осуществления права на справедливое вознаграждение стороны обязуются:

- 1) признать право трудящихся на вознаграждение, которое позволит обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни;
- 2) признать право трудящихся на повышенную оплату за сверхурочную работу, за исключением некоторых особых случаев;
- 3) признать право трудящихся мужчин и женщин на равную оплату за труд равной ценности;
- 4) признать за всеми трудящимися право на получение в разумные сроки заблаговременного уведомления о прекращении их работы по найму;
- 5) разрешать вычеты из заработной платы только с соблюдением условий и в объеме, который предусмотрен национальным законодательством или правилами, либо установлен в коллективных договорах или решениях арбитража.

Следует отметить, что Россией были ратифицированы все пункты ст. 4 Европейской социальной хартии, кроме п. 1, прямо предусматривающего право работников на вознаграждение, которое обеспечит им и их семьям достойный жизненный уровень. И это не случайно, так как гарантированный минимальный размер оплаты труда, установленный в Российской Федерации в настоящее время, не позволяет обеспечивать работникам и их семьям достойный уровень жизни и находится на уровне более чем на 40 процентов ниже прожиточного минимума трудоспособного населения по Российской Федерации. Так, на 1 июля 2016 года минимальный размер заработной платы составил 7500 рублей (ст. 1 Федерального закона от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере заработной платы»), тогда как прожиточный минимум трудоспособного населения по Российской Федерации – 10524 рубля (п. 1 Постановления Правительства РФ от 9 июня 2016 г. № 511 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2016 г.»).

Более того, Российская Федерация не участвует в Конвенции МОТ № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран» (заключена в г. Женеве 22.06.1970 г.). Указанный акт предусматривает защиту работающих по найму лиц от неоправданно низкой заработной платы. Российские граждане, в связи с неприсоединением России к данной Конвенции, такой защиты лишены, о чем и свидетельствует низкий уровень минимального размера оплаты труда в Российской Федерации, который не обеспечивает работникам и их семьям достойный уровень жизни.

В соответствии со ст. 7 Международного пакта об экономических, культурных и социальных правах 1966 г., государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая, в частности, вознаграждение, обеспечивающее как минимум всем трудящимся:

- справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности, без какого бы то ни было различия, причем женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины, с равной платой за равный труд;
- удовлетворительное существование для них самих и их семей в соответствии с постановлениями данного Пакта.

Право на справедливую и достойную оплату труда закреплено и в п. 2 и 3 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Кроме того, вопросам гарантий выплаты заработной платы посвящены следующие конвенции МОТ:

- Конвенция МОТ № 95 «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женеве 01.07.1949 г.);
- Конвенция МОТ № 99 «О процедуре установления минимальной заработной платы в сельском хозяйстве» (заключена в г. Женеве 28.06.1951 г., Россия не участвует в данной Конвенции);
- Конвенция МОТ № 100 «Относительно равногo вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности» (заключена в г. Женеве 29.06.1951 г.);
- Конвенция № 101 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках в сельском хозяйстве» (заключена в г. Женеве 26.06.1952, Россия не участвует в данной Конвенции);
- Конвенция МОТ № 140 «Об оплачиваемых учебных отпусках» (заключена в г. Женеве 24.06.1974 г.). Ст. 2 указанной Конвенции предусмотрено предоставление оплачиваемых учебных отпусков для целей:

- * профессиональной подготовки на любом уровне;
 - * общего, социального или гражданского образования;
 - * профсоюзной учебы;
- Конвенция МОТ № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности пред-

принимателя» (принята в г. Женеве 23.06.1992 г.). Указанная Конвенция предусматривает два варианта гарантийных выплат работникам:

1. В случае неплатежеспособности предпринимателя требования трудящихся, вытекающие из трудовых отношений, защищаются таким образом, чтобы они удовлетворялись из активов неплатежеспособного предпринимателя до того, как будут удовлетворены требования непривилегированных кредиторов;

2. Удовлетворение вытекающих из трудовых отношений требований трудящихся, предъявляемых предпринимателю, обеспечивается при помощи гарантийных учреждений, если оплата не может быть произведена предпринимателем ввиду его неплатежеспособности.

Российская Федерация присоединилась к данной Конвенции по первому варианту.

Таким образом, Российская Федерация ограничивает свои обязательства в части гарантий и компенсаций работникам, касающихся оплаты труда:

– не ратифицировав некоторые международные правовые акты (либо отдельные их пункты), в части минимального размера оплаты труда (например, п. 1 ст. 4 Европейской социальной хартии, предусматривающий право работников на вознаграждение, которое обеспечит им и их семьям достойный жизненный уровень; Конвенцию Международной организации труда № 99 «О процедуре установления минимальной заработной платы в сельском хозяйстве»);

– взяв на себя минимальные обязательства, предусмотренные Конвенцией Международной организации труда № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя».

В российском трудовом законодательстве правовое регулирование гарантийных и компенсационных выплат осуществляется разделом 7 «Гарантии и компенсации» и иными разделами ТК РФ.

ТК РФ впервые закрепил легальные определения гарантий и компенсаций.

В соответствии с абз. 1 ст. 164 ТК РФ *гарантии* определены как «средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений».

В свою очередь, *компенсации* – «денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами» (абз. 2 ст. 164 ТК РФ).

Главой 7 ТК РФ урегулированы следующие основания предоставления гарантийных выплат и компенсаций работникам: направление в служебные командировки, переезд на работу в другую местность, исполнение государственных или об-

щественных обязанностей, при совмещении работы с получением образования, вынужденное прекращение работы не по вине работника, задержка по вине работодателя выдачи трудовой книжки при увольнении; гарантийные выплаты при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска, некоторых случаях прекращения трудового договора.

К числу гарантийных и компенсационных выплат, предусмотренных в иных разделах ТК РФ, относятся: доплаты отдельным категориям работников за время перерывов для обогрева и отдыха (ст. 109 ТК РФ), сохранение среднего заработка на период ежегодного основного и дополнительных отпусков (ст.ст. 114, 116 ТК РФ), сохранение за работником среднего заработка на время приостановления работы в связи с задержкой выплаты заработной платы (ст. 142 ТК РФ), выплата выходного пособия при расторжении трудового договора в установленных ТК РФ случаях, сохранение среднего заработка на период трудоустройства после увольнения по п. 1 или 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (ст. 178 ТК РФ), доплаты до среднего заработка или его части при невыполнении норм труда (ст. 155 ТК РФ); изготовлении продукции, оказавшейся браком (ст. 156 ТК РФ), простое (ст. 157 ТК РФ), оплата приостановления работ в связи с административным приостановлением деятельности или временным запретом деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации вследствие нарушения государственных нормативных требований охраны труда не по вине работника (ст. 220 ТК РФ), сохранение среднего заработка беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до полутора лет при переводе на другую работу или освобождении от работы (ст. 254 ТК РФ), оплата в размере среднего заработка перерывов для кормления ребенка (детей) в возрасте до полутора лет (ст. 258 ТК РФ), доплаты работникам, не достигшим 18 лет, при установлении им сокращенной продолжительности рабочего времени (ст. 271 ТК РФ); компенсационные выплаты лицам, работающим вахтовым методом (ст. 302 ТК РФ), гарантийные и компенсационные выплаты лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (ст.ст. 320, 322, 323, 325-327 ТК РФ), компенсационные выплаты работникам, направляемым на работу в представительства России за границей (ст. 340 ТК РФ), доплата до среднего заработка спортсменам в период временной нетрудоспособности (ст. 348.10 ТК РФ), гарантийные выплаты освобожденным профсоюзным работникам (ст. 375 ТК РФ), выплата работнику среднего заработка за время вынужденного прогула по решению органа по рассмотрению трудовых споров (ч. 2 ст. 394 ТК РФ), гарантийные выплаты работникам, не участвующим в забастовке (ст. 414 ТК РФ) и пр.

Нахождение норм о гарантиях и компенсациях практически во всех институтах трудового права

свидетельствует о том, что нормы, касающиеся предоставления гарантий и компенсаций, нельзя выделить в отдельный институт трудового права. Этому мнению придерживается большинство ученых в области трудового права [2, с. 49–52; 3, с. 188–189; 4, с. 395; 5, с. 19–23].

Однако нельзя не отметить, что расположение норм, регулирующих гарантийные и компенсационные выплаты, предоставляемые работникам, в разных главах ТК РФ создает работодателям проблемы при их применении в процессе хозяйственной деятельности.

Кроме того, гарантийные и компенсационные выплаты в сфере социально-трудовых отношений предусматриваются и иными федеральными законами, к их числу относятся:

– Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»;

– Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 6-ФЗ «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности»;

– Федеральный закон от 7 ноября 2000 г. № 136-ФЗ «О социальной защите граждан, занятых на работах с химическим оружием»;

– Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне»;

– Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе») и др.

Дополнительные гарантийные и компенсационные выплаты работникам могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми

актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами исходя из **финансовых возможностей** соответствующих субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и работодателей. Это положение (исходя из финансовых возможностей) указывает на то, что фактически **жители различных регионов Российской Федерации находятся в неравном правовом положении**, тогда как Конституцией РФ в Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства (ст. 8).

При издании указанных нормативных актов федеральными органами исполнительной власти, государственными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и работодателями следует следить за тем, чтобы они не противоречили федеральным законам, в частности, не ухудшали положение работников по сравнению с гарантиями, установленными ТК РФ.

Таким образом, государство в настоящее время гарантирует только минимальные гарантийные выплаты и компенсации, которые не могут обеспечить работникам и их семьям достойный уровень жизни, что не способствует эффективному сочетанию интересов государства, работника и работодателя при их предоставлении. Формирование новых подходов к регулированию гарантийных и компенсационных выплат будет содействовать гармонизации социально-трудовых отношений и, соответственно, достижению положительного экономического и социального эффекта в целом.

Библиографический список

1. *Миронов В.И.* Трудовое право. – СПб.: Питер, 2008. – 864 с.
2. *Симонов В.И.* Понятие гарантий и компенсаций в трудовых отношениях // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 49–52.
3. *Толкунова В.Н.* Трудовое право: курс лекций. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 320 с.
4. Трудовое право России: Учебник / под ред. А.М. Куренного. – М.: Проспект, 2016. – 624 с.
5. *Цыпкина И.С.* К вопросу о целесообразности совершенствования законодательства о гарантиях и компенсациях в трудовом праве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 10. – С. 19–23.

ЗАЩИТА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

В статье рассматриваются особенности формирования и развития концепции экологических прав человека. Акцент делается на том факте, что концепция развивалась параллельно в международном праве и национальных правовых системах, отмечается, что сегодня эта концепция закреплена в конституциях большинства государств мира, а конституции также предполагают доступ к международному правосудию в части защиты экологических прав человека. Например, в Российской Федерации есть много различных средств для защиты экологических прав – административные процедуры, судебные процедуры, обращение к Уполномоченному по правам человека. При исчерпании внутренних средств правовой защиты констатируется наличие возможности подачи жалоб в международные органы как на универсальном уровне (договорные органы по правам человека, созданные при ООН, и специальные процедуры Совета ООН по правам человека), так и на региональном уровне (в рамках региональных систем защиты прав человека). Делается вывод, что в процессе интернационализации конституционного права во всем мире повышается эффективность в развитии и определенном единообразии защиты экологических прав человека. Синергетическое действие национальных и международных механизмов, направленных на защиту экологических прав человека, безусловно, будет способствовать защите окружающей среды, в которой может гармонично развиваться человек.

Ключевые слова: экологические права человека, конституция РФ, международное право, межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

Конституция служит базовым выражением основных ценностей и принципов государства. Тенденция конституционного закрепления экологических прав человека началась с принятием Стокгольмской декларации по окружающей среде 1972 г. Получается, что уже почти 45 лет концепция экологических прав человека шествует по миру. С тех пор число национальных конституций, предусматривающих экологические права, значительно возросло. Если в 1994 г. чуть более 60 стран приняли конституционные положения об охране окружающей среды, то в настоящее время из 193 государств-членов ООН в конституциях более чем 160 государств в той или иной форме закреплены экологические права человека [7].

Это тем более важно, поскольку процесс распространения экологических прав шел параллельно в международном праве и национальных правовых системах. Представляется, что именно в этом случае мы можем говорить об интернационализации конституционного права.

В целом выделение экологических прав является не только инструментом удовлетворения индивидуальных экологических интересов их обладателя, но и, что весьма важно, служит инструментом сохранения и восстановления благоприятного состояния окружающей среды как публичного блага. Как справедливо отметил в своем отдельном мнении по делу «Габчикова – Надьмарош» (Венгрия против Словакии, 1997), вице-президент Международного Суда ООН К.Г. Веерамантри, защита окружающей среды – это важная составляющая современной доктрины прав человека. По его мнению, защита окружающей среды является *sine qua non* для многих прав человека (право на здоровье, право на жизнь и т.д.), а ущерб окружающей среде может повлечь нарушение и подрыв всех прав человека.

Уникальное место экологических прав человека в общепринятой классификации определяется тем, что они проявляются во всех видах и категориях прав человека [5, с. 24]. Личные права определяют защищенность человека, его здоровья и имущества от незаконного вмешательства (например, от вредного воздействия окружающей среды). Политические права включают право на проведение референдума по вопросам охраны окружающей среды, участие в процессе принятия экологически значимых решений. Культурные права подразумевают рост уровня экологической культуры человека, специфику защиты прав коренных народов на традиционное природопользование. Социальные и экономические права призваны обеспечить человеку достойный жизненный уровень с учетом экологических характеристик, право на экологическое образование, право на здоровье также содержит экологическую компоненту.

Более того, экологические права человека проявляются и как индивидуальные права и как коллективные права так называемого «третьего поколения». Во многих странах законодательно закреплены коллективные иски, обращение в международные органы также предполагает жалобы индивидуальные и коллективные.

Сегодня можно утверждать, что мировым сообществом достигнут консенсус относительно четырех видов экологических прав человека: 1) право на благоприятную окружающую среду; 2) право на доступ к экологической информации [2, с. 69]; 3) право на участие общественности в принятии решений по вопросам, касающимся окружающей среды; 4) право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. При этом первый вид является материальным правом, а три последующих – процессуальными правами человека.

Сторонники материальных прав не доверяют исключительно процессуальным правам по одной простой причине: даже если процессуальные права или права на участие реализуются в полном объеме и ими справедливо пользуется все гражданское общество, очень возможно, что демократическая власть сделает выбор в пользу немедленных результатов вместо долгосрочной защиты окружающей среды. Демократия вполне может быть предрасположена к чрезмерному потребительству и в результате может разрушить окружающую среду, следовательно, одни процессуальные права не гарантируют ее защиту.

Сторонники процессуальных прав предлагают вообще отказаться от закрепления материальных прав, полагая, что целям охраны экологических интересов человека вполне могут служить иные экологические права, такие как право на информацию, право на участие (консультирование) и право на доступ к правосудию.

Разумеется, в различных государствах и регионах мира существуют свои особенности в защите экологических прав человека. При этом даже если в конституции или законодательстве государства не закреплены экологические права или защита их не может быть эффективно осуществлена в государстве, то индивиды (или группы лиц) вправе обратиться в межгосударственные органы для защиты этой категории прав.

Рассмотрим ситуацию на примере Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации представляет большие возможности для защиты экологических прав человека. В ст. 42 Конституции зафиксированы как материальное (субстантивное) право – право на благоприятную окружающую среду, так и процессуальные права – право на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Важно подчеркнуть, что в ст. 17(1) говорится, что в «Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» [4]. То есть на первое место при защите прав, в том числе экологических прав человека, ставится международное право, а потом уже Конституция. Ту же логику мы прослеживаем в ст. 69, где говорится про защиту прав уязвимых групп населения – коренных малочисленных народов.

В Российской Федерации есть множество различных средств для защиты экологических прав – административные процедуры, судебные процедуры, обращение к Уполномоченному по правам человека и т.д. Если же защитить экологические права в Российской Федерации не удастся, то согласно ст. 46(3) «каждый вправе в соответствии

с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [4].

В какие же «межгосударственные органы по защите прав и свобод человека» может обратиться индивид?

На современном этапе государства, сотрудничая в области прав человека, создают систему международного контроля за претворением в жизнь взятых ими обязательств. Цель международных контрольных механизмов – наблюдать за выполнением государствами-участниками положений международных соглашений. Контрольные органы оказывают государствам помощь в выполнении ими своих обязательств путем принятия решений и рекомендаций. Так, государства обеспечивают выполнение своих обязательств путем имплементации прав человека в национальное законодательство законодательными, административными и иными средствами, в то время как международные контрольные органы осуществляют мониторинг этого процесса.

Защита экологических прав человека возможна как на универсальном уровне (договорные органы по правам человека, созданные при ООН и специальные процедуры Совета ООН по правам человека), так и на региональном уровне (в рамках региональных систем защиты прав человека). Рассмотрим их подробнее.

На универсальном уровне экологические права в чистом виде не закреплены в обязательных международно-правовых актах. Как правило, они выводятся путем расширительного толкования положений Всеобщей декларации прав человека (ст. 3, 25), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 6) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ст. 11), которые закрепили право человека «на такой жизненный уровень... который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи». Другим способом утверждения экологических прав стало расширительное толкование права на здоровье, закрепленное в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах («право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», которое достижимо, в том числе, и путем «улучшения всех аспектов гигиены внешней среды») [6]. Право на здоровье требует от государства принятия мер для защиты граждан от «нездоровой» окружающей среды и обеспечения такого качества окружающей среды, которое было бы благоприятно для физического и умственного благополучия человека.

К механизмам защиты экологических прав человека относятся специальные процедуры Со-

вета ООН по правам человека, которые созданы для оперативного реагирования на конкретные ситуации в отдельных странах или на тематические вопросы во всем мире. Мандаты специальных процедур обычно требуют, чтобы мандатарии наблюдали, консультировали и информировали общество о положении в области прав человека в конкретных странах или на конкретных территориях (страновые мандаты) либо о массовых нарушениях прав человека во всем мире (тематические мандаты) [8]. Сегодня действуют 55 специальных процедур, в функционал многих из них входит рассмотрение индивидуальных / коллективных жалоб на нарушение экологических прав человека (например, Независимый эксперт по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой; Специальный докладчик по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов; Специальный докладчик по вопросу о праве на питание; Специальный докладчик по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарные услуги и др.).

Существенный вклад в защиту экологических прав вносят договорные органы по правам человека. Международные договоры в области прав человека, за исполнением которых наблюдают договорные органы по правам человека, создают для государств-участников правовые обязательства по поощрению и защите этих прав. Когда государство утверждает какой-либо договор в области прав человека путем ратификации или присоединения, оно становится участником этого договора и принимает на себя юридическое обязательство соблюдать обозначенные в нем права. Договоры предусматривают создание международных комитетов независимых экспертов (договорных органов по правам человека) для наблюдения за реализацией их положений в странах, которые ратифицировали эти договоры или присоединились к ним. В настоящее время существует 10 договорных органов (Комитет по правам человека; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам; Комитет по правам ребенка и др.) [1]. В их функции входит анализ выполнения государством его обязательств в рамках соответствующего международного договора; рассмотрение жалоб; подготовка замечаний общего порядка; проведение расследований.

Специфика международных механизмов защиты экологических прав человека, действующих на универсальном уровне, заключается в том, что решения являются рекомендательными, и в случае невыполнения может следовать морально-политическая ответственность. Вместе с тем, эффективность обеспечивается тем, что государству периодически «напоминают», что следует выполнить решение. Почти ни один международный судебный орган не имеет

таких полномочий по контролю за выполнением решений, как эти квазисудебные органы.

Относительно регионального уровня защиты экологических прав человека можно сказать следующее. В мире существуют три региональных системы защиты прав человека: американская (в рамках Организации американских государств), африканская (в рамках Африканского Союза) и европейская (в рамках Совета Европы и ЕЭК ООН).

В первых двух системах защиты прав человека экологические права признаются в международных документах напрямую, а в европейской системе – путем расширительного толкования выводятся из других категорий прав человека. Суд косвенным образом признает экологические права, которые могут повлиять: на право на жизнь (ст. 2 ЕКПЧ); право на уважение личной и семейной жизни, а также жилища (ст. 8); право на справедливое судебное разбирательство и на доступ к суду (ст. 6); свободу выражения мнения (ст. 10); право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13) и защиту собственности (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ) [3]. Учитывая, что Россия является членом Совета Европы, указанная система прав человека доступна для использования российскими гражданами. В этом отношении можно отметить такие дела, как: «*Фадеева против России*» (2005) и «*Будаева и другие против России*» (2008).

Говоря о сложившейся в Европе системе защиты экологических прав человека, важно подчеркнуть огромное значение Конвенции ЕЭК ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» 1998 г. Она является на сегодняшний день единственным в мире международным договором, который устанавливает стандарты экологических прав и обязывает государства периодически отчитываться относительно выполнения положений Конвенции. Комитет по осуществлению данной Конвенции предоставляет физическим лицам и их объединениям отстаивать свои интересы при нарушении их экологических прав.

Таким образом, представляется возможным говорить, что в процессе интернационализации конституционного права во всем мире повышается эффективность в развитии и определенном единообразии защиты экологических прав человека. Синергетическое действие национальных и международных механизмов, направленных на защиту экологических прав человека, будет, безусловно, способствовать защите окружающей среды, в которой может гармонично развиваться человек.

Библиографический список

1. *Абашидзе А.Х., Конева А.Е.* Договорные органы по правам человека: учеб. пособие, 2-е изд. – М.: РУДН, 2015. – 437 с.

2. Анисимов А.П., Кодолова А.В. Правовой режим экологической информации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – №1. – С. 69–74.

3. Европейская конвенция по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения 23.07.2016).

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 23.07.2016).

5. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Экологические права человека в системе международно-признанных прав человека // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 23–32.

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon (дата обращения 23.07.2016).

7. Экологические положения конституций (2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasniipp.ru/PDF/environmental_provisions_of_the_constitutions_kbs.pdf (дата обращения 23.07.2016).

8. Special Procedures of the Human Rights Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ohchr.org/EN/HRBodies/SP/Pages/Welcomerpage.aspx> (дата обращения 23.07.2016).

УДК 341.9

Круглов Дмитрий Андреевич

Российский университет дружбы народов, г. Москва
kruglov_da@pfur.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗДОРОВЬЕ В УСЛОВИЯХ БЕДСТВИЙ

Бедствия природного и техногенного характера влекут за собой потери огромного числа человеческих жизней, оказывают негативное воздействие на здоровье людей. В условиях масштабных бедствий пострадавшим может не оказываться даже первичная медицинская помощь. Разрушение базовой инфраструктуры, отсутствие безопасного жилища, продовольствия, водоснабжения и медикаментов создают дополнительные угрозы для здоровья населения, пострадавшего в результате бедствий. Ликвидация и преодоление их последствий порой занимают длительное время, в течение которого социально-экономическое положение населения может быть крайне низким, в связи с чем актуальным становится исследование специфики обеспечения прав человека в условиях бедствий.

В настоящей статье рассматриваются проблемные аспекты в деле обеспечения права на здоровье, состоящие, в частности, в том, могут ли государства (и если могут, то в какой степени) отступать от взятых на себя обязательств по обеспечению прав граждан на сохранение здоровья в условиях бедствий, должны ли государства в случае исчерпания потенциала реагирования на бедствия обращаться за международной помощью, допустимо ли препятствование со стороны пострадавших государств поставкам гуманитарных грузов. В статье на основе анализа положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и практики Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам даются ответы на поставленные вопросы.

Ключевые слова: бедствия, снижение риска бедствий, права человека, право на здоровье, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

В настоящее время в области обеспечения безопасности в случае бедствий – чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера – отсутствует единый терминологический аппарат, который позволил бы унифицировать подходы к точному пониманию проблем нормативно-правового регулирования в данной области, к совершенствованию стратегии снижения риска бедствий на глобальном уровне. В российском законодательстве и правовой доктрине опасные явления и катастрофы природного и техногенного характера именуется чрезвычайными ситуациями [20; 14]. Вместе с тем, в международно-правовых документах стихийные бедствия (или бедствия природного характера) и техногенные катастрофы (или бедствия антропогенного характера) чаще всего объединяются под единым термином «бедствия». На универсальном уровне не существует всеобъемлющего многостороннего договора, касающегося общих аспектов

обеспечения безопасности в случае бедствий. Однако существуют лишь два универсальных договора, посвящённых оказанию международной помощи в случае бедствий, и в них термин «бедствия» объединяет под собой опасные явления и катастрофы природного и техногенного характера; это – Конвенция Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. [10] (п. 6 ст. 1) и Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны 2000 г. (п. «в» ст. 1) [15]. Аналогичный подход к содержанию термина «бедствия» нашёл отражение в ряде международно-правовых актов регионального уровня [17; 18; 26], а также в Проекте статей о «Защите людей в случае бедствий», подготовленном Комиссией международного права ООН [3]. В зарубежной международно-правовой литературе в отношении бедствий природного и техногенного характера также используется

универсальный термин «disasters» (бедствия). На основании этого, а также учитывая тот факт, что Российская Федерация является стороной обеих названных выше универсальных конвенций, в настоящей статье под термином «бедствия» предлагается понимать стихийные бедствия и техногенные катастрофы.

Угрозы и риски, которые возникают перед человечеством из-за бедствий, с каждым годом возрастают. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой единогласно всеми государствами – членами ООН и утвердившей 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития, все более частые, более масштабные и разрушительные стихийные бедствия причисляются к глобальным угрозам современности [16, с. 6; 1, с. 65–78].

За прошедшие два десятилетия, а именно в период с января 1995 г. по июнь 2016 г., на планете произошло более 8400 стихийных бедствий и 5600 техногенных катастроф, в результате которых погибли более 1,68 млн человек, более чем 5,46 млн человек получили травмы, более 88,71 млн – лишились жилья, а экономический ущерб приблизительно оценивается в 2,31 трлн дол. США [34].

По тенденции последних пяти лет, согласно оценкам ООН, ежегодно стихийные бедствия затрагивают около 200–230 млн человек, а экономические потери оцениваются в среднем в 280–300 млрд дол. США [2, с. 9].

Опасные геофизические явления, такие как извержения вулканов, землетрясения и цунами, чреватые наиболее разрушительными последствиями, чем иные виды стихийных бедствий, что усугубляется ещё и тем, что их наступление сложно предсказать. Вместе с тем, они составляют только 10% из происходящих в мире природных катаклизмов. Опасные климатические явления и связанные с погодой бедствия представляют собой не меньшую угрозу. В качестве примера можно вспомнить циклон Наргис, обрушившийся на Мьянму в 2008 г. и унёсший жизни 138 тысяч жителей этой страны.

Если сравнить частоту стихийных бедствий в периоды 1971–1975 гг. и 2002–2005, то в глобальном масштабе частота засух увеличилась на 360%, ураганов – на 521%, наводнений – на 266% [35, р. 6]. В 2010–2015 гг. в сравнении с 2001–2005 г. число бедствий, связанных с климатом и погодой, в глобальном масштабе немного снизилось, однако возросло в регионах Азии, Африки и Латинской Америки. При этом в последние годы стихийные бедствия происходят в мире ежедневно, их число вдвое больше, чем в период 1985–1993 гг., и втрое больше, чем в период 1960–1965 гг. [33, р. 8–10].

Бедствия чреватые не только потерями огромного числа человеческих жизней, они всегда оказы-

вают негативное воздействие на здоровье людей. Травматизм, инвалидность, болезни, эпидемии, эпизоотии, психосоциальные проблемы – таковы наиболее частые последствия бедствий для здоровья населения, подвергнувшегося их воздействию. В условиях бедствий медицинские учреждения, как и в целом системы здравоохранения, могут быть не в состоянии функционировать, в результате чего пострадавшим может не оказываться даже первичная медицинская помощь. Разрушение базовой инфраструктуры, невозможность снабжать дома и медицинские учреждения водой, теплом и электроэнергией, отсутствие безопасного жилища создают дополнительные угрозы для здоровья населения, пострадавшего в результате бедствий. К сказанному нужно добавить и негативное воздействие на окружающую среду, которая в результате различного рода бедствий может стать опасной для здоровья и непригодной для жизнедеятельности.

Значительную опасность для здоровья людей несёт процесс изменения климата. Например, в сильную жару в воздухе повышается уровень пыльцы растений и других аэроаллергенов, провоцирующих астму, от которой страдает около 300 млн человек на планете [22]. По оценкам ВОЗ, к 2030–2050 гг. изменение климата может привести к росту смертности на 250 тысяч в год [21]. Дополнительные риски и угрозы для здоровья вызывает феномен Эль-Ниньо – климатическое явление, выражающееся в значительном потеплении поверхности воды в восточных районах Тихого океана, которое сопровождается засухой или проливными дождями в Южной Америке. В конце 2015 г. было отмечено потепление воды более чем на два градуса по Цельсию по сравнению со средним температурным показателем. Дожди, наводнения и засухи, во время которых вода в водоёмах застаивается, способствуют расширению мест, благоприятных для размножения комаров, что в значительной степени повышает вероятность вспышек инфекционных заболеваний, переносимых этими насекомыми, в частности малярии, лихорадки денге, чикунгунья, Зика, Рифт-Валли и других опасных заболеваний [24].

Случаи значительного повышения температуры воздуха, нередко наблюдаемые в последние годы и также являющиеся следствием изменения климата, оборачиваются повышением уровня смертности в результате сердечно-сосудистых и респираторных заболеваний, особенно среди пожилых людей.

Техногенные катастрофы и их зачастую долгосрочные последствия представляют собой чрезвычайную опасность для здоровья человека. Достаточно вспомнить, что в 2016 г. наступила тридцатая годовщина трагической катастрофы на Чернобыльской АЭС и пятая годовщина землетрясения в Японии, ставшего причиной аварий на

АЭС «Фукусима-1», «Фукусима-2» и «Онагава», последствия которых до сих пор не ликвидированы полностью.

Указанные факторы и процессы диктуют необходимость не только развития систем здравоохранения, особенно в развивающихся странах, но и укрепления международно-правовых основ защиты права на здоровье в условиях бедствий, которые предусмотрены в соответствующих международных договорах в области прав человека и нашли отражение в деятельности международных механизмов защиты прав человека.

Говоря о защите прав человека в условиях бедствий, следует ещё раз отметить, что на универсальном уровне не существует многостороннего соглашения, касающегося общих аспектов обеспечения безопасности в случае бедствий, в котором была бы определена связь между международным правом прав человека и бедствиями. И хотя существует огромное число документов (регионального, субрегионального и двустороннего характера), посвящённых вопросам оперативного реагирования и оказания помощи в случае бедствий, в них не содержатся положения о защите прав человека. Аналогичным образом немногие международно-правовые акты о правах человека содержат положения, касающиеся обеспечения прав человека в условиях бедствий; проблематика снижения риска бедствий в целом не нашла должного отражения в действующих правозащитных документах обязательного характера. Лишь два международных договора в области прав человека содержат прямые указания на ситуации бедствий. На универсальном уровне – это Конвенция о правах инвалидов 2006 г., ст. 11 которой устанавливает, что «Государства-участники принимают в соответствии со своими обязательствами по международному праву, включая международное гуманитарное право и международное право прав человека, все необходимые меры для обеспечения защиты и безопасности инвалидов в ситуациях риска, включая вооружённые конфликты, чрезвычайные гуманитарные ситуации и стихийные бедствия» [28, р. 70–96]. Аналогичным образом на африканском региональном уровне в ст. 23 Африканской хартии о правах и благосостоянии ребёнка 1990 г. закреплено обязательство государств обеспечивать получение ребёнком надлежащей защиты и помощи в ситуациях бедствий [25].

Вместе с тем, государства несут постоянное универсальное обязательство обеспечивать защиту лиц, находящихся на их территории, согласно установкам различных международных договоров по правам человека и обычному международному праву прав человека, которые не прекращают действовать с наступлением бедствий. И хотя в условиях чрезвычайных ситуаций невозможно говорить о полном соблюдении всех прав человека,

обеспечение таких прав, как право на жизнь (ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (МПГПП) [12, с. 25–50]), право на питание (ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (МПЭСКП) [13, с. 9–23]), право на здоровье (ст. 12 МПЭСКП), право на водоснабжение (ст. 14 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. [9, с. 79–96]), право на достаточный жизненный уровень, достаточное жилище, одежду (ст. 11 МПЭСКП), приобретает особое значение. Следует обратить внимание, что осуществление именно этих прав человека взаимобусловлено, ведь без обеспечения права на питание, права на санитарные услуги и достаточное жилище в условиях бедствий не получится в должной степени реализовать право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, без чего не удастся обеспечить право на жизнь, от которого, как указал Комитет ООН по правам человека (КПЧ) в своих Замечаниях общего порядка № 6 (1982 г.) и № 14 (1984 г.), «не допускается никаких отступлений» [31, para. 1].

Обязательства по обеспечению права на здоровье можно также рассматривать и в качестве меры по преодолению последствий бедствий. К тому же в доктрине международного права прав человека подтверждалось существование обязательства государств в случае бедствий гарантировать жизненный уровень каждого человека посредством смягчения его последствий [32, р. 194]. Такой подход подтверждается и международной судебной практикой: Европейский суд по правам человека в своих решениях по делам «*Йонерйолдыз против Турции*» [30; 19, с. 146] и «*Будаева и другие против Российской Федерации*» [29; 19, с. 147] признал, что право на жизнь требует того, чтобы государства принимали все надлежащие меры для предотвращения и смягчения последствий стихийных и антропогенных бедствий, а принятие таких мер в условиях, когда наступление бедствия можно предсказать, представляет собой нарушение права на жизнь и, соответственно, влечёт ответственность государства.

Выполнение государствами своих обязательств по защите права на здоровье во многом зависит от масштабов бедствия, от национального потенциала реагирования и от уровня экономического развития государства в целом. В свете этого в деле обеспечения права на здоровье, как и других прав человека, возникают вопросы, ответы на которые ещё не получили чёткого закрепления в международном праве прав человека. Например, в случае, если уровень экономического развития государства не позволяет в должной степени обеспечивать права человека в условиях бедствий, обязано ли государство обращаться за международной помощью? Может ли оно препятствовать поставкам гу-

манитарных грузов из-за рубежа? Имеют ли жертвы бедствий право на гуманитарную помощь, в том числе поставляемую извне? Поиск ответов на данные вопросы имеет большое значение в контексте защиты права на здоровье в условиях бедствий.

Несмотря на то, что право на здоровье нашло нормативное закрепление во многих международно-правовых документах, его соблюдение, выполнение и защита является непростой задачей даже в обычное время, не говоря уже о ситуациях бедствий. Поэтому временное отступление от некоторых обязательств в области прав человека допустимо, иногда может быть даже необходимо для принятия экстренных мер реагирования, обеспечения оперативных и эффективных спасательных работ в чрезвычайных ситуациях. Такое отступление допускается согласно ст. 4 МПЭСКП, однако «исключительно с целью способствовать общему благосостоянию...».

Вопрос о допустимости временного отступления от выполнения обязательств по обеспечению прав человека связан с вопросом о предоставлении международной помощи в случае бедствий, ведь своевременное получение такой помощи позволит не прибегать к каким-либо ограничениям прав человека. Необходимость оказывать помощь и защиту населению со стороны государств в условиях бедствий предопределена существованием обязательств по обеспечению прав человека, включая право на здоровье.

В п. 1 ст. 2 МПЭСКП установлено, что «Каждое ... государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности в экономической и технической областях, принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами...».

В Замечании общего порядка № 14 Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП) отметил, что положение ст. 4 МПЭСКП «направлено на защиту прав лиц, а не на разрешение государствам вводить ограничения» [7, п. 28]. При этом, даже когда такие ограничения в целях охраны здоровья людей разрешены, «они должны носить временный характер и находиться под контролем» [7, п. 29]. Для выполнения своих международных обязательств по ст. 12 государства, по мнению КЭСКП, должны уважать право на здоровье, осуществляемое в других странах, а также в зависимости от объёма имеющихся ресурсов им следует по возможности способствовать доступу к основным объектам, товарам и услугам здравоохранения в других странах и при необходимости оказывать требующуюся помощь [7, п. 39]. «В соответствии с Уставом ООН и соответствующими резолюциями Генеральной

Ассамблеи ООН и Всемирной ассамблеи здравоохранения государства – участники МПЭСКП несут коллективную и индивидуальную ответственность за налаживание сотрудничества в деле оказания помощи в случае стихийных бедствий и гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях» [7, п. 40], и каждое государство должно прилагать максимум усилий для решения этой задачи. Также КЭСКП подчеркнул, что на государствах – участниках МПЭСКП и других сторонах, имеющих возможность оказывать помощь, «лежит особая ответственность по оказанию международной помощи и осуществлению сотрудничества, в особенности экономического и технического» [7, п. 45].

Очевидно, что в условиях масштабных бедствий возможности и ресурсы государств могут быть существенно ограничены, однако это не отменяет положения о том, что государства обязаны принимать меры в «максимальных пределах имеющихся ресурсов» (п. 1 ст. 2 МПЭСКП). В случае, если государство не может выполнить свои обязательства даже в минимальной степени по причине ограниченности или нехватки ресурсов, «оно должно продемонстрировать, что им были предприняты все усилия для использования всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, с тем чтобы в приоритетном порядке выполнить эти минимальные обязательства» [6, п. 10]. Более того, обязательство принимать меры в «максимальных пределах имеющихся ресурсов» даёт государствам «право получать средства, предлагаемые международным сообществом» [8, п. 5], и в целях выполнения обязательств по правам человека использовать как ресурсы, имеющиеся в самом государстве, так и ресурсы, которые оно может получить от международного сообщества в рамках международного сотрудничества и помощи [8, п. 5].

Говоря о праве на гуманитарную помощь, следует отметить, что в международном гуманитарном праве это право юридически признано в период международных вооружённых конфликтов и вооружённых конфликтов немеждународного характера [4, ст. 70; 5, ст. 18]. Вместе с тем, в отношении бедствий отсутствует чёткое закрепление такого права. Однако же с учётом приведённых положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и позиций КЭСКП, раскрывающих эти положения, можно считать, что в международном праве прав человека существование данного права признаётся. Рассматривая право на гуманитарную помощь в свете обеспечения права на здоровье в случае бедствий, следует отметить позицию КЭСКП относительно права на предупреждение и лечение заболеваний, закреплённого в п. 2 (с) ст. 12 МПЭСКП, которая состоит в том, что «право на лечение включает <...> оказание гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях» [7, п. 16].

К сожалению, в истории известны случаи, когда в условиях бедствий и голода государства запрещали поставки продовольствия и гуманитарной помощи из-за рубежа, необходимые для осуществления права на здоровье, права на жизнь и других прав человека. Следует вспомнить охвативший КНДР в 1995–1999 гг. голод, вызванный наводнениями, засухами и, как следствие, неурожаем, в результате чего погибли, по разным оценкам, до 3 млн человек. Правительство КНДР, объясняя голод экономическими санкциями, запрещало поставки гуманитарных грузов, в том числе от международных организаций. Подобная ситуация имела место и в Мьянме в 2008 г., когда, по данным ООН, около 2 млн человек остались без жилья, критически нуждались в продовольствии, питьевой воде, медикаментах и иных видах чрезвычайной помощи. Официальные власти Мьянмы конфисковывали прибывающие гуманитарные грузы, объявляли «нежелательным» прибытие в страну сотрудников зарубежных организаций, оказывающих помощь. И хотя впоследствии власти Мьянмы позволили возобновить поставки международной помощи, изначальное препятствование этому стоило многих жизней [23]. Подобные случаи грубого пренебрежения правами человека под предлогом нежелания иностранного вмешательства даже породили на политическом уровне обсуждение вопроса о распространении концепции «ответственности по защите» на ситуации бедствий [11].

Следует отметить, что относительно необходимости поставок продовольствия в целях обеспечения права на достаточное питание в Замечании общего порядка № 12 КЭСКП вновь подтвердил свою позицию, основанную на положениях п. 1 ст. 2 МПЭСКП, которая состоит в том, что государство должно продемонстрировать, что им были предприняты все усилия для использования всех находящихся в его распоряжении ресурсов в целях обеспечения в приоритетном порядке выполнения минимальных обязательств по праву на питание, при этом на государстве, заявляющем о своей неспособности выполнить своё обязательство по независящим от него причинам, лежит бремя доказывания того, что дело обстоит именно так и что оно безуспешно старалось добиться международной поддержки для обеспечения наличия и доступности необходимого продовольствия [27, para. 17].

Таким образом, международное право налагает на государства в условиях бедствий обязательства в «максимальных пределах имеющихся ресурсов» обеспечивать право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, предпринимать все возможные меры для защиты, поддержания и восстановления здоровья населения. При этом отсутствие у государств возможностей и ресурсов не может быть оправданием бездействия.

Вместе с тем, на пути реализации права человека на здоровье нередко возникают ситуации, не позволяющие в полной мере осуществлять международное сотрудничество по экстренному реагированию на многочисленные угрозы для здоровья людей, вызываемые бедствиями. К таковым можно отнести, например, необходимость получения разрешений на въезд и на работу для врачей, медицинского и иного персонала международных гуманитарных организаций, наличие таможенных процедур при доставке страдающему населению медикаментов, медицинского оборудования, продовольствия, воды, предметов первой необходимости.

Дальнейшее развитие международного права, в частности международного права прав человека и правовых норм, касающихся снижения риска бедствий, должно быть направлено на устранение разного рода препятствий в деле обеспечения права человека на здоровье в условиях бедствий.

Библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – 2016. – № 1. – С. 65–78.
2. Доклад Генерального Секретаря ООН о работе Организации от 22 июля 2015 г. // Док. ООН А/70/1.
3. Доклад Комиссии международного права ООН. Шестдесят шестая сессия. 2014 г. // Док. ООН А/69/10.
4. Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. – 5-е изд., доп. – М.: МККК, 2011. – 302 с.
5. Дополнительный протокол II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. – 5-е изд., доп. – М.: МККК, 2011. – 302 с.
6. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 3. Природа обязательств государств-участников // Док. ООН E/1991/23.
7. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14. Право на наивысший достижимый уровень здоровья // Док. ООН E/C.12/2000/4 (2000).
8. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Оценка обязательства по принятию мер «в максимальных пределах имеющихся ресурсов», предусмотренного Факультативным протоколом к Пакту // Док. ООН E/C.12/2007/1.

9. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. / Основные международные договоры по правам человека. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, Женева, 2006. – С. 79–96.

10. Конвенция Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tampere.shtml (дата обращения: 25.06.2016 г.).

11. *Лабюк О.* «Ответственность по защите» и право на вмешательство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/007.htm> (дата обращения: 25.06.2016 г.).

12. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. / Основные международные договоры по правам человека. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, Женева, 2006. – С. 25–50.

13. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. / Основные международные договоры по правам человека. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, Женева, 2006. – С. 9–23.

14. Постановление Правительства РФ от 21.05.2007 N 304 (ред. от 17.05.2011) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 28.05.2007. – № 22. – Ст. 2640.

15. Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifrc.org/Docs/idrl/I319EN.pdf> (дата обращения: 25.06.2016 г.).

16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Док. ООН A/RES/70/1.

17. Соглашение АСЕАН о преодолении бедствий и ликвидации чрезвычайных ситуаций 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asean.org/?static_post=asean-agreement-on-disaster-management-and-emergency-response-vientiane-26-july-2005-3 (дата обращения: 25.06.2016 г.).

18. Соглашение между Правительствами государств – участников Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) о взаимодействии при оказании чрезвычайной помощи и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mchs.gov.ru/upload/site1/document_file/jo4ECPnt3V.pdf (дата обращения: 25.06.2016 г.).

19. *Солнцев А.М.* Практикум по международному экологическому праву: учебное пособие. – М.: РУДН, 2011. – 159 с.

20. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 26.12.1994. – № 35. – Ст. 3648.

21. Центр новостей ООН. Здоровье планеты и здоровье людей – две стороны одной медали. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25543#Vt7eW8f-p8c> (дата обращения: 25.06.2016 г.).

22. Центр новостей ООН. Изменение климата – прямая угроза здоровью населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24933#Vt7-m8f-p8c> (дата обращения: 25.06.2016 г.).

23. Центр новостей ООН. Оказание гуманитарной помощи жителям Мьянмы сталкивается с трудностями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=9603#V69uaMf-p8c> (дата обращения: 25.06.2016 г.).

24. Центр новостей ООН. Феномен Эль-Ниньо чреват ростом инфекционных заболеваний в Южной Америке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=25503#Vt3_q8f-qSN (дата обращения: 25.06.2016 г.).

25. African Charter on the Rights and Welfare of the Child 1990 // OAU Doc. CAB/LEG/24.9/49 (1990).

26. Agreement Establishing the Caribbean Disaster Emergency Response Agency 1991 (Соглашение об учреждении Карибского агентства по ликвидации чрезвычайных ситуаций, вызванных бедствиями 1991 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdema.org/index.php?option=com_content&view=article&id=361&Itemid=200 (дата обращения: 25.06.2016 г.).

27. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment 12. Right to adequate food // UN Doc. E/C.12/1999/5 (1999).

28. Convention on the Rights of Persons with Disabilities 2006 // United Nations Treaty Series. – Vol. 2515. – P. 70–96.

29. European Court of Human Rights. *Budayeva and others v. Russia*. Applications Nos. 15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02 and 15343/02, judgement of 20 March 2008.

30. European Court of Human Rights. *Öneryildiz v. Turkey*. Application No. 48939/99, judgement of 30 November 2004.

31. Human Rights Committee. General Comment 6. Article 6 (The right to life) // Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies / UN Doc. HRI/GEN/1/Rev.1 at 6 (1994).

32. *Nicoletti B.* The prevention of natural and man-made disasters: what duties for States // International

Disaster Response Law / Guttry A., Gestri M., Venturini G. (eds). The Hague, 2012.

33. The Human Cost of Weather-Related Disasters 1995-2015. Report of The United Nations Office for Disaster Risk Reduction and Centre for Research on the Epidemiology of Disasters Institute of Health and Society Université Catholique de Louvain (UCL), 2015.

34. The International Disaster Database – EM-DAT. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emdat.be/database> (дата обращения: 25.06.2016 г.).

35. World Health Organization. Progress Report on National and Regional Health Disaster Preparedness and Response. August 2, 2006 // WHO Doc. CD47/INF.4.

УДК 341.9

Бушнев Вадим Владиславович
Северо-Кавказский федеральный университет
vadim_777_77@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МИРОВОГО ОПЫТА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ мирового опыта в сфере инновационной деятельности крайне важен, как и обоснование возможности его использования в российской правотворческой и правоприменительной практике. Следует учитывать мировой опыт и, используя имеющийся научный и человеческий потенциал, высокие технологии (в первую очередь, в военной сфере) устранить существующие недостатки в сфере правового регулирования инновационной деятельности, что представляется возможным при условии взаимодействия передовых научных достижений с экономическими инструментами при всесторонней поддержке со стороны государства. Использовать положительный опыт других государств в нашей стране для решения аналогичных проблем представляется вполне возможным. Однако следует учитывать особенности развития Российской Федерации, ранее реализованные меры по поддержке инновационной деятельности, сложившуюся практику, накопленный потенциал, ведь только комплексный, системный подход способен стимулировать инновационное развитие страны. В современном мире успешное инновационное развитие зачастую основывается на интеграционных процессах, которые позволяют на основе координации деятельности отдельных составляющих инновационной инфраструктуры достигать синергетических эффектов. Возможность международного сотрудничества российских инновационных предприятий с иностранными представляется весьма затруднительной. Объясняется данное положение тем, что российские предприятия зачастую имеют более низкий инновационный уровень по сравнению с аналогичными иностранными предприятиями.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, свобода творчества, национальная инновационная система, стимулирование инноваций, интеллектуальная собственность, инновационные технологии, коммерциализация.

В соответствии со ст. 44 Конституции России закрепляется свобода на осуществление литературного, научного, художественного и технического творчества. В пункте 2 вышеупомянутой статьи указывается, что интеллектуальная собственность охраняется законом. Кроме того, согласно ст. 71 Конституции Российской Федерации, законодательство об интеллектуальной собственности находится в ведении Российской Федерации. Таким образом, базовые положения права интеллектуальной собственности и инновационной деятельности нашли свое закрепление на конституционном уровне. Подобное влияние возможно выделить и рассматривая инновационное развитие ряда западных стран.

Большинство конституций современных государств предоставляют свободу в создании нововведений, закрепляя права и свободы граждан в области научных и технических исследований, в образовании, в сфере передачи и получения информации и иных, имеющих первостепенное значение для инновационного развития, «способных принести пользу обществу, а также в деле пропаганды инноваций и инновационного пути развития» [7, с. 34].

Так, ст. 5 Конституции Федеративной Республики Германии устанавливает, что творческая деятельность, искусство и наука, а также научные

исследования и преподавание свободны. Ст. 20 Союзной Конституции Швейцарской Конфедерации провозглашает, что свобода научного преподавания и исследования в стране гарантируется. Ст. 33 Конституции Италии устанавливает норму, согласно которой искусство и наука свободны, и преподавание их свободно. Закрепление аналогичных норм является общемировой практикой. Анализ международного опыта наглядно свидетельствует о том, что приоритетные государственные проекты инновационной деятельности являются востребованной формой и позволяют странам выходить на качественно новый уровень развития.

В США инновации определяются как использование нововведения в практике бизнеса, непосредственно после его открытия. Инновация понимается как новые технологические, управленческие подходы, позволяющие обойти конкурентов и получить прибыль. В ряде стран Запада и в Японии получили довольно широкое распространение технополисы, т.е. научно-производственные комплексы с развитой инфраструктурой, охватывающие территорию отдельного города. Ведущая роль в технополисах принадлежит исследовательским центрам, в которых разрабатываются новые технологии, а также производства, в которых указанные технологии внедряются.

Так, в Великобритании довольно успешной оказалась система реконструкции колледжей и их финансирование совместно союзом промышленников и публично-властных структур в восьмидесятых годах XX века [5, с. 14]. Указанное сотрудничество наблюдается и по сей день, представители частного бизнеса совместно с государственной властью финансируют подготовку необходимого кадрового потенциала.

Присоединение России к Болонскому процессу означает стремление государства к повышению качества высшего образования на основе развертывания научных разработок [2, с. 8]. Болонская трансформация европейской системы образования ставит иначе проблемы развития высшего образования, ориентируя его на интеграцию и формирование единого европейского научного пространства [4, с. 291]. Приоритетные национальные проекты зачастую связывают с модернизацией социальной функции государства, которая направлена на соблюдение и обеспечение социально-экономических прав человека и гражданина [6, с. 260–262].

В ст. 14 Конституции Германии предусмотрено, что обладание собственностью обязывает: пользование ею должно удовлетворяя потребности ее обладателя, служить общему благу. Британский акт по социальной защите 1986 г. и французская программа реформы социального обеспечения 1995 г. признаны инновационными мерами, существенным образом повлиявшими на новые пути развития социальной функции государства в указанных странах.

Необходимо разработать: правовые меры стимулирования субъектов инновационной деятельности (роялти, ускоренная амортизация и т.д.); меры по поддержке субъектов инновационной инфраструктуры (налоговые и иные льготы); меры по активизации потребителей инновационной продукции (лицензирование, антимонопольное регулирование и т.д.).

Мировой опыт показывает путь решения проблем, возникающих в сфере правового регулирования инновационной деятельности, через формирование национальных инновационных систем, которые могли бы обеспечивать эффективное взаимодействие науки, бизнеса и государства, путем интеграции научно-технических, экономических, финансовых и организационных факторов создания и тиражирования нововведений [3, с. 293].

Генеральный директор ВОИС Фрэнсис Гарри отмечал, что каждой стране необходимо определить такое сочетание мер политики, которое бы позволило мобилизовать инновационный и творческий потенциал страны [1].

Рассмотрев зарубежный опыт в сфере инновационной деятельности, мы понимаем, что использовать положительный опыт других государств в нашей стране для решения аналогичных проблем представляется вполне возможным. Однако следует учитывать особенности развития Российской

Федерации, ранее реализованные меры по поддержке инновационной деятельности, сложившуюся практику, накопленный потенциал, ведь только комплексный, системный подход способен стимулировать инновационное развитие страны.

Во второй половине января текущего года агентство Bloomberg опубликовало рейтинг самых инновационных стран, в котором Россия находится на достаточно неплохом 12 месте. Два года назад Россия занимала 14 место. При этом в стране сохраняется целый ряд проблем в сфере инновационной деятельности, среди них: невысокий уровень кооперации науки и бизнеса, недостаточная востребованность инноваций, довольно слабая система охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, барьеры между сферами разработки, производственного использования и коммерческой реализации инновационных технологий, неэффективность механизмов коммерциализации. На преодоление указанных проблем направлено созданное по поручению Президента агентство по технологическому развитию, в задачи которого входит поиск и приобретение лицензий на технологии для отечественного бизнеса.

Библиографический список

1. Выступление Генерального директора ВОИС Фрэнсиса Гарри в связи с предоставлением доклада «Глобальный инновационный индекс 2015» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.on.org/russian/news/story.asp/
2. Грудцина Л.Ю., Пащенко Д.А., Петров С.М. Вопросы международного сотрудничества в инновационной сфере // Современное право. – 2011. – № 6. – С. 3–8.
3. Кузнецова М.В. Инновации и инновационная деятельность в Российской Федерации. Пути законодательного регулирования сферы инновационного строительства // Актуальные проблемы социально-экономического, политического и правового развития регионов Северо-Кавказского федерального округа: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции филиала СПбГИЭУ в г. Кизляре. – Кизляр, 2011. – С. 291–295.
4. Морозова Т.В. Организационно-управленческие аспекты взаимодействия субъектов инновационно-инвестиционной деятельности // Инновационные технологии в экономике и управлении. – Таганрог. – 2006. – № 1.
5. Родионова О.В. Социальная функция современного государства. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – 42 с.
6. Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан: историко-правовое исследование. – М.: Норма, 2007. – 272 с.
7. Степаненко Д.М. Конституционные основы инновационного развития государств Европы // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 4 (35). – С. 46–49.

ПРОБЛЕМА ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются постановления Конституционного Суда Российской Федерации, относящиеся к начальному периоду его деятельности, на предмет выявления конституционно-правовых основ процесса децентрализации государственной власти в Российской Федерации и определения роли Конституционного суда Российской Федерации в обозначенных процессах. Рассматриваются вопросы соотношения решений Конституционного суда Российской Федерации и положений Федеративного договора и ряд статей Конституции Российской Федерации. В работе проанализирована конституционная модель суверенитета, включающая в себя противоречия в вопросе о субъектах осуществления верховной власти в России. В статье рассматривается необходимость сохранения государственно-властной иерархии, обладающей чертами централизованного механизма. В частности, исполнительная власть субъектов входит в систему исполнительной власти Российской Федерации; субъекты Российской Федерации не вправе закреплять в своих актах основания и порядок приостановления и прекращения полномочий федеральных органов и должностных лиц. Рассматриваются решения Конституционного суда Российской Федерации, выполняющие преобразовательную функцию и являющиеся своеобразным гарантом конституционной модели децентрализации и возможной концентрации в России государственной власти.

В статье анализируется федеративное устройство России, которое служит, с одной стороны, обеспечению сохранения многообразия различных регионов при безусловном характере общероссийского единства, с другой стороны, такое устройство выступает способом рационального распределения компетенций и полномочий по горизонтали и вертикали. В свою очередь, распределение полномочий могло бы способствовать более тесному единству всех субъектов федерации, развитию их взаимосвязи и взаимозависимости.

Ключевые слова: децентрализация государственной власти, разделение полномочий, Федеративный договор, Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, субъекты федерации, суверенитет.

В вопросах укрепления конституционных основ современной российской государственности, определения приоритетов, Конституционному Суду РФ принадлежит особая роль.

В России, – считает судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь, – процессы демократизации, модернизации государственности – это, прежде всего поиск баланса централизации и децентрализации. Эффективность названных процессов непосредственно связана с действенностью публичной власти, оптимальностью ее конструкции, средств, способов, методов и форм осуществления на различных «этажах» публичной власти, с оптимальностью распределения полномочий и, соответственно, материально-финансовых возможностей между федеральной, региональной и муниципальной властью [2, с. 5].

Возможность возникновения социальных противоречий и острых конфликтов в существующей системе отношений власти должна быть уравновешена определенными механизмами. Судебно-конституционный контроль способствует реализации конституционной доктрины поступательного демократического изменения государственности. Организация и функционирование органов власти и управления, муниципальных образований, федеративные отношения занимают важное место в решениях Конституционного Суда РФ.

Только в течение первого периода своей деятельности (январь 1992 г. – сентябрь–октябрь

1993 г.) Конституционный Суд РФ рассмотрел около трех десятков дел, и более трети принятых им решений в той или иной мере касались федеративного устройства России и вытекающих из него проблем взаимоотношений органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, субъектов Российской Федерации между собой, в т. ч. и реализации Федеративного договора от 31 марта 1992 г., блокирования дезинтеграционных процессов и утверждения общероссийского стандарта прав человека во всех субъектах Российской Федерации [1, с. 5]. И такое положение дел наблюдается на всех этапах становления и функционирования высшего органа судебной власти в стране, включая настоящее время.

Контент-анализ решений Конституционного Суда РФ свидетельствует о конкретизации конституционных основ российской модели децентрализации, выраженной в разных формах отказа от исключительной централизации государственной власти и практической реализации государственного строительства истинного федерализма, уважение к правовой природе наций и народов на самоопределение. При этом чрезвычайно важно иметь в виду, что решения Конституционного Суда РФ являются источником права, а формируемые им прецеденты имеют универсальное значение.

Многие из правовых позиций Конституционного Суда по вопросам децентрализации государственной власти восприняты не только Федератив-

ным договором, но и Конституцией Российской Федерации 1993 г., другие, принятые уже после ее вступления в силу, имеют значение официального толкования или, являясь казуальным толкованием конституционных норм, играют роль прецедентов обязательных для органов государственной власти.

В основе выявляющихся в рамках правоприменительной практики несоответствий между фундаментальными положениями Конституции Российской Федерации и конституциями или уставами ряда субъектов нередко лежит понятие суверенитета и составляющих его содержание суверенных прав, имеющих фундаментальное значение для понимания и последовательной реализации децентрализованных процессов. Проблемным в этой связи является положение о государственном суверенитете, содержащееся в конституциях республик, а также в Федеративном договоре от 31 марта 1992 г., но отсутствующее в Конституции Российской Федерации.

В политических процессах, развивающихся в государстве, термином «суверенитет» оперируют как силы, ориентированные на дезинтеграцию страны и диффузию единой государственности, так и те, кто усматривает политический идеал в жестко централизованном и бюрократически организованном унитаризме [16]. Учитывая это, можно обратить внимание на следующее обстоятельство. Между отдельными положениями Основного Закона и Конституциями республик в составе федерации нет никакого противоречия. Конституция Российской Федерации ст. 5 ч. 2 признаёт за республиками статус государств. Это фактически констатирует признание их суверенитета, исходя из того, что он является неотъемлемым свойством любого государства. Наличие полномочий и прав, их объем в конечном счете определяют суверенитет государства.

Между тем, представления о суверенитете государства в последнее десятилетие претерпели существенную модификацию. Государственно-политическое развитие человечества взаимодействует с изменяющимся пониманием суверенитета, и в связи с этим меняется его теория и практика, появляются новеллы, соответствующие эпохе и новым потребностям.

Речь сегодня идет об отказе от абсолютизации суверенитета, несовместимого ни с правами народа в целом или отдельного человека, ни с правами самого государства.

Конституционная модель суверенитета заключает в себе противоречие в вопросе о субъектах осуществления верховной власти в России: с одной стороны, это федерация, с другой – толкование может выявить иных субъектов обладания суверенитетом. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с Постановлением от 7 июня 2000 г. № 10-П, заключается

в том, что субъекты Российской Федерации не обладают государственным суверенитетом [12]. Вместе с тем, названное постановление определенности в статус республик в составе Российской Федерации не внесло, поскольку четко и однозначно урегулировать статус субъектов Российской Федерации возможно только конституционными нормами.

Нельзя не согласиться с Т.Г. Морщаковой, отмечающей, что целью Конституционного Суда РФ является выяснение юридического смысла тех правовых понятий, которые заложены в действующей Конституции. Именно поэтому постановление от 7 июня 2000 г. ничего «не отобрало» у субъектов Российской Федерации в пользу центральной власти. Самое важное в нем то, что оно подтверждает конституционные основы разграничения полномочий внутри Российской Федерации» [4].

Существующие права, присущие суверенитету, у республик, а также у краев, областей, автономных областей, автономных округов определены подготовленной и реализованной в Конституции Российской Федерации моделью федерализма. В процессе подготовки Основного Закона была согласована позиция представителей субъектов Российской Федерации, которая нашла своё отражение в ч. 4 ст. 5 Конституции: «Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны».

С учетом этого очень остро возникает проблема гарантий равноправия всех субъектов Российской Федерации в лице их органов государственной власти. Как подчеркивалось в постановлении Конституционного Суда РФ от 15 июля 1996 г. по делу о дорожных фондах [11], равноправие субъектов Российской Федерации между собой во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти означает, в частности, единообразие конституционного подхода к распределению предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами и требует установления федеральным законодателем единых правил взаимоотношений федеральных органов государственной власти со всеми субъектами федерации.

Интересным представляется дело о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 г. «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации» [7]. Признав указанный Закон соответствующим Конституции Российской Федерации 1978 г. с внесенными в нее позднее дополнениями и изменениями, Конституционный Суд РФ одновременно указывает, что нахождение автономного округа в крае или области, равно как и выход из их состава, не влияет на его конституционно-правовой статус, закрепленный Конституцией и Федеративным договором, а также на национально-государственное устройство и субъектный со-

став Российской Федерации. Позднее в определении от 17 июля 1996 г. об отложении рассмотрения дела о проверке конституционности ряда положений Устава Тюменской области Конституционный Суд РФ указывает на возможность и необходимость урегулирования отношений между Тюменской областью и входящими в ее состав Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами на основе федерального закона и договоров между органами государственной власти заинтересованных субъектов, адресовав соответствующие требования как федеральному парламенту, так и органам государственной власти Тюменской области и входящих в ее состав автономных округов [5].

Федеративный строй обеспечивает фактически две функции. Первая связана, прежде всего, с наличием национальной государственности различных этносов и исторически сложившимся многонациональным составом населения. Вторая обусловлена необходимостью повышения эффективности управления, возможности рационализации структур власти в интересах конституционного строя и развития демократических институтов.

Федеративное устройство России служит, с одной стороны, сохранению многообразия различных регионов при приоритетном характере общенационального единства, с другой стороны, такое устройство выступает способом эффективного распределения компетенции и полномочий не только по горизонтали, но и по вертикали. Законодательные, исполнительные и судебные полномочия делятся между федерацией в целом и ее субъектами, причем само это деление должно быть осуществлено таким образом, чтобы реализация своих полномочий одной частью государственного механизма на уровне федерации связывалась с активизацией деятельности другой его части, – во всех субъектах федерации, что в свою очередь могло бы способствовать более тесному единству всех субъектов федерации, развитию их взаимосвязей и взаимозависимости.

Однако ни подписание в 1992 г. Федеративного договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и соответствующими органами субъектов федерации, ни последующее включение этого договора отдельной частью в Конституцию не могут автоматически привести к преодолению десятилетиями складывавшейся тенденции жесткой централизации всех сторон государственной власти и соответствующих стереотипов мышления и поведения федеральных органов. В связи с этим Конституционный Суд РФ занимает решительную позицию, защищая интересы территорий от притязаний федеральной власти решать входящие в их компетенцию вопросы.

Показательным в этом плане является постановление Конституционного Суда РФ от 2 апре-

ля 1993 г. по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. «О дополнительных полномочиях органов управления г. Москвы на период проведения радикальной экономической реформы» [6], совместного постановления Президента Российской Федерации и Председателя Верховного Совета Российской Федерации от 3 января 1992 года «Об административно-территориальном делении города Москвы» [14], Указа Президента Российской Федерации от 12 января 1992 г. «Об обеспечении ускоренной приватизации муниципальной собственности города Москвы» [15], ст. 10 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» [3].

В этом постановлении Конституционный Суд РФ указывает на несоответствие Конституции Российской Федерации решения федеральными органами государственной власти вопросов административно-территориального деления г. Москвы, т. к. они подлежат внутреннему правовому регулированию города Москвы.

Тем самым Конституционный Суд РФ держит курс на наполнение российской модели децентрализации реальной социально-правовой практикой, что находит подтверждение в его решениях, в т. ч. от 7 июня 1993 г., касающегося Челябинской области, от 10 сентября 1993 г. по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 15 августа 1992 г. «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации», значение которых заключается в упразднении укоренившейся в течение десятилетий практики централизованного решения вопросов организации государственной власти на территории областей и краев Российской Федерации, управления собственностью и т. д. [8].

Следует отметить, что в основе федеративного устройства России лежит, прежде всего, ее государственная целостность и единство системы государственной власти (ст. 5 Конституции РФ). Вопрос о разграничении компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов решен в ст.ст. 71, 72 и 73 Конституции РФ. В свою очередь ст. 136 Конституции РФ предусматривает, что поправки к главам 3–8 принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации. Отсюда следует, что никакие новые договоры не могут изменить или отменить конституционные установления по разграничению предметов ведения и полномочий Российской Федерации (федеральных органов) и ее субъектов (органов субъектов Федерации).

Положение о возможности договорного разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации не уравнивает субъектов этих договоров и не меняет их конституционного статуса.

В Конституции сохраняется государственно-властная иерархия, обладающая чертами централизованного механизма. В частности, исполнительная власть субъектов Российской Федерации входит в единую систему исполнительной власти Российской Федерации; субъекты Российской Федерации не вправе закреплять в своих актах основания и порядок приостановления и прекращения полномочий федеральных органов и должностных лиц, включая полномочия судей; правовые акты субъектов Российской Федерации об установлении своей системы органов государственной власти должны соответствовать основам конституционного строя Российской Федерации и общим принципам организации представительных и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации; назначение и освобождение от должности руководителей территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти не нуждаются в согласовании с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и т. д. Вместе с тем, нет иерархической соподчиненности между последними, они равноправны между собой во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.

Следовательно, Конституция РФ занимает доминирующее положение в регулировании государственного устройства страны. При этом решения Конституционного Суда РФ, выполняя преобразовательную функцию, являются своеобразным гарантом конституционной модели децентрализации в России государственной власти.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Некоторые актуальные проблемы конституционного правосудия в России // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. – Ереван: Центр конституционного права Республики Армения. – 1998. – Вып. 1. – 238 с.
2. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие. Конституционализация муниципальной демократии в России. – М.: Норма, 2008. – 592 с.
3. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации». Ст. 621. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374/ (дата обращения 07.06.2016).

4. Обзор материалов заседания Консультативного совета председателей органов конституционного (уставного) контроля в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-baikal.ru/news?record_id=20705 (дата обращения 10.05.2016).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 1996 г. № 73-О «Об отложении рассмотрения дела о проверке конституционности ряда положений Устава Тюменской области». – Ст. 3837. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=4400> (дата обращения 04.06.2016).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 1993 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 года “О дополнительных полномочиях органов управления г. Москвы на период проведения радикальной экономической реформы”». – Ст. 621. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=4389> (дата обращения 12.07.2016).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 1993 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 года “О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации”». – Ст. 1083. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=4390> (дата обращения 16.07.2016).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 1993 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 апреля 1993 года...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=291890&dst=100001> (дата обращения 25.06.2016).

9. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27 января 1993 года «О толковании пункта 2 постановления Седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации “О главах администраций”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=236864> (дата обращения 22.07.2016).

10. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 15 апреля 1993 года «О порядке применения Закона РСФСР “О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов” и Закона Российской Федерации “О местном самоуправлении в Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=225488> (дата обращения 29.06.2016).

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1996 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 1 и п. 4 ст. 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года “О дорожных фондах в Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11018/ (дата обращения 29.06.2016).

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27571/ (дата обращения 11.07.2016).

13. Решение Челябинского областного Совета народных депутатов от 21 января 1993 года «О решении малого Совета от 14 января 1993 года № 1 “О дне выборов главы областной администрации”»

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP&n=291890&dst=100001> (дата обращения 11.07.2016).

14. Совместное постановление Президента Российской Федерации и Председателя Верховного Совета Российской Федерации от 3 января 1992 года «Об административно-территориальном делении города Москвы» – Ст. 621. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=4389> (дата обращения 15.07.2016).

15. Указ Президента Российской Федерации от 12 января 1992 года «Об обеспечении ускоренной приватизации муниципальной собственности в г. Москве» – Ст. 621. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_252/2011a123b16a58aa919bb52261df7e3ee94ca6e3/ (дата обращения 19.07.2016).

16. *Эбзеев Б.С.* Российский федерализм: историческое развитие и современность // Право и политика. – 2000. – № 1.

Михеева Ирина Вячеславовна*доктор юридических наук
Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород
imikheeva@hse.ru***Логинова Анастасия Сергеевна***кандидат юридических наук
Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород
aloinova@hse.ru*

ЗАПРЕТЫ ПРОПУСКНОГО РЕЖИМА ЗАКРЫТОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: «НАРУШЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» В ПРАКТИКЕ НОРМОТВОРЧЕСТВА

Статья посвящена вопросам обеспечения одного из видов административно-правовых режимов – режима закрытого административно-территориального образования (ЗАТО). Внимание уделяется его важной составляющей – пропускному режиму. Представлен анализ нормативных актов, регламентирующих содержание, порядок реализации этого режима и ответственность за его нарушение. Выделен ряд вопросов дискуссионного характера. Так, в принимаемых на муниципальном уровне уполномоченными органами и должностными лицами инструкциях по обеспечению особого режима в каждом ЗАТО используются такие средства юридической техники, как конкретизация и дополнение. При этом для каждого ЗАТО понятие пропускного режима определяется по-разному. Формируется и различный перечень ограничений, несоблюдение которых влечет ответственность нарушителей установленного в ЗАТО режима. Кроме того, наряду с мерами административной ответственности, предусмотренными санкциями ст. 20.19 и других статей КоАП РФ, в инструкциях обозначены меры принуждения, которые дополняют определяемую законодательством ответственность за нарушение пропускного режима ЗАТО, но не относятся к мерам административной, дисциплинарной, или другому виду ответственности. Также статьи КоАП РФ и предусмотренные только инструкциями меры принуждения объединяются в единый механизм защиты и охраны режима без учета специфики объекта и субъекта правонарушения, что размывает контуры состава административного правонарушения – нарушение установленного законом особого режима в закрытом административно-территориальном образовании. Делается вывод о необходимости принести четкость в нормативное закрепление баланса «нарушения» запретов и «наказания» за эти нарушения.

Ключевые слова: ЗАТО, пропускной режим, меры принуждения, административная ответственность.

Разберись, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи

А.С. Пушкин

В условиях сложившейся на современном этапе геополитической ситуации тема закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) приобретает принципиально новое звучание. На это указывают и перманентные изменения, вносимые в федеральные законы «О закрытом административно-территориальном образовании», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и др. На территории ЗАТО концентрируются, как правило, интеллектуальные, инновационные, промышленные ресурсы. Это придает им особую ценность в общем стратегическом развитии общества, в обеспечении экономического роста, обороноспособности и безопасности государства.

Важнейшие правовые характеристики режима ЗАТО определены в Законе РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» (далее – «О ЗАТО») [1]. Особенности государственного управления этими территориями, определяемые ведомственной принадлежностью градообразую-

щих предприятий ЗАТО, и особый статус территориального образования отражены в Постановлениях Правительства РФ [10; 11; 12].

Сформулированное в ч.1 ст.1 Федерального закона «О закрытом административно-территориальном образовании» определение ЗАТО содержит характеристики, уточняющие «закрытость» территориального образования и необходимость установления «особого режима безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан». В совокупном правовом инструментарии, обеспечивающем этот «особый» режим в ЗАТО, наряду с мерами государственной поддержки используются с большей доминантой ограничения, обязывания, запреты и т.п. Их нарушение влечет за собой меры государственного принуждения, гарантирующие в той или иной степени существование административно-правового режима ЗАТО.

Что представляют собой данные меры? Где и кем они установлены? Какое место они занимают в существующей системе мер административного принуждения, используемых для обеспечения функционирования особого режима ЗАТО? Существует ли необходимый баланс в нормативном

закреплении события правонарушения, его субъекта, наказания за это правонарушение?

В соответствии с ФЗ «О ЗАТО» неотъемлемой частью особого режима безопасного функционирования организаций и (или) объектов в закрытом административно-территориальном образовании является пропускной режим в ЗАТО. Ограничения данного режима (на въезд и (или) постоянное проживание граждан на его территории, включая установление перечня оснований для отказа во въезде или в постоянном проживании) действуют наряду с рядом других, обозначенных в базовом законе ограничений [1, ч. 1. ст. 3].

Пропускной режим устанавливается и функционирует на территории закрытого административно-территориального образования в соответствии с инструкциями, принимаемыми уполномоченными лицами в каждом ЗАТО. Содержание понятия «пропускной режим» разнится в правовых актах. Его законодательное определение присутствует в Федеральном законе «О ведомственной охране». Пропускным режимом считается «порядок, обеспечиваемый совокупностью мероприятий и правил, исключающих возможность бесконтрольного входа (выхода) лиц, въезда (выезда) транспортных средств, вноса (выноса), ввоза (вывоза) имущества на охраняемые объекты и с охраняемых объектов» [14, ст. 1]. Обеспечение пропускного режима в указанных случаях возлагается на работников ведомственной охраны [14, ст. 11–12]. Права и обязанности федеральных органов государственной охраны, а также условия применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками этих органов установлены ст. 14, 15, 24–27 Федерального закона «О государственной охране» [15].

В то же время определение «пропускного режима» применительно к ЗАТО в большинстве нормативных актов либо не формулируется, либо формулируется в конкретизирующих дефинициях актов подзаконного уровня, прежде всего, в инструкциях о пропускном режиме, о порядке обеспечения особого режима и т.п. в каждом ЗАТО. В одних актах пропускной режим определяется по аналогии с ФЗ «О ведомственной охране» как «установленный порядок санкционированного доступа ...» [3, п. 1.1; 8]. В других случаях пропускной режим – это «совокупность правил (правовых норм)», определяющих этот порядок [13, п. 2.2].

Содержание пропускного режима может обозначаться и несколько шире, как «совокупность организационных и технических мероприятий, установленных правил, направленных на недопущение бесконтрольного прохода физических лиц, проезда транспортных средств, а также перемещения предметов, материалов на территорию контролируемых зон ЗАТО Северск» [2, п. 1.1].

Все приведенные определения в той или иной мере отражают суть пропускного режима, как

санкционированного доступа на территорию ЗАТО, контролируемых и (или) запретных зон по границе и (или) в пределах ЗАТО. Это «встраивается» в содержание «особого» режима функционирования ЗАТО. Между тем, такая технико-юридическая неопределенность, разница формулировок дает повод для «творчества» уполномоченных субъектов при детализации фактического основания привлечения к ответственности нарушителей пропускного режима. В инструкциях часто дается закрытый перечень нарушений режима доступа на территорию конкретного ЗАТО.

Среди таких нарушений называется: проникновение на территорию ГКЗ (городская контролируемая зона) ЗАТО и (или) выход (выезд) из него без пропуска, по чужому, поддельному, просроченному пропуску или иным несанкционированным путем; попытка провоза или провоз других граждан, в т.ч. детей в возрасте до 14 лет, на территорию закрытого образования без разрешения, выданного в установленном порядке; попытка подкупа (подкуп) часового, угроза часовому, войсковому наряду с целью нарушения ими установленных правил пропускного режима; несанкционированное фотографирование (видеосъемка) охраняемых территорий, зданий и сооружений, элементов физической защиты периметра и КПП ГКЗ ЗАТО; нахождение на территории ГКЗ ЗАТО свыше разрешенного срока пребывания; несвоевременное принятие гражданином мер по регистрации и снятию с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства... и мн. др. [4, п. 6.2; 12, п. 10.3].

Все это наполняет нормативным содержанием пропускной режим ЗАТО, может служить фактическим основанием для применения мер принуждения к правонарушителям. Возникает необходимость соотнести фактическое основание с правовым. За что и на основании чего граждане (или не граждане!) РФ могут быть наказаны на закрытой, с особым статусом территории ЗАТО? Здесь встают вопросы, связанные с выделением субъекта соответствующего правонарушения и определением формы его ответственности.

В законе «О ЗАТО» содержится бланкетная норма (п. 4 ст. 3), которая обращена, главным образом, к ст. 20.19 КоАП РФ. Именно в этой статье предусмотрена административная ответственность за «нарушение установленного законом особого режима в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО)» [7]. В инструкциях указывается на возможность (необходимость) привлечения нарушителей пропускного режима ЗАТО к административной ответственности и по другим статьям КоАП РФ. Так, в Инструкции о порядке организации пропускного режима в контролируемую зону закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) город Мирный Архангельской области (утв. 2012 г.) указано на возможность

привлечения к административной ответственности граждан за нарушение требований пропускного режима (либо допустивших противоправное преодоление контролируемой или запретной зон ЗАТО, самовольно проживающих на территории города без разрешительных документов, а также граждан, являющихся владельцами квартир и квартиросъемщиками, допустившими проживание у себя других граждан без оформления разрешительных документов) по ст. 18.9 (Нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства) КоАП РФ [2, п. 5.23].

В Инструкции говорится также, что иностранные граждане, нарушившие требования пропускного режима, либо допустившие противоправное преодоление контролируемой или запретной зон ЗАТО, самовольно проживающие на территории города без разрешительных документов, могут быть привлечены к административной ответственности согласно ст. 18.8 (Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации), ст. 18.10 (Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации), ст. 18.11 (Нарушение иммиграционных правил), ст. 18.12 (Нарушение беженцем или вынужденным переселенцем правил пребывания (проживания) в Российской Федерации) и подвергнуты выдворению с территории ЗАТО г. Мирный [4, п. 4.16].

В инструкциях перечислен целый ряд статей в общем перечне правовых оснований привлечения к административной ответственности за нарушение пропускного режима на территорию ЗАТО, как части режима ЗАТО, хотя о последнем речь идет в статье 20.19 КоАП РФ. Такой «беспорядок» в практике нормотворчества приводит к тому, что нарушение одного и того же запрета, например за несанкционированный въезд в контролируемые зоны ЗАТО, квалифицируется по-разному для иностранного гражданина и для гражданина РФ. Иностранец будет нести ответственность за административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации, а российский – за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Думается, такой подход не совсем логичен. Создавая правила обеспечения «особого режима безопасного функционирования» на территории ЗАТО, субъекты нормотворчества провоцируют «смешение» одних составов административных правонарушений (нарушение режима ЗАТО) с другими (нарушение иммиграционных правил, неза-

конное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации, нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства и т.п.). Это в свою очередь вызывает желание у правонарушителей обжаловать решения о привлечении к административной ответственности по статьям главы 18 КоАП РФ с целью переквалифицировать совершенное административное правонарушение в соответствии со статьей 20.19 КоАП РФ. Хотя судьи, как правило, отказывают в такой «переквалификации», само бессистемное изложение норм в подзаконных актах все же дает повод ставить под сомнение выносимое в отношении иностранного гражданина решение о привлечении к ответственности за нарушение пропускного режима в ЗАТО с выдворением его за пределы РФ и желание это решение обжаловать.

Для правонарушителя обжалование решения, вынесенного по статьям главы 18 КоАП РФ, это еще и попытка уйти к менее жесткому административному наказанию. Ведь санкции за правонарушения, предусмотренные статьями КоАП РФ – 18.8, 18.9, 18.11 жестче, чем те, что содержатся в ст. 20.19 КоАП РФ. Наряду с административным штрафом на иностранных граждан и лиц без гражданства по указанным статьям главы 18 КоАП РФ налагается дополнительное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в то время как за совершение административного правонарушения по ст. 20.19 (и 20.17) граждане подвергаются только наложению административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей (в некоторых случаях с конфискацией орудия совершения административного правонарушения или без таковой, либо на правонарушителей налагается административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией орудия совершения административного правонарушения или без таковой). В данных случаях даже административный арест для иностранного гражданина «желаннее» административного выдворения за пределы РФ.

Анализ практики нормативной регламентации привлечения к административной ответственности за нарушение пропускного режима в ЗАТО позволяет обратить внимание на два момента. Во-первых, фактическое основание для привлечения к административной ответственности за нарушение режима ЗАТО, предусмотренное в ст. 20.19 КоАП РФ конкретизируется в каждой инструкции о пропускном режиме разных ЗАТО. При этом идет «смешивание» составов административных правонарушений, предусмотренных разными статьями разных глав КоАП РФ, что недопустимо для определения правильной квалификации конкретного правонарушения.

Во-вторых, практика нормотворчества не позволяет исчерпывать правовое основание привлечения к административной ответственности за «нарушение установленного законом особого режима в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО)» статьей 20.19 КоАП РФ. При этом бессистемное упоминание разных статей КоАП РФ в едином правовом контексте нарушения запретов пропускного режима ЗАТО не дает четкости в вопросе привлечения к ответственности конкретных субъектов и усугубляется дополнительными мерами принуждения, устанавливаемыми в инструкциях о пропускном режиме. Речь идет о тех мерах, которые не относятся к мерам административной ответственности.

Например, за нарушения особого режима в ЗАТО Снежинск гражданин, оформленный в установленном порядке для временного или постоянного пребывания (проживания) на территории Снежинского городского округа может быть лишен права: а) пользования пропуском на срок до 1 года; б) периодического въезда на срок до 1 года; в) временного въезда [5, п. 10.7].

В Новоуральске жители города, нарушившие требования пропускного режима, могут быть лишены права пользования постоянным пропуском на срок до трех месяцев. В это же время иногородние граждане, нарушившие требования пропускного режима, лишаются пропуска сроком на один год (п. 43). Граждане, из числа иногородних, имеющие право на въезд в город, допустившие нарушение пропускного режима, на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования не допускаются в течение одного года (п. 47). Отдельно в соответствующих Инструкциях указано, что жители города Новоуральска «лишаются права пользования постоянным пропуском на срок до шести месяцев в случаях их задержания при: 1) попытке несанкционированного провоза в транспортном средстве постороннего лица (лиц) на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования; 2) оказании содействия в проникновении постороннему лицу (лицам) на территорию г. Новоуральска; 3) передаче своего пропуска иному лицу (п. 51)» [9].

В соответствии с Инструкцией по пропускному режиму в контролируемую зону закрытого административно-территориального образования Александровск Мурманской области (пп. 9.2, 9.3) граждане, допустившие нарушения особого режима в ЗАТО, лишаются пропуска для въезда в ЗАТО Александровск и удаляются сотрудниками ОВД за пределы контролируемой зоны [8].

В Постановлении Администрации ЗАТО Видяево от 23 декабря 2010 года № 932 «Об утверждении инструкции по пропускному режиму в закрытое административно-территориальное образование

Видяево» указано, что в рамках привлечения к административной ответственности за нарушение положений Инструкции «лица, допустившие нарушения правил въезда, временного пребывания и передвижения на территории ЗАТО Видяево, ... выдворяются за пределы закрытого образования» (п. 7.1), а также лишаются пропуска (п. 7.3).

Таким образом, наряду с мерами административной ответственности, предусмотренными санкциями ст. 20.19 и других статей КоАП РФ, к наказаниям за нарушение особого режима ЗАТО, а также установленными инструкциями в отдельных ЗАТО пропускного режима добавляется: лишение права пользования пропуском (лишение пропуска) или периодического въезда (на определенный срок, как правило, до года), временного въезда, не допущение на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования, выдворение за пределы закрытого образования и т.п.

Заметим, что указанные меры принуждения по способу обеспечения правопорядка и целевому предназначению носят характер наказания, поскольку применяются к нарушителям установленных нормой запретов. При этом они не относятся к мерам ни административной, ни дисциплинарной, ни иного вида ответственности, выделяемого в доктрине и законодательстве.

С одной стороны, лишение права пользования пропуском, временного или периодического въезда и пр. созвучно с таким видом административного наказания как «лишение специального права, предоставленного физическому лицу» (ст. 3.2 КоАП РФ). С другой стороны, они не предусмотрены Особенной частью КоАП РФ, где перечислены разновидности административного наказания «лишение специального права»: лишение права управления транспортным средством, судном, на эксплуатацию радиоэлектронных средств или высокочастотных устройств, на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия и патронов к нему, осуществлять охоту. Трудно отнести эти меры к обеспечительным, поскольку они применяются к правонарушителям, вина в нарушении режима ЗАТО которых уже установлена, а производство по делу об административном правонарушении завершено.

Видимо, с целью внести ясность в определение природы мер принуждения, устанавливаемые в инструкциях на муниципальном уровне, Законодательное собрание Красноярского края в мае 2015 года внесло законопроект в Государственную Думу «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Предлагалось инкорпорировать в систему КоАП новый вид административного наказания – административное выдворение за пределы территории ЗАТО (по аналогии с административным

выдворением за пределы РФ иностранного гражданина или лица без гражданства). Часто применяемое к нарушителям режима ЗАТО выдворение за пределы только территории ЗАТО «не встраивается» в закрепленную действующим российским законодательством систему мер административной ответственности. В законопроекте предполагалось, что подобное наказание будет являться дополнительным за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.19 КоАП, налагаться судьей и исполняться ОВД (п. 2 ст. 1 Проекта Федерального закона № 791408-6). Законопроект не был рекомендован заключением правового управления Аппарата ГД ФС РФ к принятию и был отклонен ГД РФ 15 сентября 2015 г. в связи с неопределенностью критериев для принятия решения о выдворении с территории ЗАТО и с недостаточной обоснованностью увеличения штрафов (без градации по тяжести правонарушений). Между тем попытка выступить с такой законодательной инициативой, чтобы упорядочить меры административного принуждения за нарушение режима ЗАТО, обозначила реально существующие проблемы муниципального нормотворчества в регламентации данной сферы.

Отмечая отсутствие единообразия в инструкциях ЗАТО различных типов, исследователями предлагается законодательно установить единые основные правила осуществления пропускного режима на территорию ЗАТО и объектов, расположенных в них [6, с. 5]. Между тем думается, что отсутствие единых правил для закрытых образований различных видов может объясняться спецификой расположенных на территории ЗАТО объектов. Потому общая унификация таких правил приведет лишь к необходимости дополнительной регламентации в каждом отдельном ЗАТО или их группе, выделяемой по типу объектов, подведомственных Росатому, Министерству обороны или Роскосмосу.

Думается, что уместнее все же рассмотреть необходимость единообразия норм, регламентирующих ответственность за нарушение режима ЗАТО именно внутри групп ЗАТО, которые отличаются по подведомственности находящихся на их территории охраняемых объектов.

Рассмотренные вопросы правовой регламентации обеспечения функционирования пропускного режима, как неотъемлемого элемента административно-правового режима ЗАТО, позволяет сделать некоторые выводы.

В практике нормотворчества присутствует недопустимая «смелость» творчества. Принимаемые на муниципальном уровне уполномоченными органами и должностными лицами инструкции по обеспечению особого режима в каждом ЗАТО с помощью средств юридической техники (конкретизации и дополнения): 1) определяя пропускной режим по-разному для каждого ЗАТО, формиру-

ют различный перечень ограничений, несоблюдение которых влечет ответственность нарушителей установленного в ЗАТО особого режима; 2) объединяют различные статьи КоАП РФ (в каждой инструкции это разные статьи) в единый механизм защиты и охраны режима, размывая контуры состава административного правонарушения – нарушение установленного законом особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, за которое предусмотрены административные наказания; 3) предусматривают меры, которые дополняют установленную законодательством ответственность за нарушение пропускного режима ЗАТО, носят характер наказания, но не относятся к мерам ни административной, ни дисциплинарной, ни иного вида ответственности, выделяемого в доктрине и законодательстве.

Несмотря на то, что для правоприменителя такого рода конкретизация и детализация может быть важной, все же практика подзаконного нормотворчества не должна привносить бессистемность в правовое основание обеспечения режима ЗАТО. В практике нормотворчества при определении запретов пропускного режима ЗАТО, события правонарушения, его субъекта, наказания за нарушение предусмотренных ограничений должен присутствовать баланс, обеспечиваемый четкостью нормативного закрепления «нарушения и наказания». Такой баланс позволит, с одной стороны, не переусердствовать в излишней детализации, а с другой, – не «оголитель» недосказанностью законодательных и подзаконных норм всю систему государственного обеспечения функционирования режима ЗАТО.

Библиографический список

1. Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1915.
2. Инструкция «О порядке обеспечения особого режима в ЗАТО Северск, на территории которого расположен – Сибирский химический комбинат Министерства Российской Федерации по атомной энергии» (Утв. в 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://closedcities.ru/zakonodatelstvo_o_zato/mestnye_normativnye_akty/normativnye_akty_zakrytyh_administrativno-territor/ (дата обращения: 24.05.2016).
3. Постановление Администрации г. Заречного от 10.04.2014 № 708 «Об утверждении Инструкции «О пропускном режиме закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) город Заречный Пензенской области» (вместе с «Инструкцией № 52 о пропускном режиме закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) г. Заречный Пензенской области» // Ведомости Заречного. – 2014. – № 15. – С. 7.

4. Инструкции о въезде в контролируемые зоны закрытого административно-территориального образования – города Озерска Челябинской области для постоянного проживания (временного пребывания) физических лиц И-ОР-039-2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.ozerskadm.ru/upload/2016/01/Инструкция%20И-ОР-039-2013%20\(с%20изменением%20№1%20от%2001.04.2015\).pdf](http://www.ozerskadm.ru/upload/2016/01/Инструкция%20И-ОР-039-2013%20(с%20изменением%20№1%20от%2001.04.2015).pdf)

5. Инструкции о въезде граждан в контролируемую зону категории «А» и контролируемую зону категории «Б» ЗАТО Снежинск. Приложение к приказу директора ФГУП «Российский Федеральный Ядерный Центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е.И. Забабахина» от 30.08.2013 № 5034 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fsnz.susu.ru/media/file/ОК/инструкция_по_въезду_в_город.pdf (дата обращения: 24.05.2016).

6. *Кильдеева Ю.Р.* Правовой статус закрытых административно-территориальных образований // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 1(1). – С. 1–7.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ч. I. – Ст. 1.

8. Постановление Администрации муниципального образования закрытого административно-территориального образования Александровск Мурманской области 09 февраля 2016 № 290 «Об утверждении Инструкции по организации и осуществлению пропускного режима в закрытое административно-территориальное образование Александровск Мурманской области» // Полярный Вестник. – 2016. – № 6. – С. 13.

9. Постановление Администрации Новоуральского городского округа от 09.10.2013 № 2557-а (ред. от 15.04.2015) «О введении в действие Инструк-

ции о пропускном режиме в контролируемые зоны ЗАТО г. Новоуральск» // Сборник официальных документов. – 2013. – № 37.

10. Постановление Правительства РФ от 11.06.1996 № 693 (ред. от 29.04.2016) «Об утверждении Положения о порядке обеспечения особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 40. – Ст. 4645.

11. Постановление Правительства РФ от 26 июня 1998 г. № 655 «Об утверждении Положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 27. – Ст. 3180.

12. Постановление Правительства РФ от 29 июня 2011 г. № 519 «Об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты космической инфраструктуры» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 28. – Ст. 4213.

13. Постановление Администрации ЗАТО поселок Видяево от 06.09.2011 № 686 (ред. от 14.01.2013) «Об утверждении инструкции по пропускному режиму в закрытое административно-территориальное образование Видяево» // Вестник Видяево. – 2011. – № 28. – С. 4–5.

14. Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» (с изм. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 16. – Ст. 1935.

15. Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (с изм. от 12 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются существующие в науке административного права критерии деления мер административного принуждения и основанные их классификации. Проанализировав встречающиеся в научной литературе классификации, автор предлагает свой вариант деления по комплексному критерию: основания и непосредственная цель применения мер. В связи с новой авторской классификацией в системе мер административного принуждения выделяются: меры административного контроля (надзора), меры административного пресечения, меры административной ответственности, меры административного исполнения, меры административно-правового содержания. Выносятся предложения по нормативному закреплению приведенной системы мер.

Ключевые слова: меры административного принуждения, классификация мер административного принуждения, основания классификации, законодательное закрепление классификации.

«Административно-принудительные средства», «административно-принудительные меры», «меры принудительного обеспечения должного поведения», «принудительные правоохранительные средства воздействия» – все это синонимы мер административного принуждения. Разброс мнений существует как по поводу наименования этого способа властного воздействия, так и применительно к его систематизации. Меры административного принуждения разнообразны по своим характеристикам (назначению, основаниям и порядку применения), их достаточно большое количество, а единообразное правовое регулирование данных мер отсутствует. Для решения этого весьма острого вопроса представляется полезным изучение классификации мер принуждения по различным основаниям. Систематизация мер принуждения необходима, так как ее правильное осуществление:

- позволит уяснить сущность мер, правовую природу, цели, допустимость, достаточность правового регулирования;
- имеет большое значение для изучения практики применения мер принуждения, обеспечения эффективности их воздействия на правонарушителей;
- позволит лучше оценить правовую урегулированность «защищенности» лиц и организаций, подвергаемых принуждению;
- является необходимой предпосылкой для научной кодификации и изучения мер административного принуждения.

Исторически проблема классификации мер административного принуждения в юридической науке разрешалась следующим образом. Согласно первой классификации меры административного принуждения, исходя из наличия административных санкций, подразделялись на административные взыскания и иные меры административного принуждения [19, с. 65]. Эта точка зрения С.С. Студеникина и Ц.А. Ямпольской господствовала до конца 50-х годов XX века. Такой же позиции придерживались А.Е. Лунев [11, с. 90] и Г.И. Петров [16, с. 299]. Однако последний предлагал выделять административные взыскания и меры административного обеспечения. В зависимости от характера санкций

С.С. Алексеев различал меры юридической ответственности, меры защиты и превентивные предупредительные меры [2, с. 378]. В настоящее время данная классификация является довольно простой и не вызывает большого интереса.

В 1956 году профессор М.И. Еропкин предложил трехчленную классификацию. Она считалась общепринятой до середины 1980-х годов. Согласно позиции М.И. Еропкина, меры административно-правового принуждения по цели и способу обеспечения правопорядка подразделяются на 3 группы: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, меры административного взыскания (наказания) [7, с. 65–66].

А.П. Корнев [9, с. 213], Л.Л. Попов [1, с. 153], В.С. Четвериков [21, с.192] дополняют приведенную классификацию четвертым элементом – мерами административно-процессуального обеспечения. Ю.М. Козлов также выделяет меры обеспечения производства по делу, однако не ставит их в один ряд с мерами пресечения, взыскания и предупреждения, а утверждает, что они «размыты в составе приведенной трехчленной структуры» [6, с. 160]. Он конкретизирует, что меры административного наказания подразделяются на меры административной ответственности и административные взыскания.

Административно-процессуальные меры выделяет и И.И. Веремеенко [17, с. 63], однако, в его классификации отсутствуют меры административного пресечения.

Л.М. Розин [17, с. 184] вносит в классификацию пятый элемент – восстановительные меры, предназначенные для восстановления нарушенного правопорядка, прав граждан.

Наиболее прогрессивной представляется классификация мер административно-правового принуждения, предложенная П.И. Кононовым, который полагает возможным выделить следующие виды таких мер:

- меры административного контроля (надзора);
- меры административного пресечения;
- меры административно-процессуального обеспечения;

- меры административной ответственности;
- меры административного исполнения [8, с. 138].

Данная классификация наиболее предпочтительна, так как в ней не выделяются административно-предупредительные меры, существование которых имеет спорный характер. Их не выделяют ни Д.Н. Бахрах, ни М.С. Студеникина, которая, в свою очередь, полагает, что так называемые административно-предупредительные меры представляют собой обязанности, исполняемые большинством граждан добровольно, без принуждения. По ее мнению, «возникновение обязанности помимо воли обязанного лица не означает еще принуждения» [20, с. 7]. Меры административно-процессуального обеспечения в данной классификации выделены в отдельную самостоятельную категорию. Это обосновывается тем, что некоторые меры, указанные в ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ (осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, осмотр транспортного средства, освидетельствование лица на состояние опьянения, привод лица, в отношении которого ведется производство по делу, или свидетеля) и другие подобные административно-принудительные меры (запрет на отчуждение (передачу) в залог имущества налогоплательщика без согласия налогового органа и приостановление операций по счетам в банке) направлены не на пресечение совершенного административного правонарушения, а на установление и процессуально-правовое закрепление доказательств по возбуждаемому делу об этом правонарушении. Впервые в литературе по административному праву в качестве мер административного принуждения оправданно выделены меры административного контроля (надзора). П.И. Кононов обосновывает это тем, что «в процессе проведения проверок должностные лица контрольно-надзорных органов применяют в отношении подконтрольных (поднадзорных) субъектов меры административного принуждения, выражающиеся в совершении властных действий, направленных на установление соответствия деятельности (действий) указанных субъектов обязательным требованиям, предусмотренным законодательством» [8, с. 140], которые в свою очередь не нашли отражения в предыдущих классификациях. В качестве самостоятельного элемента выделены меры административного исполнения. Обозначил их еще И.М. Машаров в монографии «Административно-публичная деятельность в России. Проблемы правового регулирования». Он отмечает: «Сущность рассматриваемого метода административного принуждения заключается в оказании на физическое или юридическое лицо властного административно-правового воздействия в целях обеспечения исполнения им возложенной на него субъективной юридической, как

правило, публично-правовой обязанности, не исполненной им добровольно» [14, с. 157]. Данные меры по своей природе и целевому назначению не могут быть отнесены ни к одному из ранее выделяемых видов мер административно-правового принуждения. В этой связи имеются все основания для их обособления в отдельную категорию.

В зависимости от оснований применения среди мер административно-принудительного характера Д.Н. Бахрах называет меры пресечения, административно-восстановительные меры, меры наказания (ответственности) [4, с. 521]. Таким образом, он избежал неоправданного выделения административно-предупредительных мер и при этом обозначил административно-восстановительные меры принудительного характера. Причем последние не нашли отражения в действующих административно-правовых нормах. Кроме того, как отмечает Ю.М. Козлов, уже названный вид административно-принудительных мер «в большей или меньшей степени выполняют правосстановительную функцию (особенно пресекательные и наказательные меры)» [3, с. 234], в связи с чем не представляется оправданным их выделение. Предложенной Д.Н. Бахрахом позиции придерживается и Н.В. Макарейко [12, с. 34].

По данному вопросу имеются и другие точки зрения. Так В.М. Манохин [13, с. 167–168] предлагает классифицировать меры административного принуждения исходя из их назначения на меры, применяемые в силу государственных нужд, контрольно-предупредительные меры, меры пресечения административных правонарушений, меры процессуального обеспечения. В зависимости от стадии развития угроз безопасности Д.В. Осинцев [15, с. 9] выделяет методы выявления угроз безопасности, методы административно-правового пресечения, метод административно-правового восстановления нарушенных режимных требований, метод административной ответственности, метод административно-правового сдерживания. А.В. Коркин по основаниям применения меры административного принуждения подразделил на меры, применяемые при отсутствии правонарушений (административно-профилактические меры), и меры, применяемые в связи с совершением правонарушения (включает в себя метод административной ответственности (административного наказания), метод пресечения с выделением подгруппы процессуально-обеспечительных мер производства, административно-восстановительные меры) [10, с. 16–17]. К.С. Бельский в зависимости от материальной предметности и процессуальности выделяет меры административной юрисдикции и меры прямого административного принуждения («action directe») (административно-предупредительные, административно-пресекательные, административно-восстановительные меры) [5, с. 620–621].

Интересную классификацию мер административно-правового принуждения предложил А.И. Стахов. В зависимости от целевой направленности, обусловленной однородными факторами и условиями (ситуациями) окружающей среды, способными причинить (причиняющих, причинивших) вред благам и ценностям, составляющим конституционные и иные законные интересы личности, общества, государства и нации в сфере административно-правового регулирования он выделяет административно-санкционирующие, административно-юрисдикционные, административно-казуальные меры [18, с. 133].

В юридической литературе предлагаются и иные системы мер административного принуждения, а поскольку единого нормативного акта, закрепляющего систему мер административного принуждения нет, то в конечном итоге получается, что существует ровно столько систем и классификаций мер административного принуждения, сколько высказано разными авторами мнений. На наш взгляд, наибольшего внимания заслуживают классификации, предложенные П.И. Кононовым, Д.В. Осинцевым и А.И. Стаховым. Таким образом, считаем необходимым осуществить правовую регламентацию и систематизацию мер административного принуждения путем использования единого комплексного критерия – основания и непосредственная цель применения мер административного принуждения. В связи с этим система мер административного принуждения примет следующий вид:

1) меры административного контроля (надзора), под которыми понимаются административно-правовые средства, применяемые гласно и негласно органами исполнительной власти в целях защиты жизненно-важных интересов, направленных на получение информации об угрозах безопасности и о субъектах, к ним причастных. Характер административно-принудительных мер приобретает при осуществлении временного ограничения абсолютных прав субъектов;

2) меры административного пресечения, включающие в себя некоторые из мер, названные Д.Н. Бахрахом административно-восстановительными;

3) меры административно-процессуального обеспечения;

4) меры административной ответственности;

5) меры административного исполнения;

6) меры административно-правового сдерживания, суть которых в не предоставлении дополнительного управомочивающего (льготного, преференциального или привилегированного) статуса или льгот, которыми субъект был наделен в индивидуальном порядке и имел правосубъектные основания для их получения. Применение мер административного сдерживания, в отличие от выше указанных мер, не связано с лишением реально принадлежащих статусных элементов или уста-

новлением запретов и обязанностей. При мерах данного вида ответственный субъект не наделяется тем, что ему могло быть предоставлено в качестве административных льгот.

Нормативное закрепление приведенной системы мер принуждения представляется правильным осуществить путем принятия единого нормативного акта в форме федерального закона. Административно-правовые меры должны быть подвергнуты детальной процессуализации. В нормах федерального закона об административном принуждении необходимо закрепить виды таких мер, предельно ясно и точно определить основания и порядок их применения. Особенности мер принуждения в рамках отдельных видов органов должны регулироваться ведомственными нормативными правовыми актами на основе общих положений.

Библиографический список

1. Административное право / под ред. Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2005. – 703 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций в 2 томах. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.
3. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2003. – 608 с.
4. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. – М.: Норма, 2007. – 816 с.
5. Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс. – М.: Дело и Сервис, 2004. – 360 с.
6. Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции. – М.: Юрид. лит., 1975. – 192 с.
7. Ерошкин М.И. О классификации мер административного принуждения // Вопросы административного права на современном этапе. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 60–68.
8. Кононов П.И. Проблемы административного права и процесса. – Киров: Аверс, 2013. – 392 с.
9. Корнев А.П. Административное право России. Учебник: в 3-х частях. – М.: МЮИ МВД России. Изд-во «Щит-М», 1999. – Ч. I. – 280 с.
10. Коркин А.В. Конституционные основы института административно-правового принуждения в деятельности сотрудников милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 27 с.
11. Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. – М.: Госюриздат, 1961. – 186 с.
12. Макарейко Н.В. Административное право: краткий курс лекций. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 212 с.
13. Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: учебник. – Саратов: Изд-во Саратовская государственная академия права, 2003. – 516 с.

14. *Машиаров И.М.* Административно-публичная деятельность в России. Проблемы правового регулирования: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 239 с.

15. *Осинцев Д.В.* Методы административно-правового воздействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 53 с.

16. *Петров Г.И.* Советское административное право. Общая часть: Учеб. пособие. – Л.: Изд-во Ленгр. ун-та, 1960. – 344 с.

17. *Розин Л.М.* Проблемы классификации мер административного принуждения // Управление и право. – 1982. – Вып. 7. – С. 182–186.

18. *Стахов А.И.* Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федера-

ции: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. – 199 с.

19. *Студеникин С.С.* Советское административное право. – М.: Госюриздат, 1949. – 307 с.

20. *Студеникина М.С.* Законодательство об административной ответственности и проблемы ее кодификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1968. – 16 с.

21. *Четвериков В.С.* Административное право. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 512 с.

22. *Ямпольская Ц.А.* Органы советского государственного управления в современный период / отв. ред. В.Ф. Коток. – М.: Изд-во Акад. наук, 1954. – 227 с.

УДК 342.9

Гаджиев Абдулхаким Кутбудинович

*МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, г. Пятигорск
CherkasovKV1978@yandex.ru*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОЛЛЕГИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА

В статье исследуется правовой статус Региональных коллегий федеральных органов исполнительной власти в современных условиях. Анализируется правовая основа их функционирования и направления деятельности, а равно состав и структура. Основной целью функционирования Региональных коллегий федеральных органов исполнительной власти является повышение эффективности деятельности территориальных структур федеральных исполнительных органов, усиление координации их деятельности, а равно взаимодействия органов исполнительной власти разных уровней публичного управления. Они призваны содействовать реализации главой государства своих полномочий по осуществлению согласованного взаимодействия региональных органов государственной власти; выполнению задач территориальными структурами федеральных исполнительных органов; оптимизации совместной деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти регионов, исключению их функционального дублирования. В статье освещена практика работы Региональных коллегий федеральных органов исполнительной власти. Показаны основные полномочия их председателей и членов.

Ключевые слова: региональные коллегии федеральных органов исполнительной власти, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, главный федеральный инспектор по субъекту Российской Федерации аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе, регион, консультативный орган.

Региональные коллегии федеральных органов исполнительной власти (далее – Коллегии) созданы и функционируют на основе акта главы государства с мая 1998 года [1]. Они призваны аккумулировать потенциал федеральных органов исполнительной власти в их территориальном звене. Вместе с тем, вопрос о целесообразности институционализации подобных структур был поставлен несколько ранее, а именно в ежегодном Послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации в феврале 1998 года, где в разделе 3.3. «Усиление ответственности региональной и местной власти» был сделан посыл следующего содержания: «Задачу координации деятельности территориальных подразделений федеральных структур необходимо возложить на полномочных представителей Президента Российской Федерации в регионах. Они должны возглавлять федеральные коллегии – регулярные совещания руководителей территориаль-

ных “филиалов” федеральных органов исполнительной власти»[3].

Коллегии были учреждены при полномочных представителях Президента Российской Федерации в регионах Российской Федерации в качестве совещательных структур. Нормативный правовой акт, регламентирующий их статус, не утратил юридической силы, действует без каких-либо изменений и дополнений по сей день. Институт полномочных представителей главы государства на местах был коренным образом реорганизован в 2000 году и, следуя логике, данные консультативные (совещательные) органы должны существовать при полномочных представителях (далее – полпред) Президента Российской Федерации в федеральных округах. Однако в настоящее время они функционируют в субъектах России и возглавляются главными федеральными инспекторами по субъектам Российской Федерации аппаратов полномочных представителей Президента Российской

Федерации в федеральных округах (далее – главный федеральный инспектор). При этом возможны некоторые незначительные коррективы в их наименованиях. Такая ситуация сложилась в силу учреждения и деятельности Советов при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах (далее – Советы) [2]. В этой связи отдельные нормы действующего правового акта фактически не исполняются.

Основной целью функционирования Коллегий выступает повышение эффективности деятельности территориальных структур федеральных исполнительных органов, усиление координации их деятельности, а равно взаимодействия органов исполнительной власти разных уровней публичного управления. Они призваны содействовать реализации главой государства своих полномочий по осуществлению согласованного функционирования и взаимодействия региональных органов государственной власти; согласованному выполнению задач территориальными структурами федеральных исполнительных органов; оптимизации совместной деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти регионов, исключению их функционального дублирования.

К основным функциям Коллегий относится: комплексный анализ ситуации в регионах и представление необходимых предложений главным федеральным инспекторам; рассмотрение различного рода вопросов, связанных с развитием регионов и относящихся к полномочиям территориальных структур федеральных исполнительных органов; формирование планов совместной работы территориальных структур федеральных органов исполнительной власти; рассмотрение предложений региональных государственных органов и органов местного самоуправления, а также общественных объединений и граждан по вопросам, отнесенным к компетенции Президента России и федеральных органов исполнительной власти; информирование региональных органов государственной власти и граждан о деятельности федеральных органов исполнительной власти.

В своей деятельности Коллегии руководствуются федеральным законодательством, актами главы государства и высшего органа исполнительной власти страны, положениями о них. Фактически сегодня Коллегии выполняют задачи и функции на региональном уровне, во многом схожие полномочиям Советов. Так, на заседании Коллегии руководителей территориальных органов федеральных органов государственной власти при главном федеральном инспекторе по Ненецкому автономному округу аппарата полпреда в Северо-Западном федеральном округе 26 ноября 2015 года были рассмотрены вопросы о противодействии коррупции в сфере государственных закупок, привлечения

иностранной рабочей силы, соблюдения работодателями трудовых, жилищных, социальных прав иностранных работников, а также налогового законодательства. На заседании Коллегии руководителей территориальных органов федеральных органов государственной власти при главном федеральном инспекторе по Мурманской области аппарата полпреда в Северо-Западном федеральном округе 17 марта 2015 года были обсуждены различные аспекты организации дорожного движения, принимаемые меры по снижению аварийности и смертности в результате дорожно-транспортных происшествий, а также подготовки к пожароопасному сезону. На заседании Коллегии руководителей территориальных органов федеральных органов государственной власти при главном федеральном инспекторе по Ленинградской области аппарата полпреда в Северо-Западном федеральном округе 25 ноября 2015 года была обозначена проблема эффективности деятельности правоохранительных органов, органов государственного контроля (надзора), прокуратуры в сфере противодействия коррупции в оборонно-промышленном комплексе при размещении и выполнении государственного оборонного заказа.

В процессе Координационного совещания с руководителями территориальных федеральных структур при главном федеральном инспекторе по Саратовской области аппарата полпреда в Приволжском федеральном округе 16 декабря 2015 года были проанализированы вопросы защиты прав граждан от неправомерных методов взыскания просроченной задолженности по кредитам, коммунальным и иным платежам; результат мониторинга ценовой и ассортиментной достаточности лекарственных средств в 2014–2015 годах; итоги проведения Общероссийского дня приема граждан, личных приемов граждан руководителями федеральных территориальных структур в 2015 году. На Координационное совещание с руководителями территориальных подразделений федеральных исполнительных органов при главном федеральном инспекторе по Оренбургской области аппарата полпреда в Приволжском федеральном округе 26 ноября 2015 года были вынесены вопросы «О ходе исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2014–2015 годы, утвержденного Указом Президента РФ № 226», «Об организации работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти», «О мерах по защите прав граждан от неправомерных методов взыскания просроченной задолженности по кредитам, коммунальным и иным платежам».

В составы Коллегий входят соответствующий главный федеральный инспектор, начальники тер-

риториальных органов (представительств) «силовых» федеральных органов исполнительной власти (ведущих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий). Руководители иных территориальных органов (представительств) федеральных исполнительных органов включаются в их составы по согласованию с главными федеральными инспекторами. Если территориальный федеральный орган осуществляет свою работу на территориях нескольких регионов, то его руководитель по согласованию с главным федеральным инспектором вправе направить для участия в работе Коллегии иных сотрудников этого органа.

Роль главных федеральных инспекторов в деятельности Коллегий юридически в целом незначительна, в большей степени носит технический характер. Федеральные инспекторы организуют подготовку заседаний, контролируют работу секций и рабочих групп; привлекают организации и специалистов для осуществления экспертно-аналитической деятельности; обеспечивают взаимодействие федеральных и региональных исполнительных органов, а равно иных образований по направлениям функционирования Коллегий и секций; формируют повестки дня заседаний; организуют подготовку информационных материалов о работе Коллегий и секций. На практике значение главных федеральных инспекторов в деятельности Коллегий существенной.

Организационно-техническое и документационное обеспечение деятельности Коллегий осуществляют аппараты главных федеральных инспекторов, а по согласованию с руководителями соответствующих территориальных структур федеральных исполнительных органов главные федеральные инспекторы вправе привлекать к обеспечению деятельности Коллегии и сотрудников данных органов. Члены Коллегий также обладают определенными правами, которые заключаются в следующем: в случае несогласия с принятыми решениями изложить письменно свое мнение, которое подлежит обязательному приобщению к протоколу заседаний секций или Коллегий; обратиться к главным федеральным инспекторам по входящим в компетенцию Коллегий вопросам; пользоваться поступающей в их адрес информацией; принимать участие в заседаниях секций, созданных по решению Коллегий. При этом они обладают равными правами при обсуждении вопросов, внесенных в повестки дня заседаний Коллегий или секций, а также при голосовании.

Основной формой деятельности Коллегий являются заседания, которые проводят главные федеральные инспекторы или по их поручению один из ее членов. Заседания проводятся в соответствии с утверждаемыми Коллегией планами работ. Про-

екты повестки дня заседаний и решений, а также необходимые материалы рассылаются членам не позднее чем за неделю до заседаний. Члены Коллегий обязаны лично участвовать в их работе и не вправе делегировать свои полномочия другим лицам. В то же время, при отсутствии возможности участия в конкретных заседаниях, они могут представить свое мнение по обсуждаемым вопросам в письменном виде. По решению главных федеральных инспекторов на заседания Коллегий могут быть приглашены представители территориальных подразделений федеральных государственных органов (представительств), руководители которых не являются их членами, представители региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов России, общественных и религиозных объединений, средств массовой информации, а также граждане. По решению Коллегий их заседания могут быть закрытыми. Решения Коллегий принимаются большинством голосов членов и оформляются протоколами, которые подписывают председательствующие на заседаниях. Решения Коллегий в семидневный срок после заседаний рассылаются их членам, а также иным заинтересованным должностным лицам и государственным органам.

По решению Коллегий и в соответствии с планами их работ для предварительного рассмотрения комплексных вопросов из числа членов могут быть созданы секции. Количество секций, круг вопросов, подлежащих рассмотрению на их заседаниях, а также персональные составы и руководители утверждаются решениями Коллегий. Решения секций принимаются большинством голосов присутствующих на их заседаниях членов и оформляются протоколами, которые подписывают руководители секций. В дальнейшем эти решения подлежат утверждению на заседаниях Коллегий. Для предварительной подготовки вопросов, вносимых в повестку дня заседаний Коллегий или секций, по решению первых могут быть созданы рабочие группы. В их состав, помимо членов, решением Коллегий или секций могут быть включены ученые и специалисты, работники территориальных структур (представительств), а также по согласованию работники региональных органов государственной власти. Коллегии вправе принять регламенты, определяющие порядок ведения их заседаний, а также деятельности создаваемых секций и рабочих групп. О деятельности Коллегий формируются соответствующие полпреды, глава государства, а также руководство высшего органа исполнительной власти страны.

Следует отметить отчетливый автономно-обособленный характер организации и деятельности Коллегий от Руководства Администрации Президента Российской Федерации, их явное тяготение

к Правительству России как высшему органу исполнительной власти, что обусловлено как качественными характеристиками их субъектных составов, так и руководством актами Правительства России. Важно подчеркнуть ярко выраженный коллегиальный статус анализируемых структур с широкими полномочиями членов Коллегий в принятии многих решений своего ведения и внутренней организации при минимальном объеме прав главных федеральных инспекторов.

В юридической литературе представлены различные, порой диаметрально противоположные суждения относительно возможных перспектив существования Коллегий. Одни авторы обосновывают необходимость их ликвидации. Другие исследователи предпринимают попытку доказать целесообразность дальнейшего функционирования Коллегий как органов, осуществляющих важнейшие федеральные государственные функции межотраслевого характера в субъектах Российской Федерации. При этом в обоснование своей позиции приводятся доводы об эффективном решении Коллегией проблем, имеющих масштаб, равный субъекту Российской Федерации или затрагивающих интересы нескольких граничащих друг с другом регионов. Дополнительно указывается на необходимость совершенствования правовой основы их деятельности, фиксируется перспективность внесения нормативных изменений и дополнений, обусловленных реорганизацией института полномочных представителей главы государства на местах и институционализацией главных федеральных инспекторов [4; 5].

Вместе с тем, на сегодняшний день перспективы существования, а тем более развития Коллегий не очевидны, и подобные идеи не имеют под собой достаточных оснований. Деятельность Коллегий в полной мере компенсируется работой Советов, где рассматриваются, в том числе, и проблемные вопросы развития конкретных регионов, а также функционирование консультативных (совещательных) органов при высших должностных лицах субъектов России, территориально-ориенти-

рованных иных консультативных (совещательных) структур. Принципиальное значение имеют принятые и нормативно оформленные еще в 2005 году известные решения, согласно которым были существенно расширены координационные и кадровые полномочия глав регионов в части взаимодействия региональных органов исполнительной власти и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Исходя из этого, в ближайшей перспективе предлагается признать нормативную основу функционирования Коллегий утратившей юридическую силу, а их ликвидировать.

Библиографический список

1. О Региональной коллегии федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 25 мая 1998 г. № 586 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2407.
2. О Советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах: указ Президента РФ от 24 марта 2005 г. № 337 (в ред. от 25 декабря 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 13. – Ст. 1139; 2014. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7755.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию России «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» от 17 февраля 1998 г. // Российская газета. – 1998. – 24 февр.
4. *Суворова Т.А.* К вопросу об организации взаимодействия органов публичной власти в субъекте Российской Федерации в рамках деятельности Региональных коллегий федеральных органов исполнительной власти // Актуальные вопросы административного и информационного права: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. М.А. Лапина, Г.Ф. Ручкина. – М.: Изд-во Фин. ун-та, 2013. – С. 126–137.
5. *Черкасов К.В.* Консультативные и совещательные органы при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах // Гражданин и право. – 2008. – № 10. – С. 20–33.

РОЛЬ СОЧЕТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА СУБЪЕКТА И ПОТЕРПЕВШЕГО В ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье исследуются вопросы квалификации полового посягательства, совершенного несовершеннолетним в отношении другого несовершеннолетнего. Анализ некоторых таких деяний показал, что в ряде случаев сочетание несовершеннолетнего возраста субъекта и потерпевшего играет роль квалификационного критерия. Особое значение законодатель придал двенадцатилетнему возрасту потерпевшего. Ненасильственные действия сексуального характера или развратные действия, совершенные несовершеннолетним лицом в отношении лица, достигшего 12 лет, не образуют преступления, тогда как те же действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 12 лет, квалифицируются как насильственное половое посягательство, предусмотренное ст. 132 УК РФ. Таким образом, достижение или не достижение потерпевшим 12 лет становится критерием ограничения преступного поведения несовершеннолетнего от не преступного, насильственных половых деяний по признаку использования беспомощного состояния потерпевшего от ненасильственных, то есть формально он изменяет суть поведения несовершеннолетнего субъекта и его квалификацию, тогда как реально его поведение не изменяется. Устанавливая возраст субъекта преступления и потерпевшего в половых преступлениях, законодатель не продумал, как их сочетание может повлиять на уголовную ответственность. Сегодня такое сочетание приводит к нелогичности и противоречивости квалификации половых преступлений.

Ключевые слова: половое преступление, развратные действия, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний субъект, квалификация преступления.

«Обусловленные несовершеннолетним возрастом физические, интеллектуальные и социальные особенности личности выступают основанием дифференциации уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних. При этом перед законодателем и правоприменителем стоит задача обеспечения баланса между таким воздействием и охраной» [5, с. 144], в силу чего интерес вызывает квалификация посягательств одного несовершеннолетнего на другого.

Спецификой гл. 18 УК РФ является то, что во всех расположенных в ней составах преступлений несовершеннолетний может выступать потерпевшим, и в большинстве из них субъектом преступления.

В отличие от большинства глав УК РФ, в главе 18 несовершеннолетие потерпевшего имеет детализированную градацию. Потерпевшими от насильственных половых посягательств признаются все лица, не достигшие 18 лет. В ст. 131 и 132 УК РФ они разделены на две категории: лица, не достигшие 14 лет (малолетние) и лица, достигшие 14, но не достигшие 18 лет (несовершеннолетние в узком смысле). И в том, и в другом случаях совершение деяния образует особо квалифицированный состав преступления. Таким образом, возраст потерпевшего выступает критерием выделения особо квалифицирующих признаков деяния, существенно ужесточающим наказания (лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет при посягательстве на малолетнего и от восьми до пятнадцати лет – на лиц от 14 до 18 лет). В ст. 133 УК РФ несовершеннолетний возраст потерпевшего не разделен (не имеет градации) и включен квалифицирующим признаком в ч. 2 указанной статьи с увеличением срока наиболее строгого наказания до пяти лет лишения свободы, что пятикратно пре-

вышает размер этого наказания за основной состав преступления (ч. 1 ст. 133 УК РФ).

В ненасильственных половых преступлениях (ст. 134 и 135 УК РФ) потерпевшими признаются только несовершеннолетние лица, возраст которых также дифференцирован, но иным образом, чем в насильственных деяниях. Прежде всего, обращает на себя внимание, так сказать, усеченность несовершеннолетия, поскольку максимальный возраст потерпевшего ограничен 16 годами. Согласно примечанию к ст. 131 УК РФ лица, не достигшие 12 лет, в силу возраста признаются беспомощными, поскольку не могут понимать характер и значение совершаемых с ним действий и поэтому совершение в отношении них любого полового посягательства образует деяние, предусмотренное ст. 131 или 132 УК РФ. Значит, минимальный возраст потерпевших в рассматриваемых деяниях ограничен двенадцатью годами. Таким образом, в преступлениях, предусмотренных ст. 134 и 135 УК возраст потерпевших очерчен всего четырьмя годами – от 12 до 16 лет, который, несмотря на его узость, также дифференцирован. Возраст от 12 до 14 лет выделен в квалифицирующие признаки (ч. 3 ст. 134 и ч. 2 ст. 135 УК РФ), с ужесточением санкций (от трех до десяти лет лишения свободы и от трех до восьми лет соответственно указанным нормам).

Таким образом, позиция законодателя проста и очевидна: чем моложе потерпевший, тем больший вред преступлением ему может быть причинен, в силу чего законодатель признает такие посягательства более общественно опасными, что и находит свое отражение в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм.

Возраст субъектов половых преступлений также дифференцирован. В составах преступлений,

предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ его минимальный возраст установлен в 14 лет, в ст. 133 УК РФ – в 16 лет и в предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ – в 18 лет. Единственным преступлением, в котором предусмотрен возраст общего субъекта, является понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ).

В специальной литературе подчеркивается, что «возрастной критерий ответственности в любой правовой системе неразрывно связан со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими... Законодатель, определяя возраст уголовной ответственности, исходит из презумпции достижения лицом к этому возрасту достаточного уровня развития, чтобы осознавать характер своих действий и их запрещенность» [3, с. 92, 95]. «Возрастной критерий субъекта преступления – это возраст несовершеннолетнего, с наступлением которого он по уровню своего психофизического развития в состоянии действовать на основе здравого рассудка и вполне может осознавать общественно опасный характер своих действий и их последствий» [8, с. 49]. По мнению А.А. Федонкиной, «возможность привлечения к уголовной ответственности тесно связана, во-первых, с достаточной способностью подростка к пониманию противоправности совершаемых им поступков, во-вторых, с достаточным уровнем развития личности для того, чтобы он мог регулировать свое поведение на основе такого понимания» [9, с. 45]. Таким образом, именно осознание общественной опасности поведения, составляющего его действия (бездействия), его вредности для потерпевшего лежит в основе определения возраста субъекта того или иного деяния. И значит, устанавливая возрастную градацию субъекта полового преступления, законодатель предполагает, что в каждом случае его совершения несовершеннолетний понимает и осознает общественную опасность своего поведения, а совершая его на другого несовершеннолетнего, также повышенную опасность и вред для потерпевшего.

На первый взгляд, представленные дифференциации возраста, как потерпевшего, так и субъекта половых преступлений представляются достаточно логичными. Вместе с тем, сочетание их возрастов в некоторых составах половых посягательств приводит к такой квалификации содеянного, которая позволяет усомниться в логичности и целесообразности представленной дифференциации.

Так, если преступление, предусмотренное ст. 131 или 132 УК РФ совершается лицом в возрасте от 14 до 18 лет в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, то субъект посягательства и потерпевший могут быть фактически ровесниками. В силу таких обстоятельств некоторые ученые справедливо высказывают сомнения в том, что потерпевшее лицо в таких случаях по отношению

к виновному в силу своего возраста находится в каком-либо особо уязвимом, беспомощном или ином состоянии, в котором не может оказывать ему сопротивления и которое виновный осознанно использует для совершения преступления. При этом подчеркивается, что суд, будучи связанным строгими рамками закона, в таких ситуациях вынужден признавать наличие такого квалифицирующего признака как совершение преступления в отношении несовершеннолетнего или малолетнего лица [5, с. 147]. Более того, несовершеннолетний потерпевший может быть старше субъекта преступления на несколько лет (например, потерпевшему около 18 лет, тогда как субъекту только исполнилось 14), однако несовершеннолетний возраст потерпевшего также будет усиливать ответственность субъекта посягательства, что выглядит еще более нелогичным.

Интересные ситуации складываются при квалификации понуждения к действиям сексуального характера одним несовершеннолетним другого, особенно при последующем их вступлении в понуждаемые действия.

Если лицо в возрасте от 16 до 18 лет понуждает лицо в возрасте от 12 до 16 лет к вступлению в действия сексуального характера, в результате чего последний вступает в них, то оно подлежит ответственности только за факт понуждения (ч. 2 ст. 133 УК РФ). Сам состоявшийся сексуальный акт остается без юридической оценки, поскольку вступление в него с лицом, не достигшим 16 лет (при его добровольности) охватывается ст. 134 или ст. 135 УК РФ, уголовная ответственность в которых предусмотрена только с 18 лет.

Если лицо того же возраста понуждает к действиям сексуального характера лицо, не достигшее 12 лет, то содеянное квалифицируется как покушение на насильственное половое преступление (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ), поскольку потерпевший в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий (примечание к ст. 131 УК РФ). При вступлении в понуждаемое отношение, в зависимости от его формы вменяется окончательное особо квалифицированное насильственное половое деяние.

Лицо, достигшее 14, но не достигшее 16 лет, понуждающее к действиям сексуального характера лицо, достигшее 12 лет, не подлежит ответственности за такие действия. Вступление указанных лиц в понуждаемое отношение также не влечет юридической оценки. Однако те же действия совершенные в отношении лица, не достигшего 12 лет, квалифицируются как покушение на преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. По сути, такая оценка указанных действий представляет собой юридическую фикцию (признание действительным со-

бытия, не соответствующего действительности), поскольку совершенные действия по понуждению к действиям сексуального характера оцениваются как покушение на насильственное половое преступление, что не соответствует фактически совершенному деянию. Вступление в понуждаемое действие оценивается как оконченное указанное насильственное особо квалифицированное преступление, совершенное посредством использования беспомощного состояния потерпевшего.

Совершение действий, предусмотренных ст. 134 или ст. 135 УК РФ, лицом, достигшим 14, но не достигшим 18 лет, не образует указанных в этих статьях составов преступлений. Однако их совершение тем же лицом, но в отношении лиц, не достигших 12 лет, влечет вменение составов преступлений, но предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, что вызывает обоснованную критику со стороны ученых. Наибольшие возражения вызывает оценка развратных действий (особенно бесконтактных), совершенных лицом от 14 до 18 лет. Так как их реализация в отношении лиц в возрасте от 12 до 16 лет остается за рамками действия уголовного закона, тогда как в отношении лиц, не достигших 12 лет, требует квалификации по ст. 132 УК РФ [7, с. 4; 1, с. 327; 2, с. 63–64; 6, с. 95–96; 10, с. 300]. По мнению некоторых ученых, оценка развратных действий, совершенных в отношении лиц, не достигших 12 лет, по ст. 131 или 132 УК РФ прямо противоречит принципу запрета применения уголовного закона по аналогии, поскольку объективной стороной этих составов развратные действия не охватываются. При этом они констатируют, что «текущая редакция примечания к ст. 131 не оставляет правоприменителю полностью законного варианта решения ситуации: он должен либо пренебречь данным примечанием, квалифицировав деяние по ст. 135 УК РФ; либо применить запрещенную аналогию, либо вообще отказаться от уголовной репрессии, что будет противоречить уже принципу гуманизма, декларирующему защиту интересов потерпевших от посягательств» [2, с. 63–64].

С учетом того, что возраст субъекта преступления поставлен в зависимость от уровня интеллектуального развития той или иной возрастной категории лиц, совершающих преступление, возможности осознания ими общественной опасности своего поведения и наступивших от него последствий, устанавливая возраст ответственности за то или иное половое преступление, законодатель исходил из осознания и понимания лицом его смысла, общественной опасности, вреда для потерпевшего или возможности его причинения. Из представленных вариаций квалификации посягательства одного несовершеннолетнего на другого следует, что осознание и понимание своих действий несовершеннолетним или их отсутствие находится в прямой зависимости от возраста лица, в отношении ко-

торого они реализуются, то есть достижения или не достижения им 12 лет. Правильность и логичность такого подхода к вопросу криминализации деяний представляются сомнительными.

Итак, в определении возрастных границ субъектов составов половых преступлений усматривается несогласованность, которая приводит к нелогичной оценке отдельных случаев сексуальных действий, совершенных одним несовершеннолетним в отношении другого, причем и малолетнего лица, и своего ровесника, и тем более лица, более старшего возраста, чем сам субъект преступления. Поэтому правы авторы, утверждающие, что «далеко не всегда при совершении несовершеннолетним преступления в отношении другого несовершеннолетнего, ужесточение карательного характера уголовно-правового воздействия будет обоснованным» [4, с. 74]. В ряде случаев квалификация деяния поставлена в фактическую зависимость от возраста 12-летнего возраста потерпевшего (его достижения или не достижения), а, по сути, обусловлена однозначностью признания беспомощным лица, не достигшего 12 лет, в силу чего ненасильственное посягательство требует оценки как насильственное, совершенное посредством использования беспомощного состояния потерпевшего. В итоге: во-первых, с одной стороны, лицо, не достигшее 18 лет, фактически наделяется законодателем, вполне осознаваемым правом развращать лиц, достигших 12 лет (но не достигших 16 лет); вступать с ними (с их согласия) в любые сексуальные отношения, несмотря на какие бы то ни было последствия – отклонения в их нравственном или физическом развитии, к наступлению которых законодатель остается безразличным, если в них нет признаков самостоятельных составов преступлений. Ответственности за такие действия нет. С другой стороны, вступление в действия сексуального характера с лицами, не достигшими 12 лет с их согласия, а также их понуждение к вступлению в такие действия кардинально меняет ситуацию, делает поведение лиц, достигших 14 лет, уголовно наказуемым. Значит, факт достижения или не достижения потерпевшим 12 лет становится критерием разграничения насильственных и ненасильственных половых посягательств. Во-вторых, фактическое вступление несовершеннолетнего в сексуальные отношения с другим несовершеннолетним посредством насилия или угроз его применения является общественно опасным и влечет для лиц, достигших 14 лет, ответственность по ст. 131 или 132 УК РФ. Тогда как вступление в такие отношения посредством угроз другого содержания (шантажа, изъятия имущества и др.) – не влечет ответственности вообще.

Исследование сочетания возраста субъекта и потерпевшего в половых преступлениях позволяет утверждать, что различные его сочетания в по-

ловых посягательствах становятся их квалификационным критерием. При этом совершение одних и тех же действий, в зависимости от возраста потерпевшего, в отношении которого они совершаются, образуют объективную сторону совершенно разных составов преступлений (тогда как фактически они одни и те же). Получается, что возраст потерпевшего формально изменяет суть (характер) и оценку поведения субъекта, то есть внешнее выражение совершаемого им деяния, тогда как реально оно не изменяется. Поэтому, применяемую сегодня в таких случаях квалификацию содеянного невозможно признать ни правильной, ни тем более истинной.

Законодатель адресует закон, прежде всего, гражданам, рассчитывая на их понимание его содержания и соблюдение. Представленные ситуации и изменение подхода к квалификации содеянного (признание одних и тех же действий, совершенных в отношении лиц разного возраста различными преступными актами) вряд ли способны понять лицо, не имеющее юридического образования, тем более, что речь идет о несовершеннолетнем (в частности о лице, достигшем 14, но не достигшем 18 лет). Совершая конкретные действия, в частности, развратные, оно способно понимать и осознавать их содержание и опасность для потерпевшего, но вряд ли при этом способно понимать и осознавать, что (по мнению законодателя) оно осуществляет насильственные действия сексуального характера, поскольку не применяло насилия, и даже не прикасалось к потерпевшему.

Таким образом, подходы к определению возраста субъекта и потерпевшего половых преступлений и вытекающие из них вопросы квалификации посягательства одного несовершеннолетнего на другого не достаточно продуманы законодателем и требуют серьезной проработки на основе более глубокого и детального исследования через призму осознания несовершеннолетними субъектами этих преступлений опасности своего поведения.

Библиографический список

1. *Бимбинов А.А.* Потерпевший в составе развратных действий: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – С. 326–329.
2. *Гребеньков А.А., Байбарин А.А.* Проблемы квалификации ненасильственных сексуальных посягательств на лиц в возрасте до 12 лет // Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: История и право. – 2013. – № 4. – С. 61–66.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 1359 с.
4. *Ларина Л.Ю.* Некоторые проблемы отражения в законодательстве влияния признаков личности на уголовно-правовое воздействие // Юридическая наука. – 2015. – № 2. – С. 72–75.
5. *Ларина Л.Ю.* Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего посягательство в отношении другого несовершеннолетнего // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 4 (8). – С. 143–149.
6. *Пантюхина И.В.* О противоречиях примечания к ст. 131 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 2 (10). – С. 93–97.
7. *Рарог А.И.* Современные тенденции развития российского уголовного закона. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции (30–31 января 2014 г.). – М.: Проспект, 2014. – С. 3–9.
8. Уголовное право. Часть общая. (Словарь-справочник основных понятий). – Рязань: Рязанский институт права и экономики МВД России, 1998. – 139 с.
9. *Федонкина А.А.* Категория возрастной незрелости в юридическом контексте // Психологическая наука и образование. – 2014. – № 3. – С. 41–50.
10. *Цэнгэл С.Д.* Квалификация развратных действий: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции (28–29 января 2016 г.). – М.: РГ-Пресс, 2016. – С. 298–300.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассматривается вопрос о системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Перечислены наиболее значимые обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам названной категории: данные о потерпевшем, факт причинения имущественного ущерба потерпевшему лицу, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства причинения имущественного ущерба – время, место, способ, средства и системы, используемые для совершения преступления, личность субъекта посягательства, вина, мотив, цель субъекта посягательства и другие. Указывается, что уяснение криминалистической сущности исследуемых данных, совокупности значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию, обеспечит повышение уровня противодействия преступным посягательствам в сфере ЖКХ, позволит весь потенциал следственной и прокурорской деятельности направить на доказывание именно тех обстоятельств, которые имеют исключительное значение при расследовании уголовного дела. Отсутствие должного внимания к процессу доказывания по делам указанной категории, игнорирование значения криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности процесса выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию, неизбежно повлечет негативные последствия для субъектов уголовного преследования, вплоть до уклонения виновного лица от ответственности. Система обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием, занимает главенствующее место в криминалистическом обеспечении деятельности субъектов расследования, а также прокурора.

Ключевые слова: причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием, жилищно-коммунальное хозяйство, криминалистическое обеспечение.

Формально круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, определен в статье 73 УПК РФ.

Доказывание же этих обстоятельств представляет собой четко регламентированный процессуальным законом процесс по их собиранию, проверке и оценке [4, с. 65].

Однако на практике доказывание характеризуется более широким диапазоном действий правоприменителей, чем определено законом. Как верно отмечает А.Р. Белкин, «доказывание есть выяснение связей между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями. Эти связи носят объективный характер; они существуют вне зависимости от того, познаны они или нет, независимо от воли лица, осуществляющего доказывание. В процессе доказывания они выявляются, познаются, позволяя убедиться в истинности того или иного предположения» [2, с. 9].

По мнению В.В. Новика, доказывание – важнейшая часть, сердцевина уголовного процесса. Лишь в результате доказывания, включающего в себя равноценные, взаимодополняющие стороны – мыслительную и практическую, происходит трансформация следов преступления в судебные доказательства [3, с. 19].

Значение криминалистических знаний о доказывании распространяется и на уголовные дела о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ).

Уяснение криминалистической сущности исследуемых данных, совокупности значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию, обеспечит повышение уровня противодействия преступным посягательствам в сфере ЖКХ, позволит весь потенциал следственной и прокурорской деятельности направить на доказывание именно тех обстоятельств, которые имеют исключительное значение при расследовании преступления.

Отсутствие должного внимания к процессу доказывания по таким делам, игнорирование значения криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности процесса выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию, неизбежно повлечет негативные последствия для субъектов уголовного преследования, вплоть до уклонения виновного лица от ответственности.

Таким образом, система обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием, характеризуется особым значением в криминалистическом обеспечении деятельности не только субъектов расследования, но и прокурора.

К наиболее значимым обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовным делам о причинении имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере ЖКХ, можно отнести следующие.

1. Данные о потерпевшем.

Как показывает практика, потерпевшим по изучаемой категории дел выступает юридическое

лицо – хозяйствующий субъект, в связи с этим немаловажное значение имеет выяснение данных о его организационно-правовой форме. Это позволит уже на первоначальном этапе расследования представить характеристику обращения товарно-материальных ценностей внутри предприятия, особенности его взаиморасчетов с контрагентами, условия принятия управленческих решений внутри организации.

Необходимо уяснить финансовое положение юридического лица, данные его бухгалтерского учета. Выяснение этих обстоятельств предоставит возможность определения наименования и места нахождения документов, подлежащих изъятию и исследованию, использования полученных данных при производстве судебных экспертиз, в том числе, бухгалтерских.

Важное место при этом занимает исследование обстоятельств, связанных с финансовой деятельностью потерпевшей организации, причем, как имевшей место до совершения в отношении нее преступления, так и после него. Необходимо определить, какие финансовые и производственные инструменты использовались предприятием для хозяйственной деятельности, какие расчетные счета принадлежали юридическому лицу на момент посягательства.

Таким образом, полноценное выявление следов преступления может быть достигнуто исключительно при надлежащем исследовании обстоятельств, характеризующих финансовую и хозяйственную деятельность потерпевшего лица.

2. Факт причинения имущественного ущерба потерпевшему лицу, характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Верная квалификация содеянного невозможна без достоверно установленного имущественного ущерба, действительно причиненного потерпевшему лицу.

Как правило, имущественный ущерб по анализируемым уголовным делам характеризуется десятками миллионов рублей. Недополученные потерпевшей организацией денежные средства в таких объемах, с учетом специфики и общего финансового состояния отрасли, зачастую приводят к прекращению деятельности, банкротству, невозможности расчетов с контрагентами и даже своими работниками.

По каждому уголовному делу о рассматриваемых преступлениях причиненный ущерб должен быть подтвержден документально и фактически.

3. Обстоятельства причинения имущественного ущерба – время, место, способ, средства и системы, используемые для совершения преступления.

Зачастую преступление, совершаемое в сфере ЖКХ, «растянуто» во времени, обусловлено длительным существованием договорных отношений между организациями, либо юридическим лицом (лицами) и гражданами. Учитывая эти обстоятельства, органу расследования, прокурору, суду

следует обращать внимание на момент возникновения обязательств у сторон, условия заключенного договора, а также предусмотренную договором ответственность за его невыполнение. Следует определить, как фактически действовали стороны соглашения по исполнению взятых на себя обязательств, какая сложилась ситуация в период, предшествующий незаконному причинению ущерба потерпевшей организации.

Пристальное внимание прокурора должно быть обращено на способ причинения имущественного ущерба потерпевшему, а также средства, примененные для его совершения.

По делам о преступлениях, связанных с причинением имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в сфере ЖКХ, субъектом посягательства имущественный ущерб может причиняться путем:

- неоказания услуг или не производства работ, добросовестно оплаченных заказчиком, сопряженных с умышленным умалчиванием данных обстоятельств субъектом посягательства;

- использования имеющихся денежных средств потребителей на не предусмотренные договором цели в своих интересах;

- игнорирования управляющей компанией необходимости перечисления денежных средств, полученных от потребителя, ресурсоснабжающей организации.

Известны и иные способы преступных посягательств в рассматриваемой отрасли.

Вне зависимости от избранного преступником способа действия (бездействия) необходимой составляющей способа преступления является обман и (или) злоупотребление доверием потерпевшего, что позволяет нам говорить о сложном характере способа преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. И каждая из составляющих способа преступления должна быть доказана при осуществлении уголовного преследования.

4. Личность субъекта посягательства.

Зачастую для того, чтобы установить лицо, совершившее преступление, следует провести глубокий анализ должностных обязанностей граждан, обладающих финансово-хозяйственными и организационно-распорядительными полномочиями в организации, установить конкретный объем правомочий, позволивший руководителю совершить преступление.

Из материалов изученных нами уголовных дел видно, что следователи, определяя конкретные полномочия руководителя организации, при предъявлении обвинения в целом правильно ссылались на закрепленные в должностной инструкции права и обязанности субъекта преступления по непосредственному руководству текущей деятельностью организации, по определению основных направлений расходования денежных средств, по

заключению сделок от имени юридического лица без доверенности и др.

При этом необходимо учитывать, что обязанности руководителя могут исполняться и без надлежащего документального оформления. В таком случае пристальное внимание следует обращать на свидетельские показания о фактических полномочиях привлекаемого к ответственности лица, исследовать документы, сохранившие следы его распорядительной деятельности.

Так, приговором суда К. была признана виновной в том, что, фактически исполняя обязанности директора ООО «А», путем злоупотребления доверием, причинила особо крупный имущественный ущерб собственникам жилья на суммы 633 421,7 руб., 3 498 791,5 руб., 4 119 772 руб., 1 973 210,6 руб., при отсутствии признаков хищения. В апелляционной жалобе адвокат в защиту интересов осужденной просил отменить судебный акт, вынести оправдательный приговор. В обоснование доводов жалобы он указывал, что, с учетом того, что в конкретный период осужденная не состояла в трудовых отношениях с ООО «А», правом на распоряжение расчетным счетом она не обладала. При рассмотрении дела в апелляционном порядке было установлено: суд первой инстанции справедливо признал наиболее достоверными и положил в основу приговора показания свидетелей О. и А. о том, что в исследуемый период обязанности директора фактически исполняла К., которая осуществляла всю финансовую деятельность, в том числе распределение денежных средств, хотя официально назначена была на эту должность позднее. Так, свидетель А. сообщила суду, что всеми финансовыми, хозяйственными и управленческими вопросами в ООО занималась К. О таких же обстоятельствах совершенного преступления сообщила суду свидетель Б., работающая главным бухгалтером, которая подтвердила, что К., являясь фактическим руководителем ООО «А», установила порядок распределения денежных средств на расчетных счетах в Обществе, подписывала платежные поручения на бумажном носителе и посредством онлайн-программы «клиент-банк» с использованием не принадлежащей ей электронной подписи. В этой части жалобы доводы автора оставлены без удовлетворения [1].

5. Вина, мотив, цель субъекта посягательства.

Следует выяснять, при каких обстоятельствах и когда у субъекта посягательства возник умысел на совершение преступления, что побудило его к выполнению действий, образующих объективную сторону преступления, какую цель субъект преследовал изначально и достиг фактически, осознавало ли привлекаемое к ответственности лицо, что совершает запрещенное уголовным законом деяние.

Мотивы совершения преступлений, предусмотренные ст. 165 УК РФ, практически всегда обу-

словлены корыстными побуждениями. Виновное лицо стремится обогатиться, достичь больших результатов в хозяйственной деятельности, получив материальную выгоду преступным путем.

Зачастую преследуются и иные цели – уплата кредита, исполнение долговых обязательств, улучшение материально-технической и производственной базы организации. В любом случае, данные операции совершаются за счет незаконно полученных (удерживаемых) денежных средств потерпевшей организации.

6. Обстоятельства, оказывающие влияние на ответственность и назначение наказания, либо исключающие такую ответственность.

Необходимо установить, имеются ли обстоятельства, влияющие на степень и характер общественной опасности содеянного, имеются ли обстоятельства, исключающие ответственность кого-либо из числа привлекаемых к ответственности лиц.

7. Обстоятельства, способствующие совершению преступления.

К названным обстоятельствам следует относить причины и условия, при которых стало возможным преступление, а именно: недостатки общего состояния финансовой дисциплины в организации, несоответствие предъявляемым требованиям средств защиты активов предприятия, ненадлежащий учет денежных средств и их источников получения.

Указанные данные получают путем анализа как общего состояния финансовой безопасности и учета в организации, так и факторов, непосредственно обусловивших совершение преступления. Многие обстоятельства, способствовавшие причинению имущественного ущерба предприятию, устанавливаются по материалам ревизий и документальных проверок, а также в ходе судебно-бухгалтерских экспертиз, которые прокурором должны быть тщательно изучены и при необходимости использованы для формирования доказательственной базы.

Как видно, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, представляя собой взаимосвязанные элементы, включены в единую логическую систему. Представляется, что исследование таких доказательств, как элементов одного механизма, части которого взаимообусловлены, имеет важное криминалистическое значение для установления истины по делу.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 26.05.2015 по делу № 22-3698/2015.
2. *Белкин А.Р.* Теория доказывания. Научно-методическое пособие. – М.: Норма, 1999. – 429 с.
3. *Новик В.В.* Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 469 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2014. – 352 с.

Назарова Надежда Леонтьевна*кандидат юридических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
89331@list.ru***Семенченко Ольга Дмитриевна***Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
curly_olechka@mail.ru*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД

В статье дается системное толкование понятия «финансовая пирамида», исследуются методы и формы борьбы с финансовыми пирамидами в зарубежных странах, проблемы уголовно-правовой квалификации финансовых пирамид в Российской Федерации, практическая значимость внесения изменений в действующий Уголовный Кодекс РФ. В настоящее время в Российской Федерации вопрос о квалификации финансовых пирамид урегулирован в недостаточной степени, именно поэтому необходимо детальное исследование понятия, признаков и видов финансовых пирамид. Исследование проводится с целью совершенствования законодательных (включая уголовно-правовые, административно-правовые и гражданско-правовые) актов и последующей борьбы с мошенничеством, соответствующей условиям социальной и экономической действительности. Это исследование поможет в разработке новых решений для ряда важных проблем уголовного права, таких как: научное обоснование необходимости совершенствования уголовно-правовой борьбы с мошенничеством и признание специфики финансовых пирамид; описание феномена мошенничества в виде создания финансовых пирамид в России; классификация особенностей данного вида мошенничества. Под созданием и руководством финансовой пирамидой понимается осуществление физическим лицом или объединением физических лиц привлечения (получения) финансовых активов от ее участников и получение вкладчиками дохода за счет перераспределения активов других лиц. Для эффективного отправления правосудия, предотвращения мошенничества необходимо внесение поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации, в части установления уголовной ответственности за организацию и управление финансовой пирамидой.

Ключевые слова: финансовая пирамида, мошенничество, законопроект, капиталовложение, вкладчик, механизмы борьбы с финансовыми пирамидами, Европейская служба по борьбе с мошенничеством.

Переход России на рыночные отношения привнес свою специфику в преступления в сфере экономики. В современных условиях правонарушения в сфере экономики приобретают новые формы. Среди преступлений против собственности все большее распространение получает мошенничество, причем этот процесс носит общемировой характер. Только за 2014 год в Москве зарегистрировано 19 065 случаев мошенничества. По словам А.Г. Семенникова, депутата Государственной Думы, «по сравнению с 2011 г. количество преступлений увеличилось на 15,2%» [1]. Мошенническая деятельность причиняет огромный материальный ущерб, ведет к дестабилизации экономики страны. Вместе с тем, раскрываемость преступлений, связанных с мошенничеством, не превышает 38%. Это объясняется многими факторами, в том числе и латентностью преступлений.

При широком многообразии мошеннической деятельности особый интерес представляет наличие мошеннических конструкций, представляющих собой финансовые пирамиды. История отечественного государства и иностранных государств насчитывает огромное количество примеров создания финансовых пирамид. В России расцвет развития инвестиционных институтов пришелся на 1993 год. «Мошенничество, совершаемое путем “финансовых пирамид” причинило ущерб пятой части населения на сумму эквивалентную более 15 млрд. долларов США» [5, с. 8].

Поэтому изучение проблем уголовно-правовой борьбы с мошенничеством является одной из актуальных задач теории и практики отечественного правоведения.

Во многих случаях создание финансовых пирамид влечет ответственность за мошенничество, как в России, так и за рубежом. В соответствии со ст. 159 УК РФ под мошенничеством понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. На сегодняшний день российский законодатель не ограничивается формулированием одного состава мошенничества, а детализирует его в зависимости от тех сфер деятельности, где оно может быть совершено. Федеральным законом от 29 ноября 2012 №207-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен специальными уголовно-правовыми нормами о мошенничестве ст.ст. 151¹–151⁶ УК РФ.

Самое широкое в Европе определение мошенничества содержится в германском законодательстве. Параграф 263 УК ФРГ предусматривает наказание для того, кто «с намерением доставить себе или третьему лицу противоправную имущественную выгоду причинит ущерб имуществу другого путем введения его в заблуждение или поддержания в нем заблуждения, выдавая ложные факты за истинные, или искажая, или скрывая истинные факты» (т.е. причинит с корыстной целью путем обмана имущественный ущерб) [14, с. 32]. Примерный уголовный кодекс США со-

держит описание разнообразных мошеннических действий в разделах «Хищение и родственные ему посягательства» и «Подлог документа и обманные приемы» [6, с. 247]. Уголовный кодекс Испании квалифицирует как мошенничество и иные преступления, которые совершаются с обманом. К их числу относятся «присвоение или растрата любого движимого имущества, которое было получено на хранение, по поручению или для управления либо по другому основанию, порождающему обязанность передать или вернуть имущество (ст. 252), необоснованное присвоение найденной вещи (ст. 253) и невозврат денег или другой движимой вещи, приобретенных необоснованно, по ошибке передавшего их лица» [4, с. 87]. Долгое время в английской уголовно-правовой теории отсутствовало единство взглядов на уголовно-правовое понятие мошенничества, и в этом смысле в словаре к мошенничеству можно было отнести следующие виды преступного поведения: «cheating (афера), conspiracy (сговор), cybercrime (компьютерные преступления), defrauding (обман) (имеется в виду общеправовое преступление – conspiracy to defraud – сговор с целью обмана), dishonesty (бесчестность), false pretence (ложное заявление), forgery (подделка)» [12]. Мошенничество по английскому уголовному праву являлось общим определением вида преступлений, включающих «бесчестное насильственное присвоение какой-либо финансовой выгоды или причинение какого-либо финансового убытка» [11, с. 3]. В январе 2007 года вступил в действие Закон о мошенничестве (The UK Fraud Act), который впервые включил такое специфическое преступление как «мошенничество» в рамки британского права. Британские юристы дают следующее определение мошенничества. «Мошенничество это – получение финансовой выгоды или причинение ущерба путем ярко выраженного или скрытого обмана; это – механизм, посредством которого мошенник получает незаконную выгоду или причиняет незаконный ущерб» [13, с. 21].

Итак, в российском и зарубежном законодательстве основным признаком мошенничества выступает способ причинения ущерба собственнику – обман. При решении вопроса о квалификации преступления следует выяснить, было ли действительно совершено хищение путем обмана или злоупотребления доверием. Причинение ущерба в этих чаще целях всего связано с попыткой ввести вкладчиков в заблуждение относительно истинных целей организатора финансовой пирамиды. Вкладчикам не сообщается о причинах появления дохода, либо с помощью обмана обещается высокая прибыль от якобы нового эксклюзивного вида деятельности. При искажении истины или умолчании о значимых фактах деятельности финансовой пирамиды организатор может быть привлечен к ответственности за мошенничество. Если же об-

ман отсутствует, например, когда участники предупреждены о риске потери инвестиционных вложений, то организаторов этой деятельности можно привлечь за создание финансовых пирамид, в том случае если ответственность предусмотрена законом. Если указания на то в законе нет, то можно говорить о пробелах законодательства.

Что касается средств борьбы с мошенничеством, то в рамках ЕС создана специальная организация – Европейская служба по борьбе с мошенничеством. На Европейскую службу по борьбе с мошенничеством возложены ключевые задачи по защите финансовых интересов ЕС и борьбе с мошенничеством и коррупцией. Для достижения этих целей ЕСБМ наделена широкими возможностями для проведения расследований, как внутренних, в пределах европейских учреждений, так и внешних, в странах – членах ЕС. Используя высокий уровень функциональной независимости, Европейская Служба по борьбе с мошенничеством действует как финансовая полиция, расследования которой часто имеют уголовную значимость и, в конечном счете, передаются судебным властям.

В Российском пространстве, как показал опыт, финансовые пирамиды «прижились» и пользуются народным спросом, многие ученые говорят о так называемых «волнах» финансовых пирамид и насчитывают в нашей стране уже три. Во многом такая «доверчивость» людей к финансовым пирамидам обусловлена нестабильной экономической ситуацией в обществе. Для изучения последних необходимо определиться с терминологией.

Под финансовой пирамидой понимается вид финансово-коммерческой структуры, в которой получение дохода осуществляется посредством привлечения дополнительных инвестиций от новых участников проекта.

Финансовые пирамиды – явление, распространенное по всему миру, несмотря на уровень экономического, социального развития страны. Однако способы, методы и формы борьбы с такого рода преступлениями в различных странах также не одинаковы, при этом некоторые из них оказываются более эффективными, а другие менее, вместе с тем, нельзя отрицать влияние экономического и правового пространства, в рамках которого применяются те или иные способы. Так, например, в Польше существует Закон «О недобросовестной конкуренции», согласно статье 17 которого, «организация пирамиды заключается в схеме продаж, которая подразумевает предложение покупки товаров или услуг с обещанием финансовой выгоды в обмен на убеждение других людей в необходимости сделать те же операции и чтобы получить подобные льготы нужно убедить как можно больше людей для участия в системе» [3, с. 149]. В Германии закон запрещает «вербовать участников в структуры, где доход происходит от взносов

других участников и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или штрафа. Кроме того, предусмотрено наказание и за неоконченное деяние в виде попытки создать такую структуру» [10, с. 257].

В Канаде принят Акт о конкуренции, являющийся законом, направленным на борьбу с финансовыми пирамидами. «В случае неисполнения требований данного закона участники такой деятельности будут обвинены в мошенничестве, а также оштрафованы на сумму до 200 тысяч канадских долларов или лишены свободы сроком на один год, а при наличии в деятельности признаков финансовой пирамиды срок тюремного заключения может быть увеличен до пяти лет» [9, с. 43].

Согласно плану работ в области законодательства, принятого правительством Казахстана, был разработан проект нового закона, согласно которому, «организация и руководство деятельностью финансовой (инвестиционной) пирамиды будут наказываться штрафом в размере от 1 тысячи до 3 тысяч месячных расчетных показателей, либо ограничением свободы на срок до 3 лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества» [2]. Более того, чтобы запретить привлечение денежных средств в деятельность финансовых пирамид, предложено ввести новый пункт в статью 715 «Договор займа» Гражданского кодекса республики Казахстан. Согласно части 3 статьи 1 вышеуказанного проекта закона «не допускается привлечение на добровольной основе от граждан денежных средств или иного имущества либо права на него, при отсутствии фактического занятия деятельностью по отчуждению либо приобретению, иной передаче имущества, выполнению работ либо оказанию услуг, с уведомлением о возможности получения указанными гражданами материальной выгоды за счет добровольного привлечения денежных средств или иного имущества либо права на него от других лиц в пользу организаторов сбора денег» [2].

Многие страны, например, США, ФРГ, Франция, в настоящее время используют самые различные механизмы борьбы с финансовыми пирамидами, например, систему страхования участников. Так инициируется создание компенсационных фондов в инвестиционных компаниях, на фондовых рынках и биржах, при этом участники последних защищены от риска потери большей части вложенных инвестиций в случае банкротства компании. По такому же принципу действуют создаваемые страховые фонды. Данный механизм представляется вполне эффективным для ряда компаний. Вместе с тем, финансовые пирамиды, как правило, не создают «при себе» каких бы то ни было фондов, обеспечивающих финансовую безопасность ее участников. Кроме того, не существует закона, регламентирующего обязанность

по созданию специальных страховых фондов при создании инвестиционных компаний в Российской Федерации.

Для достижения успеха в долгосрочной перспективе в борьбе с мошенничеством создаются специализированные учреждения, например, антикоррупционное агентство, которое, в свою очередь, борется с мошенничеством с помощью общественных информационных кампаний, работы с прессой и активного диалога с другими органами, участвующими в борьбе с мошенничеством – словом, теми способами, которые Лала Кемерер назвала «общественным взаимодействием»: «Если было мало сделано, чтобы вовлечь общество в работу агентства, неизбежным результатом будет недоверие общества к нему и отсутствие информации о том, что происходит. Без такой информации возможности агентства в области расследования бесполезны» [8, с. 2].

Создание любой финансовой пирамиды неизбежно связано с эффектной легендой капиталовложений. Основной целью данного приема является создание иллюзии глубокой продуманности и научной обоснованности инвестиционной политики компании. По сути, организаторам финансовой пирамиды достаточно предложить «новые», незнакомые финансовые услуги, обеспечивающие необычно высокую доходность и надежность хотя бы нескольким людям – будущим инвесторам и заинтересовать их. Далее через некоторое время у первых инвесторов появляется «гарантированный» доход и, как следствие, новые вкладчики. Вновь привлеченные денежные средства идут на погашение обязательств перед предыдущими вкладчиками, и так продолжается до тех пор, пока есть новые вкладчики.

Следует отметить, что Следственным Комитетом РФ разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за создание и руководство деятельностью финансовой пирамиды» (далее – законопроект) [7, с. 4].

Вместе с тем, названный законопроект не является безупречным. Так, например, в названии статьи используется термин «создание». Этимологически «создание» происходит от глагола создать (создавать) и подразумевает лишь комплекс первоначальных действий, в том время как термин «организация» включает в себя деятельность по созданию, объединению, поддержанию и контролю процессов, необходимых для подготовки и создания объекта. Исходя из такой трактовки, целесообразным будет использование термина «организация». Также разумным представляется исключение обязательных и исправительных работ в качестве наказания, предусмотренного за совершение вы-

шеуказанного преступления. Поскольку при исправительных работах осужденный может отбывать последнее по месту своей работы, в таком случае не учитывается, что местом работы является та самая финансовая организация (пирамида). А при назначении наказания в виде обязательных работ трудовая деятельность осуществляется только в свободное от основной работы или учебы время. Данные обстоятельства не соответствуют целям наказания (ст. 43 УК РФ).

В целях защиты участников от риска потери инвестиционных вложений более эффективным для деятельности ряда финансовых компаний представляется создание компенсационных или страховых фондов.

Учитывая опыт зарубежных стран в сфере регламентации ответственности за создание финансовых пирамид, для России следует принять закон, запрещающий создание финансовых пирамид, вовлечение в их деятельность и их рекламу. В связи с этим, предлагается введение в УК РФ статьи 172¹ «Организация и (или) руководство финансовой пирамидой». В примечании к статье указать, что под финансовой пирамидой понимается осуществление физическим лицом или объединением физических лиц привлечения (получения) финансовых активов от ее участников и получение вкладчиками дохода за счет перераспределения активов других лиц.

Библиографический список

1. В Москве каждый день совершается 279 краж и 52 мошенничества // А.Г. Семенников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://semennikov.ru/v-moskve-kazhdyij-den-sovershaetsya-279-krazh-i-52-moshennichestva.php> (дата обращения: 19.12.2014).

2. Генеральная прокуратура республики Казахстан // Проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам противодействия деятельности финансовых (инвестиционных) пирамид». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/deyatelnost-prokuratury/o-zakonoproektah/proekt-zakona-po-voprosam-protivodeystviya-0> (дата обращения: 03.02.2013).

3. Закон Польши от 16 апреля 1993 года «О борьбе с недобросовестной конкуренцией». Сборник Законов (Дзенник Ustaw): Перевод с чешского / под ред. Б.И. Иванченко. – М.: Прогресс, 1993. – 211 с.

4. Ильин И.В. Понятие, характеристика и вопросы профилактики экономического мошенничества (теоретические аспекты). – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 156 с.

5. Мавроди С.П. Мавроди сделал свое дело – Мавроди может уходить // Профиль. – 1998. – 26 декабря.

6. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права: перевод с английского / под ред. Б.С. Никифоров (предисл.); пер. А.С. Никифоров – М.: Прогресс, 1969. – 303 с.

7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за создание и руководство деятельностью финансовой пирамиды» // Российская газета. – 2012. – № 5951. – С. 18.

8. Camerer L. Prerequisites for effective anti-corruption ombudsman's offices and anti-corruption agencies // Workshop papers. – 2001. – № 10. – P. 4.

9. Competition Act (R.S.C., 1985, c. C-34) // Justice Laws Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-34/> (дата обращения: 19.12.2014).

10. *Hovenden J.E.* A General treatise on the principles and practice by which courts of equity are guided as to the prevention or remedial correction of fraud: with points, both of law and equity, Volume 2. – S. Sweet, 1825. – Volume 1. – P. 652.

11. *Joseph J. Norton.* Banks: Fraud and Crime // LLP. – 1994. – № 1. – P. 11.

12. Oxford Dictionary of Law / Edited by Elizabeth A. Martin. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. – P. 197.

13. The Fraud Act 2006 // Legislation government UK. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents> (дата обращения: 10.05.2015).

14. Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich // Historisch-synoptische Edition. – 1871–2009. – P. 71.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ К СОВРЕМЕННОМУ УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОЙ МЕТОДОЛОГИИ (на примере сокрытия следов пожаров)

Современное общество пребывает на той стадии развития, когда ряд процессов выходит на уровень самоорганизации. В этих условиях происходит развитие не только конструктивных форм социальной организации, но и различных форм отклоняющегося поведения. В статье рассматриваются основные изменения в условиях осуществления противоправной деятельности, анализируются факторы ее возникновения и качественные изменения, затронувшие преступность, как форму социальной деятельности. В ходе проведенного криминологического обзора доказываем, что в современных условиях происходит активное развитие методологии совершения преступной деятельности, что требует эффективного противодействия со стороны правоохранительных структур. На основании проведенного обзора ставится вопрос об актуальности исследования преступной методологии сокрытия следов преступления и внедрения полученных результатов в программу подготовки работников правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминальные пожары, криминология, социальная динамика, преступность, преступная методология, сокрытие следов преступления, улики.

Пожар как средство сокрытия следов преступления является на настоящий момент столь же серьезной криминологической проблемой, как и ранее. Несмотря на активное развитие правоохранительной системы, на макро и микро уровнях, этот вид преступной деятельности активно используется как в случае эпизодических преступлений, так и в образе действия представителей криминальной среды. Причины кроются в нескольких факторах, основным из которых является параллельное развитие механизмов противодействия преступленной деятельности как развитию криминального образа мышления.

Обозначенная проблема, с одной стороны, объясняется причинами системного характера. Так, на уровне социальной структуры реализуется непрерывное усложнение взаимосвязей общественных отношений [1, с. 32–35], что ведет к увеличению их внутренней противоречивости. Как следствие, растет число факторов, определяющих возможность возникновения социальных нарушений, поскольку, чем более сложной является система, тем сложнее достичь ее внутреннего структурно-функционального баланса [2]. Это непосредственно затрагивает такое явление, как характер проявления криминальной активности в обществе. По ряду уровней (культура, структура социальных групп) можно судить о наличии процессов деструктивной самоорганизации, в результате которой происходит объединение носителей негативных социальных установок [3] и их последовательное развитие. При этом речь идет не только об объединении носителей деструктивных установок в преступные сообщества, но и о совершенствовании форм осуществления противоправной деятельности. С другой стороны, уместно говорить и о своего рода «криминальной образованности» обывателей, получающих соответствующие познания посредством приобщения

к продуктам массовой культуры (детективам, боевикам, новостной информации).

Институт права и, в частности, правоохранительные органы, находятся в состоянии прямого противостояния с носителями противоправной деятельности. Этот антагонизм предполагает взаимное влияние, оказываемое преступностью и правом друг на друга. В определенной мере можно судить о том, что на методологическом и структурном уровне между ними имеет место момент конкуренции, связанной с поиском наиболее эффективных форм достижения исходных целей. Развитие преступности приводит к актуализации необходимости адаптации правовой сферы, формирования новых законов, учитывающих возникающие прецеденты деструктивной деятельности, совершенствования системы правоохранительных органов. Вместе с тем, в рамках преступной среды также происходит развитие, детерминированное актуальным состоянием правовой сферы. Речь идет о развитии методов сокрытия преступлений, возникновении целенаправленной деятельности по «обходу» правовых норм, поиске брешей в системе законодательства, возникновении фактов коррупции в правоохранительной и судебной сферах и т. д.

В данном отношении особого внимания заслуживают два аспекта проблемы. Во-первых, это формы, которые приобретает преступность, степень развитости и эффективности методологии ухода от ответственности за совершение противоправных деяний. Во-вторых, актуальное состояние правовой и правоохранительной системы, а также регулирование государством факторов, определяющих уровень развития преступности в обществе. Данные аспекты проблемы преступности в обществе находятся друг с другом в непосредственной взаимосвязи: чем более эффективной является государственная политика и функционирование правоохранительных структур, тем меньше суще-

ствуется возможность для безнаказанной реализации противоправной активности. Вместе с тем, чем большее развитие получает феномен преступности, тем более совершенными и проработанными должны быть структурные и методологические аспекты реализации охраны правопорядка.

Результат проведения следственных мероприятий определяется полнотой исходной информации и степенью эффективности ее аналитической обработки. Чем менее полным является набор исходных данных, тем более вариативными становятся следственные мероприятия, и, соответственно, тем ниже вероятность эффективного раскрытия дела. В данном отношении важным является то, что набор доступных для следствия данных определяется не только общей картиной происшествия и сохранившимся набором улик, но и профессионализмом работников следственной группы, непосредственно осуществляющих сбор улик. В особенности это касается тех случаев, когда со стороны преступника производится целенаправленная деятельность по противодействию следственным мероприятиям. В случае, когда производится умышленное сокрытие обстоятельств дела, имеет место двоякая тенденция:

1. Количество доступных улик, на основании которых можно производить розыскные мероприятия, существенно сокращается;

2. Сама по себе деятельность по сокрытию следов преступления, связанная с исходным правонарушением, может быть выявлена отдельно и, таким образом, способствовать поимке преступника [4].

По этой причине заслуживает отдельного внимания развитие методологии выявления данных, свидетельствующих о совершении попытки сокрытия следов преступления. На примере сокрытия следов пожаров рассмотрим специфику выявления деятельности, направленной на сокрытие следов преступления.

Существует, как минимум, три различных источника данных о наличии процесса уничтожения улики. Это, во-первых, непосредственные улики, указывающие на целенаправленное уничтожение или искажение информации, имеющей по отношению к делу. Во-вторых, это наличие в системе доступных следователю эмпирических данных, информации, противоречащей общей модели ситуации. И, наконец, в-третьих, отсутствие на месте происшествия (или в поведении подозреваемых) каких-либо элементов, наличие которых рассматривается необходимым в рамках существующей версии (модели происшествия) [5].

Рассмотрим подробнее обозначенные источники сведений об искажении картины происшествия. Очевидно, что наиболее достоверными являются улики и свидетельства, напрямую указывающие на наличие деятельности по сокрытию следов преступления. В случае, когда речь идет

о наличии пожара, на его криминальный характер могут указывать:

1. Прямые показания свидетелей поджога. В данном случае работники правоохранительных органов имеют непосредственную информацию о криминальном характере пожара, что впоследствии способствует выработке адекватной стратегии ведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий (в случае, если личность злоумышленника установлена).

2. Наличие непосредственных улик, свидетельствующих о рукотворном характере возгорания. К числу таковых могут относиться следы веществ или предметов, послуживших источником возгорания (в особенности это актуально для тех случаев, когда исходный источник воспламенения не сгорел полностью).

3. Наличие косвенных улик, свидетельствующих о наличии поджога. Среди них – данные о скорости распространения огня, анализ локализации очага возгорания и определение наиболее вероятных направлений его распространения (в сравнении с имеющей место картиной происшествия). На возможность поджога может также указывать существование людей, имеющих высокую степень заинтересованности в уничтожении сгоревшего объекта.

Поиск свидетелей представляет собой стандартную процедуру, не имеющую каких-либо ярко выраженных специальных аспектов, связанных с пожарами. Наибольший теоретический интерес представляет разработка проблематики определения непосредственных и косвенных улик на основании данных, полученных с места происшествия в ходе его осмотра, а также при проведении иных следственных мероприятий.

Анализ данного вопроса в отечественной исследовательской литературе, посвященной проблеме определения характера пожара, свидетельствует о том, что большая часть улик, отражающих характер возникновения и распространения огня во время пожара, а также его источники, непосредственно локализована на месте происшествия и имеет крайне нестабильный характер. Иными словами, временной промежуток, на протяжении которого возможен эффективный сбор информации о характере пожара, крайне невелик и в отдельных случаях составляет всего несколько часов с момента возгорания. Впоследствии происходит уничтожение части улик (например, полное разрушение средств совершения поджога), ввиду которого следствие утрачивает ряд важных оснований определения характера происшествия. Это означает, что от оперативности работников правоохранительных органов в плане реагирования на возникновение пожаров в существенной степени зависит эффективность проводимых следственных мероприятий. Следует отметить сразу несколько аспектов, подтверждающих важность наличия экс-

пертов по пожарам, производящих оценку причин и характера пожара:

1. Ограниченные ресурсы правоохранительных органов далеко не всегда позволяют оперативно реагировать на возникновение пожаров. Как следствие – запоздалый осмотр места происшествия, не содержащий значительной доли данных по происшествию.

2. Многие улики, указывающие на рукотворный характер возгорания, имеют неочевидный характер и требуют наличия набора специальных знаний в области возникновения и распространения пожаров. Количество и качество данных, приобретаемых в ходе осмотра места пожара, в существенной мере зависит от квалификации тех, кто этот осмотр производит.

3. Построение модели ситуации требует наличия квалифицированных знаний о характере распространения огня, круге факторов, его определяющих (планировка помещений, их вентиляция и направление потоков воздуха, материалы, из которых выполнены стены, мебель и т. д.). В ряде случаев пожар может быть квалифицирован в качестве несчастного случая из-за того, что не было произведено адекватное моделирование ситуации, в ходе которого были выявлены противоречия между естественным ходом распространения пламени и тем, как огонь распространялся фактически.

На этом уровне актуализируется важная концепция. При рассмотрении места происшествия существенной уликой может быть не только наличие определенного предмета, указывающего на характер ситуации, но и отсутствие определенного предмета или явления, который в нормальных условиях должен присутствовать. Однако определить сам по себе факт отсутствия того, чему положено присутствовать, можно только при условии знания общих условий, в рамках которых происходило разворачивание происшествия. И в этом отношении важно не только понимание исходных данных, но и знание механизмов, в соответствии с которыми происходит развитие отдельных процессов. По этой причине эффективное ведение следствия зачастую требует обращения к методологии и общей теоретической базе ряда прикладных дисциплин. А это возможно либо при помощи расширения штата работников, вовлеченных в следственную деятельность, либо посредством формирования универсального набора прикладных знаний у отдельных работников правоохранительных органов. Очевидно, что специальная профессиональная подготовка способствует углубленному пониманию исследуемых процессов, а обширный опыт позволяет более качественно и оперативно определять характер исследуемого явления. Однако заключение о необходимости включения в следственную группу ряда специалистов различного профиля является идеальной абстракцией без учета общих условий,

в рамках которых протекает локальное формирование структуры правоохранительных органов.

Одним из важных критериев, определяющих структуру подразделений правоохранительных органов, является масштаб подведомственного территориального образования. В современных условиях для ряда малых населенных пунктов (в основном, в сельской местности) нормой является крайне малая представленность правоохранительных органов. Зачастую на населенный пункт приходится один участковый работник полиции, на которого приходится выполнение всей совокупности следственных и оперативно-розыскных мероприятий в рамках подведомственного ему территориального образования. Очевидно, что при столь неравномерной структуре правоохранительных органов практически невозможно полностью обеспечить следственную работу специализированной профессиональной деятельностью по выявлению характера происшествия. В отдельных случаях производится оперативный выезд на место происшествия из территориальных центров, но по большей части первоначальный осмотр места происшествия производится непосредственно работниками правоохранительных органов, приписанных к конкретной местности. Как уже было сказано выше, для определения характера происшествия, в особенности – в случае, когда имел место пожар, чрезвычайное значение имеет эффективность первичного осмотра. С учетом обозначенных выше факторов это означает, что для адекватного выявления следов уничтожения улик (и поджогов в принципе) необходимо не только изменение структуры правоохранительных органов (введения большего количества специалистов по пожарам в структуру полицейских подразделений), но и изменение характера подготовки работников правоохранительных органов, в результате которого будет производиться формирование универсального первичного набора знаний и навыков в различных прикладных областях, имеющих отношение к следственной деятельности.

В ходе проведенного обзора было определено, что процесс выявления деятельности, направленной на сокрытие следов преступления посредством уничтожения улик (в частности, при помощи поджогов) зачастую требует от следователя наличия специальных знаний и навыков в различных сферах. Построение адекватной картины происшествия возможно при условии эффективного анализа собранного фактического материала. Однако сам по себе фактический материал может быть собран недостаточно корректно при условии отсутствия соответствующих знаний и навыков. В соответствии с этим можно сделать вывод о наличии двух актуальных направлений разрешения проблемы: расширения образовательной программы работников правоохранительных органов,

позволяющего им более компетентно подходить к разрешению частных задач, а также обогащения структуры полицейских подразделений специалистами в различных прикладных областях. В совокупности это может способствовать более эффективному выявлению как фактов правонарушений, так и отдельных обстоятельств дела.

Библиографический список

1. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Общество и право. – 2003. – № 1. – С. 32–35.

2. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и прак-

тика общественного развития. – 2014. – № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (дата обращения: 25.12.2014).

3. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 4. – С. 149–152.

4. Зернов С.И. Технично-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами. – М.: ЭКЦ МВД России, 1996. – 128 с.

5. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному следствию. – Свердловск, 1992. – 76 с.

УДК 347.131

Кожокарь Игорь Петрович

кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
89272234877@mail.ru

СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕФЕКТОВ В МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статья посвящена проблеме дефектности механизма гражданско-правового регулирования. Раскрывается научно-практическая значимость разработки единообразных правил и методик выявления и устранения дефектов в механизме гражданско-правового регулирования. Автор делает акцент на отличительных чертах (признаках) дефектов в механизме гражданско-правового регулирования. Предлагается определять дефект механизма гражданско-правового регулирования в качестве недопустимого отклонения в содержании, структуре или форме такого механизма, существенного изъяна его отдельного элемента или связи его элементов, вызывающего соответствующие специфические юридические последствия, отличные от тех, что наступают при нормальном ходе процесса гражданско-правового регулирования. Дается классификация дефектов механизма гражданско-правового регулирования. Отдельно выделяются дефекты генетических, предметных, иерархических, координационных связей между крупными подсистемами механизма гражданско-правового регулирования. В качестве системных дефектов механизма гражданско-правового регулирования рассматриваются дисбаланс между средствами гражданско-правовой защиты и ответственности, рассогласование предписаний гражданского законодательства с нормами конституционного права, излишняя множественность нормативных правовых актов гражданского характера в определенной сфере экономических отношений.

Ключевые слова: дефекты, механизм правового регулирования, элементы механизма правового регулирования, механизм осуществления прав и исполнения обязанностей.

Как и всякое социальное явление, право подвержено влиянию на него различного рода деструктивных факторов, что порождает те или иные кризисные явления, тенденции, дефектные элементы. Негативные явления такого рода обусловлены как объективными, так и субъективными причинами. Вместе с тем, признавая неизбежность правовых дефектов, необходимо четко понимать необходимость создания условий, при которых негативные последствия от таких явлений будут минимальны, а цель существования права (прежде всего, эффективное регулирование общественных отношений) будет достижима.

Полагаем, что научно-практическая разработка единообразных правил и методик выявления и устранения дефектов позволит обеспечить соблюдение принципов законности и справедливости

в праве. Важность изучения обозначенной проблемы определяется также тем, что результаты научных изысканий могут способствовать минимизации негативного воздействия дефектов на механизм гражданско-правового регулирования в целом.

Оговоримся, что проблема дефектности получила своё освещение как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, хотя непосредственно в науке гражданского права данный феномен не рассматривался. Анализ работ, посвященных дефектам, показал, что в основной своей массе авторы проецируют данное негативное явление на систему законодательства и рассматривают его только с позиции наличия его признаков в нормативных актах [1]. Между тем, очевидно, проблема гораздо шире. Дефекты законодательства трансформируются в дефекты толкования правовых

норм, дефекты фактических составов, судебной практики и т. д., затрагивая при этом весь механизм гражданско-правового регулирования.

Таким образом, несмотря на указанную актуальность и научно-практическую значимость разработки категории «дефект» в науке гражданского права, в литературе по проблемам цивилистики фактически отсутствуют специализированные работы, посвященные напрямую вопросу дефектов гражданско-правового регулирования. В виде редкого исключения обнаруживают себя отдельные статьи, затрагивающие тематику об отдельных дефектах, имеющих в гражданском законодательстве или в составе юридического факта [2, с. 48–53; 3, с. 135–141], что представляется явно недостаточным и неоправданным в современных условиях развития гражданско-правовой науки и юридической практики.

Отдельные первые шаги в данном направлении в рамках цивилистики сделаны в работе М.А. Рожковой, которая в общих чертах достаточно точно определяет дефектность факта как «незапрещенное несоответствие какого-либо признака, свойства, характеристики юридического факта требованиям нормы права» [4, с. 32].

В качестве наиболее отличительных черт (признаков) дефектов в механизме гражданско-правового регулирования необходимо выделить следующее:

- по своей природе и вызываемым последствиям не могут быть отнесены ни к правомерным, ни к противоправным деяниям;

- являются юридически значимыми отклонениями в функционировании механизма гражданско-правового регулирования, вызывающими особые правовые последствия в виде недействительности, приостановления, восстановления, исправления и т.д.;

- имеют собственными последствиями дестабилизацию работы механизма гражданско-правового регулирования в целом, создание препятствий для дальнейшего движения гражданских правоотношений, нарушение конкретных субъективных прав участников гражданского оборота, рассогласованность нормативных предписаний в гражданском законодательстве и др.;

- приоритет в их оценке отдается не принципу вины в допущенных субъектами отклонениях, сбоях (дефектах) в работе механизма гражданско-правового регулирования, а началам риска для определения степени вероятности наступления тех или иных неблагоприятных последствий от нарушения гражданского закона;

- в отличие от гражданских правонарушений обладают более широкой сферой своего распространения, с учетом специфики предмета и метода гражданско-правового регулирования дефекты по сравнению с последними имеют большую численность и видовое многообразие;

- дефекты механизма гражданско-правового регулирования в большинстве случаев запускают работу подсистемы средств гражданско-правовой защиты;

- вызывают необходимость в дополнительных материальных, организационных и юридических усилиях для их исправления и предупреждения в механизме гражданско-правового регулирования;

- проявляют себя во всех основных подсистемах механизма гражданско-правового регулирования: на уровне его нормативно-правовой основы, юридико-фактической составляющей в виде изъянов юридических составов и их отдельных элементов, в рамках гражданских правоотношений на стадиях их возникновения, изменения и прекращения, а также на уровне дефектов обобщений судебной практики и отдельных судебных актов, завершающих рассмотрение гражданских дел в суде, в рамках самих средств гражданско-правовой защиты и гражданско-правовой ответственности;

- важнейшей причиной их формирования в механизме гражданско-правового регулирования выступает расхождение между целью и результатом осуществления гражданских прав, исполнения обязательств, возникновения и прекращения вещных прав, рассогласованность установления регулятивных и охранительных гражданско-правовых предписаний, дисбаланс императивных и диспозитивных норм в гражданском законодательстве и др.;

С учетом изложенных характерных признаков дефект механизма гражданско-правового регулирования следует определять как недопустимое отклонение в содержании, структуре или форме такого механизма, существенный изъян его отдельного элемента или связи его элементов, вызывающий соответствующие специфические юридические последствия, отличные от тех, что наступают при нормальном ходе процесса гражданско-правового регулирования.

Классификация дефектов в механизме гражданско-правового регулирования может быть проведена по различным основаниям, коих может быть обнаружено превеликое множество. Однако научный подход к классификации явлений в цивилистике требует выделения лишь тех критериев, которые позволяют глубже проникнуть в природу, сущность и значение дефектов в механизме гражданско-правового регулирования. С учетом данной методологической установки полагаем целесообразным проводить дифференциацию дефектов гражданско-правового регулирования по следующим основаниям:

- по структурной роли в системе механизма гражданско-правового регулирования – на дефекты отдельных его элементов (гражданско-правовой нормы или их объединения, включая институты и подотрасли гражданского права; гражданских правоотношений; юридических фактов и их слож-

ных фактических составов) и дефекты связей между подсистемами механизма гражданско-правового регулирования (например, нарушение предметно-функциональных связей между вещным и обязательственным правом); правовых позиций высших судебных инстанций);

– зависимости от временной определенности – на устойчивые дефекты, свойственные, в первую очередь, гражданскому законодательству и неустойчивые, характерные, как правило, для правоприменения в рамках гражданско-правового регулирования;

– по характеру становления – на дефекты, формирующиеся постепенно и возникающие внезапно;

– в зависимости от состояния обнаружения – на явные, обнаруженные в ходе гражданско-правовой практики и получившие соответствующую правовую оценку и скрытые, продолжающие функционировать без надлежащей юридической квалификации;

– по степени исправимости гражданско-правовыми средствами – на исправимые (дефект исполнения гражданско-правового обязательства) и неисправимые (например, ничтожная сделка);

– в зависимости от функциональной роли и применяемых к ним мер гражданско-правовой защиты – на дефекты, вызывающие приостановление работы механизма гражданско-правового регулирования; дефекты, прекращающие его работу или делающей ее невозможной);

– по связи с волей субъектов, участников гражданского оборота – на объективные и субъективные.

Отдельного внимания в силу наибольшей значимости имеет классификация дефектов механизма гражданско-правового регулирования, производимая с учетом ранее выявленной его структуры.

1. Дефекты нормативно-правовой основы механизма гражданско-правового регулирования. В данной подсистеме возможны следующие дефекты: нарушения в согласовании общепризнанных норм международного права и общих принципов гражданского законодательства, включая рассогласование конституционных принципов и начал гражданского законодательства; коллизии и избыточность императивных норм гражданского законодательства, а также их диспропорция по отношению к диспозитивным нормам и собственные дефекты последних; дефекты правовых позиций высших судебных инстанций, содержащих толкование и конкретизацию норм гражданско-правового характера, включая их расхождение между собой и с иными источниками гражданского права; дефекты автономно-договорных предписаний, содержащихся в двух- и многосторонних сделках, односторонних актах гражданско-правового характера, учредительных актах; дефекты обычаев делового оборота и противоречия между ними и другими источниками гражданского пра-

ва. При этом дефекты нормативной основы механизма гражданско-правового регулирования могут подразделяться на дефекты внутреннего содержания системы гражданского права и дефекты внешней формы ее выражения – собственно документального оформления нормативных актов гражданско-правового характера. К многочисленным внешним дефектам гражданско-правовой формы можно отнести технико-юридические дефекты нормативно-правовых актов. Внутренними дефектами, вызывающими повышенный интерес в юридической литературе, выступают системные нарушения в изложении норм гражданского права – пробелы, противоречия, дублирование, информационная избыточность гражданско-правовых предписаний.

2. Дефекты института гражданской правоспособности и дееспособности субъектов права, включая правового статуса юридического лица и его организационно-правовых форм. К данной группе дефектов можно отнести также недееспособность, частичную и ограниченную дееспособность участников гражданского оборота.

3. Дефекты регулятивных и охранительных гражданских правоотношений, возникающие в ходе их осуществления, на стадиях их возникновения, использования субъективных гражданских прав и исполнения гражданско-правовых обязанностей, изменения и прекращения.

4. Дефекты правоприменительных актов, имеющих регулятивный и охранительный характер в области гражданских прав, в числе которых дефекты судебных актов, разрешающих гражданское дело по существу, дефекты актов государственного управления, входящие в сложные фактические составы, вызывающие движение гражданских правоотношений (например, дефект акта регистрации сделки с недвижимым имуществом).

5. Дефекты подсистемы принципов гражданско-правовой защиты, к которым относятся их взаимная несогласованность, расхождение с регулятивными гражданско-правовыми предписаниями и с принципами гражданско-правовой ответственности. К этой же группе дефектов отнесем изъяны последних.

6. Дефектные юридические факты и их составы, вызывающие необходимость применения мер защиты.

7. Дефекты самих способов защиты гражданских прав, включая самозащиту, виндикационный и негаторный иски, признание сделки недействительной, реституцию, и др. К этой же группе можно отнести дефекты мировой сделки, сверки расчетов, признания нормативного и ненормативного акта недействующим. Отдельным дефектом следует признавать нарушение функциональных связей в подсистеме средств гражданско-правовой защиты.

8. Дефекты актов реализации прав и обязанностей, сопряженных с гражданско-правовой защитой.

9. Дефекты средств наказания по гражданскому праву в рамках ответственности за гражданское правонарушение, включая штраф (неустойку), проценты, одностороннее расторжение договора, одностороннюю реституцию и др. Противоречия и иные нарушения в системе гражданско-правовой ответственности, в том числе несоразмерность установленного вида наказания предполагаемому гражданскому проступку, установление мер наказания без вины и т.д.

10. Дефекты актов реализации дополнительных прав и обязанностей, совершаемых участниками гражданского оборота в рамках гражданско-правовой ответственности.

В относительно самостоятельную проблему следует выделить дефекты генетических, предметных, иерархических, координационных связей между крупными подсистемами механизма гражданско-правового регулирования. Наибольший интерес представляют нарушения предметно-функциональных связей между подсистемами вещного и обязательственного права, иерархических связей между подсистемой законов, подзаконных актов и договоров гражданско-правового характера. К числу системных дефектов механизма гражданско-правового регулирования следует отнести дис-

баланс между средствами гражданско-правовой защиты и ответственности, рассогласование предписаний гражданского законодательства с нормами конституционного права, излишнюю множественность нормативных правовых актов гражданского характера в определенной сфере экономических отношений и др.

Библиографический список

1. *Жильцов М.А.* Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – 55 с.

2. *Коструба А.В.* Недостатки формы и содержания сделки как дефекты правопрекращающего юридического факта, а также особенности защиты гражданских прав и законных интересов ее участников // *Право и государство: теория и практика.* – 2013. – № 6 (102). – С. 48–53.

3. *Пармонова С.В.* Обособленные подразделения организаций: дефекты гражданского законодательства и их значение для трудового права // *Научные труды РАЮН. Вып. 9. В 3-х т. Т. 3.* – М.: Юрист, 2009. – С. 135–141.

4. *Рожкова М.А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите процессуальных прав и процессуальные соглашения / *Исслед. центр частного права.* – М.: Статут, 2009. – 332 с.

НОВЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ МОДЕЛИ НОСИТЕЛЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Целью настоящей статьи является анализ правового положения судьи, а также его основных элементов: правового состояния и правового статуса. Рассматривая данные дефиниции, автор приходит к выводу о том, что на формирование личности судьи влияют его естественные или нормативные свойства, которые следует преобразовывать в систему качеств, позволяющих должностным лицам суда максимально эффективно осуществлять правосудие.

Обосновано, что выработка новой модели судьи – носителя судебной власти, имеющего высокий авторитет и уровень доверия граждан, – будет способствовать повышению степени социальной стабильности в социуме, улучшению качества работы судов и в целом составлять основу для формирования особой доверительной обстановки в обществе.

В систему мероприятий, направленных на повышение авторитета судебных органов, предлагается ввести обязательное применение специальных тестов, позволяющих определять готовность претендента на занятие вакантной должности судьи, а также разработать примерный перечень нравственно-этических характеристик, которые впоследствии смогут применяться квалификационными комиссиями судей при отборе кандидатов на соответствующие должности.

Ключевые слова: суд, судья, судебная власть, правовое положение, правовое состояние, правовой статус, свойства личности.

От правосудия зависит общественный порядок.

Поэтому по праву место судей – в первом ряду общественной иерархии.

Наполеон I Бонапарт

Основу политики любого демократического государства непременно должна составлять идеология, согласно которой человек является целью, а не средством и, тем более, не помехой для укрепления государственного могущества. Более того, человек и его жизнь, провозглашенные высшей ценностью в иерархии ценностей культуры, в том числе и права, придают проблеме правоустройства общественной жизни весомое идеолого-праксеологическое значение, – отмечает в своей монографии, посвященной анализу концепции человека правового, профессор Г. Гребеньков [6, с. 226]. «Уважение к личности выражается в признании ее единственной ценностью первичного порядка, относительно которой определяются все иные вторичные ценности, включая право», – писал знаменитый советский ученый Н. Малейн [15, с. 4]. Таким образом, человекоцентристский подход к праву отвечает современным тенденциям развития общественного правосознания и находит свое отражение в ст. 18 Основного Закона Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов...».

Неудивительно, что права человека и гражданина – тема, которая волнует представителей юридического сообщества с давних времен. Лучшие умы древности, такие как Г. Гегель, Дж. Локк, Ф. Савиньи, представители дореволюционной науки – Е. Васьковский, Ю. Гамбаров, Н. Дювернуа, Д. Мейер, советские ученые С. Братусь, С. Курылев, Ю. Толстой, а в последствии С. Алексеев, Л. Гинцбург, О. Кутафин, Н. Матузов, С. Реутов, В. Тархов, Р. Халфина и многие другие выдающи-

еся правоведы в рамках своих научных интересов прибегали к рассмотрению отдельных вопросов гражданско-правового состояния личности.

Непосредственно проблемам правового состояния личности посвящены работы современников М. Барановой, В. Гребенькова, В. Груздева, О. Егоршиной, В. Крусс, И. Таляниной и ряда других авторов. В то же время следует отметить отсутствие комплексных исследований, посвященных анализу правового положения лиц, которые посредством правового воздействия способны оказывать непосредственное влияние как на отдельных членов общества, так и на социум в целом. А ведь именно судьи являются теми субъектами права, которые могут и должны показывать как обществу в целом, так и любому отдельно взятому человеку «плюсы» законопослушного поведения и «минусы» противоправного. Не зря статус судьи в государстве и обществе традиционно рассматривается как важный показатель развитости правовых основ, основной критерий понимания и принятия конкретным социумом ценностей правового государства [1, с. 11–12].

Тем не менее, социологические опросы показывают снижение доверия россиян к судам. Так, исследование Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) «О судах и судьях» в 2013 году показало, что при ответе на вопрос «Как вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей: положительно или отрицательно?», 40% граждан ответили «отрицательно», 36% затруднились ответить на этот вопрос и только 24% опрошенных положительно оценили деятельность судебной ветви власти [20; 19].

Как неудовлетворительное состояние судебной системы оценивают также теоретики [25, с. 317] и практики [2], отмечая проблемы с практической реализацией принципа независимости судебной системы, недостаточное финансирование судов, обвинительный уклон правосудия, коррупцию и др. «Совершенно очевидна недостаточная уверенность российского общества в справедливости и эффективности судебной системы, так как судей нередко считают государственными служащими, стоящими на страже интересов государства», – отметили представители исследовательской миссии по судебной реформе в Российской Федерации [26, с. 37]. Тем не менее, в современных нестабильных геополитических и экономических условиях, очень важно суметь вернуть веру граждан государственным институтам, так как она, безусловно, будет способствовать повышению степени социальной стабильности общества и политической ситуации в стране, улучшению качества работы государственного аппарата и в целом сможет стать крепкой основой для формирования особого климата доверия в обществе [17, с. 98]. Кроме того, судебная власть в состоянии укрепить правовой профиль российской государственности, снизить интенсивность криминализации в обществе путем гармонизации эффективности и гуманности, свободы и безопасности, стабильности демократических институтов и морали. Однако все это станет возможным лишь при условии выработки определенной стратегии, а не путем принятия частных процессуальных решений [10; 22, с. 29–34].

В этой связи нельзя не отметить важность Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», в которой подчеркивается, что судебная система, исполняя роль общественного арбитра, защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом, а среди основных ожидаемых конечных результатов ее реализации и показателей социально-экономической эффективности значатся повышение качества правосудия и авторитета судебной власти [28].

Говоря о необходимости повышения доверия к институтам государственной власти, важно понимать, что институциональное доверие возникает только в том случае, когда сами государственные институты устроены максимально эффективно и справедливо [5]. Для этого необходимо выработать такие правила, механизмы и устройство государственных организаций, а также сформировать такой позитивный образ лиц, осуществляющих управление (правосудие) от имени государства, которые бы соответствовали условиям для роста доверия граждан к этим органам (лицам). В аспекте данного исследования обратим свое внимание на должностное лицо суда, наделенное всей полнотой государственной власти по осуществлению правосудия.

Итак, сегодня, в условиях политической и экономической нестабильности в странах постсоветского пространства, очень важно сформировать образ носителя судебной власти, имеющего такой авторитет и уровень доверия граждан, который бы позволил ему постоянно «поднимать градус» уважения людей к государственной власти вообще и к судебной власти в частности. Как справедливо отмечает А. Изварина, в настоящее время личность судьи формируется в основном посредством предусмотренных законом требований, ограничений и запретов, в то время как назрела необходимость воспитывать в личности судьи определенные черты, ситуационные стандарты поведения, сознательно развивать характеристики, обеспечивающие основной набор свойств позитивно мыслящего судьи, способного показать лицу, вставшему перед судом, привлекательность правопослушного поведения граждан [11, с. 4]. Как подчеркивает Ф. Раянов, именно право может оказывать на сознание и поведение людей, помимо прочего, воспитательное воздействие. В этом проявляется его общесоциальная функция: формирование культуры, закрепление определенных жизненных позиций и т.д. [23, с. 246]. Как подчеркивает С. Прилуцкий, содержание служебной роли судьи составляет обязанность осуществлять функцию социального контроля в условиях возникновения конфликта между отдельными членами общества, между обществом и государством, конфликтов в любой сфере жизнедеятельности человека, урегулированной правом. Причем эффективное осуществление этой социальной функции предусматривает предоставление судье определенных возможностей, которые получили нормативное закрепление. Совокупность таких возможностей, по мнению автора, и составляет содержание правового статуса судьи [18, с. 12]. Также содержание данной дефиниции понимают как «средство, призванное обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием, гарантию общего конституционного статуса личности, подлежащей конституционно-правовой защите» [9, с. 10], «совокупность прав и обязанностей судей, которые появились у них в силу их должностного положения» [8, с. 207–208], «права и обязанности, а также правовые принципы, выражающие взаимоотношения судьи, общества и государства» [12, с. 14], «установленную нормами права совокупность элементов (требования, срок полномочий, задачи, принципы деятельности), функции, полномочия, гарантии, компенсация, ответственность), обусловленные его местом в штате (структуре) суда, а также местом и задачами суда как основного звена системы судов общей юрисдикции, и характеризующих положение в системе должностных лиц – руководителей территориальных государственных органов судебной власти (для председателя суда) [14, с. 67–68]. Юридиче-

ская энциклопедия трактует термин «правовой статус судьи» как преимущественно установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей [4, с. 587].

Несмотря на приобретенный в связи с занимаемой должностью правовой статус, каждый человек продолжает нести общие (конституционные) и другие обязанности, которые исходят из его брачно-семейных, имущественных, иных правоотношений, социальных позиций как члена общества. Потому, как справедливо отмечает Л. Халдеев, целиком отделить судью от его дел, не связанных с судебскими функциями, не представляется ни возможным, ни разумным. Судья не должен быть изолирован от общества, в котором он живет [29, с. 269]. Потому как правовой статус преимущественно рассматривается как сложная, сборная категория, которая отображает весь комплекс взаимосвязей человека с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми [27, с. 269]. Л. Москвич даже утверждает, что «при характеристике статуса судьи речь должна идти не о правовом статусе судебной должности, а о правовом статусе человека, который занимает должность носителя судебной власти» [18, с. 12]. В юридической литературе также подчеркивается, что правовой статус отражает юридически оформленные взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими. В нем выражаются легальные пределы свободы личности, объем ее прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности [3].

Таким образом, можно заметить, что существует, по меньшей мере, два подхода к пониманию правового статуса судьи. Представители одного из них считают, что данная дефиниция обозначает совокупность элементов (таких, как права, обязанности, требования, срок полномочий, принципы деятельности и др.), которые появились у судей в силу их должностного положения. Другие же полагают, что правовой статус судьи – это сложная сборная категория, отображающая весь комплекс их взаимосвязей с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми и т.д. Однако при таком широком подходе анализируемое понятие, на наш взгляд, раздувается до неоправданно больших размеров, поглощая все составляющие дефиниции «правовое положение». В этой связи считаем целесообразным рассматривать правовой статус судьи именно как элемент правового положения личности. На наш взгляд, термин «правовое положение лица» является наиболее емкой дефиницией, позволяющей проанализировать все аспекты, а главное, причины поведения каждого отдельно взятого судьи в конкретной правовой ситуации, ибо правовое положение лица включает в себя все явления, характеризующие определенный субъект права. Так, мы считаем, что правовой статус судьи следует рассматривать в ка-

честве основы его правового положения. В качестве другого крупного структурного элемента правового положения необходимо рассматривать правовое состояние. Как отмечает В. Груздев, различие между «правовым статусом» и «правовым состоянием» проводится по объему: правовое положение выступает как общее, а правовой статус и правовое состояние – как его части [7, с. 223].

В аспекте данной работы следует учитывать, что правовое состояние личности – это, прежде всего, естественные или нормативные свойства (характеристики) человека, которые являются условиями существования прав, свобод и обязанностей, правоотношений (общих или конкретных). Содержание данных правовых явлений является критерием, который позволяет выделять правовое состояние личности в качестве элемента ее правового положения. При этом правовой статус личности отличает определенная статичность, стабильность, которая заключается в том, что его содержание может меняться по воле законодателя, а не тех субъектов, которые являются носителями правового статуса, тогда как ее правовое состояние характеризует определенный динамизм, изменчивость [7, с. 222].

В совокупности же содержание обоих этих понятий («правовой статус» и «правовое состояние») образует сущность дефиниции «правовое положение», отражающее не только совокупность прав и обязанностей субъекта права, установленных законом, но и основных личностных характеристик, влияющих на его правовое поведение. Итак, приходим к промежуточному выводу о том, что между правовым регулированием и сознанием человека (судьи) существует прямая взаимосвязь, которая, как нам представляется, выражает восприятие закрепленных в правовых нормах принципов и правил и влияет на поведение конкретного субъекта в различные моменты времени в зависимости от обстоятельств. В этой связи Г. Мальцев подчеркивает, что «все изменения в правовой сфере связаны с глубокими индивидуальными переживаниями, личными и коллективными чувствами, общественными страстями, которые разворачиваются на базе волевых и эмоциональных процессов [16, с. 122]. Потому, возвращаясь к носителям судебной власти, мы понимаем, что это должны быть только высокообразованные, компетентные, глубоко нравственные, морально устойчивые, психологически стабильные и мудрые в принятии решений личности, способные применять данные свойства характера в своей служебной деятельности.

В настоящее время требования Закона «О статусе судей в Российской Федерации» (ст. 3), предъявляемые к кандидату на должность судьи, в большей степени носят цензовый и запретительный характер (гражданство, возраст, наличие высшего образования, стажа, а также запрет занимать иные

государственные должности, должности муниципальной службы, принадлежать к политическим партиям и т.д.). В то время как индивидуально-психологическим и личностным характеристикам лица, на основании которых могла бы производиться оценка кандидата на занятие означенной должности, законодатель уделяет внимание лишь опосредованно. Нравственно-этические нормы судейской работы на сегодняшний день регулируются преимущественно Кодексом судейской этики. Так, согласно ст. 6 указанного Кодекса, представители данной профессии должны следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честными, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи. Однако эти требования, во-первых, являются оценочными, причем критерии и процедура оценивания в нормативных правовых актах не определены, а, во-вторых, касаются лишь лиц, которые уже приобрели статус носителя судебной власти. Тем не менее, как справедливо замечает А. Изварина, на сегодняшний день назрела необходимость целенаправленно изучить и разработать свод критериев личности образцового судьи, на качества которого следует ориентироваться еще при отборе кандидатов на указанную должность. Причем под критериями следует понимать меру, особенности, по совокупности которых можно определять преимущества, сильные стороны, плюсы конкретной личности кандидата на должность судьи или действующего носителя судебной власти, потому как данные критерии формируют личность судьи. Среди таких характеристик А. Изварина выделяет состояние здоровья (психического и физического), общеобразовательные и юридические знания, высокий интеллектуальный и культурный уровень, мудрость, упорство в достижении цели, самостоятельность в принятии решения, объективность, беспристрастность, справедливость, профессионализм в реализации судейских полномочий, личную честность, принципиальность, энергичность, целеустремленность, вежливость, уравновешенность, невозмутимость, самоорганизованность, стрессоустойчивость, такт, добросовестность, неподкупность, гуманизм, трудолюбие, терпеливость, великодушие, выдержку и коммуникабельность [11, с. 59–60, 67]. А. Кобликов, подробно анализируя вопросы юридической этики, пришел к выводу, что профессиональные участники судопроизводства (судьи, прокуроры и адвокаты) должны обладать такими едиными качествами, как вежливость, беспристрастность, гуманизм, честность, обладать развитым чувством долга и совести [13, с. 168]. Среди многочисленных идейно-нравственных качеств юриста В. Романов выделяет, в частности, верность гражданскому, воинскому, профессио-

нальному долгу, гражданское мужество, честность, неподкупность, высокую нравственность, принципиальность, непримиримость к нарушениям правопорядка, законности, бескомпромиссность в борьбе с ними, исполнительность, организованность, дисциплинированность, ответственное отношение к порученному делу [24, с. 162]. В то же время, к чертам характера, мешающим представителям судебной власти надлежащим образом выполнять свои профессиональные обязанности, ученые относят предвзятость, подозрительность, властность, бестактность, высокомерие, грубость, злость, конфликтность и др. [21, с. 82–105].

Таким образом, мы видим, что требования к нравственным качествам судьи очень высоки. И это не удивительно, ведь все указанные особенности правового состояния судьи, благодаря правовому регулированию и трансформации в нормативно-правовые требования, впоследствии могут и должны применяться квалификационными комиссиями судей при отборе кандидатов на соответствующие должности, а также в случаях привлечения действующих носителей судебной власти к юридической ответственности. А. Изварина даже предлагает разработать и применять на практике специальные тесты для определения способности будущего судьи в порядке обеспечения своей независимости противостоять возможному давлению со стороны отдельных лиц, органов, руководителей, внутрикорпоративных структур, мнению коллег, могущих повлиять на законность принимаемых решений, а также создать эффективную программу обучения кандидатов в судьи и переподготовки действующих судей [11, с. 66, 70].

Подводя итоги нашего исследования, приходим к следующим выводам:

1. Выработка новой модели судьи – носителя судебной власти, имеющего высокий авторитет и уровень доверия граждан, будет способствовать повышению степени социальной стабильности в социуме, улучшению качества работы судов и в целом составлять основу для формирования особой доверительной обстановки в обществе. При этом формирование эталона (идеала) судьи невозможно без учета его правового положения, включающего в себя весь комплекс свойств и явлений, характеризующих личность каждого конкретного носителя судебной власти.

2. «Правовое положение судьи» следует рассматривать как наиболее емкое понятие, включающее в свою структуру правовой статус судьи (права, обязанности, гарантии, ответственность и др. элементы) и правовое состояние (явления, характеризующие социальные или естественные свойства личности, имеющие юридическое значение (например, ее физическое и психическое состояние)). При этом оба этих комплексных элемента могут существовать только во взаимосвязи, ибо, как

справедливо подчеркнул В. Груздев, без правового состояния правовой статус личности не возникает, без правового статуса существование правового состояния личности терлет смысл [7, с. 223].

3. На формирование личности судьи влияют его естественные (природные) личностные или нормативные свойства (характеристики), такие как биологическая наследственность, психофизическая организация и социальная среда. Эти свойства носителей судебной власти посредством правового регулирования и применения правильных методов профессиональной подготовки или переподготовки судей следует преобразовывать в систему качеств, позволяющих должностным лицам суда максимально эффективно осуществлять правосудие.

4. Необходимым и своевременным средством в системе мероприятий, направленных на повышение авторитета судебных органов, является применение специальных тестов, позволяющих определять готовность претендента на занятие вакантной должности судьи, выявлять его соответствие высоким стандартам профессии, а также создание эффективной программы обучения кандидатов в судьи и переподготовки действующих носителей судебной власти с учетом необходимости повышения их нравственно-этического ценза.

5. Квалификационным комиссиям судей целесообразно разработать примерный перечень нравственно-этических характеристик, которые впоследствии смогут применяться ими при отборе кандидатов на соответствующие должности, а также в случаях привлечения действующих носителей судебной власти к юридической ответственности как отягчающие или смягчающие обстоятельства.

Данные предложения направлены на создание новой образцовой модели судьи – носителя судебной власти, а также оптимизацию работы представителей данной профессии. Однако их практическая реализация потребует проведения дополнительных исследований, связанных с формированием определенных индивидуально-психологических и личностных характеристик, которым должны соответствовать кандидаты на занятие вакантных должностей судебных органов, а также правового механизма реализации подобных нововведений. При этом мы поддерживаем авторов, которые считают, что профессиональные участники судопроизводства, такие как прокуроры и адвокаты, также должны отвечать всем нравственно-этическим требованиям, которые предъявляются к судьям, ибо от их профессиональной деятельности напрямую зависят результаты работы судей по осуществлению правосудия.

Библиографический список

1. *Абросимова Е.Б.* Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. – М.: Ин-т права и публ. политики, 2002. – С. 11–12.

2. *Барцевский М., Марицакова Т.* Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Российская Газета RG.RU. – 24.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2013/09/24snd.html (дата обращения: 25.03.2016).

3. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. – Проспект, 2009. // Справочная правовая система Гарант.

4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – С. 587.

5. *Вахтина М.А.* Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. – 2011. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-gosudarstvu-kak-faktor-povysheniya-ego-effektivnosti> (дата обращения: 25.03.2016).

6. *Гребеньков Г.В.* Человек в правовом бытии: Введение в правовую персонологию: монография. – Донецк: Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. – С. 226.

7. *Груздев В.В.* Правовое состояние личности: история, теория, практика / под ред. С.А. Комарова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 222–223.

8. *Гуценко К.Ф.* Правоохранительные органы. Учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Издательство «Зерцало». 2000. – С. 207–208.

9. *Ермошин Г.Т.* Судья в системе государственной власти // Российский судья. – 2008. – № 5. – С. 10.

10. *Желтухин М.* Решаема ли проблема преступности? // Научно-культурологический журнал. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.relga.ru/Environ/Web (дата обращения: 25.03.2016).

11. *Изварина А.Ф.* Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования. – М.: Проспект, 2015. – 304 с.

12. *Клеандров М.И.* Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма, 2008. – 256 с.

13. *Кобликов А.С.* Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 168 с.

14. *Лукоянов Д.* Правовой статус председателя районного суда // LAP LAMBERT Academic Publishing istein Imprint der. – 2012. – С. 67–68.

15. *Малеин Н.С.* Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1981. – 216 с.

16. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – С. 122.

17. *Мерсиянова И.В., Якимец В.Н., Пахомова Е.И.* Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – № 4. – С. 98–119.

18. *Москвич Л.М.* Статус судді: питання теорії та практики / Л.М. Москвич, С.В. Подкопаєв, С.В. Прилуцький. – Х.: ВД «ІНЖЕК», 2004. – С. 12.
19. *Незамятный И.* Доверие граждан к судьям постоянно падает // Московский Комсомолец. – 2013. – 13 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2013/08/13/898274-rossiyane-v-uzhase-ot-sudebnoy-sistemyi.html> (дата обращения: 25.03.2016).
20. Официальный сайт Фонда общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru>.
21. *Радутная Н.В.* Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. – М., 1977. – С. 82–105.
22. *Рахманова Е.Н.* Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции // Адвокатская практика. – 2013. – № 6. – С. 29–34.
23. *Раянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права (Юриспруденции): Учебный курс. – М.: Право и государство, 2003. – 304 с.
24. *Романов В.В.* Военно-юридическая психология: Учебник. Кн. первая. – М., 1991. – 262 с.
25. *Савкина М.А.* доверие граждан к правосудию: состояние и перспективы // Вестник Нижегородского университета Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 317–320.
26. Состояние судебной системы России. Доклад исследовательской миссии по судебной реформе в Российской Федерации. – Женева, Швейцария, 2010. – 43с.
27. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2000. – 776 с.
28. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=192169;fld=134;dst=100008,0;rnd=0.785627827513963> (дата обращения: 25.03.2016).
29. *Халдеев Л.С.* Судья в уголовном процессе: Практическое пособие. – М.: Юрайт, 2000. – 500 с.

ОБЪЕКТЫ ЗАЛОГА В ТЕОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье рассмотрены основные объекты залога. Проанализированы взгляды отечественных цивилистов, благодаря которым были выработаны общие теоретические правила, в соответствии с которыми вещь могла служить объектом залога. К их числу относились: 1) наличие меновой ценности вещи, 2) материальность, телесность вещи, 3) вещи движимые и недвижимые, 4) вещь, принадлежащая на праве собственности, 5) вещь, не изъятая из гражданского оборота. Рассмотрено отечественное законодательство XVIII – начала XX веков, которое определило отрицательный перечень вещей, не имеющих права быть залогом. К ним относились: 1) имущества, находящиеся в общей собственности, без согласия всех владельцев; 2) дворы, заводы, фабрики, мануфактуры и лавки, которые не могли быть разделены; 3) леса и земли, принадлежавшие посессионным заводам; 4) земля, полученная в собственность бывшими государственными крестьянами по правилам 20 февраля 1803 года; 5) имущества, которые не могли быть отчуждаемы без особого на то распоряжения; 6) наследственные заповедные, временно заповедные имения, состоящие на праве майората в Западных губерниях. В результате был выработан исчерпывающий перечень вещей, которые можно было и нельзя относить к объектам залога.

Ключевые слова: залог, залоговое право, обязательство, обеспечение требований, залогодатель, залогоприниматель, закладодатель, закладоприниматель.

При изучении института залога особое внимание отечественные цивилисты уделяли вопросу объектов залога. Как отмечал А.С. Звоницкий, «объекты залога рассматриваются в нашем законе довольно подробно» [7, с. 265]. В свою очередь, К.Н. Анненков, писал, что отечественный закон не содержит общего определения, какие имущества могли выступать залогом, а только дает перечень отрицательных указаний, что не является залогом [5, с. 321–322]. Таким образом, в научной литературе прозвучало мнение, что общие правила определения того, какое имущество является залогом, возможны только теоретически, а закон, в свою очередь, давал перечень вещей, не имеющих права стать объектом залога.

Отечественные цивилисты подошли к этому вопросу достаточно скрупулезно и выработали ряд требований, которым должна соответствовать вещь, чтобы стать объектом залога. К.П. Победоносцев отмечал, что поскольку залог определяется как право на меновую ценность из определенного имущества, требуется, чтобы объект обладал меновой ценностью [8, с. 597]. Г.Ф. Шершеневич добавил, что объектом залога может быть только материальная вещь, т.е. та вещь, которую можно продать или заложить, а также движимая или недвижимая вещь [9, с. 352]. С этим мнением был согласен и К.Н. Анненков, который утверждал, что «наш закон» стоит на той же точке зрения, что и древнее римское право, и признает залог только телесных вещей [5, с. 321]. Е.В. Васильковский также придерживался данного взгляда, отмечая, что «залог может быть установлен на всякую телесную вещь, как движимую, так и недвижимую» [6, с. 185]. К.П. Победоносцев считал, что в залог можно отдать вещь, принадлежавшую на праве собственности [8, с. 596–597]. Данное теоретическое положение нашло свое подтверждение в т. X

ч. I Свода Законов Российской Империи, где закреплялось в качестве объекта залога только имущество, принадлежащее на праве собственности [1, т. X, ч. 1, ст. 1629] и в кассационном решении Правительствующего Сената по гражданским делам за 1881 г. № 121, ст. 1629, что только с момента утверждения купчей крепости старшим нотариусом купленное имение может быть отдано в залог покупщиком, не ожидая ввода во владение [4, с. 24].

Объектом залога не могла являться вещь, изъятая в части или целом из гражданского оборота [5, с. 315; 6, с. 185]. Статья 1630 т. X уточняет, что «отдавать и принимать в залог можно имущество только свободное; посему: недействителен залог имущества, состоящего под запрещением» [1, т. X., ч. 1, ст. 1630]. Тем не менее, К.Н. Анненков отмечал, что существуют исключения из данного положения, когда имущество, состоящее под запрещением, могло быть продано. Во-первых, в случае, когда на имуществе лежало запрещение по какому-либо иску или к взысканию в определенной сумме и эта сумма была внесена в определенное место, либо предоставлено другое равноценное имущество в обеспечение взыскания. Во-вторых, в тех случаях, когда имущество, находящееся под запрещением в кредитном установлении, могло быть продано по правилам устава этого установления. В-третьих, в случае, когда имущество находилось под запрещением в обеспечении доходов, которые собственник был обязан вносить в пользу государственных или общественных заведений, но когда этот доход мог быть заменен на доход с капитала [5, с. 328].

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что с теоретической точки зрения такое запрещение не имеет под собой оснований, поскольку наличие нотариальной системы укрепления прав не может привести к столкновению интересов субъектов вещных прав. Более интересным, считал ученый, признает-

ся вопрос залога вещей, уже находящихся в залоге. Ученый считал, что последовательное обременение вещи рядом залогов не противоречит ни логике, ни кредиту, поскольку позволяет осуществить последовательно эти права [9, с. 352–353]. Тем не менее, отечественное законодательство, как писал Г.Ф. Шершеневич, идет по пути запрета второго залога в соответствии со статьей 1630 ч. 2 «когда одно и то же имущество будет заложено в разные руки, то тот токмо залог остается действительным, на который закладная крепость совершена прежде других» [1, т. X, ч. 1, ст. 1630].

Несмотря на это категорическое запрещение в ст. 1646 т. X говорится о возможности второго залога «но долги государственным кредитным установлениям по первоначальному в них залому имущества, ответственность по выданным, для залога в делах с казной, свидетельствам, и долги, обеспеченные закладными на то же имение, а равно запрещения по всем сим долгам, не служат препятствием к совершению новой закладной» [1, т. X, ч. 1, ст. 1646]. В Решении Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1889 г. № 88 от 30 ноября [3, с. 210] было дано разъяснение, в соответствии с которым допускается установление последующего залога при условии сохранения силы предшествовавшего. Это положение нашло свое подтверждение и в Судебных Уставах 20 ноября 1864 года. По ст. 1215 Устава Гражданского Судопроизводства, из взысканной при исполнении судебных решений суммы немедленно уплачиваются претензии, обеспеченные залогом по старшинству закладных [1, т. XVI, кн. 2, разд. 5, ст. 1215].

Этой точки зрения придерживался и Е.В. Васковский, допуская неоднократный залог уже заложенного имущества, ссылаясь на судебную практику [6, с. 188].

Благодаря этому общему принципу, были сформулированы правила, в соответствии с которыми ряд имущественных объектов не подлежал залому. Эти правила были зафиксированы не только в теории отечественной цивилистики, но и в законодательстве, в частности в Своде Законов Гражданских Российской Империи, где давался перечень этих объектов:

1. Имущества, находящегося в общей собственности без согласия всех владельцев [1, т. X, ч. 1, ст. 1632].

2. Дворы, заводы, фабрики, мануфактуры и лавки, которые не могут быть разделены, не могут быть отданы по частям в залог [1, т. X, ч. 1, ст. 1633].

Ст. 394 т. X дает общий перечень имуществ, которые не могут быть разделены в соответствии с законом. К такому имуществу относятся: 1) фабрика, завод, лавка; 2) участки земли не более восьми десятин, содержащиеся, полученные в собствен-

ность бывшими государственными крестьянами по правилам 20 Февраля 1803 года; 3) аренды; 4) золотые прииски, указанные в статье 427 Устава Горного; 5) имения майоратные в Западных губерниях; 6) участки, отведенные по правилам 20 июля 1848 г., по Высочайшим повелениям малоимущим дворянам для поселения; 7) железные дороги со всеми их принадлежностями [1, т. X, ч. 1, ст. 394]. Кроме этого, в ст. 1396 т. X говорится, что недопустимо продавать часть имения, которое должно быть нераздельным [1, т. X, ч. 1, ст. 1396]. Таким образом, запрещается раздробительная продажа двора, завода, фабрики и лавки. Следовательно, годными для залога могут быть признаны только те имущества, которые могут быть проданы [5, с. 337].

3. Леса и земли, принадлежащие посессионным заводам, не могут быть отданы в залог отдельно от заводов [1, т. X, ч. 1, ст. 1634].

В научной литературе существовало мнение, что посессионные леса и земли вообще не подлежат залому. Подробно этой проблемой занимался профессор В.А. Удинцев, который высказал мнение в докладе Киевскому юридическому обществу от 19 марта 1911 г. на тему «К вопросу о залоге чужого имущества» о том, что в противоположность ст. 1634 т. X разрешение о закладе посессионного имущества вместе с заводом, относилось только к тем заводам, которые в 1811 году были причислены к посессионным на основании примечания к ст. 223 Устава Горного «позволения их владельцам владеть заводом и при оном крепостными людьми не имея права дворянства». В соответствии со ст. 224 Устава Горного запрещалось переукреплять часть имущества, принадлежащего заводу отдельно от него, а ст. 225 дополняла хотя «и позволяется оные переукреплять без раздробления, но не иначе, как с разрешения Горного Департамента» [1, т. VII, ст. 223–225]. А.С. Звоницкий отмечал, что данное положение должно быть отнесено и к залому [7, с. 267]. Г.Ф. Шершеневич [9, с. 353] и К.Н. Анненков [5, с. 337], признавали, что леса и земли, приписанные к посессионным заводам, представляют собой неотделимую принадлежность главного имущества. Ст. 1396 п. 2 Гражданского Уложения запрещала продавать принадлежащие к заводам посессионные земли и леса отдельно от заводов [1, т. X, ч. 1, ст. 1396].

4. Земля, полученная в собственность бывшими государственными крестьянами по правилам 20 февраля 1803 года, не может быть разделена при залоге на участки менее восьми десятин ст. 1635 [1, т. X, ч. I, ст. 1635].

На основании Указа от 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» [2, т. 27. (1802–1803). № 20.620] было установлено в п. 8, что как только крестьяне получают

землю в собственность, они будут иметь право продавать ее, закладывая, передавать в наследство, не разделяя на участки менее 8 десятин. А на основании п. 9, крестьяне, обладающие недвижимой собственностью, могут вступать в различные обязательства, и Указы 1761 и 1765 гг. на них не распространяются [2, т. 27. № 20.620].

5. Особые запрещения, относящиеся к имуществам, которые не могут быть отчуждаемы без особого на то распоряжения ст. 1638 [1, т. X, ч. I, ст. 1638].

Указ от 22 ноября 1779 г. «Об уничтожении Мануфактур-Коллегии и ее Конторы» в ст. 4 постановил «...чтоб принадлежащие частным людям собственно фабрики и мануфактуры, не иначе разумеемы были, как собственное имение, которым каждый по состоянию своему и по порядку в законах предписанному, учреждать может свободно, не требуя ... никакого дозволения...» [2, т. 20, № 14.947, ст. 4].

Указ от 26.07.1817 г. «О перепродаже казенных пустопорожных земель, отдаваемых под заселение» запрещал в ст. 1–3 продажу этих земель без дополнительного разрешения от Гражданского или Военного Губернатора, с покупателя брать точно такие же обязательства с положенными залогами и поручительствами какие были даны от продавцов и срок исполнения обязательства считать не с момента продажи, а с момента отведения земли [2, т. 34, № 26.974].

6. Наследственные заповедные, временно заповедные имения, состоящие на праве майората в Западных губерниях не могут быть отданы в залог [1, т. X, ч. 1, ст. 1641]. Однако вторая часть этой статьи допускает возникновение залога будущих вещей, «но владелец заповедного наследственного имения в некоторых, определенных выше сего в ст. 489, 1069, 1211, 1212, случаях, может занимать денежные суммы под залог доходов с имения» [1, т. X, ч. 1, ст. 1641]. Таким образом, ст. 1641 т. X говорит о возможности предоставления в залог получаемых доходов с недвижимого имущества, но только в строго перечисленных в законах случаях и в указанном порядке. По мнению К.Н. Анненкова, это положение исключительное. Предположительно, что оно закреплено в законе в силу того, что эти имения невозможно предоставлять в залог, как неподлежащие отчуждению. В то же время ошибочно делать вывод, что в России в залог можно предоставить только доходы с недвижимого имущества отдельно от самого имущества в других случаях [5, с. 339].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что в отношении объектов залога отечественная цивилистика и законода-

тельство шли разными путями. Законодательство XVIII, XIX и начала XX веков определяло отрицательный перечень вещей, которые не могли быть объектом залога.

Отечественная цивилистика шла другим путем и, выработав общие правила, определила, какие вещи могут выступать в роли объектов залога. Таковыми общими правилами были: во-первых, наличие меновой ценности вещи, во-вторых, материальность, телесность вещи, в-третьих, вещи движимые и недвижимые, в-четвертых, вещь, принадлежащая на праве собственности, в-пятых, вещь, не изъятая из гражданского оборота.

В результате, несмотря на разные пути подхода определения объектов залога в залоговом праве, был выработан достаточно исчерпывающий перечень вещей, которые можно было и нельзя было относить к этим объектам. И в этом проявилась особенность отечественного залогового права этого периода.

Библиографический список

1. Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1842. – Т. VII; Т. X; Т. XVI.
2. Полное Собрание Законов Российской Империи в 45 т. – Т. 20. (1775–1780); Т. 27. (1802–1803); Т. 34. (1817). – СПб.: Печатано при II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
3. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1889 г. № 1–132. – Екатеринбург: Типография Книгоиздательства Л.М. Ротенберга, 1904. – 300 с.
4. Систематический сборник положений и извлечений из кассационных решений по гражданскому праву и судопроизводству за 1881–1882 годы / сост. Г.М. Вербловский. – М.: Типография А. Мамонтова и К°, 1884. – 68 с.
5. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. III. Права Обязательственные. Второе издание. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 494 с.
6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. I. Введение и Общая часть. – СПб.: Типография Контрагентства железных дор., 1894. – 188 с.
7. Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву. – Киев: Издание Книжного магазина Н.Я. Оглоблина, 1912. – 401 с.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть первая. Вотчинные права. – СПб.: Синодальная Типография, 1896. – 768 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Девятое издание. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. – 859 с.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД УСИЛЕНИЯ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В статье рассматривается конфессиональная политика Советского государства в период 1953–1964 гг., когда в обществе доминировала официальная идеология атеизма, а также взаимоотношения разных конфессий с Советским государством. Обращается внимание на то, что при очередном усилении гонений и атеистической пропаганды на территории страны мирно жили представители разных конфессий: христиане, буддисты, мусульмане, иудеи и др. Несмотря на очередной этап гонений на церковь, Советское государство стремилось представить конфессиональную политику в глазах мировой общественности в наиболее выгодном свете. Автор выявляет феномен мирного бесконфликтного сосуществования верующих различных конфессий, как на региональном, так и на общегосударственном уровнях. В конце 50-х – начале 60-х годов XX века была сделана попытка диалога с Ватиканом, которую исследователь оценивает как благоприятную для развития дальнейших отношений на межгосударственном уровне. Также в статье обращается внимание на положительную деятельность религиозных организаций всех конфессий, официально зарегистрированных на территории СССР, в свете их участия на различных конференциях международного уровня, направленных на защиту жизни и мира во всем мире.

Ключевые слова: закон, государство, церковь, религия, атеизм, «оттепель», пропаганда, «хрущевские гонения».

Современные межнациональные и межрелигиозные конфликты стали проблемой во многих государствах, в том числе и в России, хотя и в значительно меньшей степени. В период полной свободы совести и возможности открыто исповедовать и агитировать за «свою» религию обострились межконфессиональные противоречия. Является ли эта проблема неизбежной и присущей любому многонациональному обществу? Или есть какие-то причины, провоцирующие людей, исповедующих разные религии, на противостояние друг другу? И можно ли эти причины устранить и как-то повлиять на ситуацию? Обратимся к событиям полувековой давности.

Тема церковной жизни в Советском союзе привлекает множество исследователей. В первую очередь, это связано с возможностью работать с архивными документами, с которых снят гриф «секретно», и изучать более объективно историю своей страны.

Вообще, церковная жизнь, как вид социальной жизни, и сама Церковь, как организация, претерпевала самые разнообразные изменения и в худшую и в лучшую стороны в период, называемый в историографии советским [2; 3; 4; 16]. Исторически сложилось, что на территории бывшей Российской империи проживали различные народности, исповедовавшие разные религии, включая язычество и шаманизм. Такая же тенденция сохранилась и после образования СССР: во вновь образованной стране остались те же самые конфессии, хотя открыто исповедовать религию при господствующей идеологии атеизма было сложно. Интересным представляется изучение вопроса о жизни Церкви во время Н.С. Хрущева. Как известно, время пребывания Никиты Сергеевича Хрущева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС было названо «оттепелью», но не в отношении Церкви.

Во время Второй мировой войны и после, а именно до марта 1953 года, проводился курс не-

которой либерализации в отношении между государством и Русской православной церковью. 4 сентября 1943 года состоялась встреча патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и И.В. Сталина [7, с. 7]. Постановлением Совнаркома № 993 от 14 сентября 1943 года был создан особый правительственный орган – Совет по делам Русской Православной Церкви для связи между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим разрешения правительства СССР. Также известны иные факты об улучшении отношений между Церковью и Советским государством [1]. Благоприятной религиозная политика 1943–1953 гг. была и для иных конфессий. В бурятской улусе Средняя Иволга Заиграевского района Бурят-Монгольской АССР был открыт буддийский храм для удовлетворения религиозных потребностей верующих бурят [14; 15, с. 22]. Также было дано разрешение на открытие двух монастырей, но только на территории бурятских буддистов [26].

5 марта 1953 года умер И.В. Сталин, а вместе с ним и идея использования Церкви в интересах государственной внутренней и внешней политики. 14 марта 1953 года генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Никита Сергеевич Хрущев, который пребывал в должности до 14 октября 1964 года. В период его правления произошли изменения в политике государства, которые имели как положительное, так и отрицательное влияние на развитие нашей страны. Особое внимание хотелось бы уделить антирелигиозной компании, вошедшей в историю под названием «хрущевские гонения».

В первые годы советской власти гонения были в большинстве своем «насильственного» характера, такие как массовое изъятие мощей, реквизиция церковных ценностей, надругание над святынями, массовые расстрелы служителей культа (имеются

в виду не только священнослужители православного вероисповедания), а во времена Хрущева гонения были более «идеологического» характера. Основной акцент был сделан на антирелигиозную пропаганду и скрупулезное документирование всей «церковной» жизни страны, какая только могла быть. Это и записи о количестве посещающих церковь во время религиозных праздников, и записи паспортных данных родителей ребенка и крестных этого ребенка, и сами сведения о количестве крещеных детей, о количестве церковных браков и церковных обрядах отпевания умерших, и сведения о суммах выручек с продажи свечей и просфор и многое другое. Хотя Конституция СССР 1936 года в ст. 124 указывала, что «...свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [8, с. 303].

В период с 1954 по 1964 годы были приняты нормативные акты, регулирующие правовое положение всех конфессий на территории СССР. Принятые законы не улучшили положение верующих по сравнению с периодом 1943–1953 годов, скорее ухудшили.

Первым документом на новом этапе гонений на церковь было постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» [11]. Постановление указывало, «что многие партийные организации неудовлетворительно осуществляют руководство научно-атеистической пропагандой среди населения, в результате чего этот важнейший участок идеологической работы находится в запущенном состоянии». Затем указывалось на «отравление сознания людей религиозным дурманом... и на оживление паломничества к так называемым святым местам». Также отмечалось, что празднование религиозных праздников сопровождается многодневным пьянством и убоем скота, что подрывает трудовую дисциплину и наносит ущерб народному хозяйству [10, с. 429].

Несмотря на усиление атеистической пропаганды, в стране сохранялись самые различные вероисповедания: православие, католицизм, протестантизм, старообрядчество, ислам, буддизм, иудаизм и др. Например, на территории Горьковской области и даже одного района мирно сосуществовали адвентисты седьмого дня, старообрядцы белокриницкого согласия, мусульмане, пятидесятники, православные, иудеи и евангельские христиане-баптисты [19]. А на территории г. Горького только из официально зарегистрированных действовали 3 православных храма Московской патриархии, старообрядческая церковь белокриницкого согласия, молитвенный дом мусульман (мечеть), молитвенный дом адвентистов седьмого дня [20; 21].

Основываясь на архивных источниках можно сделать вывод о том, что руководство страны было

заинтересовано в демонстрации миру состояния конфессиональной политики и взаимоотношений с верующими в выгодном свете. Из письма в Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР «о пунктах посещения иностранными церковными делегациями» есть запись: «...Путей следования для осмотра церкви в пос. Высоково имеется несколько. По этому маршруту будет выбран тот, на котором не будут встречаться закрытые церкви. На пути следования к Карповской церкви никаких церковных зданий нет» [22]. Справедливо будет заметить, что сам вид закрытых, разрушающихся церквей не был на благо Советскому государству в виду сотрудничества с иностранными государствами. Также, согласно архивным материалам, Советское правительство положительно реагировало на участие представителей религиозных организации СССР в работе различных конференций [23].

Вскоре, 10 ноября 1954 года было принято новое Постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [9]. Июньское и ноябрьское постановления противоречили друг другу. Если первое постановление призывало к наступлению на религию, то второе указывало на проявление чуткости к верующим и призывало не оскорблять их чувств. Ноябрьское постановление указывало, что «...допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды. В ряде районов <...> допущены случаи <...> грубого отношения к духовенству. К выступлениям <...> допускаются невежественные люди, а подчас и халтурщики...» [12, с. 446–447]. Не смотря на указание «не допускать оскорбления религиозных чувств верующих», издавались подзаконные акты, напрямую затрагивающие процесс отправления богослужения, например, запрет на колокольный звон в действующей Кубенцевской Сретенской церкви (г. Балахна Горьковской области – А.О.) [25].

16 октября 1958 года было принято постановление Совета Министров СССР № 1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [17]. Отрицательным моментом этого документа была необходимость перехода на новый порядок обложения налогом с 1 октября, т.е. до окончания «финансового года». Иными словами, постановление в очередной раз подрывало годовой бюджет церкви [5; 27, с. 83].

Интересно, что нормативные акты в отношении церкви издавались под грифом «секретно», и служители, и последователи культа, в основном духовенство, не ставились в известность об их принятии.

Церковь в лице Патриарха Алексия I, проявляя заботу о всех верующих, также призывала исполнять законодательство о религиозных куль-

тах. В письме от января 1959 года Святейший говорил, что «...держится обычай <...> в заветные дни паломничать группами на реку, к колодцам и источникам. <...> Один священник решил даже оборудовать в своем приходе «святой родник», этим самым поощряя к хождению к этому якобы священному месту своих прихожан. <...> Все эти явления нельзя не признать самочинными и незаконными и следует на них обратить внимание. Верующим же необходимо разъяснить, что паломничество к местам, не почитаемым церковью, не должно иметь место» [24].

Несмотря на ухудшение положения церкви в целом по сравнению с периодом 1943–1953 годов можно отметить и положительные стороны, а именно, встречу с главой Римско-католической церкви Папой Иоанном XXIII, прозванным «Красным Папой» за проявление гуманизма и дружбы к странам «социалистического» лагеря и СССР в частности, а также за призывы к «миру во всем мире» [6]. Многие были удивлены этой встречей, но чуткость и деликатность главы Католической церкви сделали возможным в дальнейшем политический диалог СССР и Ватикана [28]. В телеграмме по случаю кончины Папы Хрущев сказал теплые слова в память почившего: «Мы сохраним добрую память об Иоанне XXIII, чья плодотворная деятельность на пользу поддержания и укрепления мира получила широкое признание и снискала ему уважение среди миролюбивых народов» [13, с. 46].

Несмотря на очередной этап гонений и усилия власти в борьбе с религией, православная церковь и иные конфессии продолжали свое мирное сосуществование. Более того, благодаря «оттепели» деятельность по закрытию храмов и роспуску общин была затруднена [18, с. 34]. Тем не менее, перегибы в конфессиональной политике отрицательно сказались на церковной жизни. В целом правовое положение церкви в Советском государстве не изменилось.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что в эти сложные для религиозных организаций времена между представителями различных конфессий не происходило никаких конфликтов и противостояний. Можно даже сказать, что все они вместе были по одну сторону «баррикад», а по другую сторону было огромное большинство атеистически настроенных советских граждан. Возможно, общий «безбожный» противник заставлял сплотиться разнородное верующее меньшинство для отстаивания некоего общего базового принципа – веры в Бога. Это противостояние не носило ярко выраженного характера, но оно пронизывало на бытовом уровне все общество.

Современный период развития гражданского общества в России характеризуется свободой в агитации любой религии. Возможно, именно это обстоятельство сделало конфессии прямыми кон-

курентами в привлечении верующих последователей. Исчезновение общего «противника», борьба с которым объединяла всех, привела к разрушению этого «единства» и обострила межконфессиональные противоречия.

Библиографический список

1. Алексеев В.А. «...Маршал Сталин доверяет церкви» // Агитатор. – 1989. – № 10. – С. 26–30.
2. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Sochi Journal of Economy. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86–89.
3. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Стратегия правового регулирования государственно-конфессиональных отношений (новый взгляд) // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4 (38). – С. 75–79.
4. Биюшкина Н.И., Олексенко А.С. Организационно-правовое воздействие Советского государства на Русскую православную церковь (октябрь 1917–1929 гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 4. – С. 192–201.
5. Гераськин Ю.В. Из истории хрущевского наступления на Русскую православную церковь // Новый исторический вестник. – 2009. – № 19. – С. 71–79.
6. Григулевич И. «Красный папа» // Новое время. – 1978. – № 3. – С. 27–30.
7. Журнал Московской патриархии. – 1943. – № 1. – С. 7.
8. Конституция СССР 1936 года ст. 124 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: форма государственного единства в отечественной истории XX века / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. – М.: Издательство Юрайт, Высшее образование, 2009. – С. 303.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.8. 1946–1955. – М.: Политиздат, 1985. – С. 446–450.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955. – М.: Политиздат, 1985. – С. 428–432.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955. – М.: Политиздат, 1985. – С. 428–432.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955. – М.: Политиздат, 1985. – С. 446–450.
13. Красиков А. Наследие доброй воли Иоанна XXIII // Наука и религия. – 1963. – № 7. – С. 46–48.

14. Митыпов В.М. Государство и Буддийская церковь в СССР/ России: основные аспекты законодательных отношений // Власть. – 2011. – № 5. – С. 13–17.
15. Одинцов М.И. Сталин и ламы // Наука и религия. – 1995. – № 6. – С. 22–23.
16. Олексенко А.С. Политико-правовые проблемы взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви в годы Великой отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 49–56.
17. Постановление Совета Министров СССР № 1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=35642> (дата обращения: 30.05.2016 год).
18. Сосковец Л.И. Положение Русской православной церкви в период «хрущевской оттепели» // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №4(16). – С. 29–35.
19. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. Р-5899. – Оп. 2. – Д. 7. – С. 1–12.
20. ЦАНО. – Ф. Р-5899. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 57–58.
21. ЦАНО. – Ф. Р-5899. – Оп. 1. – Д. 2. – С. 94–95.
22. ЦАНО. – Ф. Р-5899. – Оп. 3. – Д. 17. – С. 2.
23. ЦАНО. – Ф. Р-5899. – Оп. 2. – Д. 5. – С. 26.
24. ЦАНО. – Ф. Р-5899. – Оп. 1. – Д. 2. – С. 2–3.
25. ЦАНО. – Ф. Р-5899. – Оп. 1. – Д. 5. – С. 149.
26. Цыремпилов Н.В. Буддизм в России: прошлое и настоящее // Власть. – 2013. – № 4. – С. 84–87.
27. Чумаченко Т.А. Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 19 (348). – Право. Вып. 39. – С. 82–90.
28. Эчегарэ Рожэ (кард.). Духовная личность папы Иоанна XXIII: Доклад на Международной конференции «Иоанн XXIII и современный мир» 8 декабря 2000г. // Современная Европа. – 2001. – № 2. – С. 38–42.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Anatoliy A. Mayorov
Oryol State Institute of Culture
aamajorov@rambler.ru

Migratory processes in Verkhovye (the Upper Oka) area in the 8th—12th centuries

The issue of migration to and from the territory Verkhovye historical-geographical province during the 8th—12th centuries to the present time almost did not get to the attention of the major researchers. Territory of Verkhovye historical-geographic province in the 8th—12th centuries was crossing site of several different directions and chronologically separated migration routes. Most of the migrants ethnically belonged to the Slavs, successively belonged to Romny-Borshchyovo and Old Russian culture. We can assume that there were cultural influence of the Danubian and Moravian regions. All migrations that occurred during the period under review were distinguished by complexity and dynamism, they were the result of the interaction of a number of complex internal and external political, economic and social processes. This article contains a first experience in developing and organising a unified chronology of migration processes that took place in this territory, justified the specific features and implications of the impact of migration on demographic and cultural situation of the region.

Keywords: Verkhovye historical-geographical province, Vyatichi, colonisation, migration processes, Romny archaeological culture, Old Rus.

Maria A. Lukoyanova
Chernyshevsky Saratov State Research University
of the Russian nation
lukoyanova-rus@yandex.ru

Planning and construction of district towns of Saratov Province in the late 18th century—1870s

This article is devoted to urban planning in district towns of Saratov Province from the formation of the Province till the 1870s. The author explores the construction and planning of each district town of the Province, identifying the differences and similarities of these processes in different settlements. In some way, building reflects the socio-economic development of the town, because the number of houses increased according to the number of inhabitants. With time, in the towns there were new types of buildings. Building plans, developed to district towns of Saratov Province were rarely performed due to the mismatch between the terrain and the poverty of the townspeople who could not afford stone construction. Capital construction of the towns in this Province mostly started only in the late 19th century. Civil stone construction in Saratov Province has developed slowly because of the high prices of brick and stone. At the same time, timber was available for the poor urban population. The government had not provided assistance to the urban poor during the implementation of planned regu-

lar construction. Despite all these problems, the local authorities tried to construct according to approved plans, using expensive building materials.

Keywords: Saratov Province, district towns, urban planning, stone construction, urban population, socio-economic development.

Sergey A. Safronov
Siberian Federal University, City of Krasnoyarsk
safronow63@mail.ru

Carl Andreas Koefoed, one of the ideologists of Pyotr Stolypin's agrarian reform

The article discusses the views of one of the statesmen of the Russian Empire, Carl Andreas Koefoed, on the question partition of the Russian peasant land community. In the period before the agrarian reform of Pyotr Stolypin, peasant community was considered one of the pillars of Russian statehood and the feasibility of its existence was not questioned. Carl Andreas Koefoed has undertaken research in those areas, contributed to the formation of farms, considering these economic units are more appropriate for agriculture. In his studies, Carl Andreas Koefoed was able to find the scientific works of Dmitriy Stolypin (uncle of Pyotr Stolypin), who was also a supporter of the destruction of the Russian land community and education in its place farms. For a long time, Carl Andreas Koefoed did not meet understanding on the part of the ruling class of the Russian Empire. With the advent of the post of Prime Minister, Pyotr Stolypin, the situation has changed and began agrarian reform. Carl Andreas Koefoed was actively involved in its implementation, while continuing to active development of a new ideology of land management and directly managing partition of the peasant community. After the 1917, Carl Andreas Koefoed returned to Denmark and was in the diplomatic service.

Keywords: Carl Andreas Koefoed, Pyotr Stolypin agrarian reform, peasant community, farm.

Sergey A. Chetverikov
Orenburg State University
serg__17@mail.ru

Polish political exiles of 1863 in Orenburg Province

The numerical list, social and economic situation of the «Poles», which were political exiles in Orenburg Province to permanent domicile subject to police supervision for complicity in the January Uprising of 1863, are analysed in the article. Not only inhabitants of the Kingdom of Poland, but also natives of Northwestern subdivision of the Russian Empire, were understood as «Poles» during the considered period. Desire of the government, so that loyal citizens would not fall under «pernicious influence» of those, became the main reason for mass deportation from the western provinces of the empire concerning the persons which were unreliable in the political relation. Sentences of political cases were passed by court-martial commis-

sions and adopted by head of Northwestern subdivision of the Russian Empire. On May 28, 1863, Orenburg Province was meted out as an annotation for natives of the westlands who had pernicious political aspiration. The order of sending political exiles was defined then as well, just then special instructions for supervision of them were approved. Originally, 148 Polish exiles were intended to be accommodated in Orenburg Province, however, 278 people were sent to the province to permanent domicile subject to police supervision by early June 1864, with another 506 people, by mid-1865. Besides, 831 persons there were appointed to be taken into custody on the government lands of Orenburg and Chelyabinsk districts, of which, 754 persons arrived to their placement to Ufa. As a result, "common" people for the first time formed the majority of political exiles (51%). Since the very beginning of 1864, rules of holding political exiles in Orenburg Province to permanent domicile subject to police supervision have been gradually exacerbated. The said categories were barred from leaving areas meted out as an annotation for them; from teaching children, including Polish language; from taking civil and government service. They were debarred from private correspondence inviolability, and their penal consequence was full coverage concerning members of their families who had gone into exile together with them.

Keywords: political exile, Russian Empire, Poles, police supervision, placement in detention.

Aleksey Ye. Kidyarov
Nekrasov Kostroma State University
19a85@mail.ru

Murom anti-Soviet riot in 1918

The article deals with the preparation and progress of the anti-Bolshevik uprising, organised in July 1918 in Murom branch of «Society for Defence of Motherland and Freedom». Murom rebellion on 8—10 July 1918 still has not received detailed coverage in the historiography. The value of Murom in the plans of the «Society» was determined by the fact that it was connected with Moscow by railroad, and by water, on the Oka and the Volga, with the centres of anti-Bolshevik unrest. After October 1917, among trade and industrial circles of Murom, clergy, and officers dissatisfaction with the Bolsheviks coming to power could be observed. From spring 1918, the Soviet authorities became aware of activity of clandestine officers of an organisation which was preparing an armed uprising. Who was the leader of the July uprising in Murom, was Colonel Nikolay Sakharov, he arrived in the city as the head of the group of officers. The rebels joined representatives of local merchants, the intelligentsia, former officers. Support for the rebellion was provided by the clergy. The rebels released four appeals to the people, spoke about the cancellation of the orders of the Soviet authorities, the introduction of liberal bread trade, asked to save Russia from the Bolsheviks and called for the creation of armed groups.

The rebels managed to form three small detachments, but they were defeated by the Red Army and groups of workers. Some of the rebels were captured and shot to death. Another group was later executed by sentence of the Cheka. The defeat of the uprising contributed to the failure of anti-Bolshevik uprisings in the territory of the Upper Volga region.

Keywords: «Society for Defence of Motherland and Freedom», uprising, Murom, Boris Savinkov, Nikolay Sakharov, bishop Mitrofan (Zagorsky).

Aleksandr S. Knyazev
Nekrasov Kostroma State University
alexlord09@mail.ru

Financial provision of employees of provincial archive bureaus of the Upper Volga: 1918—1922

One of key aspects of formation and functioning of the centralised archival network of the Upper Volga after October Revolution – issues of financial provision of personnel of provincial archive bureaus – is considered in article. The financial position of staff of archives was, let's say, plight of the poor. It was explained by a number of factors – inflation, deficiency of goods, low salary, scarcity of money laid out by the state on archival network. As a result, there was labour turnover in archive bureaus, and those employees who long held the positions, had to make some money on the side to make ends meet. However, despite poor financial provision and welfare of employees, provincial archive bureaus of the Upper Volga achieved very considerable success in business of preservation of archives and actualisation of archival reform.

Keywords: archives, reform, centralisation, provincial archive bureau, finances, Upper Volga.

Artyom V. Nerovnyi
Professor Bonch-Bruévich Saint Petersburg
State University of Telecommunications
art830@yandex.ru

The participation of Australian troops in the North Russia intervention 1918-1919

The Allied intervention was carried out by the Triple Entente and the Central Powers forces on the territories of the former Russian Empire, before the end of the World War I. This event coincided with the equally momentous period of Russian history – the Russian Civil War. On the basis of the above, it is easy to conclude that Russia during its Civil War and intervention became a place of collision of interests of world powers. However, these interests were not confined only by geopolitical borders. Also, important roles were played by the economic and political (ideological) factors. What is the purpose of this research, are the study and analysis of the participation of Australian troops in one of the theatres of the Allied intervention – the so-called North Russia Intervention. Since the stated theme is highly specialised, and the researches about it are not of popularity, the author gives a brief historiographical review. For creating a "historical background", the article provides information about the causes of the beginning of the intervention, about the

aims pursued by the invaders during the campaign, and the article gives quantitative characteristic of the forces. The researcher divides the Australian troops participation in the campaign into two stages, which is characteristic of modern conventional approach to the study of this theme. The paper explains the motives for Australian troops to join the ranks of the interventionists, and describes the course of fighting them. In conclusion, we summarise the main results of the campaign. What is the advantage of this article, is the using of a wide range of foreign scientific researches. In addition, the article includes photographs from the collection of the Australian War Memorial.

Keywords: North Russia intervention 1918-1919, North Russian expeditionary force, North Russia relief force, military history of Australia.

Elena M. Petrovicheva

*The Stoletovs Vladimir State University
helenp94@mail.ru*

Il'ya S. Tryakhov

*The Stoletovs Vladimir State University
ilja.tryahoff@yandex.ru*

Demographic situation in Vladimir and Ivanovo Regions in 1939—1945: dynamics and changing characteristic

Issue on change of a demographic situation in home front regions of the USSR in the years when its other territory became the East Front of World War II, in terms of Vladimir and Ivanovo Regions, which were a common territorial and administrative region at the beginning of war. The object of the research is peculiar for undoubted scientific topicality: in Soviet period due attention was not paid to this perspective for the ideological reasons, and also owing to a lack of sources, while during the Post-Soviet period this problem quite often carried a raid of journalism, at that, of an anti-Soviet engaged one, both in popular scientific and academic historical literature. Briefly having presented a condition of a modern historiography, the authors addressed clarification of dynamics of real loss of the population of the explored regions, including military losses, the death rate of the population because of sharp deterioration in health in the conditions of reduction of food supply and bad accommodation. Issue on decrease in birth rate is studied separately; process is tracked in dynamics, since the tragic year 1941 and for the next several years of the war. The work is based on the analysis of all available archival sources. The received results are notable for scientific impartiality and novelty.

Keywords: World War II East Front, demography, population, casualties dynamics, census, birth rate, evacuees, home front.

Stanislav V. Aristov

*Institute for the Humanities in Moscow Region, City of Podolsk
aristov_stanislav@hotmail.com*

Klooga concentration camp: the central branch in Vaivara system

This article is devoted to Klooga – one of branches of Nazi concentration camp of Vaivara in the occupied territory of Estonia. The research base of sources was

made by unpublished materials of the Extraordinary state commission (GARF), the certificates of the former prisoners which are stored in archive Yad Vashem (Jerusalem), as well as the published archival sources. On the basis of the analysis of sources and taking into account topical scientific researches, the author characterises management personnel, life conditions and terror methods in Klooga. In spite of the fact that the office of camp administration was more simplified in comparison with the Third Reich, all main characteristics of concentration camp took place. Besides, Klooga can belong to such type of camps which had not only submission of Inspection of concentration camps, but also executed functions – operation and annihilation of prisoners. What was the specific line of the prisoners exploitation in Klooga, was the participation of officials of «Organisation of Todt» in this process. While the SS was engaged in the terror organisation. The article has a focus on the massacre of prisoners, mainly Jews, on September 19, 1944 – during camp evacuation. At the time of this operation which was executed by SS personnel as well as Estonian collaborators, at least 2000 people were annihilated.

Keywords: Nazism, concentration camp, Third Reich, occupation, World War II East Front, Klooga, Vaivara.

Evgeniy N. Ryzhkov

*The International Institute for Monitoring Democracy
Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of
the Citizens of IPA CIS Member Nations, Saint-Petersburg, Russia
evgueni_ryzkov@mail.ru*

Adam Bruno Ulam and other American historians on some aspects of Soviet foreign policy after World War II and the origins of the Cold war

The article deals with certain aspects of the USSR foreign policy after World War II and the sources of the Cold War as they are put in the works of a prominent American historian and longstanding Director of the Russian Research Center (Harvard University) Adam Bruno Ulam and other American historians. The author has paid major attention to the motives of Soviet foreign policy moves as seen by the opposite side of the post-war confrontation.

Keywords: Adam Bruno Ulam, USSR foreign policy, American historiography, Cold War.

Ekaterina D. Makeeva

*Samara State Sociohumanitarian University
katrin0509@mail.ru*

Characteristic features of management of nature protection in the regions of the RSFSR in the 1960—1980s (historical aspect)

The problem of relations between society and nature is one of the most important problems of modernity as an environmental crisis by the early 21st century has become a direct and perhaps irreversible threat to human civilisation. Of great importance for the solution of this problem is the study of its historical origins, as well as the analysis of the accumulated government experience in the field of environmental management and environmental protection, which allows extracting

certain lessons and identifying possible ways of further improvement of the ecological policy of the modern Russian state. The article analyses the characteristics of management nature protection in the regions of the RSFSR in the 1960s–1980s when the environmental problems in the territory of our country have manifested themselves fully. The author of the article considers the main aspects of the activities of local governments and the Communist Party organisations of the regions, aimed at environmental protection and conservation of natural resources, and also causes deterioration of the environmental situation in the country in the period of the so-called “Brezhnevian Stagnation”. The unpublished materials of the regional archives of the Russian Federation are put into scientific operation.

Keywords: nature protection, environmental management, society and nature, environmental legislation, public administration, regional authority.

Vladimir Yu. Bochko

*The Kuban State University, City of Krasnodar
phoenix-vl-prs95@mail.ru*

Political parties of the United States of America on Texas territory as an element of integration (1845-1861)

This study aims to explore the formation of political parties on the territory of the State of Texas, as an element of the integration to the antebellum United States (1845-1861). Undoubtedly, the Democratic Party was dominating in the period of the study. In the article, we demonstrate the main reasons for the superiority of the ideology of the Democratic Party, and how on this basis a party organisation was built by Texans. Texas was not annexed by the Democratic Party, but by the USA, and the majority of the USA parties acted in the political life of the region. In different periods of the main opposition, Democratic Party was the Whig party and American Party. The article shows the position of Sam Houston as eminent politician of Texas. The article proves that the activities of the parties without a doubt can be considered as an element of integration.

Keywords: Political parties, USA, Democratic Party, Whig Party, American Party, Constitutional Union Party, Integration of Texas.

SCIENCE OF LITERATURE

Yuriy V. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
y-v-lebedev@ya.ru*

Christian and Russian folklore motifs in Nikolay Nekrasov's poetry

Organic communication of Nikolay Nekrasov's poetry with patristic tradition and with Russian folklore is considered in the article. The poet uses saints' life stories, which are esteemed by the people, in the rhyme “Vlas” and is exact in transfer of orthodox ideas of soul going through painful experiences in the first days after its separation with clay. Nikolay Nekra-

sov reproduces care by means of hauling water of the nine wells (“from nine spindles”) and bringing home a miracle-working icon, which is widespread among the people, in the poem “Grandfather-Frost-the-Red-Nose”. The poet revives a high ideal of a layman's sanctity in such a measure in which this sanctity has been approved by the patristic doctrine and entered Russian national consciousness, in rhymes of the Decembrist cycle.

Keywords: saints' life stories, Russian folk legends, rites, customs.

Ekaterina V. Shashkova

*Vocational school of energy machines engineering and metalwork,
City of Saint Petersburg
shashchkowa-e-w@yandex.ru*

Grigoriy P. Talashov

gptalashov@mail.ru

The main stages of studying Nikolay Nekrasov's life and literary works by Vladislav Yevgen'yev-Maksimov

The article examines the main stages of studying Nikolay Nekrasov's life and works by Vladislav Yevgen'yev-Maksimov since 1902. Vladislav Yevgen'yev-Maksimov was a well-known scholar and literary critic, professor at Zhdanov Leningrad State University, senior researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Academy of Sciences of the USSR, founder of the Russian and Soviet Nikolay Nekrasov studying; the one who initiated the establishment of Leningrad and Yaroslavl (Karabikha) memorial museums, dedicated to the poet. Vladislav Yevgen'yev-Maksimov was one of the first scholars who began studying Nikolay Nekrasov's life and works. The scholar examined Nikolay Nekrasov's circle systematically meeting his relatives and friends, analysing archives and periodicals. The scientist did not tire of caring the personality and the work of the poet even during the years of the World War II, as evidenced by his letters. Also, the correspondence of Vladislav Yevgen'yev-Maksimov with Nikolay Nekrasov's niece Anna Fyodorovna Nekrasova is revealing. Several generations of young researchers (Viktor Maslov, Valentina Berezina, Tamara Besedina, etc.) have grown on the famous professor's lectures and seminars. As a result of his research, academic papers on the subject matter of Nikolay Nekrasov were published. Later, the papers were used to create greater academic publications. Vladislav Yevgen'yev-Maksimov took part in setting up Nikolay Nekrasov museums in Leningrad and Yaroslavl. Vladislav Yevgen'yev-Maksimov's life and career is an example of self-sacrificing and selfless service to the beloved poet, to the memory of the person who proclaimed the ideals of truth, goodness and beauty.

Keywords: Nikolay Nekrasov studies, scholar, academic periodical, conference, research, literature studies, museum.

Natal'ya V. Volodina

*Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
natalivolodina@mail.ru*

Leo Tolstoy's novel "War and Peace" in the evaluation of Nikolay Akhsharumov (article one)

Nikolay Akhsharumov's article was the first response of literary criticism written for Leo Tolstoy's work "1805", which later has become known as "War and Peace". Later, this critic wrote another two articles about the volumes 1-5 of Leo Tolstoy's epos; he expressed his original opinion on it, mostly dictated by the views of familiar aesthetic criticism. However, Nikolay Akhsharumov's works about Leo Tolstoy, like works of other writers, are still not well known even by the specialised reader and also, they were reprinted in the 20th century only selectively. Nikolay Akhsharumov avoids giving precise genre definition of "1805"; he considers it as a stylistic harmony, as an unified perfectly performed picture of life of the Russian society in the early 19th century. Nikolay Akhsharumov sees the main value of "1805" primarily in preserving the memory of the past which does not stand far from the present, but is slowly losing its connection with it. Nikolay Akhsharumov compares the historical period of the life of the Russian society, described by Leo Tolstoy, with the story of human life, and stages of growing up. That is why he permanently compares the older generation with the children and the epoch of 1805, with the "golden age of happy childhood". In this "childhood", there is naivete and simplicity, but also imitation of the "stranger", which does not destroy the foundations of national identity. In Nikolay Akhsharumov's evaluation of Leo Tolstoy's characters, what dominates, is his sympathetic attitude, but an adult points out the inevitable weaknesses and errors of ancestors.

Keywords: Nikolay Akhsharumov, "1805" by Leo Tolstoy, integrity and unity, skill of writer, memory of past, European influence, national foundations.

Ol'ga A. Alferova

*Lomonosov Moscow State University
Memorial and natural reserve
"Museum of Leo Tolstoy's Estate "Yasnaya Polyana"
alferova09@yandex.ru*

Leo Tolstoy and Ernest Howard Crosby

The article is devoted to one of the interesting episodes of Leo Tolstoy's biography – his acquaintance with an American writer and public figure Ernest Howard Crosby. Personal acquaintance developed into active correspondence and later, into sincere friendship. Both writers influenced each other, but Leo Tolstoy was more of a mentor and a teacher for Crosby: the American writer asserted ideas of the Russian writer in his own articles. Leo Tolstoy inspired in Crosby accepting ideas of non-resistance, which were very important for the Russian writer in the last years of his life. But Crosby influenced Leo Tolstoy as well: the latter writer added Crosby's sayings into his collections of wise people's thoughts "Circle of Reading" and "Path of Life". And Crosby inspired in Leo Tolstoy writing an article about his attitude to William

Shakespeare's works ("Tolstoy on Shakespeare"). Leo Tolstoy read publicism and fiction of the American writer with interest, and also, Leo Tolstoy read periodicals which were published by Crosby. Leo Tolstoy made a lot of marginal notes on the pages of Crosby's works. The picture of Ernest Crosby was on the wall in Leo Tolstoy's study at Yasnaya Polyana estate among images of close friends and associates.

Keywords: Leo Tolstoy, Ernest Howard Crosby, Russian literature, American literature, Leo Tolstoy's library at Yasnaya Polyana estate, collections of sages' sayings, compiled by Leo Tolstoy "Circle of Reading" and "Path of Life".

Irina A. Yedoshina

*Nekrasov Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru*

Elena A. Afanasyeva

*Emperor Alexander I of Russia Saint Petersburg State University
of the Communication Lines
yelena@pgups.ru*

Odyssey of winged words (popular maxims):

**Alexander Ostrovsky, Sergey Maksimov,
Nikolay Ashukin**

The article deals with the concept of "winged words", indicates the origin and explores articles from three dictionaries: Nikolay Ashukin, Sergey Ozhegov, Vladimir Filippov. Dictionary on Plays by Alexander Ostrovsky. Reprint edition (Moscow, 1993); Nikolay Ashukin, Mariya Ashukina. Winged words. Literary Quotations. Figurative expression (Moscow, 1955); Sergey Maksimov. Winged words / Edited by Nikolay Ashukin. It was found that due to the specific nature of winged words, which in short form contain the mental characteristics of the society, attempts to their studying and gathering have brought certain results. For example, in the scientific work, there is the emergence of dictionaries, and in the biography, a journey through Russia (in the case of Sergey Maksimov), the threat by the authorities (in the case of Nikolay Ashukin). All three dictionaries provide examples from plays of Alexander Ostrovsky. Based on these examples, what have been identified and detailed, were the sources of popular expressions, found their motivic structural elements, and compared the use of winged words in Alexander Ostrovsky's plays versus Sergey Maksimov's and Nikolay Ashukin's dictionaries. The authors show that the winged word can perform provocative function, becoming the naming. Special attention is paid to the intercultural nature of aphorisms, which Alexander Ostrovsky extensively applies in his plays. The semantic field of popular expressions and their functional orientation in the text of the drama have been analysed historically, both culturally and linguistically. To conclude, the authors emphasise that through winged words the folk wisdom acquires the ability to persist in time and easily migrates from one language to another. This feature captured in the German *Geflügelte Worte* by Georg Büchmann.

Keywords: winged words, biography, mental characteristics, dictionary, function, semantic field, text, sources, intercultural nature.

Elena Yu. Kozmina

*University of the Russian Federation on the Ural named after
the First President of Russia Yeltsin, City of Yekaterinburg
klen063@gmail.com*

The problem of the typology of geographical adventure novel

The article raises the problem of the typology of geographical adventure novel; critically evaluates the tradition of distinction and its fantastic and non-fantastic species. On the basis of the genre model of Mikhail Bakhtin as the “three-dimensional constructive whole”, we reveal the constant signs of geographical adventure novel and its variants. In addition, the specificity is determined by the geographical fantastic adventure novel, as one of the varieties of this genre: 1) the image of the hero of the world is a global one; it is not checked the individual qualities of the hero, and the features that characterise humanity as a whole; along with this idea is being tested – what should be the new society and on what grounds it has to be built; 2) the subject-voice structure stored geographical descriptions, but they have a different function than in non-fantastic variant; there are specific compositional and speech forms – philosophical dialogues that reveal the social position of the characters; 3) all the described dual perceived by the reader – a fantastic, i.e., having no place in reality the reader and at the same time as the actual course from the viewpoint of the hero. The conclusion is that the comparison of fantastic options and non-fantastic geographical adventure novel makes it possible to trace the mechanism of transformation of the genre tradition and thus allow a deeper understanding of the specifics of adventure-philosophical fiction of the 20th century.

Keywords: genre, genre typology, geographical adventure novel, 20th century adventurous and philosophical fantasy, science fiction, Lost worlds, Robinson Crusoe-like stories, “colonial” novel, treasure hunt or search for lost person.

Elena N. Belyakova

*Nekrasov Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru*

Peculiarities of interpretation of Fyodor Dostoyevsky’s novel “The Idiot” in critiques by Orest Miller (Russian literature studies’ scientific method in the making)

The problem of interpretation of the artistic text in works of the Russian scientist Orest Miller is covered in article. It is still accepted to treat literary and critically analyses of Orest Miller with some indulgence which is caused, mainly, by historical memory of the Russian reader who has perceived literary activity of the first biographer of Fyodor Dostoyevsky through a prism of the ironic indignant assessment which Nikolay Dobrolyubov gave to Orest Miller. Meanwhile, it was Orest Miller who, in a cycle of public lectures which he read in 1874 and which received wide popularity (the lectures sustained 5 editions), presented the first systemic review of the Russian literature of that time. Creative work of Fyodor Dostoyevsky, who had not written The

Adolescent and The Brothers Karamazov by that time, took the important place in this review, while the developed assessment was given to the novel The Idiot. A decade later, Orest Miller published the monograph Russian Authors after Nikolai Gogol where the general interpretation of The Idiot underwent essential changes. The attempt to comprehend the nature of these changes and to trace features of formation of interpretative approaches to assessment of the artistic text on the example of the novel The Idiot was undertaken in that article.

Keywords: interpretation, reception, literary criticism, scientific approach, artistic text, character, image, literary type, topic, plotline.

Ekaterina V. Gorobets

*Shuya branch of Ivanovo State University, town of Shuya,
Ivanovo Region
e.g.spb.85@mail.ru*

Depiction of the fundamental nature of the world through images of sound in Konstantin Balmont’s lyrics

The article touches upon the issue of depiction of fundamental nature of the world through images of sound in Konstantin Balmont’s lyrics. The sound, sounding is extensively used in Konstantin Balmont’s lyrics to create an image of the multilayered world in its uniform appearance where the sound beginning is the binding thread or pattern allowing to find links in severalfold existence. The images of silence, wood, water, key for Konstantin Balmont’s lyrics, are analysed in the article. The value of elusiveness, ambiguity of a sound can lean on the environment of the sound word in a context. This vocabulary, as well as the vocabulary of silence, is connected with the expression of ultraboundary – infernal – values of a sound. Thus, the sound vocabulary gets numerous increments of sense and becomes cross functional just thanks to difficult interaction not only with a context of the separate poem, but also with a context of lyrics in general.

Keywords: poet, sound, silent, world, silence, dumbness, voicelessness, quietness, image, lexicon.

Larisa Yu. Strel’nikova

*Armavir Linguistic Social Institute, City of Armavir,
Krasnodar Land
lorastrelnikova@yandex.ru*

The idea of “eternal return” as a game with the values of life in the novel “Mary”

The novel “Mary” by Vladimir Nabokov is analysed from the point of view of modernist aesthetic the important element of which is the game. In modernism, the game has become a sign of metapoetic, the author confronts a realistic representation of reality, sneers at it, parodies important religious and aesthetic values to show the value of art and creative process. With the help of intermedial methods (the connection of elements of cinema and literature), the writer transforms the reality to the game space where his characters present as marionettes. Vladimir Nabokov develops two intertextual lines which constitute the

work metastructure. The first is Alexander Pushkin's theme, the writer interprets the novel "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin in a parody direction reducing the high spiritually moral pathos of work. The second theme is linked with the interpretation of Friedrich Wilhelm Nietzsche's idea about "eternal return". Vladimir Nabokov parodies the Nietzschean idea of "eternal return" as false because he believes the more important association of creativity of the subconscious which exactly provide the game "signified" in the text. With their help the artist creates his own art world rejecting the deterministic laws of life and establishing copyright rules of the art. As the metaprose sample, the novel is based on the intertextual correlations, folding of numerous allusions and interpretations on the themes and images of Russian literature.

Keywords: modernism, postmodernism, eternal return, simulacrum, game in literature, intertextuality, intermediality, Vladimir Nabokov.

Valeriya A. Marfina
Moscow Pedagogic State University
leramarfina@list.ru

Colour category in graphics and novellas by Tove Jansson

Tove Jansson is one of the few authors whose graphic short stories cannot be separated from the literary ones: various art categories, leaving space graphics, go into the pages of the literary works, operate freely there, acquire new meanings and shades. The main category, which is the subject of this article, is the colour. The author, talking about the operation of the colour symbolism in the space of the fiction text, refers to the preceding literary tradition and shows how it transformed the role of color categories over time. The article attempts to talk about "adult" work of Tove Jansson, to show that the colour symbolism in art space short fiction writer (so-called "colour" short stories from different years) plays like a plot and a compositional role, and also to tell of the multifaceted talent of the artist, showing the difference in using color categories in the text and in the graphical work.

Keywords: Tove Jansson, art, graphics, graphic design, colour grade, white colour, grey colour, black colour, literature, artwork.

Margarita I. Plyutova
Philology Institute of the Siberian division
of the Russian Academy of Sciences, City of Novosibirsk
iamdaisy@mail.ru

The reviving images in the novel «The Adventurer» by Alexander Grin

The article focuses on the features of reviving images in «The Adventurer» by Alexander Grin. The writer represents the painted images as alive as other characters. Alexander Grin blurs the boundary between static and dynamic spaces that is one of the features of his poetics. The ecphrasis in the text of the story reminds of the theme «the temptation of Saint Anthony». The search of the sources of this plot is described in the presented article. The temptations, tormenting the hermit's

soul are represented in the pictures of the famous artists – Pieter Bruegel the Elder, Jacques Callot and Hieronymus Bosch. There are two variants of the plot: the visions having the appearance of a beautiful woman and demonic tormentors. We can find this motive in the novel of the same name by Gustave Flaubert. Besides, the motive of temptations leads us to the tragedy «Faust» by Goethe where it is Mephistopheles who is the demon-tempter and beautiful Margaret, the temptress. The author of the article reveals intertextual connection of the analysed text with the ecphrasis from the story «Mad Artist» by Ivan Bunin, but it seems that in this text, the evil forces as if become alive before the eyes of reader. The dynamic pictures in the story by Alexander Grin disclose the power of art, the deep interrelation of the creative process and the essence of the artist.

Keywords: Alexander Grin, ecphrasis, alive images, St. Anthony of Egypt, statics, dynamics, space, intermediality, intertextuality.

Mikhail Yu. Yegorov
Ushinsky Yaroslavl State University
michael_egorov@mail.ru

Metafictional functions of the epistolary narrative in «The Zone» by Sergei Dovlatov

The article examines the interdependence between metanarrative and epistolarity in «The Zone» by Sergei Dovlatov. The metanarration in «The Zone» has similar approaches to the letter as a certain genre: bridge / barrier or distance breaker / distance maker (letter close the reader to the text, opens up creative sets of the author, there is an additional prism in the perception of the work that detaches the reader from the plot of the story, forcing it to focus not on the plot but on what is around it, for example, on the image of the creator of the prison camp manuscript, which occurs due to the presence of the letters, or on what is happening in the life of the narrator right now); candour / dissimulation (it seems that the narrator is very sincere, but it is easy to find contradicting statements, facts can become «fictional» in «The Zone»), writer / reader (statuses of the scripter and of the reader are combined, the author takes a position of a reader, considering the text from the outside), here / there, now / then (the author restores the process of the text creation, and the author allows the reader to watch this process).

Keywords: third wave of Russian emigration, Russia abroad, Sergei Dovlatov, «The Zone», metanarration, letter.

Alibek A. Ashurbekov
Dagestani State Pedagogic University, City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
ashurbekovjdf@mail.ru

Preconditions of origin of Tabasaran prose

The article examines the factors that are directly related to the process of origination of Tabasaran folk prose. The main attention in the work of the author focused on a small prose genres prose, which was influenced by traditions of folklore and Russian realistic literature. Of all the genres of folklore in the formation

process, the essay and the short story in Tabasaran literature are most strongly influenced by the traditions of non-fairy prose. Considerable attention is given to traditions of Russian and Arabic literature, the emergence of written language and newspaper, the socio-historical changes that have played an important role in shaping the prose of Tabasarans. The author comes to the conclusion that oral prose traditions, which for millennia have accumulated aesthetic and ethical experience of Tabasaran traditions, of Russian and Eastern literatures and changes in the socio-political and cultural life of Dagestan in the early twentieth century, contributed to the emergence of the first prose works of the Tabasaran literature.

Keywords: Tabasaran prose, folklore, epic genre, story, Russian literature, literature, traditions.

SCIENCE OF LANGUAGE

Roman V. Razumov
Ushinsky Yaroslavl State University
rvrazumov@list.ru

Urbanonymic systems of the Russian Federation: typology of models

The article examines the main models of urbanonymic systems in the Russian Federation. The author considers that the rules of creating and using urban toponyms are different in cities and towns of different status. Regular oppositions of urbanonymic models can be found in the toponymy of the Russian Federation: capital city / provincial city, city / town, old town / young town, polyethnic city / monoethnic city. Allocating urbanonymic systems to one of the above-mentioned models is based on both extralinguistic (city status, longevity, etc.) and linguistic (nominative models used) factors. The author lists basic typological features and indicates characteristic nominative models. In the urbanonymic system of capital city, onymic models, which are afterwards used in provincial cities and towns, appear. Memorial names, whose appearance is connected with functions of a capital city, is characteristic of the system. A larger number of memorial names and names with positive semantics (eusemantic names) can be found in urbanonymic systems of big cities unlike small towns. The former also have a more varied set of toponymic bases. Systems of toponyms of young towns contain onymous models common for the Soviet period in the country's history. In this case it is impossible to return to historical names. A characteristic feature for polyethnic cities is bilingualism of urbanonymy which is realised both in writing every toponym in two state languages and in bilingualism of urbanonymic bases. The analysis carried out by the author will enable researchers to identify characteristic features of urbanonymic systems typical for such kinds of cities and common for only one onymous system.

Keywords: onomastics, toponymics, proper name, city onymous space, urbanonym, ecdomononym (names of buildings), memorial names, capital, province.

Aleksandr S. Polyakov
Turgenev Oryol State University
xanderpolyakov@gmail.com

Revisiting the content of concept "Ethnonym"

This article deals with the history of term "Ethnonym", the meaning of which cause a serious scholarly discussion. Analysis of this discussion helps to trace the progress in understanding the meaning of term and therefore, development of ethnonyms as a part of lexicology. During development of ethnonyms as a part of lexicology, a question of attribution of ethnonyms to proper or common nouns has been significant for researchers. This question was asked, before the term "ethnonym", that is used nowadays, appeared. The question of attribution of ethnonyms to a more extensive lexical group is also significant. For this purpose, linguists have worked up the typologies of thematic lexical groups that include ethnonyms at different times. Some of them were based on wide interpretation of ethnonyms, the other indicated the place of ethnonyms in a system of collective proper nouns – koinonyms or common nouns of varieties of identic units – nomens. Finally, a concept of identification – a common noun for a person in an aspect of its social group identity – was suggested. In our opinion, this concept is best at indicating the function of ethnonyms and other identity names.

Keywords: ethnonym, ethnonyms, onomastic terminology, proper noun, common noun, koinonym, nomen, identification.

Viktoriya G. Lebedinskaya
Stavropol State Pedagogic Institute, town of Zheleznovsk,
Stavropol Land
lebedinskaya2006@rambler.ru

Dialectology, regionymics: change of paradigms in the conditions of the polycultural region

The question of a ratio of two linguistic concepts is considered in the article: dialectology and regionymics, – which at the present stage, in the conditions of the polycultural region, get new sounding. The language unions of the North Caucasus are characterised by interaction of the Russian literary language, a territorial dialect with languages of the Caucasian, Turkic and other peoples living in the region. Regionymics is one of the most interesting components of lingual local history which researches the lexicological and phraseological level forming the dictionary of regionyms. Using the concept "dictionary of regionyms", we mean the separate language groups and names of a geographical and social landscape having the history. Regionyms are designations of the main geohistorical and social topoi of the region, the names of a geographical and social landscape having own history. Peoples of the North Caucasus are connected with other peoples of Russia by centuries-old relations. Within many centuries, they supported commercial and cultural ties. Written sources, archaeological and ethnographic data unambiguously demonstrate continuous commercial, cultural and military relations of North Caucasian mountaineers with Old Russian and in general, the Slavic population.

Keywords: dialectology, linguistic geography, regionomics, dialecticism, regionym.

Kseniya S. Kryukova
Nekrasov Kostroma State University
krukovaksenia@gmail.com

Features of contrast expression in the transformed versions of proverbs

Among the peculiarities of Russian proverbs, which is the factor of the sustainable transformations of occasional expressions, there is contrastive semantic and formal organisation plans of proverb. What is the primary tool of expressing the contrast in the proverbs act, is lexical opposition. The opposition in proverb texts can be shown with different degrees of severity of contrast. The asymmetry of the severity of the opposition in opposite proverbs gives an idea of the language means the contrast of expression as a system with a field structure having a core, circumnuclear zone and a periphery zone. Contrastive organisation proverbs are usually preserved in its transforms. At the same time there are movements transformed stream-opposed components within field system. Frequency is the transition lexical opposition in the peripheral field by replacing one or more contrastive components, having an associative or contextual contrast. Also in unusual contexts proverbs, due to structural and semantic transformations may lose opposite nature of its structure. Some features of the opposition expression in proverbs variants are identified through the analysis of proverb there is no place like home, as well as its transformations (over two hundred). The survey revealed that semantic transformation of this proverb might lead to a change in the type of opposition by using of substitute components with the core or periphery opposition, as well as to the loss of one of the opposite pairs.

Keywords: occasional phraseology, Russian proverbs, occasional transformations, structural and semantic transformations.

Svetlana V. Okulovskaya
Nekrasov Kostroma State University
okulovskaja_svetlana@rambler.ru

Works by Ivan Kasatkin as a source of studying dialect lexis of the Upper Unzha area (ethnolinguistic aspect)

The article is dedicated to the consideration of the expressive means of the language imprinted in the works by Kostroma writer, Ivan Kasatkin, in terms of their ethno-cultural informativity. Most of the author's short stories are devoted to the description of the peasants' life on Ivan Kasatkin's native land – the outlandish Unzha area in Kostroma Region. First of all, the ethno-cultural specific character of the area is presented by the author on the level of lexis and phraseology. Ivan Kasatkin uses the thorough knowledge of the Unzha patois to create a true to life, complete image of the rural life with its peculiar manner. The

vivid manifest of the area's cultural specific character in Ivan Kasatkin's short stories is traced through the particular choice of a comparison standard concerning habitual peculiarities of the rural life. More impression is added to the author's speech by using dialect comparisons which are, in accordance with lexicographic sources, proved to be functioning in the areal language. The most vivid expressive means the folk speech in Ivan Kasatkin's short stories are local set expressions comprising well-known folk images. The majority of the presented expressive means are connected with the everyday life of the people living in that area. They also convey the most important aspects of the historical past of the Unzha area peasants: peculiarities of their way of life, language and culture.

Keywords: dialect, ethnolinguistics, Kostroma patois, literary text, expressive means of language, Ivan Kasatkin.

Tat'yana G. Popova
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
tatyana_27@mail.ru

Ol'ga V. Mingaleva
Military University of the Ministry of Defence of the Russian
Federation, Moscow

Irina G. Anikeyeva
Moscow Aviation Institute
irganik3@mail.ru

Metaphor as associative tool and the object of interpretation and speech perception

The article reports on a study of the role of metaphor as associative tool and the object of interpretation and speech perception. The article treats metaphor as a complex and multifunctional phenomenon. The paper contains evaluation of different points of view on the process of metaphorisation. The authors of the paper point out that metaphor joins general meanings and a subjective attitude to them or subjective intention of the agent. The metaphor task is not solely naming of an object or occurrence but giving it expressive characteristic as well. Metaphor essence is transposition of identifying (descriptive and semantic diffusive) lexicon, designed to indicate the object of speech in predicators sphere, designed to indicate its features and properties. Not only a writer, columnist or public character is interested in emotional pressure on addressee but any member of the society. Solidarity in purpose naturally causes solidarity in language methods in use. Sphere of emotions expressing emotional pressure as well adds an element of artistry along with metaphor to the everyday language. Metaphor is not as much as the principle of unusual word usage and artistic world shaping. It reflects individual and creative features in the subjective content of the poetic visions world. The paper also demonstrates different functions of metaphor. Cognitive metaphor is shown on the basis of anthropocentrism as a means of cognition and scientific paradigm.

Keywords: metaphor, speech perception, cross-cultural communication, language, speech, society.

Tat'yana G. Popova

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
tatyana_27@mail.ru*

Elena V. Sachkova

*Emperor Nicholas II Moscow State University
of Communication Lines
november29@yandex.ru*

Metaphor in poly-style aspect

The given article treats metaphor as a complex and multifunctional phenomenon characteristic of the texts of all functional styles. Metaphor is viewed as a figure of speech, a means of developing a new meaning or new word, or, generally, as a means of world cognition and coding of its results in the language system. The article discusses the language metaphor which, as well as speech metaphor, is based on figurative meaning but has lost its imagery and expressiveness. The functional style is treated as a literary variant of language characteristic of speech practice in a given social context. We analyse the functioning of metaphor in the texts of the functional styles for which metaphor is traditionally characteristic, but we also analyse the texts of the styles for which the use of metaphor was traditionally considered impossible. We assume that metaphor in these texts is a result of the encoding of new knowledge in the language, which causes the changes of the language and of functional styles characteristics. The phenomenon of metaphor in the texts of different styles is analysed as the functioning of its main types with the aim to identify the leading type for each style.

Keywords: functional style, identifying and cognitive metaphors, evaluation, evaluation-expressive, imagery metaphors.

Ekaterina I. Putyatina

*Surgut State Pedagogic University, City of Surgut,
Khanty-Mansi autonomous district AKA Yugra, Russia
madam.putyatina2010@yandex.ru*

**The contextual synonymy functioning
in a text and in its discourse**

The paper under consideration concerns the problems of contextual synonymy, and the contextual synonyms which arise in a text, both authentic and professionally translated into another language to characterise and name this or that thing-in-question in some other way due to a described situation. The contextual synonymy problems have been still disputable among the linguistic philosophers since antique times, when the ancient Greek philosophers introduced the term "synonym" to denote the words that are similar in meanings and can replace each other in a number of contexts. The current grammarians' approach to treat all the synonymous words is their gradation into the absolute, the ideographic and the contextual synonyms. Since the ancient times, there have never been valid linguistic explanation and the methods to treat the contextual synonyms properly according to their linguistic characteristics though the professional translators seem to discriminate unconsciously only linguistic and contextual synonyms in their translating practice. This paper concerns the ways to solve the problem of con-

textual synonymy in a possible linguistic way taking into account the theory of lexical naming.

Keywords: contextual synonymy, naming, types of naming, term, linguistic characteristics, text discourse, structural approach.

Irina S. Popova

*Lomonosov Northern (Arctic) University of the Russian Federation,
branch in the City of Severodvinsk, Arkhangelsk Region
irsepo@yandex.ru*

Types of oral speech in German speech discourse

Oral speech takes an important place in the structure of person's utterance. A communicator rather often includes messages of other persons in its verbal thought's realisation. It is noticed that any verbal message can be reproduced in speech in future. Attempts to give universal classification of structural kinds of oral speech in linguistics were taken by Russian and foreign scientists many times. Despite this fact, it is impossible to speak about one generally accepted approach. In the given article, there are the most frequently used types of oral speech in German speech discourse that are found by the majority of germanists, there are the examples of oral recorded speech. Beside main kinds of oral speech (direct speech, indirect speech and non-native direct speech), scientists single out the following kinds: allusion, half-direct speech, retold speech, mimesis, parody and false imitation, citation, and others. Great number of forms of oral speech transmission describes the necessity of the speaker to create the authenticity effect, to give objectivity to words, to involve the listener in the speech situation reproduction, to influence the speech partner. Different ways of oral speech transmission make it possible to study it as the universal language category.

Keywords: speech discourse, oral speech, authenticity effect, objectivity, situation reproduction, verbal thought's realisation.

Konstantin V. Arhipov

*Kemerovo State University
arkhipov.costia@yandex.ru*

Veronika A. Kameneva

*Kemerovo State University
russia_science@mail.ru*

**The addressee and addresser conception
of the governmental web sites
of the English-speaking countries**

The paper presents the results of the analysis of one the forms of Internet communication – government web sites of the English-speaking countries such as Canada, Australia, the USA and Great Britain. The addresser and addressee conception is considered in the paper. The detailed attention is also paid to the communicative aims of the government web sites. A government web site, as one of the forms of the Internet communication, which differs from similar forms of communication, attracts special scientific interest due to the principles of organisation of a web communicative situation. Addressers and addressees of the sites are described in details and divided into the groups based on the communicative orientation of the hy-

potexts of every web site rubric. It is concluded that the sites have several task-oriented addressers and addressees as well as several communicative aims due to their genre peculiarities. Dominant addressers, addressees and communicative aims of government web sites are identified and analysed. The applied general and specific methods of the paper include: analysis, synthesis, comparative analysis, content analysis, and discourse analysis.

Keywords: virtual genre studies, Internet communication, web genres, web site, communicative aim, governmental web site, hypertext.

Oksana Ya. Dobrovolskaja

*Kyiv Linguistic University of the Ukraine nation
oxanadobrovolska@ukr.net*

Phonographic variability of the Middle English occupational terms

The article touches upon the Middle English period which is peculiar for its variability due to the dialectal diversities of the feudal epoch intensified by the foreign influences in the different geographical and social areas. The article focuses upon the problem of variability of the Middle English vocabulary, especially the names of occupation and office. The paper is devoted to the fixation of the phonographic variants of the Middle English occupational names, especially those which served as surnames at that period of time. This fixation is made in both absolute and relative quantitative terms. We calculated the absolute and relative quantitative indicators, the rate of variability in their usage in personal names formulas (the ratio of the number of phonographic variants to the number of invariants) and the coefficient of frequency of usage of the phonographic variants in their usage in personal names formulae (the ratio of the number of phonographic variants to the number of word forms, which are the phonographic variants). The resulting coefficients serve as specific indicators of usage of the vocabulary under study. We have revealed the quantitative data of the phonographic variants of family names and their frequency, as well as the number of common nouns-invariants: the total number of the linguistic material under study covers 3403 phonographic variants of the family names reproducing 982 Middle English occupational terms, which are displayed 4618 times as their usage.

Keywords: Middle English, occupational terms, family names, phonographic variants, ratio of variability.

Lyudmila V. Ermakova

*The Amur State University, City of Blagoveshchensk
lyudmila.anna2015@yandex.ru*

Argumentation as a type of speech impact in mass media discourse

The article deals with the research of argumentation as a type of directed speech impact in the discourse of analytical articles in the quality American press. Argu-

mentation is directed to the mind and senses of the audience. It is also aimed at justification or refutation of any opinion and persuasion of the addressee to accept a definite point of view. The addressee is persuaded by turning to its own critical judgement with the help of logically built arguments. Argumentation is characterised by the definite structure which includes a claim, a support and a warrant. A descriptive unmarked claim based on the facts which the addresser considers to be verified predominates in the studied type of the discourse. With the help of the claim the addresser formulates an idea that it wants to prove in its article. Proving is done by presenting the arguments which make the addressee accept a definite point of view. While proving an idea, the addresser usually uses complex argumentation (some arguments) that provides persuasive confirmation of the claim. The research material reveals that rational argumentation is dominant in the discourse of analytical articles. This type of argumentation is persuasion of the reader by real facts, statistics, authoritative people's opinions and logical reasoning. Besides, there are some cases of emotional argumentation which includes contact establishing we-utterances. These utterances realise the meanings of metonymical we (our country) and national we (all citizens of the country). This kind of the impact enables the addresser to demonstrate its closeness to the addressee as its confederate, to think over a problem together and persuade the latter to agree with its, the former's, point of view.

Keywords: mass media discourse, speech impact, addresser, addressee, rational argumentation, emotional argumentation, we-utterances, stylistically marked vocabulary.

Sofiya O. Daminova

*Lomonosov Moscow State University
sofiya16s@yahoo.co.uk*

Linguostylistic peculiarities of titles of popular science chemistry papers in English

This article focuses on linguistic and stylistic peculiarities of the titles of English popular scientific articles in chemistry. As a material for the study, we used more than one hundred articles of *Chemistry World*, a leading chemistry journal published by the Royal Society of Chemistry. We expanded the classification of the titles of popular scientific articles, which is based on stylistic and linguistic (lexical and grammatical) features. It was found out that in order to attract people's attention to read chemical articles, stylistic devices and functional-semantic variants of lexical and grammatical patterns are used in their titles. The translation of titles from English into Russian is given.

Keywords: foreign articles in chemistry, functional-semantic features, linguistic and stylistic peculiarities, popular scientific articles in chemistry, popular scientific style, titles of popular scientific articles, translation.

Aleksey N. Koptsov
 Moscow Pedagogic State University
 alexeykoptsov1991@mail.ru

Language eclecticism as a feature marking the modern genre of “Russian Chanson” as reflected in the creative song poetics of Elena Vaenga

The final article studies the development of problems associated with the peculiarities of the language of the song texts related to the genre of “Russian Chanson”. The author proves the idea of the eclecticism, diversity of the studied phenomena. Special attention is given to occasional phraseology, its value in the process of transferring of author’s intentions. When analysing the grammatical structure of the texts of Elena Vaenga, the author’s emphasis goes on the specificity of the spoken language environment, lays the basis of style of art song. The author concludes that the active use in the song texts of stylistically marked linguistic units of speech determine the peculiarity of “Russian Chanson”, a widespread phenomenon of modern Russian culture.

Keywords: genre, song, song and poetry, art song, chanson, «Russian chanson», Elena Vaenga, eclectic language, idiom, usual idiom, occasional phraseological unit, phraseological transformation, uncoded phraseology, proverbs, spoken language environment, the conversational style, text grammatical unit.

Aleksandr V. Alekseyev
 Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
 of the Southern Federal District of Russia, City of Rostov-on-Don
 allik-killat@mail.ru

Information encoding by means of abbreviation in the virtual space (in English and German texting)

The paper deals with the information encoding by means of shortened lexical units in the process of virtual communication in English and German. The focus of the work is the fact that the abbreviated lexemes in the process of texting represent speech acts. The paper also represents the classification of abbreviations according to the theory of speech acts with the comparison of abbreviations in English and German. Thus, according to the study conducted on the subject, abbreviated lexemes used in the process of virtual communication can be classified into the following major categories – directives, commissive, declarative, expressive, assertive and questitive. In the paper, this issue is discussed in the framework of virtual communications and the process of texting. This means that the emergence of a growing number of abbreviations (both in English and in German) is closely connected with the economy of speech efforts. The text of the paper illustrates the linguists’ opinion about the use of abbreviated lexical units. There is also a taxonomy of units according to the morphological, phonetic and graphic features. The research of abbreviated lexical units in the virtual communication enables to demonstrate the phenomenon of acronyms in the texting process.

Keywords: abbreviation, texting, theory of speech acts, virtual communication.

Tat’yana V. Pashkova
 Petrozavodsk State University, Karelia autonomy, Russia
 tvp-1979@mail.ru

“Evil eye” phenomenon in the folkish medicine of the Karelians

The present article is devoted to consideration of a complex of the Karelian ideas of what kind of phenomenon an evil eye / jinx /whammy is. By means of the analysis of the medical and warning an evil eye ceremonies among Karelians, an attempt to define is made, what is the belief of the Karelians owing to a jinx and what were the ways of disposal of an «evil eye»; how strong (rational and irrational) it was. The analysis of the Karelian ceremonies concerning an evil eye has shown that this, as a phenomenon, objectively exists. In the rites used when curing healers addressed water and the Lord / Christ, asking about disposal of evil eye of the slave of God. Existence in rites of Christian lexicon indicates their late origin, after adoption of Christianity by the Karelians (the 13th century). Ways of treatment are presented rational (as a rule, dousing with water) and irrational (using «witch’s broomstick», water of «live» and «death»). The names used for designation of an evil eye in the Karelian language (for example, virtytys / silmävys / šuudelus), are de-verbal / verbal nouns. This way of word formation is rather widespread in all adverbs of the Karelian language (Karelian proper, as well as Livvi-Karelian and Ludic dialects).

Keywords: Karelian traditional medicine, beliefs, traditions Karelian, malefice, nomination, plot.

JURAL SCIENCES

Aleksey Ya. Neverov
 Russian Academy of National Economy and Civil Service under
 the President of the Russian Federation,
 branch in the City of Kurgan
 neverov45@mail.ru

On the question of the need to define the vector of further development of the modern Russian society

The article raises the question of choosing a path that Russia can and should go in order to take its place in the global world and at the same time, to ensure a decent life for its citizens. The author brings to the reader’s judgement the eternal question: “What to do?” when considering two, at first glance diametrically path of development of Russia: the development of democratic institutions, or the revival of spiritual values. A certain incident situation is that the so-called “democracy” proclaimed by the Constitution and regulated by many legal acts, but extremely poorly perceived by the community in practice. While virtually not regulated legislatively, the question on the role of patriotism in Russian society, under a constitutional ban on a state ideology, may be the only route not only to development but also to ensure the very existence of the Russian Federation as a sovereign state.

Keywords: patriotism, ideology, democracy, society, state, security, spirituality.

Tat'yana N. Martynova

*Russian State Humanitarian University, Moscow
martynova.info@mail.ru*

Olga V. Sgibneva

*Moscow Polytechnic University
sgibneva.info@mail.ru*

Legal regulation of the guarantee and compensation payments to employees in labour law of the Russian Federation

This article is devoted to legal regulation of the guarantee and compensation payments to employees in accordance with the terms of the international labour law and the labour legislation of Russia. The publication raises an important question on the limitation of the Russian Federation of its obligations in terms of guarantees and compensations because of not ratifying some Conventions of the International Labour Organisation on providing minimum obligations in salary. Thus, the Russian Federation has not ratified paragraph 1 of article 4 of the European Social Charter providing for the right of employees to wages such as those which give them and their families a decent standard of living. The Russian Federation is not involved in ILO Convention # 131 concerning minimum wage fixing, with special reference to developing countries, which guarantees the protection of employees from unduly low wages. Thus, these circumstances do not facilitate adequate protection of the rights of employees to decent wages.

Keywords: legal regulation of guarantee and compensation payments, guarantee and compensation payments, employees, International Labour Organisation Conventions, labour law, labour legislation, minimum wage, decent standard of living.

Aleksandr M. Solntsev

*Russian University of the Peoples' Friendship, Moscow
solntsev_am@pfur.ru*

Protection of environmental human rights in the context of the internationalisation of constitutional law

The article discusses the features of formation and development of the concept of environmental human rights. The emphasis is on the fact that the concept has evolved in parallel in international law and national legal systems, it is noted that today, the concept fixed in the constitutions of majority of countries of the world, but these constitutions also suggest access to international justice regarding the protection of environmental human rights. For example, in Russia, there are a lot of different means to protect environmental rights – administrative procedures, judicial procedures, an appeal to the Commissioner for Human Rights. It is stated in the exhaustion of domestic remedies, there is presence of the possibility of complaint to international bodies both at the universal level (human rights treaty bodies established under the UN and UN special procedures of the Council for Human Rights) as well as at the regional level (in the framework of regional protection systems human rights). The conclusion is that in the process of internationalisation of the constitutional law worldwide increases the effectiveness of

the development and degree of uniformity in the protection of environmental human rights. The synergistic action of national and international mechanisms to protect environmental rights, will certainly contribute to environmental protection, which can develop a person harmoniously.

Keywords: environmental human rights, Constitution, international law, international bodies for human rights and freedoms protection.

Dmitriy A. Kruglov

*Russian University of the Peoples' Friendship, Moscow
kruglov_da@pfur.ru*

International legal bases of providing a human right on health in the conditions of disasters

Disasters of natural and technogenic nature involve losses of huge number of human lives, make negative impact on human health. In the conditions of large-scale disasters, even primary medical care cannot be provided to victims. Destruction of basic infrastructure, lack of the safe dwelling, the food, water supply and medicines create additional threats for health of the population injured with disasters. Liquidation and overcoming of their consequences sometimes take a long time during which economic and social situation of the population can be extremely low; in this connection what is topical, is a research of specifics of ensuring human rights in the conditions of disasters. In this article, the problem aspects in ensuring right to health consisting, in particular, in whether the states can be considered (and if they can, then in which degree) to depart from the undertaken liabilities on providing the rights of citizens to preserving health in the conditions of disasters whether the states in case of exhaustion of potential of response to disasters shall ask for international aid, whether preventing from affected states is admissible to deliveries of humanitarian freights? In the article, on the basis of the analysis of provisions of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and practice of UN Committee on the economic, social and cultural rights, answers to the questions posed are given.

Keywords: disasters, disaster risk reduction, human rights, right to health, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, UN Committee on economic, social and cultural rights.

Vadim V. Bushnev

*North Caucasian University of the Russian Federation,
City of Stavropol
vadim_777_77@mail.ru*

On the question of some aspects of the world experience of innovation activity regulation

An analysis of international experience in the field of innovation is crucial, as well as study the possibility of its use in the Russian law-making and law-enforcement practice. It is necessary to take into account international experience and to use existing scientific and human potential, high technology (especially in the military field) to eliminate the existing shortcomings in the field of legal regulation of innovative

activity that is possible providing the interaction of advanced scientific achievements with economic instruments with the full support from the state. Using positive experience of other states in Russia to solve similar problems is feasible. However, what shall be taken into consideration, are peculiarities of the Russian Federation, previously implemented measures to support innovation, the established practice, the accumulated potential, because only a comprehensive, systematic approach is able to stimulate the innovative development of Russia. In today's world, a successful innovative development is often based on the integration processes, which allow, on the basis of coordination of individual components of the innovation infrastructure, achieving synergetic effects. The possibility of international cooperative Russian innovative enterprises with foreign ones seems to be very difficult. This is explained by the provision that Russian companies often have a lower level of innovation compared to similar foreign enterprises.

Keywords: innovations, innovative activity, freedom of creativity, Russian national innovation system, promote innovation, intellectual property, innovative technologies, commercialisation.

Igor' F. Lyapin

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
lyapin.nn@yandex.ru*

The problem of decentralisation of state power through the prism of decisions of the constitutional court of the Russian Federation

The article analyses decisions of the constitutional Court of the Russian Federation in respect of the initial period of its activity, to identify the constitutional legal foundations the process of decentralisation of state power in the Russian Federation and determine the role of the constitutional court of the Russian Federation in the indicated processes and determine the role of the constitutional court of the Russian Federation in these processes. It also discusses the ratio of decisions of the constitutional court of the Russian Federation and provisions of the Federal Treaty and a number of articles of the Constitution of the Russian Federation. The article analyses the constitutional model of sovereignty, which includes the contradictions of the question of implementation by subjects of Supreme power in Russia. The provisions on the possibility of a contractual differentiation of subjects of conducting and powers between public authorities of the Russian Federation and bodies of state power of subjects of the Russian Federation. The article discusses the need to preserve state power hierarchy that has the characteristics of a centralised mechanism. In particular, the Executive authorities of the subjects included in the system of Executive authorities of the Russian Federation; subjects of the Russian Federation shall not be entitled to consolidate in its acts of the grounds and procedure for suspension and termination of powers of Federal bodies and officials. We discuss the decision of the constitutional court of the Russian Federation, which

performs a conversion function and which is a kind of guarantor of the constitutional model of decentralisation and the possible concentration of Russian state power. This paper analyses the Federal system of Russia, which is, on the one hand, to ensure the preservation of the diversity of the various regions with the unconditional nature of Federal unity, on the other hand, is such a device that acts as a method for the efficient distribution of competencies and powers horizontally and vertically. In turn, the distribution of powers could result in closer unity of all subjects of the Federation, developing their interrelation and interdependence.

Keywords: state power decentralisation, authority separation, Federative agreement, Russian Federation Constitution, Russian Federation constitutional Court, subjects of Federation, sovereignty.

Irina V. Mikheeva

*Research University of the Russian Nation
"Higher School of Economy", branch in Nizhny Novgorod
imikheeva@hse.ru*

Anastasiya S. Loginova

*Research University of the Russian Nation
"Higher School of Economy", branch in Nizhny Novgorod
aloginova@hse.ru*

Prohibitions of the closed administrative-territorial entity admission regime: "offences and penalties" in the practice of rulemaking

The article is devoted to the closed administrative-territorial entity regime (CATE) promotion. Attention is paid to its important component – admission regime. Analysis of normative acts regulating the contents and procedures of implementation of the regime and the responsibility for its violation is presented. A number of debatable topics are offered. Thus, in municipal instructions ensuring the special regime in each CATE such means of legal technique as concretisation and supplementation have being used. For each CATE, the concept of access control is defined differently. The list of restrictions (established in every CATE) the violation of which should entail the responsibility is different. Among the measures of administrative responsibility under the sanction of the Art. 20.19 and other articles of the Code of administrative offences, the instructions marked the violence measures that provided the established by the legislation responsibility for violation of the access regime in the. These violence measures may not be related to measures of administrative, disciplinary or other form of legal responsibility allocated in the doctrine and legislation. The articles of the Code of administrative offences and the articles provided only by the municipal instructions coercive measures are combined into a single mechanism for the protection of the regime without taking into account the nature of the object and the subject of the offense. It blurs the contours of the composition of the administrative offense as the violation of the established by the legislation special regime in CATE. The conclusion is made about the need to bring clarity in the regulatory consolidation of the balance of

“violation” of the prohibitions and “the punishment” for these violations.

Keywords: closed administrative-territorial entity, access control, coercive measures, administrative responsibility.

Anna V. Ivashkina

*The Vyatka State University, City of Kirov
anna_klekovkina@mail.ru*

On the question of the classification of administrative coercive measures

The article considers the existing in the science of administrative law criteria for division of administrative coercion and based on their classification. After analysing the classification found in the scientific literature the author offers her own version of division on complex criteria: the base and the immediate goal of the application of measures. In this connection, in a system of administrative coercive measures, what stands out, are: administrative control (supervision) measures, measures of administrative of restraint, administrative sanctions, measures of administrative execution, measures of administrative and legal deterrence. Proposals have been made to the regulatory consolidation given system of measures.

Keywords: measures of administrative coercion, classification of administrative coercion, base of classification, legislative consolidation of classification.

Abdulkhakim K. Gadzhiev

*Ministry of Internal Affairs of Russia in North Caucasian Federal District, City of Pyatigorsk, Stavropol Land
cherkasovkv1978@yandex.ru*

Regional boards of federal organs of the executive authority: topical issues of legal status

Legal status of Regional boards of federal organs of the executive authority in modern conditions is investigated in article. The legal basis of their functioning and activity is analysed, as well as in content and structure. What is the main objective of functioning of Regional boards of federal organs of the executive authority, is increase in efficiency of activity of territorial structures of federal executive bodies, strengthening of coordination of their activity, and increase in efficiency of interaction of executive authorities of different levels of public management as well. They are designed to promote realisation of its powers by the head of state on implementation of the coordinated interaction of regional public authorities; on performance of tasks by territorial structures of federal executive bodies; on optimisation of joint activity of federal organs of the executive authority and executive authorities of regions; to an exception of functional duplication of the latter ones. Practice of work of Regional boards of federal organs of the executive authority is covered in article. The main powers of their chairmen and members are shown.

Keywords: executive authority federal organs regional boards, executive authority federal organs territorial authorities, chief fed. inspector on subj. of RF

of off. of plenipot. of Pres. of RF in fed. distr., region, consultative body.

Inga V. Pantyuhina

*Yesenin Ryazan State University
i.pantyuhina@rsu.edu.ru*

The role of a combination of minor age of the subject and the victim in sexual crimes

The article examines the issues of qualification of sexual assault committed by a minor against another minor. Analysis of some of this crimes have shown that in some cases, a combination of minor age of the subject and the victim plays the role of the qualification criterion. Twelve-year-old age of the victim in the act is given a particular value. Non-violent actions of a sexual nature or indecent acts committed by minors, in respect of a person under 12 years do not constitute crimes, whereas the same actions committed in respect of a person who has not attained 12 years of age constitute forced sexual assault under article 132 of the criminal code. Thus, the achievement or non-achievement of a victim of 12 years of age becomes the criterion for distinguishing criminal behaviour of the juveniles on their behaviour not constituting a crime; violent sexual acts on the basis of use of a helpless condition of the victim from not violent, formally, this changes the behaviour of the juvenile and its legal qualifications, although its behaviour has not changed. Setting the age of the perpetrator and the victim in sexual offences, the legislator has not thought through how their combination can affect criminal liability. Today, this combination leads to the irrationality and contradictions of the qualifying sexual offences.

Keywords: sexual crime, indecent assault, juvenile victim, juvenile offender, qualification of crime.

Andrey M. Shirokov

*Court of Kostroma Region
ashirokov44@mail.ru*

On the issue of system of circumstances subject to a proof, concerning cases of infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence in the scope of housing and communal services

The article discusses the system of circumstances subject to a proof, concerning cases of infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence in the scope of housing and communal services. Which are the most essential circumstances subject to a proof in such criminal cases, are the data on the complainant, the fact of infliction of property damage, the nature and scope of the loss, the circumstances of infliction – time, place, method, means and systems used by the criminal, the data on the criminals, their guilt, motives, aim and other circumstances. The author indicates that understanding the criminal essence of the circumstances under investigation as well as of links between the elements of the system will raise the level of counter-criminal measures in housing and communal services and redirect the potential of investigation and prosecution to proof of those circumstances which

are vitally important in the case. Otherwise, lack of due attention to proof in such cases and ignoring criminal recommendations aimed to raise the efficiency of fact-finding will invariably lead to negative consequences including shirking criminal's responsibility. The set of circumstances subject to a proof in criminal cases on misuse of confidence through fraud and false pretence takes a major place in the criminalistic support for subjects of investigation and prosecution.

Keywords: infliction of property damage under false pretence and misuse of confidence, housing and communal services, forensic provision.

Nadezhda L. Nazarova

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
89331@list.ru*

Ol'ga D. Semenchko

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
curly_olechka@mail.ru*

Legal qualification of the activity of financial pyramids in criminal law

The article gives a systematic interpretation of a term "financial pyramid", explores some methods and forms of struggle against pyramid schemes in foreign countries, problems of qualification of pyramid schemes in the Russian Federation, the practical significance of changes in the Criminal Code of the Russian Federation. Today, in Russia, the question of qualification of financial pyramids is not well-regulated. That is why the detailed research of concept, signs and types of financial pyramids is needed. The research is conducted with an aim of improvement legislative (including criminal legal, administrative legal and civil legal) and another normative providing of struggle against fraud, satisfying to the conditions of social and economic situation. This research helps in development of new decisions of row of important problems for a criminal law, such as: scientific ground of necessity of perfection of criminal legal struggle against fraud in recognition of the specific character of financial pyramids; descriptions of the phenomenon of fraud in the form of creation financial pyramids in Russia; classifications of factors of this type of fraud. Creation and guidance a financial pyramid are the specific types of fraud, where a person or a cooperative association get financial assets from its participants, and depositors get a profit by the redistribution of assets of other persons. For effective administration of justice, prevention of fraud in the Criminal Code of the Russian Federation bringing of amendments, contemplating criminal responsibility directly for organisation and managing a financial pyramid, is needed.

Keywords: financial pyramid, fraud, legislative proposal, capital investment, depositor, mechanisms of fighting financial pyramids, European Anti-fraud Office.

Anastasiya I. Enders

*Krasnodar University of the Russian Internal Affairs Ministry
anasteisha7789@yandex.ru*

Problem of adaptation of law-enforcement structure to a modern level of development of criminal methodology

Modern society stays at such a stage of development when a number of processes comes to self-organisation level. In these conditions, there is a development of not only constructive forms of the social organisation, but also of various forms of deviant behaviour. In the article, the main changes in conditions of implementation of illegal activity are considered, the factors of its emergence and high-quality changes which affected crime as a form of social activity are analysed. During the carried-out analytical review, it is proved that in modern conditions, there are active developments of methodology of commission of criminal activity that demands effective counteraction from law-enforcement structures. On the basis of the carried-out review, the question of relevance of research of criminal methodology of concealment of traces of crime and introduction of the received results in the programme of training of employees of law enforcement agencies is raised.

Keywords: criminal fires, criminology, social dynamics, crime, criminal methodology, concealment of traces of crime, proofs.

Igor' P. Kozhokar'

*Saratov State Jural Academy
89272234877@mail.ru*

On the issue of the need to study defects of the civil regulation mechanism

The article is devoted to the problem of imperfection of the mechanism of legal regulation. We revealed the scientific-practical importance of the development of the uniform rules and methods of identifying and eliminating defects in the mechanism of legal regulation. The author focuses on the distinctive features (characteristics) defects in the mechanism of legal regulation. It is proposed to determine the defect of the mechanism of legal regulation as unacceptable variations in content, structure or form of such a mechanism, the essential flaw in its separate item or link elements, the caller can be matched to specific legal consequences, different from those that occur in the normal course of the process of civil regulation. The classification of defects in the mechanism of legal regulation. We have allocated separate genetic defects, subject-specific, hierarchical, coordination linkages between the major subsystems of the mechanism of legal regulation. As the system defects of the mechanism of civil regulation addresses the imbalance between the means of the civil legal protection and responsibilities, misalignment of the prescriptions of civil law constitutional law, an excessive mul-

tiplicity of regulatory legal acts of a civil nature in a certain sphere of the economic relations.

Keywords: defects, legal regulation mechanism, legal regulation mechanism elements, rights and duties implementation mechanism.

Tat'yana S. Kovalenko

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
kovalenkots@mail.ru*

A new approach to the formation of the model support of the judiciary

The purpose of this article is to analyse the basic elements of the legal position of a judge: legal condition and legal status. Considering this definitions, the author comes to the conclusion that the formation of the person affected by its natural judges or regulatory properties. It should be converted to a quality system to enable officials of the court to administer justice as efficiently as possible. The development of a new model of judge – the carrier of the judiciary, which has a high profile and the level of trust of citizens, will enhance the degree of stability in society, improve the quality of the courts and generally form the basis for the formation of the special confidence of the situation in the society. It is important for judges commissions to vote for candidates for the relevant positions to use special tests to determine the readiness of the applicant for the vacant position of a judge and illustrative list of their moral and ethical characteristics.

Keywords: court, judge, judiciary, legal position, legal condition, legal status, personality traits.

German A. Azornov

*Saratov State Jural Academy
sven37@mail.ru*

The objects of the pledge in the theory of Russian civil law and legislation of the 18th—early 20th centuries

The article describes the main objects of collateral. The views of Russian jurists were analysed, which had developed a common theoretical rules in accordance with which, a thing could be the objects of pledge. There were: 1) the existence of exchange value of things; 2) the materiality, the physicality of things; 3) things movable and immovable; 4) a thing belonging on the property right; 5) thing, not withdrawn from civil circulation. The national legislation this period was considered, it was identified a negative list of things could not be a pledge. These include: 1) proper-

ty under common ownership without the consent of all co-owners; 2) yards, factories and shops, which cannot be divided; 3) forests and land owned by possession of plants; 4) Land received in property of former state peasants according to the rules as of February 20, 1803; 5) property that cannot be alienated without special orders; 6) is inherited as protected, temporarily protected, and the property, consisting of a birthright in the provinces of the Russian West. In the result, the exhaustive list of things was worked out, that could not be attributed to these objects. And this was the feature of the Russian lien of this period.

Keywords: deposit, pledge, lien, collateral of requirement, obligation, borrower, creditor.

Anna S. Oleksenko

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
a.s.oleksenko@gmail.com*

Different confessions' peaceful coexistence in the USSR territory in the period of atheistic propaganda aggravation

The confessional policy of the Soviet state in the period of 1953—1964, when the official ideology of atheism dominated in society, as well as relationship of different religions with the Soviet state are considered in the article. The attention is paid that at the next aggravation of persecutions and atheistic promotion, representatives of different religions – Christians, Buddhists, Muslims, Jews and others – peacefully lived in the territory of the country. Despite the next stage of persecutions of the church, the Soviet state aspired to represent the confessional policy in the most favourable light to the mind of the world community. The author reveals a phenomenon of peaceful frictionless co-existence of believers of various faiths, both on regional and common-state levels. At the late 1950s—early 1960s, the attempt of dialogue with Vatican, which the researcher estimates as a favourable one, to develop the further relations at the interstate level was made. Moreover, attention to positive activity of the religious organisations of all confessions which were officially registered in the territory of the USSR, in the favourable light of their participation in various conferences of the international level which were directed to protection of life and world peace, is paid in the article.

Keywords: law, state, church, religion, atheism, so-called Khrushchev's Thaw, propaganda, so-called Khrushchev's persecution.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2016 – Т. 22 – № 4

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 04.08.2016.
Дата выхода в свет .10.2016.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 34,5.
Уч.-изд. 35,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 146.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна